

ГУЛАГ:

его строители,
обитатели и герои

ГУЛАГ: ЕГО СТРОИТЕЛИ, ОБИТАТЕЛИ И ГЕРОИ

*(Раскулачивание и гонение на Православную Церковь
пополняли лагеря ГУЛАГа)*

Под ред. И.В. Добровольского

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБЩЕСТВО ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Франкфурт/Майн-Москва
1999

ББК 63.3 (2) 7
Г 93

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБЩЕСТВО ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Международный Секретариат МОПЧ:
IGFM, Borsigallee 16, D-60388 Frankfurt/M.
Tel.(49) (69) 420108-0, Fax: (49) (69) 42010833
Российская Секция МОПЧ
101485 Москва, Селезневская 11-А, корп.2, ком.909
Тел./факс: (095) 972 2740
Почтовый адрес: Россия, 109240 Москва, а/я 16

Авторы: Иванова Г.М., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, профессор Европейского университета права.

Славко Т.И., доктор исторических наук, профессор, декан факультета управления и социологии Тверского государственного университета.

Весновская Г.Ф., начальник отдела Генеральной Прокуратуры РФ.
Артемов А.Н., Добровольский И.В.

Ответственный редактор Новицкий В.М.

Гулаг: его строители, обитатели и герои /Под ред. Добровольского И.В.
Франкфурт/М. - Москва, МОПЧ – 456 с.

ВВЕДЕНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Уважаемый и дорогой читатель!

Перед Вами второе расширенное издание книги «ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои». Первое издание вышло в мае 1998 г., тиражом 5000 экземпляров, книга распространялась по библиотекам, институтам через учителей и членов Российской Секции Международного Общества Прав Человека (МОПЧ) и получила положительную оценку читателя (см. раздел VII, с. 419, раздел VIII, с. 445).

Во второе издание дополнительно вошли разделы: II, III, VI, VII, VIII. Разделы II «Раскулачивание» и III «Гонения на Православную Церковь» показывают читателю, из каких слоев народа шло пополнение в лагеря на место сотен тысяч и миллионов людей, погибавших в ГУЛАГе.

Дорогой читатель!

Готовя к печати второе расширенное издание, редакция решила сделать следующий шаг на пути создания библиотеки исторической памяти, как это предлагается в статье И.В. Добровольского (см. с. 402). Предлагаем Вашему вниманию и на Вашу оценку проект, который мы назвали:

СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И ПРЕОДОЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ РАЗОБЩЕННОСТИ.

В августе 1991 г. в России произошло чудо: бескровная национальная революция. В нарушение всех исторических образцов и стандартов смена репрессивного режима не сопровождалась физическим истреблением людей, его создавших и сохранявших. Почему бесчисленные жертвы этого безжалостного эксперимента и их дети не отомстили своим мучителям за искалеченные жизни, за убийства родных и близких людей - останется социологической, психологической и политической загадкой истории.

Власть партии большевиков-коммунистов пала под тяжестью накопившихся за семь десятилетий преступлений, лжи и коррупции.

За кратчайший срок развалилась политическая система, а «идея научного коммунизма», служившая оправданием безумных антинародных действий партии, оказалась никому ненужной, как только перестали оплачивать из народных денег тысячи агитаторов и красных профессоров.

Однако остались люди, которые по заблуждению, а больше из личной выгоды и властолюбия, насилием и ложью сохраняли порочный реакционный режим. Многие из них удержались на своих постах и после 1991 г., особенно в провинции. Они быстро научились использовать новые возможности (например, свободные выборы) для укрепления своего положения. Они не только не осудили вчерашние порядки (например, отсутствие свободных выборов), но наоборот гордятся «достижениями» советской власти.

Создалась, казалось бы, абсурдная ситуация: вчерашние люди (аппаратчики) должны создавать новое общество и государство, проводить в жизнь реформы, в необходимость которых они не верят и их не понимают. Может ли в такой ситуации быть прогресс, улучшение благосостояния в стране?

Но народ избрал путь бескровной революции, и это есть факт, не подлежащий пересмотру. Народ-суверен интуитивно и мудро не пошел ленинским путем - путем насилия и мести, иначе все было бы «просто и быстро»: обкомовцев расстрелять в 24 часа, тех, кто пониже, сослать в лагеря на север и морить голодом, холодом и бессмысленной работой, пока все не вымрут, родственников и сочувствующих лишить всех прав, в том числе и продовольственных карточек (пенсий) — «лишенцы».

В те августовские революционные дни народ отказался идти путем Ленина и Робеспьера, ибо их революции не создавали и не создают лучших, справедливых отношений в обществе, а лишь новыми словами прикрывают еще большую несправедливость и насилие. Но люди «вчерашнего дня», к сожалению, не захотели понять, что история в лице бескровной революции, дает им шанс, насколько это вообще возможно, загладить вину. Наоборот, увидев, что никто не собирается вешать их на фонарях, оправившись от первого испуга, они, уже спустя два года, в октябре 1993 г., сделали попытку толкнуть народ на путь насилия, втянуть в гражданскую войну. Пользуясь

свободой, создали в стенах Белого Дома штаб вооруженного восстания и еще раз получили урок политической мудрости и терпения. Президент, данной ему народом властью, прервал их попытку вернуть страну назад, но никто не был расстрелян, и даже им были оставлены все гражданские и политические права.

Как известно, попытки насильственного свержения законной власти во всех цивилизованных странах строго наказываются.

Бывший член Политбюро КПСС «архитектор перестройки», Александр Николаевич Яковлев в одном интервью сказал: «Ленин и его партия с 1903 г. взяли курс на социальный раскол, т. е., гражданскую войну, с тех пор мы ее и ведем. Ленин — инициатор социального раскола, он инициатор ненависти». (Посев, 8/99). В этом духе проходила работа Думы в течение последних лет — напряженное противостояние между Думой и президентом тормозило все необходимые реформы и искажало их.

Это «плата» за бескровную революцию.

Можно ли надеяться, что при таких условиях Россия станет скоро благоустроенной страной, и граждане будут в ней охотно жить, а не стремиться убежать за границу? Конечно, нет.

Но общественное примирение может быть достигнуто при условии полного открытия архивов и открытого разговора еще живых участников событий. Но и новое поколение, не испытавшее на себе террора ленинцев и сталинцев, должно принять участие в этом разговоре. В разделе VII этой книги студентка 1 курса исторического факультета Кира Агеева пишет: «Одним из недостатков работ, посвященных истории ГУЛАГа, является то, что нигде нет ни одного воспоминания “кадров ГУЛАГа”, их отношения к людям, которые находились в их прямой власти. Остались же семьи людей, которые работали в ГУЛАГе, как они относились к этому, что чувствовали. Конечно, мало кто решится рассказать об этом другим, но, если в людях еще не умерли все человеческие качества, может им захочется исповедаться». Перед изданием этой книги редакция пыталась получить отклики от людей, которых мы называем строителями ГУЛАГа, но безуспешно. Мы также просили одного нашего московского читателя, бывшего заключенного (15 лет) найти кого-то из бывших начальников. Он ответил: «Знаю таких, они сейчас все

записались в ветераны и демонстрируют на Красной площади с портретами Сталина, они ничего не будут писать». По нашему настоянию, ему все же удалось уговорить одного бывшего политработника прочесть книгу «ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои». Изложить свое мнение на бумаге он отказался, но по телефону сказал, примерно, следующее: «Книга очень вредная, создает у читателя неправильное впечатление, будто бы существовал большой ГУЛАГ и при нем маленькое государство. В действительности же было наоборот: было великое государство, и был ГУЛАГ, в котором находились те, кому полагалось там быть: враги советской власти, реакционеры, вредители. Они саботировали рост и укрепление советского государства».

Этот ответ не обнадеживает, что попытка снять разобщенность в обществе путем откровенного разговора о прошлом будет успешной, что такой разговор вообще состоится. Мы понимаем, что не просто человеку, отдавшему 20-30 лет своей жизни строительству ГУЛАГа и другим строительствам КПСС, посмотреть на свое прошлое по-новому, посмотреть на это критически, переоценить свои политические увлечения и дела. Это требует много честности и мужества. Хотя сегодня за высказывание мнения не грозит арест, снятие с работы, и никто не может лишить пенсии. Каждому человеку трудно признаваться в своих ошибках, тем более, если они имели тяжелые последствия для других. Гораздо легче об этом молчать или коллективно оправдываться «такое было время», но все же мы не теряем надежду. Оправданы ли эти надежды, покажет будущее, если разговор не состоится, то не будет примирения, и общество и государство будут ковылять от одного политико-экономического кризиса к другому, надеясь, что все образуется само собой, или придет «сильный» человек и наведет «порядок». Не придет, а если придет, то будет еще хуже, т. к. кровоточащая рана останется в душе народа незалеченной, неизжитой.

Прошло восемь лет с тех исторических событий 1991 г., к сожалению, ни государство, ни общество не предприняли серьезных шагов для выяснения и оценки имевших место событий. Например, описываемое в данной книге раскулачивание. Было это для страны экономически необходимое мероприятие и «достижение» или разгром

сельского хозяйства, от которого оно и по сей день не может оправиться. Жестокое гонение на Церковь, разрушение храмов, убийство священников — как это могут объяснить сегодня историки? Вскрыть и уяснить себе причины и механизмы этих безумных действий, приведших к ГУЛАГу, невозможно без соучастия бывших «строителей» ГУЛАГа и других органов, проводивших эти «мероприятия», иначе разговор будет всегда односторонним и не приведет к преодолению социального раскола и примирению. Большую работу по раскрытию засекреченного прошлого проводят организации бывших политзаключенных: «Мемориал», «Возвращение» и др., а также правозащитные организации. В сентябре текущего года «Мемориал» выпустил книгу, содержащую список всех лагерей, «Система исправительно-трудовых лагерей в СССР 1923-1960. Справочник». Мы рекомендуем эту книгу нашим читателям.

Всем участникам трагических событий того времени следует понять, что сегодня дело идет не о том, чтобы судить виновных, это значило бы посыпать солью рану. Но нельзя не осудить действия и поступки тех больших и малых вождей, которые решали и управляли жизнью страны. То, что делается в этом направлении сегодня, еще далеко недостаточно. Восстановлением исторической правды и преодолением социального раскола должны заняться университеты, издательства, средства информации, общественные фонды, государство должно оказать поддержку, открывая доступ к архивам. Существует мнение, что этого делать не следует, ибо это лишь увеличит вражду, т. к. люди, дававшие в органах «показания» на соседей и сотрудников, часто делали это из страха и преувеличивали их вину перед советской властью, чтобы спасти себя. Да и работники органов добавляли от себя небылицы, чтобы показать перед начальством свою бдительность. Да, все это было, и архивы КГБ содержат много лжи и наговоров, но это всем известно, и каждый бывший политзаключенный, знакомясь со своим «делом», сделает скидку на страх доносчика. Опыт вскрытия архивов имеется уже в Чехословакии и бывшей ГДР. Этот опыт показывает, что бывшие жертвы способны разобраться в протоколах сотрудников госбезопасности. Взвешивая все «за» и «против», мы все же

склоняемся к тому, что раскрытие правды, в конце концов, приводит к оздоровлению общества и уменьшению напряженности.

Российская Секция Международного Общества Прав Человека (МОПЧ) желает в меру своих скромных сил и с помощью читателей этой книги содействовать разговору о том, «как это было». Мы приглашаем всех — как бывших заключенных, так и «строителей» ГУЛАГа высказаться на затронутые в нашей книге темы. Рассказать о своем участии в этих событиях, о своих оценках тогда и теперь. По мере поступления материалов мы будем их публиковать и передавать в средства массовой информации, исследовательские институты, правительственные учреждения, депутатам Думы. Важно сохранить в памяти народа не только события, но и имена людей, погибших и живых, прошедших ужасы ГУЛАГа.

Чтобы мы могли легче обработать поступающий материал, редакция обращается с настоятельной просьбой, придерживаться в Вашем письме следующей схемы:

1. Ф.И.О.
2. дата рождения
3. настоящее место проживания, адрес
4. в качестве кого Вы соприкасались с системой ГУЛАГа: заключенный, следователь, охрана и т. д.

для бывших, заключенных:

1. время ареста, формальные причины
2. срок и место отбывания наказания
3. дата освобождения
4. описание обстоятельств ареста, жизни в лагере и освобождения
5. известные Вам имена заключенных, погибших в ГУЛАГе

для бывших сотрудников:

1. время поступления на службу, мотивы
2. должность и место службы
3. описание Ваших служебных обязанностей, жизненных условий, возникавших проблем
4. Ваше мнение о заключенных тогда и сегодня.

Дорогой читатель! Если Вам лично по причине счастливых обстоятельств или по молодости не пришлось испытать на себе работу

«органов» и ГУЛАГа, тем не менее, нам важно и интересно знать ваше мнение о поднятых в книге вопросах. Мы благодарим Вас за Вашу оценку этой книги.

Ваши письма посылайте по адресу:
Международное Общество Прав Человека (МОПЧ) - Российская Секция.
109240 Москва, а/я 16, В.М. Новицкому.

Письма, не содержащие имени и адреса автора, — анонимные — публиковаться не будут. Но, если Вы не желаете упоминания Вашего имени, пожалуйста, напишите об этом, и Ваша просьба будет выполнена безоговорочно.

Прошлое в прошлом — так говорят люди вчерашнего дня. Да, оно в прошлом, но оно не прошло бесследно, живет сегодня и тормозит преодоление раскола в обществе, национальное примирение, повышение благосостояния людей сегодня и завтра. Неизжитое прошлое держит общество в напряжении, под постоянной угрозой гражданской войны. Да не будет!

Дорогие сограждане!

Мы отдаем себе отчет, что задача изживания трагических событий нашей Родины и преодоление раскола в обществе не под силу частным организациям и даже государству. Это задача всех россиян, всего общества. Поэтому мы обращаемся ко всем гражданам, независимо от того, являлись ли они жертвой или сотрудником ГУЛАГа, и просим: ПОМОГИТЕ! Если Вы согласны с изложенными выше мыслями о необходимости сохранения исторической памяти и преодоления социальной разобщенности путем открытого разговора, рассказывайте об этом соседям, коллегам по работе, в школах и университетах. Если Вы увидите наличие интереса у Вашего собеседника, передайте ему нашу книгу, которую мы вышлем Вам по Вашему запросу бесплатно. Конечно, этот проект стоит больших денег, поэтому мы будем благодарны, если Вы по мере возможности пожертвуете на его осуществление. Спасибо Вам большое.

Банковские реквизиты Российской Секции
Международного Общества Прав Человека:
ИНН 7709170608 Секция МОПЧ в России
Центральный филиал МАКБ «Возрождение»
Р/с 40703810600200141427
К/с 30101810700000000442
БИК 044652442

РАЗДЕЛ I
ИВАНОВА Г.М.

КАК И ПОЧЕМУ СТАЛ ВОЗМОЖЕН ГУЛАГ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«СОМНИТЕЛЬНЫХ ЗАПЕРЕТЬ В КОНЦЕНТРАЦИОННЫЙ ЛАГЕРЬ...»

«Нельзя допустить, чтобы ужасы прошлого были преданы забвению. То, что произошло, - предупреждение. Надо всё время напоминать о прошлом. Оно было, оказалось возможным, и эта возможность остается. Лишь знание способно предотвратить её. Опасность здесь в нежелании знать, в стремлении забыть и в неверии, что всё это действительно происходило (ведь по сей день есть люди, которые отрицают реальность концентрационных лагерей)»

Карл Ясперс

«Смысл и назначение истории»

Концентрационные лагеря называют чумой XX века. Они стали высшим проявлением тоталитаризма, породившего феномен «административного массового убийства». По мнению французского исследователя Жака Росси, проведшего в сибирских лагерных бараках почти четверть столетия, «из всех концлагерных систем этого века, включая концентрационные лагеря Гитлера, советский ГУЛАГ был не только самым долговечным, просуществовав 73 г., но и самым точным воплощением создавшего его государства. Не зря ведь об освобождаемом зэке говорили, что его переводят из “малой” зоны в “большую”».

Попытаемся посмотреть и понять, что же представляла собой эта «малая зона», населенная миллионами жителей всех возрастов и национальностей и вошедшая в мировую историю под названием «ГУЛАГ».

Своим рождением колониально-лагерная страна, безусловно, обязана большевистскому режиму, который сделал насилие универсальным средством для достижения намеченных целей. Политика внесудебных репрессий привела к тому, что жизнь и свобода человека перестали зависеть от его конкретных дел и помыслов. Очень часто людей обрекали на страдания и смерть только лишь потому, что они в силу своего происхождения, профессии, политических убеждений, бытовых или родственных связей попадали в одну из особых категорий, обозначенных большевистскими вождями («враги народа», «классовые враги», «правые», «сомнительные», «члены семей» и т. п.). Правовые понятия «вина» и «невиновность» потеряли свой первоначальный смысл. Подавляющее большинство так называемых политических заключенных не совершали, с юридической точки зрения, никаких противоправных действий и, следовательно, их нельзя считать государственными или уголовными преступниками. Это были безвинные жертвы классовой борьбы, беззакония, произвола и террора.

Первые лагеря на территории Советской республики появились летом 1918 г. Это был период, когда по всей стране одно за другим вспыхивали крестьянские и рабочие восстания. Настаивая на быстром и беспощадном подавлении сопротивления, глава Советского правительства В.И. Ленин потребовал от местных органов власти «провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев, сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города». Официально появление новых карательных учреждений закрепил декрет Совета Народных Комиссаров от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре». Согласно этому документу, лица, «прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам», подлежали расстрелу, а «классовые враги» – заключению в концентрационные лагеря.

За сохранение и расширение системы лагерей принудительного труда последовательно выступал председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский, предлагавший в 1919 г. «оставить эти концентрационные лагеря для использования труда арестованных, для господ, проживающих без занятий, для тех, кто не может работать без известного принуждения».

Политический террор и гражданская война способствовали быстрому росту численности лагерей, – к концу 1921 г. на территории РСФСР функционировали 122 лагеря. Они назывались по-разному:

концентрационные, принудительных работ, особого назначения, исправительно-трудовые и т. д. – название практически не меняло их сути и назначения. Крайне тяжелое экономическое положение страны и голод делали жизнь в лагерях невыносимой. В течение короткого времени физически здоровые люди становились нетрудоспособными, многие умирали. В редких случаях, когда заключенный был ценным специалистом, ему разрешали днём продолжать службу в учреждении, а на ночь обязывали возвращаться в лагерь. В таких условиях, например, работал известный экономист Н.Д. Кондратьев, осуждённый в августе 1920 г. приговором Верховного трибунала за принадлежность к Союзу Возрождения России к заключению в концентрационный лагерь на срок «до окончания гражданской войны». Как незаменимого работника, Трибунал направил Кондратьева в Московскую сельскохозяйственную академию для продолжения учебной и научной работы, обязав ежедневно являться в лагерь для ночевки. Очень скоро ученый оказался на грани морального и физического срыва. С большим трудом друзьям и покровителям Кондратьева удалось добиться льгот для ученого: ему разрешили проживать дома и являться в Управление лагерями для регистрации один раз в неделю. При этом Кондратьев продолжал числиться заключенным Покровского лагеря. Далеко не ко всем осужденным, среди которых были представители всех слоев населения, большевики проявляли подобную снисходительность. Большевистский режим целенаправленно уничтожал своих реальных и потенциальных противников, отбросив в сторону все общепринятые процессуальные нормы и юридические гарантии.

После реорганизации ВЧК, проведенной в феврале 1922 г. в связи с предстоящей Генуэзской конференцией и началом новой экономической политики, карательные функции в советском государстве стало выполнять Государственное политическое управление, преобразованное после образования СССР в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ). Новый карательный орган располагал собственными воинскими формированиями и обособленной репрессивной системой, в которую входили подведомственные ОГПУ внутренние тюрьмы, изоляторы и концентрационные лагеря особого назначения, типа Соловецкого, организованного 2 октября 1923 г. по постановлению СНК РСФСР. Деятельность этой системы базировалась на внутриведомственных актах, она не подчинялась общегосударственному законодательству, была исключена из поля зрения общественности. Отсутствие гласности позволяло ОГПУ, наделённому «правом внесудебной расправы вплоть до расстрела», бесконтрольно и безнаказанно распоряжаться человеческими судьбами.

Террор большевиков против политических противников имел целью уничтожить всякую возможность политической оппозиции, пресечь любые попытки инакомыслия. Лидеры коммунистической партии, и в частности руководитель советских профсоюзов М.П. Томский, не раз повторяли: «В обстановке диктатуры пролетариата может быть и две, и три, и четыре партии, но только при одном условии: одна партия будет у власти, а все остальные в тюрьме».

«Тюремный мотив» отчетливо звучал и на XV съезде ВКП(б). Глава правительства А.И.Рыков заявил буквально следующее: «Я думаю, что нельзя ручаться за то, что население тюрем не придется в ближайшее время несколько увеличить». В чей же адрес посылались угрозы? Меньшевики и эсеры к тому времени были уже пройденным этапом, на власть большевиков никто не посягал, за счет кого же предполагалось увеличить население тюрем? Объектом политических репрессий стали свои однопартийцы, вчерашние соратники по революционной борьбе и внесудебным расправам. Мнимые и реальные оппозиции громились с энтузиазмом и беспощадностью, свойственной большевистским натурам. Арест, тюрьма, ссылка и концлагерь стали главными аргументами в политических спорах.

Осенью 1927 г. оппозиционеры разослали рядовым членам партии листовку, которая заканчивалась словами: «Долой расстрелы, долой ГПУ, да здравствует рабочая демократия, да здравствует свобода слова, печати и собраний!». Но было уже поздно. Порочная практика репрессий и доносов прочно вошла в плоть и кровь не только партии, но и всей страны.

Многие коммунисты воспринимали репрессии как совершенно справедливую революционную расправу, которая совершалась во имя светлого будущего. Мечты об этом «светлом будущем» стали для большинства населения Советской России тем допингом, который помогал пережить настоящее. Однако во все времена находились среди россиян люди, которые хотели жить сегодня, не откладывая это на будущее. «Нам масло надо, а не социализм», — единодушно заявили 6 сентября 1927 г. путиловские рабочие, собравшиеся на кооперативную конференцию. По сообщению ленинградского отдела ОГПУ, рабочие выявили такое озлобление по поводу плохого снабжения, что конференция по резкости выступлений, по самовольности и количеству хулиганских выпадов вполне могла быть отнесена к явлениям «исключительного порядка».

Материальное положение населения ухудшалось день ото дня. С мрачным юмором рабочие шутили: «Говорят, отменили букву “М” — мяса нет, масла нет, мануфактуры нет, мыла нет, а ради одной фамилии — Микоян — букву “М” оставлять ни к чему». Где злым шепотком, а где и в открытую

рабочие каламбурили по поводу того, кому что дала революция: «Рабочему дала ДОКЛАД, главкам дала ОКЛАД, а женам их дала КЛАД, а крестьянству дала АД». Эта невинная игра слов сохранила свою актуальность и в последующие годы, особенно злободневно стала звучать последняя фраза – «крестьянству революция дала АД».

Вот записи из дневника современника – активного профсоюзного деятеля Б.Г. Козелева, относящиеся к лету 1928 г. «Положение в стране напряженное. Создалась в ряде районов паника, запасаются хлебом, другими продуктами, даже мылом, сахаром. В деревнях проявление недовольства, даже волнений. Красноармейцы шлют в деревню хлеб. Отпускники-рабочие, возвратившись из деревни, возбуждены и негодуют на административный произвол. В Николаеве на завод Марти пришли ходоки от крестьян. Были арестованы. В числе арестованных - ни одного кулака. Политика “военного коммунизма” в наше время к добру не приведет...

В Кабарде было крестьянское восстание. Шли к исполкому. В них стреляли, они отвечали. В результате – 6 убитых крестьян. В Ростове обезоружили и арестовали много отдельных командиров красноармейских частей (главным образом, крестьяне).

Крестьяне из деревни пишут в города красноармейцам письма, в которых жалуются на конфискации, притеснения. “Бери, сынок, винтовку и иди защищать отца и мать”. 50 % таких писем задерживаются».

Так начинался новый этап гражданской войны, затяжной, необъявленной войны партии и государства против мирного населения своей страны. Убитых на этой войне хоронили тайно, не позволяя оплакивать, пленных свозили в ГУЛАГ.

Каждый, кому довелось побывать в Карелии, восхищался дивной красотой озёрного края. Суровая и скупая северная природа, по словам художника В.М. Юстицкого, «замечательно хороша своими серыми тонами, такими тонкими и изумительно мягкими». Когда-то этот художник мечтал приехать в Карелию, чтобы написать Северную сюиту. Но судьба распорядилась иначе: на Север прибыл не свободный художник, а подневольный арестант. Бывший профессор Саратовского художественного института заключенный Юстицкий писал одной из своих учениц: «Ты спрашиваешь о том, как я живу? Коротко. Лес, опять лес и опять лес. Тяжелая непосильная работа.... Ты пишешь, как художник, о красоте природы, но я её не замечаю. Дни похожи один на другой, текут с поразительной однообразностью – это полужизнь, где кажется, что частично похоронен, и предметы теряют свою осязательность.... Все время на общих работах. тяжелых. не по силам, ежедневная, непроходимая усталость. Ни о

каких рисунках и прочем и не думаю, да и смешно об этом говорить в моем положении.... Моя специальность и вообще мои знания и опыт в условиях лагеря ничего не значат. Здесь не место искусству, изящной литературе, философии....».

Между тем, именно здесь, в концлагерях на Европейском Севере, в начале 30-х годов оказался едва ли не весь цвет русской интеллигенции. В конце 20-х годов по стране прошла мощная волна арестов, жертвами которых стали ученые-гуманитарии, инженеры, экономисты, члены бывших политических партий, давно отошедшие от всякой политики, представители духовенства, творческая молодежь. Религиозно-философские искания русской интеллигенции советская власть объявила контрреволюционным заговором, а на попытки студентов выйти за рамки марксистско-ленинской теории отвечала репрессиями и погромами.

Работавший на строительстве Беломорско-Балтийского канала лесорубом двадцатилетний заключенный Вацлав Дворжецкий, будущий народный артист России, был арестован в 1929 г. по делу молодежной организации, называвшей себя «Группой освобождения личности». Тяжелый принудительный труд не убил в юноше творческую личность, что случалось со многими. Спас Дворжецкого лагерный «крепостной» театр, где ему иногда удавалось выступать. Партнерами по сцене были такие же подневольные артисты, часто весьма известные и талантливые.

Вместе с епископом Федором Поздневским и президентом Московского математического общества Д.Ф. Егоровым был осужден в 1931 г. по делу так называемого «религиозно-политического центра» выдающийся философ, университетский профессор А.Ф. Лосев. В Беломорско-Балтийском лагере он почти ослеп, потерял здоровье, испытал невероятные моральные унижения. «Как только начну подыскивать образ, который бы наиболее точно выразил бы мое существование, – делился лагерными переживаниями ученый, – всегда возникает образ “дрожащей твари”, какой-нибудь избитой и голодной собачонки, которую выгнали в ночную тьму на мороз». Всю жизнь уединявшийся и избиравший самое изысканное общество, московский профессор вдруг оказался среди преступного мира, «в бараках и палатках, где люди набиты, как сельди». О своем житье Лосев писал жене осенью 1933 г.: «Холод, тьма, тоска неопределенности и кошмарический дождь.... Я все еще никак не привыкну к собачьему режиму, хотя уже и не сравнить меня с тем, что я был четыре года назад!» В отличие от художника В.М.Юстицкого, который считал свои знания и специальность в условиях лагеря «никому не нужным балластом», Лосев оставался ученым даже за колючей проволокой. Бывший заключенный

историк-краевед Н.П. Анциферов писал в своих мемуарах: «Помню лекцию А.Ф.Лосева в клубе для сотрудников ГПУ, на которую были допущены все желающие. Зал был полон. Многие стояли. Лекция была о принципе относительности Эйнштейна с философской точки зрения... Лектору устроили овацию». Кроме того, Лосев читал в лагере курс лекций по истории материализма, участвовал в работе кружка «друзей книги», и все это в дополнение к изнурительному ежедневному каторжному труду.

Вместе с А.Ф.Лосевым отбывал наказание секретарь Русского географического общества, сотрудник Пушкинского дома А.А. Достоевский, внук знаменитого писателя Ф.М. Достоевского. Десятки выдающихся ученых, осужденных по ложному «делу Академии наук», работали на строительстве канала инженерами, техниками, а то и простыми рабочими.

Будущий академик Д.С. Лихачев попал в карельский концлагерь за участие в студенческом кружке с удивительным названием «Космическая Академия Наук». Начинающему филологу чрезвычайно повезло: он не только сумел выжить сам, приспособившись к античеловеческим условиям лагерной жизни, но и спас от верной смерти несколько сотен подростков, которых взял под свое покровительство. Как признавался позднее сам ученый, именно там, в северных карельских концлагерях, он «сумел выработать в себе жизненную наблюдательность и даже смог незаметно вести научную работу».

Жертвами советского тоталитарного режима, который не нуждался ни в космической философии, ни в религиозной нравственности, стали сотни тысяч представителей научной и творческой интеллигенции со всех уголков России. В декабре 1937 г. в Беломорско-Балтийском лагере по приговору особой тройки НКВД, внесудебного антиконституционного органа, был казнен православный богослов, философ, математик П.А. Флоренский. Профессор находился под постоянным наблюдением секретных сотрудников лагеря. В одном из доносов тайный осведомитель передал рассказ Флоренского о том, как тот сидел в Лубянской тюрьме и как его допрашивали. «Флоренский говорит, – пересказывал доносчик, – что меня следователь допрашивал все о том, чтобы я назвал целый ряд фамилий, с которыми я якобы вел несуществующие в действительности контрреволюционные разговоры. Но после моего упорного отрицания мне следователь сказал, что де, мол, нам известно, что Вы не состоите ни в каких организациях и не ведете никакой антисоветской агитации, но на Вас, в случае чего, могут ориентироваться враждебные советской власти люди, что Вы не устоите, если Вам будет предложено выступить против советской власти. Вот почему, говорил далее Флоренский, дают такие большие сроки

заклучения, т. е. заранее ведется политика профилактического характера. Предотвращают преступления, которые и не могут даже быть». В доносах отмечалось также, что Флоренский находил много сходного в политике Гитлера и Сталина, которую характеризовал как очень грубую, но довольно меткую. Русский философ-богослов не искал путей сближения с новой властью, справедливо полагая, что «смерть со благочестием лучше, чем жизнь с растлением».

Коммунистическая идеология и пропаганда растлили души и умы многих советских людей. Особенно пагубно они повлияли на советских литераторов. Горьким упреком в адрес собратьев по перу звучали стихи писателя и ученого Д.Н. Альшица, написанные в одном из северных лагерей:

Сколько надо нанять,
Что бы нас охранять?
Это мало – свирепых карателей,
Палачей, стукачей, надзирателей.
Чтобы нас охранять,
Надо многих нанять,
И, прежде всего, – писателей!

Восхваление принудительного труда – одна из самых позорных страниц в истории советской литературы, которая в течение многих лет не только замалчивала, но и отрицала наличие в СССР концлагерей и политзаключенных.

Летом 1933 г. по инициативе А.М. Горького 120 писателей из Москвы, Ленинграда, Украины, Белоруссии и Средней Азии совершили экскурсионную прогулку по только что законченному Беломорско-Балтийскому каналу имени Сталина. Не покидая палубы парохода, они познакомились с гидротехническими сооружениями, а заодно и с их строителями – заключенными, с которыми на глазах у местного начальства завязывали «доверительные» беседы, перегнувшись при этом через борт судна. Нет ничего удивительного в том, что «нанятые» писатели не услышали стонов и проклятий умирающих, не увидели искалеченных и больных. Состраданию не место в сердце советского литератора. Гораздо важнее – почувствовать «пафос созидания», суметь разглядеть в рабском труде «геройство и энтузиазм». Пресса с восторгом освещала поездку писателей. Газета «Литературный Ленинград» писала: «Весь этот маршрут таит в себе неисчерпаемый арсенал поэм, романов, повестей и пьес – о неспящей воле большевистской партии, о чекистах, умеющих не только

качать, но и воспитывать, о людях, которые были искалечены капиталистической мясорубкой и которые переделывались большевиками, преобразая сумрачную страну лесов и озер».

На долю известных советских писателей – М. Горького, В. Катаева, А. Толстого, В. Шкловского, Н. Погодина, и многих других выпала сложная задача – дать убедительное, авторитетное идеологическое обоснование карательной политики социалистического государства. Это ответственное задание коммунистической партии писатели выполнили добросовестно. Написанную ими книгу «Канал имени Сталина» с полной уверенностью можно отнести к числу самых лживых и лицемерных произведений литературы. Особенно унижительной во всей этой истории была роль Горького. От него требовалось не просто оправдать применение принудительного труда, но как бы благословить само существование лагерной системы, что он и сделал. Классовая идеология не позволила пролетарскому писателю сказать правду о жизни советских заключенных. В очерке «Правда социализма» Горький с нескрываемой симпатией писал о ворах и бандитах, которых советская власть сделала героями лагерного строительства. Совсем иным было его отношение к интеллигенции. «Полуграмотные люди видели, – замечал писатель, – что рядом с ними работают ученые старики и пожилые инженеры, враги рабочего класса, и видели, как эти умные, образованные люди – враги – превращаются в энергичнейших сотрудников рабочих». Читая эти строки, невольно задаешься вопросами: где писательский дар предвидения? Почему художник слова не ужаснулся перед раскрывшейся бездной репрессий? Для чего нарядил в тогу «врагов» цвет русской интеллигенции? Нам не ответить на эти вопросы.

10 июля 1934 г. постановлением ЦИК СССР был образован общесоюзный Народный комиссариат внутренних дел (НКВД СССР). Вошедшее в его состав ОГПУ было переименовано в Главное управление государственной безопасности. В ведение общесоюзного Наркомата передавались также все места лишения свободы. Для руководства ими создавалось Главное управление исправительно-трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключения. Это Главное управление, сформированное ещё в 1930 г. в составе ОГПУ, несмотря на многократные последующие переименования, всегда сохраняло свою первоначальную аббревиатуру – ГУЛАГ. Эти пять букв стали зловещим символом жизни на грани смерти, символом беззакония, каторжного труда и человеческого бесправия. Они дали название всей колониально-лагерной стране, в которой помимо своей воли жили и работали миллионы советских людей.

Многие из них попали в ГУЛАГ по приговору Особого совещания. Этот внесудебный орган был образован при НКВД СССР 5 ноября 1934 г. и просуществовал до сентября 1953 г. Первоначально полномочия Особого совещания были несколько ограничены. Оно имело право в административном порядке, то есть без суда и следствия, ссылать, высылать, заключать в исправительно-трудовой лагерь на срок до 5 лет. Постепенно ограничения снимались, и уже в начале 40-х годов Особое совещание обладало правом не только осуждать к 25-летним срокам заключения, но и приговаривать к расстрелу.

Возглавлял Особое совещание сам народный комиссар, в качестве членов выступали его ближайшие помощники и заместители. Прокурор не входил в состав Особого совещания, но его присутствие на заседаниях считалось обязательным. Иногда он даже пытался вмешиваться в работу этого внесудебного органа. Например, 10 июня 1939 г. прокурор СССР А.Я. Вышинский счел необходимым обратиться к секретарю ЦК ВКП(б) И.В. Сталину и председателю СНК В.М. Молотову с запиской, в которой сообщал: «За последнее время через Особое совещание при народном комиссаре внутренних дел СССР проходит большое количество дел, причем в каждом заседании Особого совещания рассматривается от 200 до 300 дел. При таком положении вещей не исключается возможность принятия ошибочных решений». Прокурор предлагал «установить такой порядок работы Особого совещания, чтобы заседания его созывались чаще и с рассмотрением в каждом заседании меньшего количества дел». Интересна реакция главы правительства на эту записку: «Тов. Берия. Как быть?» – запросил совета Молотов у всесильного наркома. Впоследствии оказалось, что 200–300 человек – это отнюдь не предел, в последующие годы Особое совещание за одно заседание могло осудить и 789, и 872, и даже 980 человек.

Массовый политический террор 30-х годов вызвал к жизни такие карательные органы, как «тройки». Формальным основанием для их организации и деятельности служило распоряжение наркома внутренних дел гг. Ягоды от 27 мая 1935 г. В тот период полномочия этих внесудебных органов ограничивались возможностью ссылать и заключать в лагерь на срок до пяти лет.

В начале августа 1937 г. в местные органы госбезопасности поступила телеграмма за подписью Сталина, в которой сообщалось, что «при областных отделах НКВД создаются особые тройки, которые должны разбирать дела на троцкистов, шпионов, диверсантов и крупных уголовных преступников». Указание высшего руководства страны конкретизировалось

в приказах по НКВД от 30 июля, 11 августа и 20 сентября 1937 г., подписанных новым наркомом внутренних дел Н.И. Ежовым, назначенным на эту должность 26 сентября 1936 г. «Спецтройки» создавались на уровне республик, краёв и областей. Им предоставлялось право судить «по категории № 1», т. е. приговаривать к расстрелу, и «по категории № 2» – заключать в тюрьму или лагерь на срок от 8 до 10 лет. «Спецтройки» состояли из председателя (начальника местного управления НКВД) и двух членов (первого секретаря региональной партийной организации и председателя местного Совета). Такой состав внесудебных карательных органов обеспечивал на местах круговую поруку высших должностных лиц. В соответствии со специальным указанием Вышинского, прокуроры не принимали участия в работе этих «троек». По воспоминаниям бывшего чекиста М.П. Шрейдера, проработавшего на руководящих должностях в системе НКВД до лета 1938 г., порядок работы областной «тройки» чаще всего был такой: составлялась повестка, или так называемый «альбом», на каждой странице которого обозначалось имя, отчество, фамилия, год рождения арестованного и преступление, в котором его обвиняли. После этого начальник областного управления НКВД писал на каждой странице красным карандашом большую букву «Р» и расписывался, что означало «расстрел». В тот же вечер или ночью приговор приводился в исполнение. Обычно на следующий день страницы «альбома-повестки» подписывали первый секретарь областного комитета партии и председатель областного Совета. В чекистской практике 1937-1938 годов такая процедура внесудебной расправы получила широкое распространение и называлась «осуждение по альбому». Кроме того, часто практиковалось «осуждение по списку», что ещё более упрощало репрессивный процесс. Примерно с середины 1937 г. в областные и краевые управления НКВД начали поступать официальные указания, какое количество лиц в данном регионе подлежит аресту и расстрелу. Ивановская область, например, осенью 1937 г. получила наряд на 1500 человек. Это означало, что местной «тройке», а фактически единолично начальнику областного управления НКВД, предоставлялось право без суда и следствия, по собственному усмотрению, лишить жизни полторы тысячи человек. Отметим при этом, что перевыполнение планов по уничтожению врагов народа, как правило, активно поощрялось.

Кровавая вакханалия продолжалась более года. 26 ноября 1938 г. новый хозяин НКВД Л.П. Берия, исполняя распоряжение высшего партийного руководства, подписал приказ об упразднении «троек».

Сегодня ни для кого не секрет, кто стоял во главе массовых репрессий. Исполнителей было много, время от времени их меняли, вчерашние палачи становились жертвами, жертвы - палачами. Бессменным оставался лишь главный распорядитель – И.В. Сталин. Интересно проследить, как менялась тональность сталинских директив по мере укрепления режима его личной власти. Вот несколько шифрограмм, хранящихся в Архиве Президента Российской Федерации, на всех собственноручная подпись Сталина (часто две буквы «Ст»). Шифрограмма от 2 января 1930 г. направлена в Харьков местному руководству: «Когда предполагается суд над Ефремовым и другими? Мы здесь думаем, что на суде надо развернуть не только повстанческие и террористические дела обвиняемых, но и медицинские фокусы, имевшие своей целью убийство ответственных работников. Нам нечего скрывать перед рабочими грехи своих врагов. Кроме того, пусть знает так называемая “Европа”, что репрессии против контрреволюционной части спецов, пытающихся отравить и зарезать коммунистов-пациентов, имеют полное “оправдание” и по сути дела бледнеют перед преступной деятельностью этих контрреволюционных мерзавцев. Наша просьба – согласовать с Москвой план ведения дела на суде». Как видим, здесь есть элемент рекомендации, просьбы, есть даже попытка как будто оправдаться.

Совсем иной тон у шифрограммы, отправленной Сталиным 11 июня 1937 г. в 16 час. 50 мин. в адрес республиканских, краевых и областных комитетов партии: «В связи с происходящим судом над шпионами и вредителями Тухачевским, Якиром, Уборевичем и другими, ЦК предлагает Вам организовать митинги рабочих, а где возможно, и крестьян, а также митинги красноармейских частей и выносить резолюцию о необходимости применения высшей меры репрессии. Суд, должно быть, будет окончен сегодня ночью. Сообщение о приговоре будет опубликовано завтра, т. е. двенадцатого июня».

Другая шифрограмма, направленная 28 июля 1937 г. руководителям Саратова, звучит совсем по-деловому, даже буднично: «ЦК согласен с вашими предложениями на счет привлечения к суду и расстрела бывших работников МТС». И еще один документ - тоже шифрограмма, отправлена 27 августа 1937 г. секретарю Смоленского областного комитета партии: «Советую приговорить вредителей Андреевского района к расстрелу, а о расстреле опубликовать в местной печати. Секретарь ЦК Сталин». Как видим, здесь уже не рекомендация, а фактически приказ от первого лица.

Во всех этих документах (а подобных шифрограмм сохранилось достаточно много) нет даже намек на соблюдение прав и гарантий, декларированных Конституцией 1936 г., нет ни тени законности.

Все это приучало общество жить в постоянном напряжении и страхе. Люди не только «трепетали, завидя ромбы и петлиц малиновый цвет», они начинали бояться своих друзей, родных и знакомых, которые, сами того не желая, могли стать причиной их несчастий и бед. Всеобщий страх, даже не всегда осознанный, рождал подозрительность и недоверие. Выступавший на 2-ой партконференции НКВД СССР в марте 1940 г. С.Н. Круглов, возглавлявший в ту пору отдел кадров Наркомата, обратил внимание коллег на такое распространенное явление: советские граждане стали бояться заходить в отдел кадров, «после того, как отдел кадров вызывал того или иного работника, знакомые подчас от него отворачивались: а, может быть, за ним что-нибудь есть, раз его вызывали в отдел кадров».

После массового террора 1937-1938 годов, унесшего более миллиона человеческих жизней, количество смертных казней резко сократилось. Наиболее распространенным видом наказания стало заключение в исправительно-трудовой лагерь на 10 лет. Поток заключенных, направляемых в ГУЛАГ, был мощным и непрерывным. По официальной статистике, например, за 10 дней ноября 1940 г. в лагерь и колонии вывезли из тюрем СССР 59 493 человека. Если предположить, что это были не те 10 дней, «которые потрясли мир», а обычная декада, то легко подсчитать ежегодное пополнение ГУЛАГа. К началу войны число заключенных в советских лагерях и колониях составляло, по официальным данным, 2,3 миллиона человек.

В 1940 г. ГУЛАГ объединял 53 лагерь с тысячами лагерных отделений и пунктов, 425 колоний – сельскохозяйственных, промышленных, контрагентских и прочих, 50 колоний для несовершеннолетних, 90 «домов младенца». В состав ГУЛАГа не входили тюрьмы, в которых на 1 января 1941 г. содержалось 470693 человека, а также более 2 тыс. спецкомендатур, распоряжавшихся по всей стране свободой и жизнью миллионов спецпоселенцев. Этими категориями невольников ведали Главное тюремное управление и отдел спецпоселений НКВД.

За годы существования ГУЛАГа в его орбиту прямо или косвенно были втянуты десятки миллионов граждан, и, тем не менее, можно утверждать, что советское общество имело весьма смутное представление об истинных масштабах и назначении гулаговской репрессивной системы. Советский человек привык считать достоверным фактом и правдой только то, что напечатано типографским способом или объявлено по радио. О ГУЛАГе, как известно, не писали и не говорили. Простые люди инстинктивно обходили лагерную тему стороной – «от греха подальше» - и не обсуждали ее даже в застольных беседах. Что же касается правящей верхушки любого

уровня, то для нее поддержание секретности считалось едва ли не главной должностной обязанностью. Тоталитарный режим скрывал не лагеря, колонии, тюрьмы как таковые - пенитенциарная система в том или ином виде существует в каждой стране, да и принудительный труд (по опыту начала 30-х годов) не обязательно было прятать. Сталинский режим скрывал один из важнейших инструментов своего господства. ГУЛАГ позволял верховной власти бесконтрольно насаждать в обществе любые чрезвычайные меры, держать народ в слепом повиновении и рабской покорности, уничтожать в зародыше редкие ростки инакомыслия и вольнодумства. ГУЛАГ значительно облегчал проведение имперской политики по принципу «разделяй и властвуй». Кроме того, помогал регулировать общественное потребление и снимать социальную напряженность. Наконец, ГУЛАГ служил удобным орудием мести, позволявшим сводить счеты, как с отдельными людьми, так и целыми народами.

Как же удавалось сохранять в тайне то, с чем соприкасались миллионы людей? Способов существовало немало: от подписок о «неразглашении» до физического уничтожения свидетелей. К числу тайн, наиболее свято охраняемых репрессивной системой, относились приемы и методы агентурно-оперативной работы. В принципе, в этом не было ничего противоестественного. Все спецслужбы держат в секрете свои способы деятельности. Однако секретность органов НКВД имела одну особенность: очень часто покровом тайны окутывались не профессиональные специфические функции, а откровенно преступные методы работы, в частности, провокационные, в применении которых советские органы госбезопасности достигли виртуозности.

В октябре 1956 г. на заседании Секретариата ЦК КПСС рассматривался вопрос о нарушении социалистической законности в 1941–1949 гг. в Хабаровском крае. Речь шла об одной из наиболее беспринципных и жестоких провокаций, осуществленных органами госбезопасности на Дальнем Востоке. Суть ее заключалась в следующем: весной 1941 г. с санкции заместителя наркома НКГБ И.А. Серова Управление НКГБ по Хабаровскому краю организовало в 50 км от г. Хабаровска, в районе села Казакевичи близ границы с Маньчжурией, ложную советскую пограничную заставу, «Маньчжурский пограничный полицейский пост» и «Уездную японскую военную миссию». Этот «ложный закордон» («ЛЗ») работники органов госбезопасности именовали во внутреннем обращении «мельницей». Имитация советской пограничной заставы и японских пограничных и разведывательных органов предназначалась, по замыслу

фальсификаторов, для проверки советских граждан, заподозренных во враждебной деятельности. Проверка на пресловутой «мельнице» начиналась с того, что органы НКВД предлагали потенциальной жертве выполнить ответственное закордонное задание. После получения от подозреваемого согласия на выполнение задания инсценировались его заброска на территорию Манчжурии с пункта ложной советской погранзаставы и задержание японскими пограничными властями. После этого задержанного доставляли в здание «Японской военной миссии», где его допрашивали работники НКВД, игравшие роль официальных сотрудников японских разведывательных органов и русских белогвардейцев-эмигрантов. Как сообщалось в 1956 г. на заседании Секретариата ЦК КПСС, «допрос имел своей задачей добиться от “проверяемого” признания “японским властям” связи с “советской разведкой”, для чего создавалась исключительно тяжелая, рассчитанная на моральный надлом человека, обстановка допроса, применялись различного рода угрозы и меры физического воздействия. По окончании допросов, которые иногда длились в течение нескольких дней и даже недель, “задержанный” перевербовывался представителями “японских разведорганов” и забрасывался на территорию СССР с разведывательным заданием. Финал этой провокационной игры состоял в том, что “проверяемый” арестовывался органами НКВД, а затем как изменник Родины осуждался Особым совещанием на длительные сроки лишения свободы или к расстрелу».

Вот один из наиболее характерных примеров провокационной деятельности органов госбезопасности с использованием «мельницы». Летом 1942 г. в сферу наблюдения Хабаровского управления НКВД попал инженер-строитель С.С.Брониковский. Подозревая в Брониковском неразоблаченного агента немецкой и японской разведок, к чему не было никаких оснований, работники УНКВД решили его проверить. Инженеру предложили выйти за кордон с разведывательным заданием, на что он, естественно, согласился, и 1 сентября его переправили «через границу». Согласно легенде, которую Брониковский получил от органов НКВД, он должен был правдиво рассказать «японцам» автобиографию, сообщить о своем аресте в 1937 г. и содержании в тюрьме, а затем заявить, что он решил бежать в Манчжурию.

Оказавшегося на «сопредельной стороне» Брониковского задержала «японо-маньчжурская пограничная полиция». Затем его почти месяц содержали в тюрьме, подвергая непрерывным допросам как перебежчика. На допросах Брониковский держался стойко и весьма достойно, не сообщил ни о вербовке его органами НКВД, ни о задании, с которым его переправили

«за границу». Дальнейший ход событий разворачивался по заранее отработанному шаблону: «представитель японской разведки» завербовал Брониковского для работы в пользу Японии и «перебросил» его в СССР.

Несмотря на то, что сразу же после «переброски» Брониковский доложил работникам НКВД о постигшей его неудаче и откровенно признался, что его завербовали «японцы»; несмотря на то, что поведение Брониковского «в плену» однозначно свидетельствовало о его полной непричастности к разведкам враждебных государств, сотрудники УНКВД в октябре 1942 г. арестовали Брониковского. Формальным основанием для ареста послужило то, что на допросе у «японцев» инженер-строитель сообщил некоторые сведения о г. Хабаровске.

С момента подготовки «материалов» на арест Брониковского, а затем в процессе следствия по его делу сотрудники УНКВД шли по пути грубейшей фальсификации документов. Провокация на «ЛЗ» была представлена в обвинительном заключении как реальная посылка Брониковского за границу с действительным разведывательным заданием. К делу прилагался отдельный конверт, сведения из которого оглашению не подлежали. Не подозревая обмана со стороны органов госбезопасности, прокурор подтвердил обвинительное заключение и направил дело на рассмотрение Особого совещания. 24 апреля 1943 г. Особое совещание при НКВД приговорило Брониковского к расстрелу, а 26 апреля его расстреляли.

Долгие годы «мельница» работала безотказно, но в 1947 г. произошел сбой. Повар «ЛЗ», советский гражданин китайской национальности, не выдержал творившегося произвола и в знак протеста перебил посуду и уничтожил все кухонные предметы японского производства. Опасаясь разоблачения, начальник отделения А.С.Попов приказал своему помощнику, также китайцу, пристрелить взбунтовавшегося повара. В ноябре того же года по аналогичной причине убили еще двух человек из obsługi «ЛЗ».

Обязанности белогвардейцев на «мельнице» выполняли сотрудники Хабаровского управления НКВД И.А.Слободянюк, Д.А.Антонов, А.И.Орьев. В 1941 г. их осудил Военный трибунал за нарушение социалистической законности и приговорил каждого соответственно к пяти, семи и восьми годам лишения свободы. В лагерях бывшие чекисты находились до 1943 г. По ходатайству Хабаровского краевого управления НКВД их досрочно освободили от дальнейшего отбытия наказания и определили на работу в «ЛЗ».

Обязанности начальника «уездной японской военной миссии» выполнял японец Томита, лазутчик Квантунской армии, задержанный в 1937 г. советскими пограничниками. В 1940 г. Военный трибунал приговорил

шпиона к высшей мере наказания, но по решению Президиума Верховного Совета СССР расстрел заменили десятью годами лишения свободы. Можно только догадываться с каким усердием японский разведчик, осужденный советским судом, пытал и допрашивал советских граждан.

О существовании «мельницы» знал узкий круг работников центрального аппарата НКВД и Хабаровского управления НКВД. Все мероприятия, связанные с ее применением, держались в строгой тайне. Известны случаи, когда лица, догадавшиеся о действительном назначении «ЛЗ», подвергались физическому уничтожению. Установлено, что за период с 1941 по 1949 гг. органы госбезопасности пропустили через дальневосточную «мельницу» 148 советских граждан, среди которых не было ни одного преступника. Одним из главных организаторов этой изощренной провокации и непосредственным руководителем всех акций считался генерал-лейтенант П.В.Федотов, бывший начальник 2 (внутренняя безопасность и контрразведка) управления НКВД СССР. О работе «мельницы» регулярно докладывали Л.П. Берии, В.Н. Меркулову и некоторым другим ответственным работникам НКВД-НКГБ.

Знакомство с материалами о провокаторской деятельности хабаровских сотрудников госбезопасности вызывает какое-то особое чувство горечи и недоумения: народ воевал, истекал кровью, а эти сытые, здоровые, защищенные броней от призыва на фронт люди как будто не знали, чем заняться, искали способ оправдать свое существование. Они расходовали значительные государственные средства в антигосударственных целях, для фабрикации лживых обвинений и фальшивых дел на честных советских граждан.

Война не оставила без работы органы внутренних дел. 28 декабря 1941 г. генеральный комиссар госбезопасности Л.П. Берия издал приказ «О создании специальных лагерей для бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену и в окружении противника». Используя опыт ГУЛАГа, НКВД в декадный срок организовал на европейской части СССР десять таких лагерей, каждый из которых обслуживал определенную группу фронтов. Все лагеря размещались вблизи промышленных предприятий, так что бывшие красноармейцы, за исключением офицеров, в течение всего времени, пока шла проверка, работали на этих предприятиях. В период репатриаций число проверочно-фильтрационных лагерей увеличилось втрое. В январе 1946 г. их официально включили в состав ГУЛАГа. Кроме того, для оперативной проверки возвратившихся на Родину граждан НКВД организовал сеть проверочно-фильтрационных пунктов, условия содержания в которых максимально приближались к тюремно-лагерным.

Всего за военный и послевоенный период проверке и фильтрации подверглись около 6 миллионов граждан, из них не менее полумиллиона осели в ГУЛАГе, многих расстреляли.

В разгар войны в нашей стране появились официальные каторжане. В апреле 1943 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О мерах наказания изменникам Родины и предателям и о введении для этих лиц, как меры наказания, каторжных работ». Первые каторжные отделения Наркомат внутренних дел организовал в Воркутинском и Северо-Восточном лагерях. К концу 1944 г. в состав ГУЛАГа входили уже 5 каторжных лагерей, в которых содержалось около 6 тыс. каторжан. К сентябрю 1947 г. их число перевалило за 60 тыс. человек.

Каторжные работы появились в 1943 г. не случайно. Одна из причин – начало практических работ по созданию атомной бомбы. Уран – это не уголь, на его добычу не пошлешь простого лагерника, хотя, наверное, посылали. Другое дело, каторжанин, в этом случае и строжайшая изоляция, и быстрая смерть на тяжелых подземных работах выглядели вполне естественно. В конце 1944 г. на партийной конференции НКВД среди прочих успехов ведомства отмечался и такой: удельный вес предприятий НКВД по производству радия достиг 100 %. Кто добывал и перерабатывал радиоактивную руду, догадаться нетрудно.

За годы Великой Отечественной войны через лагеря и колонии ГУЛАГа прошли более пяти миллионов заключенных, из них около миллиона человек были досрочно освобождены и отправлены на фронт, более двух миллионов погибли. На 1 июля 1944 г. в составе ГУЛАГа насчитывалось 56 лагерей, подчиненных непосредственно центру, и 69 региональных управлений и отделов исправительно-трудовых лагерей и колоний. Эти лагерные комплексы включали в себя 910 отдельных лагерных подразделений и 424 колонии.

Война внесла значительные изменения в состав заключенных. Известно, что в годы войны осужденных за контрреволюционные и государственные преступления (знаменитая 58 статья) не освобождали ни досрочно, ни по окончании срока наказания. На фронт их также не отправляли, несмотря на многочисленные просьбы. По этой причине доля политзаключенных увеличилась с 27 % в 1941 г. до 43 % в 1944 г. Стало значительно больше заключенных женщин: в 1941 г. их было 7 % от общей численности, к лету 1944 г. – 26 %.

Победоносное завершение войны не принесло советским политическим заключенным ни освобождения, ни облегчения их участи. Более того, уже в первые послевоенные годы наметилось явное ужесточение карательной

политики. Как из рога изобилия сыпались сталинские «подарки» народу-победителю: указ о запрещении браков между гражданами СССР и иностранцами; драконовский закон об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества; указ об ответственности за разглашение государственной тайны (своеобразие этого законодательного акта заключалось в том, что перечень сведений, составляющих государственную тайну, охватывал практически все сферы жизнедеятельности человека, превращая тем самым всех граждан СССР в потенциальных преступников).

Властный удар господского кнута испытала на себе послевоенная деревня. 26 июня 1948 г. Министерство внутренних дел отправило из европейской части России в Норильск, расположенный за Полярным кругом, на предприятия горнорудной промышленности эшелон крестьян в количестве 1178 человек. Через четыре дня туда же отправился другой такой же эшелон. Это были первые результаты действия указа от 2 июня 1948 г. о выселении в отдаленные районы колхозников, не вырабатывающих обязательного минимума трудодней. Без суда и следствия, в административном порядке, крестьян, не желавших бесплатно работать в колхозах, отправляли на поселение в Сибирь на срок до 8 лет.

Уголовные преследования советского крестьянства в условиях массового голода 1946-1947 годов и его последствий поражают своим цинизмом и жестокостью. Вот только один пример типичного судебного решения по делу о хищении колхозного имущества. Обвиняемая – Казакова Мария, колхозница, 47 лет, вдова, муж погиб на фронте, имеет детей 5 и 19 лет, неграмотная. Как установило следствие, Казакова М.Ф. 1 июля 1947 г. в колхозе «Пролетарий» совершила кражу сахарной свеклы в количестве 5 кг и ржаных колосьев в количестве 600 грамм. После кражи обвиняемую задержали, свеклу и рожь изъяли и передали в колхоз. Выездная сессия народного суда Белгородской области приговорила Казакову «к заключению в исправительно-трудовые лагеря сроком на 5 лет без конфискации имущества ввиду отсутствия такового». Пятилетнего ребенка по решению суда передали на воспитание родственникам осужденной. В качестве комментария можно добавить, что колхоз «Пролетарий» объединял крестьян трех деревень, в которых проживали 76 трудоспособных женщин и 10 мужчин, а также старики, дети, инвалиды. В среднем каждая колхозница вырабатывала в течение года 215 трудодней, на один трудодень ей начисляли в виде заработной платы 300 грамм хлеба; 1,8 кг соломы и 1,2 кг сена. Но и эти крохи сельские труженики получали далеко не всегда.

Послевоенные репрессии затронули все слои населения и социальные группы. Только в течение 1947 – 1948 годов в лагеря и колонии ГУЛАГа поступили 2 569 283 вновь осужденных, для их размещения было дополнительно организовано 42 лагеря.

Пропаганда никому не позволяла сомневаться в справедливости советского суда, никто не имел права ставить под сомнение гуманность советского правительства. На митинге в Каргопольском лагере по случаю мартовской амнистии 1953 г. выступила Мария Шульгина. «Указ показывает величайшую силу и справедливость Советского государства, – говорила заключенная. – Работая в колхозе, я совершила тяжелый проступок, и получила наказание 5 лет. Теперь я освобождаюсь как мать. Как хочется работать больше и лучше, чтобы от души выразить свою благодарность нашему родному Советскому государству». Обратите внимание, даже в порыве заказной благодарности эта женщина не в силах назвать свое «деяние» преступлением, а называет проступком. Пять лет лагерного принудительного труда за проступок – гуманно ли, соизмеримо ли? «Когда я охранял женские колонии, – делился воспоминаниями бывший заключенный Николай П., служивший под Воркутой в лагерной “самоохране”, – интересовался, за что такие молодые женщины сели в лагеря (а им было от 18 до 35 лет, не старше). Одни попали “за колоски” – срок от 7 до 8 лет. За мешок ржи, украденной в колхозе, – 12 лет. За растрату в магазине – 10 лет. За воровство на производстве (украла 3 метра ситца и 5 катушек ниток) – 8 лет. За опоздание на работу – 5 лет. Те, у кого воровство покрупнее, садились обычно на 15 лет и больше». Оставим вопрос о соразмерности преступления и наказания на совести советских юристов. А вот за что сидели ЧСИРы (Члены Семей Изменников Родины), срок наказания которых зависел от судьбы мужа: если расстрелян, – жена получала 8 лет, если жив и в ГУЛАГе – то «всего» 5 лет лагерей?

Говоря о судьбе заключенных женщин, нельзя не коснуться проблемы материнства. Несмотря на нечеловеческие условия содержания, в ГУЛАГе была относительно высокая рождаемость. Женщина оставалась женщиной. «Просто до безумия, до битья головой об стенку, до смерти хотелось любви, нежности, ласки. И хотелось ребенка – существа самого родного и близкого, за которое не жаль было бы отдать жизнь», – так объясняла ситуацию бывшая узница ГУЛАГа Хава Волович, получившая 15 лет лагерей, так и не узнав «за что?», когда ей шел двадцать первый год. До середины 30-х годов срок пребывания детей при заключенной матери ограничивался 4-летним возрастом. В лагерях, где были беременные и кормящие матери, устраивались либо отдельные отгороженные помещения в общих бараках,

либо выделялся специальный (мамский) барак или устраивались детские городки, в зависимости от количества кормящих и беременных женщин. В случае рождения живого ребенка мать получала для новорожденного несколько метров портяночной ткани. Ребенку выписывали детский паек, матери – «мамский». От работы женщин освобождали только непосредственно перед родами и после. Днем матерей под конвоем приводили к детям для кормления. Нянями в этих бараках работали заключенные женщины, осужденные за бытовые преступления, имеющие своих детей. «В семь часов утра няньки делали побудку малышам. Тычками, пинками поднимали их из не нагретых постелей (для «чистоты» детей одеяльцами не укрывали, а набрасывали их поверх кроваток). Толкая детей в спинки кулаками и осыпая грубой бранью, меняли распашонки, подмывали ледяной водой. А малыши даже плакать не смели. Они только кряхтели по-стариковски и – гукали. Это страшное гуканье целыми днями несло из детских кроваток. Дети, которым полагалось уже сидеть или ползать, лежали на спинках, поджав ножки к животу, и издавали эти странные звуки, похожие на приглушенный голубиный стон». Выжить в таких условиях можно было только чудом.

По секретной инструкции НКВД 1937 г. срок пребывания детей при матерях был ограничен 12 месяцами. После одного года ребенка в принудительном порядке отбирали от матерей и отправляли в детские дома. Адрес детдома матери не сообщался, поэтому после освобождения она редко могла отыскать своего ребенка.

Не всем стремящимся к материнству женщинам удавалось родить. Беременным каторжанкам в принудительном порядке делали аборт. Здесь уместно напомнить, что официально в Советском Союзе аборты в тот период были запрещены. По указу от 27 июня 1936 г. женщины, производящие себе аборт, подлежали уголовной ответственности, и надо отметить, этот указ активно «работал» почти 20 лет. Например, в 1952 г. суды РСФСР осудили за самоаборты 48978 женщин, что составило почти 10 % от общего количества лиц, осужденных судами Российской республики в этом году.

Пребывание в советских лагерях и колониях калечило женщину не только физически, но и нравственно. Человеческое право, достоинство, гордость – всё было уничтожено. Вот строки из письма заключенной Е.Л. Владимировой, бывшего литературного работника газеты «Челябинский рабочий»: «В лагерях во всех банях работали мужчины-уголовники, баня для них – развлечение, они же производили «санобработку» женщин и девушек, сопротивлявшихся заставляли силой.

До 1950 г. везде в женских зонах в обслуге работали мужчины. Постепенно женщинам прививалось бесстыдство, становившееся одной из причин, наблюдавшейся мной, лагерной распущенности и проституции, которая получила широкое распространение. Ею пользовались как заключенные из обслуги, так и вольные. В поселке «Вахханка» была эпидемия венерических болезней среди заключенных и вольных».

Современный исследователь женской преступности профессор Ю.М. Антонян так охарактеризовал советскую репрессивную систему: «Данная система сложилась как часть административно-командного строя тоталитарного государства, в котором властное насилие и подавление личности стали основной нормой жизни. В период глобальной диктатуры женские колонии неизбежно оказались частью гигантской машины уничтожения людей, но еще по сей день женщины-узницы ждут своих историков и плакальщиц».

Во второй половине 40-х – начале 50-х годов объектом пристального внимания карательных органов стала молодежь. Один за другим следовали процессы по делам «изменнических», «террористических», «антисоветских» молодежных организаций и групп. В 1949 г. в Москве органы госбезопасности вскрыли и обезвредили нелегальную студенческую группу «Черный легион». Об этой подпольной организации докладывали лично Сталину. В её опасности зоркие чекисты не сомневались. Ведь члены группы, как следует из материалов следствия, начали с безобидных дружеских встреч, а затем «стали проявлять террористические настроения, намеревались ограбить сберегательные кассы, на добытые таким путем деньги приобрести оружие; кроме того, подготавливали переход за границу, а потом в США». Разумеется, никаких вещественных доказательств антисоветской, а тем более, террористической деятельности студентов не было, однако все 11 участников «Черного легиона» были арестованы и отправлены в ГУЛАГ.

Чуть позже и опять в Москве органы госбезопасности разоблачили еще одну юношескую организацию под названием «Коммуна». По мнению проводившего следствие полковника И.В.Шумакова, эта нелегальная студенческая группа была создана исключительно в интересах империалистических разведок, поскольку ее возглавляли дети осужденных ранее шпионов, троцкистов и террористов. Для следствия не имело значения, что в программном документе группы, который назывался «Клятва жизни», было четко записано: «“Коммуна” есть добровольная организация друзей, на всю жизнь связанных единой целью – борьбой за коммунизм». Дважды проверявший материалы следствия генерал-полковник

И.А. Серов, будущий председатель КГБ, также не поверил в высокие идеалы и цели девятнадцатилетних студентов. Его нисколько не удивило, что вещественным доказательством антисоветской деятельности группы служило изъятое у ребят красное знамя с вышитой пятиконечной звездой и девизом «Вперед, заре навстречу!». Так 13 членов «Коммуны» стали узниками ГУЛАГа.

В Воронеже бдительные оперативники раскрыли подпольную «Коммунистическую партию молодежи». В ее опасности никто не смел сомневаться, ведь в ходе следствия, которым руководил сам начальник управления МГБ В.Н. Суходольский, чекистам удалось доказать, что «Коммунистическая партия молодежи» ставила своей задачей «захват политической власти в СССР». Школьный возраст большинства партийцев в расчет не принимался, и 23 участника группы пополнили бараки ГУЛАГа.

Более сурово каратели расправились с другой молодежной группой, которая именовала себя «Союз борьбы за дело революции». Руководители этой московской юношеской организации – Борис Слуцкий, Владлен Фурман, Евгений Гуревич – были расстреляны, остальные участники получили от 10 до 25 лет лагерей. Следствию и в данном случае удалось доказать, что группа ставила своей конечной целью «свержение существующего в СССР общественного и государственного строя путем вооруженного восстания».

К началу 50-х годов в Советском Союзе не осталось, наверное, ни одного крупного города, где бы чекисты ни обнаружили молодежной крамолы. Что стояло за всеми этими процессами? Несомненно, что в послевоенные годы социальная активность молодого поколения заметно возросла. Однако утверждать, что юношеская инициатива носила антисоветский или антисталинский характер, на наш взгляд, неправомерно. Зревшие в молодежной среде новые демократические силы были направлены на совершенствование существующего строя и воплощение коммунистических идеалов, но они противопоставляли себя комсомолу и бюрократившимся партийным структурам, а этого правящий режим допустить не мог. Репрессии в отношении молодежи преследовали цель задушить малейшие зачатки политического инакомыслия, не дать новому поколению советских людей взглянуть на мир собственными глазами и усомниться в совершенстве существующей модели общественного развития.

Послевоенная политика «наведения порядка» нашла свое логическое продолжение в реорганизации репрессивной системы. 21 января 1948 г. на рассмотрение Сталину поступил документ, оказавший значительное влияние

на судьбы сотен тысяч заключенных. «В соответствии с Вашим указанием, – докладывали генералиссимусу министр МГБ В.С. Абакумов и министр МВД С.Н. Круглов, – представляем проект решения ЦК ВКП(б) об организации лагерей и тюрем со строгим режимом для содержания особо опасных государственных преступников и о направлении их по отбытии наказания на поселение в отдаленные местности СССР. Просим Вашего решения».

Документ предписывал организовать в шестимесячный срок Особые лагеря, установить в них строгий режим содержания заключенных, запретить все льготы, трудоспособных использовать только на тяжелых физических работах. По сути, предлагалось перевести всех политзаключенных на положение каторжан, что и было осуществлено в полной мере. Обследовавшая в 1955 г. один из бывших Особых лагерей (Степной лагерь) комиссия Президиума Верховного Совета СССР официально докладывала о своих наблюдениях: «До 1954 г. при так называемом каторжном режиме условия жизни в лагере были невыносимо тяжелыми, унижающими человеческое достоинство. Заключенные на одежде носили крупные номера, на ночь запирались в переполненные бараки, за невыполнение норм лишались пищи». По воспоминаниям бывших узников Особых лагерей, самым страшным в спецлагере было «ощущение тупика», которое порождалось, в частности, многочисленными случаями «пересиживания».

О степени распространения феномена «пересиживания» мы можем судить по фактам, изложенным в письме заключенной Елены Владимировой, которая в 1948 г. прибыла с колымским инвалидным этапом в Песчаный лагерь. Попутно заметим, что для больных измученных людей выдержать зной и пыль казахской степи после колымских морозов представлялось делом весьма тяжелым. «Многие десятки людей, – сообщала в 1954 г. в своём заявлении в ЦК КПСС Е.Л. Владимирова, – окончивших срок (и по закону свободных), задерживались в лагере на неопределенный срок, «пересиживали» иногда по несколько лет, некоторые так и умерли в ожидании свободы. Была специальная бригада пересидчиков. Приезжее начальство не верило, что это может быть. Были случаи объявления пересидчиками голодовок, но безрезультатно». Вряд ли есть основания полагать, что в других особых лагерях ситуация отличалась в лучшую сторону.

Организация особых лагерей началась с весны 1948 г., после выхода секретного постановления Совета Министров СССР от 21 февраля 1948 г. Вновь образованные лагеря со строгим режимом для содержания особо опасных государственных преступников получили красивые, иногда даже

поэтические названия: лагерь № 1 – Минеральный, № 2 – Горный, № 3 – Дубравный, № 4 – Степной, № 5 – Береговой, № 6 – Речной, № 7 – Озерный, № 8 – Песчаный, № 9 – Луговой, № 10 – Камышовый, № 11 – Дальний. Одновременно с постановлением Совета Министров вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР». На основании этих документов все заключенные, осужденные по политическим мотивам, переводились в особые лагеря и тюрьмы, а после окончания срока наказания направлялись по указанию органов госбезопасности в бессрочную ссылку на поселение.

С осени 1948 г., после издания секретной директивы МГБ СССР и генерального прокурора СССР, начались повторные аресты тех, кто успел выйти на волю после окончания войны. Всем «повторникам» обвинение предъявлялось по тем же статьям Уголовного кодекса, по которым они уже отбыли наказание. Следствие по этим делам проводилось упрощенно, без проверки прежних доказательств. Основным документом, на основании которого выносилось решение о направлении в ссылку, служили справки из архивно-следственных дел о прошлой «антисоветской» деятельности этих лиц.

Все названные нормативные акты находились в полном противоречии с действующим законодательством, которое, во-первых, не допускало повторного наказания за одно и то же преступление, во-вторых, предусматривало определенную систему наказания с твердо установленными сроками. Иначе говоря, советские судебные органы не имели права назначать неопределенное наказание в виде пожизненного заключения или бессрочной ссылки. Но обо всем этом «вспомнили» только после смерти Сталина.

В 1948 г. был принят еще один указ, может быть, самый жестокий и бесчеловечный из всех законов сталинской эпохи. Речь идет об Указе Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны». Без каких-либо преамбул в указе объявлялось, что выселенные во время войны на спецпоселение народы остаются в этом статусе навечно, за побег с места обязательного поселения им полагается наказание – 20 лет каторжных работ.

Нужно заметить, что «побег» в данном случае не следует понимать буквально. Это могла быть просто самовольная, то есть незарегистрированная, отлучка, например, к родственнику в соседний район

или к другу в ближайший поселок. В течение года по новому указу осудили около 10 тыс. человек. Всего же в этот период на учете в 2123-х спецкомендатурах состояло более двух с половиной миллионов человек, из них почти 70 % составляли женщины и дети. Подавляющее большинство (82 %) репрессированных считались выселенными навечно.

Среди карательных указов послевоенного времени выделяется указ от 26 мая 1947 г. об отмене смертной казни. Этот гуманный по своей сути законодательный акт принес много бед рядовым обитателям колониально-лагерной страны. Отмена смертной казни развязала руки уголовному миру, превратив тем самым жизнь многих сотен тысяч узников ГУЛАГа в настоящий кошмар. Воровской произвол, тайно и явно поощряемый лагерной администрацией, проявлялся в кровавых расправах уголовников с неугодными лицами, в число которых в первую очередь попадали «враги народа», «работяги», а также нередко и представители администрации.

В лагерях ГУЛАГа с первых лет его существования реальная власть над заключенными принадлежала воровскому миру. «Блатные» с молчаливого согласия лагерного начальства на основе своих воровских законов регламентировали всю лагерную жизнь. Они занимали хозяйственные должности, отнимали у заключенных вещи и деньги, заставляли их работать на себя, а главное - убивали, убивали беспричинно, жестоко, а после 1947 г. и безнаказанно. Конечно, лагерные убийства расследовались, и если найти убийцу удавалось, что случалось весьма редко, его судили. Давали положенные по закону 10 лет. Для уголовного, уже имевшего этот срок, часто и не первый, приговор означал всего лишь «округление». Если бандит уже отсидел 2-3 г., то столько же ему и добавляли. После 1947 г. лагерные убийства стали носить массовый характер. Тысячи заключенных, не находя защиты у местного начальства, рассылали во все инстанции письма, моля о помощи и поддержке.

История сохранила для нас это эпистолярное наследие ГУЛАГа, в котором слились воедино боль и надежда, протест и отчаяние. Вот строки из письма, адресованного высшим советским и партийным органам, поступившего в «Правду» в октябре 1952 г. от заключенных норильских горных лагерей: «Мы просим расформировать смертоносные лагеря в Норильске! Мы просим раз и навсегда изжить произволы, дошедшие до полного зверства со стороны руководства лагерями. Мы просим покарать всех тех, кто творит это черное дело... Пора прекратить пролитие крови людей, загнанных в окружение колючей проволоки. Мы ждем вашего решения и надеемся, что последует справедливое решение! Для того чтобы описать всю трагедию произвола в Норильском лагере МВД СССР,

потребуется много времени и средств». Далее Надежда Горская, такой псевдоним избрали авторы письма, рассказала «о зверской расправе над людьми», учиненной 14 июля 1952 г. лагерной администрацией руками и ножами «блатных», когда «кровь избиваемых лилась в изобилии, а защиты найти не было возможности». В результате этой трагедии «раненых было увезено почти две машины, число убитых осталось в секрете...».

Работавшая по данному письму специальная комиссия МВД СССР обнаружила серьезные нарушения в режиме содержания заключенных. Однако её «справедливое решение» ограничилось незначительным административным наказанием некоторых должностных лиц.

Среди писем на волю встречаются и совсем малограмотные, но от этого их трагизм ощущается еще острее. Заключенный Н.И. Иванов избрал своим адресатом главного редактора газеты «Известия». «Находясь около пяти лет в заключении, - писал узник ГУЛАГа, - вот уже десятый раз обращаюсь к представителям власти и до сего времени нет конца этого ужаса, что творится в местах заключения... там варварски отнимают человеческую жизнь. Ни один гитлеровец, американец в Корее и ни один первобытный варвар не подвергал человека таким экзекуциям, как над советским заключенным в местах заключения... ни один писатель и поэт не сможет описать это варварство, что происходит в советских лагерях». Террор уголовников, перешедших в услужение к органам МВД, был во много раз страшнее любых официальных мер наказания, предусмотренных лагерными инструкциями и правительственными указами.

Свои письма заключенные отправляли, как правило, через вольнонаемных сотрудников, с которыми они контактировали на производстве. Важно отметить, что каждое подобное письмо - это смертельный риск. Расправиться с жалобщиком могли не только «блатные», но и лагерная администрация, зачастую не уступавшая уголовникам в зверствах и насилии. Заключенные всегда подчеркивали, что они скрывают свои имена не потому, что боятся ответственности перед верховной властью, а потому что не доверяют местному начальству. В конце письма Н.И. Иванова содержится типичная приписка: «Если я вам нужен, как живой документ, то местным властям не ставьте в известность о моей писанине и обо мне. Я могу говорить только с представителями Москвы. Ибо мне хочется жить».

Реакция столичных властей на попавшие в их поле зрения жалобы была всегда примерно одинаковой: формальная проверка, поиск жалобщика, по мере необходимости - наказание распоясавшихся лагерных служащих

(диапазон наказаний был весьма широк – от 2-х суток домашнего ареста до трибунала).

Официально смертную казнь за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах восстановили 30 апреля 1954 г. Расстрелы осужденных за контрреволюционные и государственные преступления возобновились значительно раньше – с 12 января 1950 г., после выхода соответствующего указа.

Колесо репрессий не останавливалось ни на день вплоть до самой смерти Сталина. Волну шпиономании сменила кампания по борьбе с космополитизмом. За арестами партийных работников и студентов последовали аресты врачей и евреев; казалось, что процесс этот бесконечен. По официальным данным, на 1 января 1953 г. в лагерях, колониях и тюрьмах СССР находилось 2,6 млн. человек. Смерть диктатора прервала дальнейшее нарастание репрессий. Уже в марте 1953 г. преемники Сталина предприняли первые, весьма непоследовательные попытки ввести карательную политику в русло законности. 27 марта вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии, по которому из лагерей и колоний освободили более миллиона заключенных, но осужденные по политическим мотивам составляли среди них совсем незначительную часть. 28 марта Совет Министров СССР постановил вывести ГУЛАГ из состава МВД, которое 15 марта воссоединилось с МГБ, и передать в Министерство юстиции. За Министерством юстиции ГУЛАГ числился до 21 января 1954 г., затем его вновь включили в состав органов внутренних дел.

Реорганизация лагерной системы проходила под давлением двух обстоятельств. С одной стороны, многочисленные массовые протесты заключенных, прежде всего в Особых лагерях, заставляли руководство ГУЛАГа идти на смягчение режима, убирать из состава лагерной администрации наиболее жестоких, одиозных работников; с другой стороны, очевидная неэффективность принудительного труда, резкое ухудшение экономических показателей ГУЛАГа вынуждали начальство принимать меры по улучшению условий труда и содержания заключенных.

В течение 1954-55 гг. шло постепенное выборочное освобождение заключенных, осужденных по политическим мотивам. После XX съезда КПСС этот процесс получил идеологическое обоснование и стал протекать более интенсивно, хотя и не совсем последовательно. Освобождение граждан не всегда сопровождалось полной судебной, а тем более, партийной реабилитацией. Для сотен тысяч выживших узников ГУЛАГа процесс восстановления справедливости растянулся на долгие годы. Но не все нуждались в этой казенной «справедливости». «Я очень рад, что у тебя

удачно сложилось возвращение в жизнь, – писал в августе 1956 г. своему лагерному другу бывший заключенный Ф.П. Красавин. – Право, не знаю, зачем тебе нужна полная реабилитация. Разве, что для административной карьеры. Оскорбленных чувств гражданина это фальшивое восстановление чести удовлетворить не может (ведь реабилитация нужна не тебе, а нашему непорочному правительству Первоначально в тексте было написано, а потом зачеркнуто «непорочному синклиту архимерзавцев» – *примеч. авт.*), утраченного здоровья не восстановит, материального положения не улучшит - на кой же черт она нужна?». Как видим, никаких иллюзий относительно «торжества справедливости» у вчерашнего узника ГУЛАГа не было и в помине. Да и откуда им взяться? Феликс Красавин получил 25 лет лагерей по 58 статье в октябре 1951 г. Ему шел в ту пору двадцать первый год.

Сталинский тоталитарный режим пагубно повлиял на судьбы десятков миллионов людей, жизнь для которых превратилась в страдание. Существовавший в СССР в 30-50-е годы общественный порядок, а он и поныне для некоторых российских граждан является едва ли не эталоном общественного устройства, базировался на чудовищных преступлениях, главное из которых – ГУЛАГ. В конце хотелось бы отметить, что функционирование лагерной системы всегда находилось под личным контролем И.В. Сталина, о чем свидетельствуют многочисленные документы. Все проекты и предложения органов внутренних дел и госбезопасности об усилении репрессивной деятельности, поступавшие на рассмотрение Сталина, начинались словами: «В соответствии с Вашим указанием...».

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД

«Новые лагеря под руководством чекистов так же, как и Соловецкие, должны сыграть преобразовательную роль в хозяйстве и культуре далеких окраин»

Из приказа ОГПУ

Попадая в ГУЛАГ, всякий заключенный, независимо от срока наказания и статьи приговора (политической, уголовной или бытовой), становился объектом нещадной эксплуатации со стороны государства и лагерной администрации.

Угроза «отправить виновных на принудительные работы в рудники» звучала из уст большевистских лидеров, и в частности В.И. Ленина, ещё до того, как были образованы первые лагеря принудительных работ. Советские декреты предписывали наказывать взяточников, спекулянтов и прочих врагов народа «наиболее тяжкими, неприятными», «тягчайшими» принудительными работами. Устанавливая обязательность труда в местах лишения свободы, Советская власть тем самым пыталась одновременно решить две разноплановые задачи: наказать осужденных тяжелым физическим трудом и сделать систему концлагерей самокупаемой.

Необходимость использования труда заключенных теоретически обосновал Ф.Э. Дзержинский. Один из принципов выработанной им карательной политики гласил: «Республика не может быть жалостлива к преступникам и не может на них тратить больших средств, – они должны покрывать своим трудом расходы на них, ими должны заселяться пустынные, бездорожные местности – на Печоре, в Обдорске (так назывался до 1933 г. город Салехард, расположенный за Полярным кругом.) и пр.». Намечая круг первоочередных задач ОГПУ, Дзержинский писал в 1923 г. своему заместителю И.С. Уншлихту: «Необходимо будет далее заняться действительно организацией принудительного труда (каторжных работ) – лагеря с колонизацией незаселенных мест и с железной дисциплиной. Мест и пространства у нас достаточно».

В 20-е годы реализовать планы «железного Феликса», который называл концлагеря «школой труда», было достаточно сложно. Экономические и политические проблемы (массовая безработица и отсутствие крупных

промышленных проектов, острая внутрипартийная борьба и перманентные дискуссии о путях построения социализма) не позволяли руководству страны организовать труд заключенных в общегосударственном масштабе, ограничивали сферу применения репрессий.

Очередной хозяйственный кризис последней трети 20-х годов привел к резкому обострению социально-экономической ситуации. В поисках выхода из кризиса коммунистическая партия начала активно формировать в общественном сознании многоликий образ врага – «вредителя», «кулака», «саботажника». Выдвинутый Сталиным кровавый тезис «об обострении классово-борьбы по мере продвижения к социализму» служил идеологическим обоснованием репрессий против «врагов Советской власти» и, по сути, стимулировал их. Существовавший в годы НЭПа относительно либеральный политический режим быстро трансформировался в тоталитаризм, важнейшим атрибутом которого на протяжении всех лет его существования были концентрационные лагеря. Становление советской лагерной системы проходило в условиях форсированной индустриализации и насильственной коллективизации, которые, без сомнения, могут быть названы крестными родителями ГУЛАГа.

11 июля 1929 г. Совнарком СССР принял специальное постановление об использовании труда заключенных. Правительство поручало ОГПУ расширить существующие лагеря и организовать новые в Сибири, на Севере, на Дальнем Востоке, в Средней Азии и в других труднодоступных районах Советского Союза с целью «колонизации этих районов и эксплуатации их природных богатств путем применения труда лишенных свободы».

В 1929-1931 гг. на территории СССР сформировалась сеть лагерей принудительного труда, официально переименованных к тому времени в исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ). Многие лагеря уже в момент организации имели четко выраженную отраслевую направленность – лесозаготовительные, сельскохозяйственные, угледобывающие, горнометаллургические, строительные и т. д. С начала 30-х годов они стали важным фактором развития советской экономики. «Рабочий фонд» ГУЛАГа постоянно увеличивался, что позволяло лагерной экономике решать крупные хозяйственные задачи.

Несмотря на интенсивный рост числа лагерей, главным объектом эксплуатации со стороны государства в самом начале 30-х годов были не заключенные, а спецпереселенцы (в основном крестьяне), численность которых в несколько раз превышала количество лагерников. По официальным данным отдела спецпереселений ГУЛАГа ОГПУ, только за

1930-31 гг. в ссылку на спецпоселение было отправлено 1 803 392 человека. Число заключенных, содержащихся в лагерях ОГПУ, составляло на 1 января 1932 г., по официальным данным, 268 700 человек.

Принудительный труд спецпоселенцев активно использовался в лагерной экономике на протяжении всех лет существования ГУЛАГа. Что касается условий труда и его оплаты, то формально ссыльные различных категорий имели равные права с вольнонаемными работниками. Однако в реальной жизни «хозяйственное использование» спецпереселенцев, лишенных права передвижения и свободного выбора местожительства, приобретало характер откровенной эксплуатации. Правовое положение всех ссыльных граждан было таково, что их в любой момент «по производственным соображениям» могли насильно переселить из одного района в другой, при этом никого не интересовало, что людям приходилось бросать с трудом нажитое имущество, дом, подсобные строения. Мало кто из советских руководителей заботился и о создании нормальных жилищно-бытовых условий для спецпереселенцев, хотя на этот счет существовали специальные инструкции ОГПУ и приказы НКВД. Труд спецпереселенцев использовался в разных отраслях народного хозяйства, но чаще всего там, где были низкоквалифицированные, тяжелые и мало оплачиваемые работы. Широкое применение подневольного труда тормозило развитие производительных сил, отрицательно сказывалось на совершенствовании техники и технологий производства.

В лагерной экономике доля труда спецпоселенцев была значительной, но не определяющей. Основу гулаговского хозяйства составляли лагерь с их огромным резервуаром мобильной и практически бесплатной рабочей силы. Бесплатность принудительного труда, создававшая иллюзию его дешевизны, была очень привлекательна для экстенсивной советской экономики, основанной на директивных методах управления, уравнительности и внеэкономическом принуждении.

Первенцем лагерной экономики по праву считается Беломорско-Балтийский канал, строительство которого велось силами заключенных с 1931 по 1933 год. Эта лагерная стройка, как и все последующие, началась без технического проекта, когда еще не были завершены топографические и геологические работы. Строительство развернулось в осенний период в условиях полного отсутствия жилья, дорог, механизмов, автотранспорта, ну и, естественно, всего остального, в том числе и достаточного количества продовольствия. Условия труда оставались крайне тяжелыми в течение всего периода работ, что приводило к массовой гибели людей от болезней и истощения. Документы свидетельствуют, что многие лагерники умерли,

проработав на канале всего 2-3 месяца. Подобная «организация производства» стала в лагерной экономике традицией, не меняясь в течение десятилетий.

Гидротехнические сооружения составляли особую привилегию лагерной экономики. Как истинно восточный деспот Сталин любил строить каналы. После Беломорско-Балтийского были канал Москва-Волга, Волго-Донской, Главный Туркменский, Самотечный канал Волга-Урал и другие. И все это наполовину вручную, часто без особой хозяйственной надобности, без учета потерь и последствий, ради демонстрации советского могущества, довольствуясь сиюминутным триумфом и сомнительной выгодой.

В годы первых пятилеток партийная пропаганда всеми доступными средствами насаждала в лагерной среде «пафос созидания». Эпиграфом лагерных газет стал лицемерный лозунг «Труд в СССР есть дело чести, дело доблести и геройства». Пропагандистское давление сочеталось с «исправительно-трудовым». Для заключенных придумывались всевозможные «почины», «трудовые вахты», «салюты», насаждалось ударничество, стахановское движение и трудовое соревнование, которое, если верить отчетам лагерного начальства, охватывало, чуть ли не 95 % заключенных.

О «головокружительных успехах» хозяйственной деятельности ОГПУ – НКВД регулярно докладывали Сталину. Основным докладчиком по этим вопросам в первой половине 30-х годов был заместитель председателя ОГПУ, а с июля 1934 г. нарком внутренних дел гг. Ягода, под руководством которого осуществлялось строительство ряда крупных промышленных объектов. Современники отмечали незаурядные организаторские способности Ягоды, но основой достижений в области строительства было, несомненно, то обстоятельство, что с начала 30-х годов ОГПУ располагало самыми, пожалуй, сильными кадрами инженерно-технических работников (из числа заключенных, разумеется). М.П.Шрейдер, работавший в тот период в экономическом управлении ОГПУ, вспоминал по этому поводу: «В среде чекистов из уст в уста передавался такой эпизод. Как-то на заседании ЦК Сталин упрекнул Орджоникидзе (Орджоникидзе Г.К. (Серго) – с 1932 г. нарком тяжелой промышленности СССР) в том, что у него плохо идут дела на некоторых важных стройках, поставив в пример положение на стройках, осуществлявшихся силами заключенных. “Пусть Ягода отдаст мне тех замечательных инженеров, которые руководят строительством объектов, подведомственных ОГПУ, - сказал якобы Серго, - тогда мои стройки будут не хуже, а лучше, чем у него”».

Лагерная экономика росла и крепла из года в год. Силами заключенных строились не только каналы, дороги и плотины, но и целые города - Норильск, Магадан, Джезказган, Салехард, Находка, Братск, Воркута и десятки других, многие из которых так и не появились на картах, оставаясь засекреченными городами-призраками.

С чего начинался гулаговский город? «Коренной» воркутянин Павел Негретов описал рождение одного из центров ГУЛАГа так: «Оседлая жизнь на реке Воркуте началась в 1931 г. Угольная шахта, заложенная на ее правом берегу, дала название поселку Рудник, теперь микрорайону города. В 1937 на левом берегу была заложена шахта Капитальная. Там, где теперь улицы Московская и Шахтная, был лагерь, потом его перенесли на другую сторону шахты, западную, а на месте зоны стал строиться вольный поселок, который в ноябре 1943 г. был преобразован в город Воркуту. Было тогда в новом городе мало вольных и много заключенных.

Лагерь и зона вызывают представление о колючей проволоке, но доставлять ее на Воркуту было сложно, и в первые годы Рудник окружен был где проволокой, где дощатым забором, а где и вовсе ничего не было, – стояли только метровой вышины колья, а на них дощечки с надписью черной краской: "Запретная зона"».

Постепенно менялся и «общественный статус» заключенного. Вплоть до осени 1937 г. в пропагандистской литературе, служебной переписке и даже в официальных документах наблюдалось стремление избегать слова «заключенный». Узников ГУЛАГа чаще называли «лесорубами», «ударниками», «стахановцами» и т. п. Термин «стахановец» вообще очень активно использовался в официальной лагерной лексике середины 30-х годов. Для хорошо работавших заключенных в лагерях оборудовались «стахановские бараки», на кухнях создавались «стахановские котлы» и т. п. Еще в 1936 г. на железнодорожных станциях можно было нередко наблюдать такую картину: едет эшелон с заключенными, на вагонах знамена, лозунги о стахановском движении, портреты вождей – Сталина, Кагановича, плакат с надписью «Мы, стахановцы, едем на ударную стройку», и здесь же часовые с винтовками и решетки на окнах, через которые эти самые «стахановцы» на вольных поглядывают. Только после того, как однажды в Петрозаводске кто-то из высокого лагерного начальства заметил подобную ситуацию и понял ее абсурдность, положение изменилось. В сентябре 1937 г. культурно-воспитательный отдел ГУЛАГа дал развернутые указания – заключенных стахановцами не называть, поскольку это явная политическая ошибка.

Хозяйственная деятельность НКВД заметно активизируется с 1938 г. С конца 30-х годов лагерная экономика обретает планомерный, крупномасштабный и четко выраженный военно-промышленный характер. В этот период резко возрастает численность заключенных, и заметно удлиняются сроки наказания. Если в 1936 г. в СССР было 13 крупных лагерных комплексов с объемом строительных работ на сумму 1,2 млрд. руб., то весной 1938 г. их становится уже 33, а объем капитального строительства возрастает до 2,6 млрд. рублей. Только за зиму 1937-38 г. НКВД организовал 13 новых концлагерей, преимущественно лесного профиля, в которых разместил более 600 тысяч вновь поступивших заключенных. ГУЛАГ превращался, по выражению его сотрудников, в «огромный комбинат», который строил, добывал, производил, выращивал, конструировал и т. д.

Валовой объем промышленной продукции, выпускаемой ГУЛАГом, увеличивался довольно быстрыми темпами: в 1938 г. было выпущено продукции на 1,5 млрд. руб., в 1939 – на 2,5 млрд. руб., в 1940 – на 3,7 млрд. руб., план 1941 г. составил 4,7 млрд. руб.

Накануне войны удельный вес некоторых видов продукции, выпускаемой промышленными предприятиями НКВД, в общем объеме народного хозяйства страны составлял: никеля – 46,5 %, олова – 76 %, кобальта – 40 %, хромитовой руды – 40,5 %, золота – 60 %, лесоматериалов – 25,3 %.

В колониях ГУЛАГа в больших количествах изготавливали так называемые товары широкого потребления: обувь, трикотаж, алюминиевую посуду, скобяные изделия, конскую сбрую, мебель и многое другое. Здесь так же, как и в тяжелой промышленности, заметно выросли производственные задания. ГУЛАГ являлся основным и практически единственным в стране поставщиком кожтехнических изделий для оборонной промышленности и армии. Кроме промышленной продукции, заключенные производили и сельскохозяйственную.

Перечислить все, что добывал и производил ГУЛАГ, практически невозможно. К 1940 г. лагерная экономика охватывала 20 отраслей народного хозяйства, среди которых ведущими были цветная металлургия (на ее долю приходилось 32,1 % всей товарной продукции ГУЛАГа), лесозэксплуатация (16,3 %) и топливная промышленность (4,5 %).

Наряду с промышленным производством важнейшим элементом лагерной экономики было капитальное строительство. В 1940 г. на долю НКВД приходилось 11 % всех капитальных вложений Советского Союза. В 1941 г. Наркомат осуществлял строительство ряда крупных военно-промышленных

объектов. Большие объемы работ приходились на долю железнодорожного и шоссевого строительства. В 1940 г. лагерные управления сдали в постоянную и временную эксплуатацию 1731 км железнодорожных путей и 1480 км шоссевых дорог. Интересно, что план железнодорожного строительства на 1941 г. был почти на 100 % выше плана 1940 г.

Резко повышая плановые задания на 1941 г., правительство рассчитывало не только на увеличение количества заключенных и усиление их эксплуатации, но и надеялось на значительный рост производительности труда, который был обусловлен, по мнению совнаркомовских экономистов, мощным развитием материально-технической базы лагерной экономики.

Действительно, в течение двух лет накануне войны правительство СССР выделяло для строек НКВД большое количество оборудования и транспортных средств. Однако, несмотря на интенсивное техническое оснащение, лагерные стройки и предприятия государственных плановых заданий не выполняли. В 1940 г. план ввода новых предприятий в целом по НКВД был выполнен на 82,3 %, а по Главному управлению лагерей лесной промышленности – на 37,7 %, по Главпромстрою – на 60,6 %, по Управлению лагерей топливной промышленности – на 85 % и т. д.

Почему же не сбывались мечты госплановских чиновников о значительном росте производительности труда в системе НКВД? Конечно, прежде всего, потому, что никто не учитывал ни принудительного характера труда, ни хищнического, расточительного характера лагерной экономики. Подневольный труд был значительно менее эффективен по сравнению с аналогичным трудом вольнонаемных рабочих. Производительность труда на стройках НКВД была ниже, чем на стройках общегражданских Наркоматов в среднем на 50 %. Причин тому множество, но главная одна – лагерная экономика и квалифицированный производительный добросовестный труд оказались понятиями несовместимыми.

В предвоенный период в СССР сформировался ряд крупнейших лагерно-производственных комплексов, на откуп которым были отданы огромные территории малоосвоенных районов. На Колыме и Чукотке хозяйничал Дальневосточный комбинат НКВД («Дальстрой»), на Печоре и Ухте - Ухтинский комбинат НКВД, в Карелии Беломорско-Балтийский комбинат (ББК) НКВД и т. д.

Во второй половине 40-х – начале 50-х годов советская система концлагерей достигла своего апогея. Это проявлялось не только в значительном росте числа заключенных, но и в той экономической роли, какую играл ГУЛАГ в послевоенные годы. Еще накануне войны на базе производственных отделов ГУЛАГа были созданы в качестве

самостоятельных подразделений несколько Главных управлений лагерей: лесной промышленности, железнодорожного строительства, горнометаллургической промышленности, промышленного строительства, шоссейных дорог и ряд других. Потребности послевоенного развития советской экономики и, в частности, реализация задач, связанных с наращиванием военно-промышленного потенциала, обусловили появление в структуре МВД новых лагерно-производственных управлений, научно-исследовательских институтов и даже целых отраслей производства. В ведение МВД были переданы, например, слюдяная, апатитовая и асбестовая отрасли промышленности, непосредственно связанные с развитием оборонного комплекса.

Интенсивная хозяйственная деятельность МВД СССР основывалась, прежде всего, на использовании труда заключенных. Кроме «лагерных рабов» в системе МВД работали также спецпоселенцы, военные строители и вольнонаемные граждане. В конце 1944 г. в НКВД насчитывалось 37 тысяч вольнонаемных специалистов с высшим и средним специальным образованием. К концу 1954 г. в МВД работали 60 тысяч специалистов, из них 28 тысяч с высшим и 32 тысячи со средним специальным образованием. В основном это были инженеры и техники различных отраслей промышленности и транспорта, специалисты сельского хозяйства, медицинские работники, экономисты, юристы, работники просвещения. Именно они считались главными исполнителями тех ответственных задач, которые правительство ставило перед министерством. Место заключенных в экономической деятельности МВД определялось терминами «рабочий фонд» и «рабсила».

Производственная деятельность почти всех вольнонаемных специалистов была в той или иной степени связана с трудом заключенных. Более того, их материальное благополучие во многом зависело от труда заключенных. Однако об этом никто никогда не вспоминал и не говорил. Лишь иногда на закрытых партийных собраниях работники лагерей и колоний выражали озабоченность по поводу «ухудшения физического профиля рабочего фонда». Вот выдержки из выступлений медиков в марте 1948 г. на 4-й партийной конференции Управления лагерей и колоний Москвы и Московской области: «Никто не сказал, как заботятся об оздоровлении нашего контингента, который обеспечивает выполнение производственных планов, за которые мы получаем премии и Красные знамена. Зачастую в наших подразделениях контингент доводится до полного ослабления... Необходимо принять все меры к уменьшению травм на производстве и не доводить контингент до ослабления».

«Если мы не будем создавать нормальные условия для контингента, то оздоровить мы их не сможем. Пересыльная тюрьма дает здоровый контингент в наши подразделения. Но через 3-4 месяца он выходит из строя. Руководители лагерей и колоний используют людей с фронтовыми ранениями и другими физическими недостатками на непосильной работе, и они быстро выходят из строя...».

Уместно подчеркнуть, что в этих выступлениях речь идет о лагерях и колониях столичной области, где отдельные колонии, например, Крюковскую, разрешали в виде исключения посещать иностранным делегациям – итальянской, английской и другим.

Важная деталь – выводы московских врачей о предельных сроках эксплуатации заключенных полностью подтверждают наблюдения самих узников ГУЛАГа. Анализируя принудительный труд, сын известного большевика, прошедший все круги лагерного ада, А. Антонов-Овсеенко писал: «Зэк выдерживал на строительстве дорог, на трассе, в каменном карьере, на шахте, на лесоповале не более *трех* месяцев. В среднем... Повторяю: обычный срок эксплуатации рабсилы в запроволочной зоне равнялся трем месяцам. Статистики Гимmlера вывели такую же цифру в своих концлагерях».

Именно вышеназванными обстоятельствами можно объяснить тот факт, что, несмотря на ежегодное более чем миллионное пополнение, численность заключенных в ГУЛАГе оставалась примерно на одном и том же уровне – 2,5 млн. человек.

На 1 января 1949 г. в системе МВД насчитывалось 67 самостоятельных исправительно-трудовых лагерей с десятком тысяч лагерных отделений и лагерных пунктов и 1734 колонии, в которых содержались 2 356 685 заключенных, из них 1 963 679 человек трудоспособных. Более половины (55,8 %) составляли осужденные в возрасте от 17 до 30 лет, женщин было 22,1 % от общей численности заключенных.

Помимо обеспечения рабочей силой собственных производственных объектов, на которых были заняты примерно 3/4 трудоспособных заключенных, МВД по заданиям правительства на основании договоров выделяло заключенных для работы в системе других министерств и ведомств. В 1947 г. «на стороне» работали 507 800 лагерных рабов.

С конца 30-х годов регионом-символом ГУЛАГа стала Колыма, а символом каторжного труда – Дальстрой. Этот монстр лагерной экономики вошел в состав НКВД в 1938 г. Уже в тот период в Восточной Сибири не было организации, которая не числилась бы в должниках Дальстроя. В последующие годы лагерное хозяйство разрослось еще больше, фактически

был создан новый горнопромышленный район крупного значения, занимавший территорию 2,5 млн. кв. км. Кроме рассыпного золота здесь добывали в большом количестве олово, вольфрам, кобальт и другие стратегические металлы. В 1947 г. в Дальстрое действовали 52 золотых прииска, 5 золотых рудников, 5 золотоизвлекательных фабрик, 7 оловянных рудников, 11 оловообогатительных фабрик, 25 стационарных электростанций, было построено около 3500 км автомобильных дорог и проездов. Все снабжение Дальстроя осуществлялось через порт Нагаево (Магадан), многие золотые прииски были удалены от порта на тысячу и более километров.

О нечеловеческих условиях труда в Дальстрое вспоминали позднее многие из выживших узников ГУЛАГа. Мы обратимся к другому источнику, написанному ровно 45 лет назад. Летом 1954 г. в ЦК КПСС поступило многостраничное письмо от заключенной Е.Л. Владимировой. Несмотря на все пережитые страдания, она оставалась убежденной большевичкой и считала своим долгом проинформировать высшие партийные органы «о бесчеловечных условиях содержания советских заключенных, помочь партии восстановить попорченную врагами народа справедливость и социалистическую законность». Владимирова прибыла на Колыму осенью 1938 г. и пробыла там 9,5 лет, из них с 1945 г. по август 1948 г. в каторжных лагерях Тенькинского горного управления. Писала она только о том, что видела и пережила сама. Больше всего поражало Е.Л. Владимирову в лагерях Дальстроя полное пренебрежение к людям, к их простейшим человеческим правам, а часто и к жизни. Например, в бухту «Пестрая Дресва», севернее Магадана, завезли несколько тысяч заключенных для ее освоения. Это было переломное, очень опасное время года, когда колымское лето в одночасье сменялось колымской зимой. Люди были в летней одежде, палатки ставили наспех, подгоняемые конвоем. Начавшийся ночью буран сорвал эти ненадежные укрытия, все заключенные были обморожены, искалечены, очень многие умерли.

В больницу Магаданского лагеря непрерывным потоком поступали люди с рудников и шахт с тяжелыми сердечными заболеваниями, цингой, дистрофией. Некоторые из них работали в шахтах совсем недолго. В ряде лагерей наблюдалось массовое истощение заключенных, смертность была очень велика. Количество неспособных к труду, даже по строгому лагерному определению, достигало половины состава заключенных. Большое распространение имели сезонные заболевания – зимой обморожения, весной глазные заболевания от яркого света и снега, приводившие порой к полной слепоте. Заключенным полагались

солнцезащитные очки, но их, конечно, не выдавали, в результате люди слепли. В инвалидном лагере содержалось большое количество людей, ослепших от снега, которые передвигались по лагерю цепочкой. Чрезвычайно высок был производственный травматизм, нередко случались самоубийства. Тяжесть рудничных работ (ручная погрузка и разгрузка) усугублялась 12-часовым пребыванием в вечной мерзлоте. Питание чрезвычайно скудное и однообразное. Главной пищей был хлеб, его выдавали от 650 до 1200 граммов, но этого, как будто, большого количества, не хватало, чтобы возместить расходы организма на холод и тяжелую работу. К тому же хлеб был очень плохого качества, бывали случаи, когда его полусырым (специально, чтобы потяжелей) выдавали в шапки, т.к. недопеченный полужидкий хлеб расплзался. В массовом воровстве продуктов участвовали как заключенные уголовники, так и вольнонаемные сотрудники, особенно надзиратели. Как ни странно, но хуже всего, по свидетельству Владимировой, кормили именно в рабочих горных лагерях.

Не лучше обстояло дело и с так называемым «вещдовольствием». В лагерях Дальстроя нередко можно было встретить целые горняцкие бригады, чьи рубахи сносились до степени ленточек, зимой многие заключенные работали в чунях (веревочных лаптях). В лагерном отделении «Бутугычаг» целый полустационар человек в 200 содержался в голом виде, без белья и одежды с одним одеялом на 2-3 человека; их одели только, когда в это лагерное отделение случайно заглянуло какое-то высокое начальство.

Аналогичное положение с питанием и обмундированием наблюдалось практически во всех лагерях ГУЛАГа. Воровство было лишь одной из причин, другая заключалась в самой системе снабжения ГУЛАГа. «На протяжении последних 8 лет потребность в вещевом имуществе для снабжения заключенных Госпланом удовлетворялась в крайне ограниченном размере, – читаем мы в объяснительной записке к заявке МВД на 1949 г. на вещевое имущество для обеспечения заключенных, содержащихся в ГУЛАГе. – Выделяемые фонды на 1948 год обеспечивали потребность: по тканям на изготовление одежды, белья, постельных принадлежностей – 32,5 %, по обуви разной – 44 %, по обуви валяной – 51,2 %. В результате этого создалось крайне тяжелое положение с обеспечением контингента вещевым имуществом... Подавляющее количество наличного вещимущества неоднократно ремонтировалось, реставрировалось». Вот и привязывали заключенные к ногам вместо обуви автомобильные покрышки. Кстати, вопрос об освобождении НКВД от обязательной сдачи старых автомобильных покрышек и камер и разрешении

использовать их для изготовления резиновой обуви рассматривался на правительственном уровне и был решен положительно в январе 1944 г.

И все же, несмотря на голод, холод, болезни и смерть, жители колониально-лагерной страны под конвоем и прицелом строили, добывали, производили. В 1948 г. в системе МВД было добыто химически чистого золота 96,2 тонны, платины 8,7 тонны, серебра 38,8 тонны; добыто, поистине, каторжным трудом.

Французский писатель Сент-Экзюпери, анализируя сущность человеческого бытия, писал: «Каторга не там, где работают киркой. Она ужасна не тем, что это тяжелый труд. Каторга там, где удары кирки лишены смысла, где труд не соединяет человека с людьми». Лагерный труд был лишен смысла не только в человеческом аспекте, но зачастую и в экономическом. Бывшая заключенная О. Адамова-Слиозберг вспоминала: «Мы долбили в морозной почве канавы для спуска талых вод. Работали на 50-градусном морозе тяжелыми кайлами. Старались выработать норму... Это был очень тяжелый труд. Земля – как цемент. Дыхание застывает в воздухе. Плечи и поясница болят от напряжения. Но мы работали честно. А весной, когда земля оттаяла, пустили трактор с канавокопателем, и он в час провел канаву такую же, как звено в шесть человек копало два месяца». Это было наказание бессмысленным трудом, наказание особенно тяжелое и позорное для людей, привыкших всю жизнь честно трудиться.

Труд заключенных не афишировался, государственная тайна надежно охраняла все, что было связано с ГУЛАГом. Особенно это касалось различных спецобъектов, число которых в послевоенные годы быстро увеличивалось. Из общего объема капитального строительства, выполненного МВД в 1947 г. на сумму 4,2 млрд. руб., на спецстроительство приходилось более 1 млрд. руб. На строительстве спецобъектов в 1947 г. работали 140 тыс. заключенных.

Спецстроительство было связано, в первую очередь, с развитием военно-промышленного комплекса, в частности, с созданием атомного и водородного оружия. Профессор И.Н. Головин, непосредственный участник работ по созданию советской атомной бомбы в 40-х годах, первый заместитель И.В. Курчатова в 1950-58 гг., свидетельствовал, что труд заключенных при осуществлении атомного проекта использовался «в широчайших масштабах!». «Все стройки, рудники, “Атомграды”, даже наш институт в Москве (тогда лаборатория № 2), – вспоминал ученый в конце 80-х годов, – на всех этих объектах работали заключенные... на наших стройках их были многие тысячи. Все специалисты это видели и обо всем знали... Сейчас это кажется невероятным, но когда возникала нехватка

строителей, и Берия говорил: “Что ж, завтра подошлем дополнительный контингент”, это воспринималось спокойно».

Подневольный труд использовался не только в промышленности или строительстве. Имена таких заключенных, как А.Н. Туполев, С.П. Королев, В.М. Петляков, В.П. Глушко, В.М. Мясищев, А.Л. Минц, Б.С. Стечкин и многих других ученых были связаны с деятельностью Особых конструкторских бюро (ОКБ), так называемых «шарашек», которые стали создаваться под надзором органов госбезопасности во многих городах Советского Союза еще до войны.

«Почему сидели Туполев, Стечкин, Королев?» – такой вопрос задал публицист Ф. Чуев еще в начале 70-х годов В.М. Молотову, одному из главных организаторов репрессий 30-х годов. В ответе бывшего главы советского правительства не было ни тени сомнения в правильности проводимой в те годы политики: «Они все сидели. Много болтали лишнего... Они ведь не поддерживали нас. Тот же Туполев мог бы стать и опасным врагом. У него большие связи с враждебной нам интеллигенцией... Туполевы - они были в свое время очень серьезным вопросом для нас. Некоторое время они были противниками, и нужно было еще время, чтобы их приблизить к Советской власти... Туполев из той категории интеллигенции, которая очень нужна Советскому государству, но в душе они - против, и по линии личных связей они опасную и разлагающую работу вели, а если и не вели, то дышали этим...»

Туполевых посадили за решетку, чекистам приказали: обеспечивайте их самыми лучшими условиями, кормите пирожными, всем, чем только можно, больше, чем кому бы то ни было, но не выпускайте! Пускай работают, конструируют нужные стране военные вещи. Это нужнейшие люди».

Деятельность Особых конструкторских бюро, входивших в состав 4 спецотдела МВД, была весьма разнообразной. Например, ленинградское ОКБ-172, отметившее в мае 1948 г. свое десятилетие, занималось проектированием артиллерийских систем вооружения. За годы существования бюро заключенные специалисты по заданиям правительства разработали 23 крупных проекта и выполнили свыше 60 научно-исследовательских работ.

Другая группа заключенных инженеров и техников в количестве 53 человек долгое время работала над созданием транспортного самолета Т-117. Тюремный научный коллектив возглавлял бывший член итальянской компартии, прибывший в Советский Союз в 1923 г., заключенный авиаконструктор Р.Л. Бартини. Под его руководством группа разработала и спроектировала несколько вариантов самолета. Проведенные в 1946 г.

гражданские и военные экспертизы подтвердили высокие летно-технические качества самолета.

Научные успехи заключенных специалистов могли создать иллюзию какого-то активного созидательного процесса. На самом деле любое экономическое или научное достижение ГУЛАГа – это в значительно большей степени потеря, чем приобретение. Подконвойный принудительный труд по своей природе не может быть созидательным. Любой без вины осужденный человек, находясь в противоестественных его природе тюремных условиях, униженный, переживший потрясение ареста, разлуку с семьей, не может работать и творить в полную силу своих возможностей. Абсолютная самоотдача возможна лишь в крайне редких, исключительных случаях. Там, где группа заключенных специалистов за определенный срок создавала один самолет, там за такой же срок научный коллектив свободных единомышленников создал бы восемь самолетов. Об этом не раз позднее с сожалением размышляли бывшие подневольные сотрудники особых конструкторских бюро, в частности, А.Н. Туполев.

Лагерная экономика послевоенного периода имела ряд специфических особенностей, не свойственных никаким другим хозяйственным структурам. Выступая на 7-ой партийной конференции МВД СССР 31 марта 1950 г., министр внутренних дел С.Н. Круглов подробно охарактеризовал хозяйственную деятельность своего ведомства: «Во-первых, эти особенности заключаются в чрезвычайном разнообразии промышленного производства, которым нам приходится заниматься, используя труд заключенных в наших исправительно-трудовых лагерях и колониях... Нам приходится заниматься и топливной промышленностью, и цветными металлами, и строительством дорог, и металлообработкой, и добычей леса, и деревообработкой, и кожевенно-техническим производством, и обувной, швейной и трикотажной промышленностью, эксплуатацией шоссежных и железных дорог, а также иметь в своей системе крупное сельское хозяйство.

Вторая особенность нашей работы заключается в том, что мы эту разнообразную программу промышленного капитального строительства выполняем, главным образом, в особоотдаленных, малоосвоенных районах Дальнего Севера и Дальнего Востока.

Третья особенность заключается в том, что рабочая сила, используемая Министерством внутренних дел, коренным образом отличается от рабочей силы, с которой имеют дело другие министерства. В использовании рабочей силы мы обязаны сочетать интересы государственной безопасности, учитывать условия режима, изоляции заключенных с использованием их труда в интересах нашего государства».

В 1949 г. МВД выпустило промышленной продукции почти на 20 миллиардов рублей. На его долю приходилось 100 % добычи платины, слюды, алмазов, более 90 % золота, свыше 70 % олова, 40 % меди, свыше 35 % сажи, 33 % никеля, 13 % леса. Валовая продукция промышленности МВД СССР в 1949 г. составляла более 10 % общего выпуска продукции в стране.

Главным атрибутом лагерной экономики на протяжении всех лет ее существования оставался ручной труд. В 1948 г. на 5-ой партийной конференции МВД представитель лагерей лесной промышленности докладывал о работе своего управления: «Все процессы не механизированы, никаких механизмов до сего времени не получали и не получаем, а полученные 100 электропил в течение более года не можем ввести в эксплуатацию из-за отсутствия передвижных электростанций». Далее следовала традиционная просьба помочь, «потому что растущую программу мускульной силой и лошадью мы не возьмем».

Хорошо, если была лошадь и мускульная сила, часто на лесоповале не было ни того, ни другого. Вот как протекал процесс лесозаготовительных работ на Колыме, в частности, в женском лагере с игривым названием «Вакханка». «На “Вакханке” участки лесоповала отстояли от лагерного пункта на расстоянии от 5 до 10 км, – свидетельствовала бывшая смертница-каторжанка Е.Л.Владимирова. – 10-20 км пути зимой было очень тяжелым добавлением к работе. Работа включала трелевку на себе, то есть по 2 женщины впрягались в сани, перекладина через грудь, и везли баланы (бревна с корой – *примеч. авт.*) на расстояние до нескольких километров за один рейс. Так, например, слабосильная бригада пятичасовиков, организованная ввиду большой людской истощенности, возила лес по одному рейсу в день на расстояние 5 км, всего делая, считая конец с пустыми санями, 10 км. У рабочих бригад норма, конечно, была выше. Не выполняющие норму бригады время от времени в зимние лунные ночи оставались в лесу до 12 часов ночи...». Случалось, что лагерные «вакханки» умирали от разрыва диафрагмы. Такие смерти фиксировались как производственный травматизм вследствие нарушения техники безопасности. Они не портили лагерных показателей, так как шли по другой графе учета. Хитрая гулаговская статистика фиксировала смертные случаи настолько своеобразно (отдельно смертность в лагерях, отдельно в больницах, колониях, на производстве, в тюрьме, при побеге и т. д.), что до сих пор установить точное количество погибших заключенных не представляется возможным, официальные же данные всей совокупности смертей узников ГУЛАГа не учитывают.

После войны на стройки и предприятия МВД завозилось значительное количество современного оборудования, но заключенные в силу специфики подконвойного труда, как и 10-20 лет назад, работали киркой, ломом, лопатой, тачкой. Себестоимость гулаговской продукции, несмотря на бесплатность труда заключенных, значительно превышала себестоимость аналогичной продукции, изготавливаемой местной промышленностью. Например, в таком крупном лагерно-производственном управлении, как «Енисейстрой» плановая стоимость тысячи штук кирпича определялась в 250 рублей, фактическая же стоимость была 631 рубль, в местной промышленности себестоимость такого же количества кирпича составляла 210 рублей.

Лагерная экономика наносила материальный ущерб не только народному хозяйству, весьма серьезные потери наблюдались и в области экологии. Вполне очевидно, что все промышленные предприятия строились без необходимых очистных сооружений, хищнически расходовались природные ресурсы. Сорский молибденовый комбинат, например, в нарушение всех правил и технологий сбрасывал отходы своего производства в пойму реки Соры (Хакасия). Проект предусматривал сооружение специальных хранилищ для отходов, но строить их было некогда. Все понимали, что это грубейшее нарушение, но никто не пытался его устранить. ГУЛАГ одинаково не щадил ни людей, ни природу.

С начала 50-х годов явственно обозначился кризис лагерной экономики. МВД катастрофически не справлялось с растущим объемом работ. «Великие стройки коммунизма», на которых главной производительной силой были заключенные, требовали для их осуществления огромного труда, причем труда добросовестного, квалифицированного, чего не могли дать подконвойные кадры. «Величайшие стройки народного процветания», как их величали в газетах, сдавались в эксплуатацию с огромными недоделками значительно позже намеченных сроков. Содержание лагерей и колоний не окупалось доходами от трудового использования заключенных, и ежегодно, на протяжении всех послевоенных лет, ГУЛАГ получал значительные суммы дотаций из государственного бюджета. Например, в 1952 г. государство выделило на содержание лагерей и колоний 2 миллиарда 397 миллионов рублей.

Вскоре после смерти Сталина решилась судьба многих лагерных строек. По предложению Л.П. Берии, Совет Министров СССР постановил прекратить строительство ряда гидротехнических сооружений, железных и шоссежных дорог, предприятий, поскольку их строительство не вызывалось нуждами народного хозяйства. Всего в постановлении значилось более

двадцати крупных лагерно-производственных объектов. Хорошо знавший истинную цену принудительного труда Л.П. Берия незадолго до своего ареста внес на рассмотрение верховных органов партии и правительства предложение: «Ликвидировать сложившуюся систему принудительного труда ввиду экономической неэффективности и бесперспективности».

Реорганизационные процессы в системе лагерной экономики продолжались на протяжении нескольких лет. В марте 1955 г. МВД рассталось с одним из своих старейших главков - Главпромстроем, который перешел в Министерство среднего машиностроения. Вопрос об окончательной передаче из МВД производственно-хозяйственных и строительных организаций в другие ведомства был решен в феврале 1956 г. на заседании Президиума ЦК КПСС. Это не означало, что труд заключенных перестал использоваться в народном хозяйстве. Однако, в целом, лагерная экономика как особый хозяйственный организм, основанный преимущественно на использовании различных видов принудительного труда, прежде всего труда заключенных, к середине 50-х годов свое существование прекратила. Ее символическим концом можно считать дату 4 июня 1956 г. В этот день Президиум Верховного Совета СССР ратифицировал конвенцию Международной организации труда относительно упразднения принудительного и обязательного труда во всех его формах. Напомним, что этот международный документ был принят в Женеве еще в 1930 г. Кроме того, 7 сентября 1956 г. Советский Союз подписал конвенцию об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством. Это вселяло надежду, что с лагерной экономикой покончено навсегда.

В заключение уместно вспомнить слова известного правозащитника академика А.Д. Сахарова: «В сталинское время рабский труд миллионов заключенных, погибавших в чудовищной системе ГУЛАГа, играл существенную экономическую роль, в особенности в освоении плохо обжитых районов Востока и Севера. Конечно, эта система была не только безмерно бесчеловечной и преступной, но и неэффективной, это была часть экстенсивной расточительной экономики того времени, не говоря уж об отдаленных последствиях варварского уничтожения человеческого потенциала страны».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В ЛАГЕРЕ ТОЖЕ ЕСТЬ МЕСТО ПОДВИГУ

«Прошлым мы богаты, белых пятен в истории не должно быть, ибо были кровь, смерть и противная грязь, но наряду с этим были героизм, муки и подвиги»

*Ирэна Сметонене-Мартинкуте,
активная участница восстания
1953 г. в Горном лагере*

Вряд ли предполагал «буревестник революции», а позднее певец ГУЛАГа А.М. Горький, что его романтические слова «в жизни всегда есть место подвигам» будут перефразированы и использованы для характеристики поведения людей в аду, рукотворном лагерном аду, созданном страной Советов. Анализируя движение Сопротивления в ГУЛАГе, не всегда можно однозначно ответить на вопрос – во имя чего совершался подвиг, что было его движущей силой? Человек, который пытался уберечь душу от растрепания или сохранить своё человеческое достоинство, спасти лагерного товарища или добиться справедливости там, где ее никогда не было, да и не могло быть, меньше всего думал о героизме. Оказывая физическое и нравственное сопротивление произволу, беззаконию, подлости лагерники едва ли ощущали себя героями. Не воспринимало их в качестве таковых ни общество, которое не знало или притворялось, что ничего не знает о ГУЛАГе, ни лагерное начальство, которое видело в действиях заключенных лишь «неповиновение», «беспорядки», «вольники», «бандитизм» и т. д. Конечно, сила сопротивления не была равна силе давления, и писать «героическую сюиту» на материалах ГУЛАГа достаточно сложно, но забыть о тысячах, по большей части, безымянных героев, которые не побоялись вступить в единоборство с чудовищной системой подавления Человека, которые в экстремальных условиях смогли сохранить свою духовную природу, мы не имеем права.

На протяжении десятилетий тема сопротивления в ГУЛАГе, как, впрочем, и все другие темы, связанные с лагерной проблематикой, оставалась белым пятном в нашей истории. Одна из важнейших заслуг в ликвидации этого пятна принадлежит московскому историко-литературному обществу «Возвращение», которое сумело не только разыскать оставшихся в

живых участников забастовок, голодовок, восстаний, но и провести ряд международных конференций с их участием. Книги, брошюры, объемные номера журнала «Воля», выпущенные «Возвращением», содержат сотни документов, писем и воспоминаний бывших узников ГУЛАГа – участников движения Сопротивления. Опубликованные материалы полностью подтверждают слова председателя этого общества С.С.Виленского: «Архипелаг ГУЛАГ – это страдания, гибель, растрение людей и вместе с тем – торжество духа, мужество и товарищество».

Опыт борьбы с государственной карательной системой российские политические заключенные приобрели задолго до появления ГУЛАГа. Еще в прошлом веке они научились создавать в условиях тюрьмы, каторги и ссылки собственные организации и отстаивать свои права и человеческое достоинство, не останавливаясь ни перед чем. Более ста лет назад российское общество потрясла весть о Карийской трагедии – массовом самоубийстве политкаторжан в знак протеста против применения розог к их товарищу Надежде Сигиде, которая отбывала 8-летнюю каторгу за организацию в Таганроге подпольной типографии. Трагедия произошла в ноябре 1889 г. на Карийской каторге (в Забайкалье). После перенесенного наказания розгами двадцатисемилетняя политкаторжанка покончила жизнь самоубийством. К протесту Н.К. Сигиды против телесного наказания ссыльных женщин присоединились 18 человек; они приняли яд, в результате чего 6 из них умерли. Следствием такого острого, непримиримого сопротивления деспотизму властей и попыткам администрации уравнивать в правах политических и уголовных заключенных стали ликвидация Карийской каторги и издание закона об отмене телесных наказаний для осужденных женщин.

Конечно, далеко не всегда протест выражался в столь крайних формах. Политические заключенные использовали самые различные способы борьбы за удовлетворение своих требований. Интересную форму протеста избрали политкаторжане в 1915 г. в Бутырской тюрьме (г. Москва), где они работали в специально созданных мастерских. Значительная часть заключенных, около полутора тысячи человек, отбывала каторгу в портновской мастерской, в которой шили военное обмундирование. Мастерская подчинялась военному ведомству, которое платило за одну шинель 28 копеек, из них 25 %, то есть 7 копеек, арестант получал на руки. В среднем каторжанин зарабатывал в день 35 копеек, которые тратил, в основном, на покупку продуктов. Для полноценного питания при возросших с начала войны рыночных ценах этого было явно недостаточно. Вопрос о повышении расценок обсуждался с весны 1915 г., но ни тюремное, ни

военное начальство, ни губернатор не хотели идти ни на какие уступки. По вольной памяти кто-то высказал предложение провести забастовку. Но как? Тюрьма... Военное положение... План забастовки родился сам собой. Решили проводить «итальянскую забастовку» – работу не бросать, но выработку сократить до минимума. Машины должны быть хорошо освещены, и исправно функционировать. Работникам велено вести себя образцово, спокойно и не давать никаких поводов к конфликту с тюремным начальством. Обязательно сидеть и шить за машиной, но для того, чтобы не было продуктивности – шить без нижней нитки, а при ручном шитье – без узла на конце. Для переговоров с начальством выбрали от каждого отделения по одному самому спокойному товарищу. В случае репрессий и увольнений было решено машины уволенных объявлять под бойкотом и вывешивать в уборной на стене объявления, что на такой-то машине никто не имеет права работать. Решили также создать кассу взаимопомощи для лишенных работы и устраивать им передачи независимо от того, куда их направят.

Забастовка началась в октябре 1915 г. Единственное требование – повышение расценок. Вот как описывал дальнейшие события один из участников забастовки: «Первые дни дело шло прекрасно, спокойно, все были на своих местах, машины трещали, грелись утюги, ходили из угла в угол тюремщики. Но сработанного вечером не сдавали... так прошло три дня. Каждая машина, по расчету тюремщика, должна сдать за это время 30 с лишним шинелей, но не сдала ни одной.... Так продолжалось 6 дней. Но когда в субботу начали отбирать шинели, готовых не вышло и по две штуки на машину. Начальство окончательно взбесилось... Инициаторов забрали в одиночки, лишили на месяц свидания с родными, переписки, выписки, чтения книг». Несмотря на репрессии, забастовка продолжалась более месяца. Заключенным все же удалось добиться повышения расценок, и за шинель, например, стали платить не 28 копеек, а 50. После забастовки многие каторжане с опасением ожидали массовых порок, но администрация тюрьмы на такой варварский шаг не решилась, и это тоже было следствием длительной борьбы заключенных за свои права. Еще несколько лет назад, особенно в 1909-1910 гг., когда каторжным отделением в Бутырской тюрьме заведовал Дружинин, розги и карцер были излюбленными средствами наказания политкаторжан. Более 25 заключенных ежегодно, не выдержав унижений тюремного режима, кончали жизнь самоубийством. Зимой 1911 г. начались кровавые протесты. 21 января, доведенные до отчаяния садизмом Дружинина и его администрации, каторжане взбунтовались и убили четырех надзирателей, одного тяжело ранили. Сразу же после убийства в течение 2-

3 недели режим резко ужесточился, с зачинщиками жестоко расправились (двоих повесили), но все же политзаключенные своего добились. Дружинин был смнен и на его место назначен капитан Гурский, при котором, по единодушному мнению политкаторжан, «начались поблажки». Смягчению режима способствовала также книга о Бутырской тюрьме голландского профессора Гана, вышедшая в Европе в 1912 г. на французском и английском языках. Профессор Ган побывал в тюрьме в качестве посетителя. Ему удалось договориться с заключенными социалистами, и те передали иностранцу целый ряд фотографий, в том числе снимки заключенных в кандалах, фотографии карцеров и портреты начальства. Все фотографии изготавливались нелегально в тюремной фотолаборатории, которая обслуживала нужды художественной мастерской. Кроме фотографий тюрьмы, Ган получил также подробное описание положения заключенных. Всё это вошло в книгу. Дорожа мнением просвещенной Европы, царские власти не хотели выглядеть жестокими и шли на смягчение своей карательной политики.

Как видим, диапазон способов выражения недовольства и протеста у политических заключенных был чрезвычайно широк – от убийства до самоубийства. Не жалея ни здоровья (весьма распространенной формой протеста были голодовки), ни собственной жизни, они отстаивали свое человеческое достоинство, боролись за права человека. Результаты их противостояния режиму не были ничтожны. Успех определялся, прежде всего, целеустремленностью и организованностью политзаключенных, в их тюремной среде не было ни предателей, ни доносчиков, а в психологии не было ни рабской покорности, ни волчьей ненависти, ни сакраментального «умри ты сегодня, а я завтра», зато были чувства собственного достоинства и единения с товарищами.

В первые годы советской власти статус «политических заключенных» еще сохранялся за репрессированными анархистами, эсерами и социал-демократами, то есть за теми группами профессиональных революционеров, которые вместе с большевиками боролись против царизма. Однако с первых же дней своего господства большевики категорически отказались признать «политическими» всех тех, кто был арестован и осужден за выступления против установившегося политического режима – участников оппозиционных рабочих движений и организаций; крестьян, участвовавших в антибольшевистских восстаниях; рабочих-стачечников; верующих, защищавших устои православия и многих других. Эти группы заключенных находились в тюрьмах и концентрационных лагерях вместе с ворами и бандитами на общеуголовном режиме. Их положение было несравненно

тяжелее, чем положение политзаключенных, а возможности для сопротивления ничтожно малы.

В начале 20-х годов местом концентрации политических противников большевистского режима стал Европейский Север России. Сначала анархистов и социалистов содержали в Пертоминском монастыре и в Холмогорах, но мест не хватало, кроме того, там свирепствовала малярия. Удовлетворяя требование политзаключенных закрыть эти губительные для здоровья места заключения, советская власть начала летом 1923 г. свозить репрессированных «политиков», как их тогда называли, на Соловецкие острова. Здесь, как писал бывший сотрудник ВЧК–ОГПУ А. Роцин, «политические пользовались абсолютной свободой», под свободой он понимал то, что «они находились в изолированном, околоченном колючей проволокой лагере, в 2-х этажном доме. У них было самоуправление. Мы не вмешивались к ним. Только наружное наблюдение было с постов. Они постовых на вышках часто обижали, подходили к этим вышкам и ругали их». Да, по сравнению с тем, в каких условиях находились другие заключенные, измученные принудительным трудом и отданные во власть уголовников, это была действительно свобода, и когда власти попытались её ограничить, политзаключенные без колебаний начали сопротивление.

Пришедшее из Москвы распоряжение предписывало сократить время пребывания заключенных на улице в вечерние часы. Поскольку никаких оснований для такого ограничения не было, социалисты решили его игнорировать. Столкновение с администрацией, не видевшей смысла в сохранении особого статуса политзаключенных и давно искавшей повода расправиться с «меньшевистской сволочью», было неизбежно. В то время начальником Соловецкого лагеря был А.П. Ногтев, который пользовался вполне заслуженной репутацией «палача, способного на самые жестокие и кровавые действия». Именно такие действия и предприняла администрация 19 декабря 1923 г. Бывшие чекисты, попавшие на Соловки за уголовные преступления, охотно выступили в роли убийц и хладнокровно расстреляли сплоченные группы мужчин и женщин, отказавшихся зайти в помещение и продолжавших гулять по дорожкам парка при свете электрических фонарей. Двое суток долбили политзаключенные могилы для своих убитых товарищей, которых начальство милостиво разрешило похоронить вне колючей проволоки, но «без речей». Смерть шести социалистов временно сняла вопрос об ограничении политзаключенных в праве на вечерние прогулки. Однако тюремщики не оставили попыток уравнять в правах уголовных и политических заключенных, в частности, они стали требовать, чтобы принудительный труд был обязателен и для «политиков». И снова

противостояние. Политзаключенные потребовали либо перевести их на материк, либо сохранить существующий режим. Московское начальство ответило отказом. Тогда три фракции (левые эсеры, правые эсеры и анархисты) объявили голодовку. На 13 день, когда многие ослабели, группа эсеров пришла к старосте с заявлением: «Голодовку не прекращать ни в коем случае, но, считая невозможным ставить под удар слабейших товарищей, в подтверждение требований заключенных, начиная с 15 дня голодовки, один из группы вскрывает вены и кончает с собой. Остальные продолжают голодать». На 15-ый день староста социал-демократов заявил заместителю начальника лагеря Ф.И.Эйхмансу, что после первой жертвы их фракция в полном составе также присоединится к голодовке. Только тогда администрация согласилась на переговоры, в ходе которых было выработано соглашение, предусматривающее сохранение льготного режима.

Что заставляло большевиков проявлять снисхождение к своим поверженным политическим противникам? По мнению самих заключенных, большевики боялись, «как бы не было шума за границей среди иностранной социал-демократии». А «шум» действительно был. Слухи о Соловецком расстреле и последующих событиях дошли до мировой общественности и вызвали массовые протесты со стороны рабочих организаций ряда стран. Большевистская власть не особенно дорожила мнением мировой общественности, но на этот раз решила уступить. 10 июня 1925 г. Совнарком СССР постановил: «Прекратить впредь содержание в Соловецком концентрационном лагере особого назначения осужденных за политические преступления членов антисоветских партий (правых с.-р., левых с.-р., меньшевиков и анархистов)». Политзаключенных перевели в подведомственные ОГПУ места лишения свободы на материке – в Тобольскую и Верхне-Уральскую каторжные тюрьмы. По сути, это было новое, гораздо более суровое наказание. Соловецкий быт с его отвоёванными льготами показался социалистам, чуть ли не раем, по сравнению с тем, что им уготовило ОГПУ на материке, где они очень скоро лишились статуса «политических», превратившись в рядовых «врагов народа».

Сила духа политзаключенных, не сразу сломленная большевистскими репрессиями, восхищала многих современников. С. Мальсагов, участник группового побега из Соловецкого лагеря в 1925 г., так характеризовал этих первых участников движения Сопротивления: «Я не могу не воздать должное настойчивости и бесстрашию, которое они проявляют; если необходимо, они не останавливаются ни перед какими жертвами в отстаивании своих требований; они выдвигают эти требования, как

сплоченная единая организация...». Большевики хорошо знали, как велико значение организации, поэтому все их усилия по подавлению сопротивления были направлены на то, чтобы распылить, разъединить своих политических противников, а затем постепенно уничтожить.

О статусе политзаключенных вновь вспомнили троцкисты, заполнившие лагеря и тюрьмы в 1936 г. Чтобы их не путали с «политическими» первого набора, они именовали себя «политкоммунистами», заодно отмежевываясь тем самым от всех, кого советская власть клеймила «контрреволюционерами». Это было уже саморазъединение, фактически – начало поражения, остальное доделал лагерный режим, о тяжести которого никто из оппозиционеров, будучи на воле, даже не предполагал. В одном из заявлений в НКВД СССР репрессированные коммунисты описали условия своего существования в Ухтпечлаге так: «Суровый климат, голодный паек, переполненный барак, в котором чинит порядок над всеми специфическая власть в лице уголовного главаря, ставшего председателем коллектива, неистребимые вши и клопы, непосильная каторжная работа, грубое обращение бесчисленного количества разного начальства, атмосфера травли и угроз расправой – таков режим Воркуты, рассчитанный на физическое уничтожение». Осознавая себя действительно политическими заключенными, которые попали в застенки, потому что они опасны для Советской власти, оппозиционеры начали активную борьбу с представителями этой власти на местах – с лагерной администрацией. В служебных донесениях сотрудников НКВД того периода приводятся многочисленные факты сопротивления, которое оказывали бывшие коммунисты, защищая свое человеческое достоинство и права политзаключенных. «Троцкисты не выполняют лагерного распорядка, режим лагеря им чужд и ненавистен, – отмечено в документах. – Отказались от дактилоскопирования, мотивируя, что это должны делать только уголовные преступники, считая себя важными политическими преступниками... На работу они всегда выходят с опозданием и к работе относятся пассивно. На проверку в лагере, устраиваемую в порядке приказа УСВИТЛ, не выходят. За нарушение лагерной дисциплины на них налагались дисциплинарные взыскания, которые, однако, для них оказались маловлиятельными». Из сообщений лагерных служащих мы знаем, что в 1936 г. «как по дирижерской палочке, в лагерях начались волынки, открытые антисоветские выступления, распространение программных листовок-прокламаций, требование своего освобождения, требование присылки прокурора из Москвы, требование свободы передвижения. На попытки оперативных работников изъять из массы троцкистов зачинщиков,

инициаторов и руководителей выступлений, троцкисты, зиновьевцы, бухаринцы ответили устройством в бараках баррикад и объявлением массовых голодовок».

Наиболее масштабным и заметным было выступление троцкистов в Заполярье, в Ухто-Печорском лагере. Среди заключенных было немало таких, которые подвергались репрессиям за «контрреволюционную троцкистскую деятельность» еще с середины 20-х годов, поэтому они хорошо знали «вчерашний день» советского лагеря. То, с чем им пришлось столкнуться на Воркуте, не шло ни в какое сравнение с пережитым ранее. «Террор прошлых лет, – констатировали осужденные на 5 лет троцкисты, – несмотря на его чудовищность, меркнет перед нынешним свирепым курсом на физическое истребление в самом прямом и буквальном смысле этого слова». Тогда ещё ни они, ни кто другой не предполагали, что через несколько лет и этот «свирепый курс» померкнет перед очередной кровавой вакханалией. Не желая мириться с засильем уголовников, грубостью охраны, голодом и антисанитарией, троцкисты решили прибегнуть к испытанному многими поколениями политических заключенных средству – массовой голодовке. Перед началом этой акции они обратились с коллективным заявлением к руководству НКВД и начальнику лагеря. Троцкисты доводили до сведения тюремщиков, сколь трудно их положение в лагере, и выдвигали ряд требований, направленных на улучшение условий их содержания путем перевода с уголовного режима на «политический». Данное заявление имело свои характерные приметы времени: его податели не видели связи между лагерным режимом и общегосударственным; виновников своих физических и моральных страданий они искали не в высших эшелонах власти, а в лагерном руководстве. Требования троцкистов сводились к следующему: «политпаёк» вне зависимости от характера работ, работа по специальности или по выбору, условия труда по КЗОТу, нормальные жилищно-бытовые условия, снабжение обмундированием, беспрепятственное получение центральных периодических изданий, совместное проживание семейных, обеспечение медицинской помощью. Никакие вопросы политического характера в этом заявлении не поднимались. Под обращением подписались 73 человека. Положение заключенных, готовых отстаивать свои требования путем голодовки, было чрезвычайно сложным, ведь многим из них уже пришлось услышать из уст тюремщиков: «Государство в вашей жизни не заинтересовано». На что надеялись «политкоммунисты», объявляя голодовку? Надеялись, что их коллективная воля победит волю репрессивной машины? «Безумству храбрых поем мы песню». Акция протеста началась 18 октября 1936 г. В

голодовку вступали группами, последовательно, согласно составленному графику. К концу октября число голодающих составило 231 человек, среди них были и женщины, и старики, и больные. Голодовка, в ходе которой, несмотря на искусственное кормление, умерли двое заключенных, а вес многих снизился до 40 кг, продолжалась до 13 февраля 1937 г. Человек, знающий историю, легко поймёт, что в *это время* выиграть голодовку было уже невозможно, но троцкисты её «выиграли». Высшее руководство НКВД согласилось принять требования заключенных. Однако очень скоро участники сопротивления поняли, что их просто обманули, так как ни одно из требований голодающих не было выполнено. Последовали новые коллективные заявления с аналогичными претензиями. Однако реакция на них была уже принципиально иной. Всякий организованный протест стал рассматриваться как контрреволюционная деятельность со всеми вытекающими отсюда последствиями. Вдохновителей и организаторов сопротивления ждало обвинение в контрреволюционной агитации. В условиях массового доноительства, когда доносчиками становились не только из страха, но и по политическим соображениям, выявить лидеров противостояния не составляло никакого труда. Впрочем, часто участники сопротивления и сами не скрывали своих имен.

Организаторов массовой голодовки в Ухтпечлаге арестовали в сентябре 1937 г. Всем было предъявлено обвинение в контрреволюционной агитации среди заключенных. Никто виновным себя не признал, некоторые от дачи показаний отказались. 25 декабря 1937 г. «тройка» Управления НКВД по Архангельской области приговорила активистов голодовки к расстрелу. Это были Шапиро М.Л., Геворкьян С.А., Донадзе В.А., Краскин И.С., Горлов Н.П., Куреневский Д.С., Яковин Г..Я., Хотинский Г.Н., Вульфович Г.М. В числе нескольких тысяч других политзаключенных их расстреляли в феврале-марте 1938 г.

В то время на Воркуте и Печоре зверствовал Е.И. Кашкетин (Скоморовский). Он прибыл из Москвы в Коми АССР в качестве руководителя оперативной группы, чтобы расправиться с троцкистами. В НКВД знали, что этот опытный сотрудник ГУЛАГа в 1936 г. был отстранен от службы в органах внутренних дел в связи с врачебным диагнозом «шизоидный психоневроз», но именно его руками решили очистить северные лагеря от всех участников сопротивления. По воспоминаниям современников, Кашкетин открыто заявлял: «Я выполнял волю ЦК ВКП(б), переданную мне лично через Ежова перед отъездом в лагеря для проведения данной операции». В 1938 г. в «операции», вошедшей в историю под

названием «кашкетинские расстрелы», погибло более шести тысяч лагерников. Самого палача приговорили к смертной казни 8 марта 1940 г.

Поражение «политкоммунистов» в борьбе с лагерным режимом было неизбежно. Они не имели поддержки у других групп заключенных, в которых видели не столько союзников, сколько противников (политических или, ещё хуже, классовых). Их сопротивление носило, по большей части, физический характер, а не моральный. Нравственное противостояние, как известно, сломить гораздо труднее. Внутреннее единение было непрочным и быстро распалось под натиском режима. Однако огонь сопротивления, превратившись в искры, не погас. На протяжении десятилетий в голодном ГУЛАГе продолжали вспыхивать голодовки – одиночные и групповые, «сухие» и обычные, в Особлагах и детских колониях, в тюрьмах и пересылках. Нередко голодовки объявлялись по совершенно ничтожным, с точки зрения стороннего наблюдателя, поводам. Например, Лев Разгон, голодавший в Ставропольской тюрьме «всухую», требовал всего лишь бумагу, чтобы иметь возможность обратиться с заявлением в суд и прокуратуру, но борьба шла не на жизнь, а на смерть. Иногда даже сами заключенные не могли объяснить, что толкало их на эту мучительную форму протеста, а уж тем более этого не могли понять сытые тюремщики. Репрессивная машина научилась не замечать этих «правозащитников», укорачивающих себе жизнь, но на всякий случай внесла в лагерные инструкции правило, по которому заключенный не имел права отказываться от «гарантированного питания». Это правило действовало даже тогда, когда в лагерях появились платные столовые, в которых заключенные могли купить себе любое блюдо. Что касается обязанности лагерной администрации докладывать вышестоящему начальству о голодовках как о чрезвычайных происшествиях, то в этом случае тюремщики поступали так: «Да, – сообщали они, – голодовки были, но перед объявлением голодовки уголовно-бандитствующий элемент через лагерный ларек запасался продуктами питания, вследствие чего их нельзя считать голодовками». В условиях советской власти голодовки уже в 20-е годы перестали быть эффективным средством борьбы с режимом, но все-таки они продолжали существовать, и не только в силу сложившихся традиций. По мнению многих заключенных, если и можно было добиться в лагере удовлетворения каких-то своих, как правило, законных требований, то только путем длительных голодовок. Наверное, по этой же причине к голодовкам прибегают и в наши дни.

Сколько времени существует тюрьма, столько времени существуют и побеги. Стремление к свободе неистребимо в человеческой душе, и самые

непокорные (или отчаянные, безрассудные, удачливые) решаются разорвать цепи заключения путем побега. В советское время эта форма протеста стала, в основном, привилегией уголовников, которые не останавливались перед убийством конвоя и легко находили приют на воле в своих воровских притонах. Так называемые политические преступники, а точнее безвинные жертвы классовой борьбы, произвола и террора, редко решались на побег. Сбежать от конвоя было не слишком трудно, но скрыться в стране, где каждый житель с детства знал, что такое НКВД, и поколение за поколением воспитывались в духе ненависти к «врагам народа», было практически невозможно. Да и располагались лагеря в таких местах, что бежать было просто некуда. Павел Негретов, отбывавший свой срок на Воркуте с 1945 по 1955 г., вспоминал: «В мое время на 6-й шахте, опутанной уже колючкой, время от времени бежали из промышленной зоны, через которую проходила линия железной дороги. В здравом уме на такой побег никто не шел, потому что никого из них живым назад не приводили. В одних подштанниках лежали они потом по двое и по трое суток на вахте, чтобы все разводы хорошо на них рассмотрелись: то же и с вами будет, если вздумаете бежать».

Всегда ли можно считать побег из ГУЛАГа акцией протеста, формой сопротивления? Этот вопрос, на наш взгляд, достаточно спорный, и ответ на него вряд ли может быть однозначно положительным. 30 июня 1948 г. И. Сталину и Л. Берии доложили о побеге группы заключенных из Обского ИТЛ при Северном железнодорожном строительстве МВД СССР. Бежали 33 человека. 23 июня, обезоружив двух охранников, прихватив две винтовки с 40 патронами, заключенные скрылись в тундре. В самом факте побега не было ничего особенного, чрезвычайного и, следовательно, не было необходимости докладывать «наверх». Гулаговскому начальству пришлось потревожить высшее руководство страны по другой причине. Пробираясь по левому берегу реки Обь, бежавшие заключенные совершили разбойное нападение на чумы местного оленеводческого колхоза, при этом они убили 9 мужчин, 9 женщин и несколько детей. Вот это был уже серьезный повод для беспокойства. Из Москвы вылетела комиссия ГУЛАГа во главе с генерал-майором П.Л. Трофимовым, возглавлявшим в годы войны Штаб истребительных батальонов НКВД СССР. На 29 июня удалось задержать 12 заключенных, 4 убили, остальных преследовали и на земле, и по воздуху (сведениями о дальнейшей судьбе беглецов автор не располагает).

Об этом групповом вооруженном побеге многие заключенные слышали и говорили, хотя вряд ли они знали все подробности. Сейчас в мемуарах некоторых бывших узников ГУЛАГа данное событие расценивается как один из героических эпизодов Сопротивления в ГУЛАГе. Согласиться с

такой точкой зрения, на наш взгляд, едва ли возможно. Свобода, добытая ценой жизни невинных людей, не может быть окрашена в героические тона.

Распространение лагерей на территориях, населенных коренными народами Севера, вызвало своего рода «гражданскую войну» между местным населением и заключенными. Замечательный ученый В.В. Налимов, отдавший лагерному молоху часть своей жизни, писал: «расползание лагерей надломило культуру народа, не подготовленного ко всему, с чем ему пришлось столкнуться: совершая побег, заключенные нарушали традиционную неприкосновенность и без того убогой собственности. Это вызывало озлобление, которое усиливалось официальной пропагандой, предлагавшей к тому же ещё и завидное обогащение за поимку беглецов. Началась охота за людьми...». Заключенные, в свою очередь, расправлялись с «инородцами» при любом удобном случае, что бывало, как правило, во время побега. Массовое убийство оленеводов беглецами из Обского лагеря – это лишь один из многих сотен, если не тысяч, трагических эпизодов кровавой необъявленной войны, в которой побеждали не люди, а породившая эту войну Система.

Количество побегов из ГУЛАГа сокращалось по мере совершенствования лагерного механизма – от 80-90 тыс. в начале 30-х годов до 3-4 тыс. ежегодно в конце 40-х годов. Среди этих попыток любой ценой вырваться на свободу были и такие, о которых потом слагались легенды. К их числу относится вооруженный побег, а точнее, пожалуй, восстание, происшедшее в январе 1942 г. на Воркуте.

С началом войны обстановка в лагерях резко обострилась. Ухудшились и без того плохие условия содержания, что незамедлительно вызвало рост заболеваемости. Непомерно усилилась эксплуатация, прикрываемая патриотическим лозунгом «Выполним по три нормы на двух заключенных!». Участились случаи грубого нарушения законности со стороны лагерных служащих. Стрелки без всякого повода применяли оружие, травили заключенных собаками, зверски избивали. Спасая свою жизнь, заключенные все чаще пускались в бега, что еще больше озлобляло охрану. Одновременно по лагерям распространился слух, что «в самом ближайшем времени начнутся расстрелы заключенных по примеру 38 г. без суда и следствия, причем санкции эти коснутся не только 58-ой статьи, но также 59-ой и даже некоторых категорий бытовых статей, в том числе и задержанных вольнонаемных». В начале осени 1941 г. один из бывших заключенных, М.А. Ретюнин, работавший по вольному найму начальником лагерного пункта «Усинский лесорейд», совершенно случайно получил сведения, подтверждающие эти слухи. Инстинкт самосохранения заставил

искать способы сопротивления. Наиболее подходящей формой защиты собственной жизни было выбрано вооруженное восстание.

Ранее Марк Ретюнин был приговорен к 10 годам лишения свободы за ограбление банка. После отбытия наказания его в принудительном порядке оставили работать в Воркутинском лагере в качестве вольнонаемного. Под его началом находились около 200 заключенных, из которых 2/3 были осуждены по 58-ой статье, и 27 человек работали по вольному найму. Тайные осведомители характеризовали Ретюнина как «сильного, решительного и честного человека, способного к смелым и решительным действиям». По свидетельству современников, он производил впечатление волевого человека, умеющего справиться с массами, был хорошим организатором. При этом Ретюнин пользовался авторитетом среди рабочих, но среди «отрицательного элемента» авторитет потерял. Именно этот человек и возглавил сопротивление.

Подготовка к вооруженному восстанию началась еще осенью 1941 г. Тайные собрания повстанцев проходили на квартире Ретюнина, там же заседал и созданный в декабре штаб в составе 7 человек, в который кроме Ретюнина вошли осужденные за троцкистскую деятельность И.М. Зверев, М.В. Дунаев, А.Т. Макеев, В.Е. Соломин и другие. Восстание планировалось начать в марте 1942 г., когда на снегу появится жесткий наст, который облегчит передвижение восставших. Однако ряд непредвиденных обстоятельств заставил заключенных выступить значительно раньше, а именно: 24 января 1942 г. День был субботний. Заманив большинство охранников для мытья в баню, заключенные обезоружили оставшихся стрелков, захватили имевшееся в лагере оружие, открыли ворота зоны и предложили всем желающим примкнуть к восстанию. Таковых оказалось 82 человека. Сделав запасы продовольствия и теплой одежды, вооруженный отряд заключенных двинулся к районному центру Усть-Уса. К вечеру того же дня Усть-Усинский райцентр был захвачен восставшими, к которым примкнули еще 12 человек, освобожденных из местного отделения НКВД.

В течение нескольких дней между войсками НКВД и «отрядом особого назначения № 41», как называли себя повстанцы, происходили настоящие бои. Заключенные пытались пробиться к оленьим стадам, чтобы, используя их, скрыться в заполярной тундре, но их выдал местный охотник. Ликвидация отдельных мелких групп продолжалась больше месяца. Для наблюдения за передвижением восставших использовалась авиаразведка. В ходе боев погибли почти все руководители восстания, в том числе и Ретюнин. Потери были большими с обеих сторон. Среди восставших насчитывалось 48 убитых, 6 самоубийц и 8 пленных. По данным следствия,

«со стороны сил, принимавших участие в борьбе против повстанцев, потери выражаются – убитыми и умершими вследствие тяжелых ранений – 33 человека, ранеными – 20 человек и 52 человека вышли из строя в результате обморожения».

Следствие по делу «О вооруженном восстании против Советской власти» продолжалось почти полгода. Показания свидетелей писались под диктовку следователей. В итоге из 68 человек, осужденных по этому делу, 49 приговорили к расстрелу, из них 38 имели ранее политические статьи. Какие цели преследовали восставшие? Трудно всерьез анализировать версию следствия о том, что заключенные намеревались создать регулярную вооруженную армию и присоединить к фашистской Германии всю захваченную в ходе восстания территорию. Перед угрозой массового истребления, как это было во времена «кашкетинских расстрелов», у заключенных была более важная задача – добыть свободу и спасти свои жизни, что казалось возможным, если попытаться выступить организованно и с оружием в руках. «А что мы теряем, если нас и побьют, – рассуждал М.А. Ретюнин. – Какая разница, что мы подохнем завтра или умрем сегодня, как восставшие». В этих словах – героизм и логика обреченных, но не желающих сдаваться людей.

В истории воркутинского восстания есть один неясный, на первый взгляд, вопрос. Почему лагерная администрация не предприняла никаких мер для предотвращения готовившегося вооруженного восстания? Неужели оперативники ничего не знали о планах заключенных? Оказывается, знали и очень подробно. Первые донесения от тайных осведомителей поступили уже в сентябре 1941 г. В них сообщалось, что на Воркуте «создан центр по противодействию и предотвращению возможных расстрелов заключенных». В течение нескольких месяцев агенты исправно доносили о готовившемся восстании, один из последних доносов поступил от агента «Рогозинского» в начале января. Оперативники не реагировали, считая эти сообщения очередным вымыслом. Они были уверены, что «профилактика» 1938 г. надолго отбила у заключенных охоту к сопротивлению. Они не беспокоились, так как не сомневались в рабской покорности своих подопечных. После восстания оперуполномоченный Воркутлага Д.М. Осипенко был привлечен к уголовной ответственности за халатное отношение к службе. Случай нетипичный, но показательный.

Доносы тайных агентов и осведомителей были бичом для лагерного сообщества. По официальным данным, в 1941 г. секретные сотрудники составляли 1,7 % от общего количества заключенных, в 1944 г. их число увеличилась до 8 %, сохраняясь на этом уровне и в последующие годы. В

июле 1947 г. агентурно-осведомительная сеть ГУЛАГа насчитывала 139 тысяч человек, из них 60 225 заключенных составляли «противопобеговую сеть». Это официальные сведения. Они не учитывают огромного количества так называемых «добровольных помощников», т. е. тех заключенных, которые в силу ряда причин и обстоятельств согласились доносить на своих соседей по бараку или напарников по работе. Их количество подсчитать невозможно, а может быть, и не нужно. По воспоминаниям бывшего узника ГУЛАГа Г.С. Климовича, во время восстания в Горном лагере в 1953 г. специальная комиссия из заключенных вскрыла сейфы оперативного отдела 4 лагерного отделения с целью найти списки стукачей. Результаты этой операции потрясли всех: в списках значились 620 человек, т. е. каждый пятый заключенный был завербован. Среди доносчиков были молодые и старые, мужчины и женщины, больные и здоровые, образованные и полуграмотные. Не было никаких внешних примет, позволявших безошибочно узнавать стукачей, поэтому нарисовать «типичный» портрет доносчика очень сложно. Вот кто скрывался, например, под кличкой «Рогозинский»: Яцишин Владимир Иванович, 1911 г. рождения, украинец, польский подданный, образование высшее, окончил Пражский университет в 1936 г. Активный участник молодежной организации ОУН, осужден в 1940 г. Особым совещанием НКВД по статье 58 п. 10, 11. До ареста работал в Облплане города Львова в должности плановика. В оперативный отдел Воркутинского лагеря от «Рогозинского» неоднократно поступали сведения о готовившемся восстании на Воркуте. Сокровенными замыслами с ним делились заключенные из Прибалтийских республик, которые видели в молодом украинском националисте единомышленника и не догадывались о его предательстве. По доносам стукачей в лагерях ежегодно к уголовной ответственности привлекались десятки тысяч заключенных. Новые приговоры, новые дополнительные страдания – таков результат неблагоприятной «деятельности» тайных осведомителей.

Массовое доносительство разобщило заключенных и крайне затрудняло сопротивление. Но когда протест рождался стихийно, его не могли остановить ни доносы, ни страх перед будущей расправой. «В 1949 году на станции Абезь заключенные восстали, разоружили охрану, побили всех и направились в сторону Воркуты освободить каторжников-шахтеров, – вспоминал о тех давних событиях бывший заключенный Николай П., – восставшие прошли около 80 км, с боями освобождая лагерь за лагерем. К ним примыкали все новые и новые силы из освобожденных лагерей, и, в конце концов, число восставших достигло более 70 тысяч. При своем

продвижении они уничтожали эвенков, якутов, зырян за то, что те выдавали властям беглых заключенных за хорошую денежную награду, а чаще – за водку. О побеге, видимо, узнала высшая власть, и были приняты меры. Самолетами высадили десант, "подтянули" минометы, артиллерию, и началось уничтожение этих заключенных с воздуха и с земли. Две недели шли бои, пока всех беглых не уничтожили».

Несмотря на наличие таких мощных акций протеста, говорить о массовом сопротивлении в ГУЛАГе в 40-е годы вряд ли правомерно. Однако творцам лагерной системы стало совершенно ясно, что создать «идеального заключенного» не удалось. Гитлеровская методика разрушения личности, дававшая неплохие результаты в концлагерях Германии, в лагерях СССР не работала. Советские заключенные не утрачивали способности мыслить и сопротивляться. Тогда эту методику попытались применить только к политическим заключенным, которых с конца 40-х годов стали концентрировать в Особых лагерях. Там всё было направлено на то, чтобы унижить, деморализовать заключенного, подорвать его здоровье, заставить забыть родных и близких, лишиться всякой информации о происходящем в мире, уничтожить в нем человека, личность. Однако и здесь замыслы Сталина не осуществились. В Особлагах началось то, чего меньше всего ожидал диктатор, – началась незаметная постепенная консолидация заключенных, большинство из которых уже отчетливо осознали, кому они обязаны исковерканной судьбой и потерянными годами жизни. Почвой для объединения, прежде всего духовного, стали национальная (реже религиозная) принадлежность и чувство товарищества. В последствие кое-где это духовное единение стало принимать очертания тайных организаций, что отчетливо проявилось в период лагерных забастовок-восстаний 1953-54 годов.

Смерть Сталина всколыхнула лагерный мир. Многие заключенные, в том числе и те, кому до окончания срока было еще очень далеко, ощутили чувство свободы, внутренней свободы, за которой, непременно, должно было придти скорое освобождение. Однако реальность не подтвердила ожиданий. Более того, лагерное начальство, неожиданно потерявшее опору, стало проявлять нервозность, что выразилось в участившихся случаях нарушения законности. Пробудившееся в занумерованных зэках чувство собственного достоинства не позволяло мириться с произволом и самодурством лагерной администрации, а наличие внутреннего единства позволило заключенным оказать массовое сопротивление режиму. В конце 1953 г. высшее партийное руководство организовало фронтальную проверку работы ГУЛАГа. В отчете проверяющей комиссии появился раздел,

которого никогда ранее в подобных документах не было, – «О беспорядках в лагерях». В этом разделе работники аппарата ЦК КПСС констатировали: «Имеется много фактов, когда в лагерях возникают серьезные беспорядки, в которых участвуют сотни людей. Большинство таких волнений, имевшихся за последнее время, возникали в результате неправильных действий работников лагерей, по существу провоцирующих заключенных на беспорядки». Далее приводились примеры таких «беспорядков».

В Кизеловском лагере работник охраны Гасюков без всяких причин выстрелом в упор убил заключенного Онорина. В знак протеста против такого произвола 300 человек заключенных отказались приступить к работе.

В дни первого мая 1953 г. заключенные лагерного отделения № 9 Красноярского лагеря – более 600 человек – объявили голодовку и потребовали вызова представителя ГУЛАГа. Причина конфликта – хулиганство оперативного работника лагеря капитана Ловчева, который вечером 1 мая в столовой, где ужинали заключенные, устроил дебош и надел заключенному Бессмертному на голову миску с остатками пищи.

Во многих лагерях причинами забастовок, в каждой из которых участвовали несколько сотен человек, стали такие неправомерные действия лагерной администрации, как обсчет заключенных при начислении заработной платы, задержка выплаты заработанных денег, выдача для приготовления пищи испорченных продуктов, отсутствие борьбы с лагерным бандитизмом и терроризмом и другие. Местное начальство старалось, по возможности, скрыть истинные причины массовых протестов и с этой целью провоцировало групповые драки между заключенными, в которых гибли десятки человек. Только с апреля по сентябрь 1953 г. в ГУЛАГе было зарегистрировано 30 случаев массового неповиновения и так называемых беспорядков. За это же время в лагерях убили и ранили более 200 заключенных.

Далеко не всегда истинной причиной забастовок была борьба заключенных за свои права. Часто организаторами акций, внешне напоминающих сопротивление режиму, были уголовники, которые использовали формы коллективного протеста для достижения своих низменных целей. В Вятском лагере воры-рецидивисты 11 октября 1953 г. убили 9 заключенных. Оказалось, что 9 октября группа уголовников потребовала от заключенных объявить забастовку: кто выйдет на работу – будет убит. Одновременно выдвинули требование к лагерной администрации о выдаче заключенным задержанной зарплаты и всех денег с лицевых счетов. Начальство ультиматум выполнило. После получения

заключенными денег рецидивисты потребовали от каждого из них по 25 рублей. Всех, кто отказался отдать деньги, бандиты убили.

Пиком лагерных «беспорядков», охвативших ГУЛАГ в 1953-54 гг., стало движение сопротивления в Особых лагерях – Речном (на Воркуте), Горном (в Норильске), Степном (в Карагандинской области Казахской ССР) и некоторых других, которое соединило в себе все наиболее распространенные формы протеста: восстание, забастовку и голодовку. Об этих акциях массового неповиновения, в которых участвовали не сотни, а тысячи заключенных, уже немало написано, опубликованные документы позволяют проследить ход событий буквально по дням. Особенностью названных восстаний-забастовок было то, что впервые за всю историю ГУЛАГа заключенные потребовали не улучшения условий содержания, а свободы. Восставшие летом 1953 г. горняки Воркуты выдвинули лозунг: «Уголь – Родине, нам – свободу!». Растерявшееся лагерное руководство не сразу нашлось с ответом. Начальник Речного лагеря генерал-майор А.А. Деревянко, про которого заключенные говорили, что у него не только сердце деревянное, но и голова, пытался увещевать забастовщиков: «Что вам надо? Живете на всем готовом! О вас заботятся, одевают, кормят! Какой ещё свободы вам надо?» Другой генерал, бывший начальник Норильстроя А.А. Панюков, услышав, что заключенные Горного лагеря объявили забастовку и выдвинули ряд требований, не мог скрыть своего искреннего недоумения: «Какие у вас могут быть требования? То, что вам положено, вы получите и без требований, а то, что не положено, вы не получите, как бы ни требовали». Естественно, заключенные требовали «неположенного». Например, в женском лагерном отделении Горлага забастовка началась под лозунгом «Свободу народам и человеку!». В каторжном отделении наряду с плакатом «Требуем уважения прав человека!» были вывешены и более радикальные лозунги, такие как «Долой тюрьмы и лагеря!», «Требуем вернуть нас к нашим семьям!» и другие аналогичного содержания. Очень важно отметить, что действия заключенных носили сугубо мирный характер. Участник воркутинского восстания француз Арман Малумян писал позднее: «Это был не бунт и не восстание, – это была мирная демонстрация с целью информировать новых хозяев Кремля о том, что происходит в лагерях». Однако миролюбие не в характере лагерного молоха. Пообещав смягчить каторжный режим и пересмотреть личное дело каждого, лагерное начальство, поддержанное московской делегацией в составе генерала И.И. Масленникова и Генерального прокурора Р.А. Руденко, потребовало от забастовщиков безоговорочной капитуляции и выдачи зачинщиков. 1 августа «несговорчивых» расстреляли из автоматов. Кровавая

расправа не сломила дух лагерного Сопротивления. Через два года Воркута вновь забастовала, правда, на это раз обошлось без жертв.

В Горном лагере стихийные протесты начались в 20-х числах мая 1953 г. Произвол лагерной администрации, провокации оперативно-чекистских отделов, террор конвоя – все это вызвало отпор и породило форму сопротивления, которую исследователь А.Б. Макарова вполне справедливо назвала «восстанием духа». Как и в Воркуте, восставшие не имели оружия, их сила была в единстве, бесстрашии и решительности. Лозунг «Смерть или свобода!» звучал в Норильске в те героические дни на многих языках, так как среди 20 тысяч заключенных Горлага были представители нескольких десятков национальностей. «Або смерть, або життя!», – скандировали западные украинки, взявшись за руки, когда их сбивали с ног струи воды, пущенные под давлением из пожарных шлангов. Восставшие избрали свои представительные органы, которые сумели придать противоборству мирный характер. Более двух месяцев им удавалось поддерживать в зонах нормальное течение жизни и не допускать ни анархии, ни насилия одних заключенных по отношению к другим, что при наличии в лагере уголовников, выявленных стукачей и завербованных провокаторов было не так-то просто. Активными членами забастовочных комитетов были Б.А. Шамаев, Е.С. Грицяк, С.Г. Головки, Ирена Мартинкуте, Бенюс Балайка, Г.С. Климович, В. Недоростков, Р. Загоруйко, Мария Нич, П. Френкель, И. Воробьев и многие другие узники Горлага – представители одного женского и пяти мужских лагерных отделений. Восставшие настаивали на приезде правительственной комиссии, ждали, что их справедливый протест будет услышан и понят верховной властью, но не дождались. Подавить сопротивление удалось не сразу. Дольше всех продержалось 3-е (каторжное) отделение. Последний черный флаг, один из тех, которые были вывешены в лагере в первые дни восстания в знак скорби по погибшим товарищам, был сорван 4 августа 1953 г. Более сотни человек погибли от пуль карателей. Подсчитать точно общее количество жертв среди восставших пока невозможно – режим не спешит раскрывать тайны своих преступлений.

В Норильске и Воркуте заключенные требовали *свободу*, а в Кенгире, маленьком казахском поселке, они её завоевали. Пусть ненадолго, всего на 40 дней, но в течение этого времени они были людьми, а не пронумерованным скотом, загнанным в зарешеченные бараки. «Беспорядки» в 3-м лагерном отделении Степного лагеря начались 16 мая 1954 г. Если бы не трагизм последующих событий, то на вопрос о причинах этих беспорядков можно было бы ответить французской поговоркой «ищите

женщину». Женщин в мятежном отделении было много – 2407 человек, из них 134 каторжанки. Всего в Степном лагере насчитывалось на 10 июня 1954 г. 22884 заключенных, из них 2186 находились на каторжном режиме. Из шести лагерных отделений третье было самым крупным. В нем содержалось 5597 человек. Национальный состав заключенных был достаточно пестрым, но преобладали западные украинцы и бывшие жители прибалтийских республик. Они составляли 69 % лагерного населения. Доля русских не превышала 13 %. В лагере почти не было заключенных со сроком менее 10 лет, большинство (72 %) были осуждены по статье «измена Родине» на 20–25 лет лишения свободы. Совершенно очевидно, что ждать покорности и рабского повиновения от такого «контингента» лагерной администрации не приходилось. Пытаясь погасить постоянно вспыхивавшие искры нравственного, духовного сопротивления, начальство направило в лагерь этап уголовников в количестве 1400 человек, надеясь с помощью их кулаков и ножей разъединить и деморализовать «политических». Почти половина вновь прибывших заключенных попала в 3-е лаготделение. Однако лагерное начальство сильно просчиталось. Украинские «хлопцы», потерявшие семью, родину и имевшие 25-летний срок, не видели необходимости покорно терпеть издевательства «блатных». Остриё их сопротивления направилось против уголовников, которые быстро сдались и пошли на уступки. Однако работала в лагере по-прежнему только 58-я статья. Нерастроченная энергия представителей уголовного мира искала выхода. «Блатным» не давала покоя расположенная по соседству женская зона. Забор не казался серьезным препятствием, и 16 мая они решились на штурм. Одновременно сотни других заключенных ринулись вслед за ними с целью защитить женщин, среди которых были их сестры, дочери, землячки, подруги. Насилия удалось избежать, ночь прошла относительно спокойно, и утром мужчины и женщины вышли на работу. Днем, пока заключенные строили обогатительную фабрику, добывали медную руду, работали на деревообделочной фабрике и заводе железобетонных изделий, лагерная администрация спешно заделывала колючей проволокой проходы в женскую зону и возводила новые огневые точки. Как известно, в огневых зонах оружие применялось без предупреждения. Это была провокация, поскольку начальство хорошо знало, как жаждут общения по обе стороны забора. Оно предвидело, что ни вышки, ни колючка не остановят заключенных. В тот же вечер было убито и ранено почти 90 человек. На зверства администрации заключенные ответили погромом служебных и бытовых помещений и отказом выходить на работу.

Телеграммы, ежедневно отправляемые в Москву, сообщали: «Общение между мужчинами и женщинами, неповиновение и невыход всех заключенных на работу продолжаются. Работники лагеря в жилую зону за пределы вахты заключенными по-прежнему не допускаются с предупреждением об опасности для жизни. Участвующие в переговорах представители заключенных ведут себя вызывающе, требуют возратить в зону трупы убитых, наказать виновных в применении оружия, после чего только они будут вести дальнейшие переговоры». День ото дня обстановка накалялась, лагерная зона превратилась, по сути, в осажденную крепость, внутри которой, благодаря организующей деятельности созданной комиссии, соблюдался, по свидетельству очевидцев, образцовый порядок.

26 мая в Совет Министров СССР и ЦК КПСС поступила докладная записка о массовом неповиновении заключенных 3 лагерного отделения Степного лагеря. В ней картина сопротивления описывалась очень упрощенно, существенно преуменьшалось количество бастующих, и акцент делался на требовании заключенных разрешить им свободное общение с женской зоной. В тот же день на место происшествия вылетела комиссия в составе заместителя министра внутренних дел С.Е.Егорова, начальника ГУЛАГа И.И. Долгих и начальника Управления по надзору за местами заключения Прокуратуры СССР А.П. Вавилова. В комиссию от заключенных, возглавляемую К.И. Кузнецовым, 1913 г. рождения, бывшим подполковником Красной Армии, побывавшим в немецком плену, входили также Э.И. Слученков («Глеб»), Ю.А. Кнопмус, М.С.Шиманская, А.Ф. Макеев, Г.И. Келлер, А.А. Авакян, А.В. Михайлович, Л.К. Супрун и некоторые другие. На одной из первых встреч этих двух комиссий Кузнецов от имени заключенных изложил следующие просьбы (именно просьбы, а не требования, так как комиссия старалась демонстрировать лояльность): а) привлечь к ответственности виновников применения оружия 17 мая. Также расследовать все факты применения оружия, имевшие место в 1954 г.; б) не применять репрессий к членам комиссии заключенных...; в) просить правительство о снижении срока наказания осужденным на 25 лет, а также изменить отношение к семьям заключенных, осужденных по статье 58; г) отменить ссылку для лиц, освобожденных из спецлагерей; д) установить оплату труда заключенным наравне с вольнонаемными рабочими,... ввести восьмичасовой рабочий день для всех заключенных; е) просить правительство отменить приговоры лагерных судов по статье 58; ж) разрешить свободное общение мужчин с женщинами; з) ограничить право администрации в вопросах трудовых дисциплинарных взысканий...; и) установить льготные условия по зачетам для женщин; к) просить приезда в

лагерь члена Президиума ЦК КПСС или секретаря ЦК». Как видим, диапазон запросов заключенных был весьма широк, и отнюдь не ограничивался требованием свободного общения между зонами.

Простаивающие предприятия, угроза срыва государственного плана заставляли лагерных управленцев идти на уступки. Начальник ГУЛАГа И.И. Долгих не скупился на обещания «пересмотреть», «учесть», «обеспечить» и т. д., но бастующие, зная привычку работников МВД обманывать заключенных по поводу и без повода, не верили и требовали пригласить представителя ЦК КПСС, ждали «товарищей Ворошилова, Маленкова или Хрущева». Для лагерного начальства это, пожалуй, главное требование заключенных было абсолютно неприемлемым. Ведь обратиться к обитателям партийного Олимпа с просьбой приехать в лагерь и поговорить с заключенными, это значило расписаться в своем полном бессилии. Героев, готовых рискнуть собственной карьерой ради нескольких тысяч человек, среди работников ГУЛАГа никогда не было. Выход, как всегда, искали в репрессиях.

Тем временем в лагере люди жили, любили, отправляли Богослужения, заключали браки, ставили спектакли, танцевали, лечили больных, пекли хлеб, писали воззвания и листовки, налаживали радиосвязь. «Так шли дни, и мы чувствовали себя свободными людьми», – вспоминал это легендарное время бывший узник Степлага И. Пинчуков, работавший в тот период в лазарете. Как гласит пословица, «хочешь мира, – готовься к войне», и заключенные к ней готовились. Они ковали холодное оружие – ножи, пики, сабли, изготавливали из бутылок ручные гранаты, начиняя их известью, строили оборонительные сооружения, минировали баррикады. Вооружалась и другая сторона. 15 июня в адрес Кенгира был отправлен эшелон с 5 танками Т-34 Первой мотострелковой дивизии МВД СССР имени Ф.Э. Дзержинского. Операция по наведению порядка в 3-м лаготделении готовилась с учетом всех требований военной науки. Особое значение придавалось таким моментам, как внезапность, быстрота, смелость, и, самое главное, недопущение огласки. Признав, что «все меры разъяснительного характера в отношении неповинующихся заключенных исчерпаны», комиссия МВД и Прокуратуры СССР приняла решение сломить сопротивление силой. С этой целью в ночь с 25 на 26 июня против заключенных одновременно и внезапно были брошены 1600 солдат и офицеров, 98 служебно-розыскных собак с проводниками, 3 пожарных автомашины и пять танков Т-34. Побоище продолжалось полтора часа. По официальным данным, в ходе «операции» со стороны восставших получили ранения 106 заключенных, 46 человек были убиты или скончались от ран.

Среди солдат и офицеров потерь не было, 40 человек получили ушибы и телесные повреждения.

8 августа 1955 г. Верховный суд Казахской ССР приговорил наиболее активных участников лагерной комиссии к расстрелу. К.И.Кузнецову высшую меру заменили 25 годами ИТЛ. 12 марта 1960 г. Верховный суд СССР принял постановление о его освобождении и полной реабилитации.

Восстания в Особлагах – это поистине «оптимистическая трагедия». Несмотря на то, что сопротивление везде было жестоко подавлено, оно позволило десяткам тысяч людей утвердиться в сознании, что режим (лагерный или государственный) не всемогущ. Сопротивление возможно при любом режиме, сила нравственного противостояния зависит лишь от тебя самого.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

КАДРЫ ГУЛАГА

«В охрану набирались люди не то, что второго сорта, а последнего, четвертого сорта...»

Из выступления на закрытом партсобрании ГУЛАГа.

За годы лагерных скитаний каждый заключенный сталкивался с десятками тюремщиков разного уровня, среди которых попадались «более мерзкие и менее, просто служаки и энтузиасты своего тюремного ремесла». От их человеческих и профессиональных качеств зависела не только мера физических и моральных страданий узников ГУЛАГа, но часто и сама их жизнь. В мемуарной литературе бывших заключенных запечатлены сотни образов лагерных служащих всех рангов, чинов и возможностей. Далеко не всегда эти зарисовки выполнены в темных тонах, даже в недрах ГУЛАГа встречались начальники, не утратившие человечности и доброты. Правда, доброта их была относительной. Как образно заметил Лев Разгон, служивший на протяжении полутора десятков лет объектом профессиональной деятельности лагерных кадров, «если бы эти добрые люди получили приказ жечь нас живьем, то – конечно, страдая при этом, – они бы нас жгли. И заключали между собою договоры на социалистическое соревнование: кто скорее сожжет».

Коммунистическая пропаганда активно использовала мифотворчество для формирования у советских людей революционного социалистического мировоззрения и выработки определенных идеологических установок. К числу наиболее распространенных и культивируемых мифов относился образ чекиста – нравственного чистого, самоотверженного революционера, пролетарского рыцаря, беспощадно разящего врага, но неизменно справедливого даже по отношению к своим врагам. В основе этого мифа лежала отнюдь не реальная действительность. Легенда о кристально чистом чекистском облике питалась, по-видимому, теми декларативными революционно-пафосными заявлениями, с которыми нередко выступали видные деятели большевистской партии в период революционной эйфории.

В одной из чекистских инструкций, написанной Ф.Э. Дзержинским, были такие наставления: «Пусть все те, которым поручено произвести обыск, лишит человека свободы и держать его в тюрьме, относятся

бережно к людям, арестуемым и обыскиваемым, пусть будут с ними гораздо вежливее, чем даже с близким человеком, помня, что лишенный свободы не может защищаться и что он в нашей власти». Благие пожелания руководителя ВЧК оказались утопией. Именно то обстоятельство, что лишенный свободы человек оказывался действительно в полной власти карательных органов и не имел возможности защищаться, развращало чекистов, порождало произвол, самодурство, неоправданную жестокость. Должностные преступления сотрудников ВЧК стали весьма распространенным явлением, особенно на периферии. Пытаясь врачевать чекистские кадры, а их к 1921 г. насчитывалось более 30 тысяч человек, революционные трибуналы периодически расстреливали виновных. Однако попытки оздоровить таким образом репрессивный аппарат успеха не имели.

В начале 1921 г. в ЦК РКП(б) поступило заявление от сотрудников особого отдела Туркестанского фронта, в котором поднимался вопрос «О неправильных расстрелах коммунистов, находящихся на службе в особых отделах и чека». Этот документ, производивший, по словам Дзержинского, «впечатление письма людей с наболевшей душой», содержал ряд весьма интересных наблюдений и обобщений, связанных с реальным положением дел в чекистской среде. «Как это ни печально, – писали сотрудники особого отдела, – но мы должны сознаться, что коммунист, попадая в карательный орган, перестает быть человеком, а превращается в автомат, который приводится в движение механически... Если мы посмотрим на коммунистов, находящихся в пролетарских карательных органах, то мы увидим, что они стоят вне политической жизни Республики, так как благодаря долгому пребыванию в карательных органах, благодаря однообразной, черствой, механической работе, которая только заключается в искании преступников и в их уничтожении, то они постепенно против своей воли становятся индивидами, живущими обособленной жизнью. В них развиваются дурные наклонности, как высокомерие, честолюбие, жестокость, черствый эгоизм и т. д., и они постепенно, для себя незаметно, откальваются от нашей партийной семьи, образуя свою особенную касту, которая страшно напоминает касту прежних жандармов. Партийные организации на них смотрят, как на прежнюю охранку, с боязнью и презрением». Как видим, в этой глубоко продуманной характеристике чекистских кадров нет ничего общего с мифическим образом «пролетарского рыцаря».

Современные апологеты «революционной законности» отрицают какую бы то ни было преемственность между карательными органами первых лет Советской власти и репрессивным аппаратом 30-40-х годов, стремятся провести четкую грань между деятельностью органов ВЧК и НКВД. На наш

взгляд, различие в деятельности этих репрессивных ведомств весьма условно, в то время как преемственность достаточно очевидна. Дело не только в том, что сохранялся сам термин «чекисты», что органы НКВД всячески подчеркивали свою связь с ВЧК и гордились ею; преемственность сохранялась, прежде всего, в так называемых «чекистских традициях», к числу которых мы относим в первую очередь массовые внесудебные расправы, репрессии по отношению к инакомыслящим, тотальный контроль над армией, общественными организациями и населением, а также широкое использование в фискальных целях секретных сотрудников, провокаций и почтово-телеграфной цензуры. Естественно, что жизнь вносила свои коррективы в деятельность карательных органов, но это не меняло их сущности: они оставались важнейшим элементом Советской власти и служили надежной опорой тоталитарному режиму.

Что же представлял собою круг тех людей, чьи профессиональные обязанности, так или иначе, были связаны с советской репрессивной системой?

В конце 30-х годов наиболее многочисленным и привилегированным в составе НКВД был аппарат Главного управления государственной безопасности (ГУГБ).

На 1 мая 1938 г. в центральном аппарате ГУГБ насчитывалось 2159 штатных сотрудников, из них 1316 коммунистов, 328 комсомольцев и 515 человек беспартийных. По социальному происхождению все сотрудники традиционно делились на 3 категории: крестьяне составляли 10,2 %, служащие – 43,5 % и рабочие – 46,3 %. Следует заметить, что реальной картины социального происхождения такое деление не давало, т.к. многие кадры происходили из семей мелких торговцев, не крупной буржуазии, низших чинов офицерства, ремесленников, духовенства и т.п. К какой категории из трех они себя причисляли, ответить трудно.

Образовательный уровень большинства сотрудников был невысок: лиц с высшим образованием насчитывалось 8,8 %, со средним – 22,4 %, продолжали учебу в вузах 7,9 %, остальные кадры (60,9 %) имели образование в объеме нескольких классов средней школы. Уместно вспомнить, что нарком внутренних дел Н.И. Ежов, заполняя анкету, в графе об образовании писал: «незаконченное высшее». Для неграмотных при НКВД работал ликбез.

Национальный состав руководящих и оперативных кадров ГУГБ был достаточно разнообразным. Наиболее многочисленную группу составляли русские – 64 %, далее шли евреи – 16,6 %, украинцы – 7 %, латыши – 3,3 %,

белорусы – 2,1 %, армяне – 1,5 %, остальные 5,5 % составляли кадры более полутора десятка национальностей.

Что же касается профессиональной подготовки личного состава ГУГБ, то можно сказать, что применительно к оперативным кадрам такого понятия в тот период вообще не существовало. Чаще всего в органы шли работать люди, не имевшие ни специальности, ни образования, но наделенные обостренным «классовым чутьем» и имевшие вкус к подобной работе. Достаточно типичной можно считать такую производственную характеристику: «Дубовик А.Д. пришла на работу неграмотной, курьером; взялась за учебу, учится без отрыва от производства в средней школе, принята в члены ВКП(б), переведена на оперативную работу».

Жаловаться на отсутствие заботы со стороны партии и правительства или собственного руководства кадрам госбезопасности не приходилось никогда. Даже рядовые сотрудники оперативных отделов НКВД имели объем материальных благ, значительно превышавший средний по стране уровень потребления. Система Главспецторга обслуживала семьи личного состава не только продовольственными, но и промышленными товарами. К услугам чекистов были спецателье по пошиву одежды и обуви, многочисленные столовые, клубы, подмосковные и курортные дачи, дома отдыха, санатории, спецполиклиники и многое другое, о чем простые советские граждане не смели и мечтать. Единственным нерешенным вопросом оставался квартирный, но и он был бы легко решен, если бы не постоянный приток новых кадров.

Целенаправленная политика льгот и привилегий делала службу в органах НКВД привлекательной для всех, кто стремился любыми путями подняться на вершину социальной пирамиды. Карьеристские устремления и беспринципность определенных слоев молодежи удачно использовал в своей кадровой политике Л.П. Берия. Он привлек в органы госбезопасности тысячи новых энергичных сотрудников, одновременно уничтожив мощный кадровый пласт, служивший в свое время инструментом утверждения режима личной власти Сталина.

В 1939 г. из оперативного состава НКВД было уволено 7372 человека, в том числе из центрального аппарата - 695. За это же время чекистские кадры, как в центре, так и на местах пополнились на 14500 человек. На работу в центральный аппарат поступили 3460 человек. 76 % всего нового пополнения пришли из партийных и комсомольских организаций, более 60 % вновь прибывших имели высшее или неоконченное высшее образование. Это были молодые, политически и социально активные кадры, преимущественно русской национальности.

Весьма значительные изменения произошли в национальном составе. Перемены не были вызваны какими-либо случайными обстоятельствами, а явились следствием общей националистической кадровой политики, которую Сталин и его ближайшее окружение начали проводить накануне войны вполне откровенно. О том, как формировалась новая «концепция» национальных отношений, мы можем судить по воспоминаниям В.М. Молотова. «В 1939 году, когда сняли Литвинова, и я пришел на иностранные дела, Сталин сказал мне: “убери из Наркомата евреев”, – делился воспоминаниями бывший глава правительства. – Слава Богу, что сказал! Дело в том, что евреи составляли там абсолютное большинство в руководстве и среди послов. Это, конечно, неправильно. Латыши и евреи... И каждый за собой целый хвост тащил...».

Нет сомнений, что аналогичное «напутствие» получил от Сталина и Лаврентий Берия, когда пришел «на внутренние дела». О национальных пристрастиях в его кадровой политике можно судить по тем изменениям, которые произошли в национальном составе партийной организации НКВД к началу 1940 г. Во-первых, резко возросла доля русских, они составили 80,2 % от общего количества партийных кадров. Во-вторых, значительно сократилось количество евреев, их осталось 6,3 %. Национальные группы украинцев и белорусов практически не изменились и составляли 7,5 % и 2 % соответственно. Количество армян уменьшилось до 0,9 %. Что же касается представителей других национальностей, то их доля сократилась до 2,7 %. Например, количество латышей, которых традиционно было достаточно много в аппарате ВЧК-ОГПУ, вообще сократилось до 0,1 %. Таким образом, мы видим, что, несмотря на общесоюзный статус Наркомата внутренних дел, его кадры формировались, преимущественно, из русских слоев населения, что вполне соответствовало возрождавшимся имперским традициям Российского государства.

На фоне элитарного положения сотрудников органов госбезопасности кадровая ситуация в ГУЛАГе выглядела совсем по-иному. Комплекс проблем, характерных для советской лагерной системы, начал складываться еще в 20-е годы. Проходивший в октябре 1923 г. съезд работников пенитенциарного дела сетовал на скудное финансирование, постоянную нехватку кадров, систематическое переполнение мест заключения. В отчете Главного управления мест заключения НКВД РСФСР за 1923 г. сообщалось, что «несмотря на безработицу, охотников занять вакантные места по тюремной службе до сих пор не всегда можно найти». Трудности комплектования лагерных кадров объяснялись, прежде всего, недостаточным уровнем их материального содержания.

25 апреля 1930 г. ОГПУ издало приказ «О записи добровольцев из чекистских кадров на руководящую работу вновь организуемых лагерей». В преамбуле этого документа сообщалось, что постановлением Совнаркома от 11 июля 1929 г. об исправительно-трудовых лагерях на ОГПУ возложена задача хозяйственного освоения наименее доступных окраин Советского Союза путем использования труда изолируемых социально опасных элементов. «Одним из важнейших условий успешного выполнения этой правительственной задачи по организации новых лагерей в Сибири, на Севере, на Дальнем Востоке, в Средней Азии, – говорилось в приказе, – является комплектование руководящего состава лагерей из чекистских кадров. Чекисты не раз показывали себя энтузиастами всякого нового дела. Энтузиазм и энергия чекистов создали и укрепили Соловецкие лагеря... Новые лагеря под руководством чекистов так же, как и Соловецкие, должны сыграть преобразовательную роль в хозяйстве и культуре далеких окраин». Для добровольцев устанавливался 3-годовалый срок службы в лагерях, после чего они получали право перевестись на оперативную работу в любую местность по выбору. Учитывая «особые и трудные условия работы в лагерях», ОГПУ устанавливало для добровольцев ряд льгот: 50 % надбавки к окладу, ежегодный отпуск на два месяца с выдачей пособия в размере месячного оклада, по истечении 3-х лет службы дополнительный отпуск на 3 месяца и вознаграждение в размере 3-х месячных окладов, бесплатные «книжные пайки», максимальные льготы по приобретению «предметов культурной необходимости», а также многое другое. Естественно, за добровольцами сохранялись все другие права и привилегии сотрудников ОГПУ. Несмотря на предложенные льготы, чекисты особого энтузиазма не проявляли и на работу в лагеря шли весьма неохотно. Первые крупные лагеря ОГПУ были почти на полном «самообслуживании»; достаточно сказать, что на строительстве Беломорско-Балтийского канала работали только 37 кадровых сотрудников ОГПУ. практически все административно-технические и прочие должности в лагере и на производстве занимали заключенные.

Во второй половине 30-х годов в связи с гигантским ростом числа заключенных кадровая ситуация в ГУЛАГе заметно обострилась. Положение осложнялось не столько общей нехваткой кадров, сколько их абсолютной профессиональной непригодностью. Чтобы наглядно представить сложившуюся ситуацию, послушаем мнение заместителя начальника ГУЛАГа И.И. Плинера. Вот выдержки из его выступления 8 апреля 1937 г. на отчетно-выборном партийном собрании ГУЛАГа: «За последние 4-5 лет мы добивались того, чтобы получить людей и нам людей

все-таки не давали. Нам давали отсев от других отделов, нам давали по принципу – на тебе боже, что нам не гоже... И в лучшем случае нам давали таких, которые спились, – раз человек спился, дают его в ГУЛАГ. Когда я говорил, кого вы нам даете, мне отвечали: “Бросьте, вы перековываете преступников, а этот человек не совсем пропащий”. По этому признаку нам давали людей, по этому признаку у нас укомплектованы большинство аппаратов в лагерях. С точки зрения аппарата НКВД, самое большое наказание, если кто-то провинится, – это посылка его в лагерь на работу». Еще более резко звучало выступление Плинера, ставшего в августе 1937 г. начальником ГУЛАГа, на собрании в августе 1938 г. «До прихода нового руководства НКВД, – подобострастно отмечал руководитель ГУЛАГа, – до прихода Николая Ивановича Ежова, к комплектованию кадров нашей системы подходили враги по-вражески; давали нам всякую сволочь, иногда фиксировали: из органов уволить, направить на работу в систему ГУЛАГа, иногда и без этой оговорки».

Следует заметить, что подобная практика комплектования лагерных кадров, столь эмоционально обрисованная И.Плинером, существовала не только «до прихода нового руководства», но и в течение всех предыдущих и последующих периодов существования репрессивного ведомства.

В свое время «исправительное воздействие» ГУЛАГа испытал на себе молодой проштрафившийся оперативник Виктор Абакумов. Будущий шеф МГБ пришел в органы госбезопасности в 1932 г. в возрасте 24 лет с репутацией «хорошего парня» и чуть ли не приемного сына Николая Подвойского, одного из руководителей Октябрьского восстания. Не сразу сработавшись с начальством, Абакумов после нескольких кадровых перестановок оказался в одном из отделений экономического управления ОГПУ Московской области, где ему поручили «разрабатывать» керамическую и силикатную промышленность. Новый сотрудник, по характеристике начальства, «звезд с неба не хватал» и имел одну слабость, благодаря которой получил кличку «фокстротчик». Абакумов любил общаться с хорошенькими женщинами и охотно занимался этим в рабочее время. Вступив в должность, новоиспеченный оперативник развил бурную деятельность: доклады о разоблачении вредителей следовали один за другим. Однако при первой же внеплановой проверке выяснилось, что все завербованные им агенты – это смазливые девицы из канцелярских отделов «подшефных» промышленных предприятий. Абакумов встречался с каждой из них в интимной обстановке на конспиративной квартире, они весело проводили время, а девушки потом бездумно подписывали те бумаги, которые давал им таинственный кавалер. Естественно, что тексты доносов

составлял сам Виктор Семенович, так как «агенты» ничего не смыслили в технологии производства и знать не знали, о каких инженерах идет речь в подписанных ими документах. Об этом эпизоде из жизни «выдающегося чекиста» вспоминал позднее М.П. Шрейдер, непосредственный начальник Абакумова. По его требованию бесталанного оперативника уволили из экономического управления ОГПУ как разложившегося и непригодного к оперативной работе, да и вообще к работе в органах.

На этом карьере Абакумова вполне могла бы закончиться, если бы не спасительный ГУЛАГ. Влиятельные покровители поддержали неудачливого «липача», и он был назначен инспектором в Главное управление лагерей. Сотрудники ГУЛАГа не особенно жаловали Абакумова. Немало упреков и критики пришлось выслушать будущему министру от своих коллег на партийных собраниях. Вот лишь некоторые запротоколированные высказывания коммунистов, относящиеся к первой четверти 1937 г.: «Абакумову надо как следует взяться за работу, а то он слишком переоценивает себя», «Абакумов у нас не очень активен и дисциплинирован», «Мы в нашей группе с Абакумовым много возились для того, чтобы заставить его учиться...» и т. д. и т. п. Оправдываясь, критикуемый ссылался на разрешение начальства заниматься самообразованием, на занятость внештатной работой в МГК ВКП(б) и т. д.

Казалось, никаких оснований для успешной, а тем более быстрой, карьеры у Абакумова не было. Но все случилось иначе. Крепкие кулаки и садистские наклонности опытного фальсификатора оказались хорошим подспорьем для продвижения по служебной лестнице в системе НКВД. Ходили слухи, что Абакумов приложил руку к следствию по делу военачальников Тухачевского, Корка, Якира и других. Вскоре он возглавил Ростовское областное управление НКВД, где учинил кровавый разгром советских и партийных руководящих кадров области. После этого его перевели в центр на должность начальника особого отдела, на базе которого во время войны был создан знаменитый «СМЕРШ». Возглавлял его также Абакумов. Затем в послужном списке «фокстротчика» появились должности заместителя министра госбезопасности, заместителя министра обороны и, наконец, в 1946 г. руководителя МГБ. Коррупция, разврат, рабская преданность покровителям (и, прежде всего, Л.П. Берия), служебный подлог, обман и фальсификация – вот ключевые слова в служебной характеристике В.С. Абакумова.

Конечно, ГУЛАГ пополнялся не только сточными водами госбезопасности. Приходили люди и со стороны, но мало кто по собственному желанию. Одним из основных источников комплектования

лагерных кадров в предвоенный период стали партийные мобилизации. В начале 1938 г. на руководящие должности в лагеря было направлено свыше 3 тысяч коммунистов и более 1200 специалистов, только что окончивших вузы. Сотни коммунистов из аппаратов ЦК и МК ВКП(б), из Плановой Академии пришли на работу в центральный аппарат ГУЛАГа. По выражению заместителя наркома НКВД В.В. Чернышева, ЦК превратился в те годы «буквально в биржу труда», снабжая кадрами через районные комитеты партии всю лагерную периферию.

В течение 1,5–2 лет на службу в лагеря и колонии поступило более 150 тысяч новых работников, почти втрое увеличился состав управленческих кадров ГУЛАГа. Интересно проследить динамику роста численности сотрудников центрального аппарата Главного управления лагерей ОГПУ-НКВД за 30-е годы: в 1930 г. – 87 человек, в ноябре 1932 – 253, сентябре 1934 – 366, августе 1935 – 527, апреле 1937 – 633, ноябре 1937 – 936, мае 1939 – 1562 чел. Почти 18-кратное увеличение количества управленческих кадров центрального аппарата ГУЛАГа объяснялось не только многократно возросшим числом заключенных, но и тем, что к концу 30-х годов ГУЛАГ превратился в огромный хозяйственный комбинат, который выполнял производственные задания по 20 отраслям народного хозяйства.

Нелишне будет сказать несколько слов и о руководителях лагерного ведомства. Первым начальником Управления лагерей ОГПУ стал бывший глава Соловецких лагерей Ф.И. Эйхманс. Через полтора месяца, в июне 1930 г., его сменил Л.И. Коган. С 1932 по 1937 год ГУЛАГ возглавлял кадровый чекист М.Д. Берман. Он родился в 1898 г. в Забайкалье. К своему большому огорчению, Матвей Давидович не мог похвастаться пролетарским происхождением, поскольку его отец владел кирпичным заводом и паровой мельницей. Звание юнкера иркутского военного училища славы ему также не прибавляло. Ну, а все остальное было в духе времени: в 1917 г. вступил в партию, с 1918 г. на руководящих должностях в органах ВЧК-ОГПУ-НКВД. В период гражданской войны служил председателем ГубЧК во многих городах Сибири; в 20-е годы замещал полномочного представителя ОГПУ в Средней Азии. Зная историю установления Советской власти в этих регионах, нетрудно догадаться, сколько кровавых «подвигов» было на счету «пролетарского рыцаря». Летом 1930 г. М. Бермана перевели в Москву в центральный аппарат ОГПУ. В сентябре 1936 г. он стал заместителем наркома НКВД.

После Бермана ГУЛАГ возглавлял его бывший заместитель И.И. Плинер. С ноября 1938 г. по февраль 1939 г. должность начальника

ГУЛАГа по совместительству занимал заместитель наркома НКВД Г.В. Филаретов, бывший нарком местной промышленности РСФСР.

Мы не беремся судить, насколько преступной с общечеловеческой точки зрения была профессиональная деятельность этих людей, какова их степень вины перед сотнями тысяч погибших заключенных, да и перед всем советским народом. С точки же зрения тоталитарного режима, их оперативно-лагерная служба была вполне правомерной, целесообразной и заслуживала полного одобрения. Однако советская репрессивная система существовала и развивалась по своим собственным канонам. Используя диалектический закон отрицания отрицания, она уничтожала собственные кадры, несмотря на их преданность и служебное рвение. Четверо из пяти вышеназванных начальников ГУЛАГа (кроме Филаретова) были расстреляны в 1938-1939 гг.

В феврале 1939 г. руководство лагерной системой перешло к заместителю наркома НКВД Василию Васильевичу Чернышеву, возглавлявшему до этого Главное управление милиции. Чернышев все 30-е годы провел на Дальнем Востоке в должности начальника управления пограничной охраны. Ему было 43 г., из них почти 20 лет он прослужил в войсках и органах НКВД. Будучи членом партии с 1917 г., Чернышев имел репутацию героя гражданской войны и два ордена Красного Знамени. По воспоминаниям современников, он не стремился вникать в политическую суть репрессий, обходил стороной разговоры о применявшихся в НКВД пытках, убеждал сомневавшихся сослуживцев, что невиновных людей никто не арестовывает. Свою основную задачу Чернышев видел в том, чтобы «ликвидировать последствия вредительства в ГУЛАГе». Выступая на собраниях перед коллегами, он часто сравнивал ГУЛАГ с авгиевыми конюшнями, а себя соответственно с Сизифом (в отличие от древних греков Чернышев почему-то считал, что авгиевы конюшни расчистил Сизиф, а не Геракл).

Под руководством нового начальника была проведена структурная реорганизация ГУЛАГа, заметно усилился режим содержания заключенных, резко сократилось количество побегов, улучшились производственные показатели. Хорошо понимая необычно возросшее хозяйственное значение ГУЛАГа, Чернышев требовал от подчиненных «научиться полноценно использовать рабочую силу заключенных». Он пытался поднять социальный статус лагерных служащих, ставил вопрос о введении специальных званий для работников ГУЛАГа, добивался увеличения размеров финансирования, особенно фонда заработной платы, предлагал ввести дополнительные льготы и знаки отличия. При этом аргументация начальника ГУЛАГа

звучала примерно так: «Мы все же аппарат, который занимается вопросом содержания полутора миллионов заключенных, врагов народа... Наши лагерные работники находятся наравне с охраняющими рубежи нашей границы, и это является не менее почетной и ответственной задачей и перед партией, и перед страной».

Проявляя заботу о кадрах ГУЛАГа, заместитель наркома понимал, что растущая потребность системы в этих кадрах не может быть удовлетворена без улучшения их материального положения и повышения социального статуса, который традиционно был значительно ниже статуса сотрудников ГУГБ. Направляемые на работу в НКВД коммунисты и комсомольцы с гораздо большей охотой шли в органы госбезопасности, нежели в ГУЛАГ. Сотрудники центрального аппарата ГУЛАГа получали значительно больше, чем на местах. Их месячная зарплата составляла 700-1000 руб., были и персональные ставки по 1400 руб. В целом же, зарплата сотрудников ГУЛАГа была примерно вдвое ниже, чем в аппарате ГУГБ, что и вызывало естественное недовольство гулаговцев.

Привилегированное положение оперативных кадров в системе НКВД существовало вплоть до разделения Наркоматов. Только после окончательного выделения органов госбезопасности в самостоятельный Наркомат, ГУЛАГ получил статус «наибольшего благоприятствования», чему способствовала также его широкомасштабная экономическая деятельность.

Основная тяжесть лагерной службы ложилась, естественно, на местные кадры. Побывавший в командировке на Беломорско-Балтийском комбинате сотрудник ГУЛАГа был поражен бедственным положением своих коллег. «Возьмите центральный вопрос с кадрами, – делился впечатлениями гулаговский чиновник. – С кадрами у нас из рук вон плохо обстоит дело. Я был недавно в ББК. Я думал, что там кадров очень много. Там один начальник лагпункта имеет девятьсот заключенных и один выполняет программу. Если посмотрим, в каком положении он находится, то приходится удивляться, как человек работает. Там из вольнонаемных один прораб. Этот старший прораб среди заключенных находится один, он прямо универсальный. Он отвечает и за механизацию и за то, чтобы не было туфты. Человек получает пятьсот рублей и работает чуть ли не круглые сутки».

Приезжавшее в Москву из лагерей и колоний местное начальство не уставало жаловаться на свое тяжкое бремя. «У нас основная фигура – начальник лагеря, и он находится исключительно в тяжелом положении, – убеждал сослуживцев один из представителей лагерной администрации. –

Он не имеет буквально возможности взять к себе семью, нет помещения, и в условиях лагеря его семье может грозить опасность. Начальники лагпунктов живут вместе с заключенными, и эти люди получают по 450-500 руб. Эта ставка не обеспечивает его, а у него заключенных по несколько тысяч человек».

У нас нет оснований сомневаться в искренности выступавших. Но не будем спешить с выводами. Давайте обратимся к другому источнику и посмотрим на положение лагерного начальства глазами тех, ради кого они терпели свое «бедственное положение», – заключенных. «Мало бывало среди тех, кого называли хозяевами, порядочных людей, лишь добросовестно выполнявших жесткие лагерные законы и правила, – писал Ф.Ф. Кудрявцев, потомственный военный, прошедший три войны и после пяти ранений попавший в сталинские лагеря. – Чаще ими были развращенные безграничной властью над людьми и безнаказанностью отбросы ведомства Берии – пьяницы и развратники, не брезговавшие обворовывать заключенных: присваивать отобранные вещи, приходиться на службу с пустыми кошелками, а уносить их туго набитыми, унося все лучшее из продуктов, отпускавшихся на полуголодное питание заключенных. Многие из них пользовались бесплатным трудом, чтобы разводить для себя сады, огороды, строить дачи, обзаводиться мебелью. Молодые и красивые тоже были их добычей».

Наблюдения бывшего заключенного находят полное подтверждение в статистике персональных дел лагерных коммунистов. Более 50 % тех, кого исключили из партии или кто получил партийное взыскание, были наказаны за «злоупотребления служебным положением в корыстных целях», «растраты, подлоги и хищения», «морально-бытовое разложение» и другие подобные дела. Практика «самообеспечения» была распространена среди лагерного начальства повсеместно и редко привлекала внимание партийных или административных контрольных органов. Персональные дела возникали, как правило, только в двух случаях: если начальник кому-то не угодил, и его нужно было убрать, или же нарушение было столь значительным, что вызывало интерес у вышестоящих оперативных органов.

Лагерная администрация обворовывала не только заключенных. «По имеющимся данным можно сделать вывод о наличии значительных преступлений и хищений народного добра, особенно в лагерях, на стройках и в колониях НКВД», – заявил в апреле 1941 г. на третьей партконференции НКВД начальник отдела кадров С.Н. Круглов. По результатам плановых ревизий в 1940 г. в ГУЛАГе за растраты и хищения уволили 1515 работников, наложили дисциплинарные взыскания на 3547 человек,

передали дела к следствию на 2424 человека, осуждены по суду 196 человек. Нет сомнений, что уволенные и наказанные лагерные служащие составляли лишь очень небольшой процент от числа тех, кто, имея смутные представления о чести и совести, использовал всеобщую бесхозяйственность и безграмотность в корыстных целях.

Наиболее многочисленную группу лагерных служащих составляли стрелки ВОХР. По существовавшему положению, штаты военизированной охраны лагерей до 1939 г. исчислялись из расчета 5 % к лагерному населению, позднее эта норма была повышена до 7 %, а после войны до 9 и более процентов. Следует сразу оговориться, что практически никогда штаты ВОХР не были укомплектованы полностью. В охрану не хотели идти, прежде всего, из-за объективно тяжелых условий службы и ее крайне низкой престижности. Вместе с тем, бывали случаи, когда человек отказывался служить конвоиром по чисто моральным соображениям, – не хотел быть сторожевым псом.

Комплектовался личный состав ВОХР на 95 % из бывших красноармейцев. Младшие командиры Красной Армии считались в ГУЛАГе «золотым фондом», а саму армию кадровики называли не иначе, как «университетом для всех организаций». В период становления и укрепления лагерной системы условия службы военизированной охраны в ГУЛАГе были значительно хуже, чем в Красной Армии. Из-за нехватки кадров рядовым охранникам приходилось нести вахту по 13-15 часов в сутки, часто без выходных дней. В случае побега заключенных их могли отдать под суд. Не хватало винтовок, обмундирования, жилья, не говоря уже о книгах, радио или кино. В рапортах политработников того времени нередко можно встретить такие выражения: «охрана одета, как Красная Гвардия в 1918 г.»; «у солдат обмундирования нет, ходят голые и босые». Начальники охраны жаловались: «Мы пополняем вчерашними красноармейцами, а в наших лагерях их садят на чечевицу, садят в землянки, люди начинают пьянствовать, иметь связь с заключенными и прочее... Мы имеем чрезвычайно много самоубийств». Докладывая о дисциплине и политико-моральном состоянии кадров, начальник политотдела М.Е.Горбачев отмечал: «Среди стрелков процветают антиморальные проявления, пьянство, самоубийство. Количество стрелков, имеющих дисциплинарные взыскания, колеблется от 24 % до 70 % от всего состава военизированной охраны».

Пытаясь исправить пороки лагерной охраны, политотделы разворачивали так называемую организационно-массовую работу, которая сводилась к пропагандистской муштре и изучению на политзанятиях

биографии И. Сталина. Среди стрелков всеми способами культивировалась ненависть к заключенным, внушалась мысль, что перед ними жесточайшие враги советского народа, особо опасные государственные преступники, поощрялось жестокое обращение с осужденными, строго карались всякие намеки на гуманность. В результате солдатом владели только два чувства – звериный страх и ненависть, что тяжелейшим образом сказывалось на жизни лагерников. В мемуарной литературе и архивных документах можно встретить тысячи примеров изощренного самодурства охранников, их бесчеловечно-жестокое отношения к заключенным, тупого служебного рвения и моральной деградации. Ни один бывший заключенный не вспоминал добрым словом ни одного конвоира, и не потому, что это был конвоир, а потому, что это был, как правило, озлобленный воспитанием и убогими условиями существования, безграмотный, не видевший ничего хорошего в жизни, спившийся дегенерат. Пусть простят меня бывшие охранники за столь резкую характеристику, но она основана на свидетельствах очевидцев и документах. Среди большого количества изученных архивных материалов нам только однажды встретился документ, где солдат ВОХР предстал в положительном свете. Это было анонимное письмо бойца военизированной охраны Дальстроя, подписанное вымышленным именем Г. Левонец. В нем неизвестный советский военнотруженик сообщал Г. Маленкову, что он намерен «ходатайствовать перед правительством, чтобы некоторых паразитов привлечь к ответственности за безобразия и за погибших людей, которых списали нелегально, как обычно списывают в лагерях – за побег, по болезни или же за покушение на надзорсостав».

Краткую, но весьма емкую характеристику дал в 1939 г. лагерным охранникам один из чиновников ГУЛАГа. По его мнению, «в охрану набирались люди не то, что второго сорта, а последнего, четвертого сорта...».

Хронический недостаток кадров всех специальностей вынуждал гулаговское начальство использовать на административно-технических должностях заключенных-специалистов и лиц, имевших ранее судимости. Руководство НКВД пыталось бороться с этим явлением, издавало периодически приказы, запрещающие использовать заключенных на тех или иных должностях, но жизненные обстоятельства, а чаще всего хозяйственные потребности ГУЛАГа, оказывались сильнее приказов, и заключенные-специалисты, пусть в меньшем количестве, по-прежнему работали бухгалтерами, экономистами, инженерами, техниками, врачами и т. д. В некоторых особо отдаленных лагерях количество заключенных в

аппарате управления доходило до 90 %. Что же касается вольнонаемных кадров, то в системе НКВД это понятие зачастую носило чисто условный характер. «Из общего количества вольнонаемных работников наших лагерей – 40 % – бывшие заключенные, а если отсюда выбросить третьи отделы (оперативно-чекистские), где наименьшее количество бывших заключенных, то будет и 60 %», – докладывал И.И.Плинер на собрании ГУЛАГа. Руководство НКВД путем издания различных инструкций и приказов запрещало определенным категориям освобожденных заключенных покидать территорию лагеря, они считались «закрепленными за лагерем», жили вне зоны, в бараке для вольнонаемных, и, как правило, работали на той же должности, что и до освобождения. Лев Разгон об этой категории лагерных кадров писал: «Многие из них были арестованы еще в начале 30-х годов, отбухали свои срока и – навсегда! – остались на работе в лагере. Среди них я знал прекрасных, душевных людей, спасших многих заключенных, облегчивших им физические и нравственные страдания... Так или иначе, но в число начальников, а следовательно, и тюремщиков, входили те из нас, кто отбыл свой срок и вынужден был оставаться работать в лагере: плановиками, нормировщиками, начфинами, главбухами, прорабами, старшими десятниками... Я сам принадлежал к этой категории. Что бы там ни было, но мы тоже были служащими тюремного ведомства!.. И среди нас находились люди, очень быстро делавшиеся тюремщиками, да не обычными тюремщиками, а подлыми тюремщиками: “ссучившимися”, “скурвившимися” – в самом полном и точном смысле этих ясных категорий...». Практика закрепления освободившихся заключенных за лагерем получила наибольшее распространение в послевоенный период.

Руководство НКВД хорошо понимало, что аполитичная, малообразованная, неквалифицированная масса лагерных кадров ни в коей мере не соответствовала важности стоявших перед ней государственных задач. Пытаясь хоть как-то поднять авторитет и социальный статус работников лагерей и колоний, Л. Берия в конце 1943 г. издал приказ о присвоении личному составу ГУЛАГа специальных и воинских офицерских званий. Младшему командному составу военизированной охраны и некоторым категориям работников лагерного сектора присваивались звания спецслужбы НКВД. Начальствующему составу подразделений ГУЛАГа и старшим командирам ВОХР присваивались соответственно специальные звания государственной безопасности и воинские офицерские звания.

Присвоение старшему и среднему комсоставу офицерских званий, введение ношения погон для всего личного состава заметно повлияли на менталитет лагерных командиров. Они не только ощутили свою социальную

значимость, но и стали рассматривать службу в лагерной охране как пожизненную профессию, пусть трудную, но достаточно авторитетную и денежную.

В 1947 г. в военизированной стрелковой охране (ВСО) ГУЛАГа служили 157 тыс. человек, до полного укомплектования штатов охранников не хватало более 40 тыс. стрелков. Как и в довоенный период, рядовой и сержантский состав комплектовался преимущественно путем вербовки демобилизованных солдат Советской армии, которые давали подписку о согласии служить в ГУЛАГе в течение 2-3 лет. В отличие от солдат срочной службы они получали в виде заработной платы ежемесячно 250–350 рублей, находясь при этом на полном государственном обеспечении. В начале 50-х годов в охрану лагерей и колоний стали призывать граждан негодных к строевой службе.

Образовательный уровень личного состава ВСО (офицеров и рядовых) в 1954 г. выглядел следующим образом: с высшим и неоконченным высшим образованием 0,2 %, со средним – 2,5 %, неполным средним – 18,5 %, низшим – 70,8 % (Под низшим образованием понималось, как правило, 1-2 класса начальной школы. В 1946 г. низшее образование имели 92,6 % личного состава ВСО). 8 % охранников вообще не имели никакого образования.

По служебному положению и морально-интеллектуальному уровню к лагерной охране тесно примыкал надзорсостав. Внутренняя надзирательная служба была введена в ГУЛАГе в апреле 1944 г. Ее комплектование происходило в основном за счет военизированной охраны, бывших заключенных и местного населения. Надзиратели составляли наименее образованную группу лагерных кадров. В 1954 г. среди них только 2 % имели среднее образование, остальные 98 % – низшее или начальное. Руководство ГУЛАГа неоднократно предпринимало попытки повысить деловую квалификацию и общеобразовательный уровень своих работников. Во многих лагерных управлениях специально для надзорслужбы были организованы учебные пункты, в которых группы надзирателей по 25-30 человек проходили переподготовку с отрывом от основной работы. Однако, несмотря на полученные во время учебы хорошие оценки, надзиратели по-прежнему обирали заключенных (наиболее распространенный способ – брать деньги взаймы и не возвращать), глумились над ними, попирая человеческое достоинство, избивали. Формы издевательства могли быть самыми разнообразными. Например, зимой 1949 г. в нескольких лагерях Подмосковья, особенно в шахтерских, надзиратели придумали себе такое развлечение: глубокой ночью они будили

заклученных и начинали их стричь и брить. Подобных примеров можно привести тысячи, достаточно лишь заглянуть в мемуары выживших узников ГУЛАГа.

Количество и состав лагерных кадров определялись двуединой задачей ГУЛАГа: обеспечить охрану и режим содержания заключенных, а также выполнить большой комплекс производственных заданий. Как говорил министр внутренних дел С.Н.Круглов, советские «лагеря должны быть образцовыми: с одной стороны, это должна быть тюрьма, с другой стороны, заключенные должны в процессе труда перевоспитываться». В зависимости от спускавшихся сверху установок на первый план в работе ГУЛАГа выходили то задачи укрепления режима, то хозяйственные вопросы. По мере роста экономического потенциала ГУЛАГа увеличивалось число дипломированных кадров, преимущественно технических специальностей. Были в лагерной империи и свои научные кадры. К началу 1951 г. в системе МВД насчитывалось около десятка научно-исследовательских институтов. Сотни сотрудников МВД получили Сталинские премии, ордена и медали «за выдающиеся работы в области науки и изобретательства». Среди отмеченных работ – труды по проектированию и строительству сооружений в условиях вечной мерзлоты и другие аналогичные работы, ориентированные на нужды лагерной экономики.

Среди вольнонаемного состава хозяйственных кадров ГУЛАГа доля специалистов, а тем более ученых, относительно невелика, преобладали кадры рабочих профессий, в числе которых было немало лиц, не имевших никакой квалификации. Очень часто производственная дисциплина и производительность труда вольнонаемных кадров находились на крайне низком уровне. Распространенными явлениями среди производственных кадров были служебные злоупотребления, растраты, подлоги, хищения, пьянство. Нет ничего удивительного в том, что многие руководители лагерныхстроек и предприятий предпочитали иметь в качестве помощников кадры из состава заключенных, осужденных по 58-й статье. Отношения между вольнонаемными кадрами и заключенными строились в таких случаях на деловой, вполне дружеской основе. Но так было далеко не всегда. Многих правоверных коммунистов сжигала благородная ненависть к врагам народа и, болея душой за дело коммунизма, они писали доносы. В начале 1953 г. один из таких доносов поступил к секретарю ЦК КПСС Г.М. Маленкову.

Некто Иванов деловито и безграмотно «стучал»: «Товарищ Маленков, просим срочного принятия мер к начальнику управления Озерлага МВД СССР тов. Евстигнееву. Во-первых, карьерист. Во-вторых, служит врагам

народа. Просим проверить его происхождение и особенно его жены. Его жена, бывшая заключенная, дала подписку служить врагам народа, будучи в заключении. И сейчас, пользуясь служебным положением мужа, помогает врагам народа. Помогает устраиваться бывшим заключенным по 58 статье на работу в Управление особого лагеря, принято по ходатайству жены Евстигнеева 3-я часть заключенных, бывших репатриантов, евреев, у которых есть родственники в Америке, и прочих проходимцев...». Самого Евстигнеева анонимный доносчик характеризовал так: «Высшего образования не имеет, нечестный, малосознательный, марксизм-ленинизм знает поверхностно... Заелся, что помещик. Ездит в рабочее время на охоту на легковой машине. Имеет на стороне жену и дочку двух лет. Морально разложившийся. Просим помещика убрать, разоблачить и привлечь к ответственности». Проверкой этой анонимки занималось Управление МВД Иркутской области. В ходе расследования часть изложенных в письме фактов подтвердилась. Комиссия установила, что в Озерном лагере работали более 300 сотрудников, на которых имелся серьезный компрометирующий материал: судимость за контрреволюционные преступления, пребывание в плену и т. д. Нашли и еврея, у которого родственники за границей, и сына кулака и всех других, кого искали. ЦК КПСС потребовал от руководства ГУЛАГа «очистить Управление Озерного лагеря МВД от лиц, не внушающих политического доверия». Поступило также указание заменить и самого начальника лагеря полковника С.К. Евстигнеева. Абстрагируясь от данного конкретного случая, нужно заметить, что в целом характеристика руководителя Озерлага вполне соответствовала тому типу лагерного начальства, который сложился в ГУЛАГе в конце 40-х - начале 50-х годов.

Сигналы с мест, аналогичные упомянутому доносу, в какой-то мере тормозили процесс превращения лагерей в «поместья» и «вотчины». Кроме того, периодически по просторам ГУЛАГа прокатывались волны борьбы с хищениями и растратами, и тогда зарвавшихся «помещиков» разоблачали, увольняли, а подчас и судили. В 1949 г. большой резонанс получило дело начальника подмосковного лагеря № 49 Каневского за служебные злоупотребления его сняли с занимаемой должности и исключили из членов ВКП(б). В материалах партийной комиссии по этому поводу сообщалось: «По сигналам коммунистов политотдел установил, что Каневский, будучи начальником лагеря, сговорившись с оперуполномоченным Ульяновым, систематически злоупотребляли служебным положением, использовали труд заключенных в своих личных целях, а их жены и дочери беспрепятственно ходили в лагерь, заставляли заключенных бесплатно работать на себя, вымогали у заключенных деньги, угрожая неугодным

заключенным этапировать их в другие лагеря, и рассматривали лагерь как свою “вотчину”».

Много разговоров в среде лагерного руководства вызвал и другой преступный альянс, разоблаченный следственными органами в 1947 г. Считая себя хозяином жизни, прокурор московского лагерного управления Минский при поддержке начальника лагеря № 19 Тимошенко выстроил в Подмосковье дачу, оцененную экспертами в 120 тысяч рублей. Следствие установило, что строительство дачи вели заключенные, а все стройматериалы добывались жульническим путем якобы на нужды лагеря.

Нередко лагерные должностные лица вовлекали в свои аферы заключенных-уголовников: с их помощью со складов воровали и продавали обмундирование, продукты, стройматериалы, готовые изделия и т. д. Наряду с мелкими жуликами среди лагерно-производственной администрации встречались и более крупные дельцы «теневого» лагерной экономики. Некоторые из них оказались разоблаченными благодаря денежной реформе 1947 г. Широкою огласку получил случай с начальником Карагандажилстроя майором А.С. Свиридовым, который за несколько дней до реформы внес в сберкаассу почти четверть миллиона рублей, а после выхода новых денег его жена положила на счет еще около 7 тыс. рублей. Естественно, что подобная ситуация привлекла внимание компетентных органов. В ходе расследования выяснилось, что во время и после войны Свиридов за бесценку скупал в лагерях мебель и другие вещи домашнего обихода, изготовленные заключенными или полученные ими в посылках из дома, и перепродавал через комиссионный магазин. В апреле 1948 г. его сняли с занимаемой должности как «допустившего незаконные капиталовложения».

Особенно много злоупотреблений было в отдаленных северных лагерях, служивших зачастую последним прибежищем для окончательно спившихся и морально деградировавших офицеров и руководителей ГУЛАГа. В 1951 г. при тресте «Алданслюда» на территории Якутской АССР был образован Немнырский ИТЛ, подчиненный Главному управлению слюдяной промышленности МВД СССР. На укомплектование нового лагеря ГУЛАГ направил 136 человек начальствующего состава, среди которых более 30 человек имели репутацию отъявленных пьяниц, бездельников, опустившихся личностей, отовсюду уволенных и изгнанных. Получив в свое самовластное владение лагерные отделения, отстоявшие от Управления ИТЛ на 400-600 км, эти люди бесконтрольно распоряжались жизнями, здоровьем и средствами заключенных, удовлетворяя за их счет и с их помощью свои самые низменные потребности и прихоти. Поведение этой группы лагерных

руководителей было настолько аморальным и преступным, что в 1953 г. стало предметом особого разбирательства в ЦК КПСС.

Немнырский лагерь не являлся исключением, аналогичные ситуации наблюдались повсюду. Например, в Ивдельском лагере (Свердловская обл.), который возглавлял спившийся подполковник внутренней службы Д.Н. Лютанов, только за 4 месяца 1953 г. - с апреля по июль - зафиксировано 1800 случаев преступлений и аморальных поступков, совершенных работниками лагеря.

Обратить внимание на злоупотребления и произвол лагерных кадров заставили высшее партийное руководство массовые волнения и беспорядки, охватившие ГУЛАГ в 1953 г. В Чусовском отделении Ныробского лагеря начальник конвоя Ахвердов и проводник собак Шорохов для демонстрации своей власти заставили группу заключенных, которых конвоировали с работы в жилую зону лагеря, лечь в грязь и ползти по-пластунски. При этом самодуры в мундирах натравливали на уставших, изможденных людей сторожевую собаку, ежеминутно угрожая применить оружие. В этом же лагере командир взвода Терешков систематически избивал заключенных, издевался над ними, незаконно заковывал в стальные наручники и отправлял в штрафной изолятор. Жалобы заключенных, адресованные в вышестоящие органы, Терешков изымал из почтового ящика и с угрозами возвращал заключенным. В результате в лаготделении вспыхнул бунт, и началась забастовка.

Случалось, что на руководящих должностях в ГУЛАГе оказывались люди, ранее судимые за должностные, хозяйственные или уголовные преступления. Они отбыли свои сроки наказания в лагерях и колониях, после освобождения остались работать в системе ГУЛАГа и успешно продвигались по службе. Майор И.А. Желонкин, несмотря на низшее образование и судимость, исполнял обязанности начальника управления Нижне-Амурского лагеря. Подполковник Н.А. Иванов с аналогичной характеристикой дослужился до начальника отдела исправительно-трудовых колоний в Орловской области. Майор С.С. Сретенский, с низшим образованием и также из бывших заключенных, в мае 1953 г. получил должность заместителя начальника Управления Селенгинского лагеря.

По существовавшей еще с 20-х годов традиции, многих офицеров, снятых с занимаемых постов за грубые нарушения советской законности, за злоупотребления служебным положением и по другим причинам, направляли на руководящую работу в ГУЛАГ. Высшие должностные лица МВД, МГБ и ГУЛАГа легко находили общий язык и всячески поддерживали друг друга в критические моменты кадровых перестановок и массовых

чисток. Подполковник П.П. Сокольский, уволенный из органов МВД и МГБ за нарушение революционной законности, проявление карьеризма и злоупотребление своим служебным положением, в мае 1953 г. получил ответственную должность начальника оперативного отдела Усть-Вымского лагеря. За бывшего сослуживца хлопотал лично начальник ГУЛАГа И.И. Долгих. Между тем до того, как Сокольского утвердили в этой должности, по его вине в лагере погибли 34 заключенных, зафиксировано 82 случая нарушения законности охраной и надзорсоставом.

Полковника Бокучаву Ш.И. неоднократно снимали с занимаемых им должностей в органах МВД. В июне 1952 г. его уволили с поста министра внутренних дел Абхазской АССР за грубое нарушение социалистической законности, ЦК Компартии Грузии объявил ему строгий выговор с предупреждением. Избежать окончательного падения полковнику помог В.М. Козырев, по ходатайству которого Бокучава получил назначение на должность начальника оперативного отдела Нырбоского лагеря.

Практически каждый крупный лагерный руководитель имел в своей биографии факты, которые, по сути, являлись преступлениями, но по советской традиции именовались «нарушениями законности». Генерал-майор А.В. Шамарин начал свою чекистскую карьеру в дорожно-транспортном отделе НКВД Томской железной дороги. Именно здесь в 1937-39 гг. проявился его незаурядный талант фальсификатора и провокатора. Одно за другим раскрывал молодой оперативник контрреволюционные преступления. Но однажды вышла промашка. Когда Шамарин в очередной раз добился через тройку НКВД применения высшей меры наказания к пяти обвиняемым, вышестоящие органы вдруг неожиданно затребовали дела этих осужденных. Вот тут-то и выяснилось, что никаких дел вообще не существовало, Шамарин попросту не удосужился их оформить. Новосибирский обком ВКП(б) снял фальсификатора с занимаемой должности. Однако по ходатайству тогдашнего начальника Главного транспортного управления НКВД С.Р. Мильштейна Берия восстановил Шамарина в органах НКВД, а в 1943 г. назначил начальником Управления НКВД Кемеровской области. В 1948 г. за грубые нарушения социалистической законности его сняли с этой должности и направили на руководящую работу в ГУЛАГ. Характерной особенностью управленческой деятельности Шамарина было то, что в течение всего времени работы в лагерях он опирался исключительно на так называемый уголовно-бандитствующий элемент. Заканчивал свою карьеру генерал-майор в должности исполняющего обязанности начальника Полянского лагеря (Красноярский край).

Не всем генералам МВД, уличенным в совершенных ранее преступлениях, пришлось сменить министерские кресла на отдаленные сибирские лагеря, многим удалось пристроиться в центральном аппарате ГУЛАГа. Бывшего министра внутренних дел Молдавской ССР, а затем Марийской АССР генерал-майора М.И. Маркеева уволили с занимаемых постов «за провал порученного ему дела и необоснованные аресты граждан». Однако, несмотря на такую формулировку, Маркеев в июне 1953 г. получил назначение в центральный аппарат ГУЛАГа на должность инспектора. Руководящие посты в системе ГУЛАГа получили генералы И.И. Врადий, В.П. Рогов, уволенные из аппарата МГБ. Всего в процессе кадровых перестановок и увольнений, которые начались после смерти Сталина в связи с приходом к руководству объединенным МВД Л. Берия, в систему ГУЛАГа на руководящие должности попали 8 генералов, 34 полковника и множество офицеров более низкого звания, смещенных по разным причинам с ответственных постов в органах МВД–МГБ.

Сложившаяся в ГУЛАГе кадровая ситуация явно противоречила наметившимся в обществе переменам в духе «восстановления социалистической законности».

В ноябре-декабре 1953 г. административный отдел ЦК КПСС предпринял фронтальную проверку работы ГУЛАГа. Комиссия ЦК изучила 79 докладов и отчетов с мест, посетила десятки лагерей ГУЛАГа, ознакомилась с сотнями личных дел и характеристик. Все выявленные факты однозначно свидетельствовали «о крайне неблагоприятном положении дел» в Главном управлении лагерей. Особое внимание комиссия обратила на работу с кадрами. «При проверке выяснилось, – отмечалось в докладной записке административного отдела ЦК, – что в этом управлении грубо нарушаются партийные принципы подбора работников, некоторая часть провалившихся работников МВД и МГБ переведена в систему ГУЛАГа. Отдельным работникам, не справляющимся с порученным делом, выдаются положительные характеристики, и они продвигаются по службе.... На руководящих должностях в лагерях подвизается ряд лиц, которые в период работы в органах МВД арестовывали ни в чем неповинных советских граждан и фальсифицировали дела по обвинению их в тяжких контрреволюционных преступлениях...»

Результаты первой и единственной столь крупномасштабной проверки ГУЛАГа, похоже, озадачили не только органы МВД, но и высшее партийное руководство. По всей видимости, именно эти материалы послужили основанием для принятия в 1954 г. ряда важных партийных постановлений, которые свидетельствовали о начавшейся реорганизации репрессивной

системы и смягчении карательной политики. В течение 1954 г. в системе МВД сокращению и реорганизации подверглись 2790 подразделений, в том числе ликвидировано 39 лагерных управлений, закрыто 16 тюрем. Штатная численность сотрудников МВД уменьшилась на 16 300 единиц, в том числе по центральному аппарату на 600 единиц. При этом расходы на содержание административно-управленческого аппарата МВД сократились на 250 млн. рублей. Структурная перестройка всех звеньев репрессивной системы сопровождалась фактически полной сменой руководящего состава.

Реорганизация репрессивной системы сопровождалась некоторыми мерами по восстановлению законности, которые носили, по преимуществу, административный характер. Приказами министра внутренних дел СССР были уволены из органов МВД заместитель министра внутренних дел Азербайджанской ССР Атакишиев; начальник Песчаного ИТЛ В.Т. Сергиенко; бывший старший следователь следственной части по особо важным делам МВД Белолопечский; министр внутренних дел Армянской ССР Григорьян; начальники отделов управлений лагерей: Минерального – Быстров, Ухто-Ижемского – Врадий, Степного – Гладков, заместитель начальника Минерального ИТЛ Ручкин; начальник управления милиции Челябинской области Новиков; заместитель министра внутренних дел Белорусской ССР Семенов. По ходатайству МВД, все эти лица, а также бывший начальник Управления кадров МВД Б.П. Обручников постановлением Совета министров СССР от 3 января 1955 г. были лишены генеральских званий как дискредитировавшие себя за время работы в органах МВД и МГБ. В течение 1954 г. из органов МВД уволили за допущенные в прошлом нарушения советской законности 358 человек начальствующего состава, среди них значительную часть составляли руководящие кадры ГУЛАГа.

В числе прочих освободили от занимаемой должности и начальника Главного управления лагерей И.И. Долгих. В феврале 1956 г., после годичной проверки, проведенной Главной военной прокуратурой СССР, его лишили генеральского звания и уволили «по фактам, дискредитирующим высокое звание начсостава органов МВД», назначив пониженную пенсию в размере 840 руб. в месяц.

Арифметика жизненного пути 52-летнего разжалованного генерал-лейтенанта чрезвычайно проста и вместе с тем достаточно типична: 6 лет в комсомоле и 25 лет в партии, 36 лет на советской, профсоюзной и административной работе, из них 28 лет в органах МВД. Биографию И. Долгих нельзя назвать незаурядной, а карьере стремительной или неожиданной, но в них все на своих местах. «Благодаря нашей партии и

советской власти, я сын крестьянина-бедняка сапожника прошел свой путь от секретаря сельсовета, младшего агента ГПУ до министра внутренних дел Казахской ССР, начальника Главного управления лагерей и члена коллегии МВД и Министерства юстиции», – комментировал собственное продвижение по службе И. Долгих. Что же позволило не имевшему ни образования, ни профессии, ни каких-то особых талантов и заслуг человеку столь уверенно подниматься по служебной лестнице? Причину своих успехов И. Долгих объяснял однозначно: «Я рос с помощью нашей партии...».

Членом ВКП(б) молодой сотрудник ОГПУ стал в 1931 г. К тому времени он уже перестал видеть в спецпереселенцах и заключенных людей, они превратились для него в «рабсилу» и «трудфонд». С осени 1931 г. по осень 1932 г. он умертвил путем жесточайшей эксплуатации полторы тысячи спецпереселенцев, заставив их реализовывать свой кабинетно-карьеристский план преобразования Нарымского края. Но не эту «заслугу» поставили в вину генералу, когда лишили его воинского звания. В послужном списке И. Долгих были и другие «подвиги».

В 1937-38 гг. он возглавлял следственное отделение дорожно-транспортного отдела НКВД Южной железной дороги в г. Харькове. Вот здесь-то и проявил себя в полную мочь будущий начальник ГУЛАГа. Только с августа по ноябрь 1937 г. руководители отдела арестовали 1800 человек. Ценные железнодорожные кадры истреблялись с таким размахом, что это вызвало негативную реакцию со стороны руководства НКВД.

В ходе пересмотра ряда сфальсифицированных дел выяснились многочисленные факты необоснованных арестов, жесточайших избиений подследственных, всевозможных издевательств и провокаций, в общем, всего того, что по официальной терминологии именовалось «грубейшими нарушениями социалистической законности». Многие тайное стало явным в 1956 г. Не желая мириться с формулировкой увольнения, Долгих апеллировал к ЦК КПСС. Он начисто отвергал выдвинутые против него обвинения и отчаянно доказывал, что всегда следовал партийным установкам и действовал в духе времени. И в этом была изрядная доля правды. Не знавший по-настоящему, что такое труд, и не имеющий специальности Долгих больше всего опасался остаться без средств к существованию. «По опыту других работников НКВД я знаю, что такое быть уволенным по фактам дискредитирующим, да еще из органов МВД, – писал в заявлении в ЦК КПСС бывший начальник ГУЛАГа. – Даже справка об освобождении из мест заключения многими руководителями

предприятий считается более положительным документом для предоставления работы, нежели такой документ из органов МВД или МГБ». Просьба Долгих сводилась к одному: «Дать указание уволить из органов МВД по выслуге лет». В тот период ЦК КПСС счел просьбу неосновательной.

Более категоричный отказ в ответ на аналогичное обращение получил В.С. Рясной – 52-летний генерал-лейтенант, уволенный «по фактам, дискредитирующим высокое звание генерала» в августе 1956 г. и соответственно лишенный генеральского звания и льготной пенсии. Биография В. Рясного во многом напоминает жизненный путь И. Долгих, как впрочем, и многих других руководящих работников МВД. С 16 лет на комсомольской, а с 18 на партийной и советской работе, образование среднее, профессии нет. В органы НКВД (сразу в аппарат ГУГБ) пришел в 1937 г. по направлению ЦК ВКП(б) с должности первого секретаря райкома. Рясной удачно вписался в советскую репрессивную систему и начал уверенно подниматься по служебной лестнице. Начальник управления НКВД г. Горького, министр внутренних дел Украинской ССР, замминистра внутренних дел СССР, замминистра госбезопасности, начальник управления МВД Московской области – вот лишь основные вехи чекистской карьеры В.С. Рясного. Кроме того, он был депутатом Верховного Совета СССР, орденоносцем и т. д. Основанием к увольнению Рясного из органов МВД с «волчьим билетом» послужили материалы проверки его деятельности в 1937-38 гг.

В тот период начинающий следователь проявил незаурядные способности в деле фальсификации следственных дел путем подлогов и провокаций. На совести Рясного смерть полпреда СССР в Саудовской Аравии К.И. Хакимова, которого он во время следствия попросил оказать услугу – помочь перевести для начальства незнакомый текст с турецкого языка. На суде этот перевод явно буржуазно-националистического содержания фигурировал как авторское сочинение обвиняемого. Рясной сфальсифицировал дело бывшего члена исполкома Коминтерна А.С. Султан-Заде; сотрудника аппарата ЦК ВКП(б) В.И. Зеймаля и ряд других.

В послевоенные годы Рясной активно боролся с «националистическими бандами» на Украине, а также производил массовые аресты латышей и литовцев «за связь с бандитами». Поскольку такая деятельность в те годы еще не считалась преступлением, генерал-лейтенант охотно ставил ее себе в заслугу.

Говорить о том, что Рясной понял греховность содеянного и раскаялся, не приходится. Так же, как и Долгих, его больше всего волновала урезанная пенсия – 950 рублей, потерянные льготы, да еще попытка МВД отобрать у него излишки жилой площади в центре Москвы. Рясной надеялся, что партия, в которой он рос 36 лет и для дела которой не шадил своей жизни, поможет ему, но ошибся. В заключении ЦК КПСС, в частности, говорилось: «Рясной в карьеристских целях по своей инициативе допускал фальсификацию следственных дел и быстро продвигался по службе». «Карьеристские цели» – вот ключевые слова в биографии многих сотен руководящих сотрудников МВД. Велик список преступников, облаченных в казенные мундиры, но в тысячи раз больше список их жертв.

Тоталитарный режим вовлек в свои преступления множество людей. Однако провести четкую грань между палачами и жертвами не всегда удается. Советское общество и ГУЛАГ переплетены гораздо теснее, чем может показаться на первый взгляд. Кадры ГУЛАГа, несмотря на всю их специфичность, жили по нормам советского общества; творя произвол и беззаконие, они в любой момент могли сами оказаться в жерновах репрессивной системы. Лагерные кадры не были изолированной группой лиц. Они жили в обществе, воспитывали детей, общались с родными и близкими и тем самым транслировали субкультуру насилия, сформированную в лагерном мире, на семью и общество в целом. Вместе с тем, кадры ГУЛАГа наиболее остро и, пожалуй, раньше других слоев населения ощутили на себе то, что впоследствии стало нормой советского общества, – раздвоение личности, необходимость сочетать в себе коммунистическую и лагерную мораль одновременно.

За годы существования ГУЛАГа в числе его работников побывало более миллиона советских граждан. Лагерная служба помогла обрести социальную значимость и не последнее место в обществе людям, которые в силу своей неразвитости, малограмотности, крайне низких моральных качеств не имели шансов на успех ни в каких других сферах деятельности. Их социальный статус всецело зависел от крепости существовавшего режима, именно поэтому кадры ГУЛАГа были одной из важнейших опор тоталитарной власти.

Послевоенная Европа сделала тему концлагерей одной из ведущих в проблеме разоблачения идеологии и практики фашизма. Над истоками и природой тоталитаризма тогда задумались не только ученые и политики, но и миллионы простых европейцев, кто непосредственно пережил опыт нацистской диктатуры. Философ Карл Ясперс, один из духовных лидеров послевоенной Германии, анализируя проблемы будущего человечества,

увидел в лагерных системах опасность для самой природы человека. «Эта реальность концентрационных лагерей, – писал немецкий мыслитель, – это согласованное движение по кругу пытающих и пытаемых, эта утрата человеческого облика предвещает будущие возможности, которые грозят гибелью всему. Знакомясь с сообщениями о концентрационных лагерях, мы почти теряем дар речи. Эта опасность страшнее атомной бомбы, так как она угрожает душе человека». Обращаясь в 40-50-е годы к соотечественникам по радио, в статьях и книгах, К. Ясперс все время напоминал о недавнем лагерном прошлом: оно было, оказалось возможным, и эта возможность остается; лишь знание способно предотвратить ее. Нет сомнений, что предостережения ученого актуальны и для нашей страны.

Широко известно высказывание американского философа Д. Сантаяны: «Тот, кто не помнит своего прошлого, осужден на то, чтобы пережить его вновь». О повторении ГУЛАГа даже страшно помыслить, значит нужно сделать так, чтобы память о нем, пусть горькая и трагичная, сохранилась на долгие годы. А чтобы помнить прошлое, нужно, прежде всего, его знать.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ГУЛАГ УШЕЛ, ЗОНА ОСТАЛАСЬ

Советская пенитенциарная система, главную и неотъемлемую часть которой составлял ГУЛАГ, служила исключительно интересам тоталитарного государства. В течение многих десятилетий она была фактически полностью исключена из сферы общественного внимания, поскольку вся ее деятельность протекала в обстановке строгой секретности. Сталинские концентрационные лагеря были местом жестокого произвола и насилия, бесправия и унижения человеческого достоинства, изощренных издевательств и каторжного труда. В сознании тюремно-лагерных служащих прочно укоренилась мысль о том, что осужденный – это практически всегда враг общества и государства, не заслуживающий ни жалости, ни снисхождения. Заключение не воспринимался как личность, его оценивали только как статистическую единицу производственного процесса. Принудительный труд заключенных, фактически находившихся на положении рабов, стал одним из важных факторов народного хозяйства. Вместе с тем, коммунистическая пропаганда вопреки реальному положению дел активно внедряла в сознание граждан мысль о гуманном характере советского правосудия и существующей исправительной системы.

«Лагерный мир... Это дно нашего общества. Его ужас, серая беспросветность отражают в себе всю глубину социальной трагичности и нравственной ущербности нашей жизни...», – писал академик А.Д. Сахаров в марте 1988 г. Это был период, когда непроницаемая завеса секретности, надежно скрывавшая массовые нарушения законности, произвол и жестокость со стороны тюремно-лагерной администрации, противоправные действия которой почти всегда оставались безнаказанными, начала медленно подниматься. На страницы советской печати впервые за много лет вышла тема судьбы людей, попавших в места лишения свободы. Это были уже не лицемерные рассказы о «блатарях», ставших после перевоспитания в колонии летчиками и капитанами. Со страниц газет и журналов впервые зазвучали подлинно человеческие слова о людях, преступивших закон. Редакции периодических изданий захлестнула волна писем из зоны. Свой «крик души», а иначе эти послания назвать трудно, заключенные писали тайно, отправляли нелегально. Причина понятна, о ней говорится в каждом письме: «администрация не любит, когда в отношении нее куда-то что-то пишется, и обычно с такими людьми расправляются очень жестоко». Факты, ставшие достоянием гласности, свидетельствовали: ГУЛАГ не ушел в

прошлое, как считали историки, он изменил название, несколько умерил свои аппетиты, потерял былой размах и социальную значимость, но он по-прежнему здесь, на просторах бывшего Советского Союза, и ждет своего часа, чтобы заработать на полную мощь. Это мнение российских правозащитников полностью разделял А.И. Солженицын. Одна из причин, по которой он отказался от Государственной премии РСФСР, присужденной ему в 1990 г. за «Архипелаг ГУЛАГ», заключалась как раз в том, что «в нашей стране болезнь ГУЛАГа и по сегодня не преодолена – ни юридически, ни морально».

Бывшая политзаключенная Е.Н. Санникова, выступая на международной конференции «Тюремная реформа в странах бывшего тоталитаризма» (ноябрь 1992 г.), вспоминала: «В лагере меня поразило не то, что я там увидела, а то, что увиденное было тем же самым, о чем я уже знала по воспоминаниям политзаключенных 30-х и 40-х годов. Эта система не меняется, а если и меняется, то в худшую сторону. Например, в воспоминаниях о сталинском ГУЛАГе я ничего не читала о «Белых лебедях» и о повсеместном применении пресс-камер».

Общество развитого социализма, построение которого декларировала Конституция СССР 1977 г., требовало от всех членов выполнения определенных правил игры, в частности, внешнего, формального следования законам и предписаниям. Соблюдение проформы, создание видимости благополучия путем написания «правильных» отчетов и рапортов стало едва ли не ритуалом для всех государственных структур, в том числе и для системы исполнения наказания, задача которой, как известно, сводилась, прежде всего, к выполнению производственного плана и перевоспитанию преступников. Администрация исправительных учреждений была кровно заинтересована в двух хороших показателях: производственных и перевоспитания заключенных. Это давало победу в социалистическом соревновании, что означало премии, повышение в чинах и окладах.

Именно с целью получения этих «хороших показателей» МВД и придумало создание «профилактических центров», предназначенных для «разложенческой работы среди уголовно-бандитствующего элемента». Эти учреждения тюремного типа, официально именуемые ЕПКТ (единое помещение камерного типа), появились в 80-х годах в восьми региональных управлениях лесных колоний. Их деятельность регулировалась не законом, а секретными ведомственными инструкциями МВД так же, как в свое время деятельность лагерей ГУЛАГа. Первый такой «профилактический центр» открылся в Усольском управлении лесными ИТУ на Северном Урале (г. Соликамск) и получил неофициальное поэтическое название «Белый

лебедь». В ГУЛАГе, кстати, всегда любили названия, связанные с природой, – самые жестокорежимные Особые лагеря именовались весьма романтично: Озерный, Горный, Дубравный и т. п. Очень скоро это название распространилось на все другие подобные заведения и стало означать для заключенных пытку, истязания, расправу. Что касается администрации колоний, то угроза отправки в «Белый лебедь» стала для нее едва ли не главным способом воспитания непокорных или устранения неугодных заключенных (чаще всего жалобщиков). Чтобы лучше прояснить ситуацию, приведем строки из письма, поступившего в редакцию журнала «Огонек» в конце 80-х годов. «В своем несчастье, – писал уголовный преступник, – я полновесно понял несчастье тех, кому принес горе и страдания. Вот кончается мой первоначальный срок наказания – 14 лет. Но это было не наказание, а лютая казнь, в муках и страданиях... Привили мне туберкулез, – раздевали, сажали в обледенелую камеру, облитую водой. Зимой отправили в туберкулезную больницу, обнаружив туберкулез... Мои несчастья в тубдиспансере начались с того, что я написал жалобу на администрацию... Я пробовал добиться своих человеческих прав голодовками, чем подорвал свое здоровье, особенно сердце, но все мои попытки оказались безуспешными... Много раз попадал я под сапоги и дубинки... Одного человека здесь запинали до смерти. И чтобы избежать недоразумений, кинули его в камеру и сожгли, якобы он сам поджегся. Накидали ему в камеру таблеток, якобы он их обожрался и сгорел. Был прокурор по этому поводу, навели формальности, и на этом все. Поверьте, если говорить обо всех фактах, это займет слишком много бумаги... Администрация угрожает: «Ты допрыгаешься, отправим тебя на “Белый лебедь”». «Лебедь – это лагерь в городе Соликамске с ужесточенными репрессиями. Значение этого лагеря я никак не могу понять, это вроде как узаконено что ли? Слухи о нем невероятные...» Чем же можно было напугать зэка, получившего, казалось, и в обычной зоне сполна?

Вот выдержки из «Белой книги России», опубликованной Международным Обществом Прав Человека, дающие некоторое представление о методах «перевоспитания» заключенных, применявшихся (и применяемых?) в управлениях, где имелись подобные «профилактические центры». Свидетельствуют очевидцы, побывавшие в «Белом лебеде»:

«...Там существовала система пыток, от которой люди мерли, как мухи. Жестоко избивали, морозили, – на холоде обливали водой, вешали в петлю, морили голодом, подвергали самым изощренным издевательствам. Многие не выдерживали пыток и кончали жизнь самоубийством...».

«...Бить могли раз десять в день, могли и ночью, били просто так, ни за

что, когда было за что, – вообще забивали... Из людей делали послушное стадо. Работа грязная и тяжелая, делать ее надо было бегом, а иначе получишь палкой по хребту... Зимой выгоняли в прогулочный дворик в одних трусах. Бывало, и замерзали насмерть. Долгие нечеловеческие крики, от которых мурашки и волосы дыбом, слышать приходилось довольно часто...».

«...Работали по 16 часов в сутки, в обед давали миску баланды на троих. И постоянно били... Забивали до потери сознания, ломали кости, отшибали не только жизненно важные органы, но и память и желание жить...».

«...Рано или поздно Вы поймете, что методы “воспитания” в “Белом лебеде” приводят к самым невероятным, изощренным и страшным по жестокости и дерзости преступлениям. Через “Лебедь” прошли тысячи людей, вышли тысячи озлобленных, затаившихся зверей. Попав в руки к таким стратегам, как генерал Сныщев, и “воспитатели” и “воспитуемые” становятся зверьми, каковым я и себя считаю после “Белого лебедя”».

Как видим, «невероятные слухи» родились не на пустом месте, и угрозы надзирателей не были выдумкой. Что еще, кроме «Белого лебедя», вызывало у заключенных страх и трепет? Пресс-камеры. Эти камеры существовали (и существуют?) во всех изоляторах, тюрьмах, помещениях камерного типа. В них специально подобранные администрацией заключенные пытали, истязали, насиловали тех, кого к ним сажали с целью добиться от них чего-то конкретного, например: дать нужные следователю показания, написать заявление с отказом от воровских идей, запугать и т. д.

В распоряжении администрации исправительных учреждений достаточно много средств воздействия на заключенных, но не всегда эти средства оказываются эффективны. Боясь потерять управление над массой осужденных преступников, служащие колоний и тюрем нередко прибегают к латентным способам давления на непокорных заключенных – «прессуют» их с помощью других осужденных («прессовщиков»). В условиях, когда администрация вынуждена демонстрировать внешнее соблюдение законности, метод «разделяй и властвуй» оказался одним из наиболее эффективных. Можно с уверенностью утверждать, что одна из причин жестокости, насилия и издевательств, характерных для многих мест заключения, это использование лагерной администрацией одних заключенных против других. Приведем строки из письма «беглого каторжника» Вячеслава Карасева, опубликованного в «Московской правде» в ноябре 1994 г.: «...Отсидел я в зоне около 11 лет. В 1993 г. я был предупрежден хорошим человеком, что получено указание о моей ликвидации. И есть решение инсценировать мое самоубийство. О том, как

совершаются подобные «самоубийства», для заключенных давно не секрет. Такое обычно проделывают с теми, кто не угоден. Я решил бежать. Я шел пешком до самой Москвы (из Пермской области, в 180 км от Соликамска – *примеч. авт.*). Сейчас я вынужден находиться на нелегальном положении, прятаться. Но молчать об увиденном и пережитом не могу. Что творится в Соликамске в пересыльной тюрьме! Всех зверств даже описать невозможно. Самое ужасное, что функции палачей-убийц выполняют заключенные, которые получают за это льготы от охраны. Подбирают самых отъявленных головорезов, у которых абсолютно отсутствует что-либо человеческое. В их распоряжении вся пересыльная тюрьма, они выполняют роль неформальных надзирателей».

Проблемы пенитенциарной системы, и, в частности, нарушение прав человека в местах лишения свободы, не сводятся только к произволу администрации и насилию одних заключенных над другими. Да, по мнению многих специалистов, один из важнейших источников нарушения прав человека — это неформальные отношения в среде самих заключенных. Вне всякого сомнения, охранники не отличаются ни гуманностью, ни снисходительностью по отношению к осужденным. Но ведь есть еще и общество. Есть, наконец, закон. Известный правозащитник С.А. Ковалев выделял четыре силы, сложно взаимодействующие между собой в решении пенитенциарных проблем: общество, законодатель, тюремная администрация и сами заключенные. Что важнее, без чего тюремная реформа обречена на неудачу? Прислушаемся к мнению генерального секретаря Ассоциации против пыток Франсуа де Варгаса: «...То, что мы видели в ваших тюрьмах, то, о чем рассказывали участники из России, заставляет думать, что вам предстоит сделать очень многое для того, чтобы исправить существующее положение вещей. Люди, которые находятся за решеткой, невыносимо страдают. Я просто не могу даже себе представить эти страдания. Так что ситуация в вашей стране очень непростая. Недостаточно принять новые законы. Нужно изменить само общество». Трудно не согласиться с мнением швейцарского правозащитника. Хорошо известно, что судить о степени цивилизованности, гуманности и демократичности общества можно, в частности, по его отношению к осужденным. Если основываться на таком подходе, то следует признать, что Россия еще весьма далека от принятых в мировом сообществе норм и идеалов. Российскому обществу, по мнению Ю.В. Чижова, одного из авторов книги «Как выжить в советской тюрьме», необходимо, прежде всего, избавиться от «сидящего в каждом из нас испуганного отворачивания к зэку, от весьма распространенных заблуждений и чересчур категоричных

оценок».

Вспомним пятую статью Всеобщей декларации прав человека, которая гласит: «Никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его человеческое достоинство обращению и наказанию». Аналогичная статья есть и в нашей российской Конституции. Однако гражданину, волею судьбы попавшему в российскую тюрьму, лучше не надеяться на конституционную защиту. О каком достоинстве может идти речь, если процент наполнения следственных изоляторов и тюрем на 1 января 1998 г. составлял 152,7 %, это в среднем по стране?! В отдельных регионах эта цифра велика настолько, что вообще кажется невероятной. В Читинской области, например, уровень наполнения следственных изоляторов и тюрем составляет 263,6 %, в Алтайском крае – 258,1 %, в Нижегородской области – 206,7 %, в Свердловской – 216,9 %, в Тверской – 207,7 %, Тульской – 240,1 %, в Москве – 176,8 % и т. д. За этими цифрами стоят переполненные в два с лишним раза камеры со всеми вытекающими отсюда последствиями. Год назад достоянием гласности стал доклад влиятельной международной организации «Эмнести Интернэшнл», который называется «Пытки в России. Этот рукотворный ад». Доклад содержит множество фактов бесчеловечного обращения с заключенными, разъясняет что такое «пресс-камеры», объясняет методологию наиболее распространенных пыток. Однако для того, чтобы заставить человека мучиться, совсем не обязательно надевать на него противогаз и ограничивать доступ кислорода. Вполне достаточно поместить его в одну из таких переполненных камер. Вот строки из письма человека, побывавшего в московской «Бутырке»: «Несколько раз мне было так плохо, что я просил Господа разрешить мне умереть. Я почему-то думаю, что в настоящем аду не так ужасно, как в этом, рукотворном. Всевышний все-таки жалостлив, не такой, как люди...»

«Жизнь, напоминающая ад» – так единодушно характеризуют журналисты то, что им приходится наблюдать при посещении российских тюрем и следственных изоляторов. Что касается колоний, то средний процент наполнения на 1 января 1998 г. здесь всего 93 %. Но просторно далеко не везде. В Калужской области, например, уровень наполнения колоний составляет 111,9 %, в Краснодарском крае 158,5 %, в Псковской области 110,6 %, в Алтайском крае 120,4 %, в Сахалинской области 132,8 %, в Татарстане 127,8 % и т. д. Это означает, что сотням осужденных не хватает спальных мест, посуды, мебели, постельных принадлежностей, значит кто-то обделен, унижен, озлоблен.

Неблагоприятную ситуацию, сложившуюся в местах заключения,

многие практические работники и политические деятели склонны объяснять, прежде всего, недостаточностью финансирования и устаревшей изношенной материально-технической базой. Однако такое объяснение можно принять лишь отчасти. Для того чтобы привести условия содержания заключенных в соответствие с минимальными международными правилами и стандартами, обеспечить соблюдение прав человека в местах лишения свободы, требуется радикальная реформа всей пенитенциарной системы. Нужны кардинальные изменения, в том числе и концептуальные. В свою очередь, успешное проведение тюремной реформы в значительной степени зависит от поддержки большинства населения. Между тем, общественное мнение в России в настоящий момент далеко не единодушно в оценке ситуации, сложившейся в уголовно-исполнительной системе. Общество, напуганное ростом преступности, не склонно требовать смягчения режима в местах лишения свободы. Как заметил С.А. Ковалев: «В настоящее время основная часть общества убеждена, что по отношению к тем, кто нарушил закон, необязательно строго следовать нормам закона».

Подобной точки зрения придерживаются не только рядовые обыватели, но и многие государственные деятели, что отрицательно сказывается на развитии законодательства по вопросам тюремной реформы.

В сложившейся ситуации чрезвычайно актуальной становится задача формирования общественного мнения в пользу гуманизации пенитенциарной системы и соблюдения прав человека. Общество должно знать и помнить о тех унижениях и страданиях, которые выпали на долю наших осужденных соотечественников, многие из которых попали в застенки безвинно и потеряли лучшие годы жизни, а то и саму жизнь в лагерях ГУЛАГа и других подобных учреждениях.

Работа по реформированию исправительной системы ведется в нашей стране с начала 90-х годов. Первым важным шагом в этом направлении можно считать закон от 12 июня 1992 г. «О внесении изменений и дополнений в Исправительно-трудовой кодекс РФ». Эти изменения предписывали переход от жестких карательных мер воздействия на осужденных, к широкому стимулированию их правопослушного поведения. На основе этого закона был издан ряд приказов, указаний и инструкций, новые правила внутреннего распорядка ИТУ. Однако, как это не парадоксально звучит, принятие закона, гуманизовавшего условия содержания заключенных, реально ухудшило ситуацию с соблюдением прав человека в местах заключения.

Отмена ряда наказаний привела к частичной потере управления в колониях и тюрьмах. Стали возникать конфликты с осужденными, которые

требовали немедленной реализации некоторых новых норм (отпуска, телефонные переговоры и т. д.), для осуществления которых не было реальной возможности. Работникам пенитенциарной системы этот год запомнился, наверно, как один из самых тяжелых. В 1992 г. в колониях, в следственных изоляторах и тюрьмах было зафиксировано 113 эксцессов (захваты заложников, массовые голодовки, забастовки), совершено 5179 преступлений. Для сравнения назовем аналогичные цифры за 1997 г.: 2 эксцесса (захват заложников) и 2066 преступлений, и это притом, что в 1992 г. в местах лишения свободы находилось 755089 человек, а в 1997 г. эта цифра возросла до 1051515 человек (по состоянию на 01.01.1997).

Дестабилизация обстановки в местах заключения на начальном этапе тюремной реформы наглядно подтвердила правоту тех государственных и общественных деятелей, которые призывали отказываться от устаревшей идеологии и прекратить политику «латания дыр на старом костюме». Для успешного реформирования российской пенитенциарной системы требовались совсем другие подходы.

В 1995 г. была разработана Концепция реорганизации уголовно-исполнительной системы (УИС) МВД России, одобренная в целом 13 января 1996 г. президентом. Поставив свою подпись под этим документом, Б.Н. Ельцин просил обратить «особое внимание на обеспечение прав и законных интересов осужденных, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». Концепция рассчитана на период до 2005 г. Одним из важнейших итогов ее реализации должно стать соблюдение в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации международных норм и стандартов обращения с заключенными.

В настоящее время российская пенитенциарная система включает в себя 994 учреждения, в том числе 742 исправительные колонии, из них 122 лесные, 178 следственных изоляторов, 13 тюрем и 61 воспитательную колонию. По официальным данным, на 1 января 1998г. численность спецконтингента подразделений УИС составила 1009863 человека. Среди заключенных 69814 человек больны туберкулезом, это почти 7 %. А сколько еще инфицировано и заболеет в условиях недостаточного питания и отсутствия медикаментов? В целом, заболеваемость туберкулезом в учреждениях УИС превышает аналогичные показатели по стране в 54 раза, а по смертности – в 28 раз.

Настораживает заметное увеличение количества женщин и девушек, содержащихся в исправительных и воспитательных колониях. В 1992 г. было 29 женских колоний, и в них содержалось 17547 женщин. А в 1997 г. уже 32 колонии и 39610 женщин, заключенных в них. К этому нужно

прибавить еще 3 воспитательные колонии для девушек, где содержится 1207 юных правонарушительниц. Возросло количество женщин и в следственных изоляторах: если на 1 января 1993 г. под стражей содержалось 6967 женщин, то на 1 января 1997 г. уже 16607.

Как отмечалось, рост численности заключенных не привел к дестабилизации обстановки в исправительных учреждениях. В значительной степени это связано с укреплением законодательной базы уголовно-исполнительной системы. 8 января 1997 г. был принят федеральный закон о введении в действие нового Уголовно-исполнительного кодекса РФ, который вступил в силу 1 июля 1997 г. Как сказано в официальном документе, «основная идея кодекса состоит в том, чтобы закрепить в законе такие правила исполнения наказания, которые позволили бы с наименьшими ограничениями прав и свобод осужденных добиться наиболее полного их исправления».

Заслуживает всемерной поддержки Указ Президента от 8 октября 1997 г. «О реформировании уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации», позволяющий разорвать роковую связку следствия и содержания заключенных в рамках одного ведомства. На основании этого указа осуществлена передача пенитенциарных учреждений Министерству юстиции РФ. По мнению Международного Общества Прав Человека, это позволит добиться того, чтобы в обозримой перспективе «зона» перестала, наконец, быть проблемной зоной в плане соблюдения прав человека в России.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ГУЛАГ ЯЗЫКОМ ДОКУМЕНТОВ

Мемуарная и научная литература о советских концлагерях содержит подробные сведения о жизни узников ГУЛАГа, всесторонне освещает механизм политических репрессий. Однако не у всех читателей эта информация вызывает доверие. Многие сторонники социализма, мечтающие о возрождении СССР, уверены, что бывшие заключенные сильно сгущают краски, описывая свое лагерное прошлое, а исследователи не всегда бывают объективны. В поисках истины обратимся к другим источникам – официальным документам, отложившимся полвека назад в партийных и государственных архивах. Они беспристрастно расскажут нам о том, как работала репрессивная машина, как жили ссыльные и заключенные, и о многом другом, что пришлось пережить нашему народу.

Документ 1.

Шифрограмма отправлена 29 сентября 1937 г. из Куйбышева.

Москва. Центральный Комитет. Сталину. Ежову.

Бывший начальник Пензенского отдела НКВД Филиппов вдвоем с заместителем Френкеля Берзоном в служебном кабинете Филиппова вели контрреволюционный разговор о том, что «многих исключаем из партии, коммунисты сыплются как горох», «не написал бы товарищ Сталин вторую статью о головокружении от успехов» и прочее. От партии этот контрреволюционный разговор скрывался до 29 сентября. Обком Филиппова исключил из партии и просит дать санкцию на его арест. О Берзоне постановление высылаем в ЦК. Постышев.

На документе собственноручные надписи Сталина «за арест». «Согласны на арест Филиппова»

Центр хранения современной документации (ЦХСД) Ф.89. Оп.48. Док.19. Л.1.

Документ 2.

Записка НКВД СССР И.В. Сталину о приговоренных
к высшей мере наказания.

Государственный комитет обороны. Тов. Сталину.

15 ноября 1941 г.

В республиканских, краевых и областных органах НКВД по несколько месяцев содержатся под стражей заключенные, приговоренные военными трибуналами округов и местными судами к высшей мере наказания, в ожидании утверждения приговоров высшими судебными инстанциями

По существующему ныне порядку приговоры военных трибуналов округов, а также верховных судов союзных и автономных республик и краевых, областных судов входят в законную силу только после утверждения их Военной Коллегией и Уголовно-Судебной Коллегией Верховного Суда Союза ССР соответственно.

Однако и решения Верховного Суда Союза ССР по существу не являются окончательными, так как они рассматриваются комиссией Политбюро ЦК ВКП(б), которая свое заключение также представляет на утверждение ЦК ВКП(б), и только после этого по делу выносится окончательное решение, которое вновь спускается Верховному Суду, а этим последним направляется для исполнения НКВД СССР.

Исключения составляют местности, объявленные на военном положении и районы военных действий, где Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 июня 1941 г. военным советам фронтов в особо исключительных случаях, вызываемых развертыванием военных действий, предоставлено право утверждения приговоров военных трибуналов к высшей мере наказания с немедленным приведением приговоров в исполнение. В настоящее время в тюрьмах НКВД республик, краев и областей скопилось 10645 человек заключенных, приговоренных к ВМН, в ожидании утверждения приговоров по их делам высшими судебными инстанциями.

Исходя из условий военного времени, НКВД считает целесообразным:

1. Разрешить НКВД СССР в отношении всех заключенных, приговоренных к высшей мере наказания, ныне содержащихся в тюрьмах в ожидании утверждения приговоров высшими судебными инстанциями,

привести в исполнение приговоры военных трибуналов округов и республиканских, краевых, областных судебных органов.

2. Предоставить Особому Советанию НКВД СССР право с участием Прокурора Союза ССР по возникающим в органах НКВД делам о контрреволюционных преступлениях и особо опасных преступлениях против порядка управления СССР, предусмотренных ст. 58 и ст. 59 (перечислены все пункты и подпункты – прим. составителя) Уголовного Кодекса РСФСР, выносить соответствующие меры наказания вплоть до расстрела. Решения Особого Советания считать окончательными.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР
Л. Берия.

ЦХСД. Ф.89. Оп.18. Док. 9. Л.1-2.

Документ 3.

В феврале 1953 г. в ЦК КПСС на имя Г.М. Маленкова поступило письмо от военнослужащего Северо-восточных лагерей, подписанное вымышленным именем Г. Левонец.

Я Вас хочу уведомить, что я нахожусь в Дальстрое, служу в войсках МВД при ИТЛ с 1949 г. по 1953 г., и я никак не пойму, что творит администрация лагерей, начиная с начальника Северного лагеря и вплоть до бойца. Все занимаются бесподобием (так в тексте) и позорят советские погоны и звание советского офицера.

Во-первых, я хочу спросить, что за обязанность советского офицера заставлять заключенных целовать нож, чистить сапоги или же заставлять друг друга бить по лицу. Этим самым озлобляют заключенных, чтобы они убивали друг друга. На протяжении моей службы на моих глазах убито свыше 100 человек. Я всех их могу написать персонально, но сообщать пока не буду, а буду ходатайствовать перед правительством, чтобы некоторых паразитов привлечь к ответственности за бесподобия и за погибших людей, которых списали нелегально, как обычно списывают в лагере – за побег, по болезни или же покушение на надзорсостав.

Если я не добьюсь результатов, чтобы ликвидировать это безобразие и привлечь кого следует к ответственности за ихние проделки, то я буду

вынужден сообщить по адресам убитых, и при каких обстоятельствах погибли ихние братья, отцы и сыновья, которых ждут домой семьи. И пусть тогда они добиваются, чтобы правительство нашло виновников произвола. Я пишу это потому, что заключенные боятся жаловаться на надзорсостав, когда приезжает какая-либо комиссия, зная, что после ее ухода он понесет наказание, будет избит и посажен в изолятор, или же напишут ложный приказ о содержании в бараке усиленного режима. На один, а то и на два года на тюремное положение, а поэтому заключенные не жалуются никому, зная последствия, а администрация, нагляя, пьянствуют совместно с заключенными бухгалтерами, пропивая новое обмундирование, берут в складах продукты, а заключенным не полагается пайка. Надзиратели же приходят в нетрезвом виде на проверку, придираются к заключенным, занимаются вымогательством.

Я хочу Вам привести пример и указать некоторых лиц, которые выходят из рамок советского офицера и позорят борцов против капиталистов. Проводят здесь жизнь в отдаленности, как и при старом строе, жены их окончательно обнаглели, содержат у себя в квартирах домработниц мужчин. Он выполняет все приказания хозяйки, и она, обнаглевши до высшей степени, заставляет его стирать свое женское белье и детские пеленки. Кроме всего этого занимаются спекуляцией спиртных напитков, варят из сахара брагу и ей торгуют, также перепродают табак, чай и этим наживают колоссальные деньги.

Я хочу привести факты: на прииске «Дебин» в июле 1951 г. были расстреляны 2 заключенных и были списаны совместно с врачами; на прииске «Штурмовой» в марте 1950 г. были зарезаны 7 человек; на лагпункте № 1 Первого мая того же года задушили 5 человек; на прииске «Бурхала» было убито три человека, из них один застрелен в сентябре 1952 г. в жилой зоне и был списан уполномоченным младшим лейтенантом Браковичем, надзирателем старшиной Малярчуком и начальником отдельного лагерного пункта № 5 капитаном Венгером. Некоторых заключенных заставляют писать ложные заявления на заключенного, требовавшего закона или же на того, который жаловался какой-нибудь комиссии. Старшина Малярчук часто высказывается перед заключенными, что партия и правительство поставило его технически истреблять заключенных, что они не нужны стране, и их повсюду уничтожают.

Уполномоченный, желая кого-либо осудить, вызывает 2-3 заключенных, обещает создать хорошие условия с той целью, чтобы те дали ложные показания и были на суде свидетелями.

Так вот, как советский военнослужащий, я считаю своим долгом

известить ЦК партии о всех творящихся здесь бесподобиях, и я прошу вашего вмешательства, чтобы привлечь к ответственности за беззаконие и беспорядок всех виновников, я бы хотел увидеть здесь комиссию из ЦК партии, чтобы вскрыть все эти беспорядки.

Тов. Маленков, Вы меня извините, что я нигде не указываю свою фамилию и звание, потому что я служу в этом же управлении, но я бы указал свою фамилию, если бы был уверен, что мое письмо дойдет до места назначения, но если его перехватят в пределах Дальстроя, то меня засудят, как это не раз случалось с бойцами; были случаи, когда некоторые бойцы, не найдя закона, кончали жизнь самоубийством. Поэтому я хочу через Вас просить партию и правительство вмешаться в такие глухие места и привлечь преступников к ответственности, которые и по сие время хозяйничают на каждом прииске. Вот моя просьба, как советского служащего, обратить на это внимание, так как я пишу к Вам уже третье письмо. Прошу вашего вмешательства.

ЦХСД. Коллекция документов.

Документ 4.

Приговор лагерного суда Вятского ИТЛ

Именем Союза Советских Социалистических Республик

22 – 23 мая 1952 г. Специальный лагерный суд исправительно-трудового лагеря «К» (Вятский лагерь) МВД СССР в составе: председательствующего Фукалова, народных заседателей Николашева и Хомутова, при секретаре Ершовой, без участия сторон обвинения и защиты, в закрытом судебном заседании в расположении 17-ОЛП, рассмотрев дело по обвинению:

1. Стеценко Феофана Мартыновича, 1924 г. рождения, уроженца с. Ямполь, Екатериновского района Кировской области, из крестьян, украинца, гражданина СССР, имеющего незаконченное высшее медицинское образование, беспартийного, холостого, судимого в 1949 г. по ст.ст. 58-10 ч.2; 58-11 УК к заключению в ИТЛ на 25 лет с поражением избирательных прав на 5 лет;

2. Рябченкова Сергея Николаевича, 1911 г. рождения, уроженца дер. Митьково, Ельнинского района Смоленской области, из крестьян, русского, гражданина СССР, малограмотного, беспартийного, женатого, судимого в 1947 г. по ст. 58-1-б УК к лишению свободы на 8 лет с поражением избирательных прав на 3 года.

3. Гачкевича Юстима Васильевича, 1904 г. рождения, уроженца дер. Борщевка, Барсукского района Тернопольской области, из крестьян, поляка, гражданина СССР, грамотного, беспартийного, женатого, судимого в 1945 г. по ст. 193-13 УК к лишению свободы на 10 лет, в 1949 г. по ст.ст. 58-10 ч.1; 58-11 УК к лишению свободы на 10 лет, с поражением избирательных прав на 5 лет,

всех троих в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-10 ч.2; 58-11 УК РСФСР, из материалов предварительного и судебного следствия суд

УСТАНОВИЛ:

Стеценко и Гачкевич, отбывая сроки наказания на 12 лагпункте 17-ОЛП ИТЛ «К» МВД, будучи враждебно настроенными к существующему в СССР государственному строю, а также будучи судимыми за контрреволюционную деятельность, вновь встали на путь преступной деятельности, для чего вступили между собой в преступную связь по созданию сектантской контрреволюционной подпольной организации под названием «Свидетели Иеговы».

Для осуществления намеченного ими плана Стеценко и Гачкевич стали проводить на 12 лагпункте нелегальные сектантские иеговистские сборища, на которые привлекали других заключенных, и на этих сборищах обсуждали цели и задачи организации, содержание иеговистской «идеологии», изучали иеговистскую литературу с целью вовлечения в указанную организацию новых членов.

Одновременно на этих же сборищах Стеценко и Гачкевич проводили контрреволюционную агитацию среди заключенных, направленную на изменение существующего государственного строя в СССР и передачу государственной власти сектантской контрреволюционной организации «Свидетели Иеговы», на дискредитацию органов советской власти и руководителей большевистской партии, Советского правительства, на отказ от службы в Советской Армии и на срыв хозяйственно-политических мероприятий, проводимых органами советской власти. Проводили контрреволюционную агитацию, направленную против основоположников диалектического и исторического материализма, отрицали

коммунистический путь развития общества и возможность построения коммунистического общества в СССР.

Так, например: в марте месяце 1950 г. Стеценко и Гачкевич в присутствии заключенного Строганова, в кабинке, где они проживали, клеветали на Советское правительство и предвещали советскому государству и его правительству скорую гибель. Заявляя при этом, что советское государство возникло незаконно по воле «дьявола» и в ближайшем будущем будет заменено царством «бога Иеговы», одновременно пытались убедить Строганова и вовлечь в свою сектантскую организацию «Свидетели Иеговы».

В январе, феврале, марте и апреле месяцах 1950 г. Стеценко в присутствии заключенного Степанова рассказывал о целях и задачах сектантской контрреволюционной организации и заявлял, что советское государство и Советское правительство создано по воле «дьявола» и просуществует оно до 1954 г., после чего наступит царство «бога Иеговы», и в этом царстве останутся проживать только лица, которые являются членами организации «Свидетели Иеговы», а все другие лица погибнут. Отрицал возможность построения коммунистического общества в СССР. Восхвалял американский образ жизни. Клеветал на жизнь советского народа, на советскую демократию и советское киноискусство.

В феврале месяце 1950 г. Стеценко в беседе с заключенным Шевченко клеветал на одного из руководителей большевистской партии и Советского правительства, опошлял и унижал его труды «Вопросы ленинизма». Извращал советскую действительность и предвещал скорое возникновение войны между СССР и Америкой. В антисоветской форме извращал миролюбивую политику, проводимую Советским правительством.

В конце 1950 г. Стеценко пытался завербовать в свою сектантскую контрреволюционную организацию «Свидетели Иеговы» вольнонаемного врача гражданку Двухвацкую, и для этой цели написал и положил ей на рабочий стол записку, в которой изложил несколько иеговистских вопросов, на которые ждал от неё ответы.

В конце 1950 г. Стеценко был переведен на работу в санчасть с 12 лагпункта на 1 лагпункт 17-ОЛП. Будучи на 1 лагпункте, Стеценко установил связь с заключенными Рябченковым, Озолиншем и другими, осужденными за контрреволюционные преступления, в присутствии которых высказывал свои иеговистские взгляды и проводил контрреволюционную агитацию, стараясь вовлечь их на свою сторону.

Так, например: в конце 1951 г. Стеценко в присутствии заключенных Озолинш, Носова и других в антисоветской форме извращал советскую

действительность, опошлял советскую печать, киноискусство, технику и жизнь советского народа и восхвалял жизнь народа в капиталистической Америке, в бывшей фашистской Германии. В сентябре 1951 г. Стеценко в присутствии заключенного Носова клеветал на советских писателей, советскую литературу и печать.

В конце 1951 г. Стеценко в присутствии заключенного Волоха, прочитав в газете «Правда» заявление сотрудника министерства иностранных дел Англии Моррисона, клеветал на советскую демократию и восхвалял буржуазную демократию в Англии. Предвещал неизбежность войны между СССР и Америкой и призывал его, в случае войны, к отказу от защиты своей Родины.

6 декабря 1951 г. Стеценко в присутствии заключенного Эльковского читал избранные стихи Есенина в извращенной форме, направленные на дискредитацию Советской власти и его правительства (так в тексте – прим. составителя).

10 декабря 1951 г. Стеценко в присутствии заключенного Эльковского рассказал анекдот, в котором клеветал на одного из руководителей коммунистической партии и советского правительства.

Гачкевич, оставшись после убийства Стеценко на 12 лагпункте и имея переписку со Стеценко, также продолжал собирать иеговистские сборища на 12 лагпункте, на которых проводил контрреволюционную агитацию.

Так, например: в марте месяце 1952 г. Гачкевич в присутствии заключенных Емельянова, Курбатова, Шкорника, клеветал на советские государственные органы, предвещал гибель существующему в СССР государственному строю и замену его царством «бога Иеговы», в подтверждение чего составил план веков, в котором указал о гибели советского государственного строя до 1954 г. Кроме этого, вербовал в свою сектантскую контрреволюционную организацию «Свидетели Иеговы» лиц из числа заключенных.

Рябченков отбывал срок наказания на 1 лагпункте 17-ОЛП ИТЛ «К» МВД, будучи враждебно настроенным к существующему в СССР государственному строю, поддерживал связь со Стеценко, обвиняемым по настоящему делу, хотя не входил в их сектантскую группу «Свидетели Иеговы», но в преступных контрреволюционных целях менялся своими мнениями со Стеценко, а затем проводил контрреволюционную агитацию среди заключенных.

Так, например: в конце 1951 г. Рябченков в присутствии заключенных Попиченко, Халитова, Макия и других, клеветал на колхозный строй в

СССР, жизнь колхозников, восхвалял при этом существующие порядки в капиталистических странах.

В апреле месяце 1951 г. Рябченков в присутствии заключенного Проценко высказывал клеветнические измышления в отношении коммунистического гимна «Интернационал».

В конце августа 1951 г. Рябченков в присутствии Проценко восхвалял агрессивную политику американского правительства. В декабре месяце 1951 г. Рябченков в присутствии заключенных Тимохина и Проценко клеветал на Советский суд.

Подсудимые Стеценко и Гачкевич в предъявленных им обвинениях виновными себя частично признали и объяснили, что они враждебных целей к существующему в СССР государственному строю и его правительству не имели, а исполняли свои «Законы» бога «Иеговы», но их виновность в предъявленном им обвинении материалами дела и показаниями свидетелей Строганова, Степанова, Шевченко, Носова, Озолинша, Волохи, Емельянова, Курбатова, Шкорника и Двухвацкой доказана.

Подсудимый Рябченков в предъявленных обвинениях виновным себя не признал, но виновность его в предъявленных обвинениях материалами дела и показаниями свидетелей Тимохина, Проценко, Халитова, Макия, Бородавкина и других доказана.

Суд признал Стеценко, Гачкевича и Рябченкова виновными в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58-10 ч.2 и ст. 58-11 УК, учитывая тяжесть совершенных преступлений Стеценко, Гачкевичем, руководствуясь ст.ст. 319-320 УПК, –

ПРИГОВОРИЛ:

Стеценко Феофана Мартыновича и Гачкевича Юстима Васильевича на основании ст.58-10 ч.2 и ст. 58-11 УК РСФСР к заключению в тюрьму на двадцать пять лет с поражением избирательных прав на пять лет каждого, без конфискации имущества.

Рябченкова Сергея Николаевича на основании ст. 58-10 ч.2, ст.58-11 УК РСФСР лишить свободы в ИТЛ на восемь лет с поражением избирательных прав на пять лет, без конфискации имущества.

Не отбытый срок наказания Стеценко по приговору Верховного суда Дагестанской АССР от 6 сентября 1949 г., Гачкевичем по приговору Лагерного суда ИТЛ «АЛ» МВД от 18 февраля 1949 г., Рябченковым по приговору Военного трибунала Смоленского гарнизона от 28 марта 1947 г. поглотить данным приговором.

Срок наказания исчислять со дня вынесения приговора, т.е. с 23 мая 1952 г. Мэру пресечения оставить содержание под стражей. Приговор может быть обжалован в Верховный Суд СССР в течение 72 часов с момента вручения копии приговора осужденным.

Председательствующий – член лагсуда
ФУКАЛОВ

*Государственный архив Российской Федерации Ф.9492. Оп.14. Д.458.
Л.41-44.*

Документ 5

Один из сотрудников Енисейстроя, майор внутренней службы В.Н. Павлов, анализируя деятельность этого крупнейшего лагерно-промышленного комплекса за 3,5 года, писал в ЦК КПСС, что несмотря на серьезность хозяйственно-политических задач, возложенных на Енисейстрой МВД СССР, «сделано очень мало, а то, что сделано, сделано с огромной непроизводительной затратой государственных средств, с удорожанием себестоимости и прямыми убытками, исчисляемыми в сотнях миллионов рублей, в отдельных случаях просто выброшенных на ветер». Работавшая по заявлению Павлова комиссия ЦК практически полностью подтвердила эти выводы. В «Сводных материалах по результатам проверки заявления Павлова В.Н. о недостатках в работе Енисейстроя МВД СССР», в частности, отмечалось:

В заявлении Павлова сообщается, что в Енисейстрое допускаются частые и необоснованные переброски контингента спецпоселенцев. Эта часть заявления Павлова также соответствует действительности. Проверками, проведенными УМВД Красноярского края, установлено, что в течение 1952 г. 21 % общего числе спецпоселенцев, состоящих на учете Енисейстроя, были по производственным соображениям переведены на новые места. В ряде случаев, при перебросках спецпоселенцев им на новых местах поселения не обеспечивались нормальные жилищно-бытовые условия. Например, в связи с ликвидацией Управления строительством № 4 в октябре 1952 г. из поселка Стрелка Енисейского района по распоряжению Енисейстроя были переведены 119 семей (508 человек) спецпоселенцев в разные пункты Удерецкого района для использования на

объектах Нижне-Ангарской геологоразведочной экспедиции. В результате этого перевода 100 спецпоселенцев вынуждены были оставить в поселке Стрелка лично им принадлежащие жилые дома и подсобные строения. Стоимость построек спецпоселенцам не была возмещена. Бытовые условия спецпоселенцам в Нижне-Ангарской спецкомендатуре не были обеспечены. В поселках Ишимба и Кировск из 248 спецпоселенцев собственные дома имеют 10 человек, а 150 жили в клубе, столярной мастерской и в помещениях бывших буровых вышек. Хлеб и продукты питания в эти поселки доставлялись с перебоями. Спецпоселенцы в поселках Чистяково, Гребень, Денисов и Рыбное проживают в общежитиях. Индивидуальное строительство почти не ведется. Спецпоселенцы отказываются строить себе дома, мотивируя это частыми перебросками. При переброске спецпоселенцев из Уленьской геологоразведочной экспедиции в Юго-западное управление 10 спецпоселенцев продали лично им принадлежащие дома. Из разных спецкомендатур в марте-апреле 1952 г. были переброшены 150 спецпоселенцев (в том числе и семейные) на строительство и эксплуатацию Ачинского кирпичного завода. До ноября 1952 г. спецпоселенцы, переброшенные в Ачинск, размещались в клубе, в вагонах и в помещении, предназначенном для склада. В ноябре 1952 г. при проверке жилищно-бытовых условий спецпоселенцев на Ачинском кирпичном заводе были выявлены случаи, когда в комнате площадью 25 кв. м. проживали 16 человек. Спецпоселенцы спали на двухъярусных нарах, печь в помещении была не исправна, в окнах имелись разбитые стекла и т.д. Подобные же факты неудовлетворительного расселения имелись и в других помещениях ...

Документ подписали: Инструктор ЦК КПСС Панков Д.А. и другие официальные лица.

ЦХСД. Коллекция документов.

Документ 6.

Записка Комитета государственной безопасности
при Совете Министров СССР.
Председателю Совета Министров Союза ССР
товарищу Булганину Н.А..

5 апреля 1956 г.

В записке на Ваше имя от 10 февраля с. г. заведующий группой писем Секретариата Председателя Совета Министров СССР тов. Андреев доложил о том, что в Совет Министров поступают письма граждан с жалобами на органы госбезопасности, которые длительное время не отвечают им на запросы о судьбе родственников, арестованных в 1936-38 годах, или дают противоречивые ответы.

Докладываю, что на заявления граждан о судьбе их родственников, осужденных к высшей мере наказания бывшими тройками полномочных представителей ОГПУ, НКВД-УНКВД, Особым совещанием НКВД-МВД и Военной Коллегией Верховного Суда СССР, до сентября 1955 года давались ответы, что эти лица «осуждены к 10 годам лишения свободы без права переписки, но местонахождение их неизвестно».

Подобные ответы, естественно, не удовлетворяли граждан, и это вызывало повторные жалобы и заявления. Поэтому перед ЦК КПСС нами 19 июня 1954 года и 13 августа 1955 года ставился вопрос об изменении порядка рассмотрения указанных заявлений и даче по ним более определенных ответов. 18 августа 1955 года Президиум ЦК КПСС принял решение о том, чтобы Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР по согласованию с Прокуратурой дал необходимые указания по этому вопросу.

На основании данного решения Комитетом госбезопасности при СМ СССР 24 августа 1955 года издано указание, согласно которому на заявления родственников лиц, осужденных к ВМН, местные органы КГБ сообщают, что осужденные были приговорены к 10 годам ИТЛ и умерли в местах заключения. В необходимых случаях смерть осужденного регистрируется в ЗАГСе, и его родственникам выдается установленного образца свидетельство о смерти

Председатель Комитета государственной безопасности при Совете
Министров СССР И. Серов.

ЦХСД. Ф.89.Оп.18. Док.35. Л.1-2.

РАЗДЕЛ II
СЛАВКО Т.И.**РАСКУЛАЧИВАНИЕ**

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ТРУДОВЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ ГУЛАГА НКВД СССР

В конце 20-х годов по отношению к крестьянству советское государство использовало различные чрезвычайные меры в виде конфискации хлеба, семенных запасов, средств производства, индивидуального обложения все возрастающим по размеру сельскохозяйственным налогом, введения твердых заданий по хлебозаготовкам, чистки управленческого персонала и др. Переход к политике сплошной коллективизации повлек за собой новые, еще более жестокие репрессивные последствия.

По постановлению ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г. краевым (областным) исполнительным комитетам и правительствам автономных республик было предоставлено право применять «все необходимые меры борьбы с кулачеством вплоть до полной конфискации имущества кулаков и выселения их из пределов отдельных районов и краев (областей)». Процесс ликвидации кулачества был связан с массовой коллективизацией и индустриализацией страны, с опорой в данном случае прежде всего на батрачко-бедняцкие слои населения.

Все так называемые «кулаки» были разделены на три категории, к каждой из которых применялась определенная «мера наказания». К первой категории причислялся контрреволюционный кулацкий актив. Это те крестьяне, которые являлись участниками контрреволюционных выступлений, либо были замечены или заподозрены в любых формах агитации против Советской власти. Они подлежали аресту, и их дело проходило по линии Объединенного Государственного Политического Управления (ОГПУ). Вторую категорию составляли наиболее зажиточные крестьяне, к которым должны были причисляться кулаки и подкулачники (т. е. все те, кто в какой-либо степени сочувствовал кулацким семьям). Они подлежали принудительной высылке в малонаселенные районы страны. Остальные «кулаки» составляли третью категорию, которая переселялась в пределах своего района или округа на худшие земли. Списки кулацких

хозяйств по второй и третьей категориям формировались райисполкомами на основании постановлений батрацко-бедняцких собраний колхозников.

Основными районами ссылки семей раскулаченных были Западная и Восточная Сибирь, Дальневосточный край, Урал, Север, Казахстан и др. Первая волна спецпереселенцев была направлена сюда в 1930 г. Наиболее многочисленная — весной и летом 1931 г. По данным отдела по спецпереселенцам ГУЛАГа ОГПУ в 1930-1931 гг. на спецпоселение было отправлено 391026 семей численностью 1803392 человек. Массовое переселение продолжалось и в последующий период.

До недавнего времени бывшие спецпереселенцы, а также члены их семей, всячески скрывали свою принадлежность к «врагам народа», боясь какой-либо дискриминации в свой адрес или в отношении своей семьи. И только недавно, особенно в связи с рассекречиванием новых комплексов документов, стало возможным восстановление истинной картины той ужасной трагедии, которая именуется «кулацкая ссылка».

Итак, состояние экономики страны к концу 20-х годов переживало тяжелейший кризис. Резко замедлились темпы производства зерна. Значительно упала товарность зажиточных крестьянских хозяйств. По сравнению с 1913 г., когда на их долю приходилась половина рыночного хлеба, в 1926/27 г. они производили только 20 %. К спаду производства вело и неадекватное соотношение цен на зерно, технические культуры и мясо.

Неравноправный товарообмен отрицательно отразился на жизненном уровне крестьянина. При низких закупочных ценах на зерно, промышленные товары отличались особой дороговизной, были плохого качества. Намного выгоднее стало производить мясо и технические культуры, а излишки зерна реализовывать через частника, а не государство, по более высоким ценам.

В результате срывались закупочные кампании, снизилась урожайность зерновых. К началу 1928 г. хлебный дефицит в стране равнялся 128 млн. пудов. Вся вина в этом возлагалась на кулаков — «злостных держателей хлеба и спекулянтов».

Политика «изначального социалистического накопления», проводившаяся в 20-е годы, требовала все большей перекачки необходимых средств для индустриализации из частного сектора (в основном сельского хозяйства) в государственный. Это производилось различными способами, прежде всего за счет обложения различного вида сельскохозяйственными налогами, конфискации имущества, в том числе за неуплату налогов, и даже налога за лишение избирательных прав.

Направленные в деревню уполномоченные коммунисты обязаны были под личную ответственность обеспечить сдачу хлеба в счет долгосрочных платежей, которые составляли: подписка на государственный заем, налог, самообложение. К отказывающимся продавать хлеб применялась не только 107 ст. (о спекуляции), но и 58 ст. УК РСФСР (контрреволюционные преступления).

В ответ на очередной виток репрессивных мер начались крестьянские выступления.

Для того, чтобы снизить напряженность в обществе, партия и правительство в 1928 г. вынуждены были отменить некоторые чрезвычайные меры. Повышаются заготовительные цены на хлеб, 35 % бедняцких и маломощно-средняцких хозяйств освобождаются от налога, снижается налоговое обложение середняцких хозяйств.

Наряду с этим еще более активно разворачивается деятельность против зажиточных слоев крестьянства. На страницах газет ведется активная пропаганда против кулачества, как врагов народа. Сохраняется индивидуальное обложение зажиточных хозяйств.

В 1928-1929 гг. опять повторяются сложности с заготовками зерна, что повлекло за собой дальнейшую активизацию репрессивных мер.

Крестьяне обкладывались твердым заданием, чаще всего в виде сдачи зерна, разрядки на сев и засыпку семян. Для многих семей величина таких обложений была непосильной. В случае невыполнения с них взимался денежный штраф, и они сразу же попадали в разряд лишенцев. За отказ в выполнении всех пунктов твердого задания или его части крестьяне нередко отдавались под суд, их имущество конфисковывалось, а семья оказывалась на улице.

Трудовое крестьянство в преддверии насильственного разорения шло на всяческие ухищрения. Дробились семьи. Распродавалось имущество, истреблялся рабочий и продуктивный скот, преднамеренно сокращались посевные площади. Все это в свою очередь вело к резкому падению товарности сельскохозяйственного производства. В ответ на подобные действия районные исполнительные власти лишали такие хозяйства вообще права пользования землей, конфисковывали оставшийся скот, сельскохозяйственный инвентарь. Многие крестьяне «самоликвидировались» и уходили в город.

Реализация первого пятилетнего плана, намеченного на 1928/29 - 1932/33 гг., была напрямую связана с директивным планированием, безусловным подчинением центру и административным нажимом. Оптимальный план, который был взят за основу, отличался от отправного в

среднем на 20 % и требовал еще более форсированных темпов. Его выполнение было теснейшим образом связано с лозунгом «Догнать и перегнать передовые капиталистические страны», с одной стороны, и обострением классово-борьбы в СССР, - с другой. Хлебозаготовительный кризис, массовые выступления крестьянства еще раз подчеркнули необходимость активизации работы по кооперированию сельскохозяйственного производства, поскольку государство уже не могло рассчитывать на единоличника.

К осени 1929 г. уровень коллективизации в стране равнялся 7,6 %, при этом темпы коллективизации постоянно увеличивались - в июне-сентябре ежедневно в колхозы вступало в среднем 7,5 тыс. крестьян, в октябре-декабре - 30 тыс. С помощью коллективизации Советское государство намеревалось выправить положение в аграрной сфере за счет перераспределения доходов, формирования материально-технической базы коллективного сельскохозяйственного производства и тем самым упрочить социалистическую систему.

Однако было бы неверно связывать коллективизацию только с необходимостью улучшения сельскохозяйственного производства. Курс на форсированную индустриализацию страны требовал значительного притока новых рабочих кадров, которые в массовом масштабе могла дать только деревня. Поэтому провозглашая лозунг «Беспощадной борьбы с кулачеством» партия и правительство предусматривали двоякую цель: взять у деревни дешевые рабочие силы, перераспределив их в промышленность, а за счет конфискации у них движимого и недвижимого имущества и передачи его в коллективную собственность батрацко-бедняцким слоям поддержать хотя бы минимальный уровень сельскохозяйственного производства.

Ликвидация кулачества, как и любая другая политическая кампания в Советском государстве, сопровождалась тщательно продуманной партийно-воспитательной и агитационно-разъяснительной работой среди населения. Партийное руководство подчеркивало, что «только при активном участии всех организаций в деревне, комсомола, деревенских собраний, при самой широкой организации батрачества, бедноты и при сплочении под руководством партии и советов бедняцко-средняцких масс на основе коллективизации будет успешно разрешена задача по социалистическому переустройству деревни, по полному выполнению плана весенней посевной кампании и по ликвидации кулачества».

В процессе сплошной коллективизации вопрос об отношении к кулаку стоял особенно остро. Крестьяне, имевшие сравнительно крепкое

экономически хозяйство, всячески противились мероприятиям Советской власти. В обществе же отношение к ним было, в основном, негативное.

Образ врага народа в психологии населения был связан именно с зажиточными слоями крестьянства - кулачеством. Однако политикой государства было недовольно не столько кулачество, которого к этому времени практически не существовало, сколько середняк, на которого пала основная тяжесть снабжения страны сельскохозяйственной продукцией. Сюда же относились представители других слоев крестьянства, в том числе бедняцкого. Они также страдали от голода, и не потому, что не трудились. У них отбирался весь, в том числе прожиточный, минимум продукции. Первые, по официальной градации, причислялись к кулакам, вторые - к подкулачникам. К последним относились даже те, кто «писал заявление кулаку о восстановлении последнего в избирательных правах».

В разряд кулаков зачислялись в первую очередь лишённые избирательных прав. Далее, поскольку численности лишенцев явно не хватало для выполнения высоких темпов раскулачивания, а действительно зажиточных хозяйств к началу 1930 г. практически не существовало, для отнесения крестьян к кулакам в этот и последующие два-три года использовалась характеристика хозяйства по состоянию на 1928/29 г. и более ранние периоды, в том числе дореволюционные.

Политика массового раскулачивания, естественно, не благоприятствовала расширению сельскохозяйственного производства, а, наоборот, способствовала его свертыванию. Крестьяне продолжали распродавать сельскохозяйственный инвентарь, боясь попасть в категорию очередных врагов народа, сокращали посевы, производили ровно столько продукции, сколько было необходимо на потребление одной семьи.

Однако здесь вступало в силу налоговое давление, которое позволяло изъять у крестьянской семьи и оставшийся минимальный запас. Невозможность заплатить очередные налоги заканчивалась конфискацией всего имущества, как движимого, так и недвижимого.

На следующий день после публикации Постановления ЦИК и СНК «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством» от 1 февраля 1930 г. ОГПУ издает закрытый приказ за №44/21, направленный на «ликвидацию кулачества как класса».

По каждой из трех категорий кулацких хозяйств было спущено вышестоящими руководящими органами определенное количество. Численность по округам для первой категории устанавливалась ПП ОГПУ, для третьей - окрисполкомами.

Отведенная на конкретный регион цифра подлежащих выселению в административном порядке кулацких хозяйств по второй категории затем пропорционально численности жителей распределялась по районам и сельсоветам. Списки хозяйств данной категории составлялись райисполкомами на основании постановлений батрацко-средняцких собраний или собраний колхозников и окончательно утверждались окрисполкомами. Так называемые «собрания деревенской бедноты», на которых решался вопрос о раскулачивании и выселении, проводили колхозные активисты. Основная же крестьянская масса была запугана, молчалива. Формировалась житейская позиция – «только не меня».

Анализ постановлений подобных собраний показывает, что мотивировкой для раскулачивания с последующим выселением служила не только принадлежность к зажиточному хозяйству, использующему наемный труд или имеющему сельскохозяйственные машины. Значительная по объему разрядка на выселение и, как уже отмечалось, почти полное отсутствие к этому времени действительно зажиточных хозяйств привели к массовым репрессиям, произволу и насилию прежде всего по отношению к основному производителю, каким являлся середняк. В разряд кулаков попадали и бедняцкие хозяйства. Фактически к ним причислялись все категории лишенцев - бывшие участники белого движения, служители различных культов и вероисповеданий, торговцы и др. Раскулачивались даже крестьяне иностранного подданства, по разным причинам проживавшие в этот период в СССР, что привело к конфликтам дипломатического характера.

Что касается официальной точки зрения, то в документах ЦК ВКП (б) и местных партийных органов постоянно подчеркивалось, что в состав выселяемых должны входить только кулацкие семьи. Это утверждение постоянно пропагандировалось в периодической печати, на различных собраниях, причем не только в деревне, но и в городе. Идеологическое обеспечение такой жестокой массовой кампании было важнейшим рычагом внушения обывателю необходимости борьбы с очередным врагом народа, воспитания страха и неминуемой кары за любое противодействие мероприятиям Советской власти. При этом особо подчеркивалась роль коммунистов и комсомольцев, многие из которых с энтузиазмом шли на расправу с кулаком.

Имущество выселяемых кулаков подлежало конфискации. Каждой семье, отнесенной ко второй категории, оставлялся минимум предметов домашнего обихода (белье, одежда, постельные принадлежности, посуда), продовольствия на три месяца, а также 500 руб. «для проезда и устройства»

на новом месте. Кулакам третьей категории предписывалась возможность сохранения небольшого количества сельскохозяйственного инвентаря, а также части строений и домашних вещей, которые они могли вывезти на новое место жительства. Каких-либо «льгот» при изъятии имущества кулаков первой категории не предусматривалось.

Конфискуемые у кулаков средства производства и имущество должно было зачисляться в неделимый фонд колхозов. Жилые помещения предназначались на общественные нужды. В них располагались сельсоветы, магазины, школы и т. д. Часть построек передавалась тем членам колхоза, которые не имели собственного жилья. Подлежащим выселению кулакам замораживалась выдача денег, хранящихся на их лицевых счетах в сберкассах. Кулаки всех трех категорий исключались из любых коопераций, членами которых они являлись, без выдачи их вкладов и паев. Последние передавались в фонд коллективизации бедноты и батрачества. Средства производства и имущество кулаков могли поступать в распоряжение колхозов в качестве вступительного взноса бедняков и батраков. При этом категорически запрещалась их передача в единоличные хозяйства, покупка коммунистами и комсомольцами.

На сельсоветы возлагалась ответственность за полную сохранность конфискованного имущества и использование его в соответствии с предписаниями вышестоящих органов. В их обязанности входила точная опись и оценка конфискованного. На деле же эти распоряжения не выполнялись, о чем свидетельствует отсутствие во многих личных делах спецпереселенцев, хранящихся в настоящее время в государственных архивах, соответствующих документов, а также материалы воспоминаний бывших спецпереселенцев. Этот факт в определенной степени может быть объясним произволом, который наблюдался в дележе «бесплатного» имущества.

Дела на лиц, проходящих по первой категории, рассматривались на специально созданных в ПП ОГПУ «тройках» с представителями Обкома ВКП (б) и Прокуратуры. Руководство переселением кулаков второй категории и членов их семей было возложено на оперативные «тройки».

Местные органы власти приостановили поток выселения к началу посевной кампании 1930 г. и возобновили его лишь в летний период.

Анализ имеющихся документов, а также воспоминаний очевидцев свидетельствует о том, что никто не был восстановлен в избирательных правах и освобожден от выселения с мотивировкой неправильного раскулачивания в связи с превышением контрольных цифр. О возвращении же имущества не могло быть и речи хотя бы по той причине, что оно сразу

же попадало во множество «грязных» рук именно тех слоев населения, которые вершили крестьянскими судьбами.

Исполнительность местных руководителей, проявившаяся в крайне сжатых сроках проведения раскулачивания, в свою очередь ухудшала и без того нелегкое положение выселенцев. Например, в Ирбитском округе Уральской области кампания раскулачивания, развернувшаяся в начале января 1930 г., была в основном завершена в течение месяца. Парадокс состоял в том, что к этому времени еще не успели поступить директивные указания о механизме проведения депортации крестьянских семей и месте их ссылки. В результате 3409 хозяйств, раскулаченных по всем категориям, в течение двух-трех месяцев находились в полнейшем неведении о своей дальнейшей судьбе. Женщины до последнего дня трудились в поле и своем хозяйстве в надежде на чудо. Среди же мужчин в момент выселения отмечены факты самоубийств.

Крестьяне, которым внушались определенные критерии образа врага, никак не могли смириться с тем, что в их разряд мог попасть любой житель деревни. Поэтому поддерживая в целом политику государства в борьбе с врагами народа, многие раскулаченные рассматривали данные меры в отношении себя и своей семьи как ошибочные, несправедливые.

С первых дней кампании раскулачивания хлынул поток заявлений с просьбами о пересмотре решений деревенских собраний о выселении из пределов своих регионов. Мотивировки были самые различные. Прежде всего раскулаченные пытались опровергнуть свою принадлежность к зажиточному хозяйству. В качестве оправдательных аргументов, выдвигалось добросовестное выполнение общественных поручений, участие в профсоюзной работе и членство в сельском совете, ревкомиссии, избиркоме, школьном совете и т. д. Как правило, подчеркивалась исправная оплата налога с приложением соответствующих справок. Каждый заявитель пытался описать свое хозяйство как маломощное при наличии нетрудоспособных членов семьи. Обязательно подчеркивалось отсутствие твердых заданий, если таковых действительно не было. Встречаются случаи, когда «преданность Родине» мотивировалась слезкой и доносами на других людей.

Видя произвол и беззаконие, многие селяне сочувственно относились к семьям выселяемых кулаков, особенно их детям. Встречаются даже коллективные ходатайства о невыселении тех или иных крестьянских семей. Однако подобных просителей было крайне мало. Механизм репрессий продуманно предусматривал тот факт, когда любой сочувствующий без каких-либо объяснений причислялся к разряду подкулачников. В этом

случае его постигала та же участь, что и объекта сострадания, - ссылка. Тем самым у населения культивировалась боязнь за себя и свою семью, вырабатывалась ложная покорность, рабская психология.

Многие демонстративно отворачивались от выселяемых, не разделяя их трагической участи. Рушились семьи, жены отказывались от мужей, объясняя свое замужество нуждой и голодом. Резко возросло число разводов. Взрослые дети отрекались от родителей.

Официальное обоснование необходимости продолжения массовой кампании выселения заключалось в том, что не все кулацкие элементы еще вычищены из деревни и оказывают серьезное сопротивление при проведении мероприятий Советской власти. На самом деле в центральные властные структуры продолжали поступать заявки от руководителей новостроек, шахт, рудников, леспромхозов с просьбами присылки к ним новых партий трудоспособного населения.

Новая волна выселения кулачества, как следует из документов, на этот раз производилась только в порядке третьей категории. Из районов сплошной коллективизации, так же как и ранее, крестьянские семьи отправлялись в те места, которые особенно остро нуждались в дешевой рабочей силе - это лесозаготовки, добыча руды, каменоломни, торфоразработки, новое промышленное строительство. Беспредел, творившийся в деревне в эти годы в особо крупных масштабах, вызывал ответную реакцию. Среди населения росло недовольство, перераставшее в открытые выступления. Путем убийств и избиений родственники высланных кулаков мстили колхозникам-активистам. Совершались террористические акты по отношению к членам сельсоветов, коммунистам и комсомольцам. Жгли конфискованные дома и надворные постройки, леса, семенной фонд, сформированный в результате чрезвычайных хлебозаготовительных кампаний.

Структура деревни была разрушена настолько, что не позволяла дальнейший массовый отток наиболее трудоспособных семей. Голод, охвативший и деревню и город, поставил страну на грань катастрофы. Несомненно, промышленные предприятия вновь осваиваемых районов нуждались в постоянном притоке рабочих кадров, но они не были готовы к обеспечению минимальных жизненных условий даже для спецпереселенцев 1930 - первой половины 1932 гг. Начиная со второй половины 1932 г. выселение по второй и третьей категориям прекращается полностью. Ряды спецпереселенцев с этого времени начинают пополняться раскулаченными только по первой категории. Это крестьяне, выступавшие в любой форме протеста против политики коллективизации, нередко доведенные до

отчаяния от голода и болезней. Таким образом, как подчеркивалось в специальной инструкции ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 8 мая 1933 г., прекращение раскулачивания по двум последним категориям не означало свертывания классовой борьбы в деревне.

Тезис о дальнейшем обострении классовой борьбы, в свою очередь, давал понять официальным структурам, что репрессии в отношении крестьянства в связи с приостановлением массового выселения отнюдь не прекращаются. Органам прокуратуры, ОГПУ и начальникам милиции были предоставлены санкции на аресты и выселение «в отношении только тех хозяйств, главы которых ведут активную борьбу против колхозов и организуют отказ от сева и хлебозаготовок». Опять были определены области, из которых допускалось выселение, а также предельное количество выселяемых хозяйств. К сожалению, мы не располагаем в этом случае более точными сведениями.

Таким образом, в середине 1933 г. всенародно было объявлено о «разгроме сил наших классовых врагов в деревне» и, в связи с этим, об отмене массовых выселений, а также некоторых других форм административного принуждения в деревне. Вместе с тем ни в одном из официальных документов, опубликованных в открытой печати в те годы, не говорилось о трагической судьбе многих тысяч вынужденных спецпереселенцев, среди которых на чужбине наравне со взрослыми страдали и дети.

ГЛАВА ВТОРАЯ

УСЛОВИЯ ЖИЗНИ В СПЕЦССЫЛКЕ

С первых месяцев раскулачивания в места ссылки хлынул поток крестьян из различных регионов страны.

На сравнительно небольшие расстояния семьи раскулаченных переселялись на собственных лошадях, которые по прибытии на место передавались в ведение хозорганов. Основная же масса спецпереселенцев двинулась по железным дорогам. Везли их, как правило, в товарных, называемых в народе «телячьих», вагонах, с забитыми, наглухо закрытыми окнами. В вагонах сооружались в несколько рядов нары, покрытые соломой. Если таковые отсутствовали, то люди сидели на полу, впритык друг к другу.

Кулацкая ссылка постоянно пополнялась новыми партиями спецпереселенцев. В течение 1932 г. в нее прибыло 20102, а в 1933 г. – 398407 спецпереселенцев. Вместе с тем, общая численность кулацкой ссылки в стране не увеличивалась, а постоянно уменьшалась, с 1317022 человек в начале 1932 г. до 1142084 – к 1933 г. и 1072546 – к началу 1934 г. Более трети из них проживали на Урале, четверть в Западной Сибири. Данная тенденция объяснялась возрастанием смертности и снижением рождаемости в ссылке, постоянным бегством, из которого возвращались обратно далеко не все бежавшие. Однако приводимые данные нуждаются в уточнении и дальнейшей корректировке.

Местом основного сосредоточения спецпереселенцев стали специальные кулацкие поселки под управлением комендантов. До июля 1931 г. ссылкой руководили комендантские отделы облисполкомов при милиции. На местах в это время не было четких установок по использованию труда спецпереселенцев, их правам, обязанностям хозяйственников и комендантского отдела. По постановлению СНК от 16 августа 1931 г. спецссылка была передана в ведение органов ОГПУ.

Областные, районные и поселковые комендатуры, подчинявшиеся Отделу мест заключения (ОМЗ) и Отделу трудовых поселений (ОТП) НКВД, до августа 1931 г. содержались за счет 25 % отчислений с заработной платы спецпереселенцев, затем (до февраля 1932 г.) эти отчисления были более низкими и составили 15 %, далее - 5 %. Кроме того, на обслуживание кулацкой ссылки выделялись специальные ассигнования правительства, производились отчисления из средств хозорганизаций в размере 2 % от суммы выплаченной спецпереселенцам заработной платы и взносов в

соцстрахование работающих спецпереселенцев. Сюда же шли и доходы от содержания штрафных команд.

Комендантский отдел и его местные органы по своему усмотрению давали разрешение на использование спецпереселенцев на тех или иных видах хозяйственных работ. По их указанию определялась величина продовольственных фондов для снабжения спецпереселенцев, а также нормы их распределения для нетрудоспособного населения, в том числе детей.

В обязанности коменданта вменялся контроль за порядком и хозяйственным устройством в спецпоселках, социально-культурным и бытовым обслуживанием спецпоселенцев. Жители спецпоселка лишались возможности свободного передвижения вне его территории и поселения по собственному усмотрению. В случае нарушения правил внутреннего распорядка комендант имел право использовать ряд мер административного воздействия - предупреждение, перевод на более тяжелую работу, высылку в отдаленную местность, заключение в штрафную команду, денежные штрафы. В штрафной команде спецпереселенцам устанавливалась более высокая норма выработки, не выплачивалась зарплата.

Спецпоселки делились на лесозаготовительные, рыбопромысловые, сельскохозяйственные и др., в зависимости от основного профиля трудового использования их жителей. В среднем в них должно было находиться от 80 до 150 домов. К середине 1938 г. в СССР на учете состоял 1741 трудпоселок. Так к этому времени стали называться спецпоселки.

В спецпоселках отсутствовали любые формы самоуправления. Все решения исходили от коменданта. Однако с первых же дней спецпереселенцы столкнулись с разветвленной системой доносительства. По усмотрению коменданта на каждые 10 семей выделялся старший, который был обязан сообщать о любых формах проявления недовольства. Главы семей и назначенные старшие давали письменное обязательство о так называемой «групповой и индивидуальной поруке» за соблюдение правил внутреннего режима. Всячески поощрялось доносительство, участие в поимке беглецов. Достаточно отметить, что именно такие люди в дальнейшем восстанавливались в избирательных правах в первую очередь.

Официально спецпереселенцы относились к лицам, лишенным избирательных прав и административно ссыльным. Они не имели также личных и имущественных прав, но не гражданских. Помимо запрета на свободное передвижение вне поселка, выбора места жительства по своему усмотрению, им не выдавалось никаких удостоверений и видов на жительство. Временные отлучки были возможны только при наличии

особого пропуска. Прибывшие в ссылку до 1934 г. назывались спецпереселенцами, затем - трудпоселенцами. С марта 1944 г. по 1949 г. их опять стали относить к спецпереселенцам, далее - спецпоселенцам.

Полномочными представительствами ОГПУ были заранее предусмотрены планы по созданию спецпоселков. Большое внимание данным вопросам уделяли обкомы и райкомы ВКП(б). Постоянно на заседаниях бюро рассматривались вопросы хозяйственного обслуживания кулацкой ссылки. Хозорганизациям, в которые направлялись спецпереселенцы, спускались самые жесткие планы строительства спецпоселков.

Однако местные органы власти были не в состоянии принять такую огромную массу людей. Семьи спецпереселенцев столкнулись с ужасными бытовыми условиями, крайне низким материальным положением и полнейшим бесправием, жестокостью и издевательствами со стороны управленческого персонала.

Для многих крестьянских семей ссылка началась на голом месте, как они говорили – «выселение под березку». Кроме того наблюдались массовые грабежи, особенно продовольствия и одежды. По воспоминаниям спецпереселенцев, кражи зачастую совершались бывшими односельчанами, которые прибыли в данную местность раньше, успели съесть все привезенные ими продукты и теперь голодали, либо мерзли.

Под застройку поселков выделялись худшие земли. Это были заболоченные места, северные районы с суровым холодным климатом, расположенные в тайге и тундре, вдали от железных дорог и шоссейных трасс и т. д. Такая ситуация изначально была определена документами центральных органов власти.

Заведомо завышенные и нереальные планы по строительству жилья для спецссылки практически нигде не выполнялись. Пытаясь хоть как-то решить жилищную проблему, областные и районные комитеты ВКП(б) принимают специальные постановления, по которым спецпереселенцам разрешалось самим заниматься жилищным обустройством. В непривычных климатических условиях, при отсутствии необходимых стройматериалов и специалистов-строителей, такие постройки в первое время были плохого качества. Они возводились из сырого дерева, неплотно подгонялись пазы между бревнами, что вело к вымерзанию жилища, через пол сыпалась земля, протекали крыши. Хотя в спецпоселках и было разрешено индивидуальное строительство, а также возведение домов на несколько (до четырех) семей, преимущественным типом являлось барачное строительство, как наиболее дешевое.

Однако даже в конце 1932 г. наблюдалась крайняя уплотненность жителей. Многие спецпереселенцы в отсутствие специального жилья размещались среди основного населения, а также в общих бараках, землянках. Спецпереселенцы, очутившиеся волею судеб среди местных жителей, вызывали крайнее недовольство последних, жизнь которых в свою очередь протекала в нелегких условиях.

Внутренние помещения бараков зачастую не были разделены перегородками. На семью, как правило, выделялись одни нары шириной примерно, 2 м. Порой не хватало даже нар, и люди спали под нарами, нередко просто на голой земле.

Территория поселков была крайне загрязнена. Из-за отсутствия элементарной санитарной обустроенности отходы выбрасывались прямо на улицу. Во многих поселках не было даже колодцев, и людям приходилось пользоваться водой из болот или речек.

В среднем обеспеченность спецпереселенцев строительными материалами выглядела более или менее благополучно. Вместе с тем распределение этих материалов по хозорганизациям было крайне неравномерным. Например, по Уралдревлестресту стекла было получено 43 % от нормы, а гвоздей - 227 %, по Уралсевлестресту наоборот: гвоздей - 64 %, а стекла - 130 %. Вскрывались довольно часто случаи расходования строительных материалов не по назначению.

Аналогичная сложная ситуация с размещением спецпереселенцев наблюдалась и в 1933 и 1934 гг. Несмотря на возможность самостоятельной заготовки стройматериалов для своего будущего жилища, индивидуальное строительство развивалось слабо. Отсутствовала должная помощь со стороны хозорганизаций в отпуске кредитов для строительства и приобретения домов. Продолжало преобладать барачное расселение. Встречались даже случаи размещения семей спецпереселенцев в конюшнях, коровниках, через тонкую перегородку со скотом. С 1935 г. на индивидуальное строительство трудпоселенцев начинают выделяться кредиты не только на общих основаниях, но и со скидкой 50 %.

Местные партийные и хозяйственные организации вместо того, чтобы попытаться наладить быт людей, ужесточали спецпереселенческий режим, прибегая к арестам, штрафам, избиениям. В каждом поселке появилось специальное помещение для арестованных – «каталажка». «Каталажки» не отапливались; люди, зачастую беспричинно арестованные, по несколько суток находились здесь раздетыми и без пищи. При этом их систематически избивали. Результатом такого наказания нередко был смертельный исход.

Произвол в отношении спецпереселенцев царил везде - на работе, на улице, во время кратковременного отдыха. Десятники, бригадиры, поселковые коменданты могли избить переселенца в любом месте, насиловали женщин, отбирали личные вещи. Издевательства над спецпереселенцами так быстро набирали силу, что уже в середине мая 1931 г. принимается ряд постановлений, согласно которым должен был быть пересмотрен руководящий состав комендантского управления на местах. Более жесткие требования стали предъявляться к подбору начальников комендантских отделов. Основным критерием при этом было наличие административно-хозяйственного и партийного стажа. Некоторых «особо отличившихся» комендантов, десятников и бригадиров даже арестовали. Но больше всего было арестовано спецпереселенцев, выступавших против произвола администрации спецпоселков.

Снабжение спецпереселенцев, занятых производственной деятельностью, возлагалось на хозорганы. Продовольствие и одежду они получали через местные районные или сельские потребительские общества из фондов специального назначения. Однако более или менее налаженное поступление товаров наступило далеко не сразу.

Количество выдаваемого продовольствия работающим спецпереселенцам напрямую зависело от величины выработанной продукции. Огромные нормы на уровне вольнонаемных рабочих, а также отсутствие соответствующей квалификации, приводили к невыполнению производственных заданий. Низкий уровень выработки был обусловлен и недостатком теплой одежды (особенно при лесозаготовках), а также должного питания. А это все, в свою очередь, приводило к снижению величины продовольствия на 50 и даже 75 % от дневной нормы. Такая система не позволяла не только прокормить семью, но и самого себя. Заработная плата выплачивалась по самым низким расценкам и нерегулярно. Задержки в ее выдаче нередко превышали несколько месяцев. Поэтому не только было исключено приобретение продуктов питания за личные средства, но не на что было выкупить даже паек. В довершение к этому, наблюдался произвол административных работников.

Однако и среди исполнителей были разные люди. Встречались коменданты, которые требовали от администрации хозорганов «накормить кулаков досыта», независимо от того, выполнили они или не выполнили производственную норму. Другое дело, что о таких комендантах сразу же шел донос в партийные структуры.

На комендантское управление и его местные органы возлагалась обязанность формирования продовольственных фондов для снабжения

нетрудоспособного населения, в том числе детей. По их указанию должно было производиться и расходование этих фондов.

На деле же для этой категории людей до середины мая 1931 г. никаких специальных фондов не существовало, а поступающие в спецссылку продукты расходовались не по назначению. Произволу в распределении способствовал и плохой учет количества и видов продукции, поступающей в каждый из спецпоселков, а также контроль за их использованием.

Пытаясь смягчить обстановку и наладить снабжение обком ВКП(б) и местные органы принимают ряд срочных мер.

Снабжение членов семей спецпереселенцев продовольствием проводилось через местные сельпо, которые произвольно расходовали поступающие продукты питания, устанавливая нормы их потребления по своему усмотрению.

Существенно невыполнялись поставки продуктов и промышленных товаров. Наибольшие недопоставки были характерны для снабжения сельскохозяйственных колоний, т. е. в основном малотрудоспособного населения, к которому относились инвалиды, старики, женщины, обремененные детьми, и сами дети. Спецпереселенцы из этих колоний - как работающие, так и члены их семей - часто не получали продукты и товары установленного ассортимента, и без того очень скромного (мука, сахар, крупа, картофель, табак, мыло).

В 1931 г. в спецссылке начался голод, особенно тяжелый в отдаленных поселках, оторванных в условиях весны и бездорожья от ближайших населенных пунктов. Этому способствовал и существенный неурожай зерновых во многих районах страны и, таким образом, голод среди местного населения.

Началось массовое передвижение крестьян из голодных районов. Они оседали вокруг рабочих центров и в более благополучных с точки зрения пропитания местах, усложняя тем самым продовольственное положение. Неизбежным следствием крайне тяжелых условий жизни спецпереселенцев стали непрекращающиеся попытки бежать из поселений. Бежали целыми семьями, но основную массу беглецов ловили и отправляли обратно в спецпоселки.

С целью предотвращения побегов ГУЛАГом ОГПУ были выработаны специальные меры, которые излагались в Циркулярном письме от 17 августа 1931 г. Основные мероприятия сводились к следующему:

«1. Необходимо изучить территорию расселения спецпереселенцев, окружающие районы, пути сообщения, малопроходимые дороги, тропинки с

тем, чтобы определить пункты, через которые в большинстве проходят беглецы.

2. В важнейших пунктах необходимо организовать пешие и конные заставы, оперативные группы (оружие применять только в самых крайних случаях).

3. В поселках необходимо наладить специальную сеть из спецпереселенцев с таким расчетом, чтобы обеспечить выявление подготовок к побегам спецпереселенцев.

4. Насажение сети (через РУП) производить также среди окружающего вольного населения с тем, чтобы устанавливать беглецов, их маршруты, укрывателей и т. д. Связать эту сеть с опергруппами, заставами.

5. Организовать активные группы содействия из партийцев, комсомольцев и советского актива для задержания беглецов и оказания вооруженной поддержки в нужных случаях.

6. Установить тесную связь с партийными организациями, сельсоветами, милицией для успешной борьбы с побегам.

7. На работах, как правило, установить ответственность десятников и бригадиров за побег спецпереселенцев.

8. Поселок разбить на кварталы, назначив квартальных старшин (или уполномоченных) из спецпереселенцев, коим вменить в обязанность вести учет живущих в домах, уходящих и приходящих с работ спецпереселенцев.

9. Закрепив за определенными домами определенные семьи, производить систематическую проверку наличия спецпереселенцев в поселках.

10. Привлечь к активной борьбе с побегам молодежь, порвавшую связь с контрреволюционной частью кулачества и проявившую себя с положительной стороны.»

На почве голода, а также нечеловеческих условий жизни, начались массовые открытые протесты. В надежде спастись от голода люди шли на всякие ухищрения, в том числе совершали кражи с целью попасть в тюрьму, где хотя бы немного кормили и не давали умереть с голоду. Постоянно шел обмен привезенных из дома вещей, особенно теплых, на продукты питания у местного населения. В результате, избежав голода, с наступлением морозов они замерзали и умирали от холода.

Местные партийные, советские и хозяйственные органы, не считаясь с голодом и тяжелыми условиями ссылки, в принудительном порядке распространили займ «3 решающего года пятилетки». Тех, кто сопротивлялся этому, объявили «правыми оппортунистами».

Спецпереселенцы пытались искать правду в партийных и государственных органах власти, вплоть до ЦК партии. У них теплилась надежда и была глубокая вера в справедливость руководства страны. Казалось, что описанные беды обязательно найдут отклик в высших партийных кругах и восторжествует справедливость. Но разочарование приходило быстро. Естественно, никакого ответа они не получали, тем более никто ими не интересовался лично.

Снабжение семей спецпереселенцев немного наладилось только к концу 1932 г., хотя и в это время фонды на все виды продуктов питания не были получены полностью, а объем выделяемых продуктов не обеспечивал людям прожиточного минимума. Особые сложности были с поставками растительного масла, других жиров вообще не было. Кроме того величина заработка, а также задержки в ее выплате, существенно снижали покупательную способность переселенцев.

Не улучшилось снабжение во многих хозорганизациях даже в 1934 г., когда уже сформировалась инфраструктура кулацкой ссылки, и использование труда спецпереселенцев вошло в обыденные рамки. Многие спецпереселенцы настолько обессилели, что были не в состоянии даже хоронить умерших.

Отсутствие элементарных жилищных условий, нормального питания, теплой одежды привели к еще одним тяжким последствиям. В кулацкой ссылке началось массовое распространение инфекционных заболеваний. Возникла проблема срочной организации системы медицинского обеспечения, а также культурно-массового обслуживания спецпереселенцев.

Для оперативной работы по борьбе с инфекционными заболеваниями еженедельно в областные органы власти стали поступать справки об эпидемическом состоянии районов спецпереселенцев с конъюнктурным обзором. Естественно, данные материалы были строго засекречены. Во всех эпидемически неблагоприятных районах работали уполномоченные обкома ВКП(б). Однако финансирование оперативного плана борьбы с эпидемиями в районах кулацкой ссылки производилось за счет общих кредитов облздоров. Специальных кредитов по линии НКЗ для борьбы с эпидемиями среди переселенцев к февралю 1932 г. не поступало.

В условиях нарастающей эпидемии районные власти вынуждены были использовать в качестве медперсонала спецпереселенцев и административно-ссылных. Многие спецпереселенцы отрицательно относились к противоэпидемическим мероприятиям. Особенно негативно воспринимались различного рода прививки. Мотивировки были различные, вплоть до нарушения своих религиозных обрядов.

Смертность среди детей была огромной. Общими сведениями мы не располагаем, однако множество частных примеров раскрывает эту страшную картину. В Ново-Лялинском районе, например, за 1931 г. родилось 87, а умерло 347 детей, в Гаринском - за два месяца родилось 32, а умерло 73 ребенка. В Перми на комбинате «К» за два месяца (август-сентябрь) умерло почти 30 % всех детей. О необходимости организовать ясли, хотя бы для временной изоляции детей, в постановлениях местных партийных и хозяйственных органов писалось неоднократно, но на деле положение детей не менялось. Поэтому зачастую ссыльные сами организовывали детские ясли, детские площадки и там, где это было возможно, делали все, чтобы спасти детей от гибели.

До начала 1932 г. не был решен вопрос о содержании ясель. Поэтому их число явно не соответствовало потребностям. Не хватало одеял, одежды для малышей. Не соответствовало по ассортименту и калорийности детское питание. Однако изоляция детей, вплоть до круглосуточного нахождения в яслях, позволила снизить среди них смертность от инфекционных заболеваний.

В связи с высокой смертностью возросла беспризорность. Практически, сведения о беспризорных детях в первые годы существования кулацкой ссылки в централизованном порядке не фиксировались. О трагической судьбе беспризорных детей можно судить лишь по многочисленным воспоминаниям. Детские дома стали организовываться в спецпоселках спустя два-три года ссылки.

В первые полтора года существования ссылки вопрос об образовании детей из числа переселенцев практически не решался и отодвигался на второй план. Лишь в начале 1931 г. во многих районах кулацкой ссылки был проведен учет всех детей школьного возраста, а также учительского персонала. Картина выявилась крайне неблагоприятная - при наличии значительного числа детей школьного возраста наблюдалось практически полное отсутствие учителей. Для эффективного экономического использования ссыльных существующего в спецпоселке школьного обучения явно недоставало. Поэтому хозорганы и местные партийные власти принимали меры, чтобы повысить уровень общего и профессионально-технического образования спецпереселенческой молодежи, для чего всячески поощрялось обучение в школах крестьянской молодежи, фабрично-заводских училищах, на курсах повышения квалификации, в школах ученичества массовой профессии, в различных кружках.

Наиболее грамотной спецпереселенческой молодежи предоставлялась даже возможность обучения на рабфаках и в техникумах, а также в высших учебных заведениях. Для этого она временно освобождалась от спецпоселения.

Однако на фоне этого происходило дальнейшее падение морали среди спецпереселенцев. Политическая пропаганда элементов «нового быта», отказ от многих традиций, всяческое поощрение доносов, слезки отрицательно влияли на психологию и нравственный уровень людей, особенно молодежи. Документально засвидетельствованы, например, отказы от родителей, поскольку те являлись «врагами социалистического строительства». В спецпоселках нередко были случаи пьянства. Хулиганство, драки, насилие стали здесь обычным явлением. Привычным было и воровство.

С целью предотвращения любых форм организации среди спецпереселенцев ГУЛАГ ОГПУ запретил массовые собрания в процессе проведения культурно-просветительной работы. Спецпереселенцы не могли состоять членами добровольных обществ - Союза воинствующих безбожников, Автодор, ОДР, ОДН, РОКК, «Друг детей». Им разрешалось создавать лишь группы содействия этим общественным структурам. Любая форма культпросветработы среди спецпереселенцев проводилась под непосредственным контролем комендатуры.

Сравнительно быстро росло число библиотек и книжных фондов, которые комплектовались в первую очередь из политической литературы и беллетристики, но имелась в них и литература по сельскому хозяйству, производственная, медицинская.

Местные кинопередвижки, работавшие прежде всего в клубах, обязаны были обслуживать как спецпереселенцев, так и вольнонаемных рабочих. Такая ситуация нередко приводила к конфликтам, связанным с отказом иметь дело со спецпереселенцами.

Итак, спецпереселенцы, попавшие в кулацкую ссылку, практически лишались гражданских прав. Невыносимые условия, в которых очутились безвинные люди, в том числе огромное количество детей, были усугублены произволом административного персонала, отсутствием жилья. К этому добавился голод, связанный с плохим снабжением продуктами питания и промышленными товарами.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ТРУДОВОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

Реализация первого пятилетнего плана развития народного хозяйства в условиях форсированной индустриализации требовало значительного притока рабочих кадров. Казалось, что массовая переброска раскулаченных, в том числе административно-сылльных (вторая и третья категории) и заключенных (первая категория), позволит выполнить грандиозные задачи в кратчайшие сроки. Поэтому наряду со строительством спецпоселков приветствовалось и открытие новых лагерей.

Для руководства и контроля за распределением раскулаченных спецпереселенцев по заявкам хозяйственных организаций 11 марта 1931 г. была образована специальная комиссия, которую возглавил заместитель председателя СНК СССР А.А. Андреев. Основная масса прибывших в кулацкую ссылку была закреплена за промышленными структурами и лишь небольшая часть - за сельхозколониями.

Все спецпереселенцы делились на пять групп: 1 - способные к выполнению любых работ; 2 - только легких физических работ; 3 - неспособные к физической деятельности, но могущие быть использованы на легких кустарных промыслах и заготовках грибов, ягод и т. п.; 4 - неспособные к труду; 5 - дети до 16 лет.

Огромная разрядка на выселение, постоянное бегство при пересылке нередко приводили к тому, что в спецссылку пребывали преимущественно нетрудоспособные. Из-за сложностей с питанием и медицинским обслуживанием, такие семьи, состоящие преимущественно из детей и стариков, перебрасывались в сельхозколонии. В связи с этим в архивах содержится масса документов с требованием убрать из спецпоселков «инвалидов и многосемейных».

В результате не выполнялась первоначальная установка Центра, который определил соотношение трудоспособных и нетрудоспособных среди спецпереселенцев как 6 к 4. «Но это, однако, - как было зафиксировано в одном из партийных документов, - не должно исключать необходимости и обязательств со стороны леспромхозов в производстве работы переучета, тщательною отборкою выявить максимум трудоспособных». Подобный приказ являлся залогом очередного произвола. К трудоспособным стали относить детей с 12 лет. В результате ГУЛАГ ОГПУ вынужден был разослать полномочным представителям на местах специальную информацию о порядке использования детского труда.

Поселковым комендантам запрещалось использовать на работе в промышленности подростков до 16 лет, детей с 14 до 16 лет разрешалось привлекать на четырехчасовой рабочий день лишь в виде исключения. На строительстве поселка, дорожных работах, благоустройстве согласно этому документу могли работать дети с 14 лет.

Численность занятых на производстве постоянно росла и за счет женщин. Однако этот процесс существенно сдерживался из-за отсутствия ясель и теплой одежды, а также из-за невозможности ряда предприятий обеспечить работой всех желающих. В связи со сказанным принимались различные меры по строительству детских учреждений, обеспечению работников спецодеждой. При избытке вольнонаемных рабочих последние заменялись спецпереселенцами как более дешевой рабочей силой.

Пытаясь повысить производительность труда спецпереселенцев, партийные и хозяйственные органы всячески внедряли бригадный метод, поощряли соревнование и ударничество. Соревновались также бригады вольнонаемных рабочих и ударные молодежные бригады из числа спецпереселенцев. Премирование производилось в виде денежного вознаграждения, либо вручения подарков - промышленных товаров: телогреек, обуви, рубашек и т. д.; в единичных случаях победители соревнования получали квартиры. Там, где эффективнее использовалась система поощрений, снижалось и число нарушений трудовой дисциплины, повышалась производительность труда. В качестве одного из рычагов повышения производительности труда использовались методы укрепления дисциплины. Руководители имели право оперативно наказывать нарушителей в виде штрафов, перевода на более тяжелую и менее оплачиваемую работу и т. д.

Отсутствие какого-либо регулирования, а также учета естественных потребностей хозорганизаций в рабочей силе, влекло за собой постоянные переброски спецпереселенцев с одного места работы на другое. Такая политика отрицательно сказывалась на обустройстве спецпереселенцев, организации ими подсобного хозяйства, строительстве капитального жилья, влекла за собой безработицу в спецпсылке, побег из нее.

С целью ликвидации такого положения, начиная с марта 1934 г. ОГПУ совместно с СНК СССР вводят систему заключения трудовых договоров между хозорганизацией и завербованными спецпереселенцами. Избыточная спецрабсила согласно трудовых договоров передавалась из одной хозорганизации в другую, которая испытывала в ней недостаток. Завербованные спецпереселенцы становились отходниками. Их же семьи оставались жить на прежнем месте, а снабжение членов семей

промышленными и продуктовыми товарами возлагалось на те хозорганизации, которые получали рабсилу в порядке вербовки. С этого времени каждая хозорганизация представляла в конце каждого квартала сведения о балансе рабочей силы из числа спецпереселенцев.

Выполнение планов в определенной степени сдерживалось транспортными проблемами. Основные перевозки осуществлялись лошадьми, однако их явно не хватало. Из-за нехватки кормов, плохого ухода и эпидемий происходил значительный падеж животных.

На ударных промышленных объектах много спецпереселенцев погибало. Полуголодные люди не выдерживали физических нагрузок. У них не было необходимой одежды и обуви, в то время как на складах лежало большое количество теплых вещей - телогреек, полушубков и т. д. Умерших сразу же сменяли новые партии рабочей силы.

Что касается оценки экономической эффективности труда спецпереселенцев, то она не является однозначной. С одной стороны, принудительный труд спецпереселенцев не являлся высокоэффективным, поскольку вызывал негативное психологическое противодействие, отрицал творческое отношение к трудовой деятельности, требовал значительных вложений на депортацию крестьянских семей, обслуживание кулацкой ссылки, в том числе охрану, содержание иждивенцев и т. д. С другой, - использование труда спецпереселенцев явилось одним из важнейших условий осуществления форсированной индустриализации страны. Массовое переселение крестьян существенно повлияло на изменение численного состава промышленно-производственного персонала. По данным на 1 января 1938 г. в народном хозяйстве было занято 353912 трудопоселенцев.

Вместе с тем, в многочисленных официальных документах того времени об экономических успехах развития страны в годы первых пятилеток нигде не упоминается о той страшной цене, благодаря которой они были достигнуты, о загубленной жизни огромной массы людей, об их трагической судьбе на чужбине.

Определенная часть спецпереселенцев была закреплена за сельхозколониями. Им отводилась существенная роль в жизнеобеспечении спецссылки, особенно в условиях полного дефицита питания в первые годы ее существования. Именно поэтому ГУЛАГ ОГПУ делает 6 июня 1931 г. запрос всем ПП ОГПУ, с целью получения сведений о спецпереселенцах, занятых в сельском хозяйстве, а также о том, «что можно предпринять в этом отношении, чтобы увеличить доходность семьи и более рационально использовать имеющуюся рабочую силу».

В распоряжение сельхозколоний, как правило, поступали те семьи спецпереселенцев, в которых преобладали малотрудоспособные, либо полностью отсутствовали трудоспособные мужчины. Для спецпереселенцев, занятых в промышленности, также выделялись подсобные хозяйства, в том числе огороды, на которых работали женщины, обремененные детьми, старики, инвалиды и дети. С середины 30-х годов при промышленных предприятиях организовывались сельскохозяйственные комбинаты и артели. Тем самым в определенной степени решалась основная задача ссылки - максимально полное использование труда ее обитателей.

В первые годы существования кулацкой ссылки хозорганам вменялось в обязанность предоставить каждой семье спецпереселенца пахотно-удобную землю в размере не менее 0,1 га на огород и не менее 0,5 га под сенокосные угодья. Кроме того, каждый хозорган обязан был содействовать приобретению ссыльными крестьянами скота из расчета полного обеспечения лошадьми сельскохозяйственных работ и одной коровы на пять семей.

На деле для сельхозколоний, также как и в случае сельхозобустраивания спецпереселенцев, занятых в промышленности, выделялись худшие земли, так называемые трудноосваиваемые участки, или леса. Поэтому их разработка была связана со значительными затратами на раскорчевку. При отсутствии необходимого количества корчевальных машин сделать это в кратчайшие сроки было невозможно.

Трудоустройству подлежали не только семьи, не имеющие в своем составе трудоспособного, но и инвалиды II и III категорий, старики-одиночки и осиротевшие дети старше 12 лет. Для этих целей было предложено «развернуть в колониях ряд посильных для этой категории производств - предметов широкого потребления, поставив своей целью всемерное осуществление задачи партии и правительства о всемерном насыщении рынков сбыта предметами ширпотреба».

Неуставные кустарно-промысловые артели открывались при наличии в каждой из них не менее 15-20 человек. Для развития отдельных видов кустарных производств назначался инструктор из числа спецпереселенцев. Если среди последних нужных специалистов не находилось, то разрешалось использовать заключенных исправительно-трудовых лагерей, однако только в крайних случаях.

Для реализации производимой спецпереселенцами продукции заключался договор между спецпоселками или артелью и государственными или кооперативными организациями области. Вся продукция

сельскохозяйственных и кустарных артелей предназначалась для продажи на местном рынке.

Процесс раскулачивания, в том числе депортация крестьянских семей, будучи составной частью насильственных репрессивных методов становления и упрочения советской социалистической системы, привел к далеко идущим последствиям. Это оказало существенное влияние на социально-демографическую ситуацию в стране, нарушило веками устоявшиеся морально-этические традиции народа, развратило психологию, подорвало основу сельского хозяйства, привело к отчуждению собственника от средств производства и результатов его труда. Спецпереселенцы всячески пытались подкрепить свое ближайшее освобождение честным и самоотверженным трудом. Они считали несправедливым по отношению к себе лишение избирательных прав и, тем более, раскулачивание. В связи с этим, многие спецпереселенцы ходатайствовали о своем восстановлении в избирательных правах, в надежде освобождения в этом случае от спецссылки, писали по этому поводу многочисленные прошения и жалобы. Эти документы рассматривались в индивидуальном порядке на различных уровнях, однако просьбы удовлетворялись лишь в немногочисленных случаях.

Органы ОГПУ приступили к восстановлению семей раскулаченных в избирательных правах, начиная с 1932 г. Из протоколов заседаний комиссий при ОГПУ по рассмотрению жалоб спецпереселенцев о неправильном выселении видно, что в начале 1933 г. восстанавливались прежде всего женщины, у которых в ссылке умер муж, семьи при отсутствии работников, спецпереселенцы, имевшие до раскулачивания маломощное хозяйство. В списки на восстановление вносились и те, кто «добросовестно» относился к мероприятиям Советской власти, и, говоря словами одного из бывших спецпереселенцев, был «наиболее приближен к начальству».

Первыми в массовом порядке в избирательных правах были восстановлены дети спецпереселенцев, достигшие совершеннолетия и занимающиеся общественно-полезным трудом. Согласно Постановлению Президиума ЦИК СССР от 17 марта 1933 г. «О порядке восстановления в избирательных правах детей кулаков» восстанавливались взрослые дети лишенцев, как проживающие в ссылке, так и вне ее.

Массовый поток ходатайств о восстановлении в избирательных правах бывших кулаков начался сразу после принятия 24 мая 1934 г. постановления ЦИК СССР «О порядке восстановления в гражданских правах бывших кулаков». Анализ документов по ряду списков, составленных в январе-апреле 1935 г., показал, что восстанавливались прежде всего те, кто

перевыполнял производственные задания, являлся ударником, подписался на заем и состоял в группе содействия по борьбе с бегством спецпереселенцев.

В начале 1935 г. при рассмотрении ходатайств о восстановлении в избирательных правах нередко выносилось решение «отказать». К числу отказников, как правило, относились те трудпоселенцы, которые имели до и после революции или же до 1926 г. действительно зажиточное хозяйство с применением наемного труда, владели мельницей или различными сельхозмашинами.

Восстановление в избирательных правах части трудпоселенцев, окончание пятилетнего срока, по прошествии которого бывшим кулакам было обещано освобождение из спецссылки, а также отсутствие каких-либо разъяснений по данным вопросам к началу 1935 г. на местах, привело к тому, что многие низовые организации стали выдавать в массовом порядке восстановленным в избирательных правах трудпоселенцам различного рода документы - справки об отпусках, отзывы и характеристики с места работы и т. д. При этом в документах не всегда указывалось, что лицо, им удостоверяемое, является трудпоселенцем. Это привело к так называемому размыванию кулацкой ссылки, когда люди бежали из спецпоселков и устраивались на работу в различных учреждениях, на заводах и в хозорганах.

С принятием новой Конституции СССР 1936 г. вопрос о рассмотрении ходатайств трудпоселенцев по поводу восстановления в избирательных правах был снят.

Неосведомленность большинства трудпоселенцев в процедурных моментах, с одной стороны, и нежелание управленческого персонала вносить какие-либо новые моменты в состав рабочих коллективов, которые могли бы помешать уже как-то сложившейся системе взаимоотношений, зачастую приводили к тому, что многие трудпоселенцы получили справку о восстановлении значительно позже, нередко - в послевоенное время. Тем более, что восстановление в избирательных правах в этот период не давало возможности освобождения от ссылки и выезда на любое место жительства, как было обещано ранее.

Восстановление в избирательных правах на фоне длительных постоянных ограничений и притязаний вселяло людям надежду на полное освобождение, однако вскоре все были страшно разочарованы. Началось массовое бегство из «кулацкой ссылки», причем возвращалось в нее значительно меньше, чем убегало.

Сравнительно небольшое число спецпереселенцев все-таки продолжало освобождаться от кулацкой ссылки, прежде всего в связи с направлением на учебу, вступлением в брак с вольными жителями. И даже в этом случае наблюдалась дискриминация женщин. От спецпоселения освобождался только мужчина-спецпереселенец в случае, если он женился на вольной гражданке, если же наоборот, женщина-спецпереселенка выходила замуж за вольного жителя, то она оставалась в прежнем статусе.

Важнейшим правовым актом для освобождения из кулацкой ссылки стало Постановление СНК СССР от 22 октября 1938 г. «О выдаче паспортов детям спецпереселенцев и ссыльных». Практическая реализация этого постановления началась с 1939 г. Продолжалось освобождение на учебу, как «неправильно высланных» и в связи с передачей на иждивение. В 1938-1941 гг. части трудпоселенцам, восстановленным в избирательных правах до 1935 г., было разрешено покинуть трудпоселки. 3 июня 1939 г. издается распоряжение НКВД СССР «Об освобождении трудпоселенцев-инвалидов». В годы войны призванные в Красную Армию трудпоселенцы из числа членов семей бывших кулаков освобождались от трудссылки при условии, если они прослужили в армии не менее одного года и имеют положительную характеристику командования.

26 сентября 1946 г. вышел приказ МВД СССР и Прокуратуры СССР «О порядке освобождения из спецпоселения спецпереселенцев бывших кулаков». На его основе освобождались лица, имеющие детей-красноармейцев и участников Отечественной войны, награжденные орденами и медалями Советского Союза, женщины, вступившие в брак с неспецпереселенцами. Вопрос об их освобождении, согласно постановлению, решался на основе заключения МВД-УМВД без представления на Особое совещание при МВД СССР.

Во второй половине 40-х - начале 50-х годов местные органы власти областей, краев и республик выступили с ходатайством о полной ликвидации кулацкой ссылки и освобождении находящихся там людей. На поселении еще оставались бывшие кулаки, которые хотя и были высланы в период массовой коллективизации, но относились к тем национальностям, которые подверглись выселению в годы войны.

На 1 января 1954 г. на учете в СССР находилось 2 720 072 спецпоселенцев, из них 786 539 мужчин, 1 060 624 женщины и 872 909 детей. В их числе бывшие кулаки, выселенные в 1929-1933 гг., составляли 17 121 человек.

Для оставшейся в ссылке части населения некоторые ограничения были упразднены лишь 5 июля 1954 г. на основе постановления Совета

Министров СССР «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев», почти за месяц до их полного освобождения. Были сняты с учета в органах МВД СССР все дети спецпоселенцев до 16 лет и старше этого возраста, если они учатся. Спецпоселенцам было предоставлено право выезда в командировки в любой регион страны. Сократилось число личных явок спецпоселенцев на регистрацию в органы МВД СССР до одного раза в год. Отменялись штрафы и аресты за нарушение режима в местах поселений.

Спецпоселенцам разрешалось участие в работе профсоюзных и комсомольских организаций, а также трудовая деятельность в соответствии с их специальностью и уровнем образования.

Перечисленные выше послабления в жизни спецпоселенцев действовали недолго. Вскоре, 13 августа 1954 г. Совет Министров СССР принимает постановление, согласно которому все раскулаченные спецпоселенцы были освобождены от кулацкой ссылки и сняты с учета спецпоселения.

Ликвидация ссылки обосновывалась не общегуманными целями и не предполагала каких-либо извинений за трагическую судьбу людей, безвинно попавших в жернова репрессивного механизма. Ее нецелесообразность мотивировалась только тем, что бывшие кулаки достаточно прочно обосновались в местах поселения и, таким образом, подразумевалось, что данный акт не разрушит кадровый потенциал недавно освоенных регионов страны.

Действительно, не все спецпереселенцы из числа бывших кулаков вернулись на Родину. Постоянное чувство на себе клейма врага народа сопровождалось боязнью, а как встретят их местные власти и бывшие односельчане. Несмотря на освобождение, выселение еще длительное время рассматривалось как обоснованное политическое мероприятие. Многие ссыльные кулаки обзавелись хозяйством, имели собственные дома, приусадебные участки, скотину, приобрели производственную специальность. На Родине же приходилось начинать с нуля.

Процесс реабилитации советских граждан, незаконно подвергнувшихся репрессиям по различным мотивам - политическим, религиозным, социальным, национальным и другим, начался сразу после смерти Сталина.

Реабилитация же граждан, высланных в административном порядке на спецпоселение, началась значительно позже - лишь после введения в действие Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» с 1 декабря 1991 г.

Итак, процесс раскулачивания и переселения многих тысяч крестьян имел различные по своему характеру последствия. Прежде всего это

повлекло за собой отрыв основного производителя аграрного сектора - крестьянина-труженика от земли и массовое перемещение сельского населения в промышленную сферу, что негативно сказалось на последующем функционировании сельскохозяйственного производства.

Вместе с тем использование труда спецпереселенцев явилось одним из важнейших стимулирующих факторов развития и существования крупных территориально-промышленных структур, входящих в единый народнохозяйственный комплекс страны. Для форсированной индустриализации нужны были значительные трудовые ресурсы. Спецпереселенцы явились дешевой рабочей силой на самых тяжелых физически участках производства. Они быстро изнашивались, но тут же заменялись другой массой людей. Жалкое существование семей раскулаченных не было связано со значительными капиталовложениями. Для экономики же страны в целом крестьянская ссылка явилась тяжелым бременем, не говоря уже о трагических судьбах огромного количества людей.

ГЛАВА ЧЕТЫРЕ

ДОКУМЕНТЫ

Документ 1

ИЗ ДЕКРЕТА ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО
ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА
«ОБ УТВЕРЖДЕНИИ ИНСТРУКЦИИ О ВЫБОРАХ ГОРОДСКИХ И
СЕЛЬСКИХ СОВЕТОВ И О СОЗЫВЕ СЪЕЗДОВ СОВЕТОВ»

26 ноября 1926 г.

Глава II. О ЛИШЕНИИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ

15. Из отдельных категорий граждан, предусмотренных ст. 14 настоящей инструкции, не могут пользоваться избирательными правами:

а) земледельцы, применяющие наемный труд, сезонный или постоянный, в таком объеме, который расширяет их хозяйство за пределы трудового;

Примечание. Основным признаком трудового хозяйства в данном случае является подсобный характер наемного труда и обязательное участие в повседневной работе в хозяйстве наличных трудоспособных его членов.

б) земледельцы, имеющие наряду с земледельческими хозяйствами собственные или арендованные промысловые и промышленные заведения и предприятия (мельницу, крупорушку, маслобойку и т. п.), ведущиеся с применением постоянного или сезонного наемного труда;

в) земледельцы, занимающиеся наряду с земледельческим хозяйством скупкой и перепродажей скота, сельскохозяйственных и иных продуктов - в виде промысла (барышники-прасолы);

г) лица, закабаляющие окружающее население путем систематического предоставления в пользование имеющихся у них сельскохозяйственных машин, рабочего скота и проч. или постоянно занимающиеся снабжением населения кредитом (товарным или денежным) на кабальных условиях ...

Собрание узаконений и распоряжений РабочеКрестьянского правительства Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. 26 ноября 1926 г. N75. Отдел 1. С. 889.

Документ 2

ИЗ ПРИКАЗА ОБЪЕДИНЕННОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

2 февраля 1930 г.

...Мероприятия ОГПУ должны развертываться по двум основным линиям:

1) Немедленная ликвидация контрреволюционного кулацкого актива, особенно кадров действующих контрреволюционных и повстанческих организаций, группировок и наиболее злостных, махровых одиночек (Первая категория).

2) Массовое выселение (в первую очередь из районов сплошной коллективизации и погранполосы) наиболее богатых кулаков (бывших помещиков, полупомещиков, местных кулацких авторитетов и всего кулацкого кадра, из которых формируется контрреволюционный актив, кулацкого антисоветского актива, церковников и сектантов) и их семейств в отдаленные северные районы СССР и конфискация их имущества (Вторая категория).

В первую очередь удар должен быть нанесен по активно действующим кулацким элементам первой категории:

1) Кулаки - наиболее махровые и активные, противодействующие и срывающие мероприятия партии и власти по социалистической реконструкции хозяйства. Кулаки, бегущие из районов постоянного жительства и уходящие в подполье, особенно блокирующиеся с активными белогвардейцами и бандитами.

2) Кулаки - активные белогвардейцы, повстанцы, бывшие бандиты; бывшие белые офицеры, репатрианты, бывшие активные каратели и др., проявляющие сейчас контрреволюционную активность, особенно организованного порядка.

3) Кулаки - активные члены церковных советов, всякого рода религиозных, сектантских общин и групп, активно проявляющие себя.

4) Кулаки - наиболее богатые, ростовщики, спекулянты, разрушающие свои хозяйства, бывшие помещики и крупные земельные собственники.

Семьи арестованных, заключаемых в концлагеря или приговоренных к ВМН, должны быть высланы в северные районы Союза, наряду с выселяемыми при массовой кампании кулаками и их семьями, с учетом наличия в семье трудоспособных и степени социальной опасности этих

семейств.

Имущество таких семей конфискуется в том же порядке, как и у выселяемых семейств кулаков...

ЦГАНХ СССР. Ф.9414. Оп.1. Д.1944. Л. 17-25. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 107-108.

Документ 3

ИЗ ПРОТОКОЛА ОБЩЕГО СОБРАНИЯ ГРАЖДАН
Д.КОСТЫЛЕВОЙ КРАСНОГОРСКОГО СЕЛЬСОВЕТА
(ОТ 49 ДОМОХОЗЯЕВ ПРИСУТСТВОВАЛО:
МУЖЧИН - 35, ЖЕНЩИН - 13)

30 января 1930 г.

Слушали: 100 % коллективизация бедняцких хозяйств и чистка колхоза.

Постановили: Всем бедняцким, середняцким хозяйствам немедленно вступить в колхоз.

Общее собрание граждан д. Костылевой постановляет:

1. Костылева Ивана Ефимовича выслать из Уральской области с конфискацией имущества с постановлением бедняцкого и общего собрания крестьян через голосование.

2. Якуценя Михаил Иванович в прошлом был жандармом в Верхотурье, агитировал против колхозов, тормозил хлебозаготовки и сенозаготовки. Умышленное уничтожение скота, все время тормозил проводимые мероприятия Соввласти. Поэтому общее собрание постановляет: вышеуказанного гражданина выселить из пределов Уральской области.

3. Костылев Василий Иванович, бывший помощник коменданта при белых, производил расстрелы рабочих, агитировал против колхозов, хлебозаготовок и сенозаготовок, контрактации молока, уничтожал скот, тормозил проводить мероприятия Соввласти.

Общее собрание постановляет: Костылева Василия Ивановича выселить из пределов Уральской области с конфискацией имущества.

4. Костылев Петр Платонович умышленно уничтожал скот, также сельхозмашины, вел агитацию против колхозов, содержал монашек, зажимщик бедноты, тормозил проводимые мероприятия Соввласти.

Общее собрание постановляет: Костылева Петра Платоновича выселить из пределов Уральской области и с конфискацией всего имущества, а как члена (семьи) Кузьму Платоновича общее собрание признает социально неопасным, а поэтому оставляет выше упомянутого гражданина в колхозе.

5. Костылев Петр Семенович как бывший церковный староста и во время восстания ездил на низ, организовывал войска против Советской власти, умышленное уничтожение скота, так продал лошадь и продал телегу, тормозил колхозному строительству.

Общее собрание постановляет: учитывая все мотивы, Костылева Петра Семеновича считает социально неопасным и за все прошлое неосознанность по общему голосованию передать народному суду за его вышеуказанные пункты.

ГААСО. Ф.1. Оп.2. Д. 19855. Л.62. Свидетельства истории – Публикация документов. Вып.4. Тоталитаризм и личность. Екатеринбург, 1994. С.3-4.

Документ 4

ВСЕМ ПАРТИЙНО-СОВЕТСКИМ РАБОТНИКАМ И ВСЕМ ОРГАНАМ ОГПУ, СУДА И ПРОКУРАТУРЫ

ИЗ ИНСТРУКЦИИ ЦК ВКП(б) И СНК СССР

8 мая 1933 г.

Отчаянное сопротивление кулачества колхозному движению, развернувшееся еще в конце 1929 г. и принявшее форму поджогов и террористических актов против колхозных деятелей, создало необходимость применения советской властью массовых арестов и острых форм репрессий в виде массового выселения кулаков и подкулачников в северные и дальние края.

Дальнейшее сопротивление кулацких элементов, вредительство в колхозах и совхозах, вскрытое в 1932 г., широко распространенные массовые хищения колхозного и совхозного имущества потребовали дальнейшего усиления репрессивных мер против кулацких элементов, воров и всякого рода саботажников.

Таким образом, три последних года нашей работы в деревне были годами борьбы за ликвидацию кулачества и победу колхозов. Эти три года

борьбы привели к разгрому сил наших классовых врагов в деревне.

ЦК ВКП(б) и СНК считают, что все эти обстоятельства создают в деревне новую обстановку, дающую возможность прекратить, как правило, применение массовых выселений и острых форм репрессий в деревне. Мы уже не нуждаемся в массовых репрессиях, задевающих, как известно, не только кулаков, но и единоличников и часть колхозников.

...Было бы неправильно думать, что наличие новой обстановки означает ликвидацию или хотя бы ослабление классовой борьбы в деревне. Наоборот, классовая борьба в деревне будет неизбежно обостряться.

Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С.110-111.

Документ 5

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ БОРЬБЫ С ПОБЕГАМИ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ИЗ ЦИРКУЛЯРНОГО ПИСЬМА ГУЛАГА ОГПУ

17 августа 1931 г.

К лицам, проявившим себя активно в борьбе с побегами, необходимо применять поощрительные меры:

1. Объявлять благодарность охране и низовой администрации из спецпереселенцев;
2. Премировать деньгами информаторов и вольное население из сумм, отпускаемых на оперативные расходы...

Зам. Начальника Главного Управления лагерями ОГПУ М. Берман

ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.5. Л.42; Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 - начало 1933 г Новосибирск, 1993. С. 60.

Документ 6

ПОЛОЖЕНИЕ С РАССЕЛЕНИЕМ И СОСТОЯНИЕМ ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В КУЛАЦКОЙ ССЫЛКЕ ИВДЕЛЬСКОГО РАЙОНА

ИЗ ДОКЛАДНОЙ ЗАПИСКИ В ГУЛАГ ОГПУ И ОБКОМ ВКП(б)

20 марта 1932 г.

Всего на территории Ивдельского района на 20/III - с.г. расселено 2238 сп/пер (кулацких) семей, или 8885 человек, из которых основная масса (2057 семей) закреплена за Ивдельским леспромхозом и незначительная часть (181 семья) за предприятиями Заозерского золото-платинового управления «Союззолото».

Для обеспечения этого контингента сп/пер жилищами ЛПХ к началу зимы 1931 г. требовалось выстроить для них 788 двухквартирных домиков, из числа которых на 20/III - с.г. выстроено 498 и находится в стадии строительства - 290.

Заозерское золотоплатиновое управление должно было построить 2- и 4-квартирных домиков 70, из коих построило 43 и имеется в стадии строительства 27.

Невыполнение строительства в установленные сроки хозорганизации объясняют отсутствием средств на строительство, недостатком тягловой силы для подвижки лесоматериалов и переключением с осени основной массы работавших на строительстве рабочих на выполнение производственных заданий.

Выстроенные жилища, в силу того что они строились самими сп/пер, при отсутствии технического руководства, качественно неудовлетворительны; большинство их построено из сырого леса, уложенные в стены бревна не отгружены, пазы подогнаны неплотно, двери рассохлись, полы и потолки из теса или просто жердей, через которые сыплется земля, крыши крыты без гвоздей, неплотно, отчего в летнее время дают течь. Печи, как правило, битые из глины и в некоторых домиках их нет совершенно и живущие сп/пер отапливаются железными печками, а готовят пищу в общих печах, сбитых для этой цели также из глины на воле.

Площадки под поселки избраны не везде удачно. Так, например:

Поселок Талица (леспромхоз) построен на склоне горы, на каменистой почве, невозможной быть использованной под огороды, тогда как в 8 км от него имеется хороший плац земли, могущий быть с успехом

использованным под сельхозвозделывание.

Поселки Юртище и Шайтанка (ЛПХ) - также выстроены на каменистой почве, не имеющей воды. Ближайшие водоисточники от поселков расположены на расстоянии от 1 до 2,5 км.

Поселок Шары (ЛПХ) - построен без учета производственной базы, в силу чего выстроенные в нем 20 домиков в данное время не могут быть использованными.

Вследствие неокончания строительства обоими хозорганизациями, несмотря на уплотненное расселение в отстроенных домах, значительное количество семей сп/пер на сегодня размещено в деревнях, в среде основного населения, и жилищах, не отвечающих требованиям: общих бараках, землянках и т. д.

ЦДООСО. Ф.4. Оп.10. Д. 165. Л.154-155об.

Документ 7

ИЗ ИНФОРМАЦИОННОГО ПИСЬМА ГУЛАГА ОГПУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО СНАБЖЕНИЯ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

13 июля 1931 г.

1. До последнего времени в вопрос снабжения спецпереселенцев не было внесено должной ясности. С одной стороны, для спецпереселенцев прошлогоднего расселения Союзнаркомснабом отпускались специальные фонды, параллельно с этим отдельные хозяйственные предприятия, связанные с работой спецпереселенцев, входили непосредственно или через краевые организации с ходатайством в НКСнаб об отпуске им продовольствия, включая в свой контингент также рабочих и спецпереселенцев.

Таким образом, на одних и тех же спецпереселенцев снабжение могло быть отпущено дважды: из специального фонда и в порядке снабжения отдельных хозяйственных предприятий. Как следствие, должны были образоваться совершенно нецелесообразные запасы, особенно недопустимые в нынешних условиях напряженного состояния ресурсов страны или, что еще хуже, все излишне выделенные фонды израсходованы не по полному назначению. Поскольку в текущем квартале недостатки эти полностью еще не изжиты, необходимо принятие с Вашей стороны действенных мер, чтобы в результате указанного положения не образовалось излишних запасов. В случае обнаружения параллельного

отпуска снабжения излишки подлежат зачету в счет отпуска на последующий период времени.

В дальнейшем, начиная с будущего IV квартала, предполагается установить порядок, исключающий возможность параллельного отпуска снабжения, о чем Вы будете своевременно информированы.

2. Как общее и обязательное правило, спецпереселенцы, занятые в промышленности, в отношении норм довольствия приравнены к категориям вольнонаемных рабочих предприятий, где они работают.

В отношении членов семей таких спецпереселенцев установлен отпуск (в день на едока):

муки-	300 грамм
крупы-	30 -"-
рыбы-	75 -"-
сахара-	12 -"-

Примечание: в отношении спецпереселенцев, переданных предприятиям, находящимся на централизованном снабжении (Цветметзолото, лесопромышленные организации), снабжение как рабочих-спецпереселенцев, так равно и их семей приравнивается к снабжению рабочих и семей рабочих этих предприятий.

В данном случае необходима тщательная проверка на местах степени обеспеченности продовольствием семей рабочих-спецпереселенцев. Работающие спецпереселенцы, осевшие на сельском хозяйстве, получают снабжение в размере специального пайка продовольствия, установленного Наркомснабом для сельскохозяйственных рабочих (постановление НКСнаба СССР № 540 от 27.05.1931 г.), а именно (в килограммах в месяц):

мука -	17,2
крупы -	1,5
рыба -	2,0
сахар -	0,8
чай натур. -	50 г

в квартал Иждивенцам таких спецпереселенцев полагается:

муки -	6,0
крупы -	0,75
рыбы -	2,25
сахара -	0,36
чая суррог.-	0,09

Документ 8

ИЗ ПИСЬМА СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦА 173 км ПЕРМСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ
ДОРОГИ ТРАКТОРНОГО УЧАСТКА ФЕДОСИЯ МАТВЕЕВИЧА
ЛОБОДЫ В БЮРО ЦК ПАРТИИ БОЛЬШЕВИКОВ

22 августа 1932 г.

«... Меня выслали как сына кулака, ГПУ и на местах обвиняли меня в том, что я опасный для коллективизации потому, что я сын кулака и у меня дух кулацкий. У меня семья - жена и двое детей, и старшему надо начать посещение школы. Я живу в общих бараках, где есть действительно типичные кулаки, и дети, находясь в этой среде, невольно прививают дурные привычки. Неужели им тоже будет обвинение, что они родились в семье сына кулака и у них выработалась противосоветская натура, благодаря лишь только потому, что они случайно попали в такую обстановку. Нет, это в корне неправильно. Детей отсюда надо изъять, из них можно выковать стойких строителей социализма, а что они здесь - это, кажется, большая ошибка. Быть может, я ошибаюсь - укажите мне, я поправлюсь. Кроме того, здесь много иждивенцев, которые кроме вреда здесь, ибо их надо кормить, пользы не дают. Уралу надо рабочих, а не иждивенцев. В степной зоне эти бы иждивенцы сами себя прокормили и дали бы пользу Союзу, а кто вредит, есть для этого колонии, там он найдет себе исправление. До начала сенокосения здесь проходило сильное сокращение, и люди оставались за бортом места работы, умирали с голоду. Вы только приезжайте и посмотрите на переселенческие поселки - 75 % оставшихся (многие удрали и многие умерли) пухлые, а причина основная - голод. Можно видеть картину: подросток идет где-то раздобыть кусок хлеба или даже украсть, ибо голод не свой брат, по дороге падает и умирает и, кроме того, валяется некоторое время, как когда везут состав, груженный п/материалами, ведется точная статистика, которая выявляет, что сопровождающий состав виноват в том, что растерял бревна, и ему могут поставить в учет, а мертвые люди пусть себе валяются. Виноватых нет. Вы запросите комендатуру, пусть даст сведения, сколько у них имеется налицо, сколько бежало и сколько умерло. Она даст, но сведения не будут соответствовать действительности».

ЦДООСО. Ф.4. Оп.10. Д. 174. Л.25,26.

Документ 9

МЕДИКО-САНИТАРНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ИЗ СПРАВКИ В НАРКОМЗДРАВ

На 10 февраля 1932 г.

Кизеловский район

Всего сп/пер 48 656 человек. Количество койко-дней - 22 479. Количество амбулаторных приемов - 51 347, количество здравпунктов: фельдшерских - 9, медсестер - 4, охват детских ясель - 125. Количество персонала врачей - 7, фельдшеров - 9, акушерок - 3, медсестер - 21, бань

- 6, дезокамер - 13, вошебоек - 12. Специальных больниц на участках нет, но есть приспособленные бараки, как, например, в карьере Луньевка и шахте № 4 на 20 коек. В Сафонове, Троицке, Мелкое по 10 коек. В остальных участках сп/пер пользовались койками в общих бараках. Фельдшерских пунктов специально для сп/пер имеется 9, но они тоже не имеют специальных зданий, а приспособлены в бараках. Из 7-ми врачей 5 было выделено специально для сп/пер, акушерской родильной помощью сп/пер пользуются в общих родильных палатах. Полагаем открыть курсы на 25 фельдшеров и 20 акушерок в феврале 1932 г. Жилплощадью сп/пер обеспечены во многих местах неудовлетворительно, особенно на медучастке и шахтах № 2,4, где жилплощадь достигает от 0,05 до 1,25 кв. м на человека. В части водоснабжения дело обстоит более или менее благополучно, но есть места, где воды не хватает и приходится употреблять снег.

Верхотурский район

ЛПХ совершенно не выполняет санитарных требований в отношении построек на поселках бань, прачечных, сушилок, вошебоек, постройки уборных, выгребных ям и прочего, несмотря на штрафование и даже привлечение к уголовной ответственности виновных. ЛПХ дает очень плохие средства для обслуживания медперсонала. Дают бракованных лошадей, одного кучера на 4-5 подвод. На участках фельдшера не имеют квалификации. Оторваны совершенно от райздравов. Не получают зарплату служащие с июня-июля 1931 г. В отношении заболевания тифом положение более-менее благополучное, но всегда возможен рост заболеваемости ввиду плохих санитарных условий общежития среди рабочих лесозаготовок.

Мехонский леспромхоз

Барак 402 квартала - 2 комнаты, 42 семьи, 54 взрослых, 69 детей. Барак не приспособлен для жилья. Трудоспособных 41 человек. Нет колодца, бани, мыла не дают несмотря на его наличие (6 ящиков). Барак 405 - скученность, печи неисправны, масса паразитов, нет мужских и женских помещений. Изолятор не отвечает своему требованию. Барак 359 - 33 семьи сп/пер. Санитарное состояние удовлетворительное. Есть баня, прачечная, колодец, налажено общественное питание. Барак 360 - печи не устроены, воды не хватает, нет бани. Санусловия удовлетворительные. Кв. 166 - указания не выполняются, колодец не выкопан. Прораб не организовал доставку воды. Кухня в безобразном состоянии. Тяжелобольные не отправляются в больницу, изолятор безобразно грязен. Живет 111 человек. Трудоспособных 30 человек. За невыполнение распоряжен ий и указан ий на прораба Ушакова дело передано в прокуратуру.

ЦДООСО. Ф.4. Оп.10. Д. 164. Л. 172,176.

Документ 10

«УДОВЛЕТВОРИТЬ ЗАЯВКИ...»

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ КОМИССИИ ТОВ. АНДРЕЕВА ПО
КУЛАКАМ

8 июля 1931 г.

Председатель - т. Андреев

Присутствовали: тт. Ягода, Евдокимов, Николаев, Коган, Верман, Смольянинов, Фигатнер, Бальян.

1. По заявкам Востокугля.

Удовлетворить заявки Востокугля:

а) на 1000 семей спецпереселенцев для Черемхово. Заявку удовлетворить за счет башкирских спецпереселенцев. Срок отправки 30/VII-1/VIII;

б) на 500 семей спецпереселенцев для Бокучачи за счет внутреннего восточно-сибирского спецпереселения. Срок отправки с 15 по 25 июля;

в) на 2000 семей спецпереселенцев для Анжерки-Судженки за счет башкирских спецпереселенцев. Срок отправки 18-24 июля;

г) на 3000 семей спецпереселенцев для Прокопьевского района за счет башкирских спецпереселенцев. Срок 25 июля - 3 августа;

д) на 5000 семей спецпереселенцев для Минусинского района за счет внутреннего западно-сибирского спецпереселения. Срок 15-20 июля.

2. По заявкам Уралугля.

Удовлетворить заявки Уралугля:

а) на 1100 семей спецпереселенцев для Кизеловского района из Нижегородского края. Срок с 2 по 4 августа;

б) на 1100 семей спецпереселенцев для Челябинского района из Нижегородского края. Срок с 5 по 7 августа.

3. По заявкам Востокостали.

Удовлетворить заявки Востокостали на 18200 семей спецпереселенцев для следующих предприятий:

а) 5000 семей спецпереселенцев для Кузнецкстроя из Московской области. Срок с 20 июля по 1 августа;

б) 1000 семей спецпереселенцев для Синарстроя дополнительно из ЦЧО. Срок с 9 июля по 11 июля;

в) 5000 семей спецпереселенцев для Магнитостроя из Татарии. Срок с 16 июля по 5 августа;

г) 500 семей спецпереселенцев для Высокогорского рудоуправления из Московской области. Срок 2 августа;

д) 1200 семей спецпереселенцев для Байкальского рудоуправления из Московской области. Срок с 3 по 6 августа;

е) 1000 семей спецпереселенцев для Гороблагодатского рудоуправления из Московской области. Срок 7-9 августа;

ж) 500 семей спецпереселенцев для Златоустовского рудоуправления из Московской области. Срок 10 августа;

з) 1000 семей спецпереселенцев для Синарского рудоуправления из Нижегородского края. Срок с 30 июля по 1 августа;

и) объявить выговор директору Тагилстроя т. Трахтер, отказавшемуся принять направленных по его заявке в Тагилстрой 3000 спецпереселенцев из УССР, вследствие чего они были переадресованы на другую работу.

Обязать Востокосталь в суточный срок представить точную заявку о сроке приема спецпереселенцев на Тагилстрой. ОГПУ удовлетворить заявку.

4. По заявке Цветметзолото.

Удовлетворить заявку Цветметзолото:

1) По Уралу:

а) 400 семей спецпереселенцев для Калаты из Нижегородского края. Срок 2 августа;

б) 200 семей спецпереселенцев для Тагила из Нижегородского края. Срок 3 августа;

- в) 400 семей спецпереселенцев для Карабаша из Нижегородского края. Срок 4 августа;
- г) 800 семей спецпереселенцев для Уралплатины из Нижегородского края. Срок 5-6 августа...

РЦХИДНИ.Ф. 17.Оп. 120.Д.52.Л. 1-4; История России. 1917-1940. Хрестоматия-Екатеринбург, 1993.С. 262-264.

Документ 11

О МЕРАХ ПО РАЗВЕРТЫВАНИЮ УДАРНИЧЕСТВА СРЕДИ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

ИЗ ЦИРКУЛЯРА ГУЛАГА ОГПУ

7 июня 1932 г.

В целях дальнейшего развития ударничества среди спецпереселенцев предлагаем:

1. Проверить через хозорганизации обязательства, взятые лицами, объявившими себя ударниками, и в случае выявления лиц, не выполняющих обязательств, выяснить причины.

Наряду с этим повести самую решительную борьбу с лжеударничеством.

2. Спецпереселенцы-ударники не должны пользоваться теми преимуществами в снабжении (продовольствием и промтоварами) и премированием, которые установлены для ударников - кадровых рабочих на данном предприятии. Им должны быть предоставлены в первую очередь лучшие квартиры. Их дети должны приниматься в первую очередь в школы повышенного типа, им предоставлять бесплатные горячие завтраки и т. д.

В то же время спецпереселенцы-ударники не могут премироваться поездками на какие-либо заводы, путешествиями, местами в дома отдыха и курорты.

3. От выдачи книжек ударникам необходимо воздержаться и книжек не выдавать. Взамен книжек можно выдавать специальные удостоверения на определенный срок с обязательным указанием, что такой-то спецпереселенец является ударником.

4. Результаты ударничества и соревнование спецпереселенцев всемерно популяризировать среди остальной массы спецпереселенцев...

Зам. начальника Главного Управления лагерями ОГПУ М. Берман

ГАРф. ф. 9479.9.0п.1.Д.П.Л.42: Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 начало - 1933 г. С.88,89.

Документ 12

О ПОРЯДКЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕТРУДОСПОСОБНЫХ КАТЕГОРИЙ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

ИЗ ЦИРКУЛЯРНОГО ПИСЬМА ГУЛАГА ОГПУ ВСЕМ ПП ОГПУ,
НАЧАЛЬНИКАМ ОТДЕЛОВ И ИНСПЕКЦИЙ ПО СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦАМ

10 июля 1932 г.

Несмотря на директивы Центра органы Наркомсобеса и кулспромкооперации на местах не развернули необходимой работы по устройству и трудиспользованию инвалидов и семей спецпереселенцев, не имеющих трудоспособных глав.

Такого рода спецпереселенцы, оставаясь почти повсеместно в спецпоселках вне трудового использования, не имея поэтому источников существования, деморализуют в известной части спецпереселенцев и являются иждивенцами хозорганов или ОГПУ.

Вместо вовлечения этой категории спецпереселенцев в трудовую жизнь в ряде случаев наблюдается простое отнесение расходов по содержанию этих спецпереселенцев полностью за счет хозорганов или ОГПУ и перенесение на эти последние функций собеса, вызывающее у хозорганов расходы, не связанные с производством, чем в корне нарушается принцип хозрасчета.

В результате такого положения среди спецпереселенцев создается стремление к иждивенчеству, в то время, когда партией и правительством даны директивы о всемерном развитии производства предметов ширпотреба, в ряде случаев не требующего использования полноценной рабочей силы...

Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 г. С.89,90.

Документ 13

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР "О СНЯТИИ
ОГРАНИЧЕНИЙ ПО СПЕЦПОСЕЛЕНИЮ С БЫВШИХ КУЛАКОВ И
ДРУГИХ ЛИЦ"

13 августа 1954 г.

Учитывая, что находящиеся на спецпоселении бывшие кулаки, высланные в 1929-1933 г.г. из районов сплошной коллективизации, длительное время находятся на спецпоселении, прочно обосновались в местах настоящего жительства... в связи с чем дальнейшее применение ограничений по спецпоселению к этим лицам не вызывается необходимостью, Совет Министров постановляет:

Снять ограничения по спецпоселению:

- с бывших кулаков, высланных в 1929-1933 годах из районов сплошной коллективизации ...

Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С.127,128.

Документ 14

ИЗ ЗАКОНА РОССИЙСКОЙ СОВЕТСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ «О РЕАБИЛИТАЦИИ ЖЕРТВ
ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ»

18 октября 1991 г.

I. Общие положения

Статья 1. Политическими репрессиями признаются различные меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам, в виде лишения жизни или свободы, помещения на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения, выдворения из страны и лишения гражданства, выселения групп населения из мест проживания, направления в ссылку, высылку и на спецпоселение, привлечения к принудительному труду в условиях ограничения свободы, а также иное лишение или ограничение прав и свобод лиц, признававшихся социально опасными для государства или политического строя по классовым, социальным,

национальным, религиозным или иным признакам, осуществлявшееся по решениям судов и других органов, наделявшихся судебными функциями, либо в административном порядке органами исполнительной власти и должностными лицами.

Ведомости Съезда Народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. ст. 1428; Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. С. 194,195.

И.С.ОЛИФИЕР

СПЕЦПОСЕЛОК ВАГРАН

Писать и говорить о пережитом всегда и тяжело, и очень грустно. Но надо, чтобы нынешнее поколение: дети, внуки и правнуки знали всю правду.

Все в поселке Вагран находились под строгим контролем коменданта Азанова - жителя ближайшей деревни Добрынино. В помощники себе он взял ссыльного Кириченко. Власть коменданта была неограниченной для таежных условий того времени... Впереди ждал людей холод, голод и презрение местных жителей к тому народу.

В первые два года отчим работал на лесоповале, обрубке, раскряжевке, укладке. Труд был тяжелым и непривычным. Начался 1933 г. Голод. Ежедневное недоедание, тяжелый труд, плохая одежда и обувь, мороз делали свое дело. Людям оставалось одно - умирать. И умирали.

Летом в тайге заедал гнус, ночью в бараках донимали клопы, отвратительное питание - суп из «семи круп», мизер хлеба, не хватало соли. Дети просили есть. Местная власть прогрессивно сокращала норму хлеба. Люди ели травы, толченую кору, всевозможные съедобные и несъедобные грибы и ягоды, доходило до лягушек.

Одежда плохая, на ногах «берендеевы сапоги» - лапти. Чтобы не замерзнуть, надо было без конца двигаться, но силы истощали, и они постепенно таяли, и люди умирали.

Урал не то, что Украина, Урал - суровая чужбина.

Моих дедушку и бабушку в силу их преклонного возраста не выдворили за «межи Украины», а пустили на все четыре стороны блуждать по белому свету. Об этом мне рассказывали старожилы во время моей первой послевоенной поездки на Украину, в родные места.

На деда, к тому моменту уже опухшего от голода, в лесу около села

Христановки напали бандиты. Велели снять сапоги. Ноги у деда были опухшие и он не мог их снять. Бандиты (так их тогда называли), сами тоже не смогли снять с дедовых ног. Тогда они ножом разрезали голенища, стащили их и унесли с собой. Что с ним дальше - никто не знает.

Бабушка Домникия пропала без вести. Так я потерял вначале деда, потом бабушку. Это моя вторая потеря после смерти отца Сергея Ивановича.

Летом 1933 г. умер мой отчим - Алексей Емельянович, родной отец моего брата Андрея и сестры Гали. Похоронен он не по-людски. Скорчившийся от голодных судорог, без надлежащей могилы, креста и надписи, куда можно было бы принести цветы, где бы мы могли поклониться. Просто был спрятан в землю наполовину с камнями, будто головешку зарыли. Некому было хоронить: те, кто мог, были на работе, а кто оставался в поселке, был не в силах. Не найти того места и поныне.

Так в чужих и глухих местах, без малейших средств к существованию, с тремя - мне, самому старшему, было 12 лет - мать овдовела второй раз.

В то время она работала в лесу на сборке сосновой живицы, серы. В одной руке носила по тайге ведро, в другой - была деревянная палочка - скребок, и так с раннего утра и до позднего вечера. Весь световой день она ходила от сосны к сосне, пока не набирала норму 12 килограмм. Сера въедалась в руки, лицо, волосы. Работали и подростки. И только в отдельных случаях ослабевшие, больные, дистрофичные женщины и мужчины, подростки освобождались от работы по сбору серы, от работы на лесоповале и переводились на легкий труд - раскорчевку пней, вырубку леса под пахотные земли для неуставной артели «Верный путь». Такое издевательское название придумал комендант.

Вспоминаю: бывало женщины поработают, потом начинают плакать, а когда все слезы выльют, начинают петь. Вот один из куплетов 30-х ссыльных годов:

Надоели нам холодные бараки, Надоели нам с клопами коечки, Надоели нам уральские лесозаготовочки.

Председателем артели стал его помощник - Кириченко, который всячески угождал коменданту Азанову, глумясь над своими же земляками - высланными. Комендант разъезжал по поселку верхом на лошади по кличке Делегатка, с наганом на поясе и с плеткой в пуках. Говорили, что его лошадь была в Москве на сельскохозяйственной выставке, поэтому ее так и прозвали.

Была в спецпоселке и холодная каталажка, в которую Кириченко сажал сам «отличившихся», «отлынивающих» от работы истощенных дистрофиков

- мужчин. Однажды, во время раскорчевки делянки, он заставил больного, совсем обессиленного мужчину стать на пень, собрал всех остальных и начал стыдить его: «Смотрите, люди, на пне стоит симулянт и лодырь, он не хочет работать». И от себя по-украински добавил: «Треба робыты, щоб було що исты и в чим ходыты». Эти слова мне помнятся всю мою жизнь.

Милосердие тогда сводилось к тому, что больных не добивали, а давали им умереть самим... раньше времени.

Чтобы не дать умереть с голоду нашей семье, я, как самый старший из детей, ходил за милостынями по местным деревням, по порядку - от спецпоселка, Двадцать пятое, Заболотное, Тараканово, Добрынино, Верхнее и Нижнее Деносово, Корещиха и до Романово, что находится около 25 километров от спецпоселка и голосовал:

«Подайте хлебушка или кто что может Христа ради». Голод - это не только светлые мечты о еде, но и жестокие кошмары страха.

«Люди добрые, подайте ради Христа, два дня маковой росинки во рту не было», - попрошайничал я. «Много вас тут таких ходит», - доносилось мне вслед... «Подай ему пару картошек и буде, обойдется. Каждому пару, своих кормить нечем будет». И такое бывало.

Часто приходилось ночевать под заборами в деревнях и в лесу.

Т.И. Славко. Кулацкая ссылка на Урале 1930-1936. М., 1995.

А.С. НАГДАСЕВА

«СПЕЦЫ»

Поскольку в селе знали отца как работягу-умельца, и сельсовет это знал, предложили возглавить колхоз (он уже был «передовик»), в нем было 10 или 12 семей, самых бедных. Отец, помнится, даже соглашался, но «бунт» женщин семьи - ни в какую. Помню этот шум: и все там общее, и одеяла, и дети и прочая ерунда. Отец стал прикладываться к самогону. Однажды ночью наехал на столб, нарушил провод, тянувшийся к радио - висела такая черная тарелка на площади села, одна единственная на все село. Жили мы в селе Калинка Башмаковского, а в 1931 г. Соседского района Пензенской области. За порванный провод отец попал на принудительные работы сроком на 3 месяца в г. Моршанск. Хозяйство отца было признано зажиточным, подлежало изъятию, а мы - выселению.

И в июне началось! Весь скот забрали, инвентарь увезли, постройки сломали и тоже увезли. Последним оставался дом. Пришли в дом. Помню, как громко кричала и причитала мать, как катался по полу дедушка, его

парализовало, и он умер без нас, бабушку забрал сын, живший в Омске. Рано утром подъехали к дому 2 или 3 подводы, посадили нас в телегу (мать, меня и сестренку) и повезли на ст. Вернадовка, куда уже был привезен отец. Поместили нас в пакгаузы, где уже было свезено много семей из всех сел района. К 1931 г. старший брат был с двумя детьми и женой отделен, два средних брата, Михаил и Антон, еще в 1929 г. уехали к дяде в Омск учиться на машинистов. Дядя был железнодорожник, а сестра Надежда сумела убежать и спрятаться во ржи. Пряталась недели две, ночью пробиралась к брату поесть, а вскоре вышла замуж. Брат Илья, от первого брака матери, не подлежал выселению, уехал в Тулу, где летом 1932 г. умер. Таким образом попали в ссылку мама, папа, и мы с сестренкой 11 и 7 лет.

В пакгаузах. Из села нас привезли три семьи, еще две семьи Рыбаковых и наша. Так мы и компоновались, кучками из одной деревни. Нам разрешили взять кое-какую одежду, домашнюю утварь, несколько мешков муки. Муку сразу погрузили в вагоны. Интересно, в выселении принимал участие брат моей мамы, мой крестный. Он был в комбедде и состоял в колхозе. Помнится, зашел за дверь и, кажется, плакал. В пакгаузах мы «жили» долго, спали на полу, в одежде, в чем и на чем попало, уже надежда была, что нас вернут. На станцию ко всем ежедневно приходили родственники, даже соседи. Наши нам сообщили, что полсела сразу вступило в колхоз. Родственники приносили еду. На станции молодежь пела и плясала под гармошку с прибасками (так называли частушки-припевки). Вот она русская душа! Разорили, везут в неизвестность, а мы пляшем и поем.

Июль. Погрузка в телячьи вагоны. В вагонах нары сверху, снизу по обе стороны, на нарах опять семьями. Мы были с семьей Рыбаковых на нижних, на каждых нарах по две семьи, в каждой по 4-5 и более человек, наверное человек по 40 в каждом вагоне. Вагоны наглухо закрыты. Охрана. В вагонах мужчины, женщины, старухи, старики, дети. Духота. Оправлялись в ведро за занавеской. Иногда мучила жажда. Остановки делали зачастую в поле. Охрана открывала вагоны, все «высыпали» под откос оправляться. И быстро в вагоны загоняла охрана. Бывали остановки на станциях, но из вагонов уже не выпускали. Приносили охранники щи в ведрах раз в день, подавали ведра в вагоны, и тут же дележка по чашкам. В основном питались сухарями, постряпушками, принесенными родственниками на станцию. Так везли нас дней 7 или 8 на Челябинск, потом из-под Челябинска повезли обратно. О радость! Домой! Но довели нас до разъезда Кодинка под Каменском, и прямо в поле высадили и - аникакой охраны. Какое это было зрелище! И смех и слезы. Опять все деревенские вместе, кучками, на мешках, в лаптях, в

широких домотканых юбках, в цветных платках, расшитых рубахах и юбках. Это были Пензенские, Тамбовские, Воронежские русские и украинцы, в основном. У кого были деньжонки, а таких оказалось очень мало, сумели убежать, уехать сразу же, но у основной массы денег не было. Дня через три на мельницу Жирякова стали переселять нас с поля.

Мельница Жирякова (бывшая). Запомнилось 4 - этажное здание у деревни Кодинка на берегу реки Исеть, напротив д. Щербакове. В начале мы жили в шалаше, затем к зиме попали на 4-й этаж на нары и были рады, т.к. полы были щелястые, кто-то что-то прольет или ребенок описался - текло на головы людям нижних этажей. И начались болезни, умирают в первую очередь дети. Медики, а также комендант, охрана решили всех остричь наголо. Женщины и девушки сопротивлялись, убегали в лес, их ловили и стригли. До сентября спасала река, а потом пошла холода. Но все взрослые мужчины, парни, девушки и подростки сразу же были отправлены на строительство барачков еще с мельницы. Это недалеко от Кремлевского совхоза.

Как строили земляные бараки. Сдирали верхний слой - дерн, разрезали на пласты (как для обкладки могил), укладывали пласт на пласт, выкладывали стены. В эти стены вбивали отесанные колышки, острый конец в стену загоняли, потолще оставляли снаружи. Мешали глину, обмазывали, глина высыхала, затем белили. Крыша из земляных пластов. Зрелище потрясающее летом! Зеленые крыши, бараки были невысокие, и прозвали мы свой городок «зеленый»! Внутри пол, потолок, перегородки на комнатки - из досок. В каждой комнатке - одна, а в большей - две семьи. У каждой семьи свои нары. Кухонька и плита, где готовилась пища. В каждом бараке по 3 или 4 «подъезда». Точно не помню, сколько было всего барачков, но помню 25-й (страшный барак). В центре городка - деревянный дом - комендатура и жилище коменданта с семьей. Первый комендант запомнился, это был Вохмянин, как звать - не помню, но помню широкое красное лицо, заплаканные глаза и голос глуховатый, но какой-то громкий, до сих пор как-то вспоминается, может потому, что с людьми он всегда разговаривал только орлом, в комендатуре ли, на улице. А наш 14-й барак располагался недалеко от комендатуры. Был медпункт, барак - столовая, магазин, в одном бараке был даже клуб и библиотека, а в нашем, крайнем подъезде - родильное отделение. В бараки нас с мельницы перевезли к зиме 1932 г. Началась закладка Синарского трубного завода - СТЗ. Отец мой возглавлял бригаду плотников, это были специалисты, все остальные землекопы. Я не помню ни кранов, ни экскаваторов, мне кажется, все работы велись вручную. Помню, как загудел первый гудок. Утром в 7 ч., 7-

30, в 8. Днем в 12, 12-30, в 13. Вечером вроде в 6. К гудкам так привыкли, что без них не мыслили жизни.

Особенно тяжелыми были 1932-1933 г. г. Голод, холод в бараках. Хлеб и другие продукты по карточкам - мизер. Хлеб мама резала маленькими кубиками, перловая каша, суп с крапивой. Подсобного хозяйства не было, в деревни никуда ходить не разрешалось. Запомнилась еще селедка, жирная, вкусная. Родители уже получали зарплату, продукты покупали. Почему-то запомнились очереди, толкучки в магазинчике, ссоры. На всех карточках стоял штамп - спецучет. Мы, дети, еще не учились, школа была построена к осени 1932 г. Это был здоровенный барак, коридор широкий, по бокам классы, огромные окна, учительская и даже мастерская и дом учителей. Но голод ужасный! Сестренка моя все спала и спала. Мама говорила и плакала - умрет от голода. Спасла нас весной 1932 г. посылка-багаж от сестры отца из Сибири - 100 кг пшена и сухарей. Варили суп из крапивы уже с пшеном и по сухарю вдобавок к кубичку хлеба. Были посылки и из села Каменки. Все, кто выжил на этом «зеленом-земляном» поселке, благодаря этим посылкам. Помню сбор мороженой картошки весной. Рядом было поле Травянского колхоза. Оладьи из этой картошки прямо пекли на плите без сковородки. Вкуснее ничего не было, только селедка, наешься и пьешь водичку.

Начались болезни, особенно тиф. Был даже барак тифозный. Люди ходили либо опухшие, либо истощенные, худые. Многие умирали. Помню очень хорошо разговор мамы с соседками:

«Сегодня вывезли 14 гробов». Особенно гибли мальши. Хоронили в Каменске на горе, около церкви, кажется «Покровская». Но строился завод, строилось новое жилье, домики на 4 семьи, по 2 с каждой стороны. В березовом лесу, в сторону деревни Мазуля.

С лета 1933 г. я начала работать, мы, подростки, работали с мая до 1 октября за хлебную карточку да за обед на работе: кусок хлеба, перловый суп, перловая каша. Я не помню, получала ли я деньги. Наверное, платили.

Какую работу мы, подростки, выполняли. Домики на новом месте строили из саманных блоков. В глину и песок подмешивали хвою.

Т.И. Славко. Кулацкая ссылка на Урале 1930-1936. М., 1995.

РАЗДЕЛ III

ГОНЕНИЯ НА ПРАВОСЛАВНУЮ ЦЕРКОВЬ

ВВЕДЕНИЕ

Религия - опиум для народа, так писал Карл Маркс. Большевики-коммунисты и их вожди Ленин, Сталин, Хрущев в своей фанатичной ненависти к Богу, существование которого они отрицали и отрицают, с первых дней захвата власти в России в 1917 г. начали тотальную борьбу с верой в Бога. В своем бешенстве, иначе их поступки назвать нельзя, они уничтожали все, что напоминало о Боге: храмы, духовенство, просто верующих людей, иконы, религиозные книги и даже мощи святых. Гонения на Церковь продолжались вплоть до 1991 г., принимая различные формы и с различной интенсивностью. Методы этой борьбы можно разделить на три категории: во-первых, физическое уничтожение людей и храмов, во-вторых, компрометация религии и внесение раскола в среду верующих, антирелигиозное воспитание детей и третье — использование Церкви в своих внутренних и внешних политических интересах.

Этим гонениям подвергались не только Православная Церковь, но и другие христианские конфессии, а также последователи буддизма, иудаизма и ислама. В данном исследовании мы рассматриваем только гонения на Православную Церковь, к которой принадлежало большинство населения. Положение верующих других религий в СССР требует особого исследования.

Главная часть приводимого здесь материала взята нами из книги Владимира Степанова (Русака) «Свидетельство обвинения. Церковь и государство в Советском Союзе», Нью-Йорк, 1987.

Протоиерей отец Владимир происходит из крестьянской семьи, окончил Московскую Духовную Академию и долгое время работал в редакции журнала «Московская Патриархия». За неофициальную работу над книгой его уволили со службы в 1980 г. и отправили в Витебск. Там он обратил на себя внимание верующих и властей своими проповедями о мучениках за веру в СССР. Несколько позднее он написал открытое письмо делегатам 6-ой Генеральной Ассамблеи Всемирного Совета Церквей в Ванкувере. В письме он рассказал об истинном положении церкви в СССР. За его деятельность отцу Владимиру было запрещено совершать богослужения в церкви, а через год предъявлено обвинение по статье 70-ой.

В 1986 г. он был приговорен к семи годам тюремного заключения. Отец Владимир был освобожден досрочно во времена горбачевской либерализации.

ГЛАВА ПЕРВАЯ
В. РУСАКРЕВОЛЮЦИЯ И ЦЕРКОВЬ¹

Всякая революция — антиклерикальна. Это заложено в самой ее природе, в тех, кто ее совершает, — людях корыстных, кровожадных, озлобленных, людях нецерковных, и видящих в Церкви лишь «организацию», которая лишает их «львиной» доли материальных ценностей.

Если мы обратимся к документам той же «классической» французской революции, то увидим, что нетерпимость к религии, ненависть к религии там достигла чрезвычайно высокого уровня.

«Надо уничтожить монахов, иезуитов и попов... нужно вырвать из их рук наших детей и женщин, которых они воспитывают в невежестве и в ненависти к социальной республике», — говорится в одном документе.

Порой выдвигались самые животные предложения, вроде того, что хорошо бы запереть всех попов в соборе Парижской Богоматери и взорвать его.

В одном из революционных клубов Парижа обсуждали вопрос «о пагубном влиянии религии и о средствах к ее уничтожению» (заметьте, не борьбы даже, а к уничтожению). Собравшиеся признали необходимым упразднение всех культов и аплодировали одной гражданке, заявившей, что она собственноручно «прикончит свою дочь, если заметит, что та ходит в церковь».

Три тысячи парижских революционеров, собравшись 10 марта в клубе Революции, приняли резолюцию, в которой требовали «упразднения культов и немедленного ареста попов, как сообщников монархистов, виновников войны (1870-1871 гг. между Францией и Германией — В.С.), и продажи их имущества».

Необходимо отметить, что все эти речи, против попов и религии, произносились в храмах. Дело в том, что многие из них, после ареста священников и прекращения богослужения, были превращены в постоянные помещения для клубов.

Наряду с этим был взят под клуб и целый ряд еще функционировавших церквей. Взламывали склепы, вытаскивали из них трупы, оскорбляли образ Христа, как будто не священные пристанища мертвых, как будто Сын

¹ Владимир Степанов (Русак). Свидетельство обвинения. Церковь и государство в Советском Союзе. Нью-Йорк, 1987.

Марии был покровителем лишь вельмож, а не убогих и малых сих.

Пожалуй, наиболее «гуманной» была революция кубинская. Здесь, если верить Ф. Кастро, твердо придерживались принципа, предусматривающего уважение к религиозным верованиям каждого гражданина и к исполнению им обрядов. Революция не захватывала церквей, не закрывала их, не препятствовала деятельности ни одного священника. Но при этом необходимо иметь в виду, что сама природа кубинской революции глубоко отличалась от Октябрьской, а с другой стороны кубинцы имели перед глазами печальный опыт предшествовавших ей по времени европейских революций и в первую очередь той же Октябрьской. На чужих ошибках умные люди учатся.

Русские революционеры, в большей мере чем другие, коснулись вопросов, в которых они были менее всего компетентны. В первую очередь — церковных. Просто так вот, взяли «душу народа», русского народа, детей святого Владимира, его веру, умирать за которую во все времена считалось величайшим благом, и выбросили ее на улицу, с легким сердцем заплевали, загадили, растоптали.

Опыт Французской революции с закрытием храмов, расстрелом священнослужителей, лишением Церкви элементарных жизненных прав, всевозможным ущемлением и прямым уничтожением почти с точностью был повторен у нас в России.

ГЛАВА ВТОРАЯ
В. РУСАКДЕКРЕТ. ОБЩЕЕ²

Юридическим документом, положившим начало планомерного, сознательного, ломового «крестового» похода большевиков против Церкви, явился декрет об отделении Церкви от государства.

В первые дни Октябрьской революции еще не до Церкви было. Только в январе 1918 г. появляется декрет — декрет об отделении Церкви от государства и школы от Церкви, получивший название декрета «О свободе совести». В его выработке лично участвовал В.И. Ленин, принят он был СНК 20 января, впервые опубликован в «Известиях ВЦИК» 23 января.

Сотни раз с тех пор пережевывался он в популярной литературе, но насколько обширна эта литература, рассматривающая декрет с точки зрения его смысла (имеем в виду изданную в нашей стране), настолько запутанней стал вопрос о значении его в церковной жизни, для церковных людей.

Среди множества лестных, а точнее — льстивых характеристик его в атеистической (да и церковной) литературе уже теряется истинное его безобразное лицо, прикрытое дырявой маской декора. Популярные толкования декрета пропагандистами-атеистами до того захлестили общественное сознание, что требуется долгий и кропотливый труд для реставрации истинного представления об этом юридическом документе.

Для верующего человека тема эта по-прежнему остается актуальной. Что представляет собой декрет об отделении Церкви от государства с позиции православного церковного сознания в целом и сознания отдельного человека? В чем действительный его смысл, и насколько демократичен он в глазах непредубежденного рассудка? — Эти вопросы должны быть решаемы вновь и вновь в ответ на попытки атеистов исказить историческую правду.

Ослепленные материальной несправедливостью, господствовавшей в русском обществе того времени, движимые единственно алчными мотивами заполучить и себе кое-что из имевшихся в руках имущего класса благ, с сознанием, не поднявшимся выше утилитарно-бытовых запросов, лишённые всякого представления о творчестве, духовности и религиозности, революционеры и в Церкви видели только экономическую общественную единицу, обладавшую значительными земельными угодьями, громадными

² Владимир Степанов (Русак). Свидетельство обвинения. Церковь и государство в Советском Союзе. Нью-Йорк, 1987.

материальными ценностями и пр.

Такое одностороннее представление о Церкви и определило ту жестоко насильственную «церковную» политику революционного правительства по отношению к Церкви со всеми вытекающими отсюда кровавыми последствиями.

Начало ей положено было декретом об отделении Церкви от государства, который в области применения на практике вылился в чудовищные формы, который так неузнаваем стал в сфере реализации, что совершенно потерял и те немногие положительные характеристики, которыми он обладал на стадии законопроекта.

Этим декретом Церковь, которая вскормила русское государство, спасала его в тяжелые минуты и представляет для народа источник духовной жизни и основу его моральных убеждений, оказывалась лишенной своего непреходящего значения. Церковь была низведена на уровень ниже обыкновенного частного общества, вроде спортивного или кооперации. У Церкви были отняты права, свойственные даже этим частным обществам.

«Декрет о свободе совести, — писал в “Церковных ведомостях” проф. А. Сагарда — является началом законодательного и планомерного похода против Церкви. В стране, покрытой на трудовую копейку тысячами православных храмов, монастырей, часовен, в стране, многомиллионный народ которой призывает благословение Церкви на брак, рождение детей, обращается к ней за молитвой во все дни своей жизни и напутствием в последний земной путь, — провозглашается отделение Церкви от государства, и, последнее, как грезится оно совету народных комиссаров, под непрерывную стрельбу пулеметов, стоны убиваемых, дикий разгул пьяных орд, носит безусловный атеистический характер».

Произвол, ненависть к Церкви и к религии вообще были положены в основу всего декрета о «свободе совести», и целью своею он имел не обеспечить свободу совести, но подвергнуть Церковь оплеваниям со стороны тех, кому совесть позволит это сделать.

Каждым постановлением декрета у Церкви подрубалась жизненная база ее существования, отсекалась живительная артерия, во все времена соединявшая ее с русским народом.

В декрете нет ничего специально большевистского. Загляните в программу любой партии, кроме черносотенных, и вы везде найдете требование отделения Церкви от государства. У эсеров, меньшевиков, народных социалистов, кадетов.

Казалось бы, всем оставалось только радоваться и благодарить большевиков за выполнение этой программы. Однако никто не радовался.

«За кого же образованные специалисты вступятся? — Спрашивает автор одной заметки в “Красной газете”. — За черных попов или за красных большевиков».

Прочтя тьму газет, автор приходит к выводу, что за большевиков почти никто не вступился. Все тайно или явно сочувствовали Церкви.

Были в декрете 23 января даже такие положения, которые вообще не стояли в неразрывной связи с его основными началами. Это такие пункты, как запрещение церковным религиозным обществам владеть собственностью, лишение их прав юридического лица и национализация всего церковного имущества.

Этих ограничений не знает ни одно соответствующее законодательство европейских государств. Не знает его даже самый радикальный закон об отделении Церкви от государства — французский 1905 г. Французский закон только ограничивал право церковных учреждений накапливать капиталы, но самого права владеть имуществом их не лишал, равно как не лишал и других прав юридического лица.

Не вытекают отмеченные ограничения большевистского декрета и из того принципа, что религия есть частное дело граждан. Частные общества ведь имеют право юридического лица, владеют собственностью.

Весьма существенным, между прочим, было и то обстоятельство, что в декрете не устанавливалось никакого переходного периода между старым и новым способом существования Церкви.

Закон об отделении Церкви от государства во Франции, например, назначал пенсии всем духовным лицам, получавшим раньше жалование из казны. Тот же закон, передавая государству жилые церковные здания, предоставлял пятилетний срок бесплатного пользования ими старым владельцам.

У нас же распоряжением власти от 20 января предписывалось немедленное прекращение государственных ассигнований в пользу Церкви с выдачей содержания священнослужителям всего лишь за один месяц вперед.

Декрет не делал никаких указаний и о порядке осуществления нового закона.

В распоряжении Церкви было, таким образом, очень мало времени на реорганизацию своей материальной основы на новых началах, да очень мало было и самих возможностей стать на собственные ноги в материальном отношении, не имея даже права на владение имуществом.

Декрет был составлен в форме слишком общей и оставлял открытыми многие существенные вопросы. Упразднилась, например, церковная метрикация в ее прежнем значении. Но означало ли это, что она

упразднялась и в чисто церковном смысле?

Запрещалось обучение религии в школах. Но на каких основаниях могло существовать специальное богословское образование, если принять в соображение факт изъятия из ведения Церкви всех ее бывших школ, в том числе и специальных?

Церковные общества лишались права владения собственностью.

Но могли же они иметь какое-либо имущество, какие-либо средства на нужды культа? А если могли, то в какой форме?

Богослужebные здания и предметы отдавались условно в пользование верующих. Но на каких именно основаниях и в каком порядке? Декрет не входил в эти частности. Практически же они были весьма важны, и, пока не последовало их выяснения, положение церкви оставалось неопределенным и трагичным

Уже давно было подмечено, что декрет о свободе совести, как и большинство первых большевистских декретов, опубликованных советским правительством, почти не поддается оценке с юридической точки зрения. Это — документ чисто декларативный, напоминающий программу-максимум подпольной партии. Полная отвлеченность, поразительная убогость законодательной техники, соединенная с совершенным незнанием той среды, той категории населения, для которой новый декрет должен был иметь реальное значение.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
В. РУСАКОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ДЕКРЕТА³

О подготовке декрета об отделении Церкви от государства стало известно почти за месяц до его опубликования. Проект декрета был напечатан в газетах в последних числах декабря 1917 г.

И осуществление его, как известно, началось еще до издания его и вылилось в приемы и тактику, которые имеют так же мало общего со свободой совести и отделенностью Церкви от государства, как аресты инакомыслящих со свободой личности в условиях торжествующего социализма.

Уже в начале января 1918 г. в Петрограде, например, были предприняты некоторые правительственные действия, далеко предвосхищавшие будущий закон. Так, в связи с общим постановлением о типографиях, была изъята из распоряжения церковной власти и занята большевиками синодальная типография. Стали закрывать придворные и домовые церкви. 13 января комиссар отдал приказ о реквизиции помещений Александро-Невской Лавры.

Православный народ, как писал один западный историк, инстинктивно почувствовал, что кроется за этим декретом. Он почувствовал, что речь идет о самом неприкрытом произволе большевиков по отношению к Церкви, что святости русского человека одним росчерком пера объявляются каким-то туманным «достоинством русского народа», на самом же деле — безбожных большевиков.

Если декрет будет приведен в исполнение, не напрасно опасались члены Церковного Собора 1917-1918 гг., то большевики станут отнимать храмы, снимать ризы с икон, священные сосуды перельют на деньги, прекратится совершение таинств, умерших будут погребать без отпевания, и от «Руси Святой» останется «Русь поганая».

В действительности вскоре именно так и было.

VIII Отдел Наркомюста по проведению в жизнь декрета об отделении Церкви от государства назывался ликвидационным. Руководил этим отделом известный ярый антицерковник П.А. Красиков. Только 24 августа 1918 г. НКЮ утвердил инструкцию о порядке осуществления декрета, а до этого он «успешно» осуществлялся в практике большевистской работы на

³ Владимир Степанов (Русак). Свидетельство обвинения. Церковь и государство в Советском Союзе. Нью-Йорк, 1987.

основе произвола чистой воды.

«Новая жизнь» справедливо ставила вопрос: «Что они (большевики — В.С.) сделали для идейной подготовки в народных массах своих церковных реформ?» — Ровным счетом ничего. Сочувствия большевикам в их церковной политике, не было, поэтому «декрет... об отделении проводился... в крайне неблагоприятных условиях».

Митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин (Казанский) 23 января 1918 г. в своем письме в Совнарком предупреждал, что осуществление декрета вызовет серьезные стихийные волнения верующих.

Случилось даже хуже. Провинциальная хроника изобиловала сообщениями о кровавых эксцессах, вызванных осуществлением декрета.

Положение осложнялось тем, что ни в одной губернии не было компетентных лиц, которые могли бы правильно понять и толково руководить осуществлением декрета.

Вологодский губисполком, например, в июне 1918 г. совершенно откровенно сообщал в Наркомюст, что в губернии до сих пор нет специальных учреждений, ведающих отделением Церкви от государства, в силу чего «является крайняя необходимость в немедленной присылке из центра соответствующих инструкций и компетентных лиц по означенному вопросу».

Исполком Западной области также уведомлял в это время Наркомюст, что и там нет учреждения, которое проводило бы в жизнь декрет от 20 января. Единственная причина тому — «отсутствие компетентных лиц».

С такими же письмами весной и летом 1918 г. в Наркомюст обращались Воронежский, Витебский, Рязанский, Пензенский и другие губисполкомы.

С жалобой в центр по поводу отсутствия «специалистов по религиозному вопросу» многие губернские и уездные исполкомы обращались даже в 1919 году, т. е. более чем год спустя после выхода декрета.

Отсутствие единой инструкции о проведении в жизнь декрета от 20 января и отсутствие мало-мальски подготовленных (в юридическом смысле) кадров создавало в это время самые благоприятные условия для широчайшей административной самодеятельности на местах. Причем, эта самодеятельность развивалась, как правило, под явным влиянием крайних антицерковных сил.

«Неумелый и раздражающий население способ проведения частью провинциальных работников церковного декрета в жизнь, — признавал советский журнальный официоз, — явился одной из двух причин эксцессов».

Самая левая, но не советская, газета «Новая жизнь» М. Горького напечатала в эти дни статью «Отбой», в которой рядом аргументов доказывалось, что декрет беспочвен и преждевремен, и что его авторам придется отступить перед неблагоприятными условиями русской действительности.

Но большевики не были бы большевиками, если бы отступили от своих планов. Особенно, когда власть и армия были в их руках. Они не отступили, несмотря на то, что народ был явно недоволен таким «церковным» законодательством.

Народ явно протестовал. Многие хотели оставить в силе прежние традиции совершения молебнов на рынках и базарных площадях, многие желали видеть иконы в публичных местах, как например, в столовых, буфетах, магазинах и т. д., но верный принятому «истинно демократическому» закону и порядку V Отдел НКЮ категорически запретил такое явление.

Не принимались во внимание никакие заявления и просьбы. Можно подумать, что это не был голос народа, во имя которого и именем которого советская власть творила свое беззаконие.

Сочувствия большевикам вообще не было. Протест против советской «церковной» политики был почти всеобщим. Декрет об отделении Церкви от государства осуществлялся в жизни огнем и мечем.

Голос протеста против насилия со стороны государства над церковью встречал воодушевление и сочувствие в самой широкой верующей среде. Мужество Патриарха Тихона передавалось православным, которые по одному его знаку могли идти на смерть.

Кстати, первое, с чем столкнулись большевики при осуществлении декрета, это — сильная церковная активность Патриарха и членов Собора Российской Церкви 1917-1918 гг. Ни одно известное поползновение большевиков не оставалось без внимания Собора и открытого, смелого церковного обличения.

Сопrotивление поползновению большевиков на интересы и достояние Церкви было совершенно очевидно и реально ощутимо. И не только в таких выразительных явлениях, как крестные ходы и братства защиты церковных святынь.

Можно было наблюдать другие, бесчисленные менее масштабные проявления протеста против политики большевиков и тем самым — симпатии и солидарности Церкви.

Газеты писали о ряде столкновений, иногда кровавых, к которым приводили попытки осуществить новый декрет в провинции.

Газетные телеграммы в это время сообщали о подъеме религиозного чувства среди православного населения в виду обрушившегося на Церковь гонения.

Не надо быть антисоветчиком, достаточно быть лишь объективным историком или просто непредубежденным свидетелем, чтобы заявить о почти физическом уничтожении Церкви в первые годы советской власти.

В соответствующем месте приведем и факты на этот счет, а пока ограничимся общими замечаниями, что Декрет об отделении Церкви от государства и школы от Церкви находил свое выражение в жизни в совершенно жутких, иногда не человеческих формах.

Эти факты из политики воплощения в жизнь принципа отделения Церкви от государства, если их собрать, дают примерную картину, характерную, кстати, для всех сторон государственной жизни первых лет советской истории.

Вину за все правовые эксцессы, происшедшие на почве осуществления декрета, советская власть, ничтоже сумняшеся, возложила на Церковь и «контрреволюционное Духовенство».

По меньшей мере, несерьезно все промахи и недочеты в деле отделения Церкви от государства валить исключительно на «агитацию церковников».

И вот, рождается некое подобие самокритичности. «Мы должны быть менее всего одержимы болезнью самовлюбления и причины маленьких недостатков механизма (разрядка наша — В.С.) в данном отношении поискать и в собственной среде...» Сам способ проведения в жизнь церковного декрета провинциальными работниками на местах, был нецелесообразный, непродуктивный, непоследовательный, без всякой нужды раздражавший население и затрагивавший его религиозные чувства.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
В. РУСАККРОВАВЫЙ ПУТЬ⁴*Убийства*

«Ни один священник, епископ и т. д. не был и никогда не будет арестован только за то, что он — духовное лицо» — бесстыдно заверяли большевики русскую и международную общественность в 1918 г. Так же утверждают коммунисты и сегодня. Но человек, мало-мальски знакомый с действительным положением вещей, воспринимает это елейное заявление, как печальную иронию и издевательскую насмешку.

Да, действительно, в первое послереволюционное время в тюрьмах томилось не так уже много церковных людей, потому что священнослужителей чаще всего не арестовывали, а расстреливали.

Религиозные объединения, по представлению большевиков того времени, — это единственные легальные организации, впитавшие в себя все враждебные им элементы.

Мир религии они с самого начала воспринимали как один из главных противников на пути достижения своих целей. И потому они с тем большей бескомпромиссностью взялись за разрушение всего, что связано с религией.

«Очень большую и активную роль в этом сборище всех антисоветских вражеских организаций, возглавляемом международным фашизмом, — писал один советский автор даже спустя 20 лет, — играли и играют духовенство, церковники всех мастей — попы, монахи, муллы, раввины и сектантские вожаки. Смертельно ненавидя советскую власть..., религиозные мракобесы стали на путь создания контрреволюционных организаций для борьбы против советской власти... Духовенство раскинуло по всему Союзу целую сеть контрреволюционных шпионских гнезд». Такое отношение государства к религии и Церкви давало государству основу для неограниченных репрессивных мер против всего церковного.

В стране «победивших рабочих и крестьян» религии была объявлена война, участие в которой должны были принять все «сознательные пролетарии нашей страны».

И большевики принялись бороться с религией «по-настоящему».

«... В те дни строительства и битв,

⁴ Владимир Степанов (Русак). Свидетельство обвинения. Церковь и государство в Советском Союзе. Нью-Йорк, 1987.

Вопросы все решая просто,
Мы отрицали старый быт
С категоричностью подростков...»

— писал впоследствии Ярослав Смеляков в поэме «Строгая любовь».

Матрос Кранов из Калуги в те дни приезжал в редакцию журнала «Революция и Церковь» с письмом (стихи), в котором вообще предлагал просто-напросто «упразднить религию» (довольно явственный рецидив французской революции).

Монархия, религия, Церковь и все тому подобное, — это была эпоха, «ушедшая на свалку истории», как выражались в среде большевиков. «Эксплуататоры (к которым во всех случаях относили и Церковь — В.С.) разбиты, но не уничтожены», — писал Ленин, явно призывая к их уничтожению. Советы очень скоро пришли к выводу, что с «религией нельзя бороться только декретами».

«Мы разбили и уничтожили в октябре всю старую государственную машину, — писал в это время организатор всей антирелигиозной кампании С.П. Красиков, — мы уничтожили старую армию, старые суды, школы, административные и другие учреждения и создали и создаем свои, новые. Этот процесс трудный... мы делаем ошибки... Однако оказывается, что сломав всю старую машину классового угнетения тружеников, всю эту помещичью жандармерию и т. д., мы Церковь, которая составляет часть этой старой государственной эксплуататорской машины, не уничтожили (разрядка наша — В.С.). Мы лишь лишили ее государственного содержания... лишили ее государственной власти. Но все же этот обломок старой государственной помещичье-капиталистической машины сохранился, существуют эти десятки тысяч священников, монахов, митрополитов, архиереев. Почему же с такой незаслуженной ею осторожностью отнеслась советская власть к этому обломку старой машины?»

Принялись крушить этот обломок.

Пещерная ненависть к религии родила у большевиков жуткий психологический рецидив первых веков христианства: «Ко львам христиан», «верующих к стенке».

Некрасовские слова — «дело прочно, когда под ним струится кровь» — сказанные в совершенно другом смысловом контексте, большевики подсознательно восприняли и осуществили в своей «церковной» политике.

В дни работы Поместного Собора сведения о чрезвычайных происшествиях в связи с осуществлением декрета об отделении Церкви от государства на практике получали и рассматривали на самом высоком

уровне. Но в материалах Собора сохранилось не так и много случаев ареста клириков и епископов. Зато в сведениях об убийстве священнослужителей недостатка не было.

В дни революции в Севастополе был убит священник Чефранов. Его вывели из храма, и тут же, на паперти расстреляли. Тело священника не было найдено. Вероятно, его выбросили в море.

Уже в первые месяцы после революция в Царском Селе в Петрограде убит протоиерей Иоанн Кочуров. Соборный Совет по этому случаю постановил особой грамотой известить православное население о подвиге о. Иоанна и других, «во дни междоусобицы претерпевших мученическую смерть».

3 ноября расстрелян священник в г. Вытегра.

11 декабря 1917 г., как сообщали «Курские Епархиальные ведомости», в Белогорской мужской пустыни был убит иеромонах Серафим.

Начало 1918 г. Никогда еще, как писали «Церковные ведомости», первые дни нового года не проходили в Петрограде в таком подавленном состоянии, как в этом году. Ожидали созыва Учредительного собрания. Но тревожно себя чувствовали как те, кто смотрел на него, как на своего личного врага, который явился для того, чтобы передать в нежелательные руки власть в стране, так и те, кто видел в нем единственную надежду на спасение России.

Все одинаково чувствовали, что 5 января и в последующие дни около Учредительного Собрания произойдет нечто роковое и страшное. Это предчувствие большевики не обманули.

В день открытия Собрания обильно пролилась кровь народа. Массовые демонстрации, направившиеся со всех концов города к Таврическому дворцу приветствовать этот форум народных представителей (именно! как ни неприятно кому-нибудь это признать), были встречены красногвардейцами стрельбой из ружей и пулеметов.

Стрельба по безоружным толпам народа, в составе которых было много рабочих и солдат, производилась отчасти с крыши зданий, точно так, как это делали в свое время приспешники Протопопова в дни февральской революция.

Чтобы смягчить впечатление от расстрелов мирных безоружных людей, Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов вынес постановление о позоре самосудов, а военная власть издала постановление, запрещающее употреблять оружие против мирных демонстраций. Людям от этого не легче.

9 января огромные демонстрация во время похорон жертв расстрела

5 января, в которых участвовали рабочие многих фабрик в полном составе, отдали последний долг погибшим от кровавых рук красногвардейцев и матросов.

В Александро-Невской Лавре 19 января 1918 г. красногвардейцами был убит священник Петр Скипетров. Кончина о. Петра — это лишь одно из печальнейших событий, происшедших в эти дни в столичной Лавре. На Смоленском кладбище лежат 40 священников, закопанных живьем.

В Москве тоже не обошлось без пролития народной крови. Во время одной из манифестаций вооруженные пулеметами и броневыми автомобилями красногвардейцы и солдаты открыли беспорядочный огонь по направлению к Иверским воротам. Публика в паническом ужасе бросилась бежать в разные стороны, многие ложились на землю, а другие бежали по их телам. Стрельба перекинулась на соседние кварталы. Красногвардейцы стреляли в народ, по окнам домов, особенно гостиниц. Пострадало несколько сот человек, убито свыше 30 человек.

«Голос духовенства и мирян Черниговской епархии» отмечал, что сведения о диких грабежах и насилиях поступали из самых различных мест епархии. В начале января три грабителя ворвались в дом священника с. Янжуловки, Новозыбковского уезда, отца Неаронова. Требуя денег, грабители изрубили священника саблями до полусмерти, отрубили руку матушке, а ребенка на глазах родителей закололи штыками. Один из грабителей был схвачен местными крестьянами и предан смерти. Другие грабители скрылись.

Протоиерей П.И. Сербиков, член Собора, на пленарном заседании 22 января 1918 г., когда возвратившиеся с мест после длительного перерыва в работе Собора делегаты делились страшными впечатлениями с мест, отмечал мужество Таврического архиепископа Димитрия, который перед лицом смертельной опасности отпел отца Михаила Чефранова, убитого матросами только за то, что он напутствовал Святыми Тайнами приговоренного к смерти. Архиепископ Димитрий распорядился записать имя отца Михаила Чефранова в помянники каждого храма епархии на вечное поминовение.

Протоиерей П.И. Сербиков в своем выступлении на заседании Собора в этот день подробно рассказывал о том, как в январе, после захвата Симферополя, большевики издевались над духовенством, грабили храмы... На митингах распространяли слух, что в предательстве России виноваты попы, и что всех их надо немедленно расстрелять.

Была распространена так же провокационная ложь, будто бы на городском соборе установлен пулемет, и что следует немедленно арестовать

все духовенство.

В ближайшее воскресенье в соборе людей было мало, все были предельно напуганы, но архиепископ Димитрий пришел в собор и совершил литургию. В конце службы он обратился к народу с речью:

— Говорят, что на колокольне установлен пулемет. Кто желает — посмотрите, правда ли это?

Некоторые из находившихся в храме отправились туда, и сообщили, что никакого пулемета там нет. Тем не менее, началась бомбардировка собора, была повреждена колокольня.

Протоиерея Назаретского арестовали и хотели расстрелять. Духовенство попряталось, ключ от собора остался у архиепископа Димитрия. Он отправился в революционный штаб и потребовал расследования, но председатель нагло сказал:

— Я сам видел пулемет.

Красногвардейские патрули разбрелись по окрестности, сея вокруг себя насилие и мерзость.

В двадцати верстах от Симферополя солдаты ворвались в храм, издевательски спросили у настоятеля, почему на лампаде лента зеленая, а не красная, вывели о. Иоанна Угрянского на церковный двор и расстреляли.

В воскресенье 14 января у архиепископа Димитрия производили обыск. Все взламывалось и вспарывалось. В архиерейскую церковь вошли с папиросами в зубах, в шапках, штыком прокололи жертвенник и престол. Были захвачены семинария и духовное училище.

В духовном училище красногвардейцы схватили и хотели расстрелять помощника смотрителя прот. Бессонова, вошли в храм, пробыли там около четверти часа, взломали жертвенник и шкаф в ризнице.

Епархиальный свечной завод был разгромлен, вино выпито и вылито. Всего убытку причинено более чем на миллион рублей.

Все это лишь штрихи к событиям в Крыму... Несчастливая Ялта разделила ужасы, которые витали над всей Россией. Ненависть к духовенству граничила с животной злобой.

— Когда я, — говорил прот. Сербиков, — был в вагоне, один солдат сказал: «А, поп! — следовало бы его взять на мушку!»

Вообще, на юге во всех городах, занятых большевиками, кровь лилась рекой.

26 января (по другим источникам — в ночь на 25 и даже на 24) недалеко от Киево-Печерской Лавры был зверски убит митрополит Киевский и Галицкий Владимир (Богоявленский). Со слезами на глазах рассказывал на Соборе митрополит Херсонский Платон, который ездил в это время на

Украинский собор в Киев, о последних минутах священномученика.

По глубокому убеждению митрополита Платона, истинными виновниками смерти святителя Владимира являлись не непосредственные убийцы, а лица, стоявшие за ними.

Вскоре действительно были получены из Киева из достоверного источника дополнительные сведения о мученической кончине митрополита Владимира.

В Лавру, занятую перед тем войсками (Лавра находилась в районе крепости, поэтому лаврское начальство было бессильно не допустить этого), проникли большевистские отряды. Вскоре неизвестные люди направились в покои митрополита, произвели обыск и отобрали 100 рублей денег (все, что было у него). Затем повели Владыку на допрос к коменданту, но очевидно по дороге решили с ним покончить и привели этот безумный умысел в исполнение. Тело мученика святителя найдено было раздетым на другой день: две смертельные пулевые раны и три раны штыком.

Прот. Иоанн Восторгов писал по этому поводу: «Народ наш совершил грех..., а грех требует искупления и покаяния, а для искупления прегрешений народа, для побуждения его к покаяния, всегда требуется жертва, а в жертву всегда избирается лучший, а не худший. Вот где тайна мученичества старца-митрополита».

Некоторые пытались представить этот случай весьма «дипломатично». С одной стороны признавалось, что он явился результатом злоупотреблений революционной властью, а с другой подчеркивалось, что этот факт не стоит ни в какой связи с «церковной» политикой октябрьской революции, а представляет роковой инцидент переходного момента, пережитого Киевом, в связи с занятием его советскими войсками.

Да мол, было несколько временных арестов архиереев и в Москве, и в провинции, не оправданных потом при разборе дела... Бывали мол, случаи ненужного издевательства над арестованными, как, например, над донским епископом Митрофаном (об этом еще будет речь). Однако дело было в переходный момент, виновниками грубого отношения были темные красноармейцы. Но это оправдание только для наивных.

А вот еще потрясающая душу картина. В квартиру протоиерея г. Елабуги Павла Александровича Дернова ворвались ночью 15 человек красногвардейцев и увели трех его сыновей. Через несколько минут увели и отца. В квартире произвели обыск, никого из оставшихся близких идти за арестованными не допустили. Обыск сопровождали издевательством и грабежом.

На рассвете стало известно о судьбе трех юношей-сыновей: они сидели

под арестом в Исполнительном комитете, а отца Павла не могли разыскать. Но вскоре родственникам сообщили, что за городом у мельницы лежит труп убитого священника. Матушка поехала туда, а навстречу ей уже везли на розвальнях убитого о. Павла. Его не отдали матушке, а повезли в морг. Немало хлопот было, чтобы получить труп.

Оказалось, что о. Павел был расстрелян еще в 5 часов утра, труп хотели бросить в прорубь, но увидевшие это крестьяне не позволили красноармейцам надругаться над телом священномученика.

Лишь в 4 часа вечера привезли тело в квартиру почившего. Родные поехали в революционный штаб и умоляли отпустить арестованных детей к убитому отцу. Там распорядились:

«Напишите заявление, чтобы следствие над арестованными произвели вне очереди».

В 7 часов вечера обещали рассмотреть его. Но присутствовавший при этом матрос заявил:

— Никаких привилегий, разбирать по очереди.

Когда арестованные дети узнали, что их отец убит, то один из них не выдержал и назвал красногвардейцев «душегубами». Этого было достаточно, чтобы всех их вывели за город, на пристань, и расстреляли.

«Представьте себе, — пишет автор корреспонденции об этом, — яснее представьте себе эти живые картины нашей ужасной действительности, когда в доме достойного священнослужителя из доброй духовной семьи, известной во всем крае, лежат четыре трупа невинных жертв, лежат долго без гробов. Представьте эту, сначала оцепеневшую от горя и ужаса, не в силах пролить смягчающих душу слез, а потом огласившую стонами и рыданиями весь дом, жену-мать, и поставьте перед собой вопрос: не вопиет ли эта кровь убиенных и эти рыдания оставшихся сирот к небу, и не звучат ли нам, еще живым, укором?»

6 марта 1918 г. в слободе Ново-Астрахань Старобельского уезда расстрелян священник Курчий.

В Калининской (Тверской) епархии в начале апреля на волостном сходе взволнованные прихожане с. Гнездова стали упрекать красногвардейцев в том, что они незаконно захватывают имущество церквей. Наиболее активно выступали Петр Жуков и Прохор Михайлов. Красногвардейцы тут же, на сходе, арестовали около 30 человек, жестоко избили их и повели в уездный город Вышний Волочек. Дорогой 10 арестованных они замучили до смерти.

Расправа была ужасная. Еще в волостном комитете Петра Жукова так избили, по словам его жены, что вся голова его была в ранах, пальцы рук переломаны. На седьмой версте люди-звери разрезали ему скулы, вырезали

язык и... застрелили.

Не меньше мучений перенес и Прохор Михайлов, которого беспрерывно били два дня, по дороге в уездный город ему нанесли 8 штыковых ран и застрелили на 9 версте. С обоих убитых сняли обувь.

Тела этих исповедников были погребены торжественно в своем приходе 8 апреля. Правящий архиерей распорядился оповестить об этом ужасном преступлении красногвардейцев всю епархию и отслужить всенародные панихиды во всех церквях епархии.

В ночь под страстную седмицу, 20 апреля, страшное событие совершилось в г Костроме: был убит протоиерей Алексей Васильевич Андроников, настоятель Борисо-Глебской церкви, старейший из всего духовенства Костромской епархии, с момента своего посвящения 63 г. бессменно священнодействовавший в одном и том же храме. Отцу Алексею шел 87 год. Убийцы ворвались в спальню. Старец, как видно, услышал шум, поднялся с постели, но в этот момент ему нанесли смертельную рану в голову, кинжалом ударили в сердце... Событие страшное, ужас леденит сердце — слишком хорошо был известен о. Алексей в городе и далеко во всей округе. Услышав о страшном злодействе, взволновался весь город. В дом покойного для совершения панихиды прибыл архиепископ Алеутский и Северо-Американский Евдоким, а за владыкой тысячная толпа народа устремилась к дому о. Алексея отдать последний долг пастырю-мученику. Выражения чувств любви к покойному и негодования перед злодейством, казалось, не было границ. Все объединились в одном беспредельном чувстве скорби, — плач и рыдания у гроба не смолкали. На четвертый день Пасхи совершалось погребение. Тысячи народа явились почтить память мученика... По окончании отпевания процессия с прахом покойного, возглавляемая Владыкой Евдокимом, в сопровождении сонма костромского духовенства и тысяч народа, направилась к кафедральному собору, около которого совершена была литургия, затем обошла часть города в районе места жительства покойного, после чего прах его под напев пасхальных молитв был предан земле в ограде Борисо-Глебского храма, около алтаря летнего храма.

На 125 заседании Собора в апреле 1918 г. было оглашено донесение благочинного г. Переяславля об убийстве священника Митрополито-Петровской церкви Константина Снятиновского. Собор воспел этому мученику «Вечная память»...

Особенно масштабные размеры антицерковный террор принял после покушения Ф. Каплан на Ленина 30 августа 1918 г.

В уездном городе Солигаличе, по сообщению временно управляющего

Костромской епархией архиепископа Алеутского Евдокима, перед масленицей, якобы за контрреволюционную деятельность было расстреляно все местное духовенство — соборный протоиерей о. Иосиф Смирнов, в политической жизни вовсе не принимавший участия, священник Владимир Ильинский, 75-летний старец, больной монастырский диакон Иоанн Касторский, причт храма. Расстрелян так же смотритель духовного училища Перебаскин и еще 17 человек.

В Ростове-на-Дону был расстрелян священник Никольской церкви, открыто объявивший себя монархистом. Его красногвардейцы застали за совершением таинства брака, дали закончить богослужение, а затем вывели из храма и расстреляли.

Неизвестный (по имени) священник Ставропольской епархии расстрелян в облачении с крестом в руках.

«Утро России» сообщало о том, что в Пошехони (Ярославская губерния), в связи с осуществлением декрета, были расстреляны три человека и 56 арестовано. Арестованным угрожал революционный суд, который, как правило, заканчивался расстрелом, трое были казнены без суда.

«Братские речи» сообщали об убийстве священника в с. Ольшанки Тамбовской епархия о. Николая Касаткина. Преступники, конечно, скрылись, захватив предварительно все деньги, в том числе церковные и причтовые, какие были на руках у священника. В семействе убитого осталась жена с пятью малолетними.

Расстрелян (как черносотенец) епископ Тобольский и Сибирский Гермоген (Долганов).

Был расстрелян епископ Пермский и Соликамский Андроник (Никольский), ревнитель Православия, подвижник.

Кроме того, Собору в эти дни было достоверно известно (к сожалению, безымянно) об убийстве оголтелыми красногвардейцами священника Ставропольской епархии Волоцкого, еще одного священника этой же епархии, а также священника Елисаветской губернии Казанского.

Хотя основная волна озлобления, умело возбуждаемого в потерявших совесть «товарищах», была направлена против Православной Церкви, но задевала она и другие христианские исповедания. В «Новых ведомостях» за 5 февраля сообщалось о таком случае.

В воскресенье утром в Петрограде из Обуховской больницы по Введенскому каналу направлялась похоронная процессия католиков. Не успела процессия достигнуть Загородного проспекта, как какие-то неизвестные лица открыли стрельбу по сопровождавшему процессию

католическому священнику. В группе людей, следовавших за гробом, поднялась паника. Все в ужасе бросились врассыпную. Стрельба продолжалась 10 минут и прекратилась с появлением солдат Семеновского полка. Солдаты увидели труп ксендза, в руках у которого было зажато распятие. На снегу лежало четверо раненых.

Собор принял несколько предложений особой комиссии в связи с гонениями на Церковь, из которых первое определяло назначить особый день для соборной молитвы об убиенных за веру и Церковь. Таких очень много, но документальные данные к этому времени были получены лишь из семи епархий.

Молитвенные возношения на заупокойной литургии (совершенной самим Патриархом Тихоном 31 марта в храме Московской духовной семинарии в сослужении архиепископов: Симбирского Вениамина, Могилевского Константина, епископов: Астраханского Митрофана, Камчатского Нестора, 10-ти архимандритов и многих протоиереев) и на панихиде произносились в такой форме:

«О упокоении рабов Божиих, за веру и Церковь Православную, убиенных:

Митрополита
Протоиереев:

Владимира,
Иоанна,
Петра,
Иосифа,
Павла и чад его,
Гервасия,
Павла,
Петра,
Феодора,
Михаила,
Владимира,
Василия,
Константина,
Герасима,
Иоанна,
Антония,
Иоанна

Игумена
Иереев:

Иеромонаха
Диакона
Послушника
Раба Божия

и многих священного, иноческого и мирского чина, их же имена Ты, Господи, веси»

1918 г. — год, обильно политый кровью рядовых священнослужителей, епископов. Газеты того времени сообщали, что в различных местах при

расправах красногвардейцев над местным населением погибали мученической смертью служителя алтаря.

Настроение и отношение ко всему и всякому, что не входило в узкодогматический партийный круг большевиков, достаточно ярко выразил матрос Железняков на съезде Советов рабочих и солдатских депутатов (откр. 11 января 1918 г.). Он сказал, что большевики готовы расстрелять не только 10.000, но и миллион народа, чтобы сокрушать всякую оппозицию.

А будущий соратник Дзержинского чекист Рогов в своем дневнике того периода записал: «Одного не пойму: красная столица и церковный звон?! Почему мракобесы на свободе? На мой характер: попов расстрелять, церкви под клуб — и крышка религии!»

Характер у большевиков (особенно по отношению к Церкви) у всех одинаков.

Аресты

Насилие было отчаянным. Сопротивление — тоже. Под этой ширмой начались аресты епископов, священников и мирян.

Известно, что только в 1922 г. по инициативе Ленина была создана советская прокуратура. И лишь в 1923 г. — принят уголовный и уголовно-процессуальный кодекс.

До этого советское «правосудие» опиралось не на «закон», а на «революционное правосознание». Конец 1917 г., 1918 г. и половина 1919 г. — период «революционных судов», которые в большинстве случаев заканчивались вышкой. Термин «со всей строгостью революционного суда» означал расстрел.

Большевики, в данном случае, не были оригиналами. Они лишь с завидной последовательностью скопировали ситуацию французской революции, где главным орудием террора и являлся революционный суд. Он решал дела без лишних формальностей, приговаривая к смертной казни на гильотине часто на основании одних лишь подозрений.

Революционный суд периода французской революции приговаривал к смертной казни ежемесячно сотни и тысячи «подозрительных», уличенных в противодействии Конвенту.

Наиболее удачно, кажется, большевистский революционный суд (как, впрочем, и любой другой, революционный) характеризует одно слово — «самосуд». Вот этот самосуд и гулял по советской России до середины 1919 г. под штыком кого угодно: кто или был революционером действительным, или в корыстных целях прикрывался революционными фразами — красногвардейцев, солдат всех родов, матросов, уголовников...

В 1919 г. эти «самосуды» перешли в руки состоявших на месячном жаловании членов Чрезвычайных комиссий (Че-Ка, «Чрезвычайка»); «мировой пожар», «мировой оркестр» все заметнее начинали подчиняться коммунистическим пожарным и дирижерам; приобретение мира стало превращаться в организованное и директированное разрушение.

Тот, кого миновал расстрел, не мог избежать ареста. Любой бандит, имевший оружие и носивший красную ленту на картузе или в петлице, мог безнаказанно арестовать архиерея, священника, произвести обыск (все это без всяких ордеров и санкций), «социализировать» их ценности и вообще делать с ними все, что угодно.

Впрочем, это характерно и для последующих лет: и в МУРе, и в УГРО были всегда следователи, которым безразлично было, кого сажать, за что сажать, зачем сажать, — лишь бы сажать.

Итак, в 1918 г. «Псковская воля», орган социалистов-революционеров, сообщала об аресте в первый день Рождества Псковского епископа, Преосвященного Евсевия.

7 января 1918 г. в покои епископа Евсевия явился наряд военно-революционного комитета, предъявивший ордер на арест «того священника, который за Литургией в день Рождества Христова произнес погромную речь». В это время в гостиной архиерея присутствовали двое священников и псаломщик, только что возвратившиеся из церкви.

— Кто из вас говорил погромную речь? — обратились с вопросом солдаты.

— Проповедь в соборе говорил миссионер, — ответил епископ Евсевий.

— Где он? — осведомились солдаты.

— Здесь его нет.

— Ну, так где он живет? — Все отозвались незнанием.

— В таком случае мы арестуем вас, — обращаясь к архиерею, заявили прибывшие.

— Я же архиерей, а не миссионер, — пытался убеждать епископ Евсевий.

— Все равно...

— Да как все равно: у вас и ордера на мой арест не имеется.

— Ну, нечего дурака валять, — решительно заявили посланцы военно-революционного комитета.

Во время препирательства один из присутствовавших священников позвонил в главное управление милиции и сообщил, что в архиерейские покои явились солдаты, которые грубо обращаются с архиереем и т. п.

Священнику показался подозрительным предъявленный ордер, подписанный 6 января, а арест налагался за проповедь в Рождественскую литургию.

Из милиции был командирован наряд, который арестовал солдат. Но вместе с ними был арестован и епископ Евсевий. Его доставили в военно-революционный комитет для допроса.

«Томский церковно-общественный вестник» повествовал о событиях в Омске.

Со 2 февраля Омск жил в очень тревожной атмосфере. В связи с декретом об отделении Церкви от государства большевики предъявили местному епископу требование, чтобы все управление консистории, вместе со зданием, делами, инвентарем и имуществом он передал в их распоряжение. Потребовали так же, чтобы он очистил свои покои для размещения в них большевистских учреждений.

Народная молва пошла дальше. Прошел слух, что большевики хотят в одном из приделов кафедрального собора устроить лазарет, оставив только один придел для богослужений.

В этот день в новом соборе совершалась торжественная служба. Протоиерей о. А. Соловьев с большим подъемом и чувством сказал проповедь о гонениях на Церковь. Сам плакал, плакали прихожане, женщины разразились истерическими рыданиями. Какой-то солдат стал вслух защищать действия Совдепа, доказывая, что Церковь должна идти на помощь государству в моменты общественных бедствий и ничего нет кошунственного, если в храме будет устроен лазарет.

Это подлило масла в огонь. Сначала в самом соборе, а затем у церкви, на улице, произошли отдельные схватки митингового характера, кое-где доходило до рукопашной, но отряд солдат и красногвардейцев разогнал демонстрацию. Разговоры дали толпе уверенность, что большевики действительно хотят собор обратить в лазарет.

3 февраля, в субботу, около церкви стали собираться группы прихожан. Красногвардейцы эти группы разгоняли. 4 февраля, в воскресенье, был устроен общий крестный ход. Возбуждение было сильное. Было прочитано послание Патриарха Тихона. Но особых столкновений не произошло.

В ночь с 5 на 6 февраля, в 3 часа ночи, к архиерейскому дому подошел вооруженный отряд матросов из карательного отряда и начал стучать в двери дома. Так как еще задолго до этой ночи преосвященным Сильвестром было сделано общее распоряжение по дому ночью в дом никого не пускать, в виду грабежей и насилий, чинимых в городе по ночам под видом обысков, то прислуга дверей не открыла. Пришедшие стали грозить, что будут стрелять и взорвут двери, если не откроют им, и действительно стали ломиться.

Тогда по распоряжению эконома архиерейского дома на соборной колокольне ударили в набат. Отряд сбежал. К архиерейскому дому начал стекаться народ. К собравшимся вышел Владыка. В это время получили весть, что какие-то люди грабят кафедрального протоиерея и ключаря. Часть народа побежала туда. В архиерейском доме вместе с Владыкой осталось, кроме обитателей дома, человек 20. Через некоторое время к архиерею постучали. На вопрос: «Кто?» раздался ответ: «Свои, прихожане». Келейник открыл двери. Но это оказались красногвардейцы. Когда келейник сделал попытку выпроводить пришедших за дверь, красногвардейцы выстрелом из револьвера уложили его на места. Размахивая оружием, с бранью, матросы кричали:

— Где архиерей?

— Я архиерей, — ответил Владыка.

Преосвященного Сильвестра схватили, к виску приставили револьвер, и, даже не дав возможности надеть теплой верхней одежды, по сибирскому морозу повели по городу в «Дом республики» — помещение Совдепа.

Присутствовавшие в доме в ужасе стали расходиться. Главарь отряда, когда увели епископа, набросился на них и выстрелом из револьвера, разрывной, вероятно, пулей, без всякого повода, снес череп стоявшему в стороне эконому епископа Николаю Цикуре.

По дороге в Совдеп и в первые часы пребывания там преосвященного Сильвестра над ним издевались: ругань, клевета, циничные оскорбления и подражания в духе «радуйся, Царю Иудейский...»

Епископа посадили в общую со всеми заключенными комнату, грязную и душную от табака. Тут же в комнате оказались заключенными кафедральный протоиерей о. Александр Соловьев и ключарь собора о. Феодор Челюгин. Они были арестованы еще раньше.

Колокольный звон, между тем, продолжал созывать прихожан, пока звонаря не ранил какой-то солдат. На звон собора откликнулись другие церкви. У церквей, на улицах и площадях появились толпы народа. Наиболее многочисленные и активные толпы образовались у собора, у архиерейского дома, у Совдепа и Казачьего собора. Возмущенный народ требовал освобождения епископа. Утром 6 февраля на улицах была масса солдат, красногвардейцев, матросов, вооруженных винтовками, маузерами, с патронными лентами через плечо, с ручными гранатами у пояса. Была масса публики, которой не давали сходиться в группы, предупреждая, что будут стрелять. Раздавались выстрелы. Публика в панике разбежалась. К 11 часам ночи следующего дня допрос над всеми тремя был закончен. Целый день город был в движении, все учреждения, магазины и учебные заведения были закрыты. По городу шла непрерывная пальба: красногвардейцы залпами разгоняли народ. У архиерейского дома была поставлена стража из солдат и красногвардейцев. Несколько раз толпа разгоняла охрану, нескольких красногвардейцев разоружили и избили. У архиерейского дома и Казачьего собора дело доходило до стрельбы из пулеметов. Были жертвы с той и с другой стороны. В 4 часа дня город был объявлен на осадном положении. Толпы рассеялись. Ночь прошла тревожно, стрельба продолжалась до утра. В 12 часов ночи в архиерейский дом пришла следственная комиссия и опечатала покои Преосвященного.

5 февраля по распоряжению совета рабочих и солдатских депутатов Петроградской стороны был арестован священник церкви Петропавловской больницы о. И.И. Чоккой. Комитет потребовал от о. Чоккоя объяснения,

почему он, как заявили какие-то лица, отказался служить панихиду по красногвардейцам.

О. Чоккой заявил, что комитет не имеет права предъявлять священнику какие бы то ни было обвинения по делам веры, так как дела эти находятся вне сферы компетенции комитета, и что вмешательством в чисто пастырское дело комитет нарушает закон о свободе совести и декрет об отделении Церкви от государства, обнаруживая тем самым, что ему, комитету, чужды такие понятия, как права и свобода совести. Протокол, составленный товарищем председателя следственной комиссии, о. Чоккой отказался подписать принципиально.

«Петроградский церковно-епархиальный вестник», сообщая об этом факте, отмечал, что заявление об отказе о. Чоккой служить панихиду неверно, так как панихида отслужена была и вечером, и утром в обычном порядке.

7 февраля Владыка Сильвестр провел в заключении, а 8 в 12 часов дня его освободили. В его помещениях произвели обыск. Вместе с Владыкой освободили о. Соловьева и о. Челюгина. Последнего освободили безусловно, а Преосвященного и протоиерея Соловьева — до суда в революционном трибунале, взяв с них подписку о невыезде из города.

«Произошли ли, — писала газета, — более серьезные столкновения, мы пока сведений не имеем. Все магазины были закрыты, все учреждения не работали. Толкучка, единственное живое место в городе, и та разбежалась».

По этому случаю и по поводу других печальных событий в Омске в начале февраля, как сказано в протоколе деяний Собора, епископу Сильвестру было выражено сочувствие.

А вот донесение Преосвященного Митрофана, архиепископа Донского.

«Долг имею донести Вашему Святейшеству, что 13 февраля, вслед за вступлением в город Новочеркасск большевистских отрядов, низложивших пред тем в Донской области Временное Войсковое Правительство, я и Преосвященный Викарий вверенной мне епархии, Епископ Аксайский Гермоген, были арестованы. Мой арест сопровождался такими обстоятельствами, что я считаю необходимым изложить об этом пред Вашим Святейством возможно подробнее.

13 февраля, на второй день входа большевиков в Новочеркасск, часов в 12 дня у меня находился донской епархиальный миссионер протоиерей Артемьев. Приблизительно через полчаса нашей беседы, когда протоиерей Артемьев намерен был уходить, послышался сильный топот ног в доме и громкий разговор нескольких голосов, Я спросил протоиерея Артемьева.

— Что там такое?

Не успел протоиерей Артемьев выйти из моей гостиной в зал, чтобы

узнать, что случилось, как в двери зала ворвались четверо грязных, страшных, со зверскими лицами матросов, в шапках, с папиросами в зубах, вооруженных винтовками, пашками и с револьверами в руках. Увидев Артемьева, они крикнули:

— Вот он.

Протоиерей Артемьев подошел к ним и спросил, что им нужно. Один из них спросил:

— Вы Новочеркасский архиерей?

— Нет.

— Где же архиерей? Давайте его сюда.

Я вышел к ворвавшимся ко мне людям и между нами произошел следующий разговор:

— Что вам угодно? — спросил я.

— Вы Новочеркасский архиерей?

— Да.

— Мы пришли сделать у вас обыск.

— А удостоверение на право обыска вы имеете?

Один из матросов достал из кармана удостоверение своей личности, что он матрос Черноморского отряда и только. Я, прочитав удостоверение, сказал, что в нем нет полномочия на право производить обыск. Матросы ответили:

— Мы по этой бумаге везде обыскиваем.

— Обыскивайте.

Начался обыск. Матросы, в шапках, с папиросами, пошли по комнатам, Я просил их снять шапки, потому что в комнатах святые иконы, но они с грубостью, указывая на мой клубок, ответили:

— А ты что в шапке?

Войдя в мой кабинет и спальню, они потребовали открыть ящики письменного стола, библиотечный шкаф, аптечку, гардероб, комод, поднимали постель и везде отыскивали оружие.

Обшарив все уголки и не найдя ничего, они спросили:

— Вы, товарищи, скажите по совести: есть у вас оружие или нет?

Получив отрицательный ответ, они удалились.

Во время обыска в доме с архиерейского двора были уведены красногвардейцами архиерейские лошади и лошадь Преосвященного Гермогена. Около трех часов пополудни ко мне ворвались человек пятнадцать других матросов, которые, как разбойники, перевернули всю обстановку, выбрасывали на пол из ящиков письменного стола бумаги, рвали их, грабили ценные вещи, как, например, несколько очков в золотой

оправе, серебряные ложки, ножи, вилки, белье, сапоги и пр.

Окончив свое разбойничье дело, они начали совещаться между собою: арестовать меня или нет. Одни говорили: «арестовать», другие — «не надо», и хотели было уходить, но один из них, мальчишка лет семнадцати, сказал:

— Я без него не пойду. Я его арестовываю.

С этим согласились и другие и потребовали, чтобы я одевался и шел с ними. Одевшись и выходя из комнаты, я стал молиться пред святыми иконами, а матросы, смеясь над этим, говорили:

— Молиться стал, думает Бог поможет ему: не поможет и не молись. Какой там еще Бог.

Меня посадили на извозчика с двумя вооруженными матросами и под таким конвоем повезли на вокзал в штаб. Моих внутренних переживаний за это время передать нет возможности. У дверей парадных комнат вокзала пришлось ждать некоторое время, и меня хотели вести кругом вокзала к другим дверям, но наконец открыли здесь ход. Ко мне подошел неизвестный человек и, обратившись к матросам, сказал:

— Зачем вы взяли нашего Владыку? Он добрый человек для всех.

— Не твое дело, — ответили ему.

Когда я вошел в комнату штаба, то начальствующих там не было. Кто-то спросил:

— Кто вы такой?

— Я Донской архиепископ Митрофан.

— Очень приятно с Вами познакомиться. За что Вас арестовали?

— Не знаю, — ответил я.

— Он проклинал большевиков, — сказали матросы.

— Это дело нужно разобрать. Ведите его в Атаманский дворец, там разберутся.

Меня повели с вокзала до дворца пешком в сопровождении тех же матросов. Я, идя с вокзала на гору по грязной дороге, страшно утомился и обессилел до смертного истощения...

Многие (из толпы — В.С.) скорбели, плакали, сожалели о мне, но не могли ничем мне помочь.

С большим трудом дошел я до дворца. Там мне пришлось ждать, стоя, минут двадцать, пока меня позовут для допроса или предъявления мне обвинения и указания причины ареста, но меня не позвали, а кто-то вышел и сказал приведшим меня, что постановили отправить меня в тюрьму.

Через довольно продолжительное время меня снова повели по городу.

Приведен я был на местную гауптвахту, где и был заключен в тесную, одиночную и грязную камеру...

Условия пребывания здесь были самые невыносимые. Спать приходилось вдвоем на той досчатой голой лавке, которая днем служила для сидения. Первые три дня моего заключения пришлось выслушивать по своему адресу через маленькое отверстие в дверях нашей камеры смертные угрозы и получать плевки, а один раз к нам ворвался даже какой-то матрос с кортиком.

Вера в помощь Божию и надежда на Его неизреченное милосердие подкрепляли меня и моих братьев по темнице, — и наша камера скоро обратилась в маленькую церковь, где утром и вечером совершалось общее моление, причем святой иконой для нас служила моя панагия.

Великим для меня утешением послужили массовые и настойчивые ходатайства отдельных лиц, учреждений и приходов города Новочеркаска о моем освобождении из-под ареста. Мирян-посетителей пропускали ко мне на гауптвахту, духовных же лиц с 17 февраля было воспрещено допускать ко мне, хотя в этот день мне удалось приобщиться Святых Таин, которые были принесены ко мне ключарем Новочеркасского Кафедрального собора и протоиереем Артемьевым.

22 февраля меня под конвоем в 8 часов вечера повели в здание судебных установлений и здесь мне объявили постановление военно-революционного суда о том, что я признан ни в чем невиновным...

За время этих событий группа грабителей проникла в Крестовую церковь Донского Архиерейского дома, предварительно взломав церковную дверь, отделявшую площадку моих покоев от церкви. Из этого храма разбойники унесли две дароносицы с запасными Святыми Дарами, звездицу, два антидорных блюда и взломали все кружки. Связи и покровы на престоле Преображенского придела были разорваны. Несгораемая касса, стоявшая в ризнице, была опрокинута, а находившиеся в ней ценные вещи, похищены. Сосуды со святым Миром были разбиты. Миро разлито и растоптано ногами по полу и ризнице, в алтаре и церкви. Частицы св. мощей были разбросаны и залиты святым Миром. Из разлитого в железной кассе Мира удалось собрать только маленький сосудец.

О других бедствиях, постигших Донскую епархию и духовенство во главе со мною, будет донесено Вашему Святейшеству дополнительно».

«Полоцкие епархиальные ведомости» описывали события в Витебске. 17 февраля в архиерейском доме состоялось весьма многолюдное религиозное собрание. Собрание закончилось печальным инцидентом. Когда большинство собравшихся уже разошлось, в архиерейский дом ворвалось несколько красногвардейцев, которые после недолгого разговора открыли стрельбу. Раненых не было, но с улицы прострелены разрывной

пулей два стекла в зале архиерейского дома, в нескольких местах повреждена икона Спасителя.

В ночь с 17 на 18 февраля красногвардейцы произвели обыск в квартирах эконома архиерейского дома протоиерея И.Е. Овсянкина и ключаря Николаевского кафедрального собора протоиерея В.В. Томковида, допрашивали личного секретаря епископа, причем допрашивающие в течение всего допроса держали направленными на него револьверы. После обыска был арестован, отведен в революционный комитет и посажен в тюрьму протоиерей И.Б. Овсянкин. Никакого обвинения ему предъявлено не было.

Под видом осмотра красногвардейцы ворвались и в крестовую церковь, которую обошли в шапках, с оружием в руках, были в алтаре, поднимали пелену святого престола.

Православное население, узнав об этих событиях, утром собралось около собора, чтобы охранить его от возможного вторжения и ограбления. Особенное мужество проявили женщины, которые стали стеною и не пустили красногвардейцев в собор. Протоиерей В.В. Томковид, не ночевавший дома и только потому не арестованный ночью, по просьбе православного населения, отправился в революционный Комитет, чтобы настоять на освобождении И.Е. Овсянкина, но там и сам был арестован, причем и ему никаких обвинений предъявлено не было.

Было арестовано еще несколько мирян, твердо отстаивавших церковные святыни. Оба протоиерея были отпущены только по твердо выраженному требованию женщин. Женщины смело заявили, что они не уйдут из комитета, пока не отпустят незаконно арестованных батюшек.

Большое участие в делах Церкви в этот день, 13 февраля, приняли и некоторые воинские части: Белорусский полк, 5 Сибирский стрелковый и Литовский полк. Белорусский полк взял на себя охрану собора и архиерейского дома, а Сибирский и Литовский полки потребовали от военно-революционного комитета прекратить нападения на храмы.

Многолюднейший митинг железнодорожников обратился к комитету с требованием предать суду лиц, участвовавших в обыске архиерейского дома и кощунственном акте в крестовой церкви.

20 марта в тюрьму были заключены заштатный священник Долговской церкви (Новгородская епархия), бывший благочинный о. Иоанн Боголюбов, и 80-летняя вдова, теща священника о. Цветкова. Местным волостным исполнительным комитетом им было предъявлено обвинение в агитации среди прихожан против Советской власти.

На одном из мартовских заседаний Собора была оглашена телеграмма

епископа Омского Сильвестра на имя Патриарха Тихона: «Освобожден. Ожидаю революционного суда. Народ привязан к Церкви».

12 марта был освобожден из Боровичской тюрьмы «за ненахождением преступления» и возвратился на свое место священник Заозерицкой церкви о. Николай Лебедев, которого продержали в тюрьме 18 дней.

14 марта должен был открыться Епархиальный Съезд духовенства и мирян Орловской епархии. За пять дней до съезда Консistorией было отправлено Губернскому комиссару заявление о разрешении, но до самого последнего момента ответа не было. К 12 часам дня в здании Петропавловского братства собралось около 50 членов Съезда. В начале 2 часа дня в помещение Братства заявился товарищ председателя Исполнительного комитета Совета Аронов (? - В.С.) с отрядом вооруженных матросов. Все собравшиеся были задержаны и подвергнуты обыску.

После обыска был произведен арест видных местных церковных деятелей. Были арестованы: прот. А. Оболенский, Комитет по управлению Епархиальным свечным заводом в составе председателя прот. Н. Поликарпова, казначея свящ. ст. Архангельского и делопроизводителя свящ. И. Рождественского; редактор «Епархиальных ведомостей», преподаватель Орловской духовной семинарии А.В. Успенский, церковный староста Иверской церкви в г. Орле Я.В. Ячшенский, делегат Съезда заштатный священник С. Мерцалов. Все собравшиеся на Съезд были задержаны в помещении Братства до половины пятого.

После арестов на Съезде товарищ Аронов с отрядом вооруженных матросов отправился к епископу Серафиму в архиерейский дом. Здесь у епископа Серафима был произведен тщательный обыск. После обыска епископ прибыл на Съезд, где объяснил собравшимся цель созыва Епархиального съезда — рассмотрение вопроса о конфликте на свечном заводе и некоторых других вопросов чисто финансового характера.

Аронов объявил съезд незаконно собравшимся и распущенным. После этого у казначея Комитета свящ. С. Архангельского были отобраны все ключи. Арестованных доставили в Совет, откуда, после выяснения личностей, препроводили в каторжную тюрьму. С епископа Серафима взяли подписку о невыезде из г. Орла. Арестованные, пробыв неделю в тюрьме, были освобождены 21 марта с подпиской о невыезде.

18 марта, в воскресенье, архиепископ Тамбовский Кирилл, служивший литургию в одном из подмосковных сел, произнес горячую обличительную проповедь на тему о последних политических событиях: о мире, съезде советов, коснулся, между прочим, и деятельности отдельных комиссаров.

После окончания службы преосвященный Кирилл посетил дом церковного старосты. Вслед за ним туда ворвалась группа лиц, угрожавших архиепископу арестом. В разговор вступили сыновья старосты и его гости, которые заявили, что не допустят никаких насилий над архиепископом, а в противном случае ударят в набат. Только после этого «защитники советской власти» удалились.

«Утро России» описывало обстановку, в которой приходилось жить арестованному в марте московскими большевиками епископу Камчатскому Нестору, находившемуся в это время в Ново-Спасском монастыре. «Грязная, узкая лестница в самом заднем углу монастырского двора ведет в келью епископа, похожую на дешевенький номер грязного постоялого двора. На обитой какой-то дерюгой двери сделана от руки “визитная карточка”: “Епископ Нестор Камчатский, заключенный большевиками”.

В комнате из всей мебели только маленький кухонный столик, клеенчатый диван и в углу икона.

— Тяжело, тоскливо, — говорит епископ Нестор. — Тяжело то, что пришлось перенести, и не менее угнетает и то, что приходится переносить теперь: угнетает бездействие, лишение возможности работать. Пришлось оставить научные занятия, бросить на произвол судьбы коллекции с Камчатки. Скучаю по соборной работе. Большое лишение для меня и то, что я не могу больше проповедовать. Уста замкнуты. Правда, мне здесь временно разрешено совершать богослужение, но живого общения с верующими я лишен. Немыслимо что-нибудь говорить теперь в моем положении подследственного арестанта.

— Что вы считаете причиной ареста? — спросили епископа.

— Причин нет. Я не политик, а всего только церковник, болевший душой об уничтожении Церкви и не скрывавший этого. В Александровском училище, где я провел первые моменты своего заключения, мне пришлось находиться в обществе явно враждебном. Там были арестованные анархисты, адъютант Муравьева, какие-то солдаты. Стража не умеет говорить по-русски: это латыши и еще какие-то интернационалисты. Спать пришлось на голом полу, подложив под голову полено. На вопрос, куда нас повезут, нам отвечали: “Конечно, на расстрел”».

Об освобождении епископа Нестора ходатайствовали, но безрезультатно. Делегатам от собора было сказано, что с делом еще не ознакомились, «документы» еще не разобраны, что арестованных очень много и все ждут очереди.

На 125 заседании Собора в донесении благочинного г. Переяславля было сообщено об аресте священников Владимира Побединского и Сергия

Красовского.

На 126-ом заседании Собора комиссии для сношения с народными комиссарами (в 1918 г. еще была такая) было поручено сделать соответствующее заявление об освобождении заключенных в тюрьме инспектора Костромской духовной семинарии П. Иустинова и священника Бобровского.

В самом начале мая в Москве произошло событие, увы, слишком обычное в то время, но чрезвычайно знаменательное, как показатель народного настроения — арест мужественного пастыря, священника Казанской (на Калужской площади) церкви о. Авенира Полозова.

1 мая, в половине двенадцатого утра, представитель советской власти Резцов явился в местную церковно-приходскую школу и потребовал сдать ему ее. Послали за заведующим — о. Полозовым, но тот ответил, что этот вопрос должен решить распорядитель школы — Приходский совет и решит его в ближайшие дни.

Резцов сделал вид, что удовлетворен ответом, но через три часа явился на квартиру о. Полозова в сопровождении вооруженных матросов и двух красногвардейцев для его ареста.

Полозов потребовал ордер на арест, но вместо ордера матрос показал удостоверение, что он матрос с броненосца «Тангут» Карл Иванович Мейер.

Полозов заявил, что хотя бы ему грозила смерть, без ордера он с ними не пойдет. Резцов грубо ответил, что они не хотят пачкать рук в его крови и вместе с Мейером отправился за ордером, а в квартире остались два милиционера, в сопровождении одного из которых о. Полозов отправился к настоятелю своей церкви для переговоров.

Между тем, слух об аресте любимого пастыря распространился в приходе, и когда о. Полозов возвращался домой, собравшаяся толпа схватила его, и с криками «не отдадим батюшку, бейте и нас», увлекла его в церковь. Раздался колокольный звон, и народ заполнил не только церковь и церковный двор, но и прилегающую улицу — Большую Якиманку и даже Калужскую площадь.

О. Полозов в пасхальном облачении вышел на амвон, сообщил народу о требовании Резцова и убеждал не производить насилий над явившимися в храм представителями советской власти, но когда один из них назвал священника провокатором, толпа бросилась на него и жестоко избила.

Волнение возрастало. О. Полозов вернулся на квартиру, куда вскоре явились узнавшие о происшедшем представители союза приходских советов, члены собора А.Д. Самарин, Л.К. Артаманов и проф. И.М. Громогласов, которые после совещания в квартире о. Полозова

вступили в переговоры с представителями власти.

Тем не менее, на другой день в третьем часу дня о. Полозов был арестован, связан и увезен на автомобиле для допроса на Лубянку, а затем заключен в тюрьму на Таганке.

Снова народ поднялся на защиту пастыря. Ключи от колокольни не были даны настоятелем храма, но прихожане, взломав окно, проникли на колокольню и начали звонить. Снова собралась громадная толпа. Началась стрельба из ружей и пулеметов. Мало-по-малу волнение улеглось.

5 мая вблизи Калужской площади было расклеено печатное обращение Замоскворецкого Совета рабочих депутатов «К гражданам Замоскворецкого района».

«В связи с арестом священника Казанской церкви Авенира Полозова, — говорилось в обращении, — среди населения ходят самые чудовищные и нелепые слухи. Кому-то выгодно представить дело так, будто Совет пытался захватить церковное имущество. Ввиду этого, Совет Замоскворецкого района обращается к населению со следующим разъяснением».

Далее следовали довольно неожиданные и лживые в устах советской власти ссылки на авторитет Временного Правительства, будто бы передавшего все церковно-приходские школы в ведение городскими земских самоуправлений, тогда как на самом деле Временное Правительство передало этим самоуправлениям лишь те школы, в постройке и содержании которых участвовало государство, и которые вошли в школьную сеть, а Казанская церковно-приходская школа содержалась исключительно на местные средства.

Священника Полозова воззвание ложно обвиняло в том, что на предложение сдать школу, он, будто бы, ответил, что школы он жидам не отдаст, советской власти не признает, что он предложил представителю Совета убраться, распорядился ударить в набат и старался возбудить толпу против советской власти и евреев.

Очевидно, народные волнения в связи с арестом о. Полозова настолько встревожили советскую власть, что она решилась для успокоения ее прибегнуть к явным вымыслам.

В праздник св. Николая в Казанском храме раздавались листки с опровержением клеветы, возводимой на о. Полозова.

«Православные христиане! Прихожане храма Казанского! Да будет на вас благословение Божие за ту святую ревность, с какою вы недавно отстаивали достояние церковное и защищали вашего любимого пастыря о. Авенира, готовые положить душу свою за Церковь Православную. Подвиг веры вашей не пройдет напрасно. Весть о нем пролетит по всему лицу

несчастной Родины нашей, побудит и других к подражанию вам и ускорит срок избавления ее от не сказуемых бедствий настоящего времени. Но вы уже знаете, что на днях сделана попытка смутить твердость вашего духа путем расклейки воззвания, оправдывающего неправо и злое дело и пытающегося очернить грязью клеветы светлый образ страдальца за веру и правду, пастыря нашего. Воззвание обвиняет его в том, что он не сдал церковную школу по требованию власти. Но он не мог и не должен был этого делать. Власти нужно повиноваться лишь тогда, когда она не требует ничего противного учению Церкви Православной. Если же она потребует этого, то тогда православным христианам нужно исполнить завет апостольский: “Богу нужно повиноваться больше, чем людям”, и не исполнять незаконных требований, хотя бы за это грозила тюрьма или самая смерть. И вот от пастыря вашего потребовали того, что он не мог сделать, потребовали, чтобы он отдал не принадлежащую ему школу, — вашу школу, содержащую на ваши средства и назначенную для просвещения детей ваших чистым светом учения Христова.

Воззвание говорит, что совет не пытался захватить церковное имущество. А разве церковно-приходская школа, построенная на церковные средства и руководимая священником, не есть церковное имущество? И ваш мужественный пастырь поступил по долгу совести, не страшившись ни тюрьмы, ни даже смертной опасности, чтобы спасти достояние Божие. Так именно поступали и святые исповедники и мученики в первые века христианства, подвергаясь тюрьме, мучениям и смерти, но не выдавая имущества церковного языческой власти. Но ведь и нынешняя власть не признает истинности учения Христова и есть нехристианская власть, языческая. Не мог ваш пастырь исполнить этого требования и потому, что оно прямо противоречило предписаниям высшей власти церковной — Священного собора и Великого Господина и отца нашего Святейшего Патриарха Тихона о защите церковного имущества, а также постановлениям Совета объединенных московских приходов. Советская власть, низвергнувшая Временное Правительство, испугавшись народа, вставшего на защиту своего пастыря, пытается прикрыться именем этого же низвергнутого ею правительства и ссылается на его постановление о церковно-приходских школах. Но прежде всего, и Временное Правительство много злого сделало Церкви Православной, за что Господь, Праведный Судья, уже покарал его, как покарает во время свое, да во многих местах уже и карает и нынешних гонителей Церкви; а потом неправду говорит воззвание, будто Временное Правительство велело отобрать все церковные школы. Нет, оно велело отобрать только школы, построенные или

содержимые на средства казны, а вы сами знаете, что ваша школа построена не на казенные средства, а на ваши пожертвования и от казны никаких денег не получает, а, следовательно, и отобрать ее у вас никто не имел права.

Неправду говорит воззвание и про вашего пастыря. Вы сами его давно и хорошо знаете и легко поймете, что-то, в чем его обвиняют, сделать он не мог. Очевидцы недавних печальных событий единогласно говорят, что он вовсе не говорил, будто не признает советской власти, а говорил лишь, что он, признавая эту власть, не признает правильными ее распоряжения, вредящие Церкви Православной. Но ведь эти распоряжения не признает и вся власть церковная и открыто осуждает Святейший Патриарх в своих посланиях, читавшихся по всем церквям. Явная клевета, будто в набат ударили по его распоряжению. Вы сами знаете, что окруженный милиционерами, о. Авенир не имел никакой возможности это сделать, если бы даже и хотел. В набат звонили сами прихожане без всякого распоряжения, так как существует постановление приходских советов — звонить в набат, когда подвергается опасности имущество церковное. Звонили и на другой день, когда уже увезли в автомобиле на допрос и в тюрьму измученного и больного вашего пастыря, звонили, несмотря на то, что колоколья была заперта, звонили, выломав окно в колокольне. Причем же тут о. Авенир? Еще более возмутительна клевета, будто о. Авенир старался возбудить толпу против советской власти и евреев, вследствие чего подвергся избиению один из членов совета. Только испугом власти можно объяснить попытку оклеветать пастыря, когда тысячи свидетелей, слышавших его речь, знают, что именно он-то и убеждал прихожан не прибегать к позорящим имя христианское насилиям, и что, если бы не его одушевленное слово, народный гнев мог бы обрушиться не на одного, а и на всех представителей власти. Но обязанные ему своим спасением, только что избавившись от опасности, — платят ему теперь тюрьмой, судом и черной клеветой.

Воззвание заявляет в конце, что власть не потерпит таких представителей Церкви, пытающихся использовать религиозное чувство верующих для возбуждения погромного антиеврейского настроения. Но вы сами постоянно слышали о. Авенира и знаете, что всегда слышали от него слова мира и любви и никогда не слышали от него призыва к погромам. Да разве могут призывать к погромам служители Христа, учившего любить даже врагов своих? Нет, не священники вызывают погромы и другие бесчисленные бедствия на земле нашей, — а вызывают их те, кто проповедует классовую борьбу, кто проповедует людям ненависть к другим, кто кричит — “бей буржуев”, ибо ведь почти нет евреев крестьян и

работников, и контрреволюционное настроение возбуждают не священники, а сами же представители власти своими посягательствами на святое святых души народной.

Сегодня, в праздник великого угодника Божия, святителя Николая, пленников освободителя и в темницах сущих отрада и утешение, помолимся об утешении и скором освобождении невинного страдальца за правду, пастыря нашего, отца Авенира».

«Православная Волянь» сообщала об избииении двух священников... Священников, ехавших вместе на благочиннический съезд, в село Красноселки, схватили вооруженные солдаты, начали избивать, а потом арестовали и под конвоем препроводили в село Трощу, где заперли в какую-то смрадную конуру и приставили караул...

На одном из собраний Союза приходских общин в Калуге было сообщено об аресте членов кладбищенского комитета за неуплату по требованию большевистской власти около четырех тысяч рублей из средств, принадлежащих кладбищенскому комитету. Отказ в уплате этой суммы был вызван тем, что большевики требовали денег наличными, а не процентными (аннулированными) бумагами, в каких по книге значились капиталы кладбищенского комитета. Никакие разъяснения и просьбы не помогли и члены комитета, 6 человек (4 священника и 2 мирянина), были арестованы и препровождены под конвоем во «Дворец Свободы» для допроса.

Обращение Союза приходских общин к властям по этому делу никаких результатов не дало, и требуемую сумму пришлось собрать путем добровольных пожертвований.

«Новгородское Вече» передавало подробности ареста священника с. Высоко, Новгородского уезда, о. Добромыслова. Священника Добромыслова солдаты и красногвардейцы объявили арестованным и «предложили» отправиться вместе с ними в Петроград. Священник отказался. Его прижали в угол и наставили четыре нагана. Священник заявил:

— Бейте, но не пойду.

Старший выхватил револьвер и навел на священника, требуя исполнения их приказания.

Священник повторил:

— Бейте, стреляйте, но не пойду...

Защиты никакой. Видя, что неминуема трагедия, сын священника

— студент, стоя на коленях, просил отца подчиниться насилию. В результате, священник, сын-студент и сын-офицер были увезены в Петроград.

Из уездов Смоленской губернии так же поступали сведения об арестах священников. Арестовывали за отказ совершать церковный брак над разведенными «народным» трибуналом. Арестовывали за прочтение в церквах послания Патриарха Тихона.

Представители Перелучского волостного Совета Ореховской волости схватили и избili в дороге прикладом и кнутовищем священника села Орехова о. Иоанна Попова и заключили его под стражу в Перелучах. Лицо его было сплошной раной. Такой произвол переполнил даже меру революционного режима. По распоряжению из Ворович о. Иоанн Попов был освобожден из-под ареста и возвратился к месту своего служения.

Из г. Старицы Тверской губернии сообщали, что смотритель духовного училища о. Некрасов, городской голова и прочие лица были в Городской управе арестованы и посажены в такое темное и грязное помещение, где ни сесть, ни лечь было нельзя. Весь город вышел в их защиту. Все жители Стариц шли к большевикам, как один человек, или умереть, или освободить арестованных. И, действительно, на третий день арестованные были освобождены. При объяснении творилось что-то неопишное, и чуть было не пущено вход оружие...

Неожиданно был арестован член Собора прот. Спасский.

О. г. Граббе в своей работе «Правда о Русской Церкви на родине и за рубежом» (Нью-Йорк, 1961, с. 41) приводит слова В. Виноградова, председателя Московского епархиального совета при Патриархе Тихоне:

— Ни один член патриаршего управления, идя утром в управление, не мог быть уверен, что он не будет там арестован за участие в нелегальном учреждении, или что он не найдет патриаршее помещение уже запечатанным.

Перед Поместным Собором встал вопрос исключительной важности: как в такой чрезвычайной ситуации обеспечить сохранение первосвятительского возглавления Русской Церкви в случае насильственного устранения Патриарха Тихона.

Ясно было, что в этих условиях не будет возможности созывать собор для избрания нового Патриарха, и в то же время нельзя было допустить, не нарушая соборного начала, чтобы сан первосвятителя мог быть получен кем-либо без прямой санкции Собора, нельзя было вводить ни практику завещаний, осужденную вселенской Церковью, ни присвоение первосвятительского сана традиционному местоблюстителю, старейшему по хиротонии члену Синода, полномочия которого, согласно этой традиции, исчерпывались обязанностью в кратчайший срок созвать новый собор. Кроме того, было ясно, что если гонители поставят целью обезглавить

Русскую Церковь, то одновременно с Патриархом будут устранены и те иерархи, которые смогут его заменить (если их имена будут заранее известны).

В этих беспрецедентных обстоятельствах Собор принял столь же беспрецедентное и в свете будущих событий, так сказать реальное и боговдохновенное решение о тайном соборном избрании нескольких местоблюстителей патриаршего престола, наделенных всей полнотой патриаршей власти, т. е. фактически нескольких «соПатриархов», наделенных правом, в случае необходимости, в порядке старшинства обнаруживать свою первосвятительскую власть).

Беспрецедентность решения заключалась и в том, что для сохранения в тайне имен местоблюстителей избрание конкретных лиц было доверено собором Патриарху Тихону.

7 февраля 1918 г., в день убийства киевского митрополита Владимира, собор постановил: в случае болезни, смерти, и других печальных для Патриарха событий, предложить ему избрать нескольких блюстителей патриаршего престола, которые в порядке старшинства будут блюсти власть Патриарха и преемствовать ему.

Будущее показало, насколько нелишне были все эти предосторожности: к моменту смерти Патриарха Тихона все крупные иерархи, о которых можно было предполагать, что именно их избрал по поручению собора Патриарх Тихон в 1918 г., были тем или иным способом устранены: митрополит Харьковский Антоний — был в иммиграции, Митрополит Петроградский Вениамин был расстрелян, митрополит Новгородский Арсений, Казанский Кирилл, Ярославский Агафангел — были в ссылке.

Все эти предосторожности и опасения, конечно, не были напрасными. Патриарх Российский, как бы олицетворение ненавистного для новой власти единоначалия, видимо, не давал покоя большевикам с первых дней революции.

Поэтому 19 февраля на заседании Совета приходских союзов в соборной палате Московского епархиального дома были обсуждены и приняты выработанные Советом меры для охраны Патриарха Тихона. Решено было, что охрану эту будут по очереди нести избранные приходскими советами прихожане в возрасте свыше 18 лет по 24 человека ежедневно, причем 12 человек будут оставаться на Троицком подворье от 8 часов вечера до 8 часов утра. Охрана эта будет невооруженная, но пользу она должна была принести в том смысле, что Патриарх будет постоянно окружен представителями московского православного населения, и, если кто-либо захочет арестовать его, они немедленно разгласят по всей Москве о

покушении...

Вскоре Патриарха привлекли к суду в качестве обвиняемого.

24 мая 1918 г. членом Собора Н.Д. Кузнецовым было передано в Совет народных комиссаров такое заявление:

«Всероссийским Патриархом получена повестка из Следственной Комиссии при Московском Революционном Трибунале о вызове его на 5 июня в качестве обвиняемого.

По этому поводу я имел разговор с г. Смидовичем, представителем Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов. Я обратил его внимание, что повестка никем не подписана, что в ней не сказано, в чем обвиняется Патриарх, и не обозначено даже часа, в который он вызывается. г. Смидович согласился, что повестка написана неправильно и потому может считаться недействительной для вызова на 5 июня.

Между тем, Всероссийский Патриарх может быть вызван на другой день уже правильной повесткой. Поэтому я считаю долгом довести до сведения СНК, — писал Н.Д. Кузнецов, — что известие о вызове Патриарха в Следственную Комиссию на 5 июня произвело тяжелое впечатление среди православного населения Москвы и, если вызов произойдет, то может привести к волнениям в народе в наше тревожное время, как полагают представители некоторых приходов.

Ввиду этого, если СНК не найдет возможным вовсе прекратить дело, по которому Патриарх сразу вызывается в качестве обвиняемого, то я прошу по крайней мере не вызывать Патриарха в Следственную Комиссию, а допросить его на дому, где он проживает, назначив по соглашению с Патриархом известный час.

Как бы государство ни относилось к Православной Церкви, не следует забывать, что в глазах миллионов православных Патриарх является священной Особой, стоящей во главе церковного управления и православного народа. Миллионы русских людей, как это обнаруживается вполне ясно и в многочисленных адресах на имя Патриарха, во встречах его в разных местах и в стремлении только увидеть Патриарха, чувствуют большую нравственно-духовную связь с Патриархом и выражают ему полное уважение.

Все это не может быть не принято во внимание Советом НК, которые считают себя представителями народа и действуют от его имени».

Вот какое (далеко приблизительное) положение Церкви и священнослужителей было в 1918 г. Для некоторых этой жестокости было недостаточно. Один антирелигиозник тогда писал:

«Сравнивая эти факты проявления классовой ненависти к Церкви и

попам со стороны трудящихся революционного Парижа с тем отпором, который встречает поповство у нас, мы должны определенно подчеркнуть слабость нашей антирелигиозной работы».

После нескончаемого года, в течение которого Церковь захлебывалась в крови мучеников, большевистский официоз тогда писал: «центральную советскую власть можно упрекнуть скорее в мягкости и снисходительности по отношению к служителям культа». Сколько же крови надо выпить большевикам, чтобы утолить их жажду?!!

«Просто» насиллие

Хотя печать всюду была зажата, тем не менее, каждая почта приносила известия о новых насилиях, направленных против Церкви, священнослужителей и верующих, с надругательствами над храмами и монастырями.

Местная епархиальная печать все время писала о насилиях над духовенством и монастырями. Список пострадавших пастырей и обитателей рос по мере того, как усиливалось общее разложение государства. В каждом номере епархиальных органов того времени можно найти печальную и позорную для всякого народа хронику.

«Курские епархиальные ведомости» повествовали об ограблении Белгородской мужской пустыни и беднейшего в епархии Львовского женского монастыря.

11 декабря в третьем часу дня в помещение настоятеля явилась «комиссия» — человек 10. Комиссия приказным тоном, не без угроз потребовала открыть все двери для описи имущества. Игумен Мелитон отказался сделать это. Рассердившись, «комиссия» удалилась, пустив вслед игумену: «Ни хлеба, ни другой провизии в монастырь не пустим... Мы с вами не расправились, так военно-революционный комитет расправится».

Минут через пять после этого, около ограды у монастырских ворот образовалась толпа, человек 20, из которой выделялись трое, один — в военной форме и двое в коротких пиджаках. Все трое были вооружены. В подошедшего игумена наставили револьверы. Послышалась грубая брань. После этого те же лица повели его в настоятельские покои, где потребовали монастырскую казну. Двое других в это время у крыльца убили иеромонаха Серафима.

В покоях настоятеля «комиссия» забрала около 2000 рублей казенных денег, чайный и столовый серебряные сервизы и шубу настоятеля. Потом обыскали покои ризничего и казначея, не найдя там денег, «комиссия» направилась в теплый монастырский храм для осмотра свечного ящика. Денег в нем не оказалось. Рассерженные этим, непрошенные «ревизоры» выстрелили и тяжело ранили ни в чем неповинного свечника монаха Гермогена.

Войдя в алтарь, они потребовали у настоятеля показать им Дарохранительницу. Дальнейшему осмотру подверглись монашеские кельи, причем некоторых монахов «комиссия» обобрала.

Когда все помещения были обысканы и пообчищены, «комиссия»

заставила запрячь монастырских лошадей в двое саней и уехала по направлению к г. Суфре.

В Львовском женском монастыре убийств не было. Шайка вооруженных грабителей из семи человек (пятеро были в солдатской форме) в течение целого дня, не встречая никакого сопротивления, издевалась над беззащитными монахинями и производила осмотр монастырских помещений. «Обыск», однако, не дал грабителям того, что они ожидали.

Всю вторую половину января 1918 г. длилась печальная эпопея событий в Александро-Невской Лавре в Петрограде. Началась она 13 января, когда по приказу комиссара призрения г-жи Коллонтай Лавра была занята красногвардейцами и матросами.

В пять часов вечера 14 января в главном соборе Александро-Невской Лавры совершался акафист. В богослужении участвовали митрополит Вениамин, vikарий Петроградской епархии, монашествующие и духовенство епархии. Собор Лавры был переполнен, как в Светлую заутреню. Настроение богомольцев было чрезвычайно напряженное. Многие рыдали.

Богослужение продолжалось несколько часов. По окончании его митрополит благословлял молящихся и успокаивал их. Богомольцы обратились к митрополиту с предложением немедленно организовать особую охрану Лавры и заявили, что они здесь же, в церкви умрут, но не допустят разорения святыни: «Пусть нас кормят мякиной, пусть над нами издеваются, пусть окончательно лишат всего, но Бога отнять мы не допустим», — заявили они.

Затем богомольцы обратились к Владыке с просьбой, чтобы в случае вторичного прибытия незваных гостей он распорядился ударить в большой колокол, что послужит сигналом, по которому все дорожащие своей верой и святынями, явятся в Лавру.

Митрополит Вениамин, успокаивая богомольцев, сказал им:

«Это — ответ на мое обращение к народным комиссарам оставить церкви в покое, — теперь дело самого народа войти в переговоры с народными комиссарами, которые, не услышав моего голоса, быть может, услышат голос народа... Православный народ должен немедленно выступить с протестом и, я уверен, что по милости Божией разрушение церковного строя будет предотвращено».

17 января в Петрограде, в зале Общества распространения религиозно-нравственного просвещения, на Стремянной, состоялось многолюдное собрание духовенства и представителей приходов. Громадный зал не мог вместить всех, желавших попасть туда. Попытка красногвардейцев

захватить Александро-Невскую Лавру в субботу 13 января глубоко взволновала Петроград.

Первым говорил митрополит Петроградский Вениамин. Он сообщил о посещении его чиновником комиссариата призрения Иловайским, который сказал, что с этого дня Лавра переходит введение «народа». Для жительства митрополиту отводилось небольшое помещение.

Настоятель Казанского собора проф. Ф. Орнатский предложил в ближайшее воскресенье из всех храмов столицы устроить крестный ход к Александро-Невской Лавре. Собрание единогласно приняло это предложение, и резолюцию протеста против попытки захватить Александро-Невскую Лавру и против предполагаемого захвата духовно-учебных заведений.

Также единодушно было принято предложение отправить в Москву к Патриарху особую делегацию с просьбой восстановить митрополита Вениамина в правах настоятеля Александро-Невской Лавры, а также осведомить Патриарха о положении в Петрограде.

В заключение с горячей речью выступил священник Никитин. Он отметил трагическое положение духовенства. Для того, чтобы поднять религиозное одушевление в народных массах, он предложил просить Патриарха Тихона, чтобы он разрешил прибыть в Петроград некоторым оптинским старцам. Митрополит Вениамин заявил, что он будет просить Патриарха, чтобы он благословил прибыть в столицу старца Зосимовской пустыни Алексия, который вынул жребий при избрании Патриарха.

19 января, около часу дня, в Александро-Невскую Лавру, по распоряжению комиссара призрения г-жи Коллонтай, прибыл отряд матросов и красногвардейцев во главе с комиссаром Иловайским. Иловайский прошел к митрополиту Вениамину и потребовал очистить митрополичьи покои. Иловайский, между прочим, спросил митрополита, знает ли он, что такое комиссар, и тут же пояснил, что комиссар — это лицо, которое имеет право распоряжаться лаврским имуществом, имеет право выселить того, кого найдет нужным.

В ответ на это митрополит заявил, что он может протестовать против посягательств на право Православной Церкви только христианскими мерами. Во всяком случае, он, будучи избран на митрополичью кафедру, считает долгом охранять лаврское имущество, которое принадлежит обществу православных людей.

Если лаврские помещения нужны для благотворительных целей, то это не является достаточным основанием для реквизиции всего лаврского имущества.

Иловайский в ответ повторил свое требование и заявил, что если оно не будет выполнено, он применит силу.

Затем комиссар в сопровождении красногвардейцев направился в собрание Духовного собора Лавры, где в то время находился наместник Лавры Преосвященный Прокопий, и потребовал от епископа сдать ему все лаврское имущество: вещи, капиталы и помещения. Преосвященный Прокопий категорически отказался выполнить это требование. Тогда его объявили арестованным и отвели в келию. Духовный собор Лавры также был объявлен арестованным, и к нему был приставлен караул из красногвардейцев.

В это время с Лаврской колокольня раздался набат. Оказалось, что находившиеся в лаврском дворе богомольцы, узнав о появлении здесь красногвардейцев, по собственной инициативе бросились на колокольню и забили тревогу.

К Лавре стали быстро стекаться толпы народа. Особенно много было женщин. Слышались крики: «Православные, спасайте церкви». К толпе вышел Иловайский в окружении нескольких матросов. Матросы были вооружены винтовками, а сам комиссар все время угрожал толпе револьвером.

По адресу комиссара из толпы послышались угрожающие крики. Его окружили со всех сторон. Затем толпа обезоружила матросов, а комиссара сбили с ног, отобрали револьвер.

Дело грозило окончиться самосудом, но находившиеся возле Иловайского монахи стали успокаивать толпу. Один из них, прикрывая Иловайского, быстро повлек его к Тихвинскому кладбищу, провел его через кладбище окольными тропинками и сдал на руки солдатам в одном из лаврских зданий. Красногвардейцы побросали оружие и разбежались.

Толпа, состоявшая из женщин и солдат, направилась в келию преосвященного Прокопия и освободила его. Караульные, приставленные к членам Духовного собора, стали умолять арестованных спасти их от разъяренной толпы. Их провели через один из выходов в безопасное место. К красногвардейцам тем временем прибыла подмога. На грузовиках привезли два пулемета. Пулеметы были установлены на лаврском дворе, возле церкви Святого Духа. По звонарям дали несколько залпов. Однако набат продолжался. Один из красногвардейцев вошел в церковь, наполненную богомольцами, и потребовал, чтобы ему показали ход на колокольню.

Взобравшись туда, он с револьвером в руке согнал звонарей.

Внизу красногвардейцы и солдаты энергично выгоняли богомольцев из

лаврского двора. Было произведено несколько выстрелов. Тяжело ранили в бедро книгопродавца Усова.

Находившийся в это время на лаврском дворе протоиерей Скорбященской церкви, что за Невской заставой, о. Петр Скипетров обратился к красногвардейцам с увещанием не производить насилий над верующими, не издеваться над святынями. Эти слова только раззадорили большевиков, и один из них выстрелил в о. протоиерея. Пуля попала в рот, раздробила челюсть и засела в шее. На другой день о. Скипетров скончался.

Выстрелы и насилия не испугали верующих. Больших усилий стоило удержать их от сопротивления вооруженным бандитам.

Между тем, в главном соборе Лавры епископ Прокопий в сослужении монашествующих, совершал молебен у мощей святого Александра Невского, а затем в покоях митрополита был созван Духовный собор Лавры, на котором постановлено поручить охрану Лавры воинской части, расквартированной в самой же Лавре.

Ночь с 19 на 20 января в Лавре прошла спокойно. С утра Лавру, ее церкви и двор стали заполнять толпы богомольцев. Митрополита Вениамина посетила депутация от рабочих стеклянного и фарфорового заводов. Они выразили готовность защищать имущество Лавры.

Позже явилась делегация от рабочих экспедиции заготовки государственных бумаг, которая просила разрешить ей участвовать в охране святынь Лавры, чтобы предотвратить эксцессы. Многие молящиеся круглые сутки проводили в Лавре, готовые в любую минуту встать на защиту святынь.

Чувство негодования и раздражения, которое вызвали в народных массах набеги красногвардейцев на Лавру, смутило даже обитателей Смольного. Они предложили наместнику Лавры успокоить народ и заявили, что их неправильно поняли.

«Не могу не выразить удивления, — говорил Преосвященный Прокопий, — что Смольный, в течение последних дней занявший вполне определенную позицию по отношению к нам, теперь старается переменить ее на примирительную. Еще несколько дней назад мы пробовали вступить в переговоры с советом народных комиссаров, но последние не желали нас выслушать, всякий раз давая уклончивый ответ на нашу просьбу об отмене секвестра имущества Лавры, как распоряжения незаконного. Вчера вечером, после событий, разыгравшихся в Лавре, Смольный заволновался, и управляющий делами Сов. Народных Комиссаров Бонч-Бруевич обратился ко мне с просьбой успокоить богомольцев. Бонч-Бруевич заявил, что братия Лавры неправильно поняла декрет, что в данном случае СНК имел в виду

распределение инвалидов в зданиях Лавры. Я ответил Бонч-Бруевичу, что действия комиссара Иловайского способны не успокоить богомольцев, а, наоборот, вызвать дальнейшие эксцессы. Что же касается размещения инвалидов в зданиях Лавры, то на это мы с самого начала возникновения инцидента готовы были пойти и предоставить свободные помещения в распоряжение комиссара призрения».

Большевистские официозы опубликовали в это время официальное сообщение о событиях в Александро-Невской Лавре, в котором утверждалось, что большинство монахов Лавры готовы на всякую совместную работу с комиссарами призрения, а упорствует, дескать, только один епископ Прокопий, который не сдает ни помещения, ни инвентарь. Пространно говорилось о том, что комиссара Иловайского, красногвардейца и какого-то политического эмигранта — фамилия его, вероятно, неизвестна — и составителя сообщения — избили. При этом ни одним словом не упоминалось о том, что в Лавре были расставлены пулеметы, что убили священника, убили только за то, что он осмелился говорить о поругании святынь. Сообщалось о «зверствах толпы, подстрекаемой монахами», но не указывалось, когда же Смольный намерен или вынужден будет прекратить издевательства и глумления над верующими русскими людьми, те издевательства и глумления, которые в печати справедливо названы «игрой с огнем».

20 января, в субботу, почти во всех петроградских газетах было напечатано сообщение, что СНК запретил крестные ходы, которые по многочисленным просьбам верующих, возмущенных налетами на Лавру, предполагалось устроить в воскресенье 21 января в Александро-Невскую Лавру. На другой день в газетах было напечатано, а к вечеру разбрасывали по улицам извещения чрезвычайной комиссии по охране Петрограда, в которых говорилось, что слухи о запрещении крестных ходов — «самая отвратительная ложь», что крестные ходы отнюдь не воспрещены, что наоборот, комиссариатам гор. Петрограда, красногвардейцам, патрулям, обходам и отрядам предписывается всюду поддерживать самый строгий порядок в городе, немедленно арестовывать всех тех, кто будет мешать крестным ходам — таких лиц немедленно доставлять в Смольный.

Не ограничившись первым официальным сообщением относительно событий, разыгравшихся в Лавре, СНК опубликовал второе сообщение — об убийстве о. Петра Скипетрова, коренным образом извратив обстоятельства убийства. Лживо, со слов якобы какого-то архимандрита, не названного в этом официальном документе даже по имени, утверждалось, что красногвардеец, окруженный толпой возбужденного народа, убил

о. протоиерея после того, как последний ударил его посохом. Также лживо утверждалось, что вскрытия тела отца Петра Скипетрова нельзя было произвести потому, что к лазарету явилась толпа истеричных женщин и угрозами заставила выдать им тело убитого. Врач лазарета, в который доставили тело о. Петра, Ф.А. Верховский указывал, что никакой толпы женщин не было, а прах был выдан священникам и диаконам — сослуживцам покойного. Их просьба о выдаче тела убитого была удовлетворена, так как причина смерти была совершенно ясна и вскрытия не требовалось.

«Не успели забыть мученика о. Кочурова, — писал в “Церковных ведомостях” в это время проф. А. Борзов, — как перед нами новый мученик... Он погиб в стенах столичной Лавры, где, по-видимому, меньше всего было бы ожидать торжества грубого насилия. Но и сюда оно проникло с улицы, — сюда, в место покоя, молитвы, уединения».

Тело о. Петра Скипетрова было перенесено в Скорбященскую церковь вечером 21 января. В выносе и в совершении заупокойной всенощной участвовали митрополит Петроградский Вениамин, викарии и многочисленное духовенство. 21 и 22 января у гроба Скипетрова пребывали тысячи молящихся. Панихиды «об убиенном за Веру Православную рабе Божиим протоиерее Петре» (так возглашалось заупокойное моление) совершались непрерывно.

22 января в Скорбященской церкви на стеклянном заводе состоялось отпевание отца Петра. Литургию и отпевание совершили митрополит Вениамин, епископы Прокопий и Артемий и около 25 представителей столичного духовенства. Проститься с настоятелем явилось множество прихожан этого храма. Митрополит Вениамин произнес краткое слово.

Предположенное погребение о. Петра близ Скорбященской церкви не состоялось, вследствие вмешательства в это дело местного совета.

Накануне погребения, поздно вечером, в местный комиссариат были вызваны исполняющий должность о. настоятеля прот. Я. Арсеньев, церковный староста Таиров, председатель приходского совета А.И. Копьев, где им был вручен запечатанный пакет. В нем оказалось распоряжение Совета этого района о запрещении хоронить покойного около храма: вблизи, мол, протекает Нева, и может произойти загрязнение воды.

Об этом было доложено митрополиту Вениамину, который весь порядок похорон оставил прежний, но дал указание похоронить убитого о. Петра на Тихвинском кладбище Александро-Невской Лавры. Туда, после отпевания, на руках прихожан прах мученика был перенесен по тому же пути, которым он шел в Лавру в день, когда его смертельно ранили. Сделать это было

предложено митрополитом Вениамином. В Лавре совершена была лития в главном соборе, а затем около того места, где был ранен о. Скипетров.

Орган Социал-революционеров «Воля страны» в те дни писал:

«Теперь, при диктатуре большевизма, в церквах появляются вооруженные отряды с пулеметами. Ими фабрикуются новые святые, они создают мучеников на почве религиозной так же, как создают они их во всех других областях русской жизни. Борьба, предпринятая Смольным для проведения в жизнь своих декретов, в той форме, в которую она вылилась в Лавре, ничего, кроме самого взрыва ненависти, не может вызвать. Убийство несчастного свящ. Скипетрова так же отвратительно, как расстрел манифестации 5 января и убийство Шингарева и Кокошкина. Большевики возвращают Россию к Средневековью. Ко всем ужасам войны классовой, национальной, партийной, областной и внешней они прибавляют еще войну религиозную, быть может, самую страшную и самую нелепую из всех».

Отношение большевиков к Александро-Невской Лавре и ее насельникам взволновало жителей Петрограда. Борьба с Церковью, уничтожение самой религии, в теории казалось делом нетрудным. Толпы людей, казалось, можно было убедить в том, что религия существует для затемнения классового сознания и для наживы священников. Но эта примитивная схема, при практическом ее осуществлении, не могла не вызвать волнений в народе, в течение тысячи лет связанного с определенной системой религиозного мышления и морали.

Поэтому захват Александро-Невской Лавры вызвал естественное недовольство даже в той массе, которая безропотно сносила все другие опыты, проделываемые большевиками за эти три месяца.

21 января в виде протеста против незаконных и варварских действий большевиков был устроен крестный ход в Лавру из Петроградских храмов. Демонстрация была грандиозной по числу в ней участвовавших и показательной по тому воодушевлению, с которым она прошла. А присутствие в ней интеллигенции свидетельствовало, что не только простолюдины оскорблены в лучших своих чувствах.

Попытки комиссара по государственному призрению захватить Александро-Невскую Лавру, побудили настоятеля Лавры епископа Прокопия и верующих подумать о серьезной и действенной защите лаврских святынь.

Такие действия епископа Прокопия, естественно, были не по душе советской власти. Она постаралась дать свою «интерпретацию» событий в Лавре. На епископа Прокопия был вылит поток словесной грязи. Эта грубая ложь, распространявшаяся истинными виновниками трагических лаврских

событий относительно епископа Прокопия, вызвала естественный протест. В городе было распространено воззвание, в котором, в частности, говорилось:

«Мы, нижеподписавшиеся, выражаем свое глубокое негодование против гнусной лжи, возводимой на досточтимого епископа Прокопия.

Нелепость чудовищной клеветы и обвинения нашего глубочтимого владыки в провокации, приведшей к вызову красногвардейцев и к убийству о. Скипетрова, столь бессмысленны в своем содержании, что не нуждаются в серьезном опровержении. Мы, бывшие ближайшими свидетелями событий 19 января, можем только пожалеть, что настоящее бесправное время не дает возможности оградить чтимое имя владыки от подобной инсинуации. Заявляем, однако, что мы считаем личность святителя Божия неприкосновенной и суду революционного трибунала не подлежащей и потребуем строжайшего расследования всех обстоятельств дела при нашем участии».

Далее следовали пятьсот подписей.

Ежедневная пресса на лаврские события отозвалась с редким единодушием. Газеты всех направлений, исключая, конечно, большевистские, сурово осуждали насильников, посягнувших на святое святых народной души.

В «Нашем веке» 20 января Д. Филосовов писал о «новом фронте» — фронте физической борьбы с Церковью.

«Я еще не знаю всех подробностей событий в Лавре, но уже в народных массах ходят слухи не только о кошунствах, но и о предстоящей реквизиции самих храмов, прекращении богослужений.

Слухи эти падают на очень благоприятную почву. И кто знает, какие плоды на ней вырастут? Те самые массы, которые в вопросах материальной жизни настроены очень большевистски, могут “разделиться на ся” и начать воистину братоубийственную войну. В данном случае, авторитетным судьей является недавно избранный митрополит Петроградский Вениамин. Он хорошо осведомлен о настроении паствы. На днях он обратился к властям с официальным письмом, в котором очень скромно и незлобно предупредил о нежелательности резких мер, оскорбляющих религиозное чувство народа. С этим указанием необходимо считаться.

В конце концов, для Церкви, как таковой, никакие гонения не опасны. Всякие гонения “очищают” Церковь, укрепляют ее моральный авторитет. История дает нам неопровержимые тому доказательства.

Но в настоящие трагические дни, когда не только Петроград, но вся Россия представляет собой настоящий вулкан, всякие грубые эксперименты в этой сложной психологической области чреваты очень серьезными

последствиями. Большевики хвалятся пониманием психологии масс. Но в области религиозной они совершенные слепцы. Вот уж воистину — не ведают, что творят.

Достаточно несчастна Россия, достаточно замучена она неплановой и случайной “гражданской войной”, чтобы равнодушно относиться к новой ее форме.

Если нельзя “управлять”, потакая темным инстинктам масс, то совершенно также нельзя “управлять”, возбуждая инстинкты ненависти. Это ведет к окончательному разложению всякого общежития, всякого управления.

И не случайно, как раз в тот день, когда начались продовольственные обыски, другими словами, в тот самый день, когда официально подтвержден голод, началось и физическое гонение на Церковь, которая так или иначе в течение веков утоляла духовный голод русского народа. Как бы ни были велеречивы программы наших властей, ни того, ни другого голода они пока не удовлетворили, да вряд ли удовлетворят».

«Оренбургский церковно-общественный вестник» писал о событиях в Воронеже. 20 января в Митрофаниевский монастырь явился представитель исполнительного комитета совета рабочих и солдатских депутатов и предъявил настоятелю монастыря постановление исполнительного совета рабочих и солдатских депутатов, в котором предписывалось правлению монастыря в недельный срок очистить корпус, где прежде находился госпиталь, казначейский корпус, две квартиры — архиерейского секретаря и фельдшера, и дом, где помещались послушники. Кроме этих зданий представитель потребовал очистить странноприимный дом, где жили в то время беженцы, семинаристы — дети беднейших родителей и бесприютные старцы. Этот дом вообще служил приютом бедным людям.

Администрация монастыря заявила представителю совета, что в корпусе, где размещался госпиталь, разобраны отопительные приборы, и им пользоваться нельзя. На ремонт потребуется до двух месяцев, и из странноприимного дома выселять живущих в нем монастырь никак не может.

«Представитель» ответил, что знать ничего не хочет, и повторил требование совета, причем пригрозил, что в случае, если все упомянутые здания к назначенному сроку не будут отремонтированы и не приведены в порядок, то он вооруженной силой и штыками очистит помещения.

Правление монастыря обратилось к большевикам с письменным протестом против этой реквизиции, но, естественно, протест ни к чему не привел.

Члены Собора на пленарном заседании 22 января 1918 г. подтвердили, что начатое в Петрограде открытое гонение на Церковь чувствуется и переживается во многих других местах России, откуда то и дело до Собора доходили печальные вести об ограблении церквей, монастырей, убийствах священнослужителей.

По сообщению «Петроградского Эха» (5 февраля), 3 февраля вечером в часовне Александро-Свирского подворья (по Разъезжей улице) происходило богослужение, во время которого в часовню ворвалась группа людей в солдатской форме и потребовала от иеромонаха, совершавшего богослужение, прекратить богослужение и закрыть часовню. Иеромонах отказался. Тогда хулиганы выволокли иеромонаха из часовни и сняли с него облачение. Другие хулиганы стали тушить свечи и вставлять в подсвечники окурки папирос. Женщины стали кричать. Со многими сделалась истерика. Хулиганы скрылись.

На основании решения Соборного Совета, принятого после доклада члена Собора Н.Н. Медведкова о расследовании на местах случаев насилия, имеющих отношение к Церкви, ее служителям и православным христианам, было поручено епархиальным начальствам о всяком насилии, о всяком случае арестов, убийств, пролития крови во время религиозных манифестаций или при исполнении духовенством своих обязанностей «учинять на местах через особые Комиссии надлежащие расследования о случившемся и акты таковых расследований препровождать в Священный Синод».

Донесение Священному Синоду Серафима, Архиепископа Тверского и Калининского на заседании Собора 26 февраля говорит о новых мучениках и исповедниках за Церковь и ее достояние. Председателем Никулинского волостного комитета был некто Сергей Журавлев, человек порочный, бывший в ссылке за воровство и убивший человека при реквизиции хлеба. Он вел себя невоздержанно, угрожал народу, что закроет все церкви в своей волости. По его распоряжению были отобраны церкви в селах Гнездово, Ерзовка и Покровское-Новостанское. 27 марта к священнику с. Гнездова явились комендант местной Никулинской волостной красной гвардии, два вооруженных красногвардейца, письмоводитель, два члена волостного комитета и предъявили распоряжение Журавлева о производстве описи имущества церкви. В присутствии причта и церковного старосты приступили к описи, в которую включили все имущество из серебра, меди и ризницу. Не взирая на бедность недавно построенного деревянного храма, они захватили из церкви 92 рубля 58 копеек медных денег, 55 копеек серебра и две кассовых книжки на 200 рублей. На четвертый день после

этого события Журавлев был «арестован» в пьяном виде народной толпой и отправлен под конвоем в соседний Козоловский комитет, но дорогой, при переходе через реку, он бросился в воду и утонул. Народ признал это за явное наказание Божие.

Тверскими большевиками был захвачен «для нужд совета рабочих и солдатских депутатов» загородный архиерейский дом в Трехсвятском, где по почину архиепископа Серафима в продолжении всей войны содержался на средства епархии госпиталь. Тверской комиссар по вероисповедным делам отдал распоряжение распродать все имущество архиерейского дома и в трехдневный срок выселить живущих в нем монахов. Комиссар Синицын, двадцатилетний юноша, жил в архиерейских покоях. Архиепископу Серафиму приказало немедленно покинуть Тверь. В случае сопротивления, большевики грозили ему заключением под стражу на военную гауптвахту.

Браки совершались под угрозой насилия, без документов о возрасте. В Томской епархии (село Чемское), как сообщал в центр один корреспондент, пьяная толпа товарищей молодого человека, который хотел обвенчаться без таких документов, не выпустила священника из церкви, побила и насильно заставила венчать.

30 мая членом Собора Н.Д. Кузнецовым было подано в СНК следующее заявление:

«В последнее время из разных мест все более и более поступает сообщений, что советская власть на местах предъявляет к священникам разные требования, которые они по долгу своего служения и по каноническим правилам не могут исполнять без разрешения на это епархиальной, а иногда и Высшей Церковной власти, К таким требованиям относятся предписания священникам сдать церковное имущество. Так недавно случилось, например, в Москве с протоиереем Казанской у Калужских ворот церкви Авениром Полозовым. Подобного же характера требование предъявлено в настоящее время священникам Гжатского уезда Смоленской губернии о передаче метрических книг.

Когда священник села Рождествена Иоанн Березкин и четверо других отказались исполнить это требование, не имея на то права, они были вызваны в Гжатский Военно-Революционный трибунал. Повестка о вызове была вручена накануне вечером и без всякого обозначения, в чем они обвиняются. Только в самый день суда из краткого разговора с казенным защитником выяснилось, что священники обвиняются в не передаче советской власти метрических книг. Затем начался этот неожиданный для священников суд, на котором они заявили о том, что они не имеют права выдать эти книги. Защитник просил отложить судебное дело, ссылаясь на

позднее получение повесток, на невозможность для обвиняемых вызвать свидетелей, и на то, что обвиняемые до начала суда не знали, в чем они обвиняются.

Суд эту справедливую просьбу не удовлетворил, а председатель его заявил, что Гжатский Военно-Революционный суд должен судить не только обвиняемых священников, но все духовенство. Передача книг имеет, мол, второстепенное значение. Высказался и казенный обвинитель, прочитан написанное на 5-6-ти листах обвинение, в котором шла речь не о доказательстве вины пяти подсудимых священников, о порицании духовенства вообще и даже о толковании Евангелии.

Защитник из публики, крестьянин, справедливо указал суду, что судить священников нельзя, по долгу своей службы не имеющих права выдавать метрики без разрешения Высшей Церковной власти. Но трибунал, несмотря на все это, приговорил 4 священников к наказанию за саботаж к 1 месяцу тюрьмы и общественных работ, а о. Иоанна Березкина, 68-летнего старца, к 2 месяцам тюрьмы и общественных работ. Для устройства своих дел священникам было предоставлено 7 дней, истекающих 30 мая, причем приговор решили привести в исполнение, несмотря на заявление об его обжаловании.

В тексте обжалования было сказано: “Прошу возможно скорее сделать распоряжение о приостановлении исполнения приговора Гжатского Военно-Революционного Трибунала до рассмотрения высшей инстанцией жалобы осужденных. Иначе хорошо же будет положение священников, отбывших наказание, если высшая инстанция отменит приговор. Подобное положение осужденного человека не допускалось даже в военных судах павшего государственного строя, и приговор их приводился в исполнение лишь по рассмотрении дела высшей инстанцией.

Кроме того, я обращаю внимание, что Гжатский Военно-Революционный Трибунал вопреки требованию справедливости вовсе не принял во внимание отсутствие у священников права выдавать метрики, не выяснил всех обстоятельств этого факта, и совершенно неправильно квалифицировал самое преступление как саботаж. Поэтому я уверен, что обжалованный приговор трибунала не может быть оставлен в силе, и приостановление его исполнения тем более необходимо.

Мало того, заключение в тюрьму 5 священников, а затем, по-видимому, и всех других в Гжатском уезде, с которыми собираются поступить таким же образом, вызывает прекращение богослужения в уезде и закрытие храмов, а это может дать повод к большим волнениям в православном населении, что едва ли в интересах самой же советской власти.

Вопрос о передаче метрических книг, как выяснилось из разговора моего с представителями СНК, не так прост, как представляется иным агентам местной советской власти, и будет подлежать обсуждению и разрешению Комиссии, учрежденной для разъяснения декрета от 23 января 1918 г.

Это обстоятельство еще более свидетельствует о необходимости прекращения или по меньшей мере приостановления всех дел о передаче священниками метрических книг.

Наконец, дела, подобные Гжатским, и многие другие, возбуждают общий вопрос, правильно ли поступает советская власть, обращая к священникам разного рода требования, которые они по долгу своего служения не должны исполнять без разрешения Высшей Церковной власти. Такой порядок, не соответствующий положению священников и, нужно прямо сказать, совершенно несправедливый. Он ставит священников в безвыходное положение, — не передав метрических книг, подвергнуться наказанию от революционного суда или репрессиям советской власти, а передав книги, потерпеть наказание церковное. Сколько излишних конфликтов и недовольства создается на этой почве. Сколько появляется бесцельных судебных дел, которые многие начинают рассматривать прямо уже как борьбу против церковного строя вообще.

Поэтому в интересах справедливости и умиротворения населения я прошу СНК немедленно разъяснить местным властям, что все подобные требования, которые находят нужным предъявлять по делам церковным, во избежание насилия над совестью священников, должны быть обращены не к священникам, а к епархиальной власти. Этим сразу будет устранено много недоразумений, судебных дел, и вызываемой неправильностью их, вражды и злобы.

Прошу возможно скорее уведомить о принятом решении по этому срочному вопросу»».

По поводу этого заявления Отдел по проведению в жизнь декрета об отделении Церкви от государства послал 30 мая в Гжатский Военно-Революционный трибунал следующее отношение:

«Отдел считает нужным разъяснить, что Революционный трибунал в праве приостанавливать приведение приговора до рассмотрения дела высшей инстанцией, и что при наличии кассации оной жалобы и возможности отмены приговора Революционным трибуналом надлежит относиться крайне осторожно к приведению в исполнение обжалуемого приговора суда». И все...

Московские газеты сообщали о событиях в Донецкой области. По распоряжению СНК были конфискованы и заняты советами Покровский и

Курянский монастыри. Вокруг монастырей собралась огромная толпа народа. По распоряжению властей для разгона собравшихся были высланы красногвардейцы. Толпа встретила их враждебно. Тогда в помощь красногвардейцам был послан отряд под предводительством матроса Самушкина, который «объявил» людям, что матросы будут решительно бороться с «черносотенной агитацией».

По сообщению «Утра России» в Смоленской епархии народный комиссар по внутренним делам губернии Генкин, судя по фамилии — еврей, организовал гонения на Церковь.

Очередной номер «Смоленских епархиальных ведомостей» был задержан местной цензурой в корректуре и не допущен к выходу за то, что в нем был описан крестный ход.

«Братские речи» повествовали об ограблении священника с. Шороховки Тамбовской епархии. Подробности — обычные для тех дней: четыре грабителя в солдатских шинелях, избиение священника, тщательный обыск в доме, «реквизиция» денег и платья. Тревога была поднята своевременно, в селе происходил как раз мирской сход, и тем не менее грабители безнаказанно скрылись, оставив семью священника без денег и совершенно раздетую.

Трагичные события произошли в Уфимской епархии.

Вблизи города Уфы приютился небольшой Одигитриевский мужской монастырь.

Революционные события достигли и его. Монастырь разгромили, разгромили в буквальном смысле этого слова. Монастырский храм осквернили. Стены рубили, разламывали, окна выбили, иконы превратили в щепы и даже... измазали нечистотами. Святой Престол один святотатец взял к себе в дом, и место Трапезы Господней превратил в обеденный стол!

Раскаяния среди «воров и разбойников» не было видно, святотатство продолжалось. Хотя «широка заповедь Господня зело» о любви, но «не без ума же носят меч духовный и преосвященнейшие владыки — епископы», — говорилось в заметке по этому поводу.

Надо было произвести суд духовный, надо было анафематствовать упорных и дерзких кощунников и святотатцев, надо было пресекать это великое зло. «Мы должны прощать своих врагов, но не Божиих».

К чести Уфимского епископа Андрея надо сказать, что, узнав о происходившем в г. Уфе погроме, он обратился к своей пастве с посланием, в котором, между прочим, писал:

«Я не могу и не имею права, как епископ, молчать, оставлять грабителей без церковного наказания. Всякий грабитель есть оскорбитель Святой

Церкви, и Церковь на два года отлучает его от святого своего общения, по священным канонам. Поэтому и я, как епископ Церкви Уфимской, по данной мне от Господа Иисуса Христа власти вязать и решать грехи человеческие, настоящим посланием своим определяю и объявляю: все воры и грабители, носящие христианское имя и участвовавшие в погроме храмов г. Уфы, отлучаются от святого Причастия на два года...»

Сельский исполнительный комитет хутора «Осечи», Конотопского уезда Черниговской епархии требовал роспуска соседнего монастыря. Сельский исполнительный комитет с. Оболнья Кролевецкого уезда самовольно поставил сторожей на хуторе Зубковщине, принадлежащем Рыхловскому монастырю, и не позволил вывезти из хутора сельскохозяйственные продукты, необходимые для жизни монахов.

В применении репрессий по отношению к духовенству Совдепы на местах часто практиковали пожизненную ссылку, хотя «такая мера не предусмотрена ни одним декретом».

В виде особой кары священнослужители принудительно привлекались к «трудовой повинности» в виде очищения отхожих мест, улиц, базарных площадей и других черных работ.

«Кронштадские известия» сообщали (перепечатка — в «Новом Луче») о том, что православных священнослужителей исполком совета рабочих и солдатских депутатов привлекает к совершенно неподходящей их положению «милицейской» службе.

С ревностью не по разуму, сломя голову, большевики бросились на путь таких «церковных реформ», которые, как будто, нарочно задевали и оскорбляли религиозные чувства верующих.

Издевательства доходили до того, что в Новгородской губернии, например, у сестер Валдайского Коротского женского монастыря под угрозой выселения из монастыря требовали подписи о вступления их в местную организацию РКП (Российской коммунистической партии).

В Новгородском уезде советские «психолухи» изобрели неповторимую форму давления на неугодных. В церкви Десятинского монастыря они устроили резиденцию ГУБЧКа и (через тонкую перегородку) помещение для арестованных. Представляете, какую симфонию пыток слушали круглые сутки арестованные священнослужители Новгородского уезда?

Происходившая в первые послереволюционные годы анархия сопровождалась взрывами необычайной классовой вражды, с крайней ненавистью ко всем, стоящим выше и лучше обеспеченным (хотя бы это было добыто исключительно собственным умом и трудом), со стремлением ко все большему захвату материальных благ. Многие вопиющие недостатки

прежнего государственного строя возбудили в народе жажду лучшего. Но вместо чистой воды жаждущие бросились пить напиток, омрачавший разум и совесть.

Характерную черту этого духа составляло стремление к благам века сего, особенно материальным, с пренебрежением и даже явным отрицанием стремлений к жизни с более широким горизонтом, не замыкающейся пределами вещественного мира, но имеющей своим центром и целью что-то высшее.

Такой узкий взгляд на жизнь, как правило, сопровождается возвышением себя в собственном мнении и крайней нетерпимостью к людям с более широким кругозором. Всему, что недоступно их пониманию, такие «революционеры» отказывают в праве на существование и стараются уничтожить в окружающем мире.

Проникновение этого духа в народные массы вызвало крайнее проявление зависти, злобы и алчности. Из этих человеческих страстей в России образовался как бы огромный костер, на котором погибло множество людей, совершенно неповинных, и без всякой пользы для народа. Кроме того, в первые полгода советской власти погибло имущества на более, чем миллиард рублей. В этот же костер было брошено духовенство и все церковное имущество.

Газеты старались оправдывать действия тех, кто занял места правителей России, вбивали в голову народа крайне невежественную и совершенно затасканную к тому времени в Европе мысль, что религия выдумана попами и поддерживается духовенством в корыстных целях. В результате эксплуатации народа духовенством, будто бы, и появилось все церковное имущество, которое, как награбленное у народа, декрет и возвращает народу.

Какое огромное искушение представляли подобные мысли для людей, охваченных классовой ненавистью и алчностью! Чтобы оградить народную душу, необходимо было напомнить, что представляет собой в действительности христианская религия: Она дана Христом Спасителем, Который «не имел, где преклонить голову», заповедал любить ближнего, «как самого себя» и положил душу Свою «за спасение людей».

А Апостолы! Только слепая злоба против христианства может видеть корысть в их служении, наполненном преследованиями, мучениями и насильственной смертью. Вспомним таких великих представителей Церкви, как св. Игнатий Богоносец или св. Иоанн Златоуст, лишенный за обличение византийской императрицы места Константинопольского архиепископа и отправленный в ссылку?

А тысячи других! Что же, и они проповедовали христианство и руководили народом, чтобы наживаться и после смерти своей пользоваться доходами с церковного имущества?

Нелепо и просто смешно оправдание декрета тем, что религия, мол, лишь удобное средство в руках корыстных попов. А русское духовенство! Кто не преклонится перед силой духа св. митрополита Филиппа, открыто указавшего свирепому Иоанну Грозному на вред для государства опричников и за это задушенного ими. Кто, знакомый с историей, не знает самоотверженной деятельности Патриарха Гермогена? В смутное время Русской истории он сумел освежить в русском народе церковное самосознание, и только благодаря этому Россия, тесно связанная тогда с Церковью, была спасена, — Патриарх поплатился за это жизнью.

Как могли и могут большевики и прислуживающая им печать обвинять в корыстолюбии таких людей, изображать каким-то воплощением корыстолюбия все духовенство на протяжении всех 2000 лет?

Но разъяснить все это у Церкви возможности не было, В первые же месяцы после революции церковная печать прекратила свое существование. И жесточайший террор принял всероссийский размах.

С высоты птичьего полета

Дни революции. «Начинается грандиозный опыт. Одному чуду известно, во что это выльется», — писал Горький в те дни. Но вылиться во что-то оно должно было. И вылилось.

Потекли нескончаемым потоком ужасы во все концы России. К прискорбию, только немного о них было опубликовано. Весь архив о событиях тех дней находится в руках советского правительства и совершенно недоступен для историка...

«Беспримерное, еще небывалое в тысячелетней почти истории нашей Русской Церкви, время переживаем мы, — писала в то время церковная пресса, — и это тяжелое время нависло над нами так быстро, так неожиданно, что мы совсем к нему не подготовились. Можно ли было полтора года тому назад подумать, что скоро наступит открытое, все усиливающееся гонение на Церковь нашу ...

Почти во всей России совершается осквернение храмов и поругание святынь, насильственное отнятие церковного имущества — особенно у обитателей — во всех его видах, начиная от зданий и денег, продолжая угожьями..., и оканчивая последним скудным запасом хлеба и картошки, так что иноки и инокини обрекаются на голодную смерть. Отнимаются помещения церковно-учебных заведений и разных других учреждений духовного ведомства, наконец, зверски расстреливаются священнослужители, часто без всякого не только суда, хотя бы для видимости их виновности, но и без предъявления к ним какого бы то ни было обвинения, — только за то, что они — служители Церкви Православной, провозвестники Христовой Истины».

«Гонение жесточайшее воздвигнуто на Святую Церковь Христову, — писал Патриарх Тихон, — Благодатные Таинства, освящающие рождение на свет человека или благословляющие супружеский союз семьи христианской, открыто объявляются ненужными, излишними; святые храмы подвергаются или разрушению через расстрел из орудий смертоносных (святые соборы Кремля Московского), или ограблению и кощунственному оскорблению (часовня Спасителя в Петрограде); чтимые верующим народом обители святые (как Александро-Невская и Почаевская Лавры) захватываются безбожными властелинами тьмы века сего и объявляются каким-то якобы народным достоянием; школы, содержащиеся на средства Церкви Православной и подготовлявшие пастырей Церкви и учителей веры, признаются излишними и обращаются или в училища безверия, или даже прямо в рассадники безнравственности. Имущества монастырей и церквей

православных отбираются под предлогом, что это — народное достояние, но без всякого права и даже без желания считаться с законной волей самого народа... Власть... проявляет всюду только самое разнузданное своеволие и сплошное насилие над всеми и, в частности, — над СВЯТОЙ Церковью Православной».

Член Собора профессор Н.Д. Кузнецов сказал совершенно определенно: «О Православной Церкви в России приходится сказать до сих пор нечто невероятное. Церковь начинает быть гонимой. Это не мое только признание, но и заявление Всероссийского Церковного Собора и Патриарха в их посланиях православному народу. Православные русские люди, сознаете ли вы весь ужас для России произносимых слов? Если бы миллионы наших предков теперь воскресли, они, вероятно, не могли бы оставаться среди нас и просили бы поскорее снова умереть. Вот до чего дошла Россия».

В субботу 16 марта к Петроградскому митрополиту Вениамину явились представители последователей протестантского вероисповедания, живущие в России, — прокурор Евангелическо-лютеранской Генеральной консистории Ю. Гептнер и светский член консистории барон Рейнгольд Мирбах. Они представили Владыке приветственный адрес на имя святейшего Патриарха Тихона:

«Ваше Святейшество, Святейший Владыка, — говорилось в нем. — Последователи протестантского вероисповедания... с душевным и все возрастающим прискорбием переживают постигшие за последнее время великую нашу страну несчастья: злополучную войну, потрясение основ государственного строя и, наконец, посягательства на свободу всей Христианской Церкви нашего Отечества и, прежде всего, Церкви Православной.

В дни столь тяжких испытаний более, чем в другое время, сознавая единство всей Христовой Церкви и тщету всяких, идущих против нее, попыток государственного строительства, нижеподписавшиеся последователи протестантского исповедания испытывают потребность выразить Российской Православной Церкви, в лице Вашего Святейшества, чувства глубокого возмущения творимым над нею насилием и, вместе с тем, твердое упование на скорое избавление от постигшего ее преследования, согласно словам евангелиста Иоанна: “Яко всяк, рожден от Бога побеждает мир: и сия есть победа, победившая мир — вера наша”».

Адрес был подписан президентом Евангелическо-лютеранской Генеральной консистории, светскими членами ее, многочисленными представителями церковных советов лютеранских и французских реформаторских приходов, а также пасторами лютеранских церквей.

... Страшный коммунистический опыт, совершившийся на миллионах русских людей, породил стоны отчаяния, которые исходили со всех сторон России: с берегов Оби и Енисея, с далеких островов Белого моря и горных хребтов Туркестана.

Что видел, что слышал вокруг себя рядовой русский человек? Оскудевает вера, гибнет древнее русское благочестие. Отечество потрясено смутой в самих основах своих. Потерявшие разум преступники совершают неслыханные злодеяния, от которых безвинно гибнет множество людей. Люди простые отказываются от честного труда, дававшего им средства к существованию. Ополчаясь на чужое добро, они безумно губят плоды долголетних трудов и цветущие хозяйства обращают в пустыни и пожарища. Люди просвещенные не то с равнодушием, не то с робостью безмолвно созерцали распадение устоев нашей государственности.

«Испытания, ниспосланные Богом на страну нашу и Святую Православную Церковь, — писали в письме, которое предполагалось приложить к возванию архиепископу Кентерберийскому, члены Юго-Восточного Церковного Собора, — безмерны, равных им не знает история: у нас разрушены элементарные основы человеческого бытия. Храмы наши оскверняются, служители алтаря подвергаются гонениям, небывалым со времен римских императоров. Семейные очаги разрушены и отданы на поругание. Свобода попорана, и русский народ стонет под гнетом самозванцев, насилием и предательством, захвативших народную власть».

На заседании Собора 25 января было составлено моление о спасении Русской Православной Церкви и предложено наметить на всякий случай преемника Патриарху (не от хорошей жизни), а на 118 заседании Собора 29 марта обсуждался обширный доклад специальной комиссии о гонении на Церковь. Опять же, Патриарх чувствовал это больше, чем кто-либо.

Казнят епископов, священников, монахов и монахинь, ни в чем неповинных, а просто по огульному обвинению в какой-то расплывчатой и неопределенной «контрреволюции».

«Точно множество бесов налетело на Россию и со свойственной им ловкостью в искушениях принялось напоить в большинстве темные русские умы тем духом, который еще до начала мировой войны распространился по Европе и привел ее к катастрофе».

«Грядущий Хам, — писали “Церковные ведомости”, — ужасал ожидаемыми бедствиями русскую интеллигенцию, дождавшуюся, наконец, “Пришедшего Хама”, который на наших глазах попирает ее, повергая на землю в грязь свою и в ней затаптывая своими звериными ногами всех и все.

Растерзывание генералов и офицеров заживо, разграбление имущей

интеллигенции и издевательства над нею самых бесчеловечных видов сделали уже известными читающей публике.

О страданиях православного пастырства печать замалчивает. А каковы они, можно судить по немногим примерам сего».

«Народное слово» писало в те дни о том, что погромная волна пошла значительно дальше винных погребов, она нашла новые объекты, новые точки приложения, — и тут-то бросался в глаза некоторый параллелизм.

Смольный совершил налет на Александро-Невскую Лавру, — и ночным погромам подвергаются церковные дворы.

Смольный объявил золото сейфов конфискованным, — а герои ночи производят экспроприацию в ювелирных магазинах.

Смольный обыскивает частные квартиры «буржуев» в поисках спрятанного продовольствия, желая таким способом накормить голодающий из-за гражданской войны Петроград, — громилы тоже обратили свое благосклонное внимание на частные квартиры «буржуев», считая себя более способными обнаружить запасы.

А между тем, когда приходится обуздывать учеников, учителя не знают жалости. Ведь при одном только усмирении пьяных беспорядков на Вознесенском было перебито 160 человек.

После долгого перерыва в «Новой Жизни» возобновил свои размышления М. Горький.

Примечательна его характеристика исторического момента.

Забитый до оупения жестокой действительностью, пьяненький, до отвращения терпеливый и, по-своему хитренький, московский народ всегда был и остается психологически совершенно чужд российскому интеллигенту, богатому книжными знаниями и нищему знаниями русской действительности. Тело плотно лежит на земле, а голова выросла высоко в небеса, — издали же, как известно, все кажется лучше, чем вблизи.

Конечно, опыт социальной революции — занятие, весьма утешающее маляков этой прекрасной идеи и очень полезное для жуликов. Как известно, одним из наиболее громких и горячо принятых к сердцу лозунгов нашей самобытной революции явился лозунг: «Грабь награбленное!»

Грабят, изумительно, артистически, нет сомнения, что об этом процессе самоограбления Руси история будет рассказывать с величайшим пафосом.

Грабят и продают церкви, военные музеи, продают пушки и винтовки, разворовывают интендантские запасы, грабят дворцы бывших великих князей, расхищается все, что можно расхитить, продается все, что можно продать; в Феодосии, солдаты даже людьми торгуют: привезли с Кавказа турчанок, армянок, курдков и продают их по 25 рублей «за штуку». Это очень

«самобытно», и можем гордиться, — ничего подобного не было даже в эпоху Великой Французской революции.

Честные люди, которых у нас всегда был недостаток, ныне почти совсем перевелись; недавно я слышал приглашение такого рода:

«Приезжайте к нам, товарищ, а то у нас, кроме трех рабочих, ни одного честного человека нет!»

И вот этот маломощный, темный, органически склонный к анархизму народ ныне призывается быть духовным руководителем мира, Мессией Европы.

Казалось бы, что эта курьезная и сентиментальная идея не должна путать трагическую игру народных комиссаров. Но «вожди народа» не скрывают своего намерения зажечь из сырых русских поленьев костер, огонь которого осветил бы западный мир, где огни социального творчества горят более ярко и разумно, чем у нас, на Руси.

Костер зажгли, горит он плохо, воняет Русью, грязненькой, пьяной и жестокой. И вот эту несчастную Русь тащат и толкают на Голгофу, чтобы распять ее ради спасения мира. Разве это не «мессианство» во сто лошадиных сил?

А западный мир суров и недоверчив, он совершенно лишен сентиментализма. В этом мире дело оценки человека стоит очень просто: вы любите? вы умеете работать? Если так — вы человек, необходимый миру, вы именно тот человек, силою которого творится все ценное и прекрасное. Вы не любите, не умеете работать? Тогда при всех иных ваших качествах, как бы они ни были превосходны, вы — лишний человек в мастерской мира. Вот и все.

А так как россияне работать не любят и не умеют, и западноевропейский мир это их свойство знает очень хорошо, то будет нам очень худо, хуже, чем мы ожидаем...

Сегодня «Прощеное Воскресенье».

По стародавнему обычаю в этот день люди просили друг у друга прощение во взаимных грехах против чести и достоинства человека. Это было тогда, когда на Руси существовала совесть; когда даже темный, уездный русский народ смутно чувствовал в душе своей тяготение к социальной справедливости, понимаемой, может быть, узко, но все-таки понимаемой.

В наши кошмарные дни совесть издохла. Вот убиты невинные и честные люди Шингарев, Кокошкин, а у наших властей не хватает ни сил, ни совести предать убийц суду.

Расстреляны шестеро юных студентов, ни в чем не повинных, — это

подлое дело не вызывает волнения совести в разрушенном обществе культурных людей.

Десятками избивают «буржуев» в Севастополе, в Евпатории и никто не решается спросить творцов «социальной» революции: не являются ли они моральными вдохновителями массовых убийств?

Издохла совесть. Чувство справедливости направлено на дело распределения материальных благ, — смысл этого «распределения» особенно понятен там, где нищий нищему продает под видом хлеба еловое полено, запеченное в тонкий слой теста. Полуголодные нищие обманывают и грабят друг друга — этим наполнен текущий день. И за все это — за всю грязь, кровь, подлость и пошлость — притаившиеся враги рабочего класса возложат со временем вину именно на рабочий класс, на его интеллигенцию, бессильную одолеть моральный развал одичавшей массы. Где слишком много политики, там нет места культуре, а если политика насквозь пропитана страхом перед массой и лестью ей — как страдает этим политика советской власти — тут уже, пожалуй, совершенно бесполезно говорить о совести, справедливости, об уважении к человеку и обо всем другом, что политический цинизм именует «сентиментальностью», но без чего нельзя жить.

«Строгости» в то время было сколько угодно. Расстреливали за малейшую провинность, а то и без всякой вины, просто так, за компанию, так сказать. Нет, это была не та разумная строгость, какая необходима каждому народу и каждому государству. Это была дикая, звериная жестокость.

Ни о каком протесте этому безумию не могло быть и речи. «Мы знаем, — сказал на заседании Собора 20 января 1918 г. протоиерей А.А. Хотовицкий, — как жестоко карают насильники, стоящие у власти, мужественное слово правды». Особая комиссия Дзержинского в расклеенных по всей столице объявлениях грозила «стереть с лица земли» всех, кто будет выступать «с речами и действиями против советской власти».

Из народа были исключены все, кроме рабочих и крестьян. А ведь ими далеко не исчерпывался состав населения России. Кроме всего прочего, он, чего греха таить, был ограничен качественно.

Классовая принадлежность определялась по лишнему куску хлеба, поэтому таких, как А.В. Карташев, министр исповеданий, член Собора, или А.И. Шингарев и Ф.О. Кокошкин, большевики и за людей не считали. Первый томился в заключении в Петропавловской крепости, другие были зверски расстреляны в ночь на 6 января кучкой красногвардейцев и

матросов в Мариинской больнице, куда они были переведены для лечения из Петропавловской крепости.

Известие об этом зверском самосуде произвело потрясающее впечатление, особенно после расстрела мирной манифестации. Отголоски недовольства и возмущения широких масс трудового народа этими расстрелами дошли до Смольного, произвели впечатление и на правительство народных комиссаров. Ленин немедленно издал приказ о розыске и аресте убийц, совершивших зверскую расправу.

В результате расследования убийства Шингарева и Кокошкина было установлено, что зверский расстрел министров организован не черносотенцами, как хотели представить этот случай некоторые большевистские газеты, а руководителем красногвардейцев Выборгского района Петрограда и несколькими его помощниками.

В свете таких фактов характеристика большевиков, данная Шульгиным в его работе «1920 год», уже далеко не выглядит, как слепо ненавистническая и антисоветская. Она в большой мере обретает реальную основу и правдивость: «Красные — грабители, убийцы, насильники. Они бесчеловечны, они жестоки. Для них нет ничего священного... Они отвергли мораль, традиции, заповеди Господни... Они, чтобы жить, должны пить кровь и ненавидеть. И они истребляют «буржуев» сотнями тысяч... Они убивают, они пытаются... Разве это люди? — Это звери...»

Или другая:

«Большевик? — спросил архонт и почесал голову. — Что это значит?

— Это значит — хватай всю жратву, что под руки попадет, и воруй, чтобы разбогатеть! Это такая банда, которая бродит по всему миру в последнее время».

Вот в таких условиях встречал верующий русский народ светлый воскресный день Торжества Православия в 1918 г.

— В настоящем году Торжество Православия совершается в нашей первопрестольной столице с двумя совершенно исключительными особенностями, — сказал в своем слове за Божественной литургией в храме Христа Спасителя в Москве митрополит Антоний. — Первая из них заключается в том, что в нынешнем году Торжество Православия впервые справляется не в том храме, где оно справлялось в течение четырех с половиной веков, не в древнем Успенском соборе, а в новом соборном храме Рождества Христова. Конечно, храм этот по крайней мере вчетверо вместительнее Успенского; многочисленный Собор священнослужителей представляет собою здесь несравненно более величественную картину, чем в тесном старом соборе. Но не в этом заключается причина, по которой

Торжество Православия перенесено ныне в новый собор; внешние удобства не понудили бы церковную Москву изменить исконный обычай — праздновать Православие пред чудотворными раками великих Святых и пред чудотворным ликом Богоматери.

Нет, не по своей воле должны были собраться сегодня пастыри и паства московская в новый собор, а потому, что ее не пускают в Священный Кремль и в чудотворную древнюю церковь Успения. Дожили мы до таких времен, когда жителям столицы заложен путь к самым дорогим, самым родным их святыням, когда приходится им отыскивать другие места для своих священных собраний, чем в прежние годы...

Церковь Российская впала в такое порабощенное состояние, какого не испытывали наши единоверные племена ни под властью магометан, ни под властью западных еретиков, ни наши предки под игом татар.

Наши церкви подвергаются расстрелам и ограблению, их имущества повсеместно расхищаются; наши школы лишены права учить детей и юношей тому, что Господь назвал единым на потребу, т. е. словесам Своего Евангелия и вообще Закону Божию; наши пастыри и архипастыри изгоняются из церковных домов; наши училища и академии, воспитывавшие пастырей церковных, совершенно упраздняются. Ни евреи, ни магометане, ни протестанты не лишены тех прав и имуществ, каких лишен православный люд на Руси...

При виде пробитого бомбой купола Успенского собора, разбитой стены Киево-Печерской Великой церкви, при виде разоренных монастырей и опустошенных причтовых домов, при виде нищенствующих иереев-изгнанников, их плачущих голодных детей, училищ, с вынесенными из них образами, и прочих ужасов современного развращения, не уместнее было бы и нам взамен торжества ужасаться и тосковать и восклицать с пророком: “О, кто даст главе Моей воду и глазам моим источник слез! Я плакал бы день и ночь о пораженных дщерах народа моего”» (Иер. 9, 1).

«Плачь, родная страна! Плачь, рыдай, родная Россия-мать! Святыня твоей государственной жизни, право-закон грубо растоптан, свобода твоего слова безжалостно раздавлена, неприкосновенность личности жестоко попрана, истерзано все, даже последние лепестки твоей юной благоухающей свободы. Отцы, с горечью напоминаю, что сбылись мои слова, сказанные вам с воплем души на собрании в апреле прошлого года, что историческое колесо политического переворота неизбежно повернется назад, и мы будем не в силах его повернуть, и вот тогда водворится в стране тирания. Тирания мрачной тенью теперь покрыла русскую землю, и мы пока бессильны даже ослабить ее.

Но...

Возрадуйтесь! Смотрите, как загорелся свет веры в сыром холодном Петрограде и замерзшей Москве после лишь попытки глубоко кощунственного захвата святыни Петрограда — Александро-Невской Лавры.

Радуйтесь: пред вами уже горит яркий огонь веры, который привлек такую несметную толпу с хоругвями и иконами на эту площадь, чтобы молиться о сохранении и защите Святой Православной Церкви.

Радуйтесь пламени любви к Церкви, которым сияют ваши сердца после издания декрета (указа) об отделении Церкви от государства. Вместо свободной Церкви в свободном государстве наша мать Святая Церковь Православная лишается всех человеческих прав и становится гонимой рабой. Ведь этого не знали и не знают православные церкви в деспотической магометанской Турции. Христианам было лучше, чем становится теперь нам, даже при гонителях кровавых — римских императорах-язычниках. Римские императоры считали священными места христианских погребений и не касались их. И христиане там спокойно, тихо молились. Декрет об отделении Церкви от государства лишает Церковь права иметь собственные храмы и свободно совершать общественное моление нашему Богу.

Но вы радуйтесь тому, что теперь наступило время мученичества за имя Спасителя Христа. Слушайте, вы, обитатели Смольного: вас мы не послушаем, вам мы не подчинимся ни за что и никогда... Мы будем совершать все таинства нашей Церкви и все общественные богослужения. Вы силою отнимете наши храмы, мы будем править службу Господу Богу в домах и даже в подземельях. Вы произволом захватите наши антиминсы. Мы будем без них, с благословения своих епископов, совершать литургии. Вы насилием заберете наши священные сосуды. В домашних сосудах тогда мы совершим страшную жертву Тела и Крови Господней.

Без нее мы не можем жить, она — наша жизнь, без нее — наша смерть. Святая Евхаристия дает нам радость, неземной восторг, и силу жить, бороться и силу мужественно бестрепетно нести страдания. Гонений и мук от вас мы не боимся. Мы их хотим, мы жаждем их кровавой красоты. Мы не трепещем ваших революционных трибуналов (судов, ведь, нет). Даже изуродованные вашим самосудом наши тела будут пронзаны, словно иглами, вашу совесть, будут прокладывать путь победе света над беспросветной тьмою, христианству над новым язычеством, и победа, бесспорно, будет наша.

* * *

Февраль 1919 г. Захватившие в свои руки верховную власть России большевики принялись подвергать уничтожению не только интеллигенцию и гражданские культурные ценности, они преследуют также все религии с их представителями и уничтожают почитаемые религиозные памятники.

Разгромлены храмы московского Кремля, Ярославля, Симферополя, многие осквернены. Расхищены исторические ризницы и библиотеки: патриаршие в Москве и петроградские. Убиты: киевский митрополит Владимир, около 20 епископов, многие сотни священников. Перед убийствами жертвам часто отрезают конечности тела, колот, иных зарывают живыми в землю.

Расстреляны крестные ходы народа в Петрограде, Туле, Харькове, Солигаличе. Где власть большевиков, там гонение на Православную Церковь, которое по жестокости превосходит гонение первых трех веков. Насилуют монахинь, социализируют женщин, полная разнузданность страстей. Царит голод и смерть. Люди в унынии. В огненном искушении одни очищаются, а другие погибают. Только Сибирь и Приуралье изгнали большевиков и под сенью закона правильно устраивают свою жизнь гражданскую и церковную».

Протопресвитер Шавельский в статье «Большевизм и Церковь» писал, что нет тех издевательств, тех зверств, которые бы стеснялись применять по отношению к религии и духовенству в советской республике.

В г. Юрьеве, как сообщает о. протопресвитер, красные палачи топорами изрубили семнадцать священников и епископов. Большевики бросали священников в свалочное место, отрезали им носы и уши, одевали в женскую одежду и заставляли танцевать, распарывали священникам животы и сажали туда живых поросят, одевали лошадей в церковные ризы, так, что крест приходился на лошадиный зад, вставляли папиросы в рот изображениям святых, устраивали вместо панихид бесовскую свистопляску и т. д. и т. п.

Святители и пастыри Православной Церкви нашей предаются жестоким гонениям и мучительной смерти. Более десяти епископов приняли уже мученический венец. Много сотен священников погибли невинною жертвою нечестивых и злобных гонителей христианства. Храмы наши поруганы. Исторические церковные сокровища расхищены. Молитва изгнана. Мощи веками чтимых святых вынуты из хранилищ и преданы поруганию. Злодеи в богохульстве своем не остановились перед поруганием мощей святого Сергия Радонежского, великого печальника земли русской во дни татарского ига, и всенародно возвестили о том в своих известиях.

Безбожная власть изыскивает случаи унижить, оскорбить и разорить нашу Святую Веру. Православная Церковь наша непрестанно молит Господа о прекращении ниспосланных ей бедствий и о спасении народа от власти тьмы и зла. Но силен враг наш, разоривший страну нашу, силен не внешним могуществом, а внутренним влиянием на душу слабого человека. Прикрываясь заботой о бедных и угнетенных, он зовет темный народ к грабежу и убийствам, полному ниспровержению всякой власти, к отречению от Бога и совести».

«... Вот уже два с лишним года, — писал архиепископ Донской и Новочеркасский Митрофан, — как в великой некогда России нет законной власти и бушуют свирепые волны революции, вынесшие на своем пенистом гребне потрясение основ всех сторон общественной народной жизни. Больше года продолжается на Руси господство «большевиков», доведших и общественность, и государственность русского народа до последних степеней разрушения, особенно же обрушившихся всюю тяжестью своего террора на Православную Веру, на Православную Церковь, в том очевидно расчете, что гибель веры и Церкви неизбежно повлечет за собою и гибель самого русского народа, рожденного к своему историческому бытию и выросшего в великий народ под осенение Православия.

Не буду описывать зверств, издевательств, насилий, гонений, преследований, мучений, воздвигавшихся и воздвигаемых большевистским правительством на архипастырей, пастырей, клириков и мирян, стариков и молодых, мужчин и женщин, даже детей, образованных и необразованных, в разных городах и весях и местах некогда великой и мощной, а ныне разоренной, разграбленной России (Петроград, Москва, Киев, Харьков, Тула, Пермь и т. д. и т. п.).

Но уже потому, что делалось и делается большевиками в донской церкви на территории Всевеликого Войска Донского, можно убедиться, как велик и ужасен объем постигшего Православную Русскую Церковь бедствия, не случайного по своему происхождению, а вытекающего, как следствие из основания, из всей системы учения и действия большевиков.

Там, где в пределах земли Всевеликого Войска Донского были или находились большевики, там всюду полное разрушение жизни, обращенное прежде всего на православных пастырей и Православную Церковь. Святые храмы или разорены, или осквернены, или поруганы. Святыни Православные подверглись и подвергаются всяческому кощунству: иконы выбрасываются, антимины обращаются в носовые платки или и того худшие предметы домашнего обихода, священнослужительские облачения употребляются на попоны для лошадей, на покрышки для орудий,

священные сосуды расхищаются и обращаются в предметы унижительного потребления.

Над пастырями церкви донской производятся всяческие издевательства к насилия адской злобы, вплоть до мучений, напоминающих собою страдания первых христиан. Так, одного священника красноармейцы-большевики заставили служить молебен о даровании им победы над донскими и добровольческими «бандами», и когда он под угрозой штыков сделал это, ему щедро заплатили... Другого перевенчали в церкви с кобылой; устроили потом оргию, якобы брачный пир. В третьего стреляли. Над иным производили кажущийся суд, доискиваясь, не укрывал ли он контрреволюционеров, не состоит ли сам в числе последних.

Таких пастырей донская церковь насчитывает до сего времени почти до полусотни; о многих новых мучениках-пастырях еще не собраны сведения в виду разобщенности целой половины епархии с г. Новочеркасском, столицей Всевеликого Войска Донского.

А что сказать о верующих сынах и дочерях, православных чадах донской церкви? Число их, подвергшихся издевательствам, поруганиям, мучениям, насилиям, теперь не может быть указано даже и приблизительно. Женщины, девушки и даже девочки подвергаются гнусному насилению с целью «прививки пролетарской крови». Мужья, отцы и братья или насильственно мобилизованы или изрублены, изранены, избиты, убиты за твердость и преданность христианской вере, долгу, закону, совести.

Недостанет мне слов изобразить наконец ужас бедствия и материального: станицы, хутора, села, деревни, поселки или разграблены или сожжены дотла. Всюду смерть и голод. Доведенные до отчаяния, казаки во многих местах подняли знамя восстания против врагов своих на защиту веры, Церкви, своих домов и земли. Мужественно борются с большевиками все, кто в годину искушений устоял против соблазнов, идущих определенно от врагов христианства, особенно Православия, и сохранил в чистоте веру Христову в крепости, преданности Церкви Православной, в неповрежденности любви к Богу и ближнему».

«...Так называемый большевизм есть открытое отрицание всякой религии, понятия греха, чувства долга, совести и стыда. Большевистская власть открыто ведет пропаганду безбожия в русском народе, последовательно и планомерно проводится кощунственное отношение к религии. Доказан и установлен целый ряд случаев гонения на Православную Веру и Церковь.

Сонмы священнослужителей подвергнуты мученической смерти, глумлениям и надругательствам, самые дорогие для души русского человека

святыни поруганы и осмеяны, вскрыты мощи великих святителей, подвижников и молитвенников за русскую землю, оскорблены религиозные чувства русских людей, верных религии и Церкви.

Отношение большевистской власти к православной религии русского народа представляет большую угрозу для дальнейшего существования человечества», — писали верующие Сибири во главе с епископом Мелетием.

* * *

1919 г., начало гражданской войны — начало новой антицерковной волны. Большевики умело использовали момент: рассматривая религию вообще, как одну из форм эксплуатации трудящихся, и, обвинив Церковь в контрреволюции, они тем самым подвели под свою ярую антицерковную политику «юридическое основание».

В воспаленном мозгу революционеров-большевиков каждая церковь являлась «контрреволюционным очагом». Подавляющее большинство религиозных организаций и священнослужителей действительно были настроены оппозиционно большевистскому режиму, но это совсем не означает, что «вся деятельность религиозных организаций является вредительством», как заявляют атеисты.

Просто это был очень удачный тактический ход, которым большевики развязывали себе руки.

Советские историки утверждают, что репрессии советской власти «обрушились со всею силой на церковников лишь в меру их контрреволюционной деятельности». Но своей кровавой рукой они охватывали всю деятельность и все церкви, поскольку в представлениях большевиков все они были контрреволюционные.

«Какую бы религию мы ни взяли, — христианство, ислам, еврейскую религию или ламаизм, и т. д., все они служили знаменем для антисоветских выступлений», вдалбливали народу большевики.

«Контрреволюционерами были все: православные, сектанты, мусульмане, ксендзы и пасторы, раввины, буддисты, ламаисты, шаманы».

Все религии для большевиков — контрреволюционная сила, которую нужно сломить любыми средствами.

Вдолбив своему революционному авангарду этот бред, большевики с кровавым энтузиазмом принялись крушить этот обломок «старой машины».

Но насилие породило сопротивление, и столкновение этих двух стихий, борьба, принесла с собой кровь и слезы.

Впоследствии и здесь не обошлось без фальсификации. Советские, с

позволения сказать, историки имели наглость утверждать, что «резкие формы» (по отношению к духовенству и Церкви) были вызваны тем, что некоторые священнослужители участвовали в контрреволюции и, главное, исходили они со стороны «широких» (народных) масс. Это тех самых масс, которые оказывали яростное сопротивление большевикам в их «церковных» поползновениях, тех масс, которые не приняли ни одного пункта декрета об отделении Церкви от государства, масс, которые в подавляющем большинстве стали на сторону гонимой Церкви в страшное послереволюционное время.

Евангельский призыв Патриарха Тихона на Соборе 1917-1918 гг. повиноваться более Богу, нежели человекам — изображался как контрреволюционный. Кроме того, он — показатель «степени наглости», до которой дошла, мол, церковная контрреволюция, и какую силу она за собой чувствовала.

Красные профы с яростью дилетантов умеют вдруг и по-славянски и по-гречески. И чуть батюшке вольно, они его к стенке. Поэтому еще в сентябре 1918 г. члены Собора почувствовали приближение насильственного разгона Собора, и, не дожидаясь этого, благоразумно разошлись.

19 апреля 1919 г. был арестован католический Могилевский епископ Ропп. Формально — за содействие мятежу Юзефа Пилсудского, фактически — за сопротивление осуществлению декрета.

25 мая более десяти тысяч католиков прошли в Петрограде от храма Святой Екатерины до главной квартиры ЧК и во весь голос потребовали освобождения архиепископа Роппа. Ни к чему, разумеется, это не привело. Разве это голос народа?

В июле Патриарх Тихон обратился к верующим с воззванием, в котором описывал многочисленные зверства, безумные жертвоприношения, совершаемые революционной властью в советской России, где воздвигались «целые курганы из тел» ни в чем не повинных людей.

Он писал, в частности, что все эти зверства совершаются там, где не знают или не признают Христа, где религию считают опиумом народа, где христианские идеалы — вредный пережиток, где открыто и цинично возводится в насущную задачу истребление одного класса другим и междоусобная брань.

Летом Всероссийская Чрезвычайная Комиссия (ВЧК) приговорила к расстрелу настоятеля храма Василия Блаженного протоиерея Иоанна Восторгова.

Того самого Восторгова, которого незадолго до этого привлекали к суду в качестве обвиняемого по делу «об антисемитской агитации в Московском

соборе Василия Блаженного, в связи с мощами мученика Гавриила» (эксперт по делу И.А. Шпицберг).

Насколько виновен был протоиерей Восторгов, можно судить по словам настоятеля собора протоиерея Ковалевского, с которым он выступал на следствии: «Восторгов часто вел беседы с народом.., в особенности в связи с мощами Гавриила. Гавриил значится в списке святых, вероятно за то, что он замучен евреями. Говорю это, как показывает моя пастырская совесть. Как православный священник Восторгов вел пастырскую правильную линию в своем деле».

В протоколе приговора на этот раз было сказано: «Как темная личность и враг трудящихся». Приговор был приведен в исполнение.

В сентябре был арестован архиепископ Константин. Обвинили в том, что он после циничного расстрела большевиками Николая II и всей его семьи служил по нем панихиды. А почему бы и не служить? Церковь призвана благословлять последний путь и молиться о каждом человеке, независимо от его характеристик.

После оставления Белой Армией Севера, в Соловецком монастыре был открыт «трудовой лагерь», в котором томились сотни архиереев и священников.

В Осташковском уезде были арестованы тверской архиерей и шесть священников.

Арестован (до окончания гражданской войны) архиепископ Константин (Бульгчев) и (до окончания войны с Польшей) епископ Виктор (Островидов).

В Тобольске был арестован епископ Гермоген. Когда во время ареста пономарь ударил в набат, «один из латышских стрелков, дал выстрел вверх и набат прекратился».

Правда, к пасхальным дням по распоряжению ЧК из тюрьмы был освобожден епископ Никандр с несколькими священниками, но они к этому времени уже успели понести «достаточное», как пишет журнал «Революция и Церковь», наказание.

Вскрытие мощей

1919 г. печально известен как год повсеместного кощунственного вскрытия мощей русских святых. История не знает другого такого грубого оскорбления религиозного чувства людей. Раки со всем содержимым по истечении некоторого срока после вскрытия планировалось передать в местные музеи, в отделы церковной старины).

В Архангельской, Владимирской, Вологодской, Воронежской, Московской, Новгородской, Олонецкой, Псковской, Тамбовской, Тверской, Саратовской и Ярославской губерниях за короткое время было совершено 58 «вскрытий» мощей.

Мощи Виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия долгое время были в музее Наркомздрава (Петровка, 14) в качестве экспоната — «мумифицированные трупы».

Антирелигиозная литература того (да и нашего) времени изо всех сил пыталась представить кампанию вскрытия мощей, как ответ на требование самого народа. На самом же деле все было гораздо проще: оно декретировалось центральной властью и местные советы и исполнительные комитеты в административном порядке принимали соответствующее решение. Так было и с мощами преподобного Сергия: решение о вскрытии его мощей было принято на пленуме исполкома, да еще в присутствии «делегатов» из Москвы.

Желание народа учитывалось приблизительно так. Когда на имя председателя ВЦИК поступило ходатайство группы граждан села Троицкого Большого об отмене постановления Тверского губисполкома о передаче мощей (без указания чьих) в музей церковной старины, то жалоба эта из ВЦИКа была передана VIII Отделу, ведавшему делами по отделению Церкви от государства, который по этой жалобе «предложил» Тверскому губисполкому:

1) срочно выслать в VIII Отдел вышеуказанное отношение Тверского епархиального совета;

2) выслать на место, в село Троицкое Большое толкового лектора-агитатора на предмет разъяснения крестьянам смысла мотивов решения Тверского исполкома по содержанию возбужденного вопроса, равно и декрета об отделении Церкви от Государства и

3) о выше указанных действиях и о настроении трудящихся масс поставить в известность VIII отдел.

Резолюцией, принятой на III Всероссийском съезде деятелей советской

юстиции 25 июня 1920 г. по докладу Красикова «Об отделении Церкви от государства» (пункт 3), губисполкомы обязаны были проверять все условия проведения мероприятий по ликвидации мощей, но, тем не менее, часто вскрытия производились тайком, без свидетелей, без точной записи найденного и с расхищением разных церковных вещей.

Несмотря на все это, большевики не отступили от своей «танковой» линии. Коллегия Наркомюста на заседании 6 июля 1920 г. по вопросу о мощах приняла следующее постановление: «Принципиально остается в силе старое постановление о необходимости ликвидации эксплуатации так называемых мощей»

Встретив во многих местах сопротивление, центральная власть лишь предостерегла своих исполнителей на будущее от решительных действий, если в той или иной местности «почва недостаточно подготовлена».

Кампанию вскрытия мощей русских святых один историк емко назвал «мощейной эпопеей». Оно сопровождалось жуткой профанацией.

Профессор Н.Д. Кузнецов на основе свидетельств игумена Ионы и священников Звенигородской семинарии, доносил в Совнарком о грубости и издевательствах членов комиссии по вскрытию мощей преподобного Саввы Звенигородского.

Дошло до того, что один из членов комиссии несколько раз плюнул на череп святого, останки которого составляют святыню русского народа.

В январе-феврале 1919 г. было произведено вскрытие мощей святителей Митрофана Воронежского и Тихона Задонского. Весь процесс вскрытия был заснят кинооператорами, и фильм демонстрировался по всей стране.

Вопрос о вскрытии мощей преподобного Сергия был решен на пленуме местного совета. Ввиду реальной возможности народных волнений была мобилизована рота размещавшихся в Лавре курсантов. Чтобы не допустить набатного звона, в шестом часу вечера они заняли колокольни, у всех ворот были расставлены патрули. «Свои» люди находились и на стенах Лавры. В шестом часу вечера наглухо закрыли ворота.

Когда стало известно решение Совета о вскрытии мощей преподобного Сергия, народ стал собирать подписи протеста. Под протестом против вскрытия на 35 листах стояло 5000 подписей. Это в маленьком местечке Сергиевом Посаде! Не помогло.

Кстати, 11 апреля с 20 часов 50 минут до 22 часов 50 минут, т. е. в течение двух часов, в Троицком соборе Лавры, во время вскрытия мощей преподобного Сергия, непрерывно шла киносъемка. Куда девались эти ленты? Ведь не могли же антирелигиозники не воспользоваться ими, если бы они, пусть в какой-то мере, компрометировали Церковь?!

До осени 1920 г. по России было произведено 63 вскрытия мощей святых. Останки четырех святых были помещены в музей. И только в восьми случаях (из 54) при вскрытии мощей присутствовали «массы» (народ).

Весьма модными были насмешки при вскрытии мощей. Насмешки в разной форме, но всегда крайне оскорбительные для верующих.

Кроме того, были и злоупотребления: тайные вскрытия с расхищением драгоценных церковных предметов).

Дальше... по кровавому пути

1920 год. Екатеринбургская ЧК приговорила к 5 годам тюремного заключения в «концентрационном лагере»:

- свящ. с. Травянка, Камышловского уезда, Алексия Федорова;
- свящ. с. Ользовское, Шадринского уезда, Александра Боркова;
- свящ. Рождественской волости, Екатеринбургского уезда, о. Кузнецкого;
- свящ. с. Кочневское, Камышловского уезда, Дмитрия Горных.

Основания?

- 1) За то, что один из них, чтобы «сорвать всеуральский субботник» в тот же день назначил приходское собрание.
- 2) За проповеди, в которых громил коммунистов, не признающих Бога, и за отказ отпевать убитых белыми красноармейцев.
- 3) За то, что «чересчур усердно старался отвоевать у исполкома отведенный под столовую церковный дом».
- 4) За то, что «травил» в проповедях коммунистов и советскую власть.

В то время в Московском губернском революционном трибунале слушалось дело по обвинению:

б. обер-прокурора Синода	А.Д. Самарина
проф. МДА	Н.Д. Кузнецова
членов объединенного совета Москвы:	
председателя религиозно-философского общества	
священника	Г.А. Речинского
	Н.В. Цветкова
	С.И. Успенского
игумена Сторожевского монастыря	о. Ионы
диакона	Смирнова
священника	Тузова
иеромонаха	Саввы
выпускников МДА	Яницкого
	Холанского
	Максимова.

Всем приписывали «контрреволюционные» действия. Самарина и Кузнецова суд объявил «врагами советской власти». Расстрел был заменен заключением в концентрационный лагерь.

В Новгороде упразднили епархиальный совет. Был судебный процесс. В качестве обвиняемых — члены совета:

протоиерей	К. Яковцевский
	Н. Соколов
священник	В. Вихров
	В.Н. Фиников
временно управляющий епархией	
епископ	Алексий
Новгородский митрополит	Арсений.

В обвинительном акте, между прочим, был пункт:

«Издание от имени совета духовного органа “Новгородские епархиальные ведомости”, в которых усматриваются признаки злостной критики советского строительства».

В ноябре 1920 г. в Омском «доме лишения свободы» находились под арестом

архиепископ Сибирский	Вениамин
епископ Уфимский	Андрей
епископ Златоустовский	Николай.

Смоленская губчека в г. Мстиславе «за контрреволюционную деятельность» арестовала епископа Варлаама и ряд духовных и гражданских лиц.

В том же году заканчивалась волна ликвидации епархиальных советов. «Ликвидация эта происходит всюду», — писал революционный журнал. Большинство епархиальных советов были ликвидированы уже в прошлом году, многие священнослужители попали на скамью подсудимых.

За три с небольшим года (1917-1920) немало священников и епископов было арестовано, предано суду и понесло суровые наказания.

20 августа 1921 г. «при загадочных обстоятельствах» погиб Уфимский епископ Симон (Шлеев). Возвращаясь поздно вечером из кафедрального собора, в сопровождении двух монахинь, епископ увидел несколько человек, выходящих из калитки его дома. Монахини испугались и спрятались. Тут же раздался один за другим два выстрела. С убитого епископа убийцы сняли золотой крест. Одна деталь, которая наводит на размышления: накануне был убит комиссар местной ЧК М. Матриков.

Резко ухудшились отношения молодого советского государства с Церковью после Всеаграрного Собора русских архиереев-эмигрантов в Сербии, Карловцах Сремских (декабрь 1921 г.), провозгласившего основной задачей Русской Православной Церкви восстановление в России монархии.

Гражданская война обострила внутренние классовые отношения, набросила тень подозрения в нелояльности на все элементы населения, сторонившиеся революции. «При таких условиях, — пишет Б. Титлинов, —

обострение отношений государства и Церкви становилось неизбежным, и этим отчасти объясняются некоторые факты, которые при других обстоятельствах могли и не иметь места».

«Годы гражданской войны были годами резкой борьбы с духовенством». Можно сказать, что конец гражданской войны совпадает со своего рода периодом «бури и натиска» на церковные организации.

Все революционеры-большевики оказались жертвами формальной логики: Патриарх Тихон — неприкрытая контра; либо религия — опиум, и тогда всех попов к стенке, либо она полезна, и тогда нечего бороться.

Из провинций наиболее ретивые революционеры приезжали в столицу с предложениями такого рода: попов в Сибирь, иконы в костер, храмы под клубы. Большевистские «десять заповедей».

Так и действовали.

А в конце 1920 г. революционный официоз высказался так: «Операция эта (разрушение Церкви, одной из могучих опор самодержавия, как ее называли большевики, господствовавшей, государственной, бюрократической организации — В.С.) ... прошла сравнительно легко».

Для кого как!

* * *

Под прикрытием сопротивления изъятия церковных ценностей (об этом ниже, в самостоятельной главе) советская власть начала новую широкую волну судебных процессов над священнослужителями. Сопротивление изъятию оказалось весьма удачным поводом для привлечения к суду любого нежелательного представителя Церкви.

В первую очередь под эту волну попал, разумеется, Патриарх Тихон.

11 апреля 1922 г. начался (правда, по просьбе епископа Антонина Грановского он был перенесен на 24 апреля, а в этот день слушание было отменено) судебный процесс над Патриархом Тихоном. К судебной ответственности были привлечены также управляющий Московской епархией архиепископ Никандр (Феноменов), заведующий патриаршей канцелярией Гурьев, Новгородский митрополит Арсений (Стадницкий).

Революционный трибунал вынес определение о привлечении Патриарха Тихона и архиепископа Никандра к уголовной ответственности. 18 мая, в субботу, в шесть часов вечера, отряд красногвардейцев появился около Троицкого подворья (у Самотеки), где проживал Патриарх, и ему было объявлено, что он находится под домашним арестом и не должен покидать своих комнат.

В ночь на 19 мая Патриарха перевезли в Донской монастырь и под

охраной, в полной изоляции от внешнего мира, его заключили в небольшой квартирке под монастырскими воротами (раньше в ней проживали архиерей, находившиеся на покое). Только один раз в сутки, в двенадцать часов, заключенному Патриарху позволяли выйти на балкон. Каждый раз при этом он видел вдали группы людей, склонявших головы при его появлении. Он издали благословлял их. В таких условиях Патриарху предстояло пробыть ровно год.

26 ноября там было совершено второе покушение на жизнь Патриарха. При нем постоянно находился келейник, семейный человек, бывший иподиакон. По средам Патриарх отпускал его повидаться с родными и до следующего дня оставался один. Такой распорядок Патриарха был всем известен, И вот, 26 ноября, в среду, в одиннадцать часов вечера, кто-то своим ключом открыл входную дверь и направился в комнату Патриарха.

Послушник, Яков Сергеевич Полозов — навстречу. Выстрел. Он вскрикнул и тут же смолк. Преступники ретировались, захватив в прихожей шубу Патриарха. Прибежавший на выстрел Святейший увидел страшную картину.

— Вернитесь, вернитесь, — слыша удаляющиеся шаги, наивно призывал он, — вы же человека убили! — и силился поднять своего послушника, который по случайности не ушел в этот день домой.

Пуля предназначалась явно для Патриарха.

Патриарх велел похоронить послушника рядом с тем местом, которое он определил для своей могилы:

— Пусть под землей будем лежать рядом, как братья. Он принял на себя смертельный удар, предназначавшийся мне.

Тучков запретил хоронить Полозова в Донском монастыре. Предложил на Ваганьковском кладбище.

— Он будет лежать здесь, — кратко ответил Патриарх Тихон, когда ему доложили о распоряжении Тучкова.

Так и было сделано, как хотел Святейший. Под землей они лежат рядом, а на земле их разделяет лишь храмовая стена (Патриарх внутри, его послушник — снаружи).

Почти в течение года без суда и следствия держали Патриарха под арестом. 12 раз (с 9 мая 1922 г., по 5 марта 1923 г.) Патриарха допрашивали (9 мая, 31 августа, 26 декабря, 29 декабря, 2 января, 11 января, 18 января, 25 января, 30 января, 16 февраля, 24 февраля и 5 марта). И только весной 1923 г. его дело сдвинулось с мертвой точки. 25 марта начался скандальный в истории юриспруденции «судебный» процесс над Патриархом Тихоном.

Патриарха судили по семи статьям Уголовного кодекса — 59, 62, 69, 72,

73, 119, 120. Ему инкриминировали вину за все полторы тысячи кровавых эксцессов, происшедших в стране в результате изъятия церковных ценностей.

Кроме этого в обвинительном акте Патриарха Тихона было сказано, и этот аргумент фигурировал в качестве обвинительного пункта, что он (Патриарх) поддерживал связь с белогвардейской контрреволюцией. Через некоего эфирного «Федю». На самом серьезном уровне этот Федя фигурировал как свидетель обвинения, хотя кто скрывался под этим именем ни следствию, ни вообще никому известно не было.

Мировая международная общественность была до глубины души возмущена этой профанацией судебной процедуры и наглостью советских «юристов».

23 мая 1923 г. в одиннадцать часов вечера Патриарха Тихона перевезли в ГПУ на Лубянку. В течение тридцати дней, пока его содержали здесь, с ним вел регулярные «беседы» Тучков. Призывал изменить политическую позицию Церкви, говорил о будто бы улучшающихся отношениях государства к Церкви.

23 июня 1923 г. Патриарх Тихон был освобожден. В этот день многие вспомнили пророческое откровение известного московского священника Алексея Львовича Мечева, который еще 30 марта, в день своих именин, больной, сказал своим друзьям, пришедшим поздравить его (около двадцати человек): «Я скоро умру, но в день моих похорон будет величайшая радость для всей Русской Церкви». Через три месяца, в день освобождения, Патриарх, первое, что сделал, после выхода из ГПУ, — поехал служить панихиду на могиле только что погребенного о. Алексия.

Но это освобождение значило мало. Во-первых, он был освобожден в порядке частной амнистии, а, во-вторых, — еще мрачнее:

«Борьба с ней (Церковью — В.С.) не окончится осуждением контрреволюционного Патриарха, — заявляли антирелигиозники. — Советская власть не прекратит эту борьбу, пока противник не будет разгромлен и обессилен до конца».

* * *

По этой же причине (за сопротивление изъятию церковных ценностей) 28 февраля 1922 г. был арестован и выслан в Архангельск епископ Ладожский Иннокентий (Тихонов).

Московским ревтрибуналом осужден на десять лет тюремного заключения член Собора протоиерей Хотовицкий (за «контрреволюционную деятельность во время изъятия церковных ценностей в Москве»). То же

самое произошло с профессором Громогласовым.

После столкновений, которые произошли в ряде московских храмов в марте-апреле (в связи с изъятием церковных ценностей), начались аресты среди московского духовенства. Несколько дней спустя после Благовещения были арестованы протоиерей Е. Соколов, настоятель храма Николы Явленного на Арбате, благочинный храмов центрального района Москвы, протоиерей А.И. Заозерский, настоятель храма Параскевы Пятницы, благочинный церковью Замоскворецкого сорока, благочинный протоиерей А. Добролюбов и многие другие.

26 апреля в помещении Политехнического музея начался громкий судебный процесс по делу о сопротивлении изъятию церковных ценностей в Москве. Дело разбирал революционный трибунал Москвы под председательством Бека. На скамье подсудимых — семнадцать человек разного сословного положения. Рядом с известными священнослужителями — инженер и декадентский поэт, старый профессор-юрист и двадцатидвухлетняя девушка.

Приговор был объявлен в воскресенье 7 мая в два часа дня:

протоиерей Александр Иванович Заозерский (42 г.)

протоиерей Александр Феодорович Добролюбов (56 лет)

протоиерей Христофор Александрович Надеждин (56 лет)

Василий Павлович Вишняков (50 лет)

Анатолий Петрович Орлов (40 лет)

Сергей Иванович Фрязинов (42 г.)

Мария Николаевна Телегина (46 лет)

Варвара Ивановна Брусилова (22 г.)

Сергей Федорович Тихомиров (57 лет)

Михаил Николаевич Розанов (43 г.)

— к высшей мере «социальной защиты» — расстрелу с конфискацией имущества. Три человека: протоиерей Кедров, Н. Брызгалов (инженер, поэт), и Б. Ефимов были по суду оправданы.

Три человека были приговорены к разным срокам заключения.

Правда, по отношению к шестерым из приговоренных к расстрелу приговор был отменен. Четверо (прот. А. Заозерский, М. Розанов, В. Вишняков и А. Орлов) были расстреляны.

За сопротивление изъятию церковных ценностей в мае арестовали епископа Ростова-на-Дону Арсения (Смоленец).

В том же месяце был арестован епископ Барнаульский (викарий Омского и Тарского архиерея) Виктор (Богоявленский).

9 июня в Царицыне начался судебный процесс над группой духовенства

во главе с викарием Донской епархии епископом Нижне-Чирским Николаем (Орловым). Епископа Николая расстреляли.

В июле арестовали епископа Березовского, викария Тобольской и Сибирской епархии.

В это же время ревтрибуналом были осуждены епископ Иркутский Анатолий и епископ Томский Григорий.

Летом же арестовали архиепископа Харьковского и Ахтырского Нафанаила (Троицкий) вместе с лучшими представителями харьковского духовенства.

Католики разделили ту же участь. 22 июля 1922 г. католическому архиепископу Яну Цеплаку в Петрограде в ультимативной форме приказали в течение месяца подписать договор об использовании «культовых зданий и предметов», иначе все католические храмы будут закрыты. Архиепископ отказался и вскоре был привлечен к суду. Он, его генеральный викарий прелат Буткевич, экзарх Феодоров и двенадцать других духовных лиц должны были за свой счет ехать в Москву на свой собственный судебный процесс (за три недели до Р.Х.). Архиепископ Цеплак и прелат Буткевич были приговорены к расстрелу. Архиепископу расстрел заменили десятью годами тюремного заключения.

Из Лубянки, тюрьмы ГПУ, находившейся против католического храма св. Людовика, постоянно следили (даже с фотоаппаратами) за входящими в храм. Многие верующие после посещения храма пропадали безвестно (в застенках ГПУ?).

Архиепископ Рижский Спрингович позже сообщал в Рим о смерти (жертвы ГПУ) одиннадцати католических священников, о конфискации церковных поместий, о помехах в религиозном обучении.

В Смоленске в августе 1922 г. выездная сессия Верховного революционного трибунала приговорила к расстрелу за сопротивление при изъятии церковных ценностей: Залесского, Пивоварова, Мясоедова, Демидова.

21 октября арестовали и выслали в Семипалатинск, а затем в Каркаралинск епископа Ямбургского (викарий Петроградской епархии) Алексия (Симанский). В каталоге митрополита Мануила об этом ни слова. И вообще об этом нигде не упоминается. Забыли, вычеркнули из памяти.

Отец Алексей Остапов, личный биограф, можно сказать, Патриарха Алексия, пошел еще дальше. Если митрополит Мануил мог «не знать» об этом, то о. Алексей обязан был знать и знал: как-никак, а эта ссылка охватывает четыре года жизни Патриарха. И он пишет: «Здесь (в ссылке — В.С.) епископ Алексей жил в частном доме, совершал богослужения, гулял,

вел переписку, был окружен глубоко уважавшими его людьми». Только 25 марта 1926 г. епископу Алексию разрешили вернуться в епархию.

В петроградской тюрьме в то время (октябрь) томился по приговору Преосвященный Венедикт (Плотников), епископ Кронштадский (викарий Петроградской епархии).

2 ноября в Москве начался второй крупнейший судебный процесс над 116 обвиненными (так называемый «процесс второй группы церковников»). Обвинитель требовал смертной казни всем наиболее активным. К счастью отклонили.

В Самаре в декабре 1922 г. арестовали епископа Бузулукского Павла (Гальковский). Вскоре был арестован епископ Самарский и Ставропольский Анатолий (Грисюк).

Зима 1922-1923 гг. По всей территории РСФСР прошли судебные процессы над «церковниками». В судебно-юридической области (в обвинительных актах) выработался трафарет: «За сопротивление изъятию церковных ценностей». Привлекался местный архиерей (обычно это происходило в том случае, если он не признавал обновленческого движения), а для пущей «полноты церковной» — еще 10-12 почтенных священников и наиболее активных мирян.

В короткий срок ревтрибунал рассмотрел 250 дел по обвинению в оказании сопротивления изъятию церковных ценностей. Между прочим, только одна треть привлеченных и осужденных составляли духовенство. Остальные — народ.

В одном Петрограде — за время с 10 марта по 2 мая создали 41 дело о сопротивлении изъятию церковных ценностей.

Эффективное средство для разрушения церковной организации предоставил декрет ВЦИК от 10 июля 1922 г. об административной высылке, позволявший в несудебном порядке, согласно прилагавшейся к декрету инструкции НКВД, ссылать на срок до трех лет лиц, «пребывание коих в данной местности... представляется по их деятельности, прошлому, по связи с преступной средой, с точки зрения охраны революционного порядка, опасным».

Что переживало священство в тюрьмах — трудно выразить. Глумились над их совестью, оскорбляли человеческое достоинство, издевались физически, подвергали пыткам.

А. Введенский в одном публичном докладе во дворце Урицкого сказал: «Я позавчера (2 июня 1922 г. — В.С.) говорил с одним человеком, который три года сидел в “Крестах”, и, когда он был, наконец, выпущен из “Крестов”, свобода его так опьянила, что он все стал видеть в неправильном

свете, у него все двоилось в глазах. Его взяли под руки и должны были вести».

Заканчивались эти процессы, как правило, расстрелом. А. Введенский в одном из своих выступлений приводил «свежий» случай, когда в результате столичного судебного «разбирательства» к расстрелу были приговорены сразу 11 священников.

Значительная часть русского духовенства в 1922-1923 гг. были расстреляны или заточены в тюрьмы и лагеря.

В результате декрета об изъятии церковных ценностей, вызвавшего кровавые столкновения и массовые «уголовные» процессы, расстрелянных по суду только духовных лиц — священников, монахов и монахинь в одном 1922 г. было более 8 тысяч.

Если принять это за треть всех осужденных и расстрелянных, то получим, что при изъятии церковных ценностей было расстреляно около 25 тысяч (!) человек.

По тому же кровавому пути

1922-1923 гг. По тюрьмам скитается митрополит Петр (Полянский).

Весной 1923 г. арестован и выслан в Коми-Зырянский край епископ Петергофский Николай (Ярушевич). Первые сведения о нем после этого появляются только в 1927 г. Впереди у Владыки Николая и опасность вновь быть арестованным (конец 30-х годов), и апогей славы.

Летом 1923 г., вскоре после хиротонии (тайной) во епископа Любазского (викария Новгородской епархии), арестовали епископа Кирилла (Васильева). Находился в ссылке вместе с епископом Николаем.

В первых числах октября (по другим сведениям — в ноябре) арестовали архиепископа Иллариона (Троицкого), ближайшего помощника Патриарха Тихона. Он сидел в ярославской тюрьме, известной под названием «коровник», вместе с обновленческим епископом Гервасием. Однажды его в камере посетил Тучков и предложил ему свободу ценой «пустячных добрых услуг».

— Я хотя и архипастырь, — ответил Владыка, — но вспыльчивый человек. Очень прошу вас уйти. Я могу потерять власть над собой.

Вообще на долю архиепископа Иллариона выпало больше страданий, чем кому-либо. В 1924 г. он был сослан на три года в Архангельск. В 1926 г. вернулся в Москву и тотчас был арестован снова. Три года на Соловках. В 1928 г. возвратился в Москву и в день возвращения — арестован и заточен в каторжную ярославскую тюрьму «коровник». В марте 1929 г. тюремные мучения сделали свое: архиепископ Илларион скончался в ленинградской тюрьме «кресты», в тюремном изоляторе. Погребен Владыка Илларион на кладбище Новодевичьего монастыря.

Митрополит Мануил дает такую «житийную справку»: с конца 1923 г. архиепископ Илларион епархией не управлял. В 1924 г. он выехал (вот как!) в Ярославль, а в 1925 г. — на Соловецкие острова (тоже выехал!)...

Примечателен его приезд в Москву с Соловков. Это не было возвращением из ссылки. Его привезли как заключенного. Зачем? Чтобы он своим авторитетом (а он у него был) оживил раскол Екатеринбургского епископа Григория, так называемый григорианский раскол. В этом были заинтересованы власти, которым григорианцы оказали немалую услугу. Именно поэтому архиепископ Илларион «возвратился» на несколько дней в Москву.

Кстати сказать, архиепископ Илларион категорически отказался от всяких «услуг» советской власти. Встречи с представителями известных

органов повторялись несколько раз. Владыку и просили, ему и угрожали и обещали полную свободу, но ничто не могло поколебать его церковной позиции.

— Я скорее сгнию в тюрьме, но своему направлению не изменю, — сказал он. И опять Соловки...

По данным митрополита Мануила архиепископ Илларион скончался 15/28 декабря 1929 г. в Ленинграде, при перемещении его из Соловков в Среднюю Азию. Митрополит Серафим (Чичагов) добился разрешения у властей взять тело архиепископа Иллариона из тюремной больницы для христианского погребения.

Богатырь духом и телом, за время «отдыха» в «коровнике» и на Соловецких островах, архиепископ Илларион так изменился внешне, стал жалким седым старичком, что одна из родственниц, увидев его в гробу, упала в обморок.

В конце января 1924 г. прибыл в Москву и явился к Тучкову для переговоров о делах Ленинградской епархии епископ Мануил.

— С такими архиереями, как вы, не разговаривают, таких архиереев к стенке ставят, — перебил его на первых же словах Тучков.

— Вы это сознательно говорите? — спросил его епископ Мануил.

— Совершенно сознательно.

— В таком случае мне с вами не о чем говорить, — сказал Владыка Мануил и вышел из кабинета. Пошел прямо в Наркомат юстиции и подал на ГПУ официальную жалобу. Чем окончилось дело с этой жалобой — тоже известно: 2 февраля, по возвращении епископа Мануила в Ленинград, он и еще около десяти человек были арестованы. Им приписали участие в тайной контрреволюционной организации. Через некоторое время епископ Мануил был приговорен к трем годам ссылки и отправлен на Соловецкие острова.

О себе митрополит Мануил (Лемешевский) написал: «С 2 февраля 1924 г. по апрель 1928 г. — епархией не управлял». Все.

«2 февраля 1924 г. борец за истинную Православную Веру, — написал его биограф епископ Куйбышевский Иоанн, — вынужденно покинул Петроград и поселился на далеком севере в обители преподобных Зосимы и Савватия» (Соловецких — В.С.). Некто Козлов А.Н. на погребении матери Владыки Мануила написал такие строки:

...А сын на чужбине далекой,
Изгнанник за веру Христа,
Не знает, что горем сложенная,
Лежишь ты под сенью креста.

«С 31 января 1930 г. епархией не управлял». Ближайшая за этой датой —

ноябрь 1944 г. И еще: «С 5 сентября 1948 г. по декабрь 1955 г. епархией не управлял. Пребывал в Явасе, Мордовской АССР». «Отдыхал» в лагере. Разумеется, не пионерском.

А ведь о себе-то Владыка имел сведения и мог бы нам поведать, где он находился в то время. Но митрополит молчал. Молчали все архиереи. Не хотели ворошить старое...

В течение апреля и мая 1924 г. были арестованы многие католические священники и монахи, в том числе тридцать семь русских католиков восточного обряда в Москве. Они без суда, административным порядком, были приговорены к тюремному заключению и ссылке.

В июле 1924 г. Троцкий произнес речь, в которой предложил весьма «дипломатический» ход: религию надо преследовать не прямо, как происходило до сих пор, а косвенно. Но большевики не пошли даже на это. Их устраивала своя, ломовая дипломатия.

В течение 1924 г. все руководящие архиереи Русской Православной Церкви оказались в тюрьмах и лагерях. Епископы обычно арестовывались каждые полгода. Их место иной раз занимали люди совершенно случайные.

21 ноября 1925 г. вновь был арестован митрополит Петр, а в ближайшие дни арестовали всех близких к нему и проживавших в Москве иерархов. Более 10 человек.

В июне 1926 г. митрополита Петра вывезли из Москвы (тайно) и некоторое время содержали в одиночной камере в Суздале, в крепости бывшего Спасо-Ефимиевского монастыря. В декабре того же года его привезли в Москву и поместили во внутреннюю тюрьму ГПУ. Там состоялась встреча митрополита Петра с Тучковым, который предложил ему добровольно отказаться от Местоблюстительства. Митрополит не согласился, и его тут же отправили этапом через Вятскую, Пермскую, Екатеринбургскую, Тюменскую пересыльные тюрьмы в ссылку в Тобольск.

В одну глухую ночь он был выброшен из вагона на ходу поезда (видимо, таким образом погиб не один епископ). Стояла снежная зима. Митрополит упал в огромный сугроб, как в перину, и не разбился. С трудом вылезши из него, огляделся — лес, снег и никаких признаков жизни. Он долго шел цельным снегом, и выбившись из сил, сел напень. Сквозь поношенную рясу мороз пробирал до костей. Чувствуя, что начинает замерзать, митрополит стал читать себе отходную.

Вдруг, видит: к нему приближается огромный медведь.

— Загрызет, — мелькнула мысль, но бежать не было сил, да и куда бежать?

А медведь подошел, обнюхал и спокойно улегся у его ног. От огромной

медвежьей шубы повеяло теплом. Но вот он заворочался, повернулся к митрополиту брюхом, растянулся во всю длину и сладко захрапел. Долго колебался Владыка, глядя на спящего медведя, потом не выдержал холода и лег рядом с ним, прижавшись к теплему животу. Лежал, и то одним, то другим боком поворачивался к зверю, чтобы согреться, а медведь глубоко дышал во сне и обдавал его горячим дыханием.

Когда начал брезжить рассвет, митрополит услышал далекое пение петухов: жильё. Он осторожно, чтобы не разбудить медведя, встал на ноги. Но медведь тоже поднялся и, отряхнувшись, побрел к лесу.

Отдохнувший Владыка пошел на петушинные голоса и вскоре дошел до небольшой деревеньки. Постучавшись в крайнюю избу, он объяснил, кто он и попросил приюта, пообещав, что за все хлопоты и расходы хозяевам заплатит сестра. Владыку впустили, и он полгода прожил в этой деревне. Написал сестре, она приехала, но вскоре за ней приехали «люди» в штатском.

В июне-июле 1927 г., находясь в ссылке, митрополит Петр вновь подвергся аресту, и его заключили в Тобольскую тюрьму.

Двенадцать лет невероятных мучений, тюрьмы, пытки, ссылка в Заполярье. Десятки раз предлагали ему компромисс с советской властью с возвращением к должности Местоблюстителя (а, возможно и Патриарха), но он остался верен Церкви.

У митрополита Мануила об этом — ни слова. Гладко, будто ничего и не произошло, и лишь одна двусмысленная фраза: «Митрополит Петр Полянский в должности Патриаршего Местоблюстителя возглавлял Церковь с марта по декабрь 1925 г., далее (до 1936 г.) — номинально (?! — В.С.). 10 декабря 1925 г. Патриарший Местоблюститель был физически лишен возможности управлять Церковью. Остаток жизни митрополит Петр провел в пос. на о. Хэ, Обнорского района Тобольского округа... Скончался в 1936 г. Все. А уж кому, казалось бы, как не митрополиту Мануилу знать досконально эту трагическую историю. Сокрытые правды, за редким исключением, является прямой изменой правде.

Осенью 1926 г. арестовали митрополита Сергия (Страгородского). Поводом послужила попытка русских епископов осуществить избрание Патриарха путем сбора подписей.

Между прочим, большинство епископов высказалось за кандидатуру митрополита Кирилла, которому в это время истек срок ссылки. Было собрано уже 72 подписи в его пользу, когда начались массовые аресты епископов по деду «контрреволюционной группы», «возглавляемой» митрополитом Сергием. По сведениям современников в этот период были

сосланы не менее 40 епископов. Митрополит Кирилл получил дополнительный срок.

Аресты и ссылка были в то время обычным явлением. Очередной епископ во главе церковного руководства, не ожидая, когда его лишат возможности управлять, спешил распорядиться о своем преемнике.

И митрополит Иосиф (Петровых), ставший согласно распоряжению митрополита Петра, после ареста митрополита Сергия, временным заместителем Местоблюстителя, понимая, что и ему не долго оставаться на свободе, сразу же составил распоряжение об управлении Церковью на случай своего ареста.

В декабре 1926 г. митрополита Сергия перевели в Москву, во внутреннюю тюрьму ГПУ, где он был до марта 1927 г.

Лето 1927 г. Репрессии нарастали. Церковь истекала кровью. В это время в заключении одновременно было 117 епископов. Но митрополита Сергия освобождают. Именно тогда.

В свет выходит известная Декларация заместителя патриаршего Местоблюстителя, которой он коренным образом меняет жизненный курс Церкви, переводя Церковь на позицию лояльности и духовной солидарности с советской властью.

Церковь разделилась. Большинство клириков и мирян, сохранивших чистоту экклезиологического сознания, не признали Декларацию. В некоторых епархиях (на Урале, например), до 90 % приходов отослали Декларацию автору.

На этой почве — вновь аресты. Всех, кто не признавал Декларацию, арестовывали и ссылали в дальние края или заключали в тюрьмы и лагеря. Около 15 архиереев, не разделявших позицию митрополита Сергия, были арестованы. Митрополита Кирилла, основного «противника» митрополита Сергия, в июне-июле сослали в Туруханск. Процедура ареста выглядела приблизительно так: агент ГПУ являлся к епископу и ставил прямой вопрос: как вы относитесь к Декларации митрополита Сергия? Если епископ отвечал, что он ее не признает, агент делал заключение: значит вы контрреволюционер. Епископа арестовывали.

Осенью 1927 г. начался процесс по делу католического епископа Болесласа Слосканеса, арестованного 16 сентября. Следователь — Рыбкин.

Обвинение:

- 1) отлучены от церкви все, кто посылает детей в атеистические школы;
- 2) епископ ездит по епархии без ведома властей;
- 3) перемещает священников без ведома властей, не спросив разрешения.

«— А разве это запрещено? — спросил епископ Болеслас.

— Нет, но надо учитывать пожелания правительства. Все другие исповедания согласуют свои действия с правительством, и только католическая Церковь постоянно сопротивляется советской власти. Поэтому ее будут преследовать вплоть до подчинения, или же до полного уничтожения. Мы не совершим ошибок Французской революции, и не будем обвинять священников только за то, что они священники; мы сумеем найти у них преступление против государства...».

«Духовенство, ставшее на путь оппозиции митрополиту Сергию, испытало на себе всю силу советской законности и демократии». В результате — из церковной жизни были исключены многочисленные, хорошо подготовленные кадры всех рангов, от епископа до диакона. Тюремную участь разделили и рядовые верующие активисты.

Вслед за сергиевской «легализацией» Церкви, почти без переходного периода, следовала ее ликвидация. Духовенство было поставлено перед необходимостью подчиниться «советской политике».

Таким образом, политика расчленения и ликвидации Церкви по частям (V Отдел Наркомата Юстиции, занимавшийся церковными делами, по-прежнему назывался ликвидационным) позволяла выполнять обе задачи: временно сохраняемая часть церковной организации, в надежде на продолжение своего существования «для блага Церкви», занималась перевоспитанием верующей массы в духе любви и преданности советской власти и делу коммунистического строительства, а сама дифференциации Церкви на преследуемую и покровительствуемую часть создавала иллюзию свободы совести и невмешательства государства в чисто религиозные вопросы, подрывая нравственную основу всякой борьбы и протеста, как внутри страны, так и за рубежом.

1928 г., начало коллективизации. Сталин не мог больше «оставлять Церковь в деревне». В одном интервью того времени он прямо жаловался на «реакционное духовенство», отравляющее души масс.

— Единственное, о чем надо пожалеть, что духовенство не было с корнем ликвидировано, — говорил он.

От XV съезда партии он потребовал преодолеть в антирелигиозной борьбе всякую усталость.

В период проведения коллективизации особенно сильный удар был нанесен по церковной иерархии, результатом чего явилось полное расстройство церковной жизни. Связь с центром была зачастую нарушена. Особенно тяжелым было положение тех, кто не разделял позицию митрополита Сергия в его отношениях с государством.

В 1929 г. состоялись массовые аресты руководителей и сторонников

иосифлянского движения «непоминающих». В заключении — более 30 епископов, разделяющих мнение митрополита Иосифа.

Иконы и церковные книги сжигались тысячами, целыми телегами. Колокольный звон был запрещен, колокола были сброшены с колоколен и переплавлены для нужд индустриализации. В воздухе стоял звон, но не тот, а звон, с которым колокола падали на землю и разбивались.

В это время, 1929-1930 гг., можно было занимать только одну позицию: «Либо за советскую власть, за пятилетки, за коллективизацию сельского хозяйства, за коммунизм, — либо против». Серединны не могло быть. «Кто не с нами, тот против нас» — вот лозунг конца 20-начала 30 гг.

От собственной жестокости вздрогнули даже некоторые социал-демократы. В период «крестового похода» против Церкви (1930 г.) меньшевики (в «Социалистическом вестнике») и троцкисты (в своем печатном органе) выступили в защиту гонимых священников, с обвинениями советской власти за проводимую в СССР антирелигиозную пропаганду (статьи меньшевика Гарви, троцкистки Петровой). Ни к чему это, конечно, не привело. Вернее, — к новым жертвам.

Только в марте 1929 г. и только в Белоруссии было арестовано 24 католических священника. На Соловецких островах в это время находится 22 католических священника.

В 1931 г. вышел в свет худосочный номер (№ 1) «Журнала Московской Патриархии», посвященный единственной теме: оправданию митрополитом Сергием своего узурпаторства высшей церковной власти (статья «О полномочиях патриаршего Местоблюстителя и его заместителя»). О 16 мучениках-епископах, арестованных за этот год, не говоря уже о 27 католических священниках, арестованных в Москве в апреле, вскоре после Пасхи, в журнале — ни слова.

Кровавое насаждение коллективизации. Самый многочисленный «эксплуататорский класс в стране» (около 5 миллионов!) — класс «кулаков» — к 1932 г. был ликвидирован. Пять миллионов! Прибавьте сюда часть середняков, которых в дни перегибов в коллективизации без смущения «раскулачивали» (в общей крестьянской семье они составляли более 60 %).

К 1932 г. у советской власти оппозиции не было. Тот, кто избежал или сохранился после военного подавления национальных окраин (Закавказье, Средняя Азия), после концентрационных лагерей в 1918-1921 гг., после бессудной расправы ЧК, после Соловецких зверств (1922 г.), после расправы с тамбовским (1920-1921 гг.) и сибирским (1921 г.) крестьянскими восстаниями (все это при Ленине), — тот не смог пережить сталинскую кровавую коллективизацию.

Оставалась только Церковь.

В 1932 г. была объявлена «безбожная пятилетка», планировалось к 1936 г. закрыть последнюю церковь, а к 1937 г. — добиться того, чтобы имя Бога в нашей стране не произносилось.

Несмотря на неслыханные размеры, которые приняли тогда гонения на религию, «безбожная пятилетка» выполнена не была. Ряд факторов: непредвиденная готовность верующих идти на любые муки, возникновение катакомбной Православной Церкви и стойкость других исповеданий, сломили демонские планы безбожников.

1934 г. Арестовано еще 6 епископов, в том числе 1 июня, в Гжатске, митрополит Кирилл. Митрополита Сергия признали 21 архиерей. Они только и были на свободе.

27 ноября 1935 г. Окончание десятилетнего срока ссылки митрополита Петра, законного преемника Патриарха Тихона, но, по-прежнему, о нем не было никаких сведений. Митрополит Сергей уже давно забыл, что он всего лишь заместитель Местоблюстителя, и единолично вел церковный корабль по опасному пути политической лояльности антихристианскому безбожному правительству. В этом году были арестованы еще 14 епископов.

Особенных размеров волна репрессий 1935 г. достигла в Ленинграде, после убийства в марте С.М. Кирова. На первой неделе великого поста началась массовая высылка духовенства. Обновленцы разделили общую участь Церкви.

1936 г. Арестовано 20 епископов. 29 августа в ссылке скончался митрополит Петр.

Попытка бойкотировать или провести своих кандидатов в Верховный Совет во время выборов 1936 г. со стороны верующих, послужила поводом для новых репрессий.

«Дадим отпор наглым церковникам!» — прозвучал новый большевистский лозунг и снова полилась кровь верующих людей.

Время ежовщины. Началась прямая ликвидация (физическое уничтожение) Церкви. Не могла спасти Ее даже политика лояльности по отношению к государству, взятая к руководству в 1937 г. митрополитом Сергием.

Вопрос легализации вообще утратил актуальность. Повсеместно закрывались храмы при массовых арестах духовенства: все духовенство, легальное и не легализованное, примирилось между собой в лагерях.

Кульминации этот процесс достиг в 1937 г. Детей тех, кто попал в лагерь, отправляли в кошмарные заведения типа детдомов и называли их не иначе, как детьми врагов народа.

Тогда государство не видело оснований для существования какой бы то ни было Церкви. Оно не нуждалось в услугах даже самых раболепных холопов из церковной среды. Время красницких уже прошло, время колчицких еще не наступило — пресмыкающиеся политики из Церкви оказались не у дел.

Сталинское ГПУ, отшлифованное и выдрессированное до автоматизма, мертвой петлей охватило Церковь, проникало во все ее поры, влезало в души людей. Не было исключения даже для первых и первейших представителей иерархии. Народ жил в тревожном ожидании: в любой час, особенно ночью, в квартиру могли ворваться всемогущие представители ГПУ и увести хозяина навсегда и неизвестно куда по первому же, иногда анонимному, доносу.

1937 г. Только что была принята и начала свое существование «самая демократическая», как ее называли, сталинская Конституция. Церковь просто-напросто вырезали. Тем, кто вышел живым в послереволюционные, 20-е и начало 30-х годов, не дано было пережить 1937 г.

Тридцать пять архиереев Русской Православной Церкви буквально пропали (исчезли) в течение года. В одном году обрывается биография 35 архиереев. Нет никаких дальнейших следов.

Осень 1937 г. Расстреляна группа священников, в том числе и секретарь епархиального архиерея о. Костырев, в Златоустовском районе во главе с епископом Вяткинским.

То же самое — в г. Шадринске! (о. Ф. Горохов).

То же самое — в г. Уфе!

То же самое — в г. Кургане!

То же самое — в Миассовом районе!

То же самое — в Карганопольском районе!

И это в одной только области!!!

Проскользнули сведения о «без вести пропавшем» епископе Антонии (Миловидове): оказывается, расстрелян, как руководитель группы, называющий себя «Партией угнетенных христиан» (ПУХ).

К суду привлечены Нижегородский митрополит Феофан (Туляков), Сергачский епископ Пурлевский, Ветлужский епископ Коробов, благочинный г. Горького протоиерей Лавров.

В Орле привлечены к суду за «контрреволюционную деятельность» и расстреляны 30 человек. Среди них:

епископ Иннокентий (Никифоров),

настоятель Смоленского храма протоиерей Воскресенский,

священники Жданович и Тихомиров,

еще 9 священников,
трое диаконов,
две монахини,
остальные — миряне.

В то жуткое время даже преподобный Сергей, как сказал герой одного из рассказов Ольги Форш, сидел бы на Гороховой.

Каждый месяц приносил зловеший сюрприз — расстрел или арест нескольких священников. В 1937 г. на всю Ленинградскую область их оставалось всего 15 человек. В 1930 г. их было еще больше тысячи.

Арестованным священнослужителям самоотверженные монахини умудрялись приносить в камеры Святые Дары, запеченные в хлеб, в яблоки.

Большевики в полную меру использовали и другие способы в борьбе против Церкви: массовое закрытие храмов, незаконное налогообложение, превышающее доходы прихода, изгнание священнослужителей по решению местных властей, без причины и без объяснений.

За отшедшими в концлагеря вскоре последовали и те, кто надеялся спастись под омофором лояльности митрополита Сергея. От бесчисленных храмов и обителей на всем безбрежном пространстве СССР, через 10 лет после декларации, сулившей Церкви «тихое и безмятежное житие», осталось только несколько храмов в больших городах. Они так и назывались — показательными.

Остался еще сам митрополит Сергей с незаконно организованным им Синодом — полтора десятка готовых на все архиереев, среди которых был и будущий Патриарх всея Руси Алексий (Симанский).

Священник Хлопотов (Челябинск), привлеченный к суду вместе со своим единомышленником, на следствии сказал:

— В процессе этих бесед мы оба пришли к заключению..., что каждый год существования советской власти приближает конец религии.

Но Церковь в это время начала постигать искусство выживания даже в таких условиях.

Коснулся 1937 г. и обновленцев. Обновленческий фаворитизм к тому времени исчез за ненужностью, и обновленцы разделили участь православных.

Власти в то время совершенно перестали делать какое-либо различие между представителями этих двух ориентаций.

Были арестованы и физически истреблены наиболее видные лидеры обновленчества: Петр Блинов — глава сибирских обновленцев, Петр Сергеев — митрополит Ростовский, Василий Челябинский — глава обновленцев Урала. Еще раньше, в предыдущем году, был арестован и умер

в заточении А.И. Боярский — активнейший деятель обновленчества, митрополит Иваново-Вознесенский.

Сразу же после отъезда на отдых в Сочи «уставшего» обновленческого архиерея Н.Ф. Платонова (перед этим он двое суток провел в ГПУ) начались поголовные аресты среди обновленческого духовенства Ленинграда. В один день было арестовано более сотни человек. Много священников оказалось за стенами Шпалерной тюрьмы.

Десятки других обновленческих архиереев в 1937 г., подобно православным, бесследно исчезли.

В том же году были закрыты 70 епархий и викарлатств.

1938 г. Над Россией вновь пролетел ураган. Огромные опустошения произвел он во всех областях. Опять же, особенно чувствительно пострадала Русская Православная Церковь: десятки иерархов, тысячи священников, огромное количество верующих мирян ушли из жизни. Ежовщина уничтожила подавляющее большинство русского духовенства.

Девяносто пять процентов церквей, существовавших в 20-е годы, были закрыты. Многие были снесены. Самое понятие «церковь» в устах большинства населения стало звучать анахронизмом. Незапрещенная официально церковь практически стала нелегальной организацией, так как малейшее общение с «церковниками» считалось признаком политической неблагонадежности со всеми вытекающими последствиями (а последствия были страшные).

Выдумка — «капиталистического окружения» позволила Сталину применить внутри страны жесточайшие меры для построения своей великой Державы.

1939 г. Рядом с физическим насилием над Церковью — идеологическая диверсия против нее.

Большевики по-прежнему промывают мозги широких слоев народа своей пропагандой.

«Далеко не все трудящиеся, в том числе и верующие, представляют себе достаточно ясно ту активную “контрреволюционную” роль, которую играют в настоящее время многие руководители различных церквей (православных, мусульман, иудейских, ламаистских и др.)»

Антисоветскую работу по заданиям фашистских разведок (!), утверждали атеисты, проводят православные церковники, которые с 1927 г. клянутся в своей лояльности большевистской власти.

«Митрополиты, епископы, попы, монахи, церковные старосты и прочие “большие” и “малые” церковные руководители всех течений и толков — тихоновцы, обновленцы, автокефалисты и сторонники “Высшего

временного церковного совета” — обманывают верующих и делают свои мерзительные фашистские дела».

Незадолго до войны Церковь представляла собой картину полного разорения. По всей России не осталось и сотни действующих церквей.

От 100 тысяч дореволюционных священников к 1919 г. оставалось 40 тысяч, а ко времени Великой Отечественной войны — горстка запуганных и уstraшенных.

Расстрелы священников приняли такие масштабы, что нет возможности собрать эти бесчисленные случаи. Тысячи и десятки тысяч рядовых священнослужителей были расстреляны «просто так», или отправлены в ссылку, откуда возвращались только единицы.

За период с 1917 по 1940 г. 205 (Двести пять!!!) русских архиереев «пропали без вести», из них 59 архиереев исчезли в одном 1937 г.

А ведь епископов в России было не так уж много. Их число никогда не превышало ста. И в том, что биографии многих из них в послереволюционный период, о котором остались еще сотни тысяч свидетелей, родственники которых еще живут, оканчиваются замечанием «дальнейших сведений нет», чувствуется весьма опытная рука некоего дирижера.

Сотрудники ГПУ — мастера своего дела. Получается, что с формальной стороны и виновных нет. Ну, подумаешь, потерялся человек. Был, и вдруг не стало его. Подумаешь! В мире не такое случается. Исчезают целые космические образования.

А ведь епископ Церкви — это не иголка в стоге сена, это даже не председатель сельсовета или секретарь обкома. Его с обществом и с центральной церковной и государственной властью связывают многочисленные нити. Он у всего христианского мира на виду.

Можно ли представить себе, чтоб в настоящее время взял и исчез митрополит Филарет (Вахромеев), например, или митрополит Филарет (Денисенко), или митрополит Ювеналий (Поляков)?

Кто покажет могилки десятков архиереев-мучеников и сотен и тысяч священников?

О старых, дореволюционных архиереях мы знаем несравненно больше, чем об архиереях 20-30-х годов. Во всяком случае ни в одной биографии дореволюционных Владык нет такого безвестного, обрывочного окончания.

Так, может быть, Лубянка любезно согласится нам помочь заполнить пробелы в исторической канве церковной жизни, особенно, что относится к судьбам архиереев 20-30-х гг.? Ведь не могли же власти дерзко нарушить завет Ленина, который обязывал энные организации знать, когда, кого, где и

при каких обстоятельствах расстреливали. Не пора ли обнародовать эти тюремные архивы? Совершенно справедливо требование академика А. Сахарова «всемирного расследования архивов НКВД». «Земля содрогнется, если Лубянка откроет свои архивы».

Так бы это и продолжалось, не случись война.

В оккупированных немцами областях сразу же началось стихийное церковное строительство: открывались, очищались и освящались оскверненные, но уцелевшие церкви, а где они были разрушены, там устраивались молитвенные дома. Верующие сносили туда сохраненные ими антиминсы, иконы, сосуды и всякую церковную утварь. Тысячами люди снова пошли в храмы, снова услышали слово Божие, снова причастились Бескровной Жертвы.

Все это не могло не отразиться и в областях, находившихся под властью Сталина. Сталин понял, что продолжение прежней церковной политики может оказаться для него сугубо опасным и, решив не отставать от Гитлера в «благочестии», повелел во всем послушному ему митрополиту Сергию открывать те храмы, закрытие которых митрополит Сергей незадолго перед тем оправдывал, неоднократно заявляя всему миру, что никаких гонений в СССР нет, а храмы закрываются потому, что об этом ходатайствуют прихожане, ибо храм, мол, им не нужен.

Бурное возрождение религиозной жизни на оккупированных немцами территориях, заставили Сталина отказаться от плана уничтожения религии и Церкви, он был вынужден признать за ней право на существование, хотя принципиальная враждебность государства к религии при этом оставалась — выход себе нашла впоследствии — в гонениях хрущевской эпохи.

Русская Православная Церковь не использовала во время войны процерковные настроения в борьбе за свою независимость. Она даже не мыслила разделить чаяния отдельных политиков — отдать социализм и фашизм друг другу на съедение. Она была и оставалась Русской Православной Церковью, и судьбы народа в этот вдвойне тяжелый для нее период так же волновали ее, как и 100 и 1000 лет назад.

Если бы митрополит Сергей занял вместе с Православной Церковью хотя бы нейтральную (не говорим антисоветскую) позицию, то вряд ли изменился бы ход мировой войны, а, во-вторых, советское государство, в случае победы, не оставило бы безнаказанным такое поведение лидеров Московской Патриархии. Страх перед репрессиями определил с первого же дня войны патриотическую позицию митрополита Сергия. К репрессиям не привыкают.

Ведь не просто так митрополит Николай (Ярушевич) по инерции и во

время войны держал у себя дома наготове узелочек с двумя парами белья, двумя простынками и полотенцем — узелочек на случай возможного ареста.

Октябрь 1941 г. В Москве было открыто несколько храмов. Теперь уже советская пресса упрекала немцев в том, что они разрушают «религиозные памятники». Журналы Союза воинствующих безбожников («Безбожник», «Антирелигиозник», «Атеист») прекратили свое существование. «Правда» вдруг стала писать о церковных событиях. Частная резиденция германского посла в Москве была предоставлена Московской Патриархии.

Призыв митрополита Сергея к сопротивлению против захватчиков, который воодушевил русских людей на неслыханные подвиги, явно подействовал на Сталина.

Весьма ощутимой была и материальная помощь Церкви. На 24 октября 1944 г. Церковь собрала 150.000.000 рублей, не считая пожертвований ценными вещами. В общей сложности помощь эта исчислялась миллиардами рублей.

Необходимо учитывать здесь и деятельность ряда священнослужителей, которые по собственной инициативе распространяли патриотические взгляды и настроения, поддерживали людей в несчастьях, стремились вселить в них мужество и надежду на скорое поражение захватчиков.

Известны случаи, когда на временно оккупированной врагом территории священнослужители произносили перед собравшимся населением проповеди с призывами оказывать сопротивление фашистам, поддерживать партизан, служили молебны о даровании победы советской армии, организовывали сборы денежных средств в ее пользу.

Именно церкви неофициально создали «кружки взаимной помощи», чтобы помогать самым бедным и оказывать посильную поддержку военнопленным.

Вопреки ожиданиям фашистов, что церкви превратятся в центры антисоветской пропаганды, они стали центрами «русицизма».

Все это, конечно, не могло не повлиять на «церковную» позицию даже самого «железного» Сталина.

С его разрешения в 1943 г. два десятка епископов — делают митрополита Сергея Патриархом, или «комПатриархом», как прозвали его немцы в своих газетах. Патриарх начал лихорадочно увеличивать число своих епископов, доведя его за недолгий срок своего патриаршества до 50 душ, конечно, из единомышленников. Открыли несколько семинарий и три академии, разрешили издание «Журнала Московской Патриархии». Причиной этого «расцвета» была не декларация митрополита Сергея, а успешное поначалу наступление Гитлера.

Прошла война. Мерзости, совершенные фашистами на русской земле, люди не забыли. Они были, действительно, необъятных масштабов. Но по отношению к Церкви — не так уж значительны, как хотят представить коммунисты. Да, было несколько десятков разрушенных храмов, несколько сотен зверских расправ над священнослужителями, но все это не идет ни в какое сравнение с жестокостью самой советской власти по отношению к Церкви во весь мирный период нашей истории после революции 1917 г.

Преступления фашистов против человечества не забыты: они нашли свое осуждение на Нюрнбергском процессе.

Преступления советской власти по отношению к Церкви, к своим же, русским людям, забыты напрочь, кощунственно, и самое печальное — самой Церковью. Состоится ли новый «нюрнбергский» процесс, на котором злодеяния большевиков против Церкви получат свое осуждение?

Он обязан быть! И мы готовы выступить на нем свидетелями обвинения!

Вскоре после войны государство пошло еще на одно кровавое преступление против религии и Церкви — ликвидацию унии. Инициатива, конечно, исходила от Сталина, но осуществить это Сталин хотел руками иерархии Православной Церкви.

Каковы были причины такого решения? Сталин в это время находился в резко враждебных отношениях к Ватикану. Наличие на территории СССР нескольких миллионов людей, объединенных в одну особую церковь, связанную с Ватиканом, представлялось ему крайне нежелательным.

В западных областях Украины католики и последователи греко-католической (униатской) Церкви действительно были против советского строя, а Ватикан занял после войны резко антикоммунистическую позицию.

Униатам было предложено «самоликвидироваться». Сначала это хотели сделать руками митрополита Иосифа Слипого (Шептицкий к тому времени уже умер). В течение двух лет (с 1944 по 1946 г.) между Львовом и Московской Патриархией велись переговоры, в Москву из Львова приезжали епископы, Патриарх обменивался с митрополитом Иосифом посланиями. Характерно, что никаких решительно политических обвинений ни митрополиту, ни его окружению не предъявлялось.

Так было до 1946 г., когда выяснилось со всей определенностью, что униатские иерархи не хотят соединяться с Московской Патриархией.

Тогда Сталин решил этот вековой спор с присущей ему «мудростью» (как выражались тогда официальные публицисты). Все украинские униатские иерархи были в один день арестованы, арестованы были и все руководящие деятели униатской церкви. Тут-то и всплыл неизвестно откуда протопресвитер Костельник, который собрал вокруг себя группу лиц из

единомышленников, совершенно никому неизвестных до этого.

Затем собрали явно подтасованный собор, который в один день (точнее, на протяжении одного часа), без всякого обсуждения принял резолюцию разрыва с Ватиканом и соединения с Московской Патриархией.

После этого по всей Западной Украине началась кровавая свистопляска. Всех священников, диаконов, причетников, активных мирян, которые отказались присоединиться к резолюции Костельника, арестовывали и ссылали. Все лагеря были буквально забиты униатами (это видели все, кто пребывал в это и последующее время в заключении).

Стоны невинных людей огласили Украину. Да, невинных людей: решительно все они, до одного человека, были в 1956 г. полностью реабилитированы.

Львовский предатель Гавриил Костельник, руки которого были обгарены кровью его недавних братьев, был встречен Патриархом в Москве с величайшим почетом.

На вопрос корреспондента ТАСС, «как восприняли решение собора (Львовского, на котором было принято решение о воссоединении с Московской Патриархией — В.С.), духовенство и верующие — грекокатолики западных областей Украины», Костельник ответил:

«Как на соборе, так и после собора не было никаких отрицательных проявлений со стороны верующих и духовенства». Разве об «отрицательных проявлениях» можно говорить, если они, мол, «веками чаяли» этого события? На вопрос, правда ли, что перед собором были проведены массовые аресты духовенства Греко-католической Церкви, он ответил отрицательно. Да, разве он мог ответить по другому?

Прошла война, многое изменилось. Изменились и государственно-церковные отношения. Они стали более отшлифованными, менее заметными для стороннего наблюдателя, стали более «философскими», скажем. В условиях резкого укрепления международного содружества, в условиях возросшей взаимной ответственности народов друг за друга, сталинские довоенные приемы перестали быть пригодными.

Советский Союз вышел после войны на широкую европейскую политическую арену, как одно из самых активных государств. И в своей международной политической деятельности он не мог не учитывать первейший вопрос современности, который был поставлен новыми условиями развития демократических представлений и учреждений, — вопрос свободы совести.

С одной стороны в государственной церковной политике стали заметны тенденции к веротерпимости, но объяснение этому надо искать не в

искренности советской власти, а в острой необходимости международного и внутреннего характера, перед которой было поставлено советское правительство.

С Другой стороны Церковь (сама) должна была сыграть в этом вопросе для государства роль буфера.

Для нескольких епископов, включая Патриарха Алексия, открывается граница, с единственным условием: они должны были стать глашатаями и апологетами советской демократии.

Достаточно было государственной власти выразить в связи с этим свое желание церковноначалию Церкви, как оно, забитое и запуганное, пережившее не один «девятый вал», забывшее, что такое протест и сопротивление антихристианским силам, покорно начало играть роль, составленную ему советскими политиками.

С этого момента Церковь встала на путь (и идет по нему по сей день) предательства своих собственных интересов в пользу государственных. Предательство тем более ужасно, чем виртуознее и «надежнее» оно замаскировано.

Но это не оградило ее от возможных рецидивов сталинской политики. Нашелся «верный ленинец», который в течение каких-то 4-5 лет (1958-1962 гг.), плюя на международное мнение и реакцию вместе взятые, тем более на саму Церковь, сделал ей столько зла, что ему мог бы позавидовать сам Верховный Вождь.

Всем должно быть понятно, что это не кто иной, как Никита Сергеевич Хрущев. «Дай Бог», — говорил он довольно часто, но это звучало кощунственно.

Да, в 1955-1956 гг. произошло «хрущевское чудо», как его назвал Солженицын, — непредсказанное, невероятное чудо освобождения миллионов невинных заключенных, соединенное с зачатками человеческого законодательства.

Но в других областях, другой рукой, тут же громоздилось и противоположное.

Этот порыв деятельности Хрущева, был, по сути, враждебен коммунистической идеологии, несовместим с нею, отчего так поспешно от него отшатнулись и отошли

Многие жаловались на трудности, начавшиеся с 1961 г., когда началось массовое закрытие храмов. В это время многие поселки центральной полосы стали разделять участь глухих районов Сибири. Увеличилось число страждущих христиан. Новым стало то, что священник, по новому неписаному закону, лишался права выезжать в соседний населенный пункт

отправлять требы в домах прихожан. Кое-где еще разрешали причащать больных. Стала вестись жесткая регистрация крестин и свадеб. Пробовали ввести регистрацию причащений. Регистрация крестин была распространена и на взрослых крещающихся. Сведения о крестинах и свадьбах регулярно запрашивал уполномоченный, участников «треб» прорабатывали на собраниях.

Многие студенты вузов, врачи, инженеры должны были прекратить посещать храм. Многих за это увольняли. Известны случаи, когда матерей вызывали в школу, или даже в милицию, и предлагали, под угрозой принудительной отдачи детей в интернат, прекратить посещение ими храма. Угрозы эти часто исполнялись.

В Кировской области, например, для устрашения верующих и подавления недовольства с 1960 по 1963 г. систематически применялись жестокие репрессивные методы: штраф, незаконный арест, незаконное осуждение на разные сроки тюремного заключения и другие приемы застращивания.

Закрывались храмы, монастыри, семинарии, пастырские курсы, уничтожались бесценные библиотеки. Уникальное собрание богословско-исторической литературы при Ленинградском епархиальном управлении вытащили во двор и отдали на расхищение толпы, а часть уничтожили. Верующая молодежь ушла на нелегальное положение. Ее силой не пускали в храмы в большие праздники.

Случай, подобные приведенному в журнале «Наука и религия», стали обычным явлением. 10 июня 1962 г., в воскресенье, когда многочисленные паломники направлялись в Виленскую калварию, власти оцепили город инспекторами, которые не выпускали из города ни одной автомашины с пассажирами. Водителям и пассажирам милиционеры прямо объясняли свои действия:

«Незачем вам на богомолье ехать!»

Конечно, тем, кто стремился попасть на богомолье, эта мера не помешала добраться до калварии. Там собралось не меньше народу, чем обычно.

С особым озлоблением относились власти к монастырям, этим дорогим местам для верующего человека. Не описать, сколько пришлось претерпеть только одной Почаевской обители за это время.

За два года (с 1960 по 1962 г.) число братии Почаевской Лавры уменьшилось почти вчетверо: со 150 человек до 37. Каким образом? — В результате насильственного выселения.

1) Отправляли в родные места.

2) Судили за нарушение паспортного режима.

3) Здоровых монахов (согласно медицинскому «освидетельствованию») отправляют в сумасшедшие дома.

В первых числах декабря 1962 г. в Лавре побывала специальная комиссия во главе с заместителем председателя Совета Министров СССР Казаевым. Уничтожили домовую книгу, завели новую, в которую записали только 23 человека. 25 человек, которых вычеркнули, после отъезда Казаева власти стали выгонять из Лавры. Монахи отказались покинуть родную обитель. Повестка в суд. Монахи поехали в Москву к Патриарху Алексию с жалобой.

Оказалось, Патриарх был превосходно осведомлен о событиях в Лавре, но ни одному человеку помочь не смог. С марта 1962 г. по 1964 г. он не мог нигде пристроить даже архимандрита Севастиана, назначенного им же наместником Лавры: власти не утверждали нового наместника и все тут.

Только за 1962 г. власти выселили из Почаевской Лавры 70 монахов. Все жалобы и мольбы Патриарху и Хрущеву остались без ответа.

Послушника Григория Унку замучили насмерть. 10 монахов сидели за веру в тюрьме, один — вторично, за то, что не вышел из Лавры.

В один прекрасный день милиция и дружинники Тернопольской области подогнали грузовые машины к монастырю, ворвались в корпуса и начали физическую расправу над насельниками. Сотрудники КГБ, вооруженные, с железками в руках, начали ломать двери, загонять монахов в машины. Заламывали руки, закручивали головы, волокли по коридорам, бросали в машины, как бревна. Об этом узнал народ, начал стучать в ворота.

Власти подогнали пожарную машину и мощной водяной струей начали охлаждать солидарность верующих с монахами. Били и ногами.

Монахов увезли: кого — куда: на родину, к родственникам, на железнодорожный вокзал. Всем запретили возвращаться. Таких варварских нападений было несколько. Кстати, каждый житель Почаева, прихожанин Лавры, состоит в государственных органах на специальном учете.

И после этого нам будут говорить, например, что в течение 1958-1959 г. свыше 300 монахов и монахинь Сурученского, Гербовецкого, Варзарештского (Молдавия) и других монастырей навсегда оставили «монастырские застенки». Ложь и клевета, грубая и наглая. Все эти монашествующие были выселены из своих обителей, и все эти и другие монастыри были закрыты насильственно.

«Вред, приносимый Церковью социалистическому обществу, — считают коммунисты и в настоящий день — бесспорен». Соответственно на такой идейной установке строится и тактика государства

по отношению к Церкви.

Что Испания (30 лет франкистского режима), что Португалия (несколько лет), что Греция (пару лет режима «черных полковников»), что Чили (тоже несколько лет)? Мы живем в условиях безраздельной власти руководителей партии более 60 лет, и наша Церковь за это время пережила столько, сколько ни одна Церковь (и вместе взятые) не пережила в период фашистских режимов в упомянутых странах.

Один историк, обозревая глобальность злодеяний, совершенных большевиками только за год (после революции), в ужасе воскликнул:

«Сомнительно, чтобы столько горя переживала какая-либо страна за всю человеческую историю». А ведь после 1918 г. был 1923-ий, 1929-ый, 1937-ой, 1953-ий, 1958-1962-ые...

В Северо-Американских Соединенных Штатах архиепископ Александр вскоре после гражданской войны говорил, что в Советской республике за время с 1917 по 1920 г. советская власть уничтожила 2 миллиона человек.

Спустя много времени выявились и другие цифры.

В 1929-1936 гг. уничтожено 16 миллионов сельского населения (в основном — «кулаки» и часть середняков).

В 1937-38 гг. период «чисток» — 1 миллион 400 тысяч.

В 1939-40 гг. — 1800 человек, в основном — командный состав Красной Армии.

В 1941-45 гг. — 10 миллионов человек, в основном — узники ГУЛАГа, но и в результате «чисток» немало.

В 1950-54 гг. — уничтожено 450 тысяч человек.

Помимо двух мировых войн, от одних только гражданских раздоров и неурядиц, от одного внутреннего, «классового», политического и экономического уничтожения, по подсчету бывшего Ленинградского профессора статистики И.А. Курганова, мы потеряли 66 миллионов (шестьдесят шесть миллионов!!!) человек.

Значительная доля этой космической цифры приходится на церковных, верующих людей.

Большевистские офицеры имеют наглость писать, что вина за эту кровь и за эти страдания «серой поповской массы» лежит не на советской власти, которая со своей стороны делала тысячи предостережений, а, прежде всего на ответственных руководителях церковной политики.

А вот профессор Титлинов, большой знаток истории Церкви в нашей стране, утверждает, что да, мол, мученический венец создавался довольно искусственно, так как трудно было разобраться, кто виноват, кто прав. Но следует сказать, продолжает профессор, что жизнь выдвигала и такие факты,

которые иначе нельзя назвать, как эксцессами и злоупотреблениями. Злоупотреблениями большевиков своей властью, разумеется.

Впрочем, профессор видит в этих злоупотреблениях неизбежность, создавшуюся послереволюционными условиями.

Тысячи мучеников. Кровь страдальцев за веру и Церковь, пролитая на улицах Петрограда, Москвы, Ярославля, Тулы, Харькова, Киева и других городов, казалось бы, должна вопиять от земли к небу и цементировать Русскую Православную Церковь для противостояния большевистским поползновениям, укреплять ее усилия по утверждению святынь, народного духа... Но, нет: скоро вообще забыли об этих мучениках.

Печально, что за редким исключением ни один священник, стоящий у престола, не помнит той крови погибших мучеников, удушенных, замученных, расстрелянных.

Грубая сила и хитрое коварство, положенные в основу самого советского строя, в полной мере были опробованы в его отношении к Церкви.

Положение, при котором у огромного многомиллионного церковного общества отсутствует право юридического лица, напоминает собой в какой-то мере положение первых христиан, поставленных римской властью вне закона. Местная власть может ориентировать себя по отношению к Церкви как ей заблагорассудится.

Лишь в какой-то мере этот произвол сдерживают международные усилия по соблюдению прав и свобод личности.

Верующих людей травят в советской печати, но не было случая, чтобы опубликовали опровержение, или чтобы обращение к органам власти дало какие-либо результаты, даже в тех случаях, когда клевета совершенно очевидна. На периферии самоуправствуют уполномоченные совета, которые в прямое нарушение Конституции снимают с регистрации неугодных им священнослужителей.

Практика коммунистического отношения определяется все тем же самым демократическим законодательством.

* * *

«Каждый гражданин может исповедать любую религию или не исповедать никакой», — гласит Конституция.

Что дает это на практике? Что значит это право, существующее во всех советских конституциях, а в действующей даже гарантированное?

Если человек верит в то-то и то-то, если он уверен в правоте своих

убеждений, то он просто обязан (это своеобразный категорический императив веры) пропагандировать свои идеи, приводить других людей к знанию, рожденному верой, которое он считает истинным. Иначе грош цена его убеждениям.

Следовательно, с исповеданием веры теснейшим образом соединено проповедание ее, проповедание активное и непрерывное, в любом месте и во всякое время, т.е. миссионерство, религиозная пропаганда. Право исповедать, таким образом, предполагает и включает в себя право религиозной пропаганды. Демократическое законодательство должно бы звучать в этом месте приблизительно так:

«Каждый гражданин имеет право исповедовать любую религию и вести религиозную пропаганду», или «Не исповедовать никакой веры, или быть атеистом и вести атеистическую пропаганду».

Некоторые советские конституции 1918 г. предоставляли право религиозной пропаганды. Конституции РСФСР, БССР, Азербайджанской ССР, Туркменской АССР признавали это право наряду с правом большевиков вести антирелигиозную пропаганду. «За всеми гражданами признается право пропаганды религиозных учений».

Но очень скоро государство убедилось, что при наличии религиозной пропаганды все их антирелигиозные потуги оказываются бесплодными.

И вот в 1929 г., вскоре после того, как митрополит Сергей (Страгородский) к подобострастный ему Синод повели Церковь по пути так называемой лояльности, когда советы стали уверены, что ни одно их постановление, касающееся Церкви, не только не встретит сопротивления, но могли рассчитывать даже на одобрение, как бы губительно оно ни было для Церкви, ненавистная для атеистов религиозная пропаганда постановлением ВЦИК от 18 мая 1929 г. была исключена из конституционных прав, и все религиозные свободы были сведены к свободе «религиозного исповедания». При этом право антирелигиозной пропаганды было сохранено. Атеистический «цезарепапизм» из области идей шагнул в жизнь.

Конституция 1936 г., сталинская, как ее называют, закрепила и углубила эти изменения. О свободе религиозной пропаганды - ни слова, кроме того, свобода исповедания была заменена свободой отправления культов. Право антирелигиозной пропаганды опять же сохранено.

Легко заметить, своеобразную девальвацию этого правового положения: «Свобода исповедовать любую религию и вести религиозную пропаганду» (1918 г.).

«Свобода исповедовать любую религию» (1929 г.).

«Свобода отправлять религиозные культы» (1936 г.).

И, тем не менее, атеисты как-то умудряются «понимать ее» — видеть существование религиозной пропаганды в рамках удовлетворения религиозных потребностей.

Для атеистической пропаганды — никаких рамок. Атеисты не отличают (или не хотят отличать) «религиозную пропаганду» от «отправления культов». Кандидат философских наук, некто А. Иванов, пишет: «Выражения “свобода религиозной... пропаганды” (в ст. 13 первой Советской конституции) и “свобода отправления религиозных культов” (в ст. 124 конституции 1936 г.) по своему содержанию полностью совпадают (разрядка наша — В.С.), являются идентичными. Под свободой религиозной пропаганды, о которой идет речь в конституции 1918 г., понималась именно свобода отправления религиозных потребностей».

Поди узнай, как понимают атеисты общепринятые вещи. При этом считается, что всем гражданам предоставлена «реальная и равная возможность исповедовать любую религию или быть атеистами»

Уже давно была подмечена какая-то не русская конструкция этого конституционного положения, смысловой дисбаланс, если можно так сказать, который создает маленький союз «и». Почему-то конституция предоставляет право не только быть атеистом, но и вести антирелигиозную пропаганду, в то время, как свобода верующих ограничена только рамками отправления культа (обряда).

Статья же 124-ая прежней конституции в этом вопросе не лишена горького юмора. Она признает за всеми гражданами как свободу отправления религиозных культов, так и свободу антирелигиозной пропаганды.

Не сочтем за труд сделать легкий семантический анализ этой конституционной статьи.

В общем-то здесь все ясно, конкретно, и не оставляет места двусмысленности и извращенным толкованиям. Но обратим внимание, как обыграна в ней действительная демократическая идея, оставив ложную иллюзию демократичности. Сложным союзом «как... так...», требующим связи предметов или явлений одного порядка, в данном случае связываются совершенно разные вещи.

Как скоро за основной предикат взято «религиозные культы», то он должен иметь союзным (в смысле связи в предложении) общим определением что-то вроде «советского революционного культа», подразумевающего что угодно, включая «религиозное» поклонение останкам Ленина, например, или «паломничество» по местам, связанным с историей большевистского движения.

Если же речь идет об антирелигиозной пропаганде, то свобода совести, какой она должна быть, может быть достигнута только законодательно закрепленной свободой религиозной пропаганды в худшем, и апологетикой и миссионерством — в лучшем случае.

Если у атеистов, как они считают, нет своего культа, то это их дело, но у верующих есть насущная потребность в религиозной пропаганде, поэтому конституция должна уравнивать объем свобод, относящихся к свободе совести атеиста и верующего человека.

Но советское государство исходит, и всегда исходило, из положения, что делом Церкви является только отправление культа.

Вот как описывает Краснов личную трагедию известного проповедника Александра Введенского, вызванную законодательством, сводящим религиозную жизнь к отпращиванию культа.

Самый страшный удар из всех, какие испытал когда-либо в жизни Введенский, а испытал он немало, был нанесен ему 6 декабря 1936 г. На второй день после принятия «сталинской» Конституции он был вызван в «церковный стол при Моссовете». Третьестепенный чиновник с невыразительным лицом сухо сообщил, что поскольку новая Конституция разрешает отправление религиозного культа, но не религиозную пропаганду, служителям культа запрещается произносить проповеди.

Для Введенского это был удар, пережить который он не мог. «Представьте себе Ф.И. Шаляпина, которому запретили петь, — пишет Краснов, — Шопена, которому запретили играть, или Врубеля, которому отрубили правую руку, — эффект будет примерно тот же».

Для Церкви, во всем ее объеме, лишение права заниматься религиозной пропагандой явилось еще более катастрофичным. В миссионерстве Церковь живет. Без широкой проповеди, религиозной пропаганды, она коснеет и теряет смысл. Собственно, в нашем случае, что мы восприняли это как должное.

«По советскому законодательству, для отправления религиозных культов (может быть, религиозных потребностей? — В.С.) отведены специальные места - храмы, мечети, молитвенные дома. И только! Религиозная пропаганда (? — В.С.) ...вне этих мест является нарушением закона».

Позволительно спросить: а в этих местах можно? — Нет, конечно. Вот такой дилетантский подход к религии и Церкви, приводящий к всевозможным двусмысленностям, неточностям, неясностям и прочим ошибкам в законодательстве о культах, для многих оборачивается ссылкой и лагерем.

Всякая пропагандистско-миссионерская деятельность священников запрещена. «Основное занятие служителей культа в нашей стране - удовлетворение религиозных потребностей уже верующих людей».

Глубокомысленное замалчивание отсутствия религиозной пропаганды наряду с напористой антирелигиозной, присутствует не только в «газетном» жанре.

Этим страдает даже такой «монументалист», как Э.И. Лисавцев в своей монографии «Критика буржуазной фальсификации положения религии в СССР». Он, например, жестоко критикует утверждение Р. Конквеста в том, что после революции наступило время конфронтации, в которой антирелигиозную пропаганду должны были проводить все силы государства и Коммунистическая партия, в то время, как религиозную пропаганду должны были вести ослабленные, если не сломленные дискриминационным законодательством силы Церкви.

Но ведь достаточно мало-мальски знакомства с положением дел того времени, чтобы увидеть историческую честность Конквеста в данном вопросе.

Если же говорить о времени более позднем, о времени послесталинской конституции, то утверждение Конквеста, действительно, будет ошибочным: в силу, вероятно, недостаточного знакомства с нынешним законодательством, он приписывает ей свободу, которой она в действительности лишена.

Согласно существующему законодательству о культах, религиозная пропаганда запрещается вообще, и ограничивается только храмовой проповедью на тему внутренней духовной жизни христианина. Всякая апологетика расценивается как антисоветчина с вытекающими пагубными для проповедника последствиями.

Конституция 1978 г. опять же внесла изменения, но эти изменения ничуть не изменили положения верующих людей и Церкви.

Остался тот же смысловой дисбаланс между правами верующих и атеистов в пользу атеистов.

Термин «антирелигиозная пропаганда» заменен термином «атеистическая пропаганда». Но ясно, что «анти» и «а» — это одно и то же.

А отрицание религии или Бога существа дела не меняет. Кроме того, правовые предикаты этого пункта в новой конституции гарантируются. Чем? — Ничем абсолютно. Бумага все выдержит.

Удивительна роль бумаги: на ней можно написать поэтические строчки, а можно написать и клязу, можно признаться в пламенной любви к незнакомому человеку, а можно опоганить ближнего...

СЛОВО — драгоценное создание духа человеческого, призванное служить человеку в его стремлении к добру и правде, слово, служащее великим делам человеческим, и в каком-то смысле само являющееся делом, стало у нас «делом» казуистики, пустословия, словоблудия, делом, ни к чему не приводящим, кроме как к смешению понятий и затуманиванию мозгов.

Справедливо сказал в свое время Белинский: «Слово есть или мысль, или пустой звук».

Удивительно и свойство бумаги: с одной стороны — что написано пером, то не вырубишь топором, с другой — она все терпит. Она несет людям добро и зло, красоту и безобразие, истину и ложь, и многое-многое другое, взаимно исключаящее друг друга. На ней одновременно могут уживаться эти радикально противоположные категории.

Гарантий нет. Имеем в виду верующих, а не атеистов.

Это и есть «самая демократическая в мире» конституция, конституция, которая, как заверил Л. Брежнев, «создана не для декорации». Кому же верить после этого?

Ущемленных верующих атеисты утешают тем, что, если не будет потребностей, а в этом они уверены, то отпадет и необходимость в религиозной пропаганде. Поэтому авансом, так сказать, верующих лишают этого права. Вероятно, чтобы не изменять лишний раз текст конституции.

Религиозную пропаганду свели к проповеди.

Но и настоящая проповедь, непременно включающая (долженствующая включать) элементы религиозной пропаганды, прекратилась в начале 30-х годов, когда митрополит Сергей, освободившись от оппозиции, отдал свою волю и церковные интересы в руки безбожников.

Сейчас уже никто и не обязывает священника говорить проповеди. Даже лучше, если священник неговорливый, более требоисполнитель.

Если в 1914 г. духовенство только одной Новгородской епархии провело 13 355 бесед и 8 480 поучений, если некоторые священники этой епархии в том году произнесли до 100 проповедей, если в Симбирской епархии в том же году было сказано 362 поучения по печатным руководствам, 1 509 импровизаций, 116 экспромтов, проведено 20 326 чтений и собеседований, если во Владимирской епархии в течение года было произнесено 40 129 проповедей, то проповеднический объем нынешнего духовенства всей Русской Православной Церкви составляет не более тысяча проповедей (1 600 часов).

Итак, от безграничного миссионерства (религиозной пропаганды) — до узковероучительных вопросов в рамках «демократического

законодательства».

Естественно, поэтому, что право исповедовать религию без прав свободно пропагандировать ее в обществе всеми возможными средствами, на практике оказывается явной фикцией.

Оказывается, не может каждый гражданин «исповедать любую религию». Он может только не исповедовать никакой.

Как следствие этой статьи — из всех официальных актов был изъято указание на религиозную принадлежность. Виртуозный пункт. С одной стороны, формулировка этого пункта вводит многих заблуждение о якобы действительно демократическом элементе его (ведь не каждый заподозрит о существовании «обратной стороны» я, если внешняя так ясна, пряма и выразительна), с другой — государство ограждает себя тем самым от возможной статистики числа, верующих в Союзе и, в том числе, бесспорной компрометации социалистическо-идеологической советской системы, т. е. государство этим пунктом свою идеологическую несостоятельность закрывает непроницаемой завесой отсутствия данных о числе верующих в советской стране.

«В пределах республики запрещается издавать какие-либо местные законы или постановления, которые бы стесняли или ограничивали свободу совести или устанавливали какие бы то ни было преимущества или привилегии на основании вероисповедной принадлежности граждан».

Это венец законодательства.

Собственно, никакой нужды в таких постановлениях у советов и нет. Что еще можно издать помимо того, что есть, и что могло бы еще больше стеснить и так стесненную до предела свободу совести и деятельности Церкви?

Церковь лишена элементарных юридических прав. Как следствие, она не имеет права владеть собственностью. Все церковные имущества стали «народным» достоянием. Школа отделена от Церкви. Преподавание религиозных вероучений почти, безусловно, запрещено. Преподавание такого рода знаний лицам, не достигшим 18 лет, безусловно, запрещено. Чем еще можно стеснить Церковь в ее внутренней и внешней жизни? Пожалуй все, что можно было сделать, сделано центральным законодательством.

Из компетенции церковных организаций исключена всякая деятельность, непосредственно не относящаяся к удовлетворению религиозных потребностей, в том числе направленная на благотворительные и просветительные цели.

Рамками законодательства о религиозных культах очень жестко

определены пределы деятельности религиозных организаций и духовенства всех религий. Попытки отдельных энтузиастов выйти за пределы эти, решительно пресекаются. Стремление государства любыми средствами втиснуть Церковь в рамки «религиозного культа», стремление ограничить ее этими рамками насколько возможно теснее — основная политическая тенденция наших дней.

Декрет запрещает религиозным общинам оказывать своим членам любую материальную помощь, запрещает создавать религиозные или иные союзы, группы, кружки — причем, без различия, занимаются ли они Библией, литературой, рукоделием или преподаванием.

Даже в самих храмах законодательство обязывает хранить только те книги, «которые необходимы для совершения соответствующего культа».

Запрещается проведение любых детских, юношеских молитвенных собраний, организация библейских школ, экскурсий и других мероприятий, представляющих формы религиозного просвещения населения, и, в первую очередь — молодежи. Деятельность служителей Церкви, по декрету, ограничивается храмом. Всякое распространение веры, миссионерство, всякая евангелизация словом и делом, всякая проповедь, не являющаяся непосредственно частью «культа», поставлены декретом вне закона.

Между прочим, даже «культ» подвергся ограничениям. Было время, когда в практике осуществлялась рабочая неделя со скользящим выходным днем, лишавшая верующих возможности присутствовать на воскресных богослужениях.

Обобщая, можно сказать, что основные противоцерковные усилия, получившие законодательную основу, шли по трем направлениям:

- а) лишение Церкви ее имущества;
- б) запрещение преподавания религиозных дисциплин в школе и исключение церковного элемента в общественной жизни;
- в) лишение религиозных обществ прав юридического лица и духовенства политических прав.

«Если последовательно рассматривать (эти) обвинения, — признаются перед очевидными фактами некоторые советские историки, — то не все их следует безоговорочно отвергать».

В результате осуществления декрета религия и Церковь оказались совершенно отрезанными от общественного, социального служения, которые являются ее сущностью, ее задачей, ее целью, наконец.

Церковь, по мнению атеистов, призвана удовлетворять исключительно религиозные потребности верующих, хотя, казалось бы, кому, как не самой Церкви знать, к чему она призвана.

Находятся и «церковные» люди, которые оправдывают это положение приблизительно такими рассуждениями: ничего, мы ведь знаем, что «Дух дышит, где хочет».

Но сможет ли он дышать там, где ему отрезан всякий приток воздуха?

Декрет и советское законодательство о «религиозных культах» имеет одну цель — полное и окончательное искоренение религии.

* * *

Пройдет немного лет и найдутся в советской научной среде историки, с позволения сказать, которые без зазрения совести скажут, что русский народ в церковных декретах советской власти увидел осуществление вековых чаяний всего поработанного трудового народа, идеалы лучших его представителей.

Тут утверждение выходит за рамки рядового здраво-исторического смысла. Русский народ (поработанный, трудовой — пусть так), отдававший Церкви самое дорогое, чем он обладал, русский человек, отправлявшийся пешком, с полупустой котомкой, за сотни километров, чтобы только прикоснуться к святыням в религиозных центрах России, русский человек, жизнь которого была «от и до» пропитана религиозным содержанием, тот русский человек, который из-за двуперстия или сугубой «аллилуйя» без малейшего колебания шел насмерть, этот русский человек веками чаял подрыва самих юридических и экономических основ этой Церкви, которой он верой и правдой служил всю свою жизнь?

Это он веками чаял момента, когда храмы, в которых он находил утешение и удовлетворение своих духовных запросов, закроются или сравняются с землей, или сменят свое церковное назначение на утилитарно-хозяйственное? Это он чаял, чтобы монастыри, в которые он стремился всей душой, превратились в музей-«заповедники»? Чтобы иконы, от которых он получал благодатную помощь в жизни, стали просто гениальными произведениями кисти древних мастеров?

Как поднимается рука с пером защищать подобную бредовую мысль, эту фальсификацию русской истории и психологии?!

О какой свободе может идти речь, когда родитель не может воспитывать своего ребенка так, как ему хочется? Причем, подразумевается воспитание не в духе хулиганства и тунеядничества (какой родитель хочет плохого своему ребенку?), а в духе любви, правды, истины и даже покорности власти (!)! О каком равноправии может идти речь, когда студента могут исключить из института только зато, что у него обнаружили Евангелие с письмом от

знакомого священника? О какой демократии идет речь, когда местные власти все возможное употребляют к тому, чтобы помешать человеку поступить в духовное заведение? А таких фактов — не перечесть! Не будет большой ошибкой сказать, что почти каждый поступающий в семинарию на своих собственных плечах испытал «демократию» этого декрета и «лояльность» власти по отношению к Церкви и верующим.

Эти ли декреты русский народ ждал на протяжении многих веков? Да рядом с ними даже старая («декларация прав человека и гражданина» (1791 г.), рожденная французской буржуазной революцией, выглядит более демократичной: никто не должен быть притесняем за свои, даже религиозные, убеждения, равно как и другой пункт той же конституции, признававший за каждым человеком свободу отправлять тот религиозный культ, приверженцем которого он является.

Большевистская революционность на практике с первых дней советской власти уступила место революционаризму, как говорил Ленин, пустому и варварскому. Любая критика, в любой форме, не допускается. Забыты слова: «Обществу угрожает опасность застоя, если оно заглушает в себе критически мыслящие личности».

Кровавому пути не видно конца.

ГЛАВА ПЯТАЯ
В.РУСАКИЗЪЯТИЕ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ⁵

Начало 20-х годов. «Смутное время», гражданская война, заплесневелый хлеб, уличные самосуды, расстрелы, — характеристика того времени.

Эпоха бесконечных голодных очередей, «хвостов» перед пустыми «продовольственными распределителями», эра гнилой промерзшей падали, заплесневелых хлебных корок и несъедобных суррогатов. Французы, пережившие четырехлетнюю нацистскую оккупацию, привыкли говорить о ней, как о годах голода и нехваток. Ю. Анненков, свидетель положения в гражданскую войну в России, прожил немецкую оккупацию в Париже. И вот что он пишет: «Немного меньше одних продуктов, несколько худшее качество других, поддельный, но все же ароматный кофе, чуть сокращенная электрическая энергия, чуть сокращенное пользование газом. Никто не умирал на обледенелых тротуарах от голода, никто не рвал на части палых лошадей, никто не ел ни собак, ни кошек, ни крыс».

А Виктор Шкловский, убежденный защитник футуризма и вообще формализма в искусстве, обнищавший в годы гражданской войны, с красным от холода носом, с распухшими от голода веками, в статье «Петербург в блокаде» изобразил страшную картину умиравшего от голода города.

Наиболее сильно страдали от голода районы Поволжья. В этих условиях советская власть пошла на удивительный шахматный ход, решив разом «убить двух зайцев»: накормить голодающих и подрубить жизненную основу Церкви.

Началась особая страница нашей печальной церковной истории — изъятие церковных ценностей. Это была вторая волна изъятия. Первая прокатилась в предыдущем, 1921 г., так сказать «неофициально».

Еще 27 декабря 1921 г. был издан декрет, которым изымались ценности, находящиеся в церквях и монастырях. Это «законодательное беззаконие» явилось развитием произвола основного «церковного» декрета — об отделении Церкви от государства.

Первым декретом церковные ценности, церковное достояние было «национализировано», вторым — изъято. Железная логика и завидная последовательность.

⁵ Владимир Степанов (Русак). Свидетельство обвинения. Церковь и государство в Советском Союзе. Нью-Йорк, 1987.

Фактически же, церковное имущество еще до выхода обоих декретов конфисковывалось властью на местах и продавалось в целях наживы тем же группам верующих, у которых оно было отнято.

Советские историки создали очень простую и внешне убедительную схему: советское правительство, мол, обратилось к Патриарху Тихону с просьбой передать часть церковных ценностей в фонд помощи голодающим Поволжья. Заметим здесь, потому что это ключевой факт: такого обращения правительства к Патриарху не было!!! И после этого — поворот: «Русская Православная Церковь устами Патриарха Тихона отказалась помочь тысячам людей, умирающим от голода в Поволжье». Вот схема атеистов, рассчитанная на невежественные умы, но, «к несчастью», захватившая и многих более подготовленных.

Русская Церковь, которая на протяжении всей многовековой истории русского народа всегда была поддержкой и прибежищем для него, и она отказалась помочь своему народу, который составлял ее, и судьбы которого были основой и целью бытия Русской Церкви? Она отказалась?

Необъяснимо, но нашлись люди, которые поверили даже в эту гнуснейшую ложь и нелепейшее и абсурднейшее утверждение.

Патриарх Тихон еще осенью 1921 г. — до декабрьского декрета — выпустил специальное воззвание к верующим, призывая их к пожертвованиям в помощь голодающим, а духовенство — к содействию этому. В короткий срок было собрано около 9 миллионов рублей. И этот процесс своим естественным ходом должен был ускориться в дальнейшем.

Однако такое положение вещей большевиков не устраивало. Они не хотели ждать «милостей от природы». Взять их у нее — вот задача большевиков. И они пошли этим, «активным» путем. Один декрет (в декабре), второй 23 февраля 1922 г.. Вопрос о церковных ценностях уже был поставлен и решен на самом высоком правительственном уровне. Добровольной помощи Церкви большевики не захотели. И вот здесь-то и начинаются сложности.

Окончилась межклассовая гражданская война, началась гражданская война с Церковью. Люди в кожаных куртках шли в храмы, чтобы силой изъять золотые и серебряные вещи, украшенные драгоценными камнями церковные сосуды. Возбужденная, иногда до фанатичности настроенная, церковно-народная толпа бросилась на защиту этих ценностей.

Звон набата, вопли женщин, гул толпы, нередко глухие удары — таков был аккомпанемент изъятия церковных ценностей из храмов. И Патриарх Тихон, который в специальном послании по поводу февральского декрета допускал возможность приходским советам использовать драгоценные

вещи, не имеющие сакраментального значения, для нужд страны и народа (подвески, цепи, браслеты, ожерелья, золотые и серебряные оклады икон и др.), Патриарх Тихон, который только что сам призывал к пожертвованиям, видя как насильственно отнимается у Церкви ее священное достояние, как святотатственно совершалось то, что Церковь обязана, могла и хотела сделать сама, 28 февраля, т. е. буквально вслед за декретом об изъятии, издал новое послание, другого характера. В нем он уже призвал к защите церковного достояния.

С аналогичным призывом обратился Московский архиепископ Никандр. Благочинным московской епархии он дал распоряжение: «Ценностей не отдавать, в комиссию по изъятию своих представителей не выбирать, в случае прибытия представителей советской власти для изъятия, явиться всем незанятым членам общины для отстаивания церковного имущества».

Начались столкновения между мирянами, прихожанами и комиссиями по изъятию. Едва показывались «представители власти» в церкви, как собирались толпы народа с явно «недоброжелательным» настроением. Пассивное сопротивление стало выливаться в более активную форму. Столкновения принимали физический характер, появились жертвы со стороны верующих, случалось, что и некоторые члены комиссии по изъятию подвергались насилию, были случаи их убийства.

Возле храмов стали собираться возбужденные толпы верующих, встречавших представителей власти враждебными криками и угрозами. Все чаще доходило до кровавых эксцессов.

По признанию официальной прессы, в связи с изъятием церковных ценностей, в России произошло 1414 кровавых эксцессов. Большая часть из них приходится на март 1922 г..

Почти полторы тысячи кровавых эксцессов, десятки тысяч человеческих жизней. Таков итог насильственного изъятия советской властью церковных ценностей.

Масштабы сопротивления были грандиозными. Но о чем говорит этот факт?

Говорит он против советской власти, а не против Церкви. Действия Патриарха Тихона в тех условиях вполне понятны и были достойны всякого одобрения и поддержки. Просто невозможно представить, чтобы Патриарх, ответственный за судьбы и состояние Церкви, поступил в подобных условиях иначе.

Ведь сопротивление — это естественная (можно сказать инстинктивная) реакция на насилие. Иными словами, если нет сопротивления, то не может быть и насилия. Вернее так: если насилие не встретит сопротивления, то оно

не может квалифицироваться как насилие. А организм, который не оказывает сопротивления насилию, в таком случае, больной организм (любой: в том числе и Церковь).

Известный Бонч-Бруевич задает в связи с этим вопрос: «Как это можно произвести по всей России почти одновременно 1414 кровавых эксцессов, подстрекателями которых были приходские батюшки, если бы само духовенство не сочувствовало контрреволюционной работе?»

Мы же поставим более естественный и более логичный вопрос: как могли произойти 1414 кровавых эксцессов, если бы сам народ не был против осуществления декрета об изъятии церковных ценностей?

Возмущение народа действительно было велико. Возмущение изъятием. Но в работах советских историков это возмущение превращается в возмущение трудящихся масс против Церкви. Согласно им, и многочисленные судебные процессы над активными участниками и организаторами сопротивления изъятию церковных ценностей состоялись «по требованию» того же народа.

Для справки: всего по республике было организовано около 250 судебных дел по поводу сопротивления изъятию, и, между прочим, из числа всех, привлеченных к ответственности и расстрелянных, священнослужители составляли только третью часть. А уж надо думать, что советская власть не преминула воспользоваться подходящим случаем и «пустить в расход» как можно больше «попов». Таким образом, сопротивление властям в изъятии церковных ценностей оказывал сам народ. И вот почему:

Во-первых, потому что государство начало свои мероприятия по изъятию церковных ценностей в помощь голодающим Поволжья не с той стороны. Собственно, само название «изъятие» говорит не в пользу государства. Почему «изъятие», а не «призыв к пожертвованию»? Почему не создали особую комиссию по учету церковных ценностей и распределению хлеба, купленного на них, в которую на равных началах входили бы и церковные представители?

Скажут: «Церковь никогда не рассталась бы с этими ценностями».

— Чепуха! А пробовало государство обратиться к Церкви за помощью?

— Нет, ни разу. Оно сразу начало с изъятия. Почему в Церкви, которая из народа и которая для народа, надо видеть не союзника, а врага народа?

Лилась кровь этого самого народа, во имя которого, якобы, и совершалось насилие.

Во-вторых. Простим государству его демоническую ненависть к Церкви, и его нежелание идти с Церковью на компромисс, даже во имя народа. Изъятие, так изъятие. Пусть не «мы даем...», а у «нас взяли»... Был бы сыт народ Поволжья. Так не смирился православный народ. Почему?

Очевидец событий епископ Антонин Грановский (не какой-то, с позволения сказать, историк, который спустя много лет конструирует идеи и факты истории) в свое время подчеркнул, что эта правительственная мера не вызывает (мягко говоря) сочувствия у православных масс не потому, что верующие не хотели помочь правительству в борьбе с голодом, или отдать эти ценности запрещала им их религиозная совесть, а единственно и исключительно потому, что у этих масс нет решительно никакого доверия к лозунгу, под которым проводилась эта мера. Верующие тревожились, что церковные ценности, могут пойти на иные, чуждые их сердцам цели.

Это были совершенно справедливые опасения. Как показали дальнейшие события, к комиссии по изъятию церковных ценностей примазались уголовники, коррупционные элементы, о чем достаточно выразительно говорят такие судебные процессы, как процесс Павлицкого, контролера Гохрана, изымавшего церковные ценности в Рогожско-Семеновском районе. Церковные ценности потекли на черный рынок. Наживали миллионы, в Москве. А что говорить о провинции?

Покажите нам хотя бы один документ, согласно которому на такие-то и такие-то церковные вещи было приобретено столько-то и столько-то пудов хлеба за границей, которые были отправлены голодающим Поволжья. Во всю мочь кричали (и до сих пор кричит) советские идеологи о том, что церковные ценности изымались в пользу голодающих, но ни в одной работе за все годы советской власти ни один документ об этом опубликован не был.

В связи с изъятием из церквей ценностей в пользу голодающих верующим было предоставлено право выкупа некоторых предметов, подлежащих изъятию. Такие случаи возникали. Отдел управления Новгородского губисполкома, например, 16 мая 1922 г. обратился в V Отдел за разъяснением:

«В настоящее время по губернии насчитывается несколько случаев выкупа верующими, группами и единолично, предметов, подлежащих изъятию, и многими из них возбужден вопрос о том, чтобы имущество (т. е. то, за которое дан выкуп) не было занесено в опись имущества, сданного коллективу верующих по договору в бесплатное бессрочное пользование, по мотивам, что имущество это (выкупленное) составляет теперь собственность не республики, а частных лиц».

Как быть? — V Отдел разъяснил, что «взнос эквивалента при изъятии

ценностей из храма не создает права собственности на вещи, оставленные в пользование группы в данном храме. При ликвидации храма судьба вещей определяется в общем порядке ликвидации».

Человек с нормальным образом мышления, исходя из того общепризнанного факта, что сопротивление изъятию церковных ценностей носило массовый повсеместный характер и исходило как раз со стороны православного верующего народа, что также бесспорно, придет к выводу, что политика изъятия не то чтобы не имела поддержки в широких народных массах, но встречала сопротивление с их стороны.

Советских исследователей не смущает императивный характер логического мышления. Не смущает их и измена исторической правде в том или ином вопросе. Для них главное — привести историческую действительность в соответствие с положениями их догматической историографии.

Впоследствии советские историки «отшлифовали» историческую действительность и представили это жуткое насильственное изъятие церковных ценностей, так будто бы передать на нужды голодающим Поволжья церковные ценности было решено советским правительством «по требованию трудящихся масс». Оставим это утверждение на их совести (если она у них есть).

Ко времени издания декрета советской власти об изъятии церковных ценностей огромной их части Церковь была уже лишена.

Атаман Мамонтов при бегстве захватил с собой огромную добычу, основу которой составляли драгоценные ризы, иконы, кресты, чаши, паникадила, лампы, все это в дорогих камнях, которые он награбил в храмах центральной России.

В середине 1922 г. по приказу Врангеля в лом (для продажи американцам; непонятно только, зачем уникальные по своей художественной работе предметы из драгоценных металлов превращать в лом) были обращены ценности «Петроградской ссудной казны» — около 10.000 пудов, на сумму около 150 миллионов франков. Значительный объем этих ценностей составляли церковные предметы.

Чехословацкий корпус, после разгрома Колчака, вывез в Чехию через Владивосток два полных железнодорожных состава золота на сумму 200 миллионов довоенных золотых рублей. И опять же среди этих драгоценностей было много вещей церковного назначения.

Мы не говорим о тех не поддающихся подсчету церковных драгоценностях, которые вывозили с собой во время массовой эмиграции отдельные лица.

И все же в Церкви оставались огромные ценности.

Было подсчитано (большевики любят считать и по сей день считают церковные денежки):

а) если собрать ценности из всех существовавших тогда в республике храмов, то ими можно было загрузить поезд длиной в 7 верст,

б) если все церковные богатства того времени (золото, платина, бриллианты и другие драгоценные камни) перевести в серебро, то получилось бы 525.000 пудов. На них можно было бы в то время купить столько же (525) миллионов пудов зерна.

Продовольственный дефицит пострадавших от голода (1921 — 1922 гг.) районов Поволжья составлял около 200 миллионов пудов, т. е. 3,2 миллиона тонн зерна. Население этих районов составляло 31 миллион 714 человек, из которых на 1-ое апреля 1922 г. голодали 20 миллионов 113 тысяч 800 человек.

Нужны были 200 миллионов пудов (3,2 миллиона тонн) хлеба. А что дало изъятие церковных ценностей?

К 1-му июля 1922 г. в фонд центральной комиссии помощи голодающим поступило:

34 пуда золота (по другим сведениям — 26 пудов 38 фунтов),

23.998 пудов серебра (по другим сведениям — 21.137 пудов 11 фунтов),
прочих ценных металлов — 82 пуда 10 фунтов.

бриллиантов и алмазов — 33.456 штук, весом 1313 каратов, (по другим сведениям — 15 тысяч штук),

жемчуга — 10 фунтов 76 золотников,

прочих драгоценных камней — 72.383 штуки, весом 1 пуд 29 фунтов (по другим сведениям — 1 пуд 14 фунтов),

золотых монет на 1595 рублей, серебряных монет — 19.064 рубля,
вещей с драгоценными камнями 49 пудов 24 фунта.

В целом «операция» по изъятию церковных ценностей к сентябрю 1922 г. принесла большевикам сумму выражающуюся космической цифрой — 8.000.000.000.000 рублей (в дензнаках того времени).

Но сентябрем 1922 г. операция не окончилась. Изъятие продолжалось весь тот год и следующий.

К 1-му апреля 1923 г. большевики «наскребли» в Церкви еще кое-что:

золота — 26 пудов 8 фунтов 36 золотников,

серебра — 24.565 пудов 9 фунтов 51 золотник,

серебряных монет — 229 пудов 34 фунта 66 золотников,

изделий с жемчугом — 2 пуда 29 золотников,

бриллиантов и других драгоценных камней — 1 пуд 34 фунта

18 золотников.

Необходимо помнить и о международных проявлениях солидарности с голодающим русским народом.

Американская благотворительная организация в 1922 г. раздала в России продуктов питания и товаров на сумму в 66 миллионов долларов, католики — на 2 миллиона. Помощь оказывали и другие зарубежные организации.

Большевики еще до наступления голода 1921 г., в 1920 г. успели изъять у Церкви 7.150.000.000 рублей на территории, исключая Украину, Кавказ и Сибирь.

И что же? На эти средства (за все изъятые ценности — В.С.) было куплено за границей 3 миллиона пудов хлеба и некоторое количество других продуктов питания.

Всего лишь 3 миллиона!!!

А ведь на ценности, изъятые только до 1 июля 1922 г. можно было купить столько хлеба, что во много раз был бы покрыт дефицит голодных районов. На эти средства можно было купить столько хлеба, чтобы целый год кормить не одно Поволжье.

Изъятые у Церкви средства использовались на нужды голодающих Поволжья всего лишь на один (даже того меньше) процент! Куда же пошли церковные ценности?

Куда, например, исчезло Евангелие, которое пожертвовала Наталья Кирилловна Нарышкина (вторая жена Алексея Михайловича) Большому Успенскому собору, и которое Екатерина II оценила в 2 миллиона рублей?

Куда исчез оклад из чеканного золота и серебра пятиярусного иконостаса Троицкого собора в Сергиевой Лавре?

Куда исчезли две митры из Киево-Печерской Лавры, каждая из которых оценивалась в 50.000.000 рублей? Ответа на эти вопросы нет, как не было их и в то время.

Еще 14 мая 1921 г. представитель Ватикана писал Чичерину, что Папа готов купить предметы культа, изымаемые советской властью у Церкви. И что же?

Ответа долго не было, а когда он пришел, то в нем содержалась многозначительная фраза: невозможно, поскольку никому неизвестно, где эти предметы находятся.

На самом же деле, как справедливо пишет г.Я. Штеле, многое стало жертвой фанатичных иконоборцев или просто дельцов черного рынка.

ГЛАВА ШЕСТАЯ
В.РУСАКСОБСТВЕННЫМ ГОЛОСОМ⁶*Реакция Церкви на насилие*

28 февраля 1918 г. Патриарх и Священный Синод в результате суждений о преподавании духовным Пастырям и всем верным чадам Православной Христовой Церкви указаний в отношении обстоятельств времени, Постановили:

Новые условия церковной жизни требуют от церковных Деятелей, особенно местных, чрезвычайного внимания и напряженных усилий для того, чтобы надлежащее и с добрым успехом совершать духовное делание, не взирая на встречаемые препятствия и даже гонения. Святым Собором и Святейшим Патриархом указано общее направление, в каком должна была проходить деятельность пастырей. Призывая их к проявлению собственного доброго почина и необходимой самодеятельности в тех трудных обстоятельствах, Собор преподавал им, в предупреждение возможных с их стороны, по неведению ошибочных действий и для руководства в недоуменных случаях, следующие указания:

Призыв к пастырям:

1. Пастыри призываются крепко стоять на страже Святой Церкви в тяжелую годину гонений, ободрять, укреплять и объединять верующих в защите попираемой свободы Веры Православной и усилить молитвы о вразумлении заблудших.

Организация мирян

3. При всех приходских и бесприходных церквах надлежит организовать из прихожан и богомольцев союзы (коллективы), которые и должны защищать святыни и церковное достояние от посягательства.

4. Союзы эти должны иметь просветительные и благотворительные задачи и именования, они могут быть под председательством мирянина или священника, но не должны называться церковными или религиозными, так как всякие церковные и религиозные общества лишены новым декретом прав юридического лица.

5. В крайних случаях союзы эти могут заявлять себя собственниками церковного имущества, чтобы спасти его от отобрания в руки

⁶ *Владимир Степанов (Русак)*. Свидетельство обвинения. Церковь и государство в Советском Союзе. Нью-Йорк, 1987.

неправославных и даже иноверцев. Пусть храм и церковное достояние останутся в руках людей православных, верующих в Бога и преданных Церкви.

О монастырях:

6. Настоятели, настоятельницы и братия монастырей, монастырских скитов и подворий организуют подобные союзы (коллективы) из окрестных жителей и постоянных богомольцев обители и всех преданных обители лиц.

Об учебных заведениях:

7. Начальствующие и учащие в духовно-учебных заведениях должны тесно сплотиться с родителями учащихся и служащими в союзы (коллективы) для защиты учебных заведений в пользу Церкви и православного народа.

8. Эти союзы должны настойчиво требовать и всемерно добиваться того, чтобы строй учебных заведений оставался жизненным впредь до особых распоряжений церковной власти.

9. Законоучители светских учебных заведений должны всемерно воздействовать на педагогические и родительские советы, чтобы они твердо отстаивали преподавание Закона Божия в учебном заведении, и идти навстречу всякому доброму начинанию их в пользу религиозного воспитания и обучения.

О насилиях над духовенством:

10. Насильственное удаление священников и членов причта из прихода или монашествующих из монастырей отнюдь не должно быть допускаемо. В случае насильственного удаления прихожанами или посторонними лицами духовных лиц от занимаемого ими места епархиальная власть не замещает их мест и требует восстановления удаленных в их правах на их местах. Всякое недовольство священником или членом причта должно быть заявлено духовному начальству, которое одно только и имеет право, по разборе дела, удалить пастыря и церковнослужителей от приходской пасты.

О захвате церковного имущества:

12. Священные сосуды и прочие принадлежности богослужения должно всеми мерами оберегать от поругания и расхищения и для сего без нужды не вынимать их из церковных хранилищ, а последние устроить так, чтобы они не могли быть легко открыты грабителями.

13. В случае покушения на захват священных сосудов, принадлежностей богослужения и прочего имущества церковного, не следует добровольно отдавать их, так как:

а) священные сосуды и принадлежности богослужения освящены

церковным употреблением и мирянин не должен их даже касаться.

б) церковное имущество принадлежит Святой Церкви, а клир и весь православный народ является лишь его охранителями.

14. В случае нападения грабителей и захватчиков на церковное достояние следует призывать православный народ на защиту Церкви, ударяя в набат, рассылая гонцов и т. д.

15. Если все-таки отобрание состоится, то непременно следует составлять о сем акт за подписью свидетелей и подробную опись отобранного, с указанием поименно лиц, совершивших отобрание, и немедленно доносить о сем епархиальной власти.

О церковных наказаниях:

16. Все, восстающие на Святую Церковь, причиняющие поругание Святой Православной вере, и захватывающие церковное достояние подлежат, невзирая на лица, отлучению церковному.

.....

22. Отлученные от Церкви не могут быть допущены лично ни к Святым Таинствам, ни к церковным молитвословиям и требам. Они не допускаются к Святому Причастию, для них не может быть совершаема и домашняя молитва священника. Они лишаются всех вообще церковных прав, не должны быть допускаемы ни в церковь, ни на какие бы то ни было церковные и религиозные собрания. В случае нераскаянной смерти они лишаются и христианского погребения.

Крестные ходы

Процесс осуществления декрета сложен и трагичен. Ни малейшей поддержки в народе он не находил, поэтому приходилось насаждать его огнем и мечем. Но большевиков это не смущало. Народную душу надо было «склеить» по их проектам, и ради этой цели они не брезговали самыми варварскими средствами.

По мере того, как народ уяснял себе содержание декрета или у храмов появлялись люди, чтобы привести декрет в исполнение, или из школ изгоняли Закон Божий, в народе пробуждалось более живое отношение к Церкви. Он с энтузиазмом и неожиданной для многих твердостью духа объединился вокруг Церкви. Почувствовав, что большевики не останавливаются даже перед прямым гонением на Церковь, народ во многих местах России выразил свой протест устройством крестных ходов, засвидетельствовав тем самым, что ему дорога Церковь и ее святыни.

Крестные ходы начались повсеместно. Широкой волной полились в народ послания многих епископов от имени союзов православных христиан, братств православных приходов и т. д., с призывом к защите православных святынь.

Почти во всех епархиях (конец января — февраль 1918 г.) были организованы крестные ходы. Проходили они в «защиту веры и церковного достояния».

Народ бесстрашно пошел на эти ходы, не уверенный в своей безопасности и, как показали события, часто подвергаясь расстрелу со стороны красных комиссаров, потерявших разум в своей антихристианской одержимости.

«Многие православные, — писал Н. Кузнецов, — во главе со своими архиереями и пастырями свою преданность Церкви уже успели закрепить своею кровью и показали всему миру, что они понимают необходимость и значение Церкви и, подобно своим благочестивым предкам, не остановятся ее ради ни перед какими жертвами».

Москва. Просвещенная и революционная Москва. Здесь-то, казалось бы, должны были встретить декрет аплодисментами! Но нет.

В Москве, в ответ на насилие со стороны советской власти, Церковь ответила небывалым по торжественности крестным ходом, из «сорока-сороков» 28 января.

Еще в субботу, с вечера, стали распространяться по городу слухи о том, что возможны эксцессы и даже разгон и расстрел церковных процессий. Настроение среди мирян было тревожное. Вечером во всех церквах была

совершена общая исповедь.

Утром в воскресенье были отслужены ранние обедни, во время ранней литургии в храмах приобщались Святых Таин участники крестного хода, готовясь к этой процессии, как к подвигу и жертве.

С амвонов оглашено принятое в субботу Поместным Церковным Собором воззвание, призывающее верующих к защите Церкви. Члены Церковного Собора произнесли речи, в которых разъясняли прихожанам смысл декрета об отделении Церкви от государства.

Храмы были переполнены молящимися.

Одновременно московский совет рабочих и солдатских депутатов расклеил по городу обращение к горожанам, полное лжи и клеветы по адресу Православной Церкви. В обращении говорилось, что Церковь восстала не против нарушения ее свободы, а против того материального ущерба, который причинит всему духовенству и монашеству декрет об отделении Церкви от государства. Крестный ход трактовался, как демонстрация протеста, но протеста не верующего народа, а контрреволюционных, несознательных людей и московской буржуазии. «Сознательные рабочие и солдаты могут молиться дома, но не должны присоединяться к процессии и тем увеличивать силы буржуазии».

Около этих объявлений собирались группы горожан. Быстро возникали летучие митинги, к советскому возванию отношение большинства было резко отрицательное. На митингах неизменно говорили о гонениях на Церковь. Большевиков не было слышно.

Около 10 часов утра во всех церквях начался колокольный звон. Временами звон сливался в сплошной гул сотен колоколов.

От всех церквей медленно двигались к Красной площади церковные процессии. Впереди несли старинные хоругви, за ними шли певчие, духовенство в светлом облачении и тысячи молящихся.

Очевидец писал, что временами создавалось впечатление Древней Руси, ушедшей в прошлое, стародавней Москвы с ее торжественными всенародными молениями, красотой византийских облачений и церковных напевов. И резким диссонансом вливался в церковное пение скрежет трамваев, странно выделялись древние хоругви на фоне обугленных, расстрелянных домов у Никитских ворот, перед искалеченными, разбитыми Никольскими воротами Кремля.

К 11 часу утра Красная площадь заполнилась сплошной массой молящихся.

Было несколько моментов замешательства. Около Иверской участники одной из процессий, увидев отряд конной милиции, запротестовали. Толпа,

вообще наэлектризованная, пришла в сильное возбуждение. Послышались угрозы, некоторые бросились навстречу солдатам. Вмешался один из священников, которому удалось предотвратить столкновение.

Большинство участников крестного хода — женщины-работницы.

Было много крестьян, солдат, рабочих и той «средней Москвы», которую редко можно увидеть на площадях. Немного интеллигенции. Буржуазии, о которой говорило советское воззвание, почти не было. Было много лиц с «печатью старой, уходящей Москвы».

Настроение глубоко молитвенное, доходившее порой до религиозного экстаза. Многие плакали. Было ясно: эта толпа не побежала бы от первых выстрелов. Люди пришли на жертву, на защиту чего-то бесконечно для себя родного, чем они не хотели и не могли поступиться.

Моменты религиозного экстаза особенно ярко выражались в общем пении, в слезах, в безотчетной вере в то, что Церковь возродится, и никто не посмеет больше посягнуть на ее свободу.

В отдельных группах говорили, что никто из народов не посягает на свою религию, никто, кроме нас, русских (это говорил солдат). Рабочие оказались страстными апологетами свободы Церкви. Обычных митинговых выкриков и брани не было слышно ни на одном из летучих митингов.

Патриарх Тихон, предшествуемый архиепископами и епископами, в начале двенадцатого часа вышел из Кремля на Красную площадь, к Лобному месту. К этому времени Красная площадь и все прилегающие к ней улицы были залиты тысячными толпами молящихся. По приблизительному подсчету число молящихся доходило до 500 тысяч.

Во всю длину Красной площади, от Иверской до собора Василия Блаженного, расположилось духовенство всех московских церквей. Матовым золотом переливалось море облачений и сотен хоругвей. Раздалось пасхальное пение.

Во время молебствий была прочитана новая, принятая в прошедшую субботу Собором, молитва о спасении Церкви.

Патриарх Тихон благословлял народ большим напрестольным крестом.

Все время на Красной площади слышался колокольный звон кремлевских церквей.

По окончании молебствия на Красной площади Патриарх совершил краткое служение около Иверской иконы Божией Матери.

Процессии медленно стали расходиться. Патриарх Тихон проследовал обратно в Кремль через Боровицкие ворота. Десятки тысяч народа следили за крестным ходом: все окна, ограды, даже деревья были усеяны любопытными.

Во время возвращения процессий снова начался благовест во всех церквах. Были и тревожные моменты — откуда-то распространился слух, что во время возвращения процессий будут эксцессы.

Но все закончилось благополучно.

Крайняя левая, социалистическая печать первоначально обходила молчанием грандиозные крестные ходы в Петрограде и Москве, или отзывалась на них краткой хроникерской заметкой: состоялся, дескать, крестный ход, шло несколько сот старух и буржуев... Но долго замалчивать очевидные явления глупо. И вот начали проскальзывать более пространные, «обзорные» статейки, изображаться события в изуродованном и искаженном виде.

Крестному ходу к Никольским воротам с чудотворным образом Святителя Николая, состоявшемуся в Москве 22 мая, «Новая жизнь» посвятила статью такого содержания:

«С утра улицы Белокаменной переполнены народом. Со всех концов, от всех сорока-сороков церквей по направлению к Красной площади движутся процессия молящихся, развеваются, сверкая на солнце, тысячи хоругвей, несется торжественное церковное пение, У Никольских ворот, где на днях наблюдалось “чудо”, совершается непрерывная церковная служба. Десятки тысяч фанатизированных женщин наполняют Красную площадь, толпясь у могил жертв революции. Поражает обилие интеллигенции: масса вылощенных лиц в котелках, студентов в кителях, дам в шляпах. Подавляющее большинство — серая мещанская пыль, озлобленная, угрюмая, полная ненависти ко всем и ко всему».

Там, где сотни тысяч людей были охвачены острым религиозным чувством, корреспонденты «Новой жизни» увидели только «серомещанскую пыль», «вылощенные лица», «обезумевшую буржуазию» и «черную реакцию».

Особенной напряженностью и драматизмом отличались события в Петрограде. Наиболее массовый, народный характер приняли там и крестные ходы. После трагического случая в Александро-Невской Лавре единодушно решено было устроить, в знак солидарности церковно-народных сил против попыток большевиков насильственно захватить Лавру, всеобщий крестный ход.

В воскресенье 21 января с 11 часов утра из церквей потянулись к Александро-Невской Лавре отдельные крестные ходы. К ним присоединились тысячи верующих, и людские потоки в стройном порядке при пении церковных песнопений устремлялись к Лавре.

Особенно многочисленные крестные ходы направились из церкви

Общества распространения религиозно-нравственного просвещения, что на Стремянной, из Знаменской церкви, от Спасо-Сенновской церкви, из Исаакиевского и Казанского соборов, от церкви Покрова и других.

Вопреки ожиданиям, чутко откликнулись на призыв участвовать в крестных ходах окраины, в массе заселенные рабочим людом. Тысячи людей участвовали в крестных ходах, вышедших из церкви Иоанна Предтечи, что на Лиговской улице, из церкви Пресвятой Богородицы на Боровой, из церкви торговой школы на Тамбовской улице, из Скорбященской церкви, из церкви Обуховского завода и др.

К 12 часам дня к Лавре стали подходить отдельные религиозные процессии из ближайших приходов. С хоругвями по Полтавской улице вышла на старый Невский проспект процессия из церкви св. Мефодия. Все богомольцы пели: «Святой благоверный княже Александре, моли Бога о нас». Процессия прошла на площадь и разместилась у святых ворот вокруг помоста.

На старый и новый Невский проспект от всех петроградских церквей и монастырей с крестами, хоругвями и иконами шли новые и новые массы богомольцев, сливаясь в одну грандиозную процессию. Шли отдельными приходами, шли по несколько приходов вместе. Отдельные процессии пришли от мужских и женских монастырей. Масса богомольцев двигалась вместе с трезвенными братствами, сборный пункт которых был в Воскресенской церкви около Варшавского вокзала. Здесь же проходил крестный ход единоверческих церквей Петрограда. Около некоторых процессий — цепь школьников приходских училищ. Во втором часу дня подошли крестовые ходы из рабочих районов: Выборгского, Нарвского, Коломенского и других.

Богомольцы несли приходские иконы, а также всероссийские святыни, в том числе икону Христа Спасителя из домика Петра Великого, иконы Казанской Божией Матери из Казанского собора и Владимирскую из Владимирской церкви.

Около двухсот отдельных процессий слились в один крестный ход. Духовенство и богомольцы все время пели священные песнопения, в церквях колокольный звон.

Все участники крестного хода были охвачены чувством высокого религиозного энтузиазма. Они знали о расстрелах в Лавре, знали, что каждую минуту расстрелы могут повториться, но были готовы умереть во главе с пастырями за Святую Православную Церковь.

У участников хода были видны слезы, но это были слезы радости, той неизреченной радости, которая наполняла сердца христианских мучеников в

минуты жесточайших мучений. В некоторых церквах все молящиеся исповедовались в субботу общей исповедью, а на другой день приобщались Святых Таин.

Настроение участников крестного хода передалось и уличной толпе. Многие становились на колени на мокрый снег, клали земные поклоны.

К часу дня Лаврская площадь уже не вмещала всех богомольцев; заполняли прилегающие улицы.

Все время сохранялся образцовый порядок. Духовенство, хоругвеносцы и крестonosцы выделились из отдельных процессий и разместились вокруг помоста. Богомольцы взбирались на сугробы снега, на остановившиеся вагоны паровой конки и даже на крыши лаврских зданий.

Над толпой высились хоругви, кресты и иконы. День выдался теплый, ясный и чистый, и солнце ласково играло на золоте хоругвей, тихо колышимых ветром. На крыше лаврских ворот стали устанавливать какой-то аппарат, направленный на толпу, по-видимому, фотографический.

— Пулеметы, пулеметы! — пронеслось по толпе, но никто не тронулся с места.

Во втором часу дня под звон колоколов на площадь вышел митрополит Вениамин (Казанский) вместе с епископами-викариями. Лаврский протодиакон громовым голосом прочел грозное послание Святейшего Патриарха Тихона, после чего Владыка митрополит совершил молебен об умиротворении и спасении Богохранимой державы Российской. Пел весь народ.

В начале третьего часа крестный ход во главе с митрополитом двинулся от Лавры по Невскому проспекту к Казанскому собору. Все время продолжалось общее пение. Остановились трамваи.

Вся огромная площадь и Невский проспект перед Казанским собором были запружены массами народа. Ближе к колоннаде собора расположились хоругвеносцы. Народ тревожно ожидал митрополита Вениамина и духовенство; распространился слух, будто они задержаны.

На площади звучал торжественный пасхальный канон: «Христос воскрес». После краткого молебна митрополит Вениамин с необыкновенным подъемом произнес речь.

«Христос воскрес!» — восклицал он, и вся площадь вторила ему: «Воистину воскрес».

Слезы на лицах мужчин, всхлипывающие женщины, многие падают на колени.

— То, что Христос воскрес, — говорил митрополит Вениамин, — является основой нашей веры. С ней мы не погибнем! В самом этом

крестном ходе не помогла ли нам вера? Многие сомневались, как они будут участвовать в крестном ходе с непокрытыми головами, когда стоят холода, — и вот Бог послал весеннее солнышко, под лучами которого совершить крестный ход оказалось необременительным. Несмотря на тяжелые обстоятельства, мы не должны падать духом. Вспомним протоиерея о. П. Скипетрова, павшего у дверей дома своего архипастыря. Вот пример для всех, как надо защищать Веру Православную, храмы святые, своих архипастырей и пастырей.

Все собравшиеся запели «Вечную память...»

Очень долго после молебна митрополит Вениамин в соборе благословлял богомольцев.

В ответ на заметку «Зачем это?» (имеется в виду предполагаемая организация крестных ходов), опубликованную 19 января «Петроградской газетой», «Церковные ведомости» опубликовали письмо рядовой верующей миранки Анны Смирновой, в котором она так характеризовала суть происшедших событий, смысл крестных ходов.

— Зачем это? — спрашивала она и отвечала:

— Крестный ход постановлено устроить в виде протеста против реквизиции монастырей и церковного имущества.

От имени всех православных христиан, преданных своей Церкви, она повторила: да, в виде протеста. В виде протеста тому неслыханному насилию над Церковью, которое учиняют над ней реквизиторы всех и всего, не имея на то никакой «законной» почвы.

«Мы, православные верующие люди, — писала она далее, — не хотим духовной смерти, мы не хотим оставить наших детей некрещеными псами, не хотим собачьих браков в участках, не хотим умирать без церковного напутствия и не хотим быть погребенными, как падаль, зарытая в яму без благословения Церкви. Мы этого не хотим и потому протестуем против разрушения всего церковного и против насилия над духовенством, совершающим все нужные нашему духу и сердцам требы.

Духовенство служит алтарю и тому же народу, от алтаря и народа оно должно и существовать, на те лепты, которые по доброхотному движению сердца приносятся в дар Самому Богу, и если мы не отбираем обратно наших подарков от людей, то почему мы смеем поступать иначе по отношению к Богу, и ставить, например, свечу с явным намерением завтра этот пятак потребовать обратно?

И, наконец, ни монастыри, ни церкви никого силой не “реквизируют” — не хочешь, не ходи...

И неужели у нас нет никаких иных помещений, кроме жилищ

духовенства? Людей семейных?

Нет, мы все, большинством голосов, категорически протестуем против насилий над Церковью и всем, еже с ней. Если же государству нужны деньги для устройства его “новых начал”, то монастыри и церкви выкинут им эти деньги, соберем больше того, но пусть ведают, что государство, построенное на реквизиции даяний Самому Господу Богу, — такое государство рухнет... и увлечет за собой и его строителей».

В ответ на это письмо, пробольшевистский сотрудник Петроградской газеты, некто Н.Х. написал:

«Но если нужно монастырские хоромы предоставить искалеченным воинам, которых в свое время сама Церковь благословляла на ужасную бойню, — от этого религии не грозит никакой опасности».

«Но в том то и дело, — комментировали “Церковные ведомости”, — что нужды инвалидов можно удовлетворить и не посягая на церковное достояние... Речь об этих нуждах в данном случае есть лишь гнусно-лицемерное прикрытие желания нанести как можно более вреда Церкви».

Враждебное настроение социалистической печати к Церкви явно выразилось в ее отношении к этому грандиозному крестному ходу в Петрограде. Большевистские органы печати просто замолчали неприятное для них явление — как будто кроме разных собраний профессиональных союзов, о которых пространно повествовали большевистские репортеры, ничего в Петрограде не произошло и не было в воскресенье 21 января никакого крестного хода.

Примеру советских изданий последовали горьковская «Новая жизнь», черновское «Дело народа». «День», правда, посвятила крестному ходу статью, но не усмотрела в нем ничего, кроме «опасности еврейского погрома». Беспристрастную и непредубежденную оценку того, что увидел Петроград в Фомино воскресенье, дал лишь «Петроградский Голос», оставшийся после закрытия «Нашего века» единственным несоциалистическим органом печати в Петрограде.

Никакой «политической тенденции», о которой говорили некоторые «обозреватели», в этом событии не было, справедливо отмечала газета. Наоборот. «Высшая красота зрелища города, сошедшего на одном настроении, пускай однодневном, пускай даже минутном, была в ощущении, что вот, как ни мнутя рядом с этой притихшей улицей политические страсти, как ни обостряются отношения партий, — река церковная течет в своих берегах, тихая, величественная, могучая, неизменная, — совершенно так же, какую текла двести, триста лет назад, в другие страшные времена нашей истории во след за теми же символами, за теми же иконами, только за

другими людьми, — за Авраамием Палицыным, за Филаретом, за архиереем Августином в 12 г.

Злись, политический ветер, дуй, пока не лопнут щеки, разгорайтесь страсти, подведи живот угрожающий голод, — река идет и горит на солнце золотом, и кто из нее пьет, — утоляет жажду». В религиозном подъеме, столь мощно охватившем петроградский люд, газета видела основание для надежды на лучшее будущее России.

Народ, способный хоть на час так объединиться под одним знаменем, — не пропащий народ. И не случайно, свою лекцию в тот день в одной из аудиторий выдающийся русский писатель (Мережковский) назвал: «Россия будет».

Волна крестных ходов захватила не только Петроград и Москву, она прокатилась по всей России.

Не без трагизма прошел крестный ход в Воронеже. 26 января, после богослужения, вокруг Митрофаньевского монастыря был назначен крестный ход. Медленно выносили хоругви и иконы. Чинно и благоговейно шла и вся огромная масса народа. Но вдруг где-то раздались выстрелы, затем участились, где-то послышался треск пулемета. Люди шарахнулись в сторону. Были жертвы... Но процессия вышла из монастыря и с пением священных песнопений под грохот выстрелов пошла вокруг монастыря. Малодушные бежали, остальные вместе с пастырями совершали свое молитвенное дело. Пастыри осеняли народ крестами и ободряли испуганных богомольцев. Так прошли вокруг монастыря, и приходские крестные ходы отправились по своим церквам. А стрельба все продолжалась.

Необозримых масштабов достиг крестный ход в Екатеринодаре. Сообщая о нем, основанная В. Шульгиным газета «Великая Россия» писала:

«Процессию открывали дети, несшие букеты из живых цветов и зажженные свечи. Затем двигался, колыхаясь, лес хоругвей, дорогих, изящных — все это дар усердия трезвенников (Кубанский союз христиан-трезвенников — В.С.). Далее шли по 4 в ряд “богоносицы” — женщины, неся в руках святые иконы. Затем выделялась украшенная гирляндами из живых цветов большая икона Успения Божией Матери-Покровительницы, состоявшего при том храме Общества Православного братолюбия. Ряды богоносцев заканчивались Голгофой — огромного размера деревянный крест с изображением на нем распятого Христа. За иконами шла два хора певчих той же Крестовоздвиженской церкви — общенародный и художественный, управляемый супругою о. учредителя общества А.А. Розановой. Хор этот считается одним из лучших в городе.

Далее шло духовенство, попарно, — в золотых облачениях, с крестами в

руках и букетами цветов — подношением жен и детей Союза трезвости. Во главе духовенства шел маститый миссионер о. С. Никольский, который сказал проповедь о цели священного крестного шествия.

Сопровождала шествие многотысячная масса верующего народа, набожно крестясь и молиась.

У каждого храма шествие останавливалось для служения краткой литии и осенения народа крестом и окропления святой водой. На каждой остановке произносилась проповедь...»

Из Екатеринодара крестный ход отправился на Кубань и посетил станицы: Пашковскую, Старокорсунскую, Васюринскую, Динскую, Покровский женский монастырь, Пластуновскую станицу, Старомышастовскую, Медведовскую, Тимошевскую, Марие-Магдалиновскую женскую пустынь, затем — станицы: Днепровскую, Роговскую, Новоджерилиевскую, Поповичевскую, Старовеличковскую, Андреевскую, Новомыстовскую, Марьянскую и Новотатаровскую — всего 17 станиц 2 монастыря.

Во время шествия были произнесены проповеди и их содержание, как сообщает церковный отчет, отвечало обстоятельствам времени.

Надо сказать, что на Кубани крестные ходы получили особенно широкое распространение.

На крестный ход 2 февраля в Казани по поводу патриаршего послания собралось до 50.006 человек. Кроме того, каждую неделю бывали по одному, по два, а то и по несколько собраний религиозного и религиозно-общественного характера, где в защиту Церкви выступали представители всевозможных званий, профессий и состояний.

В Костроме ежедневно проходили собрания в защиту Православной Церкви. Число желавших попасть на них было так велико, что приходилось вызывать патрули и запирали двери собраний. Тогда толпы устраивали митинги на открытом воздухе. Уличные митинги продолжались до глубокой ночи.

Религиозные собрания привлекали массу солдат и рабочих. Подавляющее большинство местного (костромского) гарнизона не сочувствовало декрету и считало политику совета народных комиссаров в этом вопросе ошибочной. На собрании гарнизона единогласно было постановлено не чинить препятствий предполагавшемуся 11 февраля крестному ходу и даже принять участие в нем для охраны порядка и спокойствия молящихся.

Под давлением солдат местные советы вынесли решение, что они «не имеют препятствий к организации в городе общенародного крестного хода».

Более того, местные руководители большевиков явились в кафедральный собор на общее собрание представителей церковных приходов и здесь в очень любезных выражениях заявили, что они примут все меры к охране церквей и их имуществ от кощунственных посягательств. Действительно, на другой день, появилось постановление советов рабочих, солдатских и красногвардейских депутатов, согласно которому виновные в «хулиганстве, недостойном поведении в церквях и оскорбительном отношении к религии немедленно подвергаются суду революционного трибунала».

12 февраля в крестном ходе участвовали десятки тысяч горожан и жителей окрестных деревень. Впечатление было грандиозное. Пели несколько хоров, порядок был образцовый.

В Нижнем Новгороде день крестного хода 25 февраля прошел без эксцессов, хотя на многих зданиях были установлены пулеметы. Со стороны большевиков были попытки поднять против крестного хода прибывшие на отдых с позиций полки, но это им не удалось. Солдаты постановили держаться нейтрально, желающим было разрешено даже участвовать в шествии.

В Одессе, где никаких беспорядков не было, советская власть предупредила, что ответственность за эксцессы, если такие случатся, падет на духовенство.

В Омске крестный ход был подвергнут обстрелу.

Преосвященный епископ Орловский и Севский Серафим доносил на Соборе Патриарху Тихону о положении в Орловской епархии. 2 февраля, в день праздника Сретения Господня, состоялся торжественный крестный ход из всех церквей г. Орла, в виде протеста против гонения на Церковь. В крестном ходе приняли участие все духовенство и почти все православное русское население г. Орла. Начался крестный ход после Литургии в одной из окраинных церквей города, совершенной викарием Орловской епархии, епископом Елецким Амвросием. По магистрали главных улиц крестный ход проследовал к кафедральному собору. По пути к нему присоединились крестные ходы других приходских церквей. В 12 часов дня на площади кафедрального собора епископ Серафим совершил молебен «О вразех ненавидящих и обидящих нас». Закончился крестный ход в начале 6 часа вечера. О крестном ходе заблаговременно было оповещено все население г. Орла, как устно по церквам, так и объявлениями за подписью епископа Серафима: «В виду воздвигнутого гонения на Святую Православную Церковь, все православные русские люди приглашаются встать грудью на защиту ее святынь. 2 февраля, в день праздника Сретения Господня, будет устроен из всех церквей г. Орла крестный ход к кафедральному собору. Все

от мала до велика должны принять участие в этом крестном ходе: тем мы покажем, что мы любим свою Церковь и не дадим ее на поругание. В этот день во всех церквях города будет совершена поздняя литургия, непосредственно после которой крестный ход из каждой приходской церкви направится к кафедральному собору».

Губернский совет народных комиссаров в заседании 1 февраля, накануне крестного хода, вынес постановление, в котором настаивал, чтобы население не участвовало в крестном ходе, назначенном «провокаторами». Объявление об этом вечером 1 февраля было расклеено по всему городу, а в самый день крестного хода, утром 2 февраля, его раздавали на улицах и у приходских церквей города. Во все церкви советом народных комиссаров были командированы лица, которые «требовали от духовенства и церковных старост не участвовать в крестном ходе». В кафедральный собор к епископу Серафиму пришел комиссар милиции, который пытался во время службы поговорить с архиереем, причем в разговоре с клириками собора, которых просил доложить Владыке о себе, выразился: «Даю две минуты срока, иначе прекращу богослужение». В первый раз о нем доложили во время чтения Апостола, но епископ Серафим не отошел от Святого Престола до причастного стиха. Во время причастного стиха комиссар подошел к Владыке и сказал, что он именем народных комиссаров требует отмены крестного хода, иначе будет кровопролитие. Владыка ответил, что крестного хода отменить не может. «Бог милостив. Мы стрелять не будем», — сказал он. После чего смущенный комиссар удалился.

Крестный ход прошел благополучно. Стояла ясная зимняя погода. Народ пел «Христос воскрес» и другие пасхальные песнопения. Епископ Серафим, законоучитель Орловского Бахтина кадетского корпуса протоиерей Андрей Миловидов и настоятель Болховского Троицкого-Оптина монастыря иеромонах Даниил на площадях произнесли поучения.

Послание Патриарха Тихона было встречено живым откликом среди всего православного населения. Отпечатанное с трудом в местных типографиях в количестве 10.000 тысяч экземпляров, оно разбиралось нарасхват. Народ сам от себя написал особое воззвание ко всему городу, которое раздавалось. Местные газеты в течение нескольких дней посвящали крестному ходу и посланию Патриарха особые заметки.

Во время крестного хода, кстати сказать, производился сбор в пользу «Союза вечных воинов», который показал, что православные русские люди и без реквизиции храмов и монастырей могут помочь жертвам войны.

1 и всю ночь на 2-е февраля по городу шла стрельба из ружей, пулеметов и даже орудий. Население было терроризировано. Тем не менее, почти все

приняли участие в крестном ходе.

Грандиозный крестный ход состоялся в воскресенье в Орехово-Зуеве. Толпа народа около 15.000 человек с пением «Христос воскрес» прошла по главным улицам города. Порядок не нарушался.

В Рыбинске, в воскресенье 25 февраля, так же состоялся торжественный крестный ход из всех церквей города с целью протеста верующих против декрета об отделении Церкви от государства. Особенное возмущение прихожан вызвала отмена преподавания Закона Божия в городских школах.

«Утро России» передавало подробности о событиях в Солигаличе. И там страсти разгорелись вокруг декрета об отделении Церкви от государства. В Солигаличе, как и в других городах Костромской губернии, состоялся многолюдный крестный ход в защиту Православной Церкви. Грандиозность крестного хода должна бы, казалось, явиться некоторым предупреждением и побудить местный совет действовать с известной осторожностью. Однако, несмотря на повышенное, почти фанатическое настроение верующих, советы приступили к осуществлению декрета. В ответ на это началась антисоветская агитация. Собралась огромная толпа, среди которой появились и вооруженные люди. Толпа окружила помещение исполнительного комитета, требуя разоружения красной гвардии и свержения советской власти. Председатель исполнительного комитета Вилузгин, стоя на балконе, уговаривал толпу разойтись. Когда толпа начала напирать, Вилузгин выстрелил из револьвера и убил наповал одного человека в толпе. Разъяренная этим убийством толпа окружила не только помещение комитета, но и весь квартал. Все шестнадцать членов исполнительного комитета были схвачены. Начался жестокий самосуд. Били чем попало. Избитых в бесчувственном состоянии отправили в больницу. Многие из них находились при смерти.

Вилузгина не трогали. Его вывели на площадь. «Смерть ему», — кричала толпа. Вилузгину завязали глаза и расстреляли. Толпа разорвала труп Вилузгина буквально на куски.

Образовавшееся затем новое управление города, отправило в Кострому и окрестные города подробное телеграфное сообщение о происшедшем.

Тут же после этих событий в Солигалич из Галича прибыла рота красной гвардии с пулеметами, которая арестовала многих участников мятежа. Среди арестованных были священники. Все они были преданы военно-революционному трибуналу.

В Туле назначенный, вопреки распоряжениям местной власти, крестный ход 2 февраля закончился трагически: процессия попала под обстрел. 13 человек было убито и много ранено. С утра к кремлю начали стекаться

многотысячные толпы народа. После богослужения в соборе молившиеся вышли из кремля, намереваясь пройти к Киевской улице. Первыми вышли хоругвеносцы. На руках несли всеми чтимую икону Казанской Богоматери. В этот момент неожиданно раздался залп в воздух. Процессия не остановилась. Залпы продолжались. Затрещали пулеметы. Впереди шел старик-рабочий с крестом в руках. Его остановили, направив на него револьвер. Старик крестом выбил револьвер и пошел дальше. За ним двинулась двадцатитысячная толпа. Раздались новые залпы. Улица обагрилась кровью. Упали первые убитые и раненые. В этот момент из кремля выступило облаченное в ризы духовенство во главе с епископом Корнилием. Раздался новый залп. Епископ Корнилий упал раненый. Священники бросились в кремль, снимая на ходу облачения. Толпа в панике побежала по улице. Пулеметы были установлены на колокольне.

Убитых насчитывалось 13 человек, много — раненых. Среди убитых — двое рабочих оружейного завода. Ранение епископа Корнилия, к счастью, оказалось не опасным. Ранен он был в то время, когда поднял крест для благословения народа.

Большевистская «Правда» дала по этому поводу ложное сообщение, в котором утверждалось, например, будто участники крестного хода собирались освободить заключенных в тюрьму промышленников. Это была попытка как-то оправдать беззаконие.

В тот же день расстреляли крестный ход в Харькове. В пятницу там предполагался большой крестный ход и демонстрация протеста против декрета об отделении Церкви от государства. С утра у церкви стали собираться толпы народа, разгоняемые красногвардейцами. По улицам разъезжали автомобили с пулеметами и броневики, ходили вооруженные патрули красногвардейцев. Возле Никольской церкви толпа отказалась разойтись. Красногвардейцы открыли по ним огонь. Трое было ранено. Поднялась невообразимая паника. Крестный ход не состоялся.

В «Голосе свободной Церкви» дали описание крестного хода в Шацке, Тамбовской губернии. На собрании духовенства и мирян Шацкого городского округа было постановлено совершить 4 февраля крестный ход из соборной церкви. Местный совет солдатских и крестьянских депутатов заявил, что против крестного хода он ничего не имеет, но речей не допустит. В назначенный день крестный ход благополучно вышел из собора, но около Троицкой церкви, после молебна крестный ход был остановлен красногвардейцами. Началась стрельба: богомольцы в панике разбежались, духовенство было арестовано и отправлено в шацкую тюрьму. Арестовали их в облачении и так повезли в тюрьму, дорогой издевались, а начальнику

тюрьмы сказали:

— Заклучи «длинногривых» в самую холодную камеру.

Попытка освободить их, как со стороны благочинного, так и со стороны горожан и прихожан, успеха не имела. Были арестованы: протоиерей Иоанн Димитриевский, священник Петр Ципляковский, священник Павел Богословский, священник Василий Кринов, священник Александр Троицкий, диакон Лектианов, псаломщик Рябчиков. Шацкий собор остался без духовенства.

Крестные ходы состоялись также в ряде других городов, в том числе, в Саратове, Вятке, Владимире-губернском... Повсюду были столкновения с красногвардейцами.

В уездных городах и селах состоялись также крестные ходы, демонстрации, собрания, протесты, митинги, организованные духовенством и приходскими советами, союзами. Там почва была еще более горяча, ибо аппарат новой государственной власти еще не налачился, и было много анархических мероприятий — иногда результаты церковных движений были еще печальнее. Жертвы насчитывались по губерниям десятками и сотнями, причем страдали часто совсем случайные люди. Толпа, например, стихийно избивала представителей власти, пробовавших применить закон об отделении. За такое самоуправство следовали репрессии, где попадало и правому и виноватому.

Протоиерей Востоков, организатор «Общества Животворящего Креста», предлагал в свое время, при Врангеле, организовать грандиозный крестный ход на Москву через линию фронта. Это, пожалуй, единственная инициатива крестного хода, которая не была осуществлена.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ
ПРОТОПРЕСВИТЕР М. ПОЛЬСКИЙ**СМЕРТЬ В КОНЦЛАГЕРЯХ⁷***60 священномучеников*

1930, 1931, 1932 гг. я посещал все места Сибири, пишет свидетель, а в 1933 г. наша поездка в г. Иркутск, Нижнеудинск и Балаганск. Г. Качуг — на берегу реки Лены, 200 верст от города Иркутска, с Качуга на Нижнеудинск — Балаганск вел тракт. Тракт проходил исключительно по тайге, населения никакого нет, на строительстве были только заключенные. В Качугских лагерях в то время царил неслыханный произвол. Людей ни за что расстреливали, били палками, пороли нагайками, плохие бытовые условия, в бараках помещалось 60-80 человек, сплошные нары, причем двухэтажные. В случае, если кто из заключенных не выполнит дневное задание, то лагерная охрана палачей имела полное право издеваться над ним и держала заключенных на производстве по целой неделе под открытым небом. Люди умирали с голоду и холоду.

Из города Иркутска на Нижнеудинск мы выехали пароходом «Бурят». С Нижнеудинска мы ехали подводами по Качугскому тракту, вернее по просеке, и сто с лишним верст мы отъехали от правого берега реки Ангара по направлению Качуг. В это время я работал, как водомерный наблюдатель. С 8-22 июля 1933 г. наша экспедиционная партия остановилась на несколько дней, причем недалеко от концентрационного лагеря, которые в это время назывались «фалангами»: «фаланга» №35, №3, №9 и т. д. В том районе была более подходящая почва для сельского хозяйства, на схеме уже был обозначен совхоз. Погода стояла весьма хорошая. После ужина мы сидели до поздней ночи у костра. Мы часто слышали какие то крики, которые эхом раздавались по тайге. Для нас было еще неизвестно, что это за крики. Ночь была ясная и тихая, свежий сибирский воздух разливал душистый аромат таежных цветов по долине.

И век не забыть мне этой долины, буду я помнить ее всегда! Наш сладкий утренний сон был нарушен каким-то унылым человеческим стоном. Все мы быстро поднялись. Начальник экспедиционной партии, уроженец города Иркутска, быстро взял в руки бинокль, другие установили два нивелира, и мы, берясь за работу, стали всматриваться в движущуюся толпу по направлению к нам; из-за кустарника трудно было понять, в чем дело.

Шли 60 человек заключенных, по мере их приближения мы могли

⁷ Протопресвитер М. Польский. Новые мученики Российские. Джорданвилль, 1957.

хорошо разглядеть, что все они были истощены от недоедания, от непосильного физического труда. Что же видели? — у каждого из них веревка через плечо: они тянут сани, в июле месяце — сани! А на санях стояла бочка с человеческими испражнениями!..

Сопровождавший конвой, очевидно, не знал, что на территории концентрационного лагеря находится экспедиция. Мы отчетливо слышали приказ конвоя — «лехай и не вертухайся», т. е. ложись и не шевелись. Один из конвоиров побежал обратно в лагерь, т. е. на «фалангу», очевидно, они нас посчитали подозрительными, может быть, шайкой белобандитов. Б. Н. почему-то быстро определил положение заключенных и сказал: «Мы продлили им жизнь на несколько минут». Первоначально мы этих слов не поняли. Быть может, прошло 15-20 минут, и мы были окружены взводом лагерной охраны. К нам приближались стрелки, винтовки держали на боевом взводе, как будто собираясь вступить в штыковой бой. К нам подошли командир взвода и политрук. Они потребовали от нас документы. После проверки документов, они объяснили нам, что эти 60 человек приговорены к расстрелу, как элемент, чуждый советской власти.

Уже готова была яма для этих шестидесяти. Политрук предложил нам зайти в палатки; мы зашли в свои палатки. 60 мучеников — это были священнослужители. В июльское тихое утро мы отчетливо слышали многих священников, их слабые голоса доходили до нас. Из числа палачей кто-то спрашивал по очереди становившихся около ямы священников: «Вы последний свой дух совершаете, говори, есть Бог, или нет?» Ответ святых мучеников был твердый и уверенный: «Да, есть Бог!»

Раздался первый выстрел. У нас, сидящих в палатках, сердца бились... Раздался второй, третий выстрел и т. д. Священников по очереди подводили к яме, стоявшие около ямы палачи каждого священника спрашивали - есть ли Бог? Ответ был один: да, есть Бог! Мы живые свидетели, видели своими глазами и слышали своими ушами, как люди перед смертью исповедовали веру в Бога.

Пройдут, быть может, еще года, десятилетия, но эта могила на Качугом-Нижнеудинском тракте должна быть найдена. Все и повсюду православные не должны забывать этих святых мучеников, которые отдали свою жизнь за веру.

Священник о. Владимир Качковский

*«Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих».
(Иоан. XV, 13).*

До ареста о. Владимир был священником в одном из небольших сел левобережной Украины и получил от ГПУ пять лет концлагеря за христианскую проповедь.

ГПУ, узнав, что в небольшую сельскую церковь сходятся крестьяне из всех окрестных деревень, чтобы послушать поучения, почуяло в его лице нежелательного «пастыря людских душ», и бедный о. Владимир моментально оказался в рядах «антисоветских агитаторов».

Однажды, вернувшись с работы, о. Владимир не нашел на обычном месте полученного на весь день куска хлеба. Но не разгневался, даже не прогрустил, а только махнул рукой и промолвил:

«Бог с ним, может быть, ктонибудь по ошибке взял ...»

Однако, против его желания, пропажа хлеба взволновала всю командировку. Дело в том, что украсть мог лишь «урка», а среди них существует неписанный закон, гласящий, что кража арестантского «пайка» является тягчайшим преступлением против товарищей и карается самым беспощадным образом (я не говорю о доносах, ибо доносчиков «урки» убивают, безусловно).

«Следствие» о пропаже хлеба взял в руки один из главарей «урок» и неведомыми для нас путями виновный был быстро обнаружен. Похитителем оказался тощий, замороженный воришка по кличке «Сенька-Шкет». Когда разъяренные «урки» притащили перепуганного, дрожащего «Шкета» к лежащему уже на своем месте о. Владимиру, я впервые увидел, как изменилось его лицо, какой глубокой внутренней болью налились его добрые, лучистые глаза.

Протянув руку, он привлек к себе несчастного «Шкета» и стал гладить грязную, всклокоченную голову мальчугана. «Урки» даже оторопели в первый момент, но когда они попытались вырвать Сеньку из рук о. Владимира, чтобы «проучить» его, или проще говоря - избить смертным боем, то кроткий батюшка словно преобразился. Прикрыв собою «Шкета», он выпрямился, стал выше ростом и твердым звучным голосом проговорил: «Я запрещаю вам трогать этого ребенка. Он не украл моего хлеба, а я сам

дал ему... Ступайте с Богом»...

Очевидно, в его тоне действительно было нечто повелительное, ибо даже матерые «урки» растерянно попятились назад и, скрывая неловкость под циничными шутками, отправились в свой угол.

Вечера теперь мы стали коротать втроем: «Шкет» усаживался в ногах у «бати». Я тоже поллюбил это вечернее время, с наслаждением слушая о. Владимира, повествующего о жизни и страданиях Спасителя, о подвигах жертвенной любви первомучеников. Иногда «батя» переходил на более близкие нам примеры подлинного, высокого героизма. Особенно запомнился мне его рассказ о беспримерном мужестве солдата Архипа Осипова, который он закончил словами: - «Помни, дружок, что нет выше любви, чем жизнь положить за други своя». Нужно отметить, что постепенно вся землянка стала прислушиваться к беседам о. Владимира, и самый отъявленный «урка» не осмеливался прерывать его речи неуместной шуткой или замечанием.

Уже выпал первый снег, когда на нашу глухую, затерянную в сосновом бору «командировку» решило заглянуть «высокое начальство» из ГПУ.

К 10 часам утра дорога была расчищена и нас построили колонной в 5 рядов. Но, как и следовало ожидать, мы бесцельно мерзли до 12-ти часов, когда, наконец, послышался звон бубенцов, и к «командировке» подкатила на тройке та «персона», ради которой 200 изможденных, полураздетых людей 2 лишние часа тряслись на лютom морозе.

«Персона» оказалась облаченной в теплую оленью доху. Ее сопровождало 3 чекиста, как видно, рангом пониже. Они суетились вокруг персоны.

Приезжий довольно долго разговаривал у «арки» со старшиной, а затем медленно направился к нам. «Персона» остановилась перед фронтом, пробежала взглядом по рядам застывших людей и изрекла:

- «Кто имеет жалобу или претензии, выходи вперед!»

Никто из нас, конечно, и не шелохнулся. Смешно даже было бы подумать о жалобе. Да и на кого жаловаться?

Кое-кто из нас уже имел печальный опыт с результатами самых законных жалоб, и поэтому колонна стояла молча.

- «Значит жалоб нет? Довольны всем?» - явно издеваясь, спросила «персона», уже готовясь повернуться и уйти. Как вдруг из задних рядов раздался тихо, но отчетливо чей-то голос:

- «Будь ты проклят, кровопийца!»

Колонна вздрогнула и замерла. Мы все почувствовали, что произошло нечто непоправимое и ужасное. Шепот достиг ушей «персоны».

Физиономия чекиста побагровела от ярости. Резко остановившись, он заорал:

- «Кто это сказал? Выходи сюда!..»

Никто не двинулся с места. Тогда, обращаясь к старшине, расвирепевший чекист прошипел:

- «Если через 5 минут виновный не отыщется - расстрелять каждого десятого!»

В тот же момент произошло какое-то движение, всколыхнувшее ряды, и перед строем появилась фигура о. Владимира. Лицо его было напряжено и бледно, но совершенно спокойно. Глядя прямо в упор в глаза «персоны», он громко и раздельно заявил:

- «Всех карать не к чему. Это сказал я!»

Чекист скверно выругался и провизжал: «Ка-эр?»

- «Нет, я – священник», - по-прежнему, твердо ответил он.

- «Все вы одним миром мазаны», - бросила «персона» и обратилась опять к старшине: «для примера прочим, за подстрекательство к бунту немедленно отправить в рай ко всем святым, а акт дополнительно пришлете в коллегию ГПУ»...

Двое из конвойных бросились к о. Владимиру, как вдруг колонна зашевелилась еще раз, и неторопливой походкой вышел старый профессионал - налетчик, известный под кличкой «Штыба».

- «Погодь, начальник! - Рявкнул он, - Не трожь этого батю. Разве он способен сказать такое? Это я сказал и еще могу повторить, коли хошь!..»

«Персона» с дьявольской усмешкой приказала:

- «Тем лучше. Значит, расстрелять обоих. Этого (он указал на «Штыба») - за оскорбление органов ГПУ, а того (кивок в сторону «бати»), - за попытку обмануть советскую власть»... Изрекши приговор, палач быстро направился к ожидавшим его саням.

О. Владимира и «Штыба» окружило кольцо конвойных. Обоих вывели за проволоку в лес, а оставшиеся надзиратели защелкали затворами винтовок в то время, как повернули на колонну свои тупые рыльца все четыре пулемета с четырех деревянных вышек, окружающих «командировку».

Затаив дух, холодая не от мороза, а от внутреннего страдания, мы замерли, прислушиваясь к тому, что делается в лесу.

Раздался один, затем другой, и еще два выстрела подряд!..

И тогда я своими глазами увидел чудо: почти все 200 правых рук поднялись в воздух и осенили грудь крестным знаменем...

Потом нас загнали в землянки. «Сенька-Шкет» бился у меня на руках,

задыхаясь от истерического плача, и из его худенькой, полудетской груди вырывалось жалобно и гневно:

- «Да за что же? За что же “батю”-то нашего убили? За что?»...

Это было в 1928 г.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ
ПРОТОИЕРЕЙ ВЛАДИСЛАВ ЦЫПИН**ЗВЕРСКИЕ УБИЙСТВА СВЯЩЕННИКОВ В ГРАЖДАНСКУЮ
ВОЙНУ⁸**

В гражданскую войну особенно тяжкая участь выпадала на долю тех архипастырей и пастырей, которые оставались на территории, переходившей в результате поражения белых войск под контроль советов. Одна только лояльность духовенства белым властям рассматривалась красными как контрреволюционное преступление; пение молебнов о победе белого оружия служило основанием для вынесения смертных приговоров или бессудных расправ, часто зверских.

11 декабря 1918 г. в реке Каме в проруби утопили викарного архиерея Пермской епархии епископа Соликамского Феофана (Ильинского). Бывшего викарного епископа Новгородской епархии Исидора (Колоколова) умертвили в Самаре, посадив его на кол. В декабре 1919 г. в монастыре св. Митрофания повесили на царских воротах архиепископа Воронежского Тихона (Никанорова). 14 января 1919 г. в подвале Кредитного банка в г. Юрьеве был зверски убит епископ Ревельский Платон (Кульбуш) вместе с двумя протоиереями: Н. Бежаницким и М. Блейве. После ухода большевиков из подвала извлечено было около 20 трупов; помимо православных священнослужителей убит был один лютеранский пастор и несколько купцов. Останки священномученика Платона носили на себе 7 штыковых и 4 огнестрельные раны, правый глаз владыки был поражен разрывной пулей.

25 мая 1919 г. в Астрахани, по указанию Кирова, были арестованы правящий архиепископ Митрофан (Краснопольский) и его викарий епископ Енотаевский Леонтий (барон Вимпфен). Попытки православных жителей города выручить своих архипастырей успехом не увенчались. 23 июня оба иерарха были расстреляны во дворе тюрьмы. Перед расстрелом архиепископ Митрофан благословил солдат, которым приказали его казнить. Тогда командовавший расстрелом чекист ударил архипастыря револьвером по благословляющей деснице, схватил владыку за бороду и, наклонив его голову, выстрелил ему в висок. Вслед за правящим архиереем казнен был и его викарий.

В марте 1921 г. убит был епископ Петропавловский Мефодий (Красноперов). Ему нанесли несколько штыковых ран и в одну из них

⁸ Цыпин В. Русская Церковь (1917-1925). М.: Сретенский монастырь, 1996.

вонзили крест. На исходе гражданской войны, в 1921 г., в Севастополе был расстрелян бывший архиепископ Нижегородский Иоаким (Левицкий).

Из сонма пресвитеров и диаконов в лихолетье смуты убито было несколько тысяч человек. В одной только Харьковской епархии за 6 месяцев, с декабря 1918 г. по июнь 1919 г., погибло 70 священников. В Воронежской епархии, после захвата ее территории красными войсками в декабре 1919 г., расстреляли 160 священников. За короткое время в Кубанской епархии убили 43 священника; а в небольшой части Ставропольской епархии тогда же погибло 52 священника, 4 диакона, 3 псаломщика и один иподиакон.

Многих пастырей перед казнью подвергали изощренным пыткам. В октябре 1918 г. 72-летний заштатный священник Павел Калиновский, проживающий в Ставрополе, был заперт плетью за то, что внуки его были офицерами. Священника Никодима Редикульцева из села Камень Томской епархии зарезали кухонным ножом. Священник из станицы Владимировской Кубанской епархии о. Александр Подольский был убит за то, что служил молебен для казаков перед боем. Перед убийством его долго водили по станице и глумились над ним, а потом зарубили за станицей на свалке. Прихожанин, пришедший за телом своего пастыря, был убит пьяными красноармейцами. Священнику села Соломенского Ставропольской епархии о. Григорию Дмитриевскому перед убийством шашками отрубили нос и уши.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ДОКУМЕНТЫ

Документ 1

13 октября 1918 г. Святой Тихон обратился с письмом в совет народных комиссаров, в котором он выразил свою скорбь о бедствиях, переживаемых русским народом от братоубийственной смуты, о страданиях, выпавших на долю мучеников и исповедников:

«”Все, взявшие меч, мечом погибнут” (Мф. 26, 52).

Это пророчество Спасителя обращаем мы к вам, нынешние вершители судеб нашего Отечества. Называющие себя “народными” комиссарами. Целый год держите в руках своих государственную власть и уже собираетесь праздновать годовщину Октябрьской революции. Но реками пролитая кровь братьев наших, безжалостно убитых по вашему призыву, вопиет к небу и принуждает нас сказать вам горькое слово правды.

Захватывая власть и призывая народ довериться вам, какие обещания давали вы ему и как исполнили эти обещания?

Поистине, вы дали ему камень вместо хлеба и змею вместо рыбы (Мф. 7, 9-10). Народу, изнуренному кровопролитной войною, вы обещали дать мир “без аннексий и контрибуций”.

От каких завоеваний могли отказаться вы, приведшие Россию к позорному миру, унижительные условия которого даже вы сами не решались обнародовать полностью? Вместо аннексий и контрибуций великая наша Родина завоевана, умалена, расчленена, и, в уплату наложенной на нее дани, вы тайно вывозите в Германию не вами накопленное золото.

Вы отняли у воинов все, за что они прежде доблестно сражались. Вы научили их, недавно еще храбрых и непобедимых, оставить защиту Родины, бежать с полей сражения. Вы угасили в сердцах воодушевлявшее их сознание, что “больши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя” (Ин. 15, 13). Отечество вы подменили бездушным интернационалом, хотя сами отлично знаете, что когда дело касается защиты Отечества, пролетарии всех стран являются верными его сынами, а не предателями.

Отказавшись защищать Родину от внешних врагов, вы, однако, непрерывно набираете войска.

Против кого вы их ведете?

Вы разделили весь народ на враждующие между собою станы и ввергли

его в небывалое по жестокости братоубийство. Любовь Христову вы открыто заменили ненавистью и вместо мира искусственно разожгли классовую вражду. И не предвидится конца порожденной вами войне, так как вы стремитесь руками русских рабочих и крестьян поставить торжество призраку мировой революции.

Не России нужен был заключенный вами позорный мир с внешним врагом, а вам, задумавшим окончательно разрушить внутренний мир. Никто не чувствует себя в безопасности; все живут под постоянным страхом обыска, грабежа, выселения, ареста, расстрела. Хватают сотнями беззащитных, гноят целыми месяцами в тюрьмах, казнят смертью, часто без всякого следствия и суда, даже без упрощенного, вами введенного суда. Казнят не только тех, которые перед вами в чем-либо противились, но и тех, которые даже перед вами заведомо ни в чем невиновны, а взяты лишь в качестве “заложников”; этих несчастных убивают в отместку за преступления, совершенные лицами не только им не единомышленными, а часто вашими же сторонниками или близкими вам по убеждению. Казнят епископов, священников, монахов и монахинь, ни в чем невинных, а просто по огульному обвинению в какой-то расплывчатой и неопределенной “контрреволюционности”. Бесчеловечная казнь отягчается для православных лишением последнего предсмертного утешения — напутствия Св. Тайнами, а тела убитых не выдаются родственникам для христианского погребения.

Не есть ли все это верх бесцельной жестокости со стороны тех, которые выдают себя благодетелями человечества и, будто бы, сами когда-то много потерпели от жестоких властей.

Но вам мало, что вы обагрили руки русского народа его братской кровью: прикрываясь различными названиями — контрибуций, реквизиций и национализаций, вы толкнули его на самый открытый и беззащитный грабеж. По вашему наущению разграблены или отняты земли, усадьбы, заводы, фабрики, дома, скот, грабят деньги, вещи, мебель, одежду. Сначала под именем “буржуев” грабили людей состоятельных, потом под именем “кулаков” стали уже грабить более зажиточных и трудолюбивых крестьян, умножая таким образом нищих, хотя вы не можете не сознавать, что с разорением великого множества отдельных граждан уничтожается народное богатство, и разоряется сама страна.

Соблазнив темный и невежественный народ возможностью легкой и безнаказанной наживы, вы отуманили его совесть, заглушили в нем сознание греха; но какими бы названиями ни прикрывались злодеяния, — убийство, насилие, грабеж всегда останутся тяжкими и вопиющими к небу

об отмщении грехами и преступлениями.

Вы обещали свободу...

Великое благо — свобода, если она правильно понимается как свобода от зла, не стесняющая других, не переходящая в произвол и своеволие. Но такой-то свободы вы не дали: во всяком потворстве низменным страстям толпы, в безнаказанности убийств, грабежей заключается дарованная вами свобода. Все проявления как истинно гражданской, так и высшей духовной свободы человечества подавлены вами беспощадно. Это ли свобода, когда никто без особого разрешения не может провезти себе пропитание, нанять квартиру, когда семьи, а иногда население целых домов выселяются, а имущество выкидывается на улицу, и когда граждане искусственно разделены на разряды, из которых некоторые отданы на голод и разграбление? Это ли свобода, когда никто не может открыто высказать свое мнение без опасения попасть под обвинение в контрреволюции? Где свобода слова и печати, где свобода церковной проповеди? Уже заплатили своею кровью мученичества многие смелые церковные проповедники; голос общественного и государственного осуждения и обличения заглушен; печать, кроме узко большевистской, задушена совершенно.

Особенно больно и жестоко нарушение свободы в делах веры. Не проходит дня, чтобы в органах вашей печати не помещались самые чудовищные клеветы на Церковь Христову и ее служителей, злобные богохульства и кощунства. Вы глумитесь над служителями алтаря, заставляете епископов рыть окопы (епископ Тобольский Гермоген) и посылаете священников на грязные работы. Вы наложили свою руку на церковное достояние, собранное поколениями верующих людей, и не задумались нарушить их посмертную волю. Вы закрыли ряд монастырей и домовых церквей, без всякого к тому повода и причины. Вы заградили доступ в Московский Кремль — это священное достояние всего верующего народа. Вы разрушаете исконную форму церковной общины — приход, уничтожаете братства и другие церковно-благотворительные, просветительные учреждения, разгоняете церковно-епархиальные собрания, вмешиваетесь во внутреннее управление Православной Церкви. Выбрасывая из школ священные изображения и запрещая в школах учить детей вере, вы лишаете их необходимой для православного воспитания духовной пищи.

“И что еще скажу? Не достанет мне времени” (Евр. 11, 32), чтобы изобразить все те беды, какие постигли Родину нашу. Не буду говорить о распаде некогда великой и могучей России, о полном расстройстве путей сообщения, о небывалой продовольственной разрухе, о голоде и холоде, которые грозят смертью в городах, об отсутствии нужного для хозяйства в

деревнях. Все это у всех на глазах. Да, мы переживаем ужасное время вашего владычества, и долго оно не изгладится из души народной, омрачив в ней образ Божий и запечатлев в ней образ зверя. Сбываются слова пророка: “Ноги их бегут ко злу, и они спешат на пролитие невинной крови; мысли их — мысли нечестивые; опустошение и гибель на стезях их” (Ис. 59, 7).

Мы знаем, что наши обличения вызовут в вас только злобу и негодование и, что вы будете искать в них лишь повода для обвинения нас в противлении власти, но чем выше будет подниматься “столп злобы” вашей, тем вернейшим будет оно свидетельством справедливости наших обличений.

Не наше дело — судить о земной власти; всякая власть, от Бога допущенная, привлекла бы на себя наше благословение, если бы она воистину явилась “Божим слугой” на благо подчиненных и была “страшная не для добрых дел, но для злых” (Рим. 13, 3). Ныне же к вам, употребляющим власть на преследование ближних, истребление невинных, простираем мы наше слово увещания: отпразднуйте годовщину своего пребывания у власти освобождением заключенных, прекращением кровопролития, насилия, разорения, стеснения веры; обратитесь не к разрушению, а к устроению порядка и законности, дайте народу желанный и заслуженный им отдых от междоусобной брани. А иначе “взыщется от вас всякая кровь праведная, вами проливаемая” (Лк. 11, 50), и “от меча погибнете” сами вы, “взявшие меч” (Мф. 26, 52).

Тихон, Патриарх Московский и всея России».

В ночь с 24 на 25 ноября Святейший Патриарх Тихон по распоряжению ВЧК был подвергнут домашнему аресту без предъявления обвинения. В его покоях учинили обыск и поставили стражу.

Через полтора месяца после этого члены Священного Синода и ВЦС обратились к властям с ходатайством об освобождении Патриарха от домашнего ареста. В канун Рождества Христова об освобождении Святого Тихона просили православные москвичи: «Просим разрешить Святейшему Патриарху Тихону выезд из его покоев для совершения богослужений».

В декабре 1919 г. Патриарх был вызван в ЧК на Лубянку. Вместе с ним отправился протопресвитер Николай Любимов. Через несколько дней спутник Патриарха докладывал Высшему церковному управлению о допросе на Лубянке. У подъезда, по словам протопресвитера Николая Любимова, Святейшего приветливо встретил чекист Сорокин, который принял у него благословение. «Минут через десять, — сообщил далее отец Николай Любимов, — Патриарх был приглашен в следующую, небольшую

комнату, где за письменным столом сидел какой-то субъект, оказавшийся впоследствии товарищем Лацисом; он предложил Патриарху сесть напротив себя за столом, сбоку поместился секретарь Москанин для записи всех вопросов и ответов, а немного сзади Патриарха сидел какой-то коммунист, приехавший с Казанского фронта (фамилия неизвестна). Начался допрос».

Патриарха спросили о епископе Камчатском Несторе, сказав, что будто бы он, явившись к адмиралу Колчаку, передал ему благословение Патриарха. «Нестора знаю, благословения же не посылал и посылать не мог», — ответил Патриарх. «Сколько вы выпустили посланий?» — спросил далее Лацис. Патриарх ответил, что с января 1918 г. по сегодняшний день — общим счетом четыре, и перечислил какие. «А послание к первой годовщине октябрьской революции забыли?» — «Это вовсе не послание к народу, — это письмо, обращенное мною прямо в ЦИК, совсем не предназначавшееся для обнародования».

Лацис спросил об отношении Святейшего Патриарха к советской власти. Патриарх ответил, что и теперь придерживается взгляда, изложенного им в письме народным комиссарам по случаю первой годовщины Октябрьской революции, и может изменить отношение к власти, если она изменит свое отношение к Церкви.

«А какие ваши политические убеждения? — задал свой последний вопрос Лацис. — Вы, конечно, монархист?» — «Прошу таких вопросов мне не предлагать, и от ответа на них я уклоняюсь. Я, конечно, прежде был монархистом, как и все мы, жившие в монархической стране. И каких я лично теперь держусь политических убеждений, это для вас совершенно безразлично: это я проявлю тогда, когда буду подавать голос за тот или другой образ правления при всеобщем народном голосовании. Я вам заявляю, что Патриарх никогда не будет вести никакой агитации в пользу той или иной формы правления на Руси и ни в коем случае не будет насильствовать или стеснять ничьей совести в деле всеобщего народного голосования».

На этом допрос закончился. Лацис объявил, что Патриарх подвергается домашнему аресту; всякий посетитель должен будет оставить на особом месте свою фамилию и имя. Эти списки будут представляться в ЧК. Гулять по саду и служить в домово́й церкви он может, а проводить заседания без предварительного разрешения ЧК — нет.

Письмо Патриарха Тихона в Совет Народных Комиссаров от 13 октября 1918 г., (Цит. по Лев Регельсон «Трагедия Русской Церкви»).

Документ 2

ПОСЛАНИЕ ПАТРИАРХА ТИХОНА О ПОМОЩИ ГОЛОДАЮЩИМ И ИЗЪЯТИИ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

15/28 февраля 1922 г.

«Среди тяжких бедствий и испытаний, обрушившихся на землю нашу за наши беззакония, величайшим и ужаснейшим является голод, захвативший обширное пространство с многомиллионным населением.

Еще в августе 1921 г., когда стали доходить до нас слухи об этом ужасном бедствии, Мы, почитая долгом своим прийти на помощь страждущим духовным чадам Нашим, обратились с посланиями к главам отдельных христианских Церквей (Православным Патриархам, Римскому Папе, Архиепископу Кентерберийскому и епископу Йоркскому) с призывом, во имя христианской любви, произвести сборы денег и продовольствия и выслать их за границу умирающему от голода населению Поволжья.

Тогда же был основан Нами Всероссийский Церковный Комитет помощи голодающим, и во всех храмах и среди отдельных групп верующих начались сборы денег, предназначавшихся на оказание помощи голодающим. Но подобная церковная организация была признана Советским Правительством излишней, и все собранные Церковью денежные суммы потребованы к сдаче и сданы правительственному Комитету.

Однако в декабре Правительство предложило Нам делать, при посредстве органов церковного управления: Св. Синода, Высшего Церковного Совета, Епархиального, Благочиннического и Церковно-приходского Совета — пожертвования деньгами и продовольствием для оказания помощи голодающим. Желая усилить возможную помощь вымирающему от голода населению Поволжья, Мы нашли возможным разрешить церковно-приходским Советам и общинам жертвовать на нужды голодающих драгоценные церковные украшения и предметы, не имеющие богослужебного употребления, о чем и оповестили Православное население 6 (19) февраля с. г. особым воззванием, которое было разрешено Правительством к напечатанию и распространению среди населения.

Но вслед за этим, после резких выпадов в правительственных газетах по отношению к духовным руководителям Церкви, 10 (23) февраля ВЦИК, для оказания помощи голодающим, постановил изъять из храмов все драгоценные церковные вещи, в том числе и священные сосуды и прочие богослужебные церковные предметы. С точки зрения Церкви подобный акт является актом святотатства, и Мы священным Нашим долгом почли

выяснить взгляд Церкви на этот акт, а также оповестить о сем верных духовных чад Наших. Мы допустили, ввиду чрезвычайно тяжких обстоятельств, возможность пожертвования церковных предметов, не освященных и не имеющих богослужебного употребления. Мы призываем верующих чад Церкви и ныне к таковым жертвованиям, лишь одного желая, чтобы эти жертвования были откликом любящего сердца на нужды ближнего, лишь бы они действительно оказывали реальную помощь страждущим братьям нашим. Но Мы не можем одобрить изъятия из храмов, хотя бы и через добровольное пожертвование, священных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской Церкви и карается Ею как святотатство — миряне отлучением от Нее, священнослужители — извержением из сана (Апостольское правило 73, Двукратн. Вселенск. Собор. Правило 10)»,

Введенский, «Церк. и гос.», Вестн. РСХД 1970, № 8, ЧС-1.

Послание Святейшего Патриарха Тихона о помощи голодающим от 15/28 февраля 1922 г., (Цит. по Лев Регельсон «Трагедия Русской Церкви»).

ДОКУМЕНТ 3

Товарищу Молотову
Для членов Политбюро.

Строго секретно.

Просьба ни в коем случае копий не снимать.
а каждому члену Политбюро (тов. Калинин у тоже)
делать свои заметки на самом документе.

Ленин.

По поводу происшествия в Шуе, которое уже поставлено на обсуждение Политбюро, мне кажется, необходимо принять сейчас же твердое решение в связи с общим тоном борьбы в данном направлении. Так как я сомневаюсь, чтобы мне удалось лично присутствовать на заседании Политбюро 20 марта, то поэтому я изложу свои соображения письменно.

Происшествие в Шуе должно быть поставлено в связь с тем сообщением, которое недавно РОСТА переслало в газеты не для печати, а именно сообщение о подготовляющемся черносотенцами в Питере сопротивлении декрету об изъятии церковных ценностей. Если сопоставить с этим фактом то, что сообщают газеты об отношении духовенства к декрету об изъятии церковных ценностей, а затем то, что нам известно о

нелегальном воззвании Патриарха Тихона, то станет совершенно ясно, что черносотенное духовенство во главе со своим вождем совершенно обдуманно проводит план дать нам решающее сражение именно в данный момент.

Очевидно, что на секретных совещаниях влиятельнейшей группы черносотенного духовенства этот план обдуман и принят достаточно твердо. События в Шуе лишь одно из проявлений этого общего плана.

Я думаю, что здесь наш противник делает громадную ошибку, пытаясь втянуть нас в решительную борьбу тогда, когда она для него особенно безнадежна и особенно невыгодна. Наоборот, для нас именно данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем с 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля на голову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий. Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи, трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. Именно теперь и только теперь громадное большинство крестьянской массы будет либо за нас, либо, во всяком случае, будет не в состоянии поддержать сколько-нибудь решительно ту горстку черносотенного духовенства и реакционного городского мещанства, которые могут и хотят испытать политику насильственного сопротивления советскому декрету.

Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр). Без этого никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство, в частности, и никакое отстаивание своей позиции в Генуе, в особенности, совершенно немыслимы. Взять в свои руки этот фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (а, может быть, и несколько миллиардов) мы должны во что бы то ни стало. А сделать это с успехом можно только теперь. Все соображения указывают на то, что позже сделать это нам не удастся, ибо никакой иной момент, кроме отчаянного голода, не даст нам такого настроения широких крестьянских масс, который бы либо обеспечил нам сочувствие этих масс, либо, по крайней мере, обеспечил бы нам нейтрализацию этих масс в том смысле, что победа в борьбе с изъятием ценностей останется, безусловно и полностью, на нашей стороне.

Один умный писатель по государственным вопросам справедливо

сказал, что если необходимо для осуществления известной политической цели пойти на ряд жестокостей, то надо осуществлять их самым энергичным образом и в самый короткий срок, ибо длительного применения жестокостей народные массы не вынесут. Это соображение, в особенности, еще подкрепляется тем, что по международному положению России, для нас, по всей вероятности, после Гenuи окажется или может оказаться, что жестокие меры против реакционного духовенства будут политически нерациональны, может быть, даже чересчур опасны. Сейчас победа над реакционным духовенством обеспечена полностью. Кроме того, главной части наших заграничных противников среди русских эмигрантов, т. е. эсерам и милликовцам, борьба против нас будет затруднена, если мы именно в данный момент, именно в связи с голодом проведем с максимальной быстротой и беспощадностью подавление реакционного духовенства.

Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий. Самую кампанию проведения этого плана я представляю следующим образом:

Официально выступать с какими бы то ни было мероприятиями должен только тов. Калинин, — никогда и ни в каком случае не должен выступать ни в печати, ни иным образом перед публикой тов. Троцкий.

Посланная уже от имени Политбюро телеграмма о временной приостановке изъятий не должна быть отменяема. Она нам выгодна, ибо посетит у противника представление, будто мы колеблемся, будто ему удалось нас запугать (об этой секретной телеграмме, именно потому, что она секретна, противник, конечно, скоро узнает).

В Шую послать одного из самых энергичных, толковых и распорядительных членов ВЦИК или других представителей центральной власти (лучше одного, чем нескольких), причем дать ему словесную инструкцию через одного из членов Политбюро. Эта инструкция должна сводиться к тому, чтобы он в Шую арестовал как можно больше, не меньше, чем несколько десятков, представителей местного духовенства, местного мещанства и местной буржуазии по подозрению в прямом или косвенном участии в деле насильственного сопротивления декрету ВЦИК об изъятии церковных ценностей. Тотчас по окончании этой работы он должен приехать в Москву и лично сделать доклад на полном собрании Политбюро или перед двумя уполномоченными на это членами Политбюро. На основании этого доклада Политбюро даст детальную директиву судебным властям, тоже устную, чтобы процесс против шуйских мятежников,

сопротивляющихся помощи голодающим, был проведен с максимальной быстротой и закончился не иначе, как расстрелом очень большого числа самых влиятельных и опасных черносотенцев г. Шун, а, по возможности, также и не только этого города, а и Москвы и нескольких других духовных центров.

Самого Патриарха Тихона, я думаю, целесообразно нам не трогать, хотя он, несомненно, стоит во главе всего этого мятежа рабовладельцев. Относительно него надо дать секретную директиву Госполитупру, чтобы все связи этого деятеля были как можно точнее и подробнее наблюдаемы и вскрываемы, именно в данный момент. Обязать Дзержинского, Уншлихта лично делать об этом доклад в Политбюро еженедельно.

На съезде партии устроить секретное совещание всех или почти всех делегатов по этому вопросу совместно с главными работниками ГПУ, НКЮ и Ревтрибунала. На этом совещании провести секретное решение съезда о том, что изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть произведено с беспощадной решительностью, безусловно, ни перед чем не останавливаясь, и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать.

Для наблюдения за быстрейшим и успешнейшим проведением этих мер назначить тут же на съезде, т. е. на секретном его совещании, специальную комиссию при обязательном участии т. Троцкого и т. Калинина, без всякой публикации об этой комиссии с тем, чтобы подчинение ей всех операций было обеспечено и проводилось не от имени комиссии, а в общесоветском и общепартийном порядке. Назначить особо ответственных наилучших работников для проведения этой меры в наиболее богатых лаврах, монастырях и церквях.

Ленин.

Прошу т. Молотова постараться разослать это письмо членам Политбюро вкруговую сегодня же вечером (не снимая копий) и просить их вернуть Секретарю тотчас по прочтении с краткой заметкой относительно того, согласен ли с основой каждый член Политбюро или письмо возбуждает какие-нибудь разногласия.

19 марта 1922 г.

Ленин.

Секретное письмо Ленина членам Политбюро от 19 марта 1922 г., (Цит. по Лев Регельсон «Трагедия Русской Церкви»).

ДОКУМЕНТ 4

Строго секретно

ВСЕСОЮЗНАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ
(БОЛЬШЕВИКОВ) ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

№ П51/94

3 июля 1937 г.

Тов. Ежову

Секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий

Выписка из протокола № 51 заседания Политбюро ЦК

Решение от 2.07.37 г.

94. Об антисоветских элементах

Послать секретарям обкомов, крайкомов, ЦК компартий следующую телеграмму:

«ЦК ВКП (б) предлагает всем секретарям областных и краевых организаций и всем областным, краевым и республиканским представителям НКВД взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков... с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки...

ЦК ВКП (б) предлагает в пятидневный срок представить в ЦК состав троек, а также количество подлежащих расстрелу, равно как и количество подлежащих высылке».

Секретарь ЦК И. Сталин

Оперативный приказ Сталина Ежову от 2 июля 1937 об антисоветских элемента. (Цит. по - иеромонах Дамаскин Орловский «Мученики, исповедники и подвижники благочестия в Русской Православной Церкви 20 столетия»)

Документ 5

Тов. Поскребышеву

Направляю оперативный приказ № 00447 о репрессировании бывших кулаков... и других антисоветских элементов и постановление.

30 июля 1937 г. Фриновский

ОПЕРАТИВНЫЙ ПРИКАЗ

Народного Комиссара Внутренних Дел Союза СССР № 00447

Об операции по репрессированию бывших кулаков...

и др. Антисоветских элементов

30 июля 1937 г.

Москва

Материалами следствия по делам антисоветских формирований устанавливается, что в деревне осело значительное количество кулаков, ранее репрессированных, скрывшихся от репрессий... Осело много в прошлом репрессированных церковников...

Перед органами государственной безопасности стоит задача — самым беспощадным образом разгромить всю эту банду антисоветских элементов... раз и навсегда покончить с их подлой подрывной работой...

В соответствии с этим приказываю — с 5 августа 1937 г. во всех республиках, краях и областях начать операцию по репрессированию бывших кулаков, активных антисоветских элементов.

I. КОНТИНГЕНТЫ ПОДЛЕЖАЩИЕ РЕПРЕССИИ

1. Бывшие кулаки...

6. Наиболее активные антисоветские элементы из бывших кулаков... церковников... которые содержатся сейчас в тюрьмах, лагерях, трудовых поселках и колониях...

9. Репрессии подлежат все перечисленные выше контингенты, находящиеся в данный момент в деревне... и в городе... в советских учреждениях и на строительстве.

II. О МЕРАХ НАКАЗАНИЯ

1. Все репрессируемые... разбиваются на две категории:

а) к первой категории относятся все наиболее враждебные... Они подлежат немедленному аресту и, по рассмотрении их дел на тройках, —

расстрелу.

б). ко второй категории относятся все остальные менее активные... Они подлежат аресту и заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет...

III. ПОРЯДОК ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАЦИИ

1. Операцию начать 5 августа 1937 г. и закончить в четырехмесячный срок.

2. В первую очередь подвергаются репрессии континенты, отнесенные к первой категории.

3. В соответствии с обстановкой и местными условиями территория республики, края и области делится на оперативные сектора.

Для организации с требованиями оперативной обстановки группам придать войсковые или милицейские подразделения.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР
Генеральный комиссар государственной
безопасности Н. Ежов
Верно: М. Фриновский

Документ 6

ВСЕСОЮЗНАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (БОЛЬШЕВИКОВ) ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

Тов. Ежову — всем

Обкомам, крайкомам, ЦК нацкомпартий — соответственно

Выписка из протокола № 57 заседания Политбюро ЦК

Решение от 31.01.38 г.

а) Принять предложение НКВД СССР об утверждении дополнительного количества подлежащих репрессии...

б) Предложить НКВД СССР всю операцию... закончить не позднее 15 марта 1938 г.

Секретарь ЦК

Через десять лет в соответствии с директивой МГБ и Прокуратуры СССР за № 66/241 от 26.10.48 г. все, у кого кончился срок заключения, должны быть снова арестованы и сосланы пожизненно.

Ясно, что после применения этих распоряжений и инструкций на

практике, мало кто из священнослужителей остался в живых, Представители тогдашней власти с помощью преследований и создания искусственных расколов старались сдвинуть Церковь с канонического, апостольского основания, мечтали о церковной революции и реформации, подобно той, что была в Западной Европе, результатом которой явилось бы уничтожение Церкви. Уничтожением Православия в России подрубались национальные духовные корни, когда человек оказывался не связанным с общенародным прошлым, нравственно расслаблен, а на месте уничтожаемого Православия образовывалась демоническая бездна, откуда клубами зловещего дыма поднимались облака одуряющего невежества.

РАЗДЕЛ IV

НЕЗАБЫТОЕ

(Воспоминания жертв репрессий)

ГОЛУБЕВ Николай Федорович (10 лет в ГУЛАГе). Я, Николай Голубев, родился в городе Ветлуга в 1910 г. в крестьянской семье.

Сначала жили на хуторе в Отлузихе, но Советская власть велела из него убираться, тогда и купили маленький домик в Ветлуге. Всего нас было четверо детей, да отец с матерью.

Отец рано умер, я остался трех лет. И стали мы собирать милостыню, по деревням ездили с младшей сестрой.

Закончил при советской власти четыре класса и стал работать учеником в Райпотребсоюзе. Когда жил в Ветлуге, был алтарником в старинном Троицком соборе. Всегда был верующим и даже в самые тяжелые годы веру не терял. В 1930 г. женился на Марье Дмитриевне Гладковой, крестьянке. И по сей день с ней, слава Богу, рука об руку и живем. Как женился, стал работать в скобяном магазине, а до этого научился печи складывать. В скобяном работал помощником заведующего. В дежурном магазине перед арестом был заведующим. Работал честно.

Забрали меня ночью. Предъявили обвинение: вступил в заговор против советской власти вместе со священниками. Осталось у жены трое детей: семинедельный Николай, Наташа двух лет и Людмила на шестом году. Жене не давали ни пайка, ни покосу, ничего. Меня той же ночью погнали этапом в город Варнавин. Шли сутки, а дело было зимой, в Николу зимнего. Посадили в тюрьму, потом перевели в Нижний Новгород, тоже в тюрьму. Столько было узников, батюшек, да всех, не ляжешь. Согнали в камеру-одиночку 25 человек. У дверей в камере сидят без рубашек — жарко, а у окна — в пальто, там холодно.

Никакого суда не было, только тройка зачитала приговор, дали 10 лет и отправили в Красноярский лагерь — «Краслаг». Он располагался в городе Канск. И все 10 лет в одном месте и был. Работал по речному делу: сплавлял лес. Паек был 600 гр. хлеба в сутки, да от жены приходили посылки и письма. Начальство не обижало, все просили налаживать печи.

В 1947 г. пришел я домой, 2 г. работал на лесозаготовках.

В 1950 г. вторично забрали. Предъявили то же самое обвинение, за что сидел в первый раз. Пригнали в Горький в тюрьму, там сделалось плохо с головой, помешательство было, лежал в психической больнице при тюрьме.

Жена пошла в Ветлуге к начальнику НКВД Королеву узнать, почему муж не пишет. Тот ответил, что в психушке лежит. Жена тогда поехала в Горький. Свидания не дали, ссылались на то, что муж слаб, но передачу взяли.

Потом мне предложили ехать в ссылку, совсем больному. Вывели под руки из тюрьмы и поездом отправили в ссылку в Северный Казахстан в совхоз в 100 км от Петропавловска, станция Булаево.

Там уже были высланные из наших мест. Купили они землянку и меня пустили в нее. Стал работать на телятнике, за телятами ходить, лошадь дали — корм возить, навоз. Велели восстановить совхозное хозяйство. Директор был Чаусов, очень хороший. Он и написал жене моей письмо, что разрешает привезти семью. Жена с двоими детьми решила ехать. Старшая кончила медицинское училище, устроилась в деревне на работу. Вот приехали они. Николай — 12-ти, Наташа — 15-ти лет. Семью устроили жить в свинарнике, стали жить все вместе, топили камышом, соломой. В хлеву с потолка все сыпалось. Школа была, дети ходили в школу. Жена тоже стала работать. Сын гонял лошадь на водопой. Ушибла его лошадь, не думали что оправится. А ожил. Наташа работала, помогала фельдшеру, ездила раздавать лекарство от малярии по участкам. Зиму прожили, и нас заставили строить землянку. Дали волов, напахали пластов дерна, крыли луговинной — вот и жилье, на две комнаты. Дети делали замесы, а мы клали. У детей из носа даже бежала кровь от этих замесов. Потом хозяйством обзавелись: корова, гуси, утки. Народ рядом с нами высланный был очень хороший, никто ни у кого не воровал. Потом на свинарник к нам прислали батюшку — отца Григория из Богородска. Стал жить с нами, а до того сидел 20 лет. Монашек много было горьковских. Батюшка вместе с нами и в землянку перешел. Даже разрешили служить в отдельной землянке. Фамилия батюшки Седов.

Прожили так 4 г., вышло постановление, что сидели зря, никакой вины нет. Это уже в 56 г. Прислали к нам на смену комсомольцев, оказались воры и жулики. Сделали милицию. Детям нельзя было и в клуб ходить. К нам поставили четырех из Ярославля — пои и корми, не дашь — получишь. Вымогали деньги на вино, а то, мол, сождем. Отказал я им от квартиры. Отец Григорий тоже был освобожден, отслужил дорожный молебен и поехали. А батюшка и монашки остались там — им ехать некуда.

Приехали в Ветлугу, купили дом в деревне. Пенсию жене не давали до 1994 г. Я получал 60000 рублей, да на жену — пятеру. Когда жене стало 80, начали и ей помаленьку давать пенсию, как воспитавшей в войну одной детей.

Сейчас пенсию выдают аккуратно. На двоих мы получаем 528600 с дотацией. Жизнь дорогая, все нанимаем — дров купить, да распилить, да

расколоть. Есть сын Николай, тоже больной. У старшей дочери ногу отняли, инвалид, помогать нам не может. Средняя Наташа — 12 лет как умерла 46-ти лет. Помогают нам все за деньги. У нас батюшка отец Николай очень хороший, он нас в церковь иногда возит.

ГОЛУБЕВА Мария Дмитриевна. Родилась я в 1910 г. в деревне Жильчиха Ветлужского района, Горьковской области. Отец погиб в войну в 1914 г. Я осталась трех лет, сестра 2-х лет. Мать вторично вышла замуж, когда мне было 13 лет, а сестре 12. Отчим пьянствовал, воспитывала нас бабушка и дяди, хотя у бабушки было 6 сыновей. О бабушке моей остались самые лучшие воспоминания. Она учила: «не бери чужое, чужое уйдет и свое уведет, трудовое ни на воде не тонет и в огне не горит». Жили в своем доме. Я работала в сельском хозяйстве на земле, с дядей, сестрой и бабушкой. Жили бедно, никакой обстановки в доме не было. До революции за погибшего отца получали пенсию, но с приходом советской власти нам отказали, оттого что отец погиб за царя. Бабушка готовила нас к жизни в людях: учила прясть и ткать, ткали одежду, полотенца, приданое своими руками, строго контролировала наш труд. Наступила коллективизация. Дяди свое хозяйство отдали в колхоз, ушли в армию и в колхоз не вернулись. Остался один дядя, раненный в войну, не получал никаких пособий. Я вышла замуж в город на двадцатом году жизни за рабочего. Семья состояла из 7 человек: кроме нас с мужем жили с нами сестра с ребенком, ученица школы и мать. Мне пришлось взять в руки все хозяйство: держала корову, поросят, носила бурду в ведрах на коромыслах, чтобы кормить скотину. Нажили 4 детей. Один ребенок умер. Муж окончил 4 класса, но был очень способным и честным. Поставили заведовать магазином. Прожили 6 лет. Когда стали забирать священников, моего мужа за связь с церковью и священнослужителями по ст.7 в 1937 г. забрали ночью накануне именин перед Николиным днем на 40-й день после смерти матери. Я осталась с тремя детьми. Старшей дочери пятый год, второй 2 г., сыну 6 недель. Лишили пайка и покоса, только на детей давали по 150 граммов хлеба. Но корову по-прежнему содержала, возила и носила бурду, траву косила в лесу после окончания сенокоса в колхозе. Ели хлеб из картофельных очисток. Нанималась на уборочные работы в колхоз, жать хлеб, овес, копала картофель, ходила по домам стирать.

После 10 лет отсидки пришел домой муж больной, слабый. Поправляли молоком. Два года работал на лесоразработках. Через 2 г. опять взяли ночью. Я лежала 2 недели без памяти. Дочь закончила медицинское

училище, вторая училась в 6 классе, сыну было 12 лет. Полгода ничего не слышно было о муже. Продала корову и поехала в Горький, чтобы узнать о судьбе мужа. Пришла в тюрьму с передачей. Приняли. Встреча с мужем не состоялась: он болен, был очень слаб. Ночевала у родственников, в воскресенье простояла 2 обедни. В понедельник опять принесла передачу, но ее не приняли, так как ничего не ест, свидания не будет. «Проездила» корову, приехала со слезами. Вскоре мужа отправили в ссылку, разрешили взять семью. Мужа везли, держа вдвоем под руки. Приехали с двоими детьми в Северный Казахстан в совхоз. Были три отделения. Поселили жить в землянке в комнате для свинарок. Топили печи камышом. Свинарки были все ссыльные (20 наций). Жили дружно, дети ходили в школу. Я работала с мужем, клала печи, строили базу. Согласились строить себе землянку. Строили сами, дети месили глину, от тяжелого труда часто из носа текла кровь. Отец долго болел. Переехали жить в землянку. Держали теленка, гусей, уток. Народ был честный, никто ничего не крал. Сын водил лошадей на водопой. После удара лошади сын, весь избитый, безнадежно заболел. С трудом поправили, но нервная болезнь осталась. В ссылке пробыли четыре года. Вины за мужем не признали, освободили. Но 2 месяца кормили сосланных уголовников — комсомольцев, в клуб уже не стали ходить. В субботу на станции устраивали поножовщину. Ссыльный батюшка отслужил нам дорожный молебен, ночевал у нас (20 лет сидел, потом попал в ссылку). Батюшка был из Богородска.

По приезде в Ветлугу в деревне Плосково купили дом, баню в Ветлуге, год работали и платили за дом. Дом строили только своими силами. Нечеловеческие усилия пришлось приложить нашей семье, чтобы прожить. И вот все мы: и родители, и дети — остались больными.

ШИШКОВА Надежда Алексеевна (6 лет в ГУЛАГе). Я прожила достаточно большую и сложную жизнь: была в немецком концлагере и в Советском ГУЛАГе.

Родилась на Смоленщине в г. Ельне в 1922 г., где прожила до начала войны. Как многие, была комсомолкой. Война меня застала на школьном балу в честь окончания 10 класса. Тут и начались мои мытарства. Нас комсомольцев послали пилить лес для укрепления заградительных противотанковых траншей вокруг Ельни. Лес рос в болоте, стояли по колено в воде, загрызали комары, так длилось две недели, потом был дан приказ — спасайтесь как можете, немцы на подступах к Ельне. Домой добирались сложно, там нас ждала мама (отец умер в 40 г.). Пришла поздно вечером, на

следующий день рано утром мы ушли пешком с маленькими пожитками в руках на родину к поэту Исаковскому (мама с его сестрой были большими подругами), это где-то 40–50 км от Ельни. Шли дорогой, которая была параллельна железной дороге, по которой почти вплотную двигались эшелоны. По шоссе отступало войско, гнали белорусский скот. Нас бомбили, расстреливали из пулеметов. Это была страшная картина, не буду описывать. У Исаковских проживали долго, нечего было есть, много беженцев вокруг. Мама сказала: «пойдем на мою Родину». Это под Тулой, город Белев. Тяжело добирались, когда пришли, там была аналогичная картина. Все собирались уезжать кто куда, в основном в Сибирь. Мама не захотела больше «бежать», очень пострадали. Мы были раздеты, ничего не было у нас, а уже приближалась осень. Жена маминого брата работала зав. РОНО в Белеве. Она сказала: «Поезжайте в Зайцево — это большое село, будете там работать в школе учительницей».

Надеялись, что там нас не достанет война, голод, холод, но получилось не так, там тоже хлебнули много горя, встретились с немцами, которые отступали от Москвы. Отступая, они гнали все население с собой, по пути заставляли выполнять разные работы. Так догнали нас до какой-то станции в Орловской области, где посадили в эшелон и повезли в Германию. Меня с мамой по великому счастью не разлучили, а отправили в Эльзас-Лотарингию на металлические заводы Венделя. Я окончила школу, в которой со второго класса учили немецкий язык. Это мне помогло устроиться в лагере на работу сортировать почту и выдавать талоны на обеды. Здесь мы пробыли около двух лет. Потом пришли американцы, началось второе, медленное движение, но теперь уже на Родину. В 1944 г. я вышла замуж, за такого же, как я русского парня Шишкова Владимира Никифоровича, который после прихода американцев (которые много обещали нам) поехал в Париж, в наше посольство. Там его утвердили уполномоченным нашего посольства по репатриации на Родину людей, которые были в немецких лагерях. Мы начали медленно двигаться на Родину через Германию, Люксембург, Польшу. Прошли сортировку нашими военными, это тоже было зрелище своего рода. После такой так сказать «исповеди» мы поехали на родину мужа в г. Ровно. Здесь нас тоже ничего хорошего нас не ожидало. По пути на Родину, в поезде я родила сына, который через 2 месяца в Ровно умер. Это было очень тяжело для меня. В 1947 г. у меня родилась дочь. В 1948 году арестовали мужа, начались мои хождения по мукам: есть нечего, на работу не берут, как скажу свою фамилию и т. д. В 1949 г., по дороге из Ровно в Пермь к брату и к маме, меня арестовали, сняли с поезда со ст. Киев, дочь издевательски отобрали и

поместили в детский дом, сначала дошкольный, а потом и школьный. После краткого допроса со словами «встать», «сесть», так многократно, меня поместили в бокс-колодец каменный 1х1 метр без окон, пол цементный, от сырости соль превратилась в воду, сидеть можно было только на полу, на допросы водили каждую ночь, ноги распухли, ходила в чулках. Так продолжалось 9 или 11 дней, после чего меня перевели в камеру по 4 человека, я была 5. Меня положили спать с девочкой, которая меня успокаивала, так как после отбоя я вскакивала, спрашивала, был ли отбой и еще что-то. У меня было сильное нервное расстройство, которое постепенно прошло. Допрашивали часто, всегда по ночам, ставили в шкаф, из него вываливалась, бить не били, но обещали. Однажды во время прогулки я крикнула: «Володя (так звали мужа), я тоже здесь». За это меня посадили в карцер на 5 суток. Это было зимой, на мне была одета всего легкая кофта, на ночь спать ставили «гробик», как крышку от гроба, есть давали один раз на третьи сутки. Что я ела, не знаю, было «это» теплое, чему была очень рада. После этих событий меня долго не водили на допросы. Однажды мы услышали, что что-то делается: постепенно открывают все камеры, дошли до нашей. К нам в камеру вошла большая делегация, сказали, что это обход Генерального прокурора Украины. Он спросил: «Хочет ли кто-то что-либо сказать?» Все молчали, тогда сказала я, что давно сижу, последнее время меня не допрашивают, а я себя не считаю виновной, поэтому прошу отпустить или поступить со мной, как они считают нужным. После этого началось. Каждую ночь меня стали водить на допросы, со всеми приложениями, так продолжалось недолго. Однажды повели в дежурную, где прочитали приказ о решении суда, по которому меня решением особого совещания осуждают на 10 лет лагерей строгого режима. Увезли в Казахстан в Карагандинские лагеря. Везли как скот, в туалет выпускали в степи одновременно и мужчин и женщин, было безразлично, кто с тобой рядом сидит, а кругом кольцо штыков. Так я попала в начале в Кенгир, позже Балхаш, где пробыла около 6 лет. Работали на строительстве Джекказганского медеплавильного комбината. Утром подъем, завтрак — баланда, частенько приправленная верблюжьим жиром или мясом, ужасная гадость. Потом развод, построение по 5 человек в ряд с пересчетом при проходе через ворота, за которыми заставляли садиться хоть прямо в грязь, лужу или просто стоять, еще раз пересчитывал конвой, который окружал строй кольцом солдат с автоматами. В мужской зоне, она была рядом, еще дополнительно ставили пулеметы. Подавалась команда: шаг в сторону — стреляем без предупреждения. Так продолжалось 4 г. Письма можно было писать 2 раза в год. Я написала маме, просила ее разыскать мою дочь. Она

была в детском доме Черновицкой области. Я ее забрала после моего освобождения. Непомерно тяжелый труд, истощение, довели меня до слепоты, это прошло, я тяжело заболела ревматизмом. Ранней весной после ночной смены полусонных нас подняли на проверку, долго пересчитывали на улице, где я простудилась и заболела, месяц была безнадежной, спасли меня каторжанки (они тоже были с нами, их привезли откуда-то с Чукотки, интересные вещи рассказывали они). Их водили работать на бахчу. Они носили мне по арбузу и немного помидор, на вахте их пропускали, знали, что есть умирающая больная. Вот это спасло меня. Это уже был 1953 г., смерть Сталина. Стали в зоне появляться комиссии. Пролежала я в больнице очень долго, после выписки из больницы посылали работать на легкий труд. Позже была комиссовка больных людей, меня комиссовали по состоянию здоровья. Я к этому времени отбыла уже более 6 лет. Пока ожидали документы, пришло второе освобождение из Москвы со снятием судимости. Поехала в Пермь к маме и брату, в его семью. Нужно было работать, получать профессию, вначале окончила 10-месячные курсы медсестер, в институте сказали — нет. При медицинском училище открыли спецкурсы для таких как я и мне подобных, с незаконченным высшим образованием. Это было заочное обучение, писала ночами контрольные работы, окончила — диплом с отличием. Работала в областной санэпидемстанции в бактериологическом отделе — лаборантом-бактериологом 36 лет. Принимала участие в ликвидации многих эпидемических вспышек, открывала сама лаборатории на периферии, летала в сложные, тяжелые, интересные командировки. Теперь четвертый год на пенсии. Дочь, которую привезла из детского дома, окончила институт, работает врачом. Внучка — врач, аспирант Медицинской Академии.

КОЖИН Николай Николаевич (9 лет в ГУЛАГе). «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек». Как далеки эти строки от кошмарной действительности тех лет, сколько в них лжи и фальши.

Я был арестован 1 июля 1941 г. по обвинению по статьям 59-10-11 за антисоветскую агитацию на оборонных заводах, как руководитель группы, а группа состояла из трех человек: я, мой соученик по вечернему институту и третий, которого видел впервые.

Судил меня народный суд, и прокурор требовал высшей меры, не имея ни свидетельских показаний, ни состава преступления, одним словом — спектакль.

Массовые аресты в стране не вспыхнули стихийно, они готовились заранее, ибо тюрьма, в которую меня определили, была полностью освобождена от зэков и в течение нескольких дней переполнена.

Преимущественно это были осужденные по ст. 58-10. В камере, где я находился, появился «член» моей «группы», который отказался по причине материальной необеспеченности подписаться на государственный заем. Это послужило основанием его ареста. Первое время, находясь в тюрьме, я питал себя надеждой, что буду освобожден, ибо не чувствовал за собой никакой вины. Но после разговоров с другими осужденными понял, что отбытия 10-летнего срока не избежать. Вскоре из тюрьмы стали этапировать в лагерь, я попал в Усольлаг в Кушмангортский ОЛП на командировку «Вишера». Там меня преследовала мысль: «За что и по какому праву», но я так и не нашел ответа на этот вопрос.

То, что пережил на этой лесоповальной командировке, не укладывается в понятие — кошмарные сны. Это была чудовищная реальность. Если я бы все это не видел собственными глазами, я бы не поверил, что такое может твориться в самой «демократической» стране в мире, как утверждали идеологи и пресса. Приведу несколько эпизодов из жизни за колючей проволокой командировки «Вишера».

Морозное декабрьское утро. У ворот вахты собираются лесоповальные бригады. Выпуск бригад несколько задерживается, и к воротам подъезжают семь подвод, запряженные в сани, на каждой подводе по 6–7 жалких подобий гробов, точнее, ящиков, наспех сколоченных из неструганых досок, и на них небрежно накинуты такие же крышки, из-под которых торчали руки, ноги трупов. Несмотря на то, что я еще держался, как говорят «на плаву», холод пробежал по моей спине. Это делалось умышленно в назидание тем, кого еще не постигла эта участь.

В бараке КВЧ (культурно-воспитательной части) установлено несколько столов, за которыми восседают представители медицины, кители которых скрыты белыми халатами. Это комиссия по активированию зэков, пришедших в состояние полной непригодности для каких-либо работ. Эти, бывшие когда-то людьми, превращены в скелеты, обтянутые кожей, во взгляде опустошенность, полная отрешенность от происходящего вокруг.

Не нужно быть медиками, чтобы понять — они обречены. Морально и физически раздавленные, они с трудом передвигаются от стола к столу. Во взглядах у них нет даже слабой надежды на возврат к нормальной жизни. Сам акт активирования ни в коем случае не акт милосердия, это избавление от ненужного баласта, от которого нет никакой отдачи. Судьба этих

активированных остается тайной, ибо самостоятельно они не способны добраться до мест проживания.

Осеннее утро, подъем, комендант из зэков, с дрыном в руках «помогает» медленно поднимающимся, я сунул руки под нары, но мои обувки исчезли. Объяснять это коменданту бесполезно, кроме дырина по спине ничего не получишь. Пришлось босиком топтать 6-7 км до места лесоповала и проработать весь день, а была середина октября. Несмотря на дождь и холод, молодой организм еще сопротивлялся, и эта прогулка босиком прошла для меня без последствий.

Силы стали постепенно таять, но я решил не сдаваться. Мой мозг стал усиленно работать. И совершенно случайно я обнаружил помойку, на которую сваливали отходы из вольнонаемной столовой. Там оказались пустые банки из-под консервов. Я начал из этих банок делать котелки, и лагерные «придурки» (хлеборез, повар, каптер) давали по 300-400 грамм хлеба. Это было кое-что, я хоть временно немного вздохнул. И чем труднее было держаться на плаву, тем сильнее обурежала жажда жизни. Это естественно — не хотелось погибнуть в 27 лет. Со мной в одной бригаде работал китаец по национальности одного со мной возраста. Он не смог всего этого перенести и решился на побег. Утром, выходя на работу, я увидел распластавшегося на земле мертвого китайца. Этим лагерное начальство выразило мысль: «вот, мол, что ожидает тех, кто помышляет о побеге».

Одержимый мыслью о причине ареста, я однажды увидел человека в военной гимнастерке, на которой в воротнике остались следы трех ромбов. Это оказался мужчина средних лет, в беседе с ним я узнал, что бывший командир корпуса Иванов. И я ему сказал: «Хорошо, посадили меня, я простой смертный, но вы представитель высшего командования, с вами должны были разобраться, должны быть мотивы». Он лаконично ответил: «Если быть откровенным, то не знаю».

Еще хочется описать явление, выходящее из рамок человеческих взаимоотношений. Комендант и нарядчик, а они назначаются из зэков, официально не наделены никакими полномочиями, но практически издевались над своими собратьями жестоко и изощренно. Но начальство не реагировало на их поведение. Привожу пример: это среди зэков называлось «выход без последнего». Происходило следующее: комендант с суковатым дрыном в руках стоял у выхода из барака и наблюдал, кто последним будет выходить, и на этого беднягу обрушивался дрын. После такого «крещения» зэк в следующий раз пытался выскочить из барака в числе первых.

Никакой посуды в начале отбытия наказания у многих эков для получения баланды не было, так повара с наглой улыбкой предлагали экам воспользоваться шапкой, и эки, не видя выхода из создавшегося положения, соглашались. Голод — не тетка, говорит русская пословица.

Не знаю, выбрался бы я из этого ада, но к моему счастью на командировку прибыл механик ОЛП по фамилии Исай и отбирал эков по специальностям: слесари, токари, сварщики. В этот список попал и я. Несмотря на молодость, я уже имел некоторый опыт слесаря. Вскоре меня этапировали на командировку «Головная» этого же ОЛПа, где находилось депо узкоколейной железной дороги. Будучи слесарем по ремонту паровозов, я, как говорится, пришелся ко двору. Потребность страны в лесе, в какой-то мере заставила начальство ОЛП пойти хоть на незначительные поблажки. Нас поселили в отдельный барак, и работа, безусловно, в физическом отношении легче и в тепле, да плюс к тому близлежащие колхозы приносили мелкие заказы по ремонту сельхозоборудования и расплачивались картошкой. Придя в себя, я стал с нетерпением ждать конца срока. В 1951 г. меня этапировали в Песчлаг под Карагандой. До освобождения оставались считанные месяцы, но тут, как гром среди ясного неба, начался второй круг арестов. К уже выписанному приговору без суда и следствия тройка ОСО (особое совещание) прислала немудреный документ, в котором значилось: к приговору, вынесенному ранее, добавить еще пять лет. Вот была причина для переживаний, но Бог миловал. После отбытия срока я был сослан на административное поселение в Казахстан в город Кокчетав, где встретился тоже с ссыльной Фишман Матильдой Леопардовой. Она лично была в свое время знакома с Сахаровым, разделяла его взгляды. В 1957 г. поселение было снято, и она уехала в Москву.

Моя семья: жена, две дочери (родились в Казахстане), три внучки, один внук.

Сейчас мне 83 г., из них 68 лет работал на производстве, четыре месяца назад уволился с завода.

ОСИПОВ Павел Иванович (10 лет в ГУЛАГе). О своей судьбе могу сообщить следующее. До войны трудился на Ярославском шинном заводе, с начала войны участвовал в обороне Москвы. Репрессирован за одну короткую фразу: «Мы убегали от западной границы», а надо было сказать «отступали». Получил 10 лет лишения свободы по ст.58, ч.2 с поражением в правах на 5 лет. Отбывал в Карагандинском лагере от звонка до звонка

(1942–1952 гг.). После освобождения искупил свою вину честным трудом на государственных предприятиях на Урале, в Средней Азии и в других городах России, 18 лет работал на Орском никельном комбинате.

20 лет живу в Печорах Псковских, приехали сюда поближе к Богу. Живем скромно в сельском домике: без отопления, без канализации, без воды.

Продукты покупаем на рынке по высоким рыночным ценам.

В связи с работой в горячем цехе потерял зрение, операция глаукомы оказалась неудачной (на обоих глазах). Получил инвалидность по зрению: I и II группу по правому и по левому глазу. С божьей помощью преодолеваем свои немощи телесные и материальные трудности.

КИРИЛЛОВА Таисия Алексеевна (10 лет в ГУЛАГе). Родилась я в 1918 году здесь на Псковщине, крестьянка. В 1933 г. мой отец не захотел в колхоз, из-за этого все отобрали и выгнали из дома. Два года скитались, в 1935 увезли на высылку на Урал. Везли на лошадях. На Пасху по деревням нам надавали пасхальные яйца и булок. Привезли на ст. Подсевы. Посадили в товарные вагоны, долго везли, на станциях подолгу наши вагоны стояли, пропускали поезда. Нас не кормили и не поили. Помогли нам выжить пасхальные яйца да булки. Много везли детей и стариков. Привезли в Пермскую область, повели нас по тайге тропкой километров 15 в поселок Рябиново. Там жили украинцы, привезенные в 30 г., тоже кулаки. Они рассказывали, что жилья не было, многие не выдержали, повесились на деревьях. Они нас хорошо приняли, жилье дали. Мне было 17 лет, и меня сразу направили на лесоповал, и так с бревнами три года работала.

В 1937 г. маму и отца арестовали. Мама расписывалась крестиком, отец малограмотный. Я писала в ГУЛАГ, хотела узнать где они. Мне ответ: «в дальних лагерях без права переписки». Не так давно узнала, что они расстреляны.

В 1938 г. меня арестовали. Ни суда, ни допроса не было — ст. 58, пункт 10, десять лет. Меня вызвали подписать приговор. За стенкой кричал мужчина, его, наверное, били. Мне так страшно было, что я сразу подписала и ничего не спросила. Отбывала срок в Карагандинской области. Весь срок доила коров вручную: 15 коров 4 раза в день, Вставали на дойку в 4 часа утра и ложилась в 12 ночи. Коров кормили крупной ячменной, овсянкой, с сахарного завода привозили патоку. Люди на общих работах голодали и умирали. Корову ценили больше, чем человека. Закончила свой срок — 10 лет. Меня сразу не отпускали, еще не знали, что делать со мной.

Задержали до особого распоряжения, и так 2 месяца лишних отбыла. Когда освободили, выяснилось, что в Псковскую область нельзя, в Мурманскую область тоже нельзя. Дали проездной билет в Вологодскую область до ст. Каду́й, вылезла с вагона никого нет, знакомых нет. Посидела в вокзале, было у меня немного денег, поехала в Мурманскую, Кандалакшский район на поселки Нив-2. Туда в 30-е годы были выселены отца два брата мельники, тоже кулаки. Жили в бараках из досок, меня они хорошо приняли, я отдохнула. Написала заявления начальнику прописаться. Начальник милиции посмотрел паспорт, говорит: «Не имею права вас прописать». Я у него попросила совета, что мне делать: воровать идти, заработать бытовую статью, опять в лагерь, я только оттуда. Он пожалел меня, подписал мое заявление, я так была рада. Устроилась в Дом ребенка, так я там заработала пенсию 80 рублей. Сюда приезжала в отпуск. Здесь купила избу за 1000 рублей. Живу одна, семью не завела. Пока еще себя обслуживаю, здесь живет двоюродная племянница. Она такая добрая, в трудную минуту мне помогает. У нее отец тоже расстрелян в 38 г. У ее матери было трое детей, осиротели. Еще летом ко мне приезжает двоюродная племянница, она живет в городе Кириши, и соседи у меня хорошие. Брат был моложе меня, на войне погиб. Он на передовой воевал танкистом.

Меня реабилитировали, пенсию я получаю 300 тысяч рублей.

МИХАЛЕНКОВ Александр Анисимович (10 лет в ГУЛАГе). Родился я в 1919 году в Смоленской области в крестьянской семье. В 1939 году был призван на службу в армию. Осенью 1941 г. принимал участие в обороне Ленинграда и Москвы. Всего на фронте, на передовой линии, в Великую Отечественную войну пробыл в боях с фашизмом 1 год и 10 месяцев. А 8 мая 1943 г. решением Особого совещания войск НКВД СССР был приговорен по статье 58 пп.1-б к 10 годам лишения свободы. Решение ОСО обжалованию не подлежит. Так следственные органы в городе Подольске под Москвой сделали из меня за три месяца следствия, из честного солдата, изменника Родины. Избивали как хотели, до полусмерти, и я был вынужден подписать все, что они написали в деле. Следователь по фамилии Братиков был настоящим палач.

Отбывал наказание в лесах Коми АССР.

Начну с раннего утра, данного нам всем господом Богом нашим. Надзиратель железным молотком бьет в железную рельсу — подъем. Помощники бригадиров с деревянными лотками бегут получать хлеб на завтрак, а вечером, когда придут заключенные с работы, опять такая же

пайка хлеба строго по весу с довесками и крепят довески к пайку деревянной палочкой. Норма хлеба за работу была такова: 250, 300, 350, 400, 450, 500, 600 граммов.

Пайка 250–350 гр. давали тем, кто работал в зоне.

Врач — тоже заключенный — приходил в барак и ежемесячно производил сам комиссию по истощению эков. Врач не спрашивал, а смотрел: если одна кожа да кости, тогда записывал в свой журнал. Если бы не врачебная комиссия, то в течении одного года все бы эки вымерли, а остались бы только повара на кухне да бригадиры. Бригадиры на кухню не ходили, им все приносили в барак. Бригадиру в котелок — 5-7 черпаков каши, а рядовому эку, как я, — один черпак, грамм 200.

В колонии: две бригады — лесоповал, две бригады — по вывозке леса, две бригады на погрузку и выгрузку леса на узкой колее железной дороги, одна бригада — на погрузку в вагоны леса в широкую колею. И две бригады — дорожные — они строили дороги в лесу для транспортировки леса. В лесу все работы были вручную (лучковая пила и лошадь), а вот уже последние года 4 в лес пришла и техника (бензопилы, электропилы, тракторы, тягачи с лафетом). Но жизнь эков от этой техники лучше не стала, Та же пайка хлеба. баланда, постная каша — 200 грамм. Так длился весь срок. Случаи побегов были, но они кончались трагически для эков. Их стреляли, и трупы привозили к проходной лагеря. Когда эков выводили на работу, надзиратель громко говорил: «Вот такая ждет участь, кто попытается бежать из лагеря».

Когда меня освободили, мне было запрещено жить в городах: Москва, Ленинград и в столицах союзных республик.

Я не оплакиваю свою судьбу и годы военных лет.

26 февраля 1956 г. трибуналом Московского военного округа был реабилитирован.

Моя семья: я, жена и двое взрослых детей — дочь и сын.

ОРЛОВ Дмитрий Владимирович (10 лет в ГУЛАГе). Родился я в сельской деревушке под названием Белогурово в 1921 г. Семья состояла из девяти человек: отец, Владимир Иванович, мать — Елизавета Матвеевна, три брата (включая меня) и 4 сестры.

Родители занимались сельским хозяйством. Отец кроме этого работал кузнецом. Во время общей коллективизации семья вступила в колхоз. Дети подросли и тоже стали работать в колхозе. Я к этому времени окончил

Себежский сельхозтехникум, работал в колхозах района в качестве специалиста.

В ноябре 1940 г. Себежским райвоенкоматом был призван на действительную военную службу и направлен в часть, в школу АИР (артиллерийская инструментальная разведка), которая находилась в Минске. Здесь получил военную специальность — солдат топографической службы и звание сержант.

В Минске служил до начала дней Великой Отечественной войны. Когда немцы стали подходить к Минску, школа была эвакуирована в Москву. Как сейчас помню, по улице Госпитальной была закрыта школа. Помещение пустовало. Вот в нем и разместили школу АИР из Минска и начали формировать разведывательный артиллерийский дивизион 709 ОРАД. В дивизион входили два топографических отделения — звукометрическое и вычислительное. Я был назначен командиром топографического отделения. В декабре 1941 г. дивизион был направлен на фронт под Харьков в действующую армию.

Там наши войска вели упорные бои и дальнобойной артиллерии требовались координаты для меткой стрельбы по оборонительным укреплениям немцев. Мое отделение вело топоразведку, что требовало большой точности, а отсюда и высокой дисциплинированности всех бойцов отделения.

Здесь хочу описать, как формировалось мое топографическое отделение. Людей брали из москвичей, которые пользовались бронью: рабочие военных заводов, из милиции. Так в мое отделение попало 3 милиционера, все со званием: один — капитан милиции, второй — старший лейтенант милиции, третий — лейтенант милиции. Им, конечно, не хотелось покидать свои пасиженные теплые местечки.

Эти бывшие милиционеры, да еще со званием, не желали подчиняться мне — сержанту, простому деревенскому парню. Но я, как командир отделения, требовал дисциплины от всех одинаково, без всяких поблажек. Естественно, они меня возненавидели и решили просто от меня избавиться. Тем более в их руках был козырь, т.к. они имели возможность действовать по принципу: был бы человек, а дело можно придумать. А их было трое: Кошкин, Леонов и Кривенков. Это грозная сила, чтобы утопить во лжи любого честного человека. Я только после понял, чего им нужно. С уверенностью могу сказать, что они трусы и не хотели воевать. Вместо того чтобы лучше выполнять свои обязанности в составе отделения, они думали, как бы отличиться перед особистами и залезть в особый отдел, в осиное гнездо, где уютней и безопасней, чтобы уверенно сохранить свою шкуру. И

они добились своего в результате всех их ложных доносов-выдумок в Особый отдел. На меня завели дело по ст.58 пп.1-2. Надеюсь, после этого их «подвига» они были немедленно зачислены в состав особого отдела.

Уполномоченный особого отдела НКВД взял меня прямо на работе: топографическая разведка — это работа, отвез меня в особый отдел, который находился при штабе фронта. Я тогда был еще только задержанный, и пока никакого обвинения мне не предъявлялось. Впереди должно было быть следствие. Но в коридоре особого отдела, поставив меня лицом к стенке, подошел пьяный начальник особого отдела НКВД и приставил к моему виску дуло автомата ППШ.

Я понял — суда справедливого мне не будет, а будет судилище. Потом меня отвели к следователю, который беспощадно начал придумывать и клеить в протоколы страшные, невиданные обвинения. Выслушивая их, я терял рассудок, сознание, падал в обморок на пол возле следователя, и, однажды падая, рассек об скамейку себе левую бровь. Я был весь в крови, и начальник особого отдела, проявив «гуманный» порыв, взял с меня расписку, что следователь меня не бил. Но я ему заявил: «Это хуже, чем бил, придумывать всякие обвинения и заставлять подписываться под его гнусной писаниной». Обвинения я не признавал. Но меня не били, чтобы я признал. Потому что им мои признания не требовались, так как они были уверены, что судьба моя решена.

В конце апреля 1942 г. в результате организованного судилища я был лишен свободы на 10 долгих лет с поражением прав, которых и так не было, на три года после отбытия наказания.

Дальше я в столыпинском вагоне был доставлен в Казанскую тюрьму и пустился в «путешествие» по ГУЛАГам Татарии, Северного Урала, Севураллага. Как-то ночью в одном из лагерей Татарии мне довелось наблюдать, как вывозят из лагеря умерших заключенных. (Здесь от нечеловеческих условий — голода, холода, издевательств — вывозилось за стены лагеря по 40 умерших заключенных в сутки). Два грузчика — один берет за голову, другой за ноги, бросают с грохотом умерших через борт грузовика. Так НКВД расправлялось со своим народом в ГУЛАГах.

В тундре, за Уралом, в поймах рек Товды и Сосьвы, люди, истощенные от голода и непосильной работы, умирали как мухи.

Мне было 20 лет, я был молод и легче переносил голод, чем другие. В течение длинных и долгих 10 лет заточения в нечеловеческих условиях я боролся за свою жизнь и не сломался, а вышел из этого ада человеком, каким был до репрессии.

Закончились мои скитания в 1952 г. Я снова вернулся в свою милую русскую деревушку Белогурово и здесь в возрасте 30 лет начал свою жизнь с нуля на пустом месте. Ни денег, ни жилья не было.

Семья моя до войны и после нее жила трудно. Нас выкормила мать. Отец только в 1942 г. был демобилизован с контузией. Разорвавшийся поблизости снаряд немцев лишил его слуха. С приходом немцев в наш район мой отец с женой и дочерьми ушли в лес. Оба брата в первые дни войны погибли, будучи мобилизованными в действующие войска. Лесная жизнь подорвала здоровье отца, и он умер от тифа в лесу в 1943 г. Во время карательной экспедиции немцев были убиты в лесу две сестры Елена и Ульяна, а также расстреляны из автоматов племянница Галина (дочь Елены) и три племянника Виктор, Женя и Владимир. Мать немцы убивать не стали, потому что она была стара. Ее взяли в плен и отвели в Себежскую тюрьму, где она находилась до прихода нашей армии. После возвращения из тюрьмы она снова обосновалась в своей родной деревушке Белогурово, где строений не было: все были сожжены немцами, и она жила с больной дочерью Натальей в бане.

Я вернулся на свою Родину, и мы встретились после долгой разлуки. Мать была слаба и больна.

Я собрал все свои силы и энергию, которые еще оставались, и стал усиленно трудиться. Это дало возможность построиться, обзавестись жильем и кое-каким хозяйством, создать семью, воспитать двоих сыновей.

В 1996 г. по моему ходатайству Генеральная прокуратура РФ установила мою невиновность, и я был реабилитирован. Радость была велика, но не с кем было ее разделить, так как моя жена не дожила до этого дня, она скончалась в марте 1996 г. Это еще одно горе, которое с трудом удалось пережить. Вслед за тем еще обрушилась на меня следующая беда — сгорел дом со всем имуществом. Я опять оказался под открытым небом и совсем сломался: не хотел больше жить.

Но я снова буду надеяться на лучшее и стремиться найти выход из создавшегося положения.

КОВАЛЕВА Софья Яковлевна (10 лет в ГУЛАГе). В августе 1941 г. с Московским ополчением, которое формировалось под городом Дорогобушем Смоленской области, я ушла на фронт под Ельню. Служила в 6-й дивизии им. Дзержинского 24-й армии в звании военфельдшера. Мечтала дойти со своей санротой до Берлина, но оказалась в Вяземском окружении, а затем и в плену, откуда удалось бежать.

Долго бродила по лесам, с такими, как я, а когда перешли линию фронта, то оказались в страшном лагере для бывших в окружении и в плену, в Гороховецком районе Владимирской области.

Я, как и все другие (нас там были тысячи), мечтали вернуться в свою часть. Но нас отправили на север, в город, которого еще не было — Воркуту. А спустя два года я расписалась в постановлении о том, что мне причитается 10 лет заключения за измену Родине.

Сейчас реабилитирована. Доживаю свои последние годы трудно. Как и всем, пенсии не хватает. Очень жаль детей, выброшенных за борт жизни. Не все умеют стать «новыми русскими».

НЕПОМНЯЩИЙ Николай Дмитриевич (10 лет пробыл в ГУЛАГе). Родился я 23 октября 1920 г. У родителей было 9 детей. После меня родилось еще 2 брата.

После революции с 1918 по 1930 год умерло 5 сестер в малолетстве. У отца было 3 брата. Он был самый младший, и по старому обычаю он остался жить в отцовском доме. Остальные три брата были отделены и жили со своими семьями, тоже большими, по 10–12 детей. Братья за период 1921–28 гг. хорошо обустроились и много разработали земли новой для посевов. Наш отец в 1928 году построил еще один дом. Мне было тогда 7 лет.

В 1929 году была коллективизация, создали коммуну, в которую вошла почти вся деревня. За исключением кулаков, у которых было большое хозяйство, которое все отобрали, и этих людей сослали в Нарымский край. Вначале коммуна зажила хорошо, потому, что было много скота. В деревне открыли три столовых. Мне было 9 лет. Все это хорошо помню.

Коммуна просуществовала 1 год, потому что все, что было собрано в кучу, израсходовали. Жили на большую ногу, а работали плохо. Хозяйство снова разделили: кому досталась корова, кому конь. После этого в 1931 г. начали организовывать артели. В нашей деревне создали две артели, крестьяне подбирались сами. Отец вошел в лучшую артель, где мужики были работающие. И наш отец был такой же, потому что он загробил 5 моих сестер трудом непосильным в НЭП, день и ночь, заставляя обрабатывать землю, корчевать березняк.

Артель зажила хорошо, народился хороший хлеб, работали день и ночь. От нашей семьи работники были — отец 60-ти лет, мать 52-х лет. Старшему брату Александру было — 14 лет, мне 10, другим братьям — 7 лет и — 5 лет. Нам со старшим братом учиться не пришлось, потому что надо было заработать кусок хлеба.

В 1932 г. урожай хлеба получился хороший, но все забрало государство. Артель осталась без хлеба, мололи овес на своих жерновах, стряпали картофельные лепешки, так и жили. Начался голод. В 1933 г. нашего отца признали кулаком. Правда, у нас уже ничего не было — была одна корова и теленок, дедушкин старый дом. Все у нас забрали. Как раз у нас умер самый младший братишка. Мы его похоронили, и нас, отца, маму и троих братьев повезли на высылку. Посадили в телячьи вагоны. Но, благодаря племяннику отца Непомнящему Михаилу, работавшему в райисполкоме, нас высадили из вагона и оставили в городе Забайкальск. Мы прожили там полтора года, и нас признали не кулаками, разрешили опять уехать в деревню.

В 1934 г. я поступил учиться в ФЗУ. Отец, мать и два брата опять пошли работать в колхоз. Все эти 1931-1936 гг. была в Забайкалье голодовка. Проучился я в фабрично-заводском училище на чугунолитейном заводе 5 месяцев и заболел брюшным тифом. Болел 6 месяцев и от учебы отстал. Уехал опять в деревню, начал работать в колхозе: сначала конюхом, потом на тракторе, так как я учился на слесаря и механику немного знал.

В 1936 г. старшего брата взяли в армию. Мы продолжали работать в колхозе. В 1937 г., прыгнув с коня, я ушиб ногу. Врачей в это время у нас в деревне не было — только медсестра. Сказала ушиб пройдет, надо покой. Пролежал с больной ногой 3 дня. Днем к нам зашли 2 милиционера с наганями, с саблями и говорят: «Вы должны пойти в сельсовет». Я говорю, что я не могу идти, сильная боль. Они меня подхватили под руки и поволокли. Я кричу, боль, слезы. В сельсовете человек в красных погонах из НКВД сказал: «Вы арестованы». Я спросил: «За что?». Он ответил: «Поедем в город, там разберемся. Ведите его в машину». Увели меня, забросили в кузов машины, там уже сидело трое арестованных. Когда забрасывали меня в кузов, я кричал, плакал, кругом был народ. Старушки кричали: «За что его-то, он ведь еще подросток». Один мужчина, Турушев Егор Васильевич, который жил в ограде сельсовета, принес мне охапку сена под ногу. Так его тоже арестовали и привезли в Петровск в КПЗ. Он тоже отсидел 10 лет на Колыме. В 1947 г. освободился, приехал домой, ему дали побыть с семьей 24 часа и выселили за пределы Иркутской области. В КПЗ я пробыл несколько дней. Были допросы: трое суток простоял на костылях, без еды и воды.

Следователь Сергеев, я его знал по Петровску, когда учился в ФЗУ, настаивал дать показания, что я являюсь членом контрреволюционной группы, сказать, кто в ней состоит и кто руководит. Как я понял, он мне сочувствовал и не трогал, не бил, а забегали из НКВД, били по бокам и по

голове. Я даже падал, но они меня опять поднимали и ставили на костыли. Не знаю, подписал я протокол допроса или нет, потому, что меня мокрого принесли в камеру на носилках. Так мне сказали в камере мужики, отваживаясь со мной.

Через несколько дней меня и несколько человек отправили в Читинскую тюрьму. Я был на костылях. По дороге из камеры на станцию один старик упал. Он не мог идти, весь изуродованный на допросах. Ему было 70 с лишним лет. Колонну не остановили, но был слышен выстрел. Его, видимо, пристрелили прямо на дороге. Конвой был военный.

Арестовали меня 28 августа 1937 г., а в Читинскую тюрьму привезли в конце сентября. Нас было человек 20–25. Вокруг здания были боксы в стенах 80×80 см. В эти боксы нас заталкивали по 4 человека вплотную, где нельзя было ни сесть, ни повернуться. Из этих боксов нас выводили по одному, раздевали догола, прощупывали всю одежду и уводили в разные камеры. В камерах было все забито: трехъярусные нары, на них сидели вплотную, и посередине камеры стояли. Сесть можно было только на нарах и на парашу по очереди. Спали ночью валетом на нарах, под ними на цементном полу.

В Читинской тюрьме я пробыл 5 месяцев. Питание было: 400 гр. хлеба один раз, баланда, две кружки воды. За это время меня вызвали один раз в какой-то кабинет и сказали, что мое дело закончено, ждите решения суда. Людей водили из камеры фотографировать с 3-х сторон, и меня тоже фотографировали с трех сторон.

В камере знали, что кого водили фотографировать, тех ночью часа в 2–3 часа уводили на расстрел. И все удивлялись, почему меня сфотографировали, а ночью не увели. Я-то тогда в этом ничего не понимал и не разбирался, деревенский пацан, считал, что это какая-то ошибка и меня вот-вот выгонят из тюрьмы.

Грамотные мужчины тоже были, так в камере был командир партизанского отряда Громов Николай. Я не забуду его до самой смерти. Когда его выводили на расстрел, он схватил меня на руки, плакал и кричал: «Колька, ты должен остаться жив. Мы завоевали Советскую власть, а ты за что, пацан, за что здесь? Будешь жив, скажи моим детям, что мы погибли ни за что, ни в чем не виноваты». Мой отец был в его отряде. Я освободился, но его семьи не нашел, ее выслали в Казахстан.

За это время, 5 месяцев, я побывал в нескольких камерах. Даже 1 месяц сидел в тюремной церкви, где было 5 ярусов нар. Не скажу, сколько там было людей, но приносили три двадцативедерные бочки баланды. Носили

их тоже заключенные, только другие, бытовых статей. Эти же люди выносили из камер параша с нашими отходами.

За эти 5 месяцев, несмотря на то, что я деревенский сопляк, многое навидался и наслышался, стал много думать. В один из ноябрьских или декабрьских дней принесли мне в камеру постановление особой тройки НКВД и зачитали, что Непомнящий осужден сроком на 10 лет концлагерей. Да многим приносили каждый день постановление, но кого молчком выводили, вызывали ночью с вещами, то в камере знали, что в последний путь. Прощались.

Опишу один трагический случай. Тех, кого вызывали с вещами из камер на расстрел, их собирали сначала в одну камеру, потом из камеры смерти выводили ночью в подвалы и там расстреливали. Эта камера смерти находилась в нашем корпусе, и вот однажды, как потом было известно, собрали в камеру смертников 47 человек. Эти люди уже знали, что собраны на расстрел. В то время отопление камер было печами, да их и не топили: людей было набито битком, и так было дышать не чем. И вот эти смертники разобрали внутри печь наполовину и заложили кирпичом входную дверь в камеру. Когда ночью пришли за ними выводить на расстрел, то попасть в камеру не смогли. Тогда вызвали пожарные машины и через окна начали заливать водой. Они начали разбирать кирпич от двери, а их расстреливали прямо в камере. Когда нас стали утром выгонять в коридор на поверку, то в коридоре было воды 20 см с кровью. Это видел я сам лично.

В феврале месяце 1938 г. меня и еще 10 человек из нашей деревни, чуть живых, отправили этапом в Красноярские лагеря. Шесть человек расстреляли. Всего в 1937 г. из деревни было арестовано 16 человек, из них в живых остался один я.

В Красноярские лагеря из тюрьмы на станцию возили на машинах, грузили в телячьи вагоны. Пешком от тюрьмы до станции уже шагать не могли, были истощены. В Красноярск нас везли голодными. Давали 400 гр. хлеба и в одно ведро воды в вагон в сутки. Привезли нас на станцию Решеты в глубь тайги, снег был 1,5 метра. Высадили из вагонов прямо в лесу. Обтянули вокруг проволокой, по проволоке пустили собак, и вокруг охрана. Выбросили палатки и чугунные печи. Вот сами заключенные, которые смогли разгрести снег, ставили палатки и чугунные печи. Которые слабые — замерзали, умирали, особенно пожилые в 70–75 лет.

Не знаю сколько нас было, но, наверное, человек 500. И все-таки за сутки-двое устроились. Баланду варили в больших чугунных чанах на огне на жердях. Начальником колонии был военный по фамилии Сологуб. Человек был сочувствующий, видимо, знал, что люди страдают ни за

что. Заключенных называл товарищами. Все его уважали и работали до потери сил. В марте месяце построили щитовую баню и столовую, в дальнейшем жилые бараки, медпункт. Среди заключенных были все профессии. Врачи людей поддерживали, но весной началась цинга. Стали заготавливать черемшу.

Люди работали, а начальник обеспечивал кормежкой, работали, можно сказать, день и ночь, но под охраной.

Грузили лес на вагоны, а другие заготавливали и подтаскивали к железной дороге. В последствии нашего начальника не стало. Слух пошел, что его тоже арестовали как врага народа, потому что он создавал хорошие условия заключенным. Я сильно болел цингой, но выжил за счет добрых людей. Один человек по фамилии Морозов, отбывал в лагере Бугочаге срок. Недалеко от Читы его арестовали из лагеря. Сделали врагом народа, и осудила тройка НКВД на 10 лет. Он собрал всех слабосильных, и эти слабосильные ходили заготавливать черемшу. Он держал меня около себя как сына родного, вот и выходил. И пошел на перегрузку леса на вагоны и я. Жизнь, условия в этом лагере ухудшались, потому что новый начальник из НКВД урезал питание, работать заставлял много и над людьми издевался, даже заставлял охрану нас избивать.

В этой колонне Красноярских лагерей я пробыл до ноября 1938 г., а затем нас набрали со всех колонн 3 тысячи и отправили этапом на восток в Бирский лагерь. Вот и повезли меня по лагерям смерти, всех своих землячков из деревни я потерял. Их оказывается 6 человек увезли из Красноярских лагерей на Колыму. 5 умерли в Красноярских лагерях, 5 человек расстреляли.

Сам себе не верю, как выжил, ведь прошел 6 лагерей непосильного труда (лагеря Красноярские, Бирские, Буринские, Комсомольские, Астраханские и Бакинские Гуаса НКВД — отсюда и освобожден 28 августа 1947 г.). Родители мои и младший брат после моего ареста в сентябре месяце 1937 г. были высланы в Тулун. Брат старший был в это время в армии с 1936 по 1939 год, участвовал в войне на Халхин-Гол и с Финляндией. Прибыв с финской войны домой, через знакомого однополчанина, который раньше пришел из армии и пошел работать в НКВД, брат узнал, где родители, и в 1940 г. вывез их из Тулуна в Новопавловку. Отец в 1941 г. трагически погиб в шахте. Братьев, старшего с 1914 г., и младшего с 1923 г., в конце 1942 г. отправили на фронт. Старший брат умер в 1982 г. от ран. Младший брат погиб под Сталинградом 4 августа 1942 г. в первом бою. Мама, рождения 1878 г., умерла в 1966 г.

Дальше писать о своей жизни на свободе, прожитых 50 лет после лагерей, надо много сил и терпения. Мне кажется, что эти годы я прожил еще труднее, потому, что я стал понимать жизнь.

Вырастил и выучил, дал образование детям: 3 сына и одна дочь.

Был еще в 1953 г. три месяца опять в Читинской тюрьме — повторником. Умер Сталин, меня освободили. А чтобы воспитать детей очень много трудился.

МАМЦЕВА Татьяна Фроловна (5 лет в ГУЛАГе). Мне 79 лет. В 1936 г. окончила Сталинградский фармтехникум. Как сирота училась и работала в аптеке. По окончании отправили в Астраханскую область в пос. Володаровка, где я проработала в аптеке 4 месяца. Перевели в пос. Петропавловку на Волге, где приняла маленькую аптеку, нас было трое. В 1939 перевели в Астрахань. Назначили заведующей аптекой, нас было чуть больше — 7 человек.

В 1940 г. Москва с моего согласия направила меня на Дальний Восток в Уссурийскую область в город Ворошилов-областной. Меня назначили помощником заведующей аптеки №30. Через месяц назначили фарминспектором Межрайонной конторы Облаптекоуправления. В нашем подчинении было 30 аптек по области.

Управляющая Аптекоуправлением уезжала на курсовые мероприятия с последующим отпуском. Я, как ее помощник, осталась одна, мне было 22 г. В 1940 г. на Дальнем Востоке очень припахивало войной. Из районов звонили, что закрывают аптеки — всех фармацевтов взяли на военную переподготовку. Я ежедневно звонила в военкомат, упрашивала оставить хотя бы одного фармацевта в аптеке. И так четыре месяца. По приезду управляющей я приняла 30-ю аптеку. Началась война. Из аптеки №30 в первые дни мобилизовали 19 фармацевтов, не имеющих детей до 3 лет, в том числе и меня, будучи беременной.

Через 3 месяца меня из армии уволили, так как я попала в роддом. Родила недоношенного ребенка, через полтора месяца он умер. Я приняла аптеку при областной базе, где проработала до 1947 г. В 1947 г. перебралась во Владивосток, меня назначили старшим фарминспектором Крайаптекоуправления.

В 1950 г., ночью 3 человека из КГБ, к слову, один бывший управляющий аптекоуправления г.Уссурийска, предъявили ордер на обыск и арест и увезли в подвал КГБ. Утром предъявили обвинение — контрреволюция. Я возмущилась, спрашиваю: «Вы сами читали эту бумагу, которую предъявили

мне?». На второй день предъявили обвинение — антисоветские высказывания среди своего окружения ст.58 п.10. Через пять дней перевели в тюрьму в одиночную камеру. Начались допросы. Следователь был очень молодой, активный, как необъезженная лошадь. Обвинение: «Вы порочили советскую продукцию и восхваляли зарубежную. Вы говорили, что у нас есть беспризорники». Действительно, как-то в разговоре я рассказала, как на лечебном факультете был мальчик — беспризорник, на нем был бушлат, как у смазчика колес на железной дороге. Учился он отлично и в середине учебного года перешел в пединститут без всяких экзаменов. «Вы говорили, что у нас нет демократии» и т. д. Следователь записи допроса обобщал, делал свои выводы. Я не подписывала. Он меня оскорблял, унижал, шантажировал братом. Мой старший брат под Калачом был взят в плен, после был вывезен на Колыму, где пробыл 10 лет. У брата четверо детей. Следователь же всякий раз напоминал мне, что если я не подпишу, то брат не вернется с Колымы. Не увидит свою семью, детей. Я все подписала. Я не думала, что это повлияет на мою судьбу, на приговор суда.

Сидела я в общей камере. Часто плакала еще до суда, и как-то дежурный надзиратель посмотрел в «волчок» и сказал: «Нужно было чаще думать, что можно говорить, а что нельзя. Дадут 8 лет — поумнеешь». Мне дали 8 лет с последующим поражением в правах на 5 лет. Суд был закрытый. После суда я спросила следователя: «За что мне дали 8 лет?» Он ответил: «Отсидите два года, а там разберутся». Не умри Сталин, никто и не разбирался бы.

Первый лагерь был в Амурской области, сельхозработы. Нас было всего 250 человек всех возрастов и категорий, в том числе и рецидивисты. Было относительно спокойно. На два часа в обед приходили в зону, и нам показывали кино. В воскресенье выходной. Зимой плели маты и кайлили помойки. Летом в поле. В выходной хотелось одеться по-домашнему, по-праздничному, а утром моих выходных вещей не оказалось. Я заявила дежурному. Вещи нашли в чемоданчике медсестры. Таким путем моя судьба изменилась. Медсестру на общие работы, меня в санчасть медсестрой. Я не помню, кто меня учил делать уколы и внутривенно, но делала я это классически. Врач медицинской службы, очень добрая, хорошо ко мне относилась. Но ругали за то, что я делала уколы обслуге, особенно военным. «Что случится, вам не простят».

Перед смертью Сталина, 58-ю вывезли в Среднебельские лагеря. Там лагеря были через каждые 5–10 км. Много было латышей, эстонцев, а вообще было много немцев, румын. Они очень скоро научились говорить по-русски. Опять сельхозлагерь. Спустя полгода попала на этап в 10 км и снова оказалась в сельхозлагере. Лагерь был пустой, была мужская зона

эстонцев. Оставлена она была в ужасном состоянии. Все бочки пожарные около барачных были с фекальной массой. Еще мы не вошли в зону, меня вызвали и сказали: «Приводите санчасть в порядок. Завтра будьте на разводе».

Дали мне дневальную, и всю ночь мы мыли и скоблили, а утром стали поступать заболевшие. Спустя неделю вспыхнула дизентерия. Первые были латышки (они народ нежный). В зоне была хлорная известь. В первую очередь были вывезены и очищены бочки, а затем залиты свежей водой с известью. При санчасти сделали маленький туалет, и все засыпалось хлорной известью. В первый раз видела, что такое дизентерия. Это страшно. Бесконечные позывы, стул — творожная масса, слизь и кровь. Врача нет, литературы нет. Я и сама сейчас удивляюсь, каким образом я по интуиции организовала лечение дизентерии. Два раза в день делала больным клизмы с марганцовкой. В питьевую воду тоже добавляла марганцовки. В наличии был сульфидин. Три раза в день давали сульфидин и неизменная овсяная каша без жиров. 69 человек прошли через стационар, 6 человек дважды. Все они остались бациллоносителями, но это никого не интересовало. Главное — погасили вспышку дизентерии. Лагерь был успокоен. Много было рецидива, но они были больные. На работу их не выпускали.

Ходила я всегда без надзирателя, как правило, медиков они не трогают. Наверно, через год попала на этап. Самое страшное в лагере — это этап. Он непредсказуем. Тебя могут всю обчистить, поиздеваться и надругаться. Отбирали на этап молодых, работоспособных. Везли нас в Сибирь, в Красноярский край на щипку слюды. В дороге кто-то заболел, организовали санитарный вагон, в котором скот перевозили. В теплушку, в которой скот перевозили, вызвали меня с вещами, вручили санитарную сумку — и в санвагон. Было холодно, голодно и неуютно, но спокойно.

В оставленном вагоне устроили дебош и побоище.

Дальше никаких происшествий не было. Центральная зона встретила нас хлебом. На деревянных подносах была гора хлеба, чему мы были очень удивлены. Оказывается, на щипке слюды положено 800 гр. хлеба и молоко. Молока мы никогда не видели, но хлеба...

Рабочий день 9 часов в две смены. Пыль от щипки слюды забивала наши носы и легкие, и есть совсем не хотелось. Хлебозавод на территории — можешь пойти, и тебе дадут буханку. Мы же его съедали не больше 400 гр.

Нам объявили, что кто хорошо будет работать — представят на досрочное освобождение. Я не была ловкой в щипке слюды. Норму могла выполнить только за счет удлиненного рабочего дня. Такая возможность

была, но это тяжело. Нам платили 10 рублей в месяц на курево. Я их платила, и мне помогали перевыполнить норму. Таким образом, я попала в передовики и была на слете передовиков.

Это не помешало мне попасть на этап. До развода пришел дежурный и объявил: «С вещами на этап». Выстроились колонной вдоль лагеря. Начальник производственного отдела, проходя мимо, увидел меня, а, может, и еще кого. «А ты как сюда попала? Выйди из колонны». Таким образом, я избежала этапа. Вскоре меня перевели в зону, где работали только вольнонаемные и нас двое заключенных. В мои обязанности входило упаковать стандартный ящик слюды и забить его, замотать проволокой, промаркировать, заштабелевать по 10 ящичков. Работа была очень тяжелая, уставала страшно, но рабочий день 8 часов и только утром. Платили нам 20 рублей. Я уже не помню, сколько я работала на упаковке. Перевели меня в стационар подменной медсестрой. Персонал был большой: 5 медсестер вольнонаемных и одна заключенная подменная. Приходилось работать по три смены, не выходя из палат.

Каждая из сестер просила меня подменить. Пока врач не сказала, что слишком часто попадаюсь ей на глаза, и категорически запретила мне дежурить не в свою смену. В мои обязанности входило утром снимать пробу на кухне и быть на разводе. В стационаре работала 6 месяцев и была досрочно освобождена. Направление взяла на Колыму к брату. Заехала во Владивосток забрать документы и что-либо из вещей, если они сохранились. Доехала до станции Узловой-Угольная. Зашла в аптеку и позвонила управляющему. Отвечает: «Приезжайте, мы давно вас ждем». Приехала. Пусть земля будет ему пухом, вышел из-за стола, расцеловал. Сказал, что слава Богу, Серафим Аверьянович уже дома. Это был начальник планового отдела, посадили его на 4 месяца позже меня. Срок отбывал он в Приморском крае.

Как выяснилось, доносы писала на нас заведующая кадрами. Когда он освободился, позвонил в аптекоуправление, попросил чтобы его дочь, которая работала в нашей системе, привезла вещи. Зав. кадрами когда узнала, что Серафим Аверьянович освободился, видимо так перепугалась, что на второй день попала под машину и осталась на костылях до конца дней своих. А жила она в здании аптекоуправления.

После освобождения работала я в аптекоуправлении. Сейчас реабилитирована.

ИВАНОВ Прокопий Харлампиевич (17 лет в ГУЛАГе). Я родился в 1924 г. в Эстонии в Изборске. Учился в городе Печоры в гимназии. Мой папа — белоэмигрант, в прошлом военный. Служил при императоре в лейб-гвардии первом стрелковом Его Величества полку.

Во время борьбы с большевиками сначала служил у Балаховича, позднее у генерала Юденича.

Когда пришли в 1940 г. в Эстонию большевики, отец знал, что будет арестован и готовился к этому.

В 1941 г. я был исключен из гимназии, как сын белогвардейца, а 14 июня 1941 г. наша семья была арестована и посажена в тюрьму при Изборской милиции. Имущество все было конфисковано, с собой разрешили взять то, что было на нас. Мой папа был посажен отдельно и в 1942 г. 31 мая расстрелян в г. Свердловске. Я и мама были этапированы в Томскую область, в поселок Красный Яр, где были направлены на лесоповал.

9 апреля 1942 г. за распространение антикоммунистических и антисталинских листовок, я и мои товарищи Голубев Боря, Айвазов Лев, Зарубаев Володя были арестованы.

14 октября 1942 г. нам объявили, что я приговариваюсь к аресту, а остальные к 10 годам лагерей. Я сидел в городе Колпашеве. Выведен из камеры смертников 26 марта 1943 г. За это время я заболел. Паек — 400 гр. хлеба, перемешанного с картошкой и в обед баланда.

Попал я в Кривошековские лагеря под Новосибирском на 3-й лагпункт, где были в основном такие доходяги, как я.

Позже я был направлен на работу на завод №179, где выпускались боеприпасы. На первом лагпункте я был определен в 120-ю бригаду, где были собраны такие доходяги, как я и блатные. Пайку часто отнимали. В этом же лагере были женщины и малолетки. Последние воровали все. Спали в бараках на полу, позже были сделаны нары. В результате я попал в больницу, так как работать был не в состоянии. В конце 1943 г. меня из стационара выписали и направили на работу на завод, но уже в 117-ю бригаду. Бригада состояла из 58-й статьи. Женщины и мужчины были вместе. Бригадир назначил меня на разливку металла, где я проработал до 3 ареста. В марте 1945 г. меня в лагере арестовали. Судили в июле 1945 г. за антисоветскую пропаганду и вредительство во время моей работы в литейном цехе. По чекистской логике я, как сын белогвардейца, не мог, работая на военном заводе, не вредить, то есть специально выпускать бракованные мины и бомбы. А мы, все кто работал на заводе, думали, что нас досрочно освободят после победы в войне с Германией. Осудили к расстрелу вторично. 28 августа расстрел заменили 20 г. кагоржных работ.

Каторжанином я попал в Воркуту, где работал в шахте. Освобожден был 19 февраля 1958 г. Я не описываю, какими методами велось следствие, но такие фамилии чекистов, как Авдотченко, Дегтярев — по первому делу, Ракита и Эдельман — по второму делу, я никогда не забуду.

По всем судимостям я реабилитирован. Но кто мне вернет те 17 лет, которые я провел в ссылках, тюрьмах и лагерях. Моя мама умерла в Сибири, так и не увидев родных краев.

Священник МИХАИЛ ТРУХАНОВ

Пересылка в Кирове. Прибыли в Киров. Камера пересыльной тюрьмы, в которую нас поместили, примерно шесть на восемь метров. Справа и слева от входа — двухэтажные нары, а в противоположной двери стене — маленькое зарешеченное оконце под самым потолком. В камере, конечно, никакой мебели — ни стола, ни скамеек — только параша у двери. Вот в такой камере находилось сто десять заключенных, большинству из которых предстояло этапирование в Воркуту.

Блатняки, а их было четверо, занимали самые лучшие места: вольготно лежали на полу под оконцем. И, поразительно, никто из заключенных («из мужиков») даже не пытался просить их потесниться. Их особое, привилегированное положение среди эсков негласно признавалось всеми. «Мужики» зачастую подымали ссору между собой (словесную перебранку), когда один пытался потеснить другого, чтобы выкроить побольше кусок пола.

Нас троих, прибывших в вагонзаке из Унжлага, встретил сам пахан (главарь). Он распорядился: высокого роста Василия (геолога по профессии, кандидата наук) — под нары около параша, меня — на левые верхние нары в самый угол, а «своего» Юрика пристроил лежать в компании под оконцем.

Днем из-за тяжело переносимой жары располагавшиеся на верхних нарах спускались вниз и заполняли и без того уже заполненное полуголыми сидельцами пространство цементного пола.

Мало кто из находившихся в камере был в рубалке. Большинство лишь в армейских штанах или кальсонах. Все обливались потом. Голые торса эсков были в кровавых пятнах от раздавленных клопов. Тысячи этих насекомых обитали в деревянных нарах, постоянно кочуя по потолку и сваливаясь оттуда на потные обнаженные тела стоявших и сидевших на полу.

Когда кто-то из-за скученности задыхался и терял сознание, окружавшие подходили к двери камеры и стучали в нее. На стук надзиратель открывал

кормушку и, узнав в чем дело, отпирал дверь. Находившегося в бессознательном состоянии выволакивали в коридор и оставляли лежать прямо на полу, где его продувало ветерком 20-30 минут, после возвращения сознания надзиратель вталкивал человека в камеру. В жаркую погоду за день бывало человек пять вынесут «на продувку». Выносившим сокамерники советовали действовать помедленнее, чтобы через отворенную дверь побольше поступало свежего воздуха.

После вечерней поверки и отбоя в камере все начинало затихать. Изнуренные дневной жарой зэки искали возможность приткнуться куда-нибудь и заснуть: одни карабкались на верхние нары, другие глубже под нары залезали, а те, кто был на полу, усаживались так, чтобы только уснуть...

В наступающей тишине раздавался голос старшего из «уроков»: «Мужики, давай роман!» И кто-то начинал «давать». Обычно пересказывали что-нибудь из прежде читанного, реже импровизировали. При этом, одни охотно слушали, другие скорее засыпали. Так бывало каждый вечер...

СЕМЕНОВА Галина Александровна. О моих родителях.

Мне очень трудно писать о своих родителях, особенно о маме. Для этого нужно как-то отстраниться от нее, а я это сделать никак не могу, хотя после ее смерти прошло уже около пяти лет. Последние годы она была такой старенькой, беззащитной, слабой, тихой и послушной. Жила со мной и, как казалось, через силу. Особенно после того, как она написала свои воспоминания о лагерной жизни. Это сделала она на подъеме, а потом из нее будто бы вышел весь воздух, и она стала затухать.

Кто же мои родители? Отца я помню смутно: 15 марта 1937 г., когда его арестовали, мне не было еще и пяти лет, а сестренка была грудным ребенком — родилась в октябре 1936 г.

Отец — немец Балк-Фельдбау Эдуард Отто Рудольфович — в 1916 г. семнадцатилетним юношей вступил в коммунистическую партию Австрии, а в 1918 г. в составе интернациональной бригады приехал в Россию помогать делать революцию. Он прошел всю Гражданскую войну, был ранен и контужен. Как и все революционеры, бредил мировой революцией, был связан с Коминтерном. В наших убогих двух комнатках в Козицком переулке бывали немецкие и австрийские коммунисты, собиралось до 20 человек и пили кофе (бывали дочери Вильгельма Пика и другие известные люди). Отец дружил с писателем Бруно Ясенским, тоже пропавшим в ГУЛАГе.

Нас с сестрой назвали в честь революционерок — Луизы Мишель и Долорес Ибаррури. По рассказам мамы отец был очень хорошим семьянином, заботливым, любящим детей. И очень общительным человеком, у него было несметное число знакомых и друзей. Работал он в Госбанке, а затем в Управлении курортами в должности экономиста. Выполнял партийную работу, и очень скоро понял, что происходящее в стране с идеалами социализма ничего общего не имеет. Он возненавидел Сталина и не скрывал этого. Травить и преследовать его начали задолго до ареста. Исключили из партии, и он уже понимал, что его ждет, и обсуждал это с мамой. Мечтал уехать и увезти свою семью в Германию, но там уже расцвел фашизм. Да и мог ли он вырваться из лап сталинского режима? Что переживал человек в его положении, страшно представить. И еще страшнее то, что перенес он за 4,5 месяца, которые провел в подвалах Лубянки. 1 августа 1937 г. его приговорили к расстрелу, и в тот же день приговор был приведен в исполнение.

Было ему 38 лет, он был веселым, умным, здоровым, играл в футбол и плавал как дельфин (пограничные катера подбирали в море). Знаю, что он переписывался со своей матерью по-немецки — она жила где-то в Австрии. Мы ее никогда не видели. Наша мама запрашивала органы (в 80-х годах), в чем обвиняли отца. Нам позвонил какой-то чин из КГБ и сообщил: в обвинении сказано, что ваш отец — английский шпион. А он был связан с немецкими коммунистами и владел немецким (говорил с мягким венским выговором) лучше, чем русским. Но этим, в НКВД, было все равно, что немецкий, что английский.

И вот только три года назад мы узнали, что после расстрела отца кремировали, а прах ссыпали в могилу №1 на Донском кладбище. В книге памяти есть даже его фотография. Сделала она была в ночь ареста на Лубянке (ведь НКВД действовали только ночами). На ней отец не брит, с взлохмаченными волосами и затравленным взглядом. Мы с сестрой плакали, увидев это фото.

Мама — Семенова Галина Александровна (для меня она была мамастик, так и подписывалась она в письмах ко мне — mamastik) — была умницей, красавицей, с русской косой до колен и ярко-синими глазами, талантливой и сильной духом. Каждый человек пристрастен к своим родителям, потому что произошел от них, привязан к ним незримыми нитями, обнаруживает в себе их черты, манеры, привычки, пристрастия. И я не внешне, но очень во многом похожа на маму.

Она родилась 31 октября 1904 г. в городе Калязине Тверской губернии в богатой семье. Дед — Семенов Александр Иванович — старший сын в

купеческой семье, владел заводом, вырабатывавшим крахмал, и большими площадями лесов. Бабушка — Семенова Елена Петровна была из старинного дворянского, но обедневшего рода Благово. Она окончила Институт благородных девиц, танцевала в первой паре в Дворянском собрании и имела, как говорится, хорошие манеры. Ох, какой же блестящей они были парой — дед и бабушка (сохранились фотографии). Таких породистых лиц сейчас и не увидишь. У бабушки был чудный голос — меццо-сопрано. После революции она давала сольные концерты. У нас сохранилась афиша: «Концерт Е.П. Семеновой с участием Обуховой». Я помню ее голос, она напевала и дома.

Мама была третьим и последним ребенком в семье, и ждало ее прекрасное будущее. Детей отдали в известную Алферовскую гимназию в Москве. Зимой семья жила в 6-комнатной квартире на Плющихе. Мама очень успешно училась еще и музыке у известного музыканта Гёдике. В гимназии она перешагнула через два класса и училась вместе с сестрой, которая была старше ее на два года, Среднее образование мама получила в 15 лет. Ну, а тут, как говорили старые люди, «случилась революция» и все пошло кувырком. Отобрали завод, леса, дом, деньги, а рояль унесли в какую-то контору. Где ютилась семья? Кажется в деревне у родни своей кухарки. Сама кухарка прятала бабушкины драгоценности, простите, в штанах. Деда арестовали, но через полгода друзья вытащили его. Работу после этого найти он не смог. Мама все еще играла (ходила в контору), музыка неслась в открытые окна, люди останавливались, слушали и говорили: это играет Галя — дочь Александра Ивановича. В 16 лет она поступила в Менделеевский химико-технологический институт. На курсе в сто человек было только две девочки. Математик говорил: «Все вы Семеновой в подметки не годитесь!»

В 21 год она получила диплом химика-технолога. Было это в 1925 г., а через два или три года она привела в дом мужа-революционера. Ну как могли встретить его родители? Пришлось молодым снимать комнатенку, и несколько лет они совсем не общались с родителями, братом и сестрой. Потом получили две комнатки в 3-комнатной квартирке в Козицком переулке (это было перестроенное из гаражей жильё). Жили счастливо, зарабатывали оба хорошо, по 1500 рублей (в 30-е годы это были большие деньги), когда я родилась, из Германии прислали полное детское приданое, маме помогала нанятая отцом медицинская сестра. Правда, по причине работы на химическом заводе, у мамы начались нелады со здоровьем, а меня в детстве одолевал диатез. Отец настоял, и мама перешла на работу в

проектно-конструкторское бюро. К 1937 г. она уже заведовала этим бюро, став инженером широкого профиля.

И грянула беда! Папу взяли. Мама кормила грудью сестру и ходила, ходила на Лубянку, носила передачи, хотя отца уже не было в живых. И доходилась — в ноябре арестовали и ее. Я это помню. В комнате появились дядьки в кожаном. Я, наверное, ревела, а она меня успокаивала, говорила, что скоро вернется. Наутро за нами пришла машина, забирать в детский приемник. Не отдала нас наша домработница Матрена. Она сообщила бабушке о случившемся, та примчалась и осталась с нами. Ей помогала наша тетя Нина. Вот они, запуганные насмерть женщины, и тянули двух недокормышей до самой войны. В войну нас — детей — эвакуировали, в конце войны — отдали в детский дом, иначе мы, наверное, погибли бы.

Маму по этапу отправили в Казахстан в АЛЖИР (Акмолинский лагерь жен изменников Родины). Сначала она была на общих работах — месила саман, чуть не погибла. У женщин от поднятия тяжестей выпадали матки и висели синими мешками между ног. Мама попала на операцию с грыжей. Хирург — женщина, тоже из заключенных. А потом лагерное начальство решило устроить два завода — сыроваренный и еще какой-то. Понадобился проект. Маму назначили главным инженером проекта, а затем и стройки. У нее — единственный на весь комплекс лагерей был пропуск на волю, она ездила в командировки. Правда, ее всегда сопровождал вечно пьяный охранник. Сколько же она делала добра для людей и как рисковала: проносила письма на волю, проносила еду (однажды под телогрейкой пронесла в лагерь целый круг сыра). В Казахстане страшные зимы, бывают метели с температурой около 40 градусов мороза. В такую погоду мама возвращалась из командировки (к сроку не вернешься — значит сбежала), ехали на сани, запряженных лошадкой, сбились с пути и проплутали около 12 часов. И хотя она была завернута в меховую полость, замерзла так, что ее пришлось отогреть, обкладывая горячими кирпичами. Еле выжила. Болела. Лагерное начальство ценило маму и поддержало ходатайство о ее досрочном освобождении. И вот в 1944 г., через шесть, а не восемь лет ее освободили. Это был единственный случай освобождения без какого-либо вмешательства влиятельных лиц. Еще год она проработала в Караганде, копила деньги на дорогу и на всякий случай. Жила она у сосланных туда Феррейнов (семья брата известного фармацевта).

В 1945 г. мама вернулась в Москву, в те же убогие две комнатухи, где жили бабушка, тетя, сестренка. Дед умер в 1942 г. от голода. Я была в детдоме № 64 на Крымской площади. Иногда удирала домой. Помню первую встречу с мамой — мне уже 12 лет, учусь в пятом классе. Мама...

постаревшая, но все еще красивая. Господи, какое же счастье, я узнала ее... слезы. А в детском доме нужно было молчать, взять меня оттуда не могли. Мама жила в Москве нелегально — их не пускали ближе, чем на 100 км. Но были люди, помогавшие таким, как она. Академик, химик Родионов помог ей купить чистый паспорт, прописал на своей даче под Москвой, и мама устроилась на работу в проектный институт старшим инженером, а жила в Козицком, где сосед — бывший офицер и пьяница — постоянно доносил на нас. Поэтому были частые ночные проверки документов, и ей приходилось частенько ночевать у подруг. Меня мама смогла взять домой только в 1948 году. Жили мы в одной комнатке вчетвером, а другую сдавали — денег не было. Я спала на столе, раздвигая его на ночь.

Папу и маму в 1956 г. реабилитировали. Маме дали комнату. В 1957 г. она вышла замуж за бывшего ЗК (он был в плену, а потом в ГУЛАГе). Прожила она с ним почти 30 лет, а последние 4 г. со мной (отчим умер). Чуть ли не до 70 лет работала мама в реферативном журнале, писала сложнейшие рефераты (химические процессы и аппараты) с трех языков — английского, французского и немецкого. И, кроме этого, давала уроки музыки детям. Бабушка после войны говорила: «Лучше бы вы умерли, ну разве это жизнь!». Мы ее не понимали, другой жизни просто не знали. Дожила она до 1973 г., была ровесницей Сталина, а мама ушла из жизни в 1993 г. в возрасте 89 лет.

КИТАЕВА Луиза Александровна. Встреча с отцом через 60 лет.

Ни в детстве, ни в юности я не задумывалась, почему умер отец, Прокопий Н. Волков. Об этом никогда не говорили, и я даже не знала его отчества. Однако, позже мне стало известно, что отец расстрелян, но за что — не знала. После долгих хлопот я добилась, чтобы дело «Черных» (так называлась разработка в ГПУ) было пересмотрено, и в 1990 г. 23 января отец был реабилитирован.

Позже было разрешено знакомиться с делами реабилитированными, и спустя 60 лет я смогла «встретиться» с отцом. Я прочитала 11 папок с допросами, постановлениями, обвинительными заключениями, приговорами и актами об исполнении...

Перед самыми столыпинскими реформами семья Волковых, младшим сыном в которой был мой отец, переехала из Херсона в Сибирь на вольные земли. Отец к тому времени окончил реальное училище и решил попробовать свои силы на железнодорожной станции Зима в Иркутской губернии. Работал сначала котельщиком, потом помощником машиниста.

На станции Зима он жил на квартире с профессором из Петербурга Иваном Костиковым, который принадлежал к партии эсеров. Общение с ним во многом сформировало мировоззрение молодого рабочего. К 1907 г. он уже знал виды тайнописи, устройство гектографа и хорошо усвоил программу эсеровского движения.

В Жуланку, где жили его родители, он приехал, чтобы жениться, и остался там. На заработанные на станции деньги был построен дом под железной крышей, заведено хозяйство. С годами семья становилась все больше.

Началась коллективизация... Крестьянские хозяйства разорялись. На одном из допросов отец так излагает обстановку в деревне: «Весной 1930 г. особенно обострилось недовольство крестьян, которых оставили совершенно без семян, сеять было нечего, и государство совершенно не помогает. Высылка кулаков тоже вызвала возмущение со стороны крестьян. Я считаю, что правительство не может быть удовлетворено той политикой, которую проводит Советская власть в деревне. Крестьянин — собственник, и его натура коллективизацию не приемлет. Ему нужна частная собственность на землю, право распоряжаться своими продуктами на основе рыночных отношений (свободной торговли), право свободного труда, свободного найма рабочей силы. Идти в колхоз я не хотел, так как считал и считаю, что это для меня не выход, в колхозе я по-прежнему бы нищенствовал. А поднять свое хозяйство при современных налогах и госпоставках я не мог, и власть мне не давала. И не только мне, но и всему крестьянству. Массовое недовольство не только кулака, но и середняка — это сплошной вопль народа...» (Здесь и далее цитаты из протоколов допроса. — *Примеч. авт.*)

Исходя из этого он пришел к выводу, что надо создать такую организацию, которая поставила бы целью бороться за новую власть, защищающую интересы трудового крестьянства... С такими мыслями он пришел к своему односельчанину Павлу Писареву. Писарев сказал, что в Каргате есть организация «Примерное общество», ставящее своей целью бороться за улучшение жизни крестьян. К тому же приезжал некий Потребя, тоже говорил об этой организации и советовал создать такую же и поискать руководителя в городе. Тут же наметили лозунги: «Свободный труд» и «Свободная промышленность». Через несколько дней отец изготовил значки со штампа, вырезанного из подошвы галоши. На них были изображены двуглавый орел без короны и намеченные лозунги. И потянулись за значками в село Жуланка крестьяне разных сел, кого в дальнейшем объявят контрреволюционерами.

Эмблемы-билетики раздавались всем, кто присоединялся к выдвигаемым лозунгам. Взяв начало в Индинском районе Новосибирского округа, организация распространяла связи с другими районами, охватив своей деятельностью 46 населенных пунктов, числом участников более 300 человек.

Организация, по существу была почти легальной, так как крестьяне не считали, что они делают что-то преступное.

Однако, в правоохранительных органах их деятельность была расценена иначе, и 6 августа 1930 г. отец был арестован в числе других. Допросы продолжались весь август и начало сентября.

Что же означали лозунги на эмблеме-билетике? В протоколах допросов читаю: «...Власть должна перейти всему народу, законодательный и исполнительный органы этой власти должны быть произведены всеобщим, прямым и тайным голосованием (т. е. в выборах должны участвовать все классы). Под лозунгом «Свободный труд» надо понимать: вся земля от государства должна перейти в собственность крестьянства, земли, отведенные колхозам и совхозам, должны быть разделены между крестьянами. При обработке земли разрешить наемный труд и за это гражданских прав не лишать. Отменить высокие налоги, в частности, современный единый сельхозналог и заменить его подушным. Лозунг «Свободная промышленность» означал, что вся крупная и мелкая промышленность — заводы, фабрики, рудники — должна быть возвращена бывшим владельцам, и дальше свободные рыночные отношения. Вот лозунги организации, за что крестьянство должно было бороться, но окончательно это должен был рассмотреть и утвердить законодательный орган народа — Учредительное собрание».

«...Я лично великолепно представлял себе, что деревня без города будет подавлена. Мы искали руководителя в городе. Я же обязанности руководителя всем этим делом на себя не хотел взять, зная заранее, что я с ним не справлюсь. И, поэтому, когда мы не нашли руководителя, я хотел это дело бросить, о чем говорил с Писаревым и Савенковым. Мы ждали решения 16 съезда партии в отношении политики в деревне. Если бы съезд отменил существующую политику в отношении коллективизации, хлебаготовок, то организация распалась бы сама по себе».

Как видно из допросов, организация «Двуглавый орел» проходила в ГПУ по разработке «Черные» и была в целом безвредной, при обысках ни у кого не обнаружили никакого оружия.

Седьмого сентября 1930 г. 94-м арестованным было предъявлено обвинение по статье 58 пп.3 и 10, но кто-то вышестоящий изменяет пункты на 2 и 11, что означает расстрел.

И хотя, без сомнения, в «показаниях» отца многие факты следователями искажены, сфальсифицированы, имеющихся сведений из допросов было недостаточно для вынесения расстрельного приговора, и состоялся еще один допрос 17 сентября.

«...Всякая попытка свержения власти, несомненно, встретила бы вооруженное сопротивление, и метод бескровного переворота не привел бы к желаемому результату, а раз так, то нам пришлось бы взяться за оружие». Этого «пришлось бы» и хватило для вынесения смертного приговора. Неважно, что ни у кого не было оружия! Но слово «оружие» прозвучало!

Всего по этому делу расстрелян 101 человек и более 200 приговорены к 10, 5 и 3 г. концлагеря.

После казни отца, нашу семью раскулачили, все было отобрано, а маму и нас семерых детей, вывезли в ссылку. Мне тогда был один год.

С делами я знакомилась около двух недель, и мне казалось, что я знаю всех участников трагедии, вижу их лица, я привыкла к ним, и мне даже жаль было с ними расставаться, но вот последние страницы уже позади, я сижу и думаю, что опередили они свое время на 60 лет! А их единственным оружием были эмблемы — билетика с двуглавым орлом и лозунгами.

МОСИНА Альма Федоровна. Мои милые родители

Хлеб, которым человек кормится, земля, на которой человек живет, мать и отец, которые дали нам жизнь... Без всего этого человеку жить просто невозможно...

Так где же взять слова, достойные описания короткой мучительной жизни моих милых родителей?

Отец — Пурис Фриц Фрицевич — родился в 1898 году в Латвии, городе Любава. Молодым юношей он ушел из дому и поступил в военную школу. После ее окончания был направлен в Москву, где работал в военкомате.

Отец участвовал в задурманенном марше жизни — то обучал офицерский состав, то «поднимал» животноводство в Белоруссии, в Витебской области. Он был депутатом всех местных и городских конференций. И на одной из таких конференций коммунистов города Витебска пытался разоблачить некую Франкину.

А ночью... произошло то, что со всеми честными людьми в 1937 г. Папа не верил в случившееся и уверял маму: «Это какая-то ошибка». Его

обвинили в организации правительственного переворота в Белоруссии, а через месяц расстреляли. По этому делу было расстреляно 600 человек! А позже, через 20 лет, мне в КГБ сказали, что такой организации на территории Белоруссии никогда не было.

Что же за человек был мой отец — Пурис Ф.Ф.? Из рассказов жителей Витебска, других городов и деревни Кончани, где папа познакомился с мамой, я узнала, что это был грамотнейший человек «по жизни», «политике» и остроумнейший человек. А как он любил людей! Когда папа приезжал в эту центральную деревню Кончани, все жители собирались вечером у бабушки в доме для того, чтобы поговорить с папой и послушать его. Когда папу взяли, моя мама, Анастасия Кондратьевна, была беременна братом. Жены осужденных утром, когда открывались ворота тюрьмы, ложились на землю, не давая «воронкам» проехать. И мама в таком состоянии ложилась тоже. Солдаты по приказу таскали женщин за ноги, толкали в канавы, били. Брат родился в шесть месяцев.

1941 год — война. Мама работала на швейной фабрике «Коминтерн» по пошиву верхней теплой одежды солдатам на фронт. Боевая, веселая, она всегда могла уговорить женщин работать сверхурочно. Спали они прямо на фабрике.

1942 год — стахановка Пурис Анастасия Кондратьевна была арестована ночью. Мы остались одни в квартире на несколько суток. Потом нас забрали в детприемник, затем в распределитель, где нам придумали свидетельства о рождении, и, наконец, в детский дом города Пружаны Брестской области.

Позже, как особо опасных детей врагов народа, нас отправили в город Шерешово в Беловежской пуще. Что такое этот «детский дом», никому не советую знать. Утром по несколько человек брали в особую комнату, где избивали ремнем с металлической пряжкой. Над девочками издевались ночью... Это был специальный детдом по уничтожению в детях человеческой личности.

После смерти Сталина весь персонал был заменен. Жителям разрешили усыновлять детей или по выходным брать их домой. Сколько женщин стояло у забора! Они плакали, кормили нас, а иногда приходили с гармонью и пели вместе с нами:

Когда задует ветер хмурый, скажи спасибо и за то,
Что кто-то на одну минуту прикрыл тебя своим плащом.
Неважно, как долго он над тобою плащ простер.
И догорел ли в поле зажженный с вечера костер.

Когда я вспоминаю детство, прошедшее в детдоме, в памяти, в первую очередь, вспыхивают не лица, не отдельные факты из жизни там, а необыкновенное желание посмотреть, как сейчас живут детдомовцы.

У каждого из нас было чувство, что сил все это терпеть больше нет: так унижительна и ужасна была наша жизнь. Но время идет, и мы сами не знаем, как мы могли все это пережить. Душа черпает откуда-то новые силы. Мы не знали, что мы гораздо сильнее.

Я заканчиваю в детдоме 8 классов, и меня направляют продолжать учебу в Брестское училище, которое я закончила на «отлично». Потом я поступила в педагогический институт на комсомольский факультет.

В это время в Белоруссии была создана комиссия по розыску родителей. Я через эту комиссию нашла свою бабушку Гончарову Елизавету и с трудом нахожу документы о том, что моя мама Пурис Анастасия Кондратьевна, «возможно», живет (без права выезда) в Магадане. После окончания института, я попросила направить меня на работу в Магадан, что с радостью сделало руководство института.

9 суток еду я поездом до Находки, 5 суток жду парохода. Жила это время в бараке. Недалеко — горы колючей проволоки. Крайний Север готовился строить новые концлагеря. Это был 1955 год. Умер Сталин, строительство приостановлено. Наконец, мы плывем. Четверо суток болтанки и мы в порту Нагаево. Меня встречает мама и приехавший раньше меня брат Жан. На борту идет проверка, а на причале бегают моя мама и другие мамы, все кричат, зовут своих родных. Этот крик до сих пор звучит в голове.

Терпение вознаграждено! Терпение — есть не только искусство ждать и страдать, оно есть победа, одоление слабости, лишения и страдания!

Тысячу раз прав М. Светлов, сказав: «Как труден, Россия, как горек / Был путь исторический твой!»

ЩЕПИЛОВА Анна Ивановна. Мой отец, Щепилов Иван Борисович, родился в 1894 г. в деревне Н.Исаково Одоевского района Тульской области. По рассказам моей тети, его сестры, и людей, живших в этой деревне, мой отец рос смышленным, способным. В деревне его с детства все любили. В школе он был прилежным, лучшим учеником и всеобщим любимцем. Рассказывали такой момент: в те годы в их деревне в одном классе учились по два класса: 1-й и 3-й, 4-й и 7-й. папа учился в четвертом классе. Он успевал выполнять свое задание, а оставшееся время слушал задания 7 класса и помогал ученикам 7 класса решать задачи и по другим предметам.

Когда кончилась первая мировая война, папа воевал и был тяжело ранен. У него было изуродовано все лицо, а также было ранение в живот. Тяжело раненного его подобрали французы и отправили во Францию. Там 9 лет боролись за его жизнь, переправляя из госпиталя в госпиталь. Наконец, его вылечили, можно сказать собрали из кусков. Лицо было искусно залечено, остался лишь еле заметный шрамик. Ему предлагали остаться в Франции. Но папа очень любил свою страну, очень хотел увидеть своих родителей, поэтому он не остался и вернулся на Родину. В это время его родители были в бессознательном состоянии — болели тифом. Вскоре он и сам заболел, а когда поправился, его родителей уже похоронили.

Затем папа женился. Жить было негде. В доме родителей жил его брат с семьей. Тогда он сам, с помощью родственников, начал делать кирпич. Потом построили дом без посторонней помощи. Где можно, папа подрабатывал. Наступила коллективизация, и папу сочли кулаком. В хозяйстве были одна корова, лошадь, несколько овец и кур, купленных на деньги, заработанные своим трудом. У отца нас было четверо детей. Его вызвали и сказали, чтобы он отдал зерно. Все, что у нас было, забрали до единого зерна. Через некоторое время пришли и еще попросили. За то что нечего было взять, отца арестовали, все, что осталось в хозяйстве, забрали, а нас выгнали из дома. Мне было тогда всего полтора года.

Отца сослали в Архангельск на строительство Беломорско-Балтийского канала. Сколько он там был, я не знаю, была очень маленькая. Когда срок кончился, папе предлагали остаться, предоставляли жилье, просили перевезти семью. Его предупреждали, что не исключена возможность вторичного ареста. Папа к этому времени работал прорабом и пользовался особым авторитетом среди политзаключенных. Папа очень любил свою Родину и свой народ. Он считал, что в деревне он будет нужнее.

Когда он вернулся из ссылки домой, его поставили работать бригадиром. Папа уходил на работу рано утром и приходил поздно вечером. Он постоянно находился среди народа в бригаде. В моменты короткого отдыха читал людям газеты, посвящал во все, что происходило в стране. Люди были, в основном, совершенно безграмотные. Сколько я помню, к нам постоянно приходили люди с разными просьбами, кому заявление написать, кому просьбу, кому письмо, кому помочь по хозяйству: огород вспахать, картошку посадить, сено скосить. Одним словом, со всеми просьбами. Как бы он ни был занят, он никогда никому не отказывал. Всегда в свободную минуту я видела его с газетой в руках. Садится кушать — в одной руке ложка, в другой газета. Или же проверял уроки у старших детей, объясняя, что им непонятно. У него никогда не было свободного времени. Нас он

очень любил, никогда не ругал и не наказывал, воспитывал внушением. Если мы перессорились, то он нас посадит рядом, разберется, что произошло, объяснит, кто неправильно поступил, расскажет, как надо себя вести. После разговора с отцом мы расходились примирившиеся, довольные. Мы его очень любили.

В 1937 г. его опять арестовали. Мне было уже шесть лет. Это было зимней ночью. Я проснулась от шума, плакала мама и все дети. Когда папе сказали, чтобы он одевался, он сказал: «Что же вы делаете, меня во Франции, можно сказать, собрали из кусков, а вы гробите». Ему в ответ: «Собирайся и не рассуждай». Папу увели. Выросли мы без отца.

О дальнейшей судьбе отца мы узнали, когда получили справку о его реабилитации. Затем на мой запрос я узнала, что он умер в 1943 г. в лагерной больнице Хасынского района Магаданской области.

После ареста отца начались наши хождения по мукам. В деревне нам не давали ни жить, ни учиться, считали детьми «врага народа». Когда я стала подростком, меня посылали на самые тяжелые работы в лес — пилить дрова наравне со взрослыми мужчинами. Со мной даже сверстники не дружили. Я вынуждена была уехать. В Москве тоже было трудно устроиться. Ни в какую организацию, ни в какой почтовый ящик, где хотя бы более или менее платили, меня не брали. Как сделают запрос, узнают что отец сидит, так следует отказ. Вся жизнь прошла в страхе и муках. Теперь, когда вспоминаю, сердце сжимается и слезы невольно льются. Уже нет ни сил ни здоровья!

ВОЛКОВА Лидия Леонтьевна. «Кабы знала я, кабы ведела...»

Да, уезжая из своей родной Москвы, я не знала, что не только пострадаю сама, но и обреку свою 4-летнюю дочку на долгие шесть лет жизни в холоде и голоде разных детдомов.

Когда началась война, я работала помполитом и преподавала историю партии в профтехшколе. Первого июля стали увозить учащихся в эвакуацию и я осталась безработной. Мужа — геолога отправили в город Томск со сложным оборудованием, больше я его не видела.

Его родные при встрече сказали, что он был на Ленинградском фронте, а умер в госпитале г.Йошкар-Ола 22 февраля 1943 г. Я в это время уже отбывала наказание по ст.58 п.10 УК РСФСР.

Уезжала я с командировочным удостоверением, выданным Наркомпросом, для работы в Алтайском крае в качестве преподавателя

истории и географии в старших классах. 31 июля 1941 г. я покидала на долгие годы Москву.

Дорога в Алтайский край оказалась тяжелой. Поезд дошел только до Омска. Детская комната при вокзале была набита больными и здоровыми детьми с родителями. Мы с дочкой три дня жили на голой земле у стены вокзала.

Затем произошла случайная встреча в столовой вокзала с учениками профтехшколы. Они помогли мне найти эшелон, состоящий из теплушек, который уже отправлялся. Стало темнеть. Ребята передали кому-то в вагоне Марину и стали бросать вещи в проходящие вагоны. Я с оставшимися вещами бежала за поездом. Кто-то втащил меня в вагон, и я потеряла сознание. Когда я очнулась, незнакомые люди помогли мне подняться, и тут я поняла, что левая нога и рука не действовали. Первая моя мысль была о том, что я потеряла Марину, но мои спасители успокоили меня, сказав, что она жива и здорова, и на остановке проводили меня к дочке в другой вагон.

Но «путь на Голгофу» на этом не кончился. Поезд дошел только до Новосибирска, и меня с Мариной и вещами отправили в больницу. Кошелек тощал с каждым днем. Приходилось платить няням и сестрам, а температура не спадала и нога не слушалась. Марина проказничала в больнице и ее приходилось иногда привязывать к кровати. Через некоторое время меня выписали из больницы и на извозчике довели до вокзала. Мир не без добрых людей, какой-то молодой человек помог мне купить билет до Барнаула и, что самое главное, помог мне с Мариной втиснуться в вагон. В этом людском месиве добрые люди усадили меня с Мариной, а в Барнауле помогли выйти из поезда. Утром нас отправили в эвакупункт города. Здесь было много женщин с детьми из разных городов. Они помогали и подкармливали нас кто чем мог. Наконец, я стала ходить с палкой и пошла устраиваться на работу, но оказалось, что в городе вакансий для учителей нет, и я согласилась на область. Было уже 20 августа. И вот я в Уч-Пристани в РОНО получаю наконец назначение в село Коробейниково. 25 августа меня привезли в это село.

Знакомлюсь с учителями, директором школы. Он помогает мне найти жилье ближе к школе. Хозяйка, очень славная и добрая женщина, лечит меня баней с веником. Местные учителя приносят мед, сметану, молоко. Хлеб, топливо и другие продукты обещает школа. Все кажется налаживается! Одна местная учительница особенно интенсивно опекает меня, расспрашивает, почему я уехала из Москвы, сильно ли она разрушена и как другие города. Не думала я, что это не простое любопытство, что она — доносчик, «сексот». В сентябре все учителя и ученики были отправлены в

поле для уборки урожая, а я, с разрешения директора школы, поехала в Барнаул за багажем. Меня отпустили на неделю. Я уехала 3 сентября. Марина бежала за мною, плакала и просила взять с собой. Я уехала одна. Долго моей доченьке пришлось ждать встречи со мною.

3 сентября Курдюмова Нина Дмитриевна написала заявление в РОВД, что я клевету на Совинформбюро и рассказываю антисоветские анекдоты. Я возвращалась в школу 11 сентября без вещей, они были потеряны. Тогда я еще не знала, что потеря багажа не самое большое несчастье. В 11 часов того же дня я была арестована по ст.58 п.10 УК РСФСР.

Что описывать теперь? Прошло уже 54 г. без 21 дня. Но есть в голове какая-то коробочка, которая хранит эти страшные дни, недели, месяцы и годы. Следователь Родионов был полуграмотным молодым человеком, допросы велись ночами. Начальник РОВДа Мишин, злой до предела человек, постоянно грозил мне пистолетом. Надзиратели типа уголовников. Спать приходилось на полу, да и не заснешь от миллиарда клопов. Виновной я себя не признавала, и мое дело отправили на доследование. Я умоляла, чтобы мне дали свидание с моей маленькой дочкой, но получила отказ. Все мои мысли были о ней, что с ней будет, кто поможет? Ведь все родственники остались в Москве.

Жизнь моя иль ты приснилась мне?

В тюрьме Барнаула в камере сидело 60 (при норме 15–20) полуголых женщин. «Намордник» скрывал от нас свет божий и доступ воздуха. Свирепствовала чесотка. Состав был смешанный: немки, польки, эстонки, монашки за религию, воровки — очень молодые, но с большим сроком отсидки. Старостой камеры была Лида Окулич-Казарина. В камере мы спали рядом, на прогулку ходили вместе. Кто-то «настучал» начальнику тюрьмы об этом. Он меня вызвал и стал расспрашивать о Казариной, он сулил прекратить мое дело, если я помогу разоблачить ее как вредителя. Но я в КПЗ и в камере уже прошла ликбез поведения и ответила, что мы ведем беседы только о детях и о жизни на воле. На другой день меня посадили в каменный каземат и 168 часов я провела там, сражаясь с крысами, умирая от голода и холода, но не соглашаясь оговорить Лиду. В конце пребывания в карцере я начала терять слух, меня стали мучить галлюцинации. И вот 14 ноября меня отправили на суд за 90 км в летних туфлях и костюмчике. На привале надзиратель где-то достал мужские сапоги и показал, как сделать портянки из трико, на мне их было несколько. Нас было 12 человек, и только я одна по ст.58, остальные бытовые. Я опять заболела. Температура 38,9 и надзиратель Котляров разрешил отвезти меня в КПЗ на телеге. Я потеряла счет времени и очнулась, когда меня осматривал врач, а злой

карлик — начальник тюрьмы Мишин — ругался отборным матом. Меня укутали в тулуп, обули в валенки, завязали платок и сунули в кузов машины, которая шла в Алейск. Там меня судили и дали 10 лет и 4 г. поражения в правах. 9 января опять этап в лагерь под Барнаулом.

Первая камера на 106 человек, с потолка свисают сосульки. Когда немного привыкла, стала писать во все концы, искать Марину. Работала я на моторной машине и выполняла норму на 200–300 %. Голод и холод на фабрике и в бараке сделали свое дело. В 1943 г. диагноз — парез ног, экзема, кровавая дизентерия. Врач Расторгуева уже поставила окончательный диагноз — «свобода без суда и следствия», т. е. смерть. Но я выжила. Спасибо моим родителям, что создавая меня не пожалели хорошего материала, а отец передал мне огромную энергию и жизнеутверждающую силу. И вскоре я получила, наконец, известие о смерти мужа и месте нахождения моей доченьки. Мы начали переписываться, и в каждом письме она просила взять ее к себе. С трепетом ждала я писем от Мариночки. Господи, сохрани и помилуй мою доченьку!

Лагерь был наш смешанный, по ст.58 было меньше, но мы поддерживали друг друга. Руки мои, приученные мамочкой, а потом двумя двоюродными бабушками, кроме школы, консерватории, рабфака и института, умели много делать. Я шила, вязала, вышивала всем, и уголовникам и «вольняшкам». «Враги народа» организовали хор, драмкружок и этим скрашивали нашу холодную и голодную жизнь. Много раз нас готовили в этап, в спецлаг, но начальник лагеря хлопотал за нас, и мы опять шли на фабрику на 12 часов за кусок глинообразного хлеба, грязный черпак баланды и ложку какой-то неудобоваримой каши... Конец войны! Все ждали большой амнистии, но ст.58 она миновала. Радость уходящих на волю и море слез остающихся за каменной стеной.

Но шли годы и менялись указы. По одному из них я была освобождена 18 октября 1947 г. Кусок хлеба, кусочек сахара и 117 рублей. Эти «царские дары» за шесть лет и один месяц и семь дней каторжного труда. Первое, что я сделала — пошла в церковь, поставила свечи и рыдая в голос спрашивала: »За что, за что?«. Ангел-хранитель и неведомая сила останавливала не раз занесенную надо мною косу смерти. Теперь нужно было найти крышу, работу и взять Мариночку из детдома. Жизнь пошла по кочкам и ухабам, «день и ночь — сутки прочь». За эти долгие 48 лет свободы только 18 лет мы с Мариной живем в отдельной квартире.

Эти воспоминания, тяжелые и слезами не раз орошенные.

ВИССИНГ Нина Матвеевна. Голландцы в России

Раннее утро 6 февраля 1938 г. На крыльце 2 солдата в серых шинелях, в комнате мама взволнованно укладывает нас (сестру — 4,5 г. и я — 6 лет) в свою постель и говорит, что скоро вернется... Вернулась она через 8 лет.

Мои родители, Шумахер Эвердина Вейцевна и Виссинг Матвей Генрихович, по национальности голландцы, приехали в 1930 г. в СССР по приглашению ВОКСа (Всесоюзное общество культурных связей с заграницей), чтобы оказать посильную помощь молодому государству в построении социализма. Отец был архитектором, а мать — бухгалтером, актрисой, машинисткой. В 1936 г. они приняли советское гражданство. К этому времени остальные голландские семьи решили вернуться домой, не желая оставаться в этой непредсказуемой стране. Моим родителям было очень трудно без языка найти применение своим знаниям и силам в России. Отец освоил язык достаточно быстро, а мама не знала его до конца жизни — говорила по-русски очень плохо, с большим акцентом.

Арест матери совпал с ее днем рождения. Ей исполнилось тогда 46 лет. Ее обвинили в КРД и антисоветской пропаганде. Когда я прочла это в ее деле, то была удивлена до глубины души. Женщина, не знавшая русского языка, и антисоветская пропаганда — несовместимые понятия, но ее осудили по ст.58 п.6 и п.10 на восемь лет с поражением в правах. Мы, две маленькие девочки, остались одни и (опять узнала из дела) нас целый месяц не отвозили в детдом, до тех пор, пока не приехал отец, которого тут же в марте 1938 г. арестовали. Видимо, мы играли роль приманки. Теперь у нас никого не осталось, и мы попали в детдом в городе Богучар через какой-то детприемник. Я помню большое количество детей в странном помещении: сыро, серо, нет окон, сводчатый потолок. Сколько мы там были, я не помню. Много позже я узнала от отца, что это был Даниловский детприемник. Сейчас я думаю, что матери и нам было бы лучше, если бы нас отправили вместе с ней. Все это произошло в городе Энгельсе, куда мы приехали за три месяца до этих событий. Так была сломана жизнь четырех человек.

Отца выпустили раньше матери. Он разыскал нас летом 1940 г. в детском доме в городе Богучар Воронежской области, который расположен на слиянии рек Богучар и Дона. Детдом наш находился рядом то ли с тюрьмой, то ли с сумасшедшим домом и разделялся высоким деревянным забором с щелями. Мы любили наблюдать за странными людьми за забором, хотя нам это не разрешали. Летом нас вывозили за город на берег реки, где стояли два больших плетеных сарая с воротами вместо дверей. Крыша текла, потолков не было. С конька плетеной крыши свисали голые лампочки. В таком сарае помещалось очень много детских кроватей.

Кормили нас на улице под навесом. В этом лагере мы впервые увидели своего отца и не узнали его, убежали в «спальню» и спрятались под кроватью в самом дальнем углу. Отец приезжал к нам несколько дней подряд, брал нас на целый день для того, чтобы мы привыкли к нему. Оказалось, что за время пребывания в детдоме я совершенно забыла голландский язык, на котором говорила совершенно свободно и была даже переводчиком у своих родителей. И, наконец, настало время нашего отъезда домой в Москву.

Отец придумал для нас увлекательное путешествие на байдарке по Дону. Ночевали мы в палатке на берегу, а днем плыли дальше вниз по течению. Это было интересно, а зачастую и опасно. Иногда мы останавливались на день-два около какой-нибудь деревни. Крестьянки не могли спокойно смотреть на молодого мужчину с двумя маленькими девочками. Несли, кто что может, и денег не брали. Доброта бесконечная. Особенно запомнился день, когда нас пригласили в избу и накормили так, что я до сих пор не могу этого забыть. Деревянный некрашенный стол, деревянные лавки у стола. Хозяйка поставила на стол глиняные, коричневые кринки с квашеным молоком и варенцом, дала деревянные ложки и домашний мягкий серый хлеб. Было очень вкусно! Прошло почти 60 лет, а я все это помню. Много можно еще написать об этой поездке и о людях, встречавшихся нам на пути. Доброта и стремление помочь сопровождали нас на всем пути. В этом путешествии наш отец показал, что он заботливый, внимательный, все умеющий делать человек. На поезд Сталинград — Москва мы должны были сесть на станции Иловля, где стоянка всего три минуты. Была ночь, мы с сестрой спали, подошел поезд, и отец, посадив нас полусонных в ближайший вагон, начал уже на ходу закидывать вещи (разобранную байдарку, палатку, рюкзаки...) в проходящие вагоны, сам же вскочил в последний вагон. А потом остаток ночи собирал по вагонам вещи и нас. Так мы вернулись домой в Москву. Была осень 1940 г. Я с ужасом думаю, что было бы с нами, если бы отец не нашел нас?!

Мы жили втроем в Москве в двухэтажном деревянном доме, где родителям дали комнату. Отец был высокий, красивый молодой человек, который умел делать все: он шил нам одежду, готовил еду, стирал и т. д. Но жить было очень трудно. Его, как иностранца, не принимали на работу или разрешали работать не более шести месяцев на одном месте. Зарплата везде была минимальной. Но он не падал духом и сопротивлялся ударам судьбы как мог. В нашем доме, ни тогда, когда мы были маленькие, ни тогда, когда уже выросли, разговоры на тему случившегося (аресты, ссылки, детдом) не велись, даже когда окончательно вернулась наша мама.

Она освободилась, отбыв 8-летний срок, в 1947 г., но жить с нами в Москве не имела права. Она жила в городе Александрове (101 км) и старалась, как можно чаще приезжать к нам. В 1951 г. за нарушение паспортного режима (поездка к детям), встречу с иностранцами (нашим отцом) и по совокупности с первым арестом (РКД) она была арестована второй раз и получила 10 лет каторги, которые отбывала в Казахстане, как и в первый раз. Отца второй раз не тронули. После смерти матери ее подруга по каторге рассказала нам, что они жили в бараках вместе с уголовниками, работали на погрузке угля и один раз в неделю сутки работали в детском доме, где содержались дети заключенных. Она сообщила даже, что мама чуть не умерла в лагере. Ей сделали сложнейшую операцию — трепанацию черепа. Операцию делал старый профессор из Ленинграда, тоже заключенный. Все обошлось! Кстати, этот профессор советовал всем, если будет хоть малейшая возможность, съесть две сырые картофелины в день, чтобы поддержать свое здоровье. Имя этого человека я, к сожалению, не знаю.

И вот только после смерти Сталина в 1954 г. мама была с извинениями освобождена и получила маленькую комнату в коммунальной квартире, где соседкой была бывшая заключенная. В этом доме (Ленинский пр. 68) жили почти одни эки. Они шутили, что их так поселили, чтобы легче собрать и в третий раз отправить на каторгу.

В 1992 г. мы с сестрой обратились в МБРФ с просьбой ознакомить нас с делами отца и матери. Нам позволили познакомиться с делами матери, но до сего дня не дают дело отца. Сейчас моих родителей уже нет в живых. Мама умерла в марте 1967 г., прожив в СССР 36 лет. Она очень хотела поехать в гости к родным в Голландии, но ее так и не выпустили. Отец умер в октябре 1987 г., прожив в СССР 57 лет. Оба похоронены на Донском кладбище. Оба стойко пережили все невзгоды, выпавшие на их долю в чужой стране.

ВОЛЫНСКАЯ Альдона Владимировна. Отец Волынский Владимир Александрович (Балтрус Матусявичюс) литовец, арестован в 1937 г., расстрелян в феврале 1938 г., реабилитирован посмертно. Мне дали прочесть его следственное дело, там написано, что он признает себя виновным, т.к. понял, что в стране нет демократии, но было уже поздно.

Мать Лиходзиевская Эмилия Иосифовна, арестована в апреле 1938 г., как ЧСИР (член семьи изменника родины), реабилитирована, дожила до 1985 г.

Я с 1927 г. проживала с родителями в Москве, а в апреле 1938 г. на моих глазах производили обыск, меня отвезли в Даниловский детприемник, потом на «черном вороне» с вооруженной охраной на Киевский вокзал, оттуда на Украину в Одесскую область в «Березки», спецдетдом для детей политических заключенных. Впоследствии группу из 38 чел. перевели в детдом №1 г.Новоукраинка Кировоградской области. В этом детдоме были дети погибших от голода в 1933 г. и мы, дети репрессированных. Здесь было все: голод, холод, вши, но, главное, гонения: «Вы дети врагов народа». Сохранились мои письма из детдома в лагерь к маме, хотя я пыталась писать хорошее, но письма полны тревоги и ужаса.

1941 г., война, оккупация. Директор сбежала, завуч собрала старших — 40 человек на 400 малышей и сказала, что война когда-нибудь кончится, надо работать и спасать маленьких, т.к. все работники уехали. Мы работали в поле, ремонтировали дома, потом меня и еще троих девочек оформили прачками. Не было топлива, мыла, но мы старались, даже вшей вывели.

В 1942 г. из детского дома в Германию угнали 1-ю партию детей, в августе 1942 угнали 2-ю, потом 3-ю. Я уехала во 2-й партии.

В эшелон отобрали 12 девочек и в городе Губен продали на бирже труда, остальные поехали в г. Кельн. Я работала на фирме Каттнер, иногда приходилось разгружать машины — мешки по 50 кг.

В 1943 г. я с двумя подругами убежала, поймали нас в оккупированной Польше на границе с Россией. Почти год перевозили из одной тюрьмы в другую (Кассель, Дюссельдорф), пока не привезли в г. Кельн, в Месселагерь, филиал концлагеря Бухенвальд, потом гестапо (LD Haus) г. Кельн. Повезло, отправили не в концлагерь, а в пересыльный, оттуда на работу на аэродром. Из-за постоянных бомбежек там никто не хотел работать. Там нас в апреле 1945 г. освободили американцы. Летом эшелонами везли домой, в г. Магдебурге в фильтрационном лагере предложили пойти на работу в воинскую часть, оказалось — МГБ. Мои подруги и я сочинили биографию, в которой не говорилось об арестованных родителях, они вышли замуж, уехали, а меня «разоблачили», в 1947 г. посадили в тюрьму г. Магдебурга. Спаслась чудом, приехала в Белоруссию, куда из лагеря приехала мама. С трудом удалось поступить в педучилище. После вызова в КГБ пришлось срочно выйти замуж и на 3 г. уехать с мужем на Сахалин. Там училась в институте, закончила пединститут в 1960 г. в Ленинграде. После реабилитации я и мама получили квартиру в Москве; преподавала в школе, окончила аспирантуру, но не защитилась.

Сейчас на пенсии, инвалид 1-й группы, одинокая (в концлагере прошла стерилизацию, детей не было), в России родственников нет. Пока с трудностями и болезнями стараюсь справляться.

КУЗЯЧКИН Петр Лукьянович. Немецким собратьям по архипелагу ГУЛАГ

Воспоминаниями обветшалыми
Болеем, друг мой, до сих пор с тобой
С кирками зло молились как над шпалами,
Усатый профиль над одной шестой.

Чем дальше уходит прошлое, тем туже натягиваются струны памяти, и тем чаще бередят наши души, то причудливыми воспоминаниями, то не менее причудливыми снами.

Рассматривая прошлое сквозь толщу пролетевших лет, мы видим его словно сквозь розовый туман, который скрывает почти все безобразное, грубое, трагическое, зато редкие минуты радости общения с незаурядными людьми, минуты доброты, участия, понимания звездами первой величины мерцают нам из загадочного далека в течение всей нашей многотрудной жизни.

Я, Кузячкин Петр Лукьянович, 1927 г. рождения, житель г. Бузулука Оренбургской области, мысленно возвращаюсь в те далекие годы, когда волна призола уже в который раз захлестнула нашу страну, а именно в 1949-1950 гг.

На этот раз волна была столь велика, что затопила и множество стран побежденной Европы. Множество немцев, австрийцев, венгров, румын поляков, украинцев, прибалтов, японцев, корейцев, китайцев были выплеснуты этой волной на острова ГУЛАГа. Сегодня я расскажу только о представителях немецкого народа, с которыми свела меня судьба в Озерном лагере, на трассе Тайшет — Братск Иркутской области. Большинство из них были военными «преступниками», такими же, как мы, «врагами» народа.

Мне в то время было 22-23 года и я успел отслужить 3,5 года в армии, только чуть захватив последний год войны, которая унесла четырех моих братьев и отца. Успел я также схлопотать срок за участие в студенческой антисталинской группировке по ст. 58 пп. 10 и 11, и, пройдя сквозь «чистилище» предварительного заключения, которое длилось 14 месяцев, был низвергнут в этот сталинский ад на «исправление» (читай на истребление).

Самым удивительным человеком, который вызвал у меня восторженное восхищение своей эрудицией, и добрую память о котором я сохранил на всю жизнь, был доктор филологических наук и философии, знавший около сорока языков, Кроме Фриц-Август, житель г. Берлина, примерно 1910 г. рождения.

Чуть выше среднего роста, голубоглазый, с мелкими деталями благородного лица, на котором застыло полупрезрительное или полубрезгливое выражение, направленное не на окружающих, а как-то внутрь и скорее относящееся к тому положению, в которое поставила его судьба, он оказался оазисом глубокого ума и неиссякаемой силы духа.

Русским языком он владел в совершенстве. Классиков наших он прочел еще в Германии. Когда Гитлер пришел к власти, семья Кроме оказалась неблагонадежной, т.к. отец его был пацифистом. И только заступничество одного из друзей по университету, который при Гитлере стал одним из функционеров «Гитлерюгенд», спасло их жизни. Потом старший брат эмигрировал в Англию, а сам Кроме в Латинскую Америку.

Шли годы. Отец писал, что эмигрантов не преследуют, и Кроме снова вернулся на родину. Снова занялся педагогической деятельностью и журналистикой. Начались войны и его мобилизовали в восточный отдел помощником редактора какой-то газеты. Главным редактором был, разумеется, партайгеноссе, а «лошадками», которые везли воз, люди ученые.

Однажды по небрежности редактора пропустили заметку, в которой был затронут авторитет Геббельса. Редактор был расстрелян, а «лошадки» разогнаны по штрафным батальонам.

Кроме попал на Кавказ, где шесть месяцев «кормил вшей», по его выражению. Когда все поутихло, его тот же дружок отозвал в Берлин. На этом его военная карьера была окончена.

В 1945 г. он был задержан нашими властями и направлен в лагерь для перемещенных лиц, где находился пять лет. Потом получил свой «четвертак» (двадцать пять лет ИТЛ) и был отправлен в Сибирь, в Озерный лагерь, город Тайшет Иркутской области.

Когда я ближе познакомился с ним, я понял, какой общительный, добропорядочный, какой умный человек встретился мне!

Я смог оценить и понять его слегка рассеянный взгляд, часто погруженный в себя (взгляд философа, погруженного в суть вещей). Это, кажется, называется аутизмом, погружением в себя. Понял и полупрезрительное выражение его лица, ибо, как сказал какой-то классик: «Кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей».

Он считал себя «диким» философом и давно уже был выше расовых, национальных, идеологических амбиций, выше обыкновенных человеческих страстей. Казалось, что его интересовала последняя тайна жизни, таинство смерти. Он по 10 суток голодал (будучи уже истощенным), как Ганди, которого почитал. Цель его была приблизиться к бездне, ощутить ее холодное дыхание, и тогда я бежал к лагерному врачу Керени Иосифу Ивановичу и умолял его спасти Герра Кроме. Тот где-то доставал глюкозу и вводил ее в вену Фридяша, как он звал его на венгерский манер. Кроме оживал.

Кроме давал мне уроки английского языка, который мне очень нравился и легко усваивался. Я выучил около 3000 слов. А после освобождения эти занятия помогли мне закончить инфак Пединститута и проработать до пенсии учителем.

Осенью 1952 г. собрали этап из таких «военных преступников» на Тайшетской пересылке, подкормили в течение месяца, одели в новые лагерные одежды и отправили в ГДР. Среди них был и Паулюс.

Когда я уже был на воле, услышал как-то по радио, что на каком-то приеме среди присутствующих был и Кроме Фриц, министр информации в правительстве Аденауэра. Я очень обрадовался и сделал попытку как-то подать о себе весточку, но неудачно. Вы знаете, какое это было время у нас в стране.

Прошло так много лет, но прошлое не отпускает нас и возвращается к нам то в виде воспоминаний, то в виде причудливых снов. Мне часто снится, что снова я в лагере и безуспешно ищущу Герра Кроме, расспрашиваю о нем заключенных, а иногда и встречаюсь с ним в этих снах. Тогда мне удается выразить то чувство благодарности и восхищения, которое я испытываю к нему до сих пор.

Выехав этапом на трассу в августе 1950 г., я встретил двухметрового немца по фамилии Кекефер Арнольд (или Кекхефер). Мы с ним буквально переплелись и руками и ногами на верхней полке завагона. Я ростом 186, а он и того больше, великолепно одет, с двумя кожаными чемоданами, я спросил его, смеясь: «Как мы с тобой расплетемся по приезду?» Он ответил мне одним словом: «Вас?» Я ему вновь говорю, называя меня на ты, потом только понял, что он не понимает меня, но нашлись переводчики. Он оказался сыном известного немецкого коммуниста, заместителя министра тяжелой индустрии ГДР. Отец Арнольда сидел в лагерях до прихода наших войск. Сын же его попал под сверхтотальную мобилизацию (он 1928 или 27 г. рождения), но у него хватило ума дезертировать и, как малолетке, пристроиться к русской артиллерийской части, помогая на кухне. Когда пал

Берлин, стали разбираться, кто есть кто. Тут выяснилось, что он сын коммуниста и его решили использовать. Ему сообщили, что отец его жив и на партийной работе. И чтобы он тоже помогал нашим, показывая разведке, где проживали фашисты. Но Арнольду это претило и казалось предательством. Тогда его послали учиться в партийную школу. Но как только он туда прибыл, его вызвали в секретную часть и поручили доносить на товарищей по школе. Тогда он понял, что раз попал на крючок разведки, выкрутиться будет трудно, и он бежал в английскую зону Берлина, где работал корреспондентом газеты «Телеграф». Но вскоре к нему на квартиру заявила какая-то личность и сказала, что он виноват, что он изменник Родины, и что его ждет суровая кара, но он может искупить свою вину, если поможет заманить в восточную зону некоторых людей. Арнольд наотрез отказался. Прошло время и ему захотелось навестить своих приятелей в восточной зоне. Он пренебрег угрозами, и был сразу же схвачен и осужден на 25 лет лагерей. Он тоже знал герра Кроне и изучал русский язык.

Мне было искренне жаль этого великовозрастного «младенца», над которым так злобно подшутила судьба, бросив из цивилизованного человеческого общества в этот темный, безнравственный, полупризрачный мир. Нам, русским, было несравненно легче переносить тяготы этого мира, так как нас фактически перегнали только в меньшую зону, с физически осязаемой охраной. А к беззаконию, унижению, бесправию мы были уже приучены.

О степени унижения человеческого достоинства мы обычно узнавали по уровню фанатизма, безнравственности, злобности и подлости очередного кумира — вождя, которому нас заставляли поклоняться при жизни и над которым разрешали потешаться после смерти.

Из других немцев помню посла Германии в Аргентине высокого, юношески стройного, с благородными чертами лица и абсолютно белой головой пожилого человека, аристократа до мозга костей, что выражалось и в походке, и в жестикуляции. Жаль, что языковой барьер, да и возраст не позволили вступить с ним в контакт.

Еще знал Эсбах, немецкого разведчика в Англии, которого с детства готовили к этой деятельности и внедрили в сеть задолго до начала войны. Он рассказывал нам, что английская разведка всех их обнаружила и использовала для дезинформации, а после войны им предложили в 24 часа покинуть пределы страны.

Разве забыть мне сентиментального мальчика Ганса Карманьского, жертву сверхтотальной мобилизации. Мы с ним подружились. Было что-то трогательно мягкое в его чистых, голубых глазах, опущенных длинными

ресницами. Он, как и вся немецкая молодежь, изучал русский язык, поэтому общение было полезным. Когда мы расставались с ним, он предложил вспоминать друг о друге, когда посмотрим на Большую Медведицу, что я и делаю.

Пользуясь случаем, обращаюсь я к вам, братья мои по страданиям, со словами приветов, полного дружеских чувств, у которых нет границ и не будет, полных веры, веры в то, что наши страдания не были напрасными, а вливаясь по каплям в Океан Общечеловеческих скорбей, послужат великой цели сближения и полного слияния народов в одну большую семью — ЧЕЛОВЕЧЕСТВО!

Прошу вас ОТЗОВИТЕСЬ на мое письмо по адресу: Москва, улица Голубинская, 19, кв. 237.

РАЗДЕЛ V

**КАК МНЕ ЖИТЬ ПОСЛЕ КРОВАВОЙ ВАКХАНАЛИИ ПОД
НАЗВАНИЕМ ГУЛАГ?**

ГЛАВА ПЕРВАЯ
АРТЕМОВ А.Н.

ПРАВДА, ПОКАЯНИЕ, ПРИМИРЕНИЕ⁹

7 ноября президент Ельцин подписал указ, объявляющий этот день Днем согласия и примирения. В российском антикоммунистическом зарубежье этот день ежегодно отмечался, как день скорби и непримиримости. 17 ноября в Германии был отмечен День всенародной скорби, в память о жертвах национал-социалистического режима. Немало мыслей рождает это.

В Германии гитлеровская национал-социалистическая партия была запрещена законом, ее имущество конфисковано, вожди приговорены к смертной казни или к тюремному заключению, и до сих пор судят ее функционеров по мере их личной ответственности, возникающие неонацистские организации (главным образом, молодежные) берутся под контроль и преследуются по закону. Нацистская идеология объявлена преступной: антинародной и террористической. Примирение тут исключено: прошлое осуждено, возрождение, повторение запрещено.

Но насколько и как возможно у нас взаимное примирение граждан на фоне исторических фактов и неоднозначных оценок их? Прежде всего, нужно ли и полезно ли «ворочать прошлое», то есть выяснять факты и оценивать их значение как для прошлого, так и для настоящего и будущего? Речь идет об «уроках истории», а стало быть, об исторической науке, как кладезе объективных сведений, без знания которых народ утрачивает память и перестает быть самим собой, рискуя повторением ошибок, порой роковых.

Когда Хрущева спросили, зачем он разрешил Твардовскому напечатать в «Новом мире» повесть Солженицына «Один день Ивана Денисовича» — о человеческих судьбах в советских концлагерях, — то он ответил: затем, чтобы это не повторялось. Хрущев, при всем его примитивизме, совсем не был лишен здравого мужицкого ума, ему было ясно, что разоблачение техники карательного террора сразу умерит пыл его мастеров и подмастерьев. Одно дело — дать волю пыткам. Когда есть уверенность, что это будет похоронено в застенках, а совсем другое дело, когда о «работе»

⁹ *Посев*, 1997, №1.

заплечных специалистов со временем станет широко известно всем, включая их потомков. Хрущев сам был сталинским подручным, но он знал, что это — не гарантия благополучия. Повесть о концлагерях — лишь начало встряски карательной машины. Тоталитарная система этого ему не простила, но он свое дело сделал: террор стал слабеть, свободная мысль стала облекаться в свободное слово, оттепель переходила в ледоход. Сам он мирно скончался в домашней постели.

Принципы платоновской триады — Истина, Добро, Красота — в жизни, на практике часто вступают во взаимное противоречие. Ради истины приходится ограничивать добро, ради добра — изменять истине. В наш жестокий век это стало массовым, и к тому имелось достаточно оправданий.

Но вот наступило время коренной переоценки ценностей, смены критериев, возврата практики в подчинение абсолютным принципам. Реально это означает, в первую очередь, переосмысление собственного прошлого, поскольку в настоящем не только «грядущее зреет», но и «прошлое тлеет» (по терминологии Ахматовой), и это далеко не без влияния на настоящее, а отсюда и на грядущее.

Примирение и согласие, безусловно, нужны для нормализации общественной жизни. Но насколько это достижимо без достоверного и документированного анализа исторических фактов, без суждений и осуждений? Объективное тут связано с субъективным, и в этом — проблема.

Думается, все же, что путь к примирению через забвение исторических истин ради милостей добра сомнителен и ущербен. Предпочтительнее примат Истины с последующим милосердием во имя Добра. И речь идет не о наказании виновных, а о раскрытии правды. Конечно, это может быть равносильным моральному наказанию, но остается путь к покаянию или упорству во грехе. А это уже вопрос особый.

Сотрудники карательных органов считают, что репрессивная документация может породить новые раздоры, поскольку она полна ложных показаний даже самых близких людей, данных под пытками. Но техника пыток известна, и можно отличить злонамеренный допрос от вынужденного показания.

Без достаточных исторических сведений молодежь может подпасть под влияние коммунистической пропаганды, и расчет на вымирание «твердолобых» сомнителен.

К тому же, пропаганда эта оживает, и находятся даже «историки», которые разносят ее по границам: так, в Австралии недавно приезжий лектор безапелляционно утверждал, что никакого массового террора у нас не было, а в тюрьмах и лагерях сидели немногие «уголовники». И это —

когда в российской научной прессе насчитали от 20 до 30 миллионов граждан, погибших от террора (без войны), а зарубежные русские историки на основании материалов послесталинской «оттепели» вычислили 7 миллионов лагерных мест, через которые прошло около 21 миллиона людей. Так что, если немцы считают своих погибших от диктатуры тысячами, нам приходится считать миллионами.

Ленин был теоретиком тоталитарной диктатуры и основателем ее карательного аппарата. В гражданскую войну по его указанию загублено неисчислимое количество человеческих душ без тени сомнения и раскаяния. Сталин довел до предела массовый террор в мирное время. В беседе с Черчиллем он признал, что коллективизация обошлась нашему крестьянству в 10 миллионов жертв. По отрывочным данным времен «оттепели», в годы «ежовщины» и «ждановщины» ушли в небытие 600 писателей. Убийство Кирова (по многим данным, осуществленное сталинским аппаратом) повело к расстрелам во всех областных центрах тысяч «потенциальных террористов», включая студенческую молодежь. Репрессировались «члены семей врагов народа». Наконец, в концлагеря стали отправлять людей в качестве бесплатной рабочей силы по заявкам Наркомата внутренних дел, приобретшего характер гигантского рабовладельческого предприятия.

От сталинских чисток погибло более половины командного состава вооруженных сил. Из первых маршалов — Тухачевский, Егоров, Блюхер, Ворошилов, Буденный — были расстреляны трое, остались двое последних, наименее значительных. Это сказалось и в польском походе, и в финской кампании.

Но главное — это первая фаза большой войны: немцы, которые в 1940 г. примерно за 6 недель прошли с боями до Парижа, в 300 км от границы, смогли почти в тот же срок пройти к Тихвину, в 900 км от границы! Многочисленные советские академические труды, анализирующие ошибки верховного командования, стратегические и технические просчеты, обходят молчанием главное: народ не хотел защищать тиранический режим. Отсюда — три с лишним миллиона пленных в первые 8 месяцев войны. Потом почти миллион красноармейцев добровольцами в немецких частях. И большой шанс акции генерала Власова, если бы немецким антинацистам (Штауффенбергу и др.) удалось устранить фюрера и придать войне политический характер.

Власов был не один, были и другие генералы. Один из крупных военачальников, генерал М.Ф.Лукин еще до Власова готов был возглавить антикоммунистическое освободительное движение, но при условии

одновременного формирования русского правительства и русской армии, на что немецкие партнеры не имели полномочий.

Кстати, у нас писали, что генерал Понеделин, тоже пленный, не только не пошел с Власовым, но даже плюнул ему в лицо (объективных подтверждений я этому не нашел), однако умолчали, что этот патриот «дома» был расстрелян после пятилетнего заключения в Лефортовской.

Сама «ленинская» партийная верхушка была почти полностью истреблена (это, между прочим, иллюстрирует дополнительный 51-й том второго издания Большой советской энциклопедии), не говоря уже о «чистках» номенклатуры. Во время секретного доклада Хрущева на XX партсъезде о сталинщине, к нему поступила записка «А почему вы молчали?», он огласил ее и обратился к аудитории: «Кто написал эту записку? Молчите? Вот так и мы молчали».

По средствам и технике физического воздействия на заключенных чекистские застенки далеко превзошли средневековые «камеры пыток» (что и естественно в наш век научно-технического прогресса). При сменах чекистских главарей (Ягода — Ежов — Берия) кое-кого выпускали ради показного «исправления перегибов», кое-что становилось известным, но тоже содействовало устрашению.

Остается неясным, зачем нужен был такой беспредельный массовый террор, когда для психологии тогдашнего среднего советского гражданина достаточно было в любом коллективе изъять одного человека «без права переписки», чтобы люди дрожали и притихли надолго.

Два малограмотных маньяка сумели, в наш прогрессивный век, поработить и стравить два крупнейших европейских народа. По мере сроков пропитать души человеческие ядом рабства, лжи, хамства, рвачества, склок... Волей-неволей, все мы, хоть в малой доле, отравлены «советчиной». Сколько усилий и времени потребуется для оздоровления народа — подлинного, внутреннего, не декретного, не показного! И возможно ли это без знания и осознания грехов прошлого — общих и частных, без покаяния и самоочищения...

Религия, церковь могут и должны помочь, но и они в упадке. Покаяние, катарсис обязательны и для самих священнослужителей, а Московская Патриархия больше занята самооправданием (прямо по афоризму «Иной поп — что верстовой столб: всем дорогу указывает, а сам по ней не идет»). Между тем, тут есть в чем покаяться перед Богом, паствой, народом и даже всем миром: высокие иерархи, разъезжая по границам, порой не чурались прямой лжи, уверяя аудиторию, будто Русская Православная Церковь

«никогда доселе не была столь свободной» (и это вскоре после хрущевского погрома, унесшего в небытие тысячи храмов и приходов).

Никто не вправе бросать камни в служителей Церкви за их вынужденное сотрудничество с властями (все грешны сами), но признания и покаяния послужили бы примером самоочищения. И еще: Казанский собор и храм Христа Спасителя роскошны, но возрождение церковного тела придет снизу через малые местные приходы, домовые молельни, кладбищенские часовни.

Прежде всего — правда, истина, воссоздание и сохранение истинной истории, исторической памяти. Затем — объективное суждение: моральное осуждение, оправдание или милосердное прощение, особенно при покаянии. Лишь тогда можно рассчитывать на мир, согласие. Скольких ухищрений стоило сокрытие правды о бессудном убийстве 15 тысяч польских военнослужащих в 1940 г.: международные комиссии с видными учеными, подтасовка белорусской деревни Хатынь вместо Катыни на Смоленщине, но лишь когда была признана правда, наступил мир с поляками.

С другой стороны необходимо убрать ложные памятники, искажающие историю хотя бы своим количеством. В первую очередь встает вопрос о ленинском мавзолее. Останки Ульянова-Ленина по его собственному завещанию легко захоронить на том же петербургском кладбище, где похоронена его мать, а что делать с мавзолеем? В Болгарии мавзолей Димитрова предлагали превратить в общественный туалет, теперь решили использовать для какого-то архива. Ленинский мавзолей надо либо превратить в мемориал жертвам диктатуры, либо просто убрать, как и все захоронения у стены и в стене кремлевской, чтобы главная площадь столицы не была кладбищем. Останки либо перезахоронить где-то, либо, как завещал о себе Энгельс, сжечь все и пепел развеять над океаном.

В прессе возникал вопрос о том, что и при идеократической диктатуре бывают уголовные преступления, наказуемые при любом режиме, а к тому же диктатура зачастую умышленно смешивает политическое с уголовным. Не только юридическая практика, но и наука изобилует сложностями и противоречиями, а потому в плане нашей тематики можно, думается, применить упрощенный подход: для палачей презумпция вины (пусть оправдываются или каются), для жертв — презумпция невиновности (требуются доказательства подлинной вины).

За весь послесталинский период, с оттепели по перестройку, то и дело путали два понятия: амнистия или реабилитация. Была даже полемика между «Новым миром» Твардовского и «Октябрем» Кочетова: для консерватора Кочетова десталинизация — это амнистия, то есть прощение, помилование, для Твардовского — это реабилитация, то есть оправдание.

При амнистии человек остается виновным, власть только отменяет или снижает наказание. При реабилитации человек признается невиновным, осужденным несправедливо, неправедной властью. Амнистия от диктатуры неприемлема в принципе, на эту тему есть стихотворение «Амнистия» Ивана Елагина — одного из лучших поэтов «второй эмиграции»:

«Еще жив человек
Расстрелявший отца моего
Летом в Киеве, в тридцать
восьмом.
Вероятно, на пенсию вышел.
Живет на покое
И дело привычное бросил.
Ну, а если он умер, —
Наверное, жив человек,
Что пред самым расстрелом
Толстой
Проволокою
Закручивал
Руки
Отцу моему

За спиною.
Верно, тоже на пенсию вышел.
А если он умер,
То, наверное, жив человек,
Что пытал на допросах отца.
Этот, верно, на очень хорошую
пенсию вышел.
Может быть, конвоир еще жив,
Что отца, выводил на расстрел.
Если б я захотел,
Я на родину мог бы вернуться.
Я слышал,
Что все эти люди,
Простили меня»¹⁰.

¹⁰ Елагин И. Тяжелые звезды. США, Эрмитаж, 1986.

ГЛАВА ВТОРАЯ
ДБРОВОЛЬСКИЙ И.В.

КАКОВО ПРОШЛОЕ — ТАКОВО НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ?

Читая исследование Галины Михайловны Ивановой о ГУЛАГе, мрачные мысли приходят в голову о будущем России. Хотя в книге речь идет о прошлом, недавнем прошлом.

И вот почему. Из законов физики мы знаем, что материя не исчезает, а лишь меняет форму и содержание. Многие знают по личному опыту, а верующие люди в этом глубоко убеждены, что и добро, сделанное другому, не исчезает бесследно, продолжает влиять на жизнь, а нередко в какой-то форме даже возвращается к сделавшему добро человеку. А как обстоит дело с делами злыми? С обманом, убийством, насилием? Они тоже возвращаются «на круги своя»?

Поясним на примере: может ли семья сохраниться, если сын во вспышке гнева убил отца? Об этом знают только мать, братья и сестры. Могут ли они сказать: «Что было, то было, забудем! Нужно смотреть в будущее. Будем жить дружно». Это, пожалуй, не удастся. Мертвый отец будет стоять между ними.

То, что происходило в ГУЛАГе и других подобных ведомствах тоталитарного Советского Союза — это было отцеубийство, братоубийство и детоубийство в прямом смысле этого слова.

Прожив многие годы в эмиграции, автор этих строк знал о существовании ГУЛАГа задолго до появления эпохальной работы А.Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Беглецы из ГУЛАГа (см., например, книгу Солоневича «Россия в концлагере») — это были одиночки — сообщали невероятные и ужасные факты: 20 миллионов заключенных, невыносимые условия работы. От холода и голода в лагерях погибли тысячи человек. Но картина была очень схематичной, отсутствовала какая-либо статистика и анализ: безжалостный тиран, садист со своими опричниками, с одной стороны и поработенный народ, с другой. Такое впечатление создавалось у многих за рубежом. Все внимание мы обращали на жертвы ГУЛАГа.

Из исследования Г.М.Ивановой узнаем, что между тираном и поработенным народом стояли «кадры ГУЛАГа», и их было совсем не мало. Не единицы и не тысячи, а более миллиона. Т. е. — часть народа. Откуда они появились, почему пришли на эту «работу» и как к ней

относились — об этом подробно говорится в исследовании Г.М. Ивановой, и в этом ее большая заслуга.

С педантичностью ученого она рисует образ этих людей. Фанатики-идеалисты, карьеристы, садисты, воры, совратители и соблазнитель. Они с большим или меньшим усердием создавали и приводили в движение огромную машину уничтожения людей, внося и свой личный, в большинстве случаев недобрый, вклад. Уничтожали людей одной с ними крови, одного языка и одной Родины. Время от времени тиран проводил чистку и тогда часть «кадров» оказывалась за проволокой, но на их место приходили новые, не менее усердные и жестокие. Они быстро осваивали новую «профессию».

В целом это можно назвать «школой ненависти и насилия» в масштабах всей страны. Молодой комсомолец, идеалист, пришедший на эту «работу» добровольно или по набору, учился жестокости к слабым и бесправным, учился ненависти к «врагам народа», учился безнаказанно превышать власть, обворовывать и без того голодных заключенных. Но в первую очередь, чтобы выполнять эту работу, он должен был научиться подавлять в себе свойственные каждому человеку чувства жалости и милосердия к больному, старику, женщине.

Соблазняемый и подталкиваемый партийной пропагандой, пришедший на работу в «кадры» учился преодолевать проходящую в сердце каждого человека границу «не убий», за которой человек становится другим. Убив прежде всего человека в себе, ему кажется, что «ради идеи» ему все дозволено, он стоит выше жизни и смерти, может казнить и миловать.

А ведь система ГУЛАГа — это еще далеко не все «изобретения» коммунистического тоталитарного государства. Эту «школу» проходили все те, кто загонял людей в ГУЛАГ и все те, кто участвовал в бесчеловечных насильственных мероприятиях компартии, как то: раскулачивание, коллективизация, разрушение храмов, расстрел священников. Все, служившие в организациях со страшными названиями: ЧК, ГПУ, НКВД, СМЕРШ.

Эту «школу ненависти и насилия» прошли в разное время и с разной интенсивностью миллионы людей, и не случайно имеется на вид невинная, но многозначительная поговорка: «Москва слезам не верит». А кому и чему она верит? Безжалостному диктатору-садисту и лживым песням его писателей и певцов? «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек». Это пели и в это верили тогда, когда в ГУЛАГе уже сидели миллионы. Неверие слезам плачущего человека, а тем более слезам

миллионов жен, матерей и детей есть соучастие в преступлении, и гордиться здесь совсем нечем.

Г.М. Иванова не дает цифры заключенных ГУЛАГа и «кадров». «Еще не открыты архивы». Но и тогда, когда их откроют, в них будет описана лишь часть того насилия и тех страданий, которые совершались на территории страны с 1917 по 1991 годы, в период нераздельной власти ленинско-сталинской партии. В этих архивах не будут учтены дети, погибшие от голода при раскулачивании и во время искусственного голода в Украине в 1932–1933 годах, все те, кто погиб при постройке Беломорканала или был расстрелян в подвалах «славными чекистами».

Могут утверждать, что все это прошло и не играет сейчас никакой роли. Нет, оно живет сегодня! Опыт миллионов, прошедших школу ненависти и насилия, как всякий опыт, остается. Не в этом ли причина возросшей преступности, как только ослабел надзор милиции? В частности, жестокости к детям (нам сообщают, что в Москве часты случаи, когда родители выгоняют детей на улицу, продают квартиру и полученные деньги пропивают). Может быть, безжалостное отношение к старикам, пенсионерам, которые влачат подчас недостойную полуголодную жизнь, и объясняется жестокостью к людям в недалеком прошлом? А «новые русские», которые правдой, а в большей мере неправдой, разбогатели в кратчайший срок — держат свои миллионы в иностранных банках, вместо того чтобы поднимать хозяйство собственной страны. Может это совсем не «новые», а те «старые», которые обкрадывали заключенных, обрекая их на голодную смерть, или непомерными поборами уничтожали деревню. Люди новые, но отношение и мотивы те же, та же безжалостность к слабым и незащищенным, то же безразличие к собственному народу. А те, кто претендует сегодня быть народным представителем, откуда у них эта спесь и лживость в речах? Фактически без сочувствия к нуждам народа, к будущему России. Они ведут свои игры в борьбе за власть и собственные привилегии. Не о том ли заботились и депутаты «верховного», принимая безоговорочно безумные антинародные планы вождя и по команде поднимая руку «за»?

Не забудем и преступления в Чечне. Они ведь тоже не случайны. Русское командование приказало бомбить и расстреливать из артиллерии собственные города. Не могли же эти командиры воображать, что все чеченцы, как один, поддерживают с оружием в руках Дудаева, а тем более этого нельзя было предположить о русских, проживавших в Грозном и других городах. Как же можно их убивать за вину небольшой части активных нарушителей государственного суверенитета? Эти генералы могли

бы и могут завтра отдать приказ бомбить Новгород, если там «засядут враги народа».

Разве это не та же безжалостность, которая позволяла осуждать на уничтожение целые слои общества, как, например, бывших помещиков или кулаков в 1920–1930 гг., или обвинять в измене и также осуждать на вымирание целые народы, как, например, немцев Поволжья или крымских татар (1941–1944 гг.).

В нашей жизни присутствует прошлое — и не только как воспоминание или объект для изучения историков, а как реальный фактор, формирующий жизнь и поведение людей. Не потому ли и семь лет после падения советской власти продолжается повсеместное неустройство и, скажем прямо, застой. Застой в экономических реформах, реформе образования, сельского хозяйства, застой в законодательстве, в преобразовании армии. Нельзя безнаказанно начинать жизнь с произвольно взятой точки времени, игнорируя предыдущую историю, как это думали большевики, начиная с 1917 г.

Можно ли преодолеть или остановить деградацию и вымирание русского народа, соскальзывание российского государства на роль десятистепенной страны? Если да, то при одной обязательной предпосылке: нужно вскрыть без жалости к себе все совершенные преступления за период с 1917 по 1991-й годы, не ища самооправдания, не сваливая вину за происшедшее на царя, империалистов, евреев, масонов и пр. и пр.

Не замалчивать это прошлое из патриотизма и любви к Родине. Именно из любви к Родине нужно сказать себе и другим всю правду.

Для этого нужно не только открыть без остатка все архивы, но и записать все, что еще знают и помнят оставшиеся участники — как жертвы ГУЛАГа, так и «кадры» его. Не для того, чтобы провести по стране тысячу процессов над преступниками, а для того, чтобы осудить преступление — преступление одной части народа перед другой.

Это большое дело не под силу только государству, да и не дело государственных чиновников или милиции проводить такие опросы. Это должны делать писатели, ученые, журналисты, студенты. Это может делать каждый — записывать и собирать рассказы очевидцев. Не комментировать и не давать оценки, нужны сами факты. Нужно записать судьбу каждого человека, который погиб в это время, каждого, кто подвергся преследованиям, каждого ребенка, которого лишили отца, и он скитался беспризорником по стране.

Все нужно опубликовать, и пусть эта книга — «книга памяти» — будет в сто тысяч страниц. Национальная библиотека памяти, в которой каждый смог бы найти судьбу своего отца, деда, матери или брата.

И пусть «вчерашние» и «неисправимые» кричат, что все уже известно, зачем ворошить старое, возбуждать вражду — это лживые и лукавые отговорки. Первое издание книги Г.М. Ивановой о ГУЛАГе вышло тиражом в 500 экземпляров — сколько человек ее прочтет? Книги А.И. Солженицына доступны жителям Москвы, но в провинции их получить трудно. Современные учебники истории для старших школьников и студентов, за малыми исключениями, полны полуправды и строятся по принципу «с одной стороны так, с другой эдак». Российское государство, дескать, «за тысячелетнюю историю переживало разные периоды, был и советский период, плохой или хороший — покажет будущее». Так представляют молодому поколению тот безумный и злой эксперимент над российским человеком, который потребовал небывалых жертв, и привел народ и государство на край гибели: Россия стоит на первом месте в мире по количеству аборт, и низкая рождаемость сочетается с угрожающе высоким для индустриальной страны уровнем младенческой смертности.

Нарастание центробежных, сепаратистских сил в Российской Федерации не прекращается и после развала Советского Союза. Хотя многие современники, и особенно политики, этого сегодня, в середине 1998 г., видимо, еще не замечают и ведут себя так, как будто ничего не произошло.

Найдутся ли у российского народа еще духовные силы осознать важность и необходимость этой национальной задачи? Найдутся ли тысячи добровольцев, общественные организации и фонды, которые смогут начать и довести до конца этот великий труд очищения? Если да, то откроются большие перспективы для преодоления духовного и экономического застоя.

Но нельзя медлить. С каждым годом остается все меньше и меньше живых свидетелей. Знания и опыт этих поколений есть ценнейшее национальное достояние, на котором могут учиться и научиться современное и будущие поколения — как избежать ошибок отцов, дедов и прадедов.

Есть еще одна причина, по которой следует спешить: выборы в Думу показывают, что 30-40 % взрослого населения еще в плену утопий 19 века и готовы вручить свою судьбу коммунистической партии, которая и является организатором катастрофы. Свобода выбора включает и свободу выбора ошибочного пути, пути назад, к уже пройденному. Под влиянием трудностей переходного периода народ-суверен может сделать и такой

выбор. Это его право. Но что останется от России после новой попытки реализации античеловечной коммунистической утопии???

1998 г., май

РАЗДЕЛ VI

Г.Ф. ВЕСНОВСКАЯ

СТАТИСТИКА О РЕАБИЛИТАЦИИ

В первую очередь хочу выразить признательность Международному Обществу Прав Человека, которое сочло необходимым пригласить для исследования проблем, связанных с последствиями тоталитаризма, представителя Генеральной прокуратуры России. Поскольку считается, что прокурор — это говорящий закон, я рассмотрю эту проблему с точки зрения действующего в России законодательства. Начну с краткой информации о советском тоталитаризме. Эту глубокую трагедию пережили несколько поколений россиян.

Понятие статистики в контексте человеческих трагедий звучит кощунственно, но без цифр не обойтись.

За годы советской власти жертвами произвола тоталитарного режима стали миллионы граждан России. К ним относятся 4 миллиона подвергшихся уголовным репрессиям за политические убеждения, из которых около миллиона лишены жизни. Свыше 320 тысяч семей (около 2 миллионов человек) подверглись массовому и трагическому по своим последствиям раскулачиванию, около 4 миллионов граждан — это репрессированные народы и, конечно, большое, пока точно не установленное число иностранных граждан, репрессированных в военные и послевоенные годы.

Но даже эти страшные цифры не отражают всей сути того, что было.

Всем известно время, когда машина сталинского террора по разнарядкам руководителей административных органов безжалостно пожирала людские судьбы после так называемого «упрощенного следствия», в основу которого были положены глумление над безвинными людьми и откровенная фальсификация дел. Режим не щадил ни детей, ни женщин, ни стариков. Миллионы людей расстреливались, осуждались к длительным срокам лишения свободы в тюрьмах и концлагерях ГУЛАГа, ссылались в отдаленные районы страны.

Пожалуй, сейчас трудно представить страну, в которой, согласно статистике проживало бы столько «врагов народа, контрреволюционеров и шпионов».

Борьба с правовым беспределом началась в период «хрущевской оттепели» в 1954 г.

В то время было восстановлено доброе имя почти 800 тысяч невинных людей, незаконно брошенных в тюремные застенки. Но подавляющее большинство полной реабилитации так и не получили, поскольку решения об освобождении были приняты в связи с актом «Об амнистии», а мера наказания сокращена до отбытия срока. Значительной части осужденных и в этом было отказано, а многие не могли защитить свои интересы, так как были расстреляны или умерли.

Следует отметить, что процесс шел как бы «выборочно», только по заявлениям и с оглядкой на тех, кто был причастен к произволу и продолжал занимать высокие партийные и государственные посты. Заявляя о необходимости восстановления справедливости, укрепления законности, руководители страны лишь «выпускали пар», мало что меняя в этой системе.

Результаты не замедлили сказаться: процесс реабилитации пошел на убыль, о трагических событиях прошлого стали вспоминать все реже и реже. А скоро последовали и новые политические преследования.

Это дела академика Сахарова, писателей Даниэля, Синявского, правозащитников Щеранского, Быковского и др.

Методика репрессий была уже несколько иной: неблагонадежных изолировали от общества, фальсифицируя материалы, и осуждали по надуманным основаниям. Кроме того, с помощью специально разработанной судебнопсихиатрической индустрии помещали в психиатрические лечебные учреждения. Даже выдворяли из страны.

По имеющимся данным, к уголовной ответственности только по ходовым в то время ст. ст. 70 и 190-1 УК РСФСР привлечено к ответственности более 8 тысяч человек, около 20 тысяч были помещены в политические застенки лагерей и психбольниц по сфабрикованным уголовным делам.

Только демократические преобразования в стране позволили продолжить исследование белых пятен истории и принять дополнительные меры по восстановлению справедливости.

Начало этой работы положил Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 сентября 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-х, 40-х начале 50-х годов», согласно которому в России было пересмотрено еще около миллиона уголовных дел, по которым реабилитирован 1 миллион 73 тысячи 750 человек. Среди них большие политические дела:

«Антисоветской правотроцкистской организации», «Московского центра», «Бухаринской и Рыковской школ», «Объединенного центра»,

«Промышленной промпартии», «Исполкома Коминтерна» и многие другие.

Но все же и это был очередной глоток свежего воздуха.

Принципиально новый подход к исследованию этой важной государственной проблемы положил принятый 18 октября 1991 г. Закон Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий».

Впервые целью настоящего Закона определены реабилитация всех жертв политических репрессий, подвергнутых таковым на территории РСФСР с 25 октября (7 ноября) 1917 г., восстановление их в гражданских правах, устранение иных последствий произвола и обеспечение посильной в настоящее время компенсации материального и морального ущерба.

В законе был осужден многолетний террор и массовые преследования своего народа, как несовместимые с идеей права и справедливости, и высказано глубокое сочувствие жертвам необоснованных репрессий, их родным и близким.

Согласно закону, политическими репрессиями признаны различные меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам с ноября 1917 г., в виде лишения жизни или свободы, помещения на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения, выдворения из страны и лишения гражданства, выселения групп населения из мест проживания, направления в ссылку, высылку, на спецпоселение, привлечения к принудительному труду в условиях ограничения свободы, а также иного лишения или ограничения прав и свобод лиц, признававшихся социальноопасными для государства или политического строя по классовым, социальным, национальным, религиозным или иным признакам.

При этом закон признал, не представляющими общественной опасности независимо от фактической обоснованности обвинения и подлежащими реабилитации, лиц, осужденных за:

- антисоветскую агитацию и пропаганду;
- распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный или общественный строй;
- нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви;
- посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов;
- побег из мест лишения свободы, ссылки и спецпоселения, мест привлечения к принудительному труду в условиях ограничения свободы (лиц, которые находились в указанных местах в связи с необоснованными политическими репрессиями).

Из перечисленных лиц согласно закону не подлежат реабилитации

осужденные судами, а также подвергнутые наказаниям по решению несудебных органов, в делах которых имеются достаточные доказательства по обвинению в совершении следующих преступлений:

— измена Родине в форме шпионажа, выдачи военной или государственной тайны, перехода на сторону врага; шпионаж, террористический акт, диверсия;

— совершение насильственных действий в отношении гражданского населения и военнопленных, а также пособничество изменникам Родины и фашистским оккупантам в совершении таких действий во время Великой Отечественной войны;

— организация бандформирований, а также личное участие в совершении этих деяний в составе бандформирований;

— военные преступления, преступления против мира, против человечности и против правосудия.

Кроме того, не подлежат реабилитации направленные в административном порядке на спецпоселения лица из числа репатриированных советских граждан (военнопленные и гражданские лица), служившие в строевых и специальных формированиях немецко-фашистских войск, полиции, если имеются доказательства их участия в разведывательных, карательных и боевых действиях против Красной Армии, партизан, армий стран антигитлеровской коалиции и мирного населения, за исключением тех, кто впоследствии принимал участие в боевых действиях против немецко-фашистских войск в составе Красной Армии, партизанских отрядов или в движении Сопротивления.

Учитывая тяжесть последствий произвола, закон признал репрессированными и подлежащими реабилитации детей, находившихся с родителями в местах лишения свободы, в ссылке, высылке, на спецпоселении.

Также законодатель определил статус пострадавших от политических репрессий.

К ним отнесены:

— дети, оставшиеся в несовершеннолетнем возрасте без попечения одного или обоих родителей, необоснованно репрессированных по политическим мотивам;

— дети, супруга (супруг), родители лиц, расстрелянных или умерших в местах лишения свободы и реабилитированных посмертно.

Определив два вида репрессий, закон возложил реабилитацию лиц, репрессированных в административном порядке, на органы МВД.

На органы прокуратуры помимо надзорных функций, данный Закон возложил обязанность по установлению и проверке всех дел с неотмененными до введения в действие настоящего Закона решениями судов и внесудебных органов на лиц, подлежащих реабилитации.

В случае доказанности вины в совершении вмененного в вину преступления, лицо признается не подлежащим реабилитации. При наличии заявления, с заключением прокурора дело направляется в суд, который вправе отказать в реабилитации, внести изменения в состоявшееся ранее решение или отменить его, прекратив дело по реабилитирующим основаниям.

Новая историческая оценка прошлого СССР вызвала широкий интерес в западных странах, особенно в Германии. В Генеральную прокуратуру РФ стали поступать многочисленные заявления о реабилитации от лиц, репрессированных по решениям судов Союза ССР или внесудебных органов на временно оккупированных территориях в военное время, которые применяли репрессии в нарушение действовавшего в тот период законодательства.

Но правовой статус этой категории граждан принятым законом первоначально определен не был.

Выражая свою приверженность правам человека, демократии и правовой государственности, в 1992 г. Генеральная прокуратура России обратилась в законодательные органы с предложением дополнить закон в этой части.

Предложение наряду с другими было принято 22 декабря 1992 г. Этому, бесспорно, способствовало совместное заявление в отношении безвинных жертв репрессий, принятое 16 декабря 1992 г. руководителями государств России и Германии.

22 декабря 1992 г. положения закона распространены на иностранных граждан, репрессированных по решению судов Союза ССР или внесудебных органов за пределами СССР по обвинению в деяниях против граждан СССР и интересов СССР.

Вопросы реабилитации иностранных граждан, репрессированных по решению судов Союза ССР или внесудебных органов за пределами СССР на основании международных законов за деяния против интересов Объединенных Наций во второй мировой войне, решаются в соответствии с международными соглашениями Российской Федерации с заинтересованными государствами.

Исполнение закона в этой части возложено на специальное подразделение Главной военной прокуратуры.

Временные границы закона потребовали от органов прокуратуры не

только продолжить незавершенную в прошлые годы работу по восстановлению справедливости периода сталинского террора и инквизиции инакомыслия 70-х, но поднять новые пласты правового беспредела.

По делам, к которым рука юриста не прикасалась более полувека, видно, как формировался правовой нигилизм молодого советского государства.

Как свидетельствует прокурорская практика последних лет, террор против собственного народа был развязан не в годы «сталинизма», как об этом было принято говорить, а по сути с первых дней существования новой власти - с ноября 1917 г.

Это началось с расстрелов без следствия и суда членов императорской семьи и ее окружения.

Затем массовые уголовные репрессии 1918-1922 гг., когда «белый» и «красный» террор, жестокость «чрезвычайек», контрразведок, ревтрибуналов превзошли то, что не могло бы представить себе даже воспаленное воображение.

Пример тому - подавление кронштадского мятежа. Из жителей этого города, численность населения которого вместе с военными составляла чуть более 30 тысяч, привлечены к уголовной ответственности 10076 человек (каждый третий), а расстреляны 2103 (каждый пятый).

После подавления мятежа стране и всему миру пытались доказать, что покушались на «завоевание Октября» не обычные русские матросы - в массе своей крестьянские сыновья, а «вражеские заговорщики, шпионы, контрреволюционеры».

Каток массовых репрессий породил в стране и серию других дел.

Сплошь и рядом обвиняли и судили не за конкретные преступления, а за происхождение, воспитание и образование, принадлежность к той или иной партии, политическому течению, мировоззрению, религии.

Это судьбы поэта Гумилева, скульптора Ухтомского, ученого-химика Тихвинского. Были расстреляны или осуждены на лагерную муку представители древних дворянских фамилий России, много сделавшие для блага, Отечества: Голицыны, Голенщичевы-Кутузовы, Дурново, Крузенштерны, а также офицеры русской армии, представители технической интеллигенции, университетской профессуры.

Это дело стало уникальным опытом создания атмосферы страха, взаимного доноительства, средством массовых арестов и казней.

Выполняя возложенные задачи, работники прокуратуры, а их число невелико, не превышает даже 200 юристов, за время действия Закона пересмотрели 416 947 уголовных дел в отношении 576 522 лиц. Восстановлено доброе имя 462 340 граждан. Рассмотрено

599 579 обращений, по которым 159 030 лиц реабилитированы, 297 027 признаны пострадавшими от политических репрессий, 8 652 реабилитированы по ст. 1-1 Закона.

Кроме того, за указанный период времени военными прокурорами разрешено около 82 000 заявлений о реабилитации и признании граждан пострадавшими от политических репрессий, проверено порядка 86 000 уголовных дел.

Непосредственно отделом реабилитации жертв политических репрессий Генеральной прокуратуры Российской Федерации пересмотрено 24 754 уголовных дел в отношении 45 454 лиц. Реабилитировано 34 424 граждан, признано пострадавшими от политических репрессий 14 999 граждан, реабилитировано по ст. 1-1 Закона — 4 963.

Также отделом реабилитации жертв политических репрессий Генеральной прокуратуры Российской Федерации полностью выполнены Указы Президента Российской Федерации от 10 января 1994 г. «О событиях в г. Кронштадте весной 1921 г.» и от 8 июня 1996 г. «О дополнительных мерах по реабилитации лиц, репрессированных в связи с участием и событиями в г. Новочеркасске в июне 1962 г.» (п. 1). По материалам уголовного дела по событиям в г. Кронштадте, состоящего из 272 томов, реабилитированы 8 910 участников «Кронштадского мятежа», подвергшихся репрессиям по политическим мотивам. По делу о событиях в г. Новочеркасске принесено 7 протестов по уголовным делам 15 граждан, осужденных в связи с вышеуказанными событиями и ранее не реабилитированных. Все протесты удовлетворены.

Оказывается практическая помощь Министерству труда и социального развития в правовой оценке соответствия Российскому законодательству принятых в странах СНГ решений о реабилитации. Таких заключений дано около 2 000.

Значительное место в работе уделяется пропаганде, как правозащитной роли Закона, так и деятельности органов прокуратуры в этом направлении. Только за два последних года прокуроры 587 325 раз выступали и организовали публикации в средствах массовой информации с разъяснением положений Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» и политики государства в этом направлении. Принимали участие в создании Книг памяти, издание которых высоко оценивается общественностью. Издан двухтомный сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий.

Органы прокуратуры систематически и целенаправленно в порядке прокурорского надзора проводят проверки исполнения реабилитационного законодательства. За указанное время проведено 4 709 таких проверок, вскрыты многочисленные нарушения прав граждан, связанных с получением предусмотренных законом социальных льгот и гарантий (получение жилья и установка в первоочередном порядке телефона, бесплатный проезд на транспорте, снижение стоимости лекарств по рецептам врача на 50 % и т. п.). Во всех необходимых случаях принимались меры к устранению нарушений. За 2 последних года (1996-1998 гг.) внесено 1533 акта прокурорского реагирования.

Не без активного вмешательства прокуроров на местах были созданы в соответствии с Законом и начали функционировать Комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий.

Анализ прокурорских проверок, в том числе федеральных министерств (Министерства труда и социального развития, Минфина), поступающие из регионов сведения и информации свидетельствуют о том, что в последнее время одной из основных причин нарушения прав жертв политических репрессий является ненадлежащее финансирование расходов на реализацию Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий». Несмотря на то, что с внесением дополнений в Закон, число реабилитированных лиц и лиц, признанных пострадавшими от политических репрессий, увеличилось, бюджетные ассигнования на защиту их прав в последние два года значительно сократились.

Положение с финансированием расходов усугубляется еще и тем, что федеральный бюджет по этому виду расходов исполняется Министерством финансов России не в полном объеме.

Сокращение федерального бюджета по финансированию расходов, исполнение его не в полном объеме, приводят к тому, что перечисленные из федерального бюджета суммы не обеспечили потребности регионов в покрытии фактически произведенных расходов на указанные цели, а это, в свою очередь, привело к росту задолженности федерального бюджета перед регионами и, в конечном итоге, ущемлению прав реабилитированных лиц на получение льгот и компенсаций. Сумма долга федерального бюджета перед субъектами Российской Федерации на начало 1999 г. в 3,2 раза превысила предусмотренные бюджетом расходы на защиту прав жертв политических репрессий.

Конкретные предложения руководства Генеральной прокуратуры РФ по разрешению указанной проблемы направлены в Правительство России,

Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации, а Министру финансов РФ-представление.

Органами прокуратуры, по нашему мнению, проделан значительный объем работы по реабилитации жертв политических репрессий и восстановлению их прав. Тем не менее она далеко не завершена. По результатам ревизии архивных фондов только территориальными органами прокуратуры предстоит еще пересмотреть около 300 000 уголовных дел. Учитывая специфику этой работы, возраст и состояние здоровья жертв политических репрессий, Генеральная прокуратура Российской Федерации принимает организационные меры по созданию предпосылок эффективного решения задач по реализации Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий», завершения работы по пересмотру уголовных дел в отношении лиц, осужденных за контрреволюционные и особо опасные государственные преступления.

Работа, проделанная отделом реабилитации жертв политических репрессий Генеральной прокуратуры Российской Федерации, высветила важную закономерность. Люди, развязавшие репрессии, от них и погибали. Те, кто в первые годы советской власти организовал террор, погибли в сталинских застенках. Тех, кто их репрессировал, кара закона настигла в пятидесятые годы.

Заключительная статья закона о реабилитации не освободила от уголовной ответственности тех, кто допускал преступления против правосудия при расследовании и рассмотрении уголовных дел о государственных преступлениях. Но эта мера оказалась запоздалой, так как их в живых уже нет. Вместе с тем нормы, определяющей ответственность за репрессию народа, как тяжкое, особоопасное государственное деяние, которая могла бы предостерегать, предупреждать, устрашать ее организаторов, законодатель, к сожалению, не предусмотрел.

Принимая закон «О реабилитации жертв политических репрессий», государство взяло на себя наряду с этим обязательство восстановления их гражданских прав, устранения иных последствий произвола и обеспечения посильной в настоящее время компенсации материального и морального ущерба.

Согласно закону, реабилитированные лица восстанавливаются в утраченных ими в связи с репрессиями социально-политических и гражданских правах, воинских и специальных званиях, им возвращаются государственные награды.

Закон признал право реабилитированных лиц, утративших жилые помещения в связи с репрессиями, возвращаться к прежнему месту

жительства. При этом они и члены их семей, а также нуждающиеся в улучшении жилья, имеют право на первоочередное получение бесплатного муниципального жилья, а проживавшие в сельской местности, на получение беспроцентной ссуды.

Подвергавшимся репрессиям в виде лишения свободы, помещения на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения и впоследствии реабилитированным, одновременно выплачивается денежная компенсация за каждый месяц лишения свободы или пребывания в психиатрических лечебных учреждениях.

Реабилитированным, имеющим инвалидность или являющимися пенсионерами, предоставляются социально-бытовые льготы:

- при получении путевок для санаторно-курортного лечения и отдыха;

- а также,

- снижение стоимости лекарств по рецептам врача на 50 процентов;

- бесплатное обеспечение инвалидов автомобилем при наличии медицинских показаний;

- бесплатное пользование муниципальным городским и пригородным пассажирским транспортом.

- бесплатный проезд (туда и обратно) один раз в год железнодорожным транспортом, а в районах, не имеющих железнодорожного сообщения, — водным, воздушным или междугородным автомобильным транспортом со скидкой 50 процентов стоимости проезда;

- снижение (для реабилитированных лиц и совместно с ними проживающих членов их семей) размеров оплаты жилой площади и коммунальных услуг.

- бесплатное изготовление и ремонт зубных протезов (за исключением протезов из драгоценных металлов), льготное обеспечение другими протезно-ортопедическими изделиями.

Ряд перечисленных мною льгот распространяются на лиц, признанных пострадавшими от политических репрессий.

Они имеют право на бесплатную консультацию адвокатов по вопросам, связанным с реабилитацией, освобождаются от уплаты государственных пошлин и возмещения судебных расходов при обращении в государственные органы и суд по вопросам, возникающим в связи с применением настоящего закона, за исключением споров между этими лицами и их наследниками.

Решение о возврате имущества, возмещении его стоимости или выплате

денежных компенсаций принимают органы исполнительной власти по месту утраты имущества.

Семилетняя практика исполнения Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» высветила ряд проблем, вызванных с его несовершенством. Неслучайно за сравнительно небольшой срок в Закон несколько раз вносились изменения и дополнения. Кроме того, он дополнен семью Указами Президента России. Однако и сегодня ряд норм действующего закона препятствует восстановлению исторической справедливости в отношении отдельных категорий граждан, содержит некоторые дискриминационные положения, противоречит Конституции, что, в частности, отмечалось в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 23 мая 1995 г. Федеральному Собранию предлагалось принять меры к устранению противоречий и дискриминационных положений в отношении детей и супругов лиц, расстрелянных или умерших в местах лишения свободы и реабилитированных посмертно, а также детей, оставшихся без попечения необоснованно репрессированных родителей. Однако это предложение до настоящего времени не реализовано.

Он не гарантирует восстановление нарушенных прав граждан России, подвергшихся необоснованным политическим репрессиям в Крыму.

В полном объеме не обеспечена законом конституционная норма о возмещении материального ущерба реабилитированным гражданам.

Закон «О реабилитации жертв политических репрессий» в ряде случаев неконкретен, содержит неправовые формулировки, требующие официального толкования законодателем.

И вместе с тем прогрессивность действующего на территории России закона о реабилитации жертв политических репрессий очевидна. Я не исключаю мысли, что раскрытие «белых пятен истории» позволило руководителям государства и его народу избежать в августе 1991 г. и октябре 1993 г. развязывания нового витка «охоты на ведьм», даже несмотря на то, что раздавались призывы возродить практику анонимных доносов, судить тех, кто не вышел из компартии, репрессировать всех, кто принадлежал к властным структурам.

Хочется верить, что полное восстановление истории репрессий тоталитарного государства, которое наряду с правозащитной деятельностью возложено законом на органы прокуратуры, позволит предотвратить подобные трагедии впредь.

РАЗДЕЛ VII

ЧТО ДУМАЕТ НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ О ГУЛАГЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

Подготавливая второе, расширенное издание книги «ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои», мы хотели выяснить, как новое поколение россиян относится к прошлому своей страны, в частности, к проблемам, затронутым в нашей книге.

С этой целью мы обратились к будущим историкам-студентам Московского Государственного Университета Гуманитарных Наук, исторического факультета и просим их высказать свое мнение. 19 человек выполнили нашу просьбу и передали нам свое более или менее обширное суждение в письменной форме.

Мы чрезвычайно благодарим всех, кто взял на себя этот труд, и приносим извинения, за то, что мы, по причине ограниченности места, должны были несколько сократить тексты, не изменяя их смысла.

ГУЛАГ – «как много в этом слове для сердца русского слилось, как много в нем отозвалось».

Да, это действительно так, и в особенности для тех, кто был и остается связанным с этим ужасом, как лично, так и через своих родственников. Ведь как забыть человеку, побывавшему в концлагерях, те безнадежные годы, когда были потеряны и счет времени, и обычные человеческие чувства? Не исчезнут из памяти те зловещие дни и у близких репрессированных, когда у них разрывалось сердце от потери родного человека, когда они подвергались унижению и гонению, как члены семьи «врага народа», когда они оставались без крова и без надежды на лучшее...

...Но многие настаивают на том, что не нужно ворошить прошлое, искать и разглашать реальную действительность репрессивной системы. Но тогда как же быть с будущим? Ведь народ, не знающий даже истории своей страны, просто не сможет долго просуществовать. И, как все учатся только на своих собственных ошибках, то ни какие предостережения, пусть даже самых лучших доброжелателей, не помогут.

...Выбрав путь, когда главным считается не ворошить людскую боль, когда придется скрывать правду, будет существовать опасность «наступить дважды на одни и те же грабли». Так как скрываемая правда всегда оказывается «горькой», то народу предоставляют «сладкие», лживые

сведения. Так было в советское время. Например, объявляя о результатах пятилетки, как бы забывали и умалчивали о цене, которую приходилось платить людям, чтобы добиться выполнения плана. Или вспомним ВОВ с нашими «немногочисленными» потерями. Но и в это приходилось верить, из-за чего общее впечатление оставалось неплохим.

...Но я, и думаю не одна я, считаю - хватит лжи и неведения! Ведь из-за того, что людям преподносили только «сладкую» информацию, многие граждане России, поддерживая Зюганова, готовы вернуть коммунистический строй, вместе с которым они, по неведению, постепенно возродят и все негативные стороны той жизни, с той же основой - но с другой оболочкой.

Поэтому изучение истории страны, а в ней и истории ГУЛАГа, как одной из её составляющих, является не просто желательным, а необходимым. Так как всё это имеет значение, как сегодня, так будет иметь и в следующее время.

История ГУЛАГа важна для нас и по той причине, что всё это было совсем недавно, и след, оставленный им, живёт сейчас в сердцах очевидцев, и будет жить в сердцах воспитанных ими детей и внуков. И мы в силах залечить душевную рану, оставленную от жестокого отношения к ним, от голода, холода, боли, тоски..., от всего того, что заставило многих хороших, чувственных людей измениться, почерстветь, аналогично относиться к остальным.

И.В. Добровольский в своей статье «Каково прошлое - таково настоящее и будущее» прав относительно того, что возросшая преступность в наши дни является следствием этой жестокости, этой безжалостной гулаговской системы. Но он забыл, что это не первое насилие в истории России, что и у этого чудовищного аппарата была уже основа зла, которому опять же что-то дало толчок к его образованию и которое, как морская волна, присоединилось к следующему, очередному, возникшему в более крупных масштабах. И я полностью согласна с автором этой статьи в том, что (чтобы это зло не получило ещё большего дальнейшего развития) необходимо вскрыть и обнародовать все засекреченные материалы за период с 1917 по 1991 гг., не замалчивая ни о ком и ни о чём. Именно так, ещё раз нанеся боль жертвам репрессий, мы, тем не менее, и поможем некоторым из них. Ведь есть и в наши дни, подвергшиеся террору, о судьбе которых так родственники и не узнали. А у них наверняка тлеет в глубине души надежда о том, что наступит, наконец, такой счастливый момент в их жизни, когда они встретятся. Но вечное ожидание - это всё же хуже, чем раз и навсегда хоть «горькую» правду, но узнать и не строить больше иллюзий.

...Именно такие книги, как «ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои» могут помочь человечеству избавиться от наваждения жестокости, боли, страха.

...Таким образом, общество должно быть благодарным издателям этой книги, т.к. с помощью подобных ей книг Россия не вернётся назад в «тёмное прошлое».

Карпенко Елена

1-й курс

Насилие живёт страхом, страх - невежеством.

Этими словами хотелось бы охарактеризовать идею моего отзыва на исследование Галины Михайловны Ивановой «ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои».

Начну с вопроса об актуальности и необходимости этого издания и подобного ему литературы. Моё мнение строго однозначно: никогда в России, за исключением 20-50-х годов, не было времени, когда бы актуальность и злободневность поднятых в книге Г.М. Ивановой проблем стояла бы более остро, чем сейчас, на пороге 21 века. Незрелость судебно-исполнительных властей, полностью подчиняющихся правительственным органам, плюс наш менталитет с низким уровнем развития правовых традиций - результаты бесчеловечных экспериментов - прямо выливаются в наш повседневный страх перед человеком в милицейской форме, в наше неверие в справедливый суд, жестокое обращение с бывшими заключёнными. Наши тюрьмы, состояние которых ухудшается с каждым днём, кадры милиции, символом которой стал тупой, жестокий, равнодушно-бесчеловечный к людям сержант, наше искорёженное сознание - всё это наследие ГУЛАГа, детища, достойного своих страшных родителей. Эта связь с прошлым очевидна и, чтобы исправить ошибки наших отцов и не передать их наследия потомкам, нужно не только активно изучать, но и всевозможными способами информировать общество о результатах этих трудов. Я полностью разделяю тезис И.В. Добровольского о жизни современного общества идеями 19 в., себя уже проявившими на практике. Мы, как бы построили новый дом на месте старого, не разрушив последнего, понадеявшись на его само изживание. Но старые идеи живут-то в людях! А люди имеют свойство передавать потомкам всё то, что считают верным. Значит нужно осудить идеи, признать их ошибочными и преступными, дать понять, что не люди виноваты, т. е. те, кто их претворял в жизнь, а идеи. Таким образом, мы уничтожим барьер между старшим поколением и молодёжью. Ведь ни для кого не секрет, что мы живём сейчас в разных

мирах, не понимая друг друга, часто ненавидя. А сколько полезного может это старшее поколение нам передать: и упорство, трудолюбие, стремление к борьбе, словом, многое из того, чего нам сейчас не хватает. Нужно лишь работать на эту цель, восполнять пробелы в истории, и тогда, может быть, можно будет рассчитывать на то, что долгий путь по развитию наших правовых традиций будет пройден и этим будет положен конец насилию нарушению прав человека в будущем.

Что касается моего мнения о статье И.В. Добровольского «Каково прошлое - таково настоящее и будущее», то оно неоднозначно. Я согласен с его концепцией влияния прошлого на настоящее и будущее и присоединяюсь к его призыву писать книгу памяти. Но я не могу разделить его взглядов, что все, я подчёркиваю – все, наши проблемы лежат в 1917 г., и, только осудив деяния коммунистов, мы их все решим. История СССР – одна тысячная истории России, и вся эта громада довлечет над нами, грозя за наши ошибки повторить события минувших дней. Без учёта этого, новое общество, к которому мы сейчас идём, не может быть построено. В чём я ещё согласен с И.В. Добровольским в его статье, так это с его оценкой книги Г.М. Ивановой «ГУЛАГ.». Действительно, мы видим ГУЛАГ с разных сторон: со стороны конвоиров, следователей в разделе «кадры ГУЛАГа» и со стороны заключённых.

Загоруйко Максим

1-й курс

ГУЛАГ. История ГУЛАГа. А какова же правда этой истории? Истории, у которой есть адреса, номера телефонов, фамилии, имена. Она живёт в московских, да и не только, квартирах, часто с множеством дверных звонков - надо только нажать нужную кнопку, возле которой значится фамилия, записанная в вашем блокноте. Ожидавшая или не ждавшая вашего посещения, вашего неожиданного интереса, она взглянет на вас женскими или не женскими, но обязательно немолодыми и обязательно взволнованно - оценивающими глазами («Кто?.. Почему? Зачем им это?»). Проведёт мимо соседей, если они есть, к себе в комнату и скажет почти обязательно: «Сколько лет прошло... Забывается всё...». А мы подумаем про себя, возможно и скажем вслух: «Забывается?.. Разве такое возможно забыть?..» Ведь на самом деле ничего не забыто - эти слова звучат и как уверенность и как надежда, просьба. И вот этот человек, который стал жертвой этой истории. Он потерял столько близких, соседей, здоровье потерял. А сейчас (здесь же!) живёт, как все. Как все, только со всех сторон окружён памятью...

И в нём сама она, та память о ГУЛАГе, о всём выстраданном, пройденном, пережитом вместе с тысячами других людей, которых тоже надо помнить.

Итак: ничто не забыто. Да, не забыто - разве может человек такое забыть, даже если бы и хотел, имел право?! Но мы, мы не пережившие этого, или сегодняшние молодые, - имеем ли мы право не стараться узнать обо всём, что вынесли, пережили, выстрадали эти гулаговцы. Я думаю, не имели. Но несмотря ни на что, невольно возникает вопрос: зачем, ради чего оживлять этих давно ушедших людей, их давние муки и боль? Уже много раз отвечали на этот вопрос и до нас, но ни кто, и мы в том числе, всё же не знали ответа, но в одном мы утвердились: это нужно сделать. Всё это было, и живущие люди должны об этом знать. А для этого нужно как можно больше издавать литературы, подобной книге «ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои».

Причём, так уж устроен человек - боль правды, всей правды, для него в конечном счёте важнее, дороже сомнительного «блаженства» неведения или лжи. Да к тому же следует учитывать, что будущее иногда бросает взоры и оглядывается на прошлое. Поэтому всегда следует быть готовыми. Готовыми к тому, что узнавая правду о себе и о своём времени, мы невольно увидим те параллели, которые вырисовываются относительно прошлого. И об этом подробно пишет И.В. Добровольский в своей статье «Каково прошлое - таково настоящее и будущее?» в уже упомянутой книге. Он ясно говорит о том, что никакие события не проходят бесследно, не оставляя после себя никаких следов. «Прошлое живёт и сегодня! Опыт миллионов, прошедших школу ненависти и насилия, как всякий опыт остаётся...», - пишет Добровольский. И с этим я с ним согласна. И именно для того, чтобы хоть как-то избежать печальных последствий тех событий, люди должны знать о том, что происходило в Гулаге, или во времена насильственного изъятия церковных ценностей, так называемым ПОМГОЛОм или в других подобных событиях. Ведь только если человек осознает весь ужас происходящего, тогда увидит все те ошеломляющие цифры жертв тех же самых концлагерей (например, что за 10 дней ноября 1940г. в лагеря и колонии вывезли из тюрем СССР 59493 человека; или, что к началу войны число заключённых в лагерях и колониях составляло 2,3 млн. человек; а также все те жестокости, которые были сплошь и рядом в те времена), только тогда он сможет прежде всего представить всю меру лишений, утрат, мучений, пережитых гулаговцами. Только тогда он поймёт и сможет «по достоинству» оценить вред, принесённый тем режимом. И лишь после этого люди постараются избегать этого в будущем. А в этом им помогут знания и

опыт поколений, испытавших и переживших те кошмары. И правильно пишет тот же самый Добровольский: «Знания и опыт этих поколений есть ценнейшее национальное достояние, на котором могут учиться и научатся современное и будущие поколения - как избежать ошибок отцов, дедов и прадедов». А кроме этого, ценнейшим материалом является и уже упомянутая книга «ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои», в которой подробно изложены все факты, касающиеся тех репрессий. На основе этих сведений мы вполне можем понять - почему стал возможен ГУЛАГ, вообще что такое ГУЛАГ и с какой целью проводились все эти репрессии. А благодаря этому мы тоже можем с полной ясностью для себя нарисовать реальную оценку тех событий, где особенно ценными являются приведённые в одной из статей этой книги, воспоминания самих жертв тех репрессий.

Итак, нужно знать, нужно помнить, понимать и осознавать всё, что происходит, происходило или будет происходить в будущем, чтобы не допускать одних и тех же ошибок дважды.

Илларионова Ольга

1-й курс

... «Всё, что будет изложено ниже, является результатом моего личного восприятия прочитанной книги, материалов, почерпнутых мной из других источников, а так же моих бесед на затронутую тему с представителем старшего поколения - моим отцом, который не был ни “строителем” ни “обитателем” ГУЛАГа, но имеет вполне определённое и осознанное мнение по затронутому вопросу».

Как-то я услышала фразу о том, что история повторяется дважды: первый раз как трагедия, второй раз как фарс. Думаю, что ГУЛАГ - это трагедия нашего народа, трагедия, участниками которой стали миллионы людей, но в то же время эта трагедия была сознательно поставлена и отрежиссирована. Постановщиком этой трагедии была коммунистическая власть, а режиссёром - И.В. Сталин.

Давайте вспомним слова известной песни: «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем мы свой, мы новый мир построим, кто был ничем тот станет всем...» Это слова из гимна коммунистов – «Интернационала». Призыв к разрушению стал лозунгом и призывом к действию для целого поколения людей. Под внешне красивым лозунгом - создание счастливого всемирного общества, были загублены жизни многих миллионов людей, вдумайтесь в это. А теперь вы спрашиваете, как к этому можно (или нужно) относиться?

Историю творят люди, но и история, в свою очередь, творит людей. О ГУЛАГе написано очень много. Но это, в большинстве своём, книги, написанные «обитателями» ГУЛАГа. Это книги - воспоминание, проникнутое людским горем, болью, слезами и, как правило, непониманием, за что же власть так жестоко поступила с ним - человеком. Насколько я представляю человеческую психологию, наибольшие страдания вызывает незаслуженное наказание.

Прочтение книги «ГУЛАГ. Его строители, обитатели и герои» вызвало у меня сострадание ко всем, кто прошел ЭТО. Но я не нашла ответа на вопрос зачем всё ЭТО было нужно? Или кому всё ЭТО было нужно? Этот вопрос я задала отцу. Вместо ответа он предложил прочесть мне серию книг В. Суворова «Ледокол», «День “М”» и «Последняя республика»... Он предложил материалы, выводы из которых предоставил сделать самой. А вывод можно сделать только один: ГУЛАГ это только звено, но звено очень важное в цепи событий, происходивших в нашей стране в период 1920-1940 гг. Именно по 1940 г., потому что ГУЛАГ в 1950-1957 гг., это уже только движение по инерции той репрессивной машины, которая была раскручена Сталиным перед войной.

Возникает вопрос, зачем понадобилась эта страшная репрессивная машина. Если это способ устранить потенциальных претендентов на власть, то почему через ГУЛАГ прошли миллионы людей? Неужели все они претендовали на эту самую власть? А ответ можно найти, если вспомнить события, которые происходили в стране в то время. Давайте вспомним.

XIV съезд партии - курс на индустриализацию. В стране начинают строить огромные промышленные комплексы. Магнитка, Днепрогэс, Комсомольск-на-Амуре. А кто строил эти промышленные предприятия? Все знают про комсомольцев-добровольцев. Добровольцы - это хорошо, но этого мало. Поэтому строителями великих строек социализма были в основном «обитатели».

ГУЛАГа. Как говорится «дешево и сердито». Это хорошо, но для строительства таких промышленных гигантов нужно очень много денег, нет проблем. Золото на Алдане добывают тоже обитатели ГУЛАГа.

XV съезд партии - курс на коллективизацию. Сельское хозяйство в стране взято под тоталитарный контроль власти. Частные хозяйства разрушены и национализированы. Зачем? А затем, чтобы можно было брать из деревни всё и ничего за это не платить. Великие стройки социализма нужно худо-бедно, но кормить, «обитателей» ГУЛАГа тоже, а хлеб на вечной мерзлоте не растёт.

Но и это не самое главное, главное - это беспрекословное подчинение населения огромного государства тоталитарной власти. А наиболее действенное и дешевое средство заставить повиноваться - страх. Не просто страх, а тотальный страх. ГУЛАГ не афишировался, в газетах о нем не писали, но в газета широко освещались так называемые процессы по делу над врагами народа. И каждый знал, что получали эти люди, причисленные властью к врагам народа. Никто в стране не мог знать, что будет с ним завтра. Но тотальное повиновение не самоцель, а только средство достижения какой-то другой, более важной цели. КАКОЙ? А цель становится понятной, если вспомнить лозунг, о котором я упоминала в начале. «Весь мир насилья мы разрушим...». Подготовка целого государства к разрушению всего мира, вот та причина, для которой были нужны индустриализация, коллективизация и ГУЛАГ. Другими словами власть, точнее И.В.Сталин, готовили государство и его народ к войне задолго до начала Второй мировой войны. К какой войне мы готовились - это уже другая тема, и останавливаться на ней я здесь не буду.

Тезис о том, что «Прошлое в прошлом» по-моему, спорен. Без прошлого нет настоящего, и не может быть будущего. Но отношение к прошлому, к истории, мы молодые формируем не как очевидцы, а со слов старшего поколения. Как выглядела наша официальная история, мы все хорошо помним. Поэтому либо изучай архивы сам, либо относись критично к тому. Что тебе преподносят историки от власти.

В своей статье «Каково прошлое - таково настоящее и будущее?» И.В.Добровольский делает как бы открытие, что ГУЛАГ это не просто противостояние жестокой (садистской) власти и поработанного этой властью народа. По словам автора статьи, оказывается, что между властью и поработанным народом стояли еще и кадры ГУЛАГа. Какое открытие? По-моему не нужно быть большим психологом, чтобы понять, что в кадры ГУЛАГа шли те, кто по тем или иным причинам не хотел стать его «обитателем». Но Его Величество СТРАХ висел и над кадрами ГУЛАГа. Достаточно вспомнить, что случилось с начальником НКВД и властителем ГУЛАГа - Н. Ежовым. Беспредел нашего настоящего, по-моему, не в том, что «новые русские» - это якобы потомки кадров ГУЛАГа, а в безнравственности нашей верховной власти. Страх ГУЛАГа прошел, как и страх быть изгнанным из рядов самой «славной и правдивой» КПСС - читай, страх быть отлученным от партийной кормушки. В нашей теперешней власти в основном те самые партийные и комсомольские деятели (или их потомки), но только перекарасившихся под демократов, в интересах, теперь уже личного, обогащения. А что народ? Народ смотрит на нашу

«демократическую» власть и удивляется, почему претендент на власть сразу забывает о своих обещаниях, как только становится власть предержащим. И что остается делать тому самому народу, который фактически доведен до нищеты этой самой властью, рассуждающей об ужасах ГУЛАГа и об уроках истории?

...Что касается информированности нашего общества о механизме репрессивной системы 20 - 50-х годов, то ее явно не хватает. Но с другой стороны, что она может дать нам, живущим сегодня? Поможет выжить или сделает нашу власть более нравственной? Вряд ли.

Завражина Ольга

1 курс

Он был красивым, молодым мужчиной, с совсем нетрадиционными для еврея светло-русыми волосами и курносый носом. Так что, столкнувшись с ним на улице, вы бы ни за что не догадались о его подлинной национальности. В свои 30 лет он заведовал профессорской кафедрой, занимался изучением советского права, имел доступ в Кремль, уютную квартиру и даже персональный телефон, что в те годы являлось предметом небывалой роскоши и свидетельствовало об исключительной значимости человека. Стоит ли говорить о его жене и маленькой дочурке, они ему были дороже всего на свете. В общем к 30-ти годам он имел все, что должен иметь мужчина в тридцать лет: дом, семью, работу, уважение в обществе. Чего еще желать? Казалось, все уже достигнуто в жизни, теперь только жить и наслаждаться ею, но тут-то и грянул гром, что гремит среди ясного неба.

Знал ли он, что тот вечер, посвященный 5-ти-летию профессорской деятельности, будет последним безмятежным вечером в его жизни. В тот день ему еще вручили какую-то награду от самого товарища Сталина. А на завтра он получил уведомление о домашнем аресте. События разворачивались с небывалой скоростью, не успел он опомниться от первого шока, как уже через несколько дней ему сообщают об отправке в Куйбышев в качестве партийного работника, но занимал он эту должность недолго. Спустя несколько месяцев бывший профессор назначается директором свиновхоза. Советское правительство, недавно вручавшее ему награду, решило, что на этом поприще он будет полезнее. Но это был еще не конец унижений. По прошествии какого-то времени его отправляют в тюремное заключение. Правда, жене разрешили приехать к нему с ребенком. Но вместе они находились недолго. Вскоре «сверху» пришло сообщение о высылке жены с дочкой в один из районов далекой Сибири... А вскоре пришло письмо, в котором сухим, казенным языком говорилось, что

бывший профессор, находившийся в заключении в тюрьме, выстрелом в голову покончил с собой. Позже, уже после войны, жена обошла все инстанции, но все безрезультатно. Ничего ни о смерти мужа, ни о его захоронении ей не удалось узнать.

Сегодня, когда уже не существует СССР и развенчан культ личности Сталина, подобные истории для многих не редкость. С экранов телевизоров и со страниц газет на нас обрушивается целый поток ранее засекреченной информации. Но часто СМИ обобщают и упрощают сведения о «том времени», мол «был террор, голод, ГУЛАГ, много крови и безвинно загубленных жизней». Таким образом, у многих простых обывателей складывается поверхностное суждение о советском периоде.

Вышедшая в 1998 г. книга «ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои» позволяет восполнить этот пробел. Автор статьи, посвящённой ГУЛАГу, Иванова Г.М., описывая его ужасы, параллельно ведёт рассказ о государственном устройстве «страны советов». Перед читателем вскрываются секретные документы, позволяющие понять, что стояло за темой ГУЛАГа, кто её создавал и зачем.

...Человек должен знать историю своей страны, какой бы она не была страшной. Только тогда возможно неповторение ошибок прошлого.

К сожалению, в нашей стране ещё многие люди продолжают жить под гипнозом советских прокламаций. Они не понимают или не хотят понять их истинную сущность.

P.S. Кстати, 30-летний, молодой профессор, жизнь которого трагически оборвалась, является дядей моей бабушки. До сих пор нам ничего неизвестно о его гибели, как сказано в письме: он застрелился, или его, как многих «не угодных», попросту «убрали», место его захоронения также остаётся для нас загадкой.

Святогорова Катя

1-й курс

После того, как я прочитал книгу «ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои», я полностью осознал всю важность и глубину слов Карла Ясперса, которые были даны в качестве эпиграфа к этой книге. Действительно, «нельзя допустить, чтобы ужасы прошлого были преданы забвению». О них нужно говорить и говорить, постоянно напоминать, чтобы они не были преданы забвению. ГУЛАГ - это ужас нашего 20 века. Мне кажется, что в нашей стране нельзя найти человека, которого бы не коснулся этот кошмар. Мой отец родился в 1949 году. По его рассказам я знаю, что мой прапрадедушка, в 1935 г. был отправлен в лагеря. Отец помнит его,

вернувшегося оттуда - скелет, с подавленной психикой, с отрешённым взглядом. Прапрадедушка умер через пару месяцев после освобождения. Судя по всему, он так и не понял, что вернулся домой.

Больше я ничего о нём не знаю. Я, конечно, имел, как мне казалось, представление о том, что такое ГУЛАГ, но, после прочтения данной книги, я понял, что мои представления были далеки от реальной действительности.... Читая письма людей, которые смогли пройти через всё это, я думал - очень важно, чтобы как можно больше людей узнали о том, что творилось тогда, каким образом строилось наше «светлое будущее».... На мой взгляд, особенно важно то, чтобы об этом узнавало не только новое, молодое поколение, но и старое - наши бабушки и дедушки. Лично я не сталкивался с пожилыми людьми, которые до хрипоты защищали Сталина, оправдывали его действия экономической необходимостью и. тому подобными вещами.... О «ГУЛАГе» нужно знать, чтобы он уже никогда не повторился, чтобы новое поколение не повторило ошибки своих отцов и дедов... К сожалению, выход в свет подобных книг не всеми воспринимается одинаково. Много людей считает, что подобные книги не нужны, они ворошат прошлое, ковыряют старые раны, что они могут вызвать вражду между поколениями. Мне кажется, что любой нормальный человек понимает - на ошибках прошлого надо учиться, а не пытаться их исправить много лет спустя. То есть, по мере возможности, эти ошибки надо исправлять, но, как бы «разумно», что ли. Чем мы реально можем помочь людям, которые прошли через весь этот кошмар? Мы должны окружить их вниманием и заботой, создавать им нормальные условия жизни, всячески поддерживать в наше нелёгкое время и никогда не забывать. А начинать сейчас вскрывать архивы, проводить процессы над бывшими «рядовыми» палачами, мне кажется, бессмысленно. Бывшим заключённым это не поможет, зато это может привести к расколу внутри самого общества: дети и внуки палачей превратятся в изгоев, в своеобразных «врагов народа», уж они-то точно ни в чём не виноваты.

Князев Дмитрий

1-й курс

История ГУЛАГа, выражаясь словами учебника, «одна из самых кровавых страниц российской истории», но в этой зловещей аббревиатуре заключено не только море людской крови, но и полное пренебрежение правами человека, слепая злоба, разрушение, страх, вражда, истощение, саморазрушение и геноцид нации. Книга «ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои» даёт нам более полное представление о печальной истории этого

органа, которой мы ни в коем случае не должны пренебрегать, так как мы не имеем никакого морального права пренебрегать смертями и искалеченными жизнями миллионов людей. И это главное и неоспоримое основание для подобного изучения ГУЛАГа, не считая и практического значения науки истории, которое заключается в накоплении и донесении до последующих поколений не только знаний о каких-то достижениях человечества, но и опыта и информации к размышлению о его грубейших ошибках. Поэтому не рассматривать подробно историю ГУЛАГа было бы не меньшим просчётом, чем действие этой системы, ведь уже один факт, какую цену заплатила наша страна за этот горький опыт, заставляет нас серьёзно задуматься и сделать всё возможное, чтобы не допустить повторения этого ужаса. Что же мы сделали для этого? Да, в школе уже читают Солженицына по обязательной программе, но ведь в учебных пособиях истории ГУЛАГа уделено максимум полстраницы, да и сама тема трудна для исследования из-за своей засекреченности...

При прочтении этой книги возникает ощущение какой-то опустошённости, безвыходности и непонимания неоправданной жестокости одних людей по отношению к таким же, как и они, людям, жителям одной и той же страны, одного и того же города, одного и того же села....Зачем надо натравливать одних на других, сеять рознь, холодное безразличие, равнодушие, чёрствость и жестокость по отношению к человеческим судьбам, что, как верно отмечает И.В. Добровольский, просто не может оставаться без последствий для прошлого, современного и многих будущих поколений. И действительно, влияние той психологической травмы, того шока и озлобленности, мы чувствуем и по сей день, и ещё долго будем ощущать....Это выражается в страхе, в боязни, в замкнутости, в доносительстве. Плюс ко всему вечная вера русского народа в то, что, чтобы власть не делала, всё к лучшему, не говоря уже и о вечном отсутствии сознания своих гражданских прав и полном бесправии. И эти исторические особенности менталитета ГУЛАГ только усугубил.

...было бы не вредно познакомиться с этой работой нашим, иногда слишком ретивым политическим деятелям и некоторым «патриотам», выходящим на демонстрации с портретами Сталина и агрессивными лозунгами. Несомненно, эту книгу следует прочитать и людям старшего поколения, которые выросли на советских, не отражающих реальность, газетах и горько сожалеющих о распаде СССР. Да и вообще, эта книга нужна всем.

Гольшев Н.В.

1-й курс

Я считаю, что историю ГУЛАГа надо изучать подробно, т.к. знать прошлое своей страны необходимо. Вовсе не для того, чтобы «не повторять ошибок прошлого», я думаю, что это в масштабах страны, народа, невозможно, а для того, чтобы суметь просчитать эти ошибки и «смягчить падение».

...К сожалению (хотя об этом нельзя сожалеть или не сожалеть), сущность, менталитет русского человека был изначально воспитан на единовластии, самодурстве и деспотии стоящих у власти. Поэтому избежать повторения невозможно. Знание истории ГУЛАГа, на мой взгляд, может вызвать вражду поколений, т.к. молодежь имеет все основания презирать всех людей, живших в то «страшное 75-тилетие». И за то, что одни «люди» истребляли других, и за то, что эти другие молчали. И тем более за то, что те, которые молчали, сейчас идут и голосуют за дальнейшее молчание. Эти люди и составляют тот «процент (40 %) взрослого населения», голосующий за коммунизм.

Россия - это маленький ребенок, который обжегся, но все же лезет за спичками, в надежде на то, что в следующий раз это не повторится.

...История ГУЛАГа на данный момент особенно актуальна, когда страна стоит на грани повторения опыта, так называемого «коммунизма».

Студент пожелал остаться неназванным

После прочтения книги «ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои» я еще больше убедилась в том, что тема лагерей не может остаться забытой. Подобные чудовищные ошибки нельзя простить. Иначе мы простим миллионы загубленных человеческих жизней, среди которых тысячи детей и подростков. ГУЛАГ можно сравнить с войной: никто никогда не узнает точное количество жертв. В лагерях разбивались судьбы, разрушались семьи...

Часто самые лучшие умы СССР попадали в эту репрессивную машину. Разве можно гордиться их изобретениями, сделанными в неволе?

...Фактически это было рабство. Люди были покалечены, как морально, так и физически.

...Удивительно, что при такой огромной массе заключенных, мало кто в то время, живших на свободе, знал об ужасах ГУЛАГа. А ведь это целое поколение! И я думаю, что нынешняя молодежь сможет лучше понять жизнь и проблемы своих предков, если будет знать о нравах и морали не такого уж и далекого прошлого.

Татарская Дарья

1-й курс

Я прочитала книгу «ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои»... Меня очень заинтересовала статья «кадры ГУЛАГа», где описаны начальники, работавшие в ГУЛАГе. Я была шокирована, узнав, что это были люди чаще всего необразованные, направленные не работу в ГУЛАГ насильно, люди, имевшие ранее судимость. Мне кажется они, по сути сами преступники, просто не имели права руководить в таком месте. Все перевернулось с ног на голову. Заключение, отбывавшие наказание, были часто невиновны. Среди них было много интеллигентных, образованных людей, а ими руководили необразованные уголовники.... Меня поразила та жестокость, с которой начальники для демонстрации своей власти издевались над заключенными: заставляли «лечь в грязь и ползти по-пластунски», натравливали «на уставших, изможденных людей сторожевую собаку, ежеминутно угрожая применить оружие».

...Многие пожилые люди верили и верят в Советскую власть. Не пора ли открыть им глаза и рассказать правду о тех ужасах, о загубленных ГУЛАГом судьбах. Я считаю, эта книга очень полезна, познавательна и важна, особенно в наше время, когда коммунистическая партия занимает такой высокий рейтинг. Многие просто не знают о тех ужасах того времени.

Зверева Катя

1 курс

Безусловно, история ГУЛАГа нуждается в изучении хотя бы потому, что ко многим архивам сейчас получен доступ. И сейчас это особенно необходимо потому, что свидетелей остается все меньше и меньше.... Не каждый человек может хранить пережитое в себе. А рассказать, открыться некому. Людям нужна возможность поведать наконец правду, они и так слишком долго молчали.

...В своей статье «Каково прошлое - таково настоящее и будущее?»

И.В. Добровольский рисует довольно мрачную картину связи прошлого с настоящим и закономерное влияние на будущее. В целом он, безусловно, прав. Но в одном с ним трудно согласиться - теперешняя безжалостность к слабым и незащищенным, безразличие к собственному народу - все это вызвано не традицией прошлого, а скорее страхом прошлого. Раньше люди боялись, боялись сказать лишнее, боялись наказания ни за что. Теперь же они получили свободу, которая развязала им руки. И выяснилось, что людей ничего больше не объединяет, каждый замкнулся в своей раковине. Страх перед прошлым заставляет забывать о других и думать лишь о своей шкуре.

Точно предугадать, поможет ли освещение истории ГУЛАГа остановить насилие в будущем и предупредить нарушение прав человека невозможно,

но если серьезно взяться за это дело: ввести отдельный курс лекций по истории ГУЛАГа в университетах, расширить доступ к документам, установить отношения с жертвами ГУЛАГа или с их семьями....Может быть, доступ новой информации поможет не допустить ошибок прошлого в будущем.

...Одним из недостатков работ, посвященных истории ГУЛАГа, является то, что нигде нет ни одного воспоминания «кадров» ГУЛАГа, их отношения к людям, которые находились в их прямой власти. Остались же семьи людей, которые работали в ГУЛАГе, как они относились к этому, что чувствовали. Конечно, мало кто решится рассказать об этом другим, но если в людях умерли еще не все человеческие качества, может им захочется исповедаться.

...Бывшие репрессированные больше других нуждаются в этих фактах. Уже на прожитую жизнь стало наконец возможным взглянуть через призму истины.

Агеева Кира

1-й курс

...Мы должны знать историю нашей страны, какой бы трагичной она ни была. История ГУЛАГа требует от нас внимательного и подробного изучения. Без этого невозможно понять весь трагизм той эпохи и боль миллионов людей, которые пережили ее. Гласность, честный и объективный разбор ошибок, открытое обсуждение острых проблем экономики и политики. Про историю ГУЛАГа нельзя сказать «прошлое в прошлом». После ее изучения необходимо извлечь уроки из прошлого и сделать все возможное для того, чтобы это больше никогда не повторилось....От истории ГУЛАГа нельзя отмахиваться потому, что она затрагивает многие другие вековые проблемы нашего государства: уровень нравственности, правового сознания, культуры людей....Мы нуждаемся в изучении этой части нашей истории, так как наши сегодняшние проблемы во многом уходят своими корнями в тот сложный и трагический период. Людскую боль можно вылечить только правдой и честным изучением прошлого.

...С моей точки зрения издание подобных книг не вызовет вражды поколений. Такие книги будут способствовать формированию у молодого поколения чувство ответственности за судьбу своей Родины, непримиримости к любым формам нарушения прав человека, стремление искоренить и не дать возможности появиться вновь подобным явлениям.

...Литература такого содержания поможет молодежи понять старшие поколения, способствует сближению поколений. Молодежь нужно приучать к правде. Какой бы горькой она ни была.

Мне понравилась статья И.В. Добровольского «Каково прошлое - таково настоящее и будущее?». Статья эта очень злободневная и заставляет о многом задуматься....Я согласен со всеми вопросами, затронутыми автором, кроме последнего. Я не думаю, что в случае прихода к власти коммунистической партии повторится прошлое. Члены нынешней коммунистической партии не участвовали в строительстве ГУЛАГа и массовых репрессиях. Кроме того, прошлое вернуть невозможно. К старому возврата нет. Члены современной Российской Компартии сделали серьезные выводы и больше не повторят его ошибок. В нашем обществе произошли серьезные перемены, в результате которых большая часть населения поняла, что возврата к прошлому нет. Опасности повторения той трагедии нет. Народ и страна изменились полностью. Свобода стала для нас высшей ценностью. Окончательно исчез страх. И не только за семь последних лет после распада СССР. Наше общество менялось и во времена хрущевской «оттепели», и во времена брежневского «застоя», и во времена горбачевской «перестройки». Я уверен - коммунисты не представляют никакой угрозы для страны и они не собираются возвращать то страшное время. Коммунистическая утопия не является античеловечной. Идея справедливости существовала всегда, и она по-прежнему живет в сознании многих людей. Идеалы добра, справедливости, мира и демократии еще получают свое воплощение и развитие. Античеловечными и ошибочными являются методы, которыми коммунистическую утопию пытались претворить в жизнь. Автору этой статьи было бы полезно об этом подумать.

Издание книги «ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои» сейчас очень актуально и необходимо. Она помогает человеку очнуться от сна, в котором он пребывал в течение 75-ти лет существования коммунистического режима.

...Наше общество недостаточно информировано о механизме репрессивной системы 20-50-х годов. Десятилетиями эта тема была для народа «тайной за семью печатями». На этот счет нас обманывали и обманывают.

...Я согласен с точкой зрения Добровольского И.В., что знания и опыт старших поколений есть ценнейшее национальное достояние, на котором могут учиться современные и будущие поколения - как избежать ошибок отцов, дедов и прадедов. С решением этой проблемы медлить нельзя. Извлечение уроков из этой трагедии и преодоление ее последствий нельзя

отодвигать в будущее. Пока мы не уврачуем эту кровоточащую рану, не дожидаться нам уважения к личности и соблюдения прав человека на нашей многострадальной земле. Как говорили в древности: «Опыт - сын ошибок», «Люди мудреют в страданиях и неудачах».

Субханкулов Руслан

1-й курс

Прочитана книга «ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои». Она оставила тяжелое впечатление. Сталин давно умер и пора разоблачить все злодеяния, совершенные им и его сподручными. Ведь по-другому это назвать никак нельзя. Трудно нам, живущим в конце второго тысячелетия, представить масштабы репрессий. Многие люди были осуждены как «враги народа», часто именно как потенциальные враги, не успевшие даже дурно отозваться о советской власти. Сколько детей воспитывалось в детских домах, в ужасных условиях... без любви и ласки родителей. Хочется верить, что все это осталось в прошлом. Но нет.

Как гласит народная мудрость «все новое - хорошо забытое старое». И на вопрос, стоит ли изучать историю ГУЛАГа, нужно ответить утвердительно. Я считаю (и не только одна я), что ГУЛАГ был самой черной страницей в истории нашей многострадальной России. Никогда еще репрессии, зверства, издевательства, причем над своими же гражданами, не достигали такого масштаба. Конечно, самый простой выход - сказать: «прошлое в прошлом». Может воспоминания об этом тревожат раны людей, которых так или иначе коснулись репрессии, но без этого нельзя. Лучше разобраться во всем сейчас, когда стало возможным говорить об этом, еще раз с болью в сердце пережить страшные воспоминания, чтобы больше этого никогда не повторилось. Это не просто недавнее прошлое, которое ушло и больше не вернется. В статье «ГУЛАГ ушел, зона осталась» разбирается, наверное, именно этот случай бесправия узников «Бутырки» и беззакония, которое там царит, плюс переполненные камеры, где не хватает спальных мест, плюс антисанитарные условия - все это так напоминает ушедший, как казалось, в прошлое, ГУЛАГ. Это уже повторяется, хотя и не в таких размерах. Не существует сегодня и репрессий, когда людей необоснованно сажали без суда и следствия. Хотя кто знает, что сейчас творится у нас в следственных изоляторах и тюрьмах. Тюрьма, как и ГУЛАГ, не только не исправляет человека. Она калечит его душу. А откуда пошел этот страх перед зэками? Наверное, это сталинское наследие. Благодаря этому страху зэки не могли рассказать простому народу, находящемуся в неведении, об истинном положении вещей. Их боялись, их

не слушали. Поэтому и было возможным такую громадную организацию как ГУЛАГ оставлять столь долгое время (73 г.!) сокрытым от глаз советских граждан. Необходимо учесть былые ошибки, сделать выводы и не повторять их впредь. Ведь на ошибках учатся (дурак на своих, умный на чужих). Получается, необходимо верить людям, кто на себе испытал страх и ужас ГУЛАГа. А как быть с теми, кто этого не знал и до сих пор отказывается верить в творившиеся в то время злодеяния? Много таких людей, кто был и остался верен Сталину. Не ополчатся ли они против этой правды? Возможно.

...Но вряд ли книги, рассказы, помогут понять старших (я имею ввиду сталинских приверженцев...). Кто, выросший в наше время, сможет хоть чем-нибудь оправдать творившийся произвол? Тем более, что отголоски его слышатся и сегодня.... Действительно, прошлая ненависть и бесчеловечность многочисленных кадров ГУЛАГа оборачивается сегодня безразличием к людям со стороны государства.... В правде, которую так долго умалчивали, нуждаются все.

Михайлова Л.

1-й курс

...Изучать эту трагическую страницу нашей страны нужно, но как и любое другое явление, происходившее в период с 1917-1991г. Если будут открыты архивы и названы все цифры, то ужасной и недопустимой окажется не только история ГУЛАГа, но и вся политика, проводимая советским правительством. Бесспорно, ГУЛАГ займёт одну из высших позиций в рейтинге происшествий по количеству жертв. «Прошлое не должно оставаться в прошлом», даже если об этом очень тяжело вспоминать. Трудно сказать, насколько это поможет предотвратить насилие в будущем. Так, например, несмотря на известные всем последствия фашизма в Германии, по всему миру до сих пор находятся последователи и продолжатели идеологии Гитлера.

Теперь я остановлюсь конкретно на статье И.В. Добровольского «Каково прошлое - таково настоящее и будущее». Скажу сразу, что я не совсем согласна с основной мыслью этой статьи. Автор считает, что: «В нашей стране присутствует прошлое - и не только, воспоминание или объект для изучения историков, как реальный фактор, формирующий жизнь и поведение людей». В какой-то мере, это, безусловно, так, но здесь объективным объяснением безжалостного поведения верхних слоёв нашего общества по отношению к окружающим, может быть не только их прошлое. У людей впервые, после падения советской власти, появилась возможность

захватить власть и заработать большие деньги, что они и делают, не пренебрегая ничем в достижении цели. Мне кажется, что это в людях говорит их прошлое. Но я согласна с тем, что если открыть все преступления с 1917-1991 гг., то это заставит задуматься общество над своими ошибками. Возможно, общество поймёт, что если Россия будет продолжать оставаться страной без правовой системы, без действенной защиты прав человека и гражданина, то наше будущее будет не многим лучше прошлого. Пока права человека в России не перестанут быть лишь формальностью - ничего не изменится в лучшую сторону. В настоящее время многие тюрьмы России чем-то напоминают лагерь ГУЛАГа. Преступность растёт из-за того, что человек, выходя из тюрьмы, вынужден вернуться к прежней жизни, т.к. наше государство не даёт возможности встать на ноги. Очень часто люди не могут вернуться из зоны домой, потому, что элементарно не имеют денег на дорогу. Разве наша тюремная система – это не нарушение прав человека?

Колганова Мария

1-й курс

Честно говоря, я никогда не читала книг о ГУЛАГе. Это были отдельные статьи, главы в учебнике, которые скорее констатировали факт наличия этой системы, но не описывали её с точки зрения пострадавших.

...Многие наши современники даже не знают, как расшифровывается слово ГУЛАГ, а ведь эта эпоха требует изучения и не поверхностного, а самого, что ни на есть, тщательного, хотя бы потому, что, наверное, нет ни одной семьи, члены которой не пострадали бы от тоталитарной системы. А ведь это наши бабушки, дедушки, как верно замечает Добровольский, родная кровь.

...Такие книги необходимо читать всем, но молодому поколению, в особенности. Мы выросли сытыми, одетыми - какой уж там ГУЛАГ! Человек, не знающий о том, как умирали из-за куска хлеба, не сможет оценить этот хлеб и то, что он каждый день лежит на его столе. Мы не имеем права забывать то, каким трудом добывались миллионы тонн золота, серебра, меди, угля и т. д., политые кровью и слезами миллионов людей. Сейчас не имеет смысла искать виновных в этом, потому что это ничего не изменит, никому не поможет.

Я абсолютно согласна с И.В. Добровольским в том, что «каково прошлое, таково настоящее и будущее», если вовремя не исправить ошибки. Зло имеет особенность перевоплощаться и нужно уметь разглядеть его под маской гласности и демократии. Но в одном я не согласна с автором, вернее, не то, чтобы не согласна, но мне кажется, что подобная книга не должна

включать в себя политическую агитацию. Да, мы не понаслышке знаем о том, что такое коммунизм, но получается, что горе народа описывалось только ради политической пропаганды.

Прочитав эту книгу, невольно задашь себе вопрос: «А что же пришло на смену ГУЛАГу?» Очень часто можно услышать или увидеть что-либо о местах лишения свободы. Тюрьмы переполнены, пищи не хватает, права заключённых нарушаются. Разве это не отголоски Гулаговской системы? В этом отношении актуальность книги не может быть поставлена под сомнение. В ошибках всегда найдётся кого обвинить. Но что мы делаем для того, чтобы их исправить? - ничего. Именно равнодушие поощряет беззакония и становится чертой менталитета: «Моя хата с краю - ничего не знаю».

...Очень удачно, я думаю, приведены выдержки из «Декларации прав человека и гражданина», т.к. нарушая нормальное человеческое существование, ГУЛАГ пренебрегал не только общечеловеческими нормами, но и нарушал закон, что, как известно, влечёт за собой уголовную ответственность. Но кого наказывать - неизвестно.

...В школах можно было бы устраивать коллективные обсуждения книги, приглашая бабушек, дедушек, людей, которые могли бы поделиться своим горем.

Щедрина Дарья.

1-й курс

...Книга изобилует большим числом документов, которые также наводят на размышления. Таким образом, авторы предлагают читателю самому разобраться в сложившейся ситуации того времени. Подробно разработана тема лагерной экономики. То, на чем она держалась, строилась и почему была выгодна государству вместе с бесплатным трудом заключенных - догадаться нетрудно, после прочтения соответствующей статьи в книге. Очень много всевозможных статистик, цифр, данных в беспристрастном, в основном современном, стиле. Тем не менее, все это несколько напоминает диагноз, который усталый от тяжелого рабочего дня врач, выносит больному, не спрашивая его о причинах болезни. Как у меня складывается впечатление - задача книги заключается в том, чтобы показать ужасы сталинского режима, вызвать их осуждение у читателя и не допустить возврата к коммунистическим идеалам. Но, к сожалению, среди некоторых современников наших еще теплятся настроения вернуться к прошлому. Они видят только военную мощь СССР, хорошие должности, победу 45 г. и пятилетки, закрывая глаза на красный террор, 1937-ой год, гонения на

церковь, репрессии, расстрелы и многое другое. Думаю, книга «ГУЛАГ» должна быть адресована в первую очередь людям такого рода. Да, но почему бы все это не указать в предисловии? Вероятно, читатель сам без труда догадается о цели издания книги. Но что же лежит в глубине, за всей внешней драматической ситуацией, в которой оказались люди эпохи тиранического режима? Как же стал возможен в России не только ГУЛАГ, но и вообще коммунистическая система, ее насильственное насаждение в умы простых людей, которые и не имели о ней представления? Об этом-то и неплохо было бы замолвить слово в начале вашей книги.

ГУЛАГ и многие другие отрицательные явления первой половины XX века породил глубокий духовный кризис, который заключался в оскудении христианского сознания и православного мировосприятия русского народа. Подверженность западным влияниям, конституции, учения о республике, равенстве, и, наконец, марксистская пропаганда, сделали свое дело в расшатывании веками формировавшейся русской государственности.

Ощущение неопределенности, свободы, от которой веет безысходностью и пустотой, ломка моральных взглядов на жизнь в религиозном стиле и разгром прочих старых устоев, поддерживавших мир и стабильность в обществе, все это принесло с собою октябрьский переворот 1917 г. Оскудение христианского сознания привело к безразличию к судьбе ближних, обесцениванию человеческой жизни. Восприятие государством людей как массы, все это привело к созданию ГУЛАГа. Как мы видим из перечисленных в книге человеческих судеб, эти люди стали безвинными жертвами тоталитарного государства, существование которого было подкреплено абсурдной идеей - создание рая на земле.

В статье Добровольского есть такой вопрос: «Можно ли преодолеть или остановить деградацию и вымирание русского народа, соскальзывание российского государства на роль десятистепенной страны?»

Дается ответ. Он заключается в том, что «надо вскрыть все совершенные преступления с 1917 по 1991-й годы, не ища самооправдания». Да, это вскрытие необходимо подобно операции над больным. Но это «вскрытие» будет бесполезным, если оно не будет происходить с чувством покаяния за грехи предков и за свои тем паче. Но что дальше? Смотреть на преступление и опираться на него, чтобы не допустить подобных событий? Да, необходимо каяться и учиться на своих ошибках, дабы впредь не допускать подобного. Это-то и было бы неплохо дополнить к вышеприведенной цитате из книги.

Но должен быть и процесс врачевания душ людей, путь к оздоровлению общества заключается в возрождении души человека, умягчении его сердца,

огрубевшего от семидесятилетнего правления коммунистов и бездуховного воспитания в тоталитарном государстве. Только православное сознание и восприятие русскими людьми мира и окружающей обстановки способно примирить все противоречия и столкновения повседневной жизни. Только подобное мировосприятие даст стабильность России и исключит всякую возможность повторения тех беззаконий, которые происходили несколько десятилетий назад. Теперь скажем о «МОПЧе». Безусловно, идея создания подобного рода организации положительна для придания современному обществу чувства защищенности законом и формирования правового сознания. Но в жизни Международное Общество Прав Человека не более чем декорация на сцене театра, перед которой происходят совершенно не зависящие от содержания декорации действия. О роли права в обществе можно привести пример. Ну что может, например, ООН с ее уставом и т. д. перед силой США, которые варварски бомбит Сербию, страдающую от албанских террористов: разрушаются храмы, памятники архитектуры, школы, больницы. Гибнут мирные жители. Да ровным счетом ничего не может сделать право, если его нет в душе человека.

Можно сколько угодно засыпать бумажками с указаниями на статьи, конвенции и т. д. Но все это до тех пор, пока не появится сила, перед которой все людские законы разлетаются в пух и прах, а закон будет на стороне сильного...закон должен быть в душе каждого человека, чтобы каждый боялся его нарушить. Такое сознание и подчинение закону дает только христианское православное сознание. Вот вам пример. Старушка, которую выгнали из квартиры предприимчивые бизнесмены с помраченной совестью. Станет ли старушка обращаться в МОПЧ? Или хотя бы в милицию? Все - и милиция, и пострадавший человек - испугаются проблем, которые могут возникнуть.

Макаров Михаил

1 курс.

...Очень радуется, что наше общество доросло в правовом смысле до возможности подобного издания, которое трудно было бы себе представить всего пятнадцать лет тому назад людей, знающих трагическое прошлое, становится все меньше и меньше. Умирают участники, соблюдая негласный закон сохранения молчания, принятый в тоталитарном обществе. Умирают свидетели, получившие минимально доступную в то время информацию.

Для сохранения сведений об этом времени, несомненно, нужны общедоступные книги, причем, чем больше они будут детализированы и завязаны в исторический контекст, тем большую ценность они будут иметь.

Но для того, чтобы вырастить поколение, желающее воспринимать подобного рода информацию, желающее знать собственную историю в подробностях, могущее анализировать исторические факты и учиться на них,...нужно заниматься образованием. К сожалению, проблема образования в России находится в кризисе. Поколение учителей выросло на исправленных учебниках истории, однобоких учебниках литературы, односторонних учебниках русского языка. Для того, чтобы вырастить новое поколение учителей, необходимо начинать с реформирования учебников. Изучать все аспекты нашей истории нужно начинать со школьного возраста и в том числе изучать ее трагические страницы. Если материал данной книги будет включен в учебник Отечественной истории параллельно с углубленным изучением работ А.И. Солженицына на уроках литературы, то можно надеяться на то, что через некоторое время появится некое поколение, воспитанное на достоверных исторических сведениях о недалеком прошлом. Возможно оно, анализируя эти сведения, будет относиться более ответственно к своему настоящему и будущему. Правовой нигилизм российского общества не в последние 70 лет, но задолго до этого. Для того, чтобы остановить и предупредить нарушения прав человека в России, недостаточно освещать тематику выборочно. Построение правового государства требует воспитания образованного в историческом и юридическом смысле человека. И, по моему мнению, все силы МОПЧ должны быть сосредоточены на развитии образования.

В настоящее время эта книга представляет интерес для очень узкого круга людей, специально интересующихся этим вопросом, в основном, для людей, связанных с трагедией репрессий и пытающихся найти подтверждения своим догадкам. Можно было бы предложить эту книгу как дополнительную литературу в школах и лицеях. Но, не имея последовательного критического подхода к событиям, ученики не смогут в должной мере оценить сведения данной работы. Учителя, почерпнув сведения из данных исследований, вряд ли смогут правильно изложить их в контексте учебника истории.

Читая статью И.В. Добровольского «Каково прошлое - таково настоящее и будущее», получаешь идеальный взгляд иностранца на проблемы России. Он глубоко сочувствует проблеме и передает свое беспокойство читателю, но в отличие от автора, читатель погружен в исторический контекст современных событий в России. Проблема нашей интеллигенции в теоретичности. На главный вопрос статьи «Можно ли разорвать этот замкнутый, заколдованный круг? Круг причины и следствия?» автор отвечает: «Да, можно!», но то решение проблемы, которое предлагает автор,

является утопией. Сбором подобной информации о жертвах всех видов репрессий опять-таки должны заниматься исключительно в образовательном контексте на уровне школьных музеев краеведения. Национальная библиотека памяти должна быть сформирована в сознании этих воспитанников.

Куприянов Александр

1-й курс

...История государства - совокупность человеческих дел и именно они делают ее либо выдающейся, либо посредственной. На страницах истории нашего государства периода 1920 - 1950 гг. как ни странно, миллионы людей, которые не совершали тех великих и опаснейших дел, за совершение которых, однако, удостоившихся звания «враг народа». Мы не знали об этом многие годы, но сейчас настало время, когда начали открываться архивы и можно сказать правду, а самое главное - принять ее.

Статьи А.Н. Артемова, И.В. Добровольского - наставление, предостережение от замкнутого круга событий, которого не избежать, не признав и не проанализировав прошлого, которое незримо присутствует рядом. Я абсолютно разделяю их мнение - настало время собирать камни. Поколение наследует поколению, но идти в будущее с завязанными глазами невозможно... Беспристрастно осмыслить и изучить наше прошлое - вот главная цель жизни человека, и необязательно историка. Для большинства та информация, которая содержится в книге - новая, но многие, воспитанные на идеалах стремления к всеобщему счастью того времени, не приемлют ее. «Вождь народов» всегда был прав, все совершалось во благо народа. Эти люди не хотят, да и не могут увидеть и оценить всех тех привилегий, которые по отношению к тому времени они имеют сейчас; хотя бы только то, что они имеют право возмущаться вслух... Здесь прошлое показывает зубы. Дело не только в их особой психологии, но и в том, что сегодняшнее правительство, придерживаясь и желая дальше придерживаться «правильного курса», забыло о них - они озлоблены, т.к. вынуждены влачить жалкое существование, перебиваясь с хлеба на воду. Для остальных же - главное - не запутаться, не позволить уговорами и увещаниями стать предлогом к действию.

Без жалости к себе, страницу за страницей открывать жестокость по отношению друг к другу своих предшественников. Я не думаю, что это может вызвать вражду поколений (она не исключена лишь со стороны тех, кого это непосредственно коснулось: детей, оставшихся без отцов и матерей, тех, чьи братья, сестры были репрессированы) - со стороны всегда гораздо

проще что-то оценивать, о чем-то судить; скорее это будет шоком, непониманием. Сколько боли, страданий, горя осталось там... Мы должны сохранить это для потомков. Об этом нельзя забыть, и именно потому, как пишет И.В. Добровольский, необходима «книга памяти», чтобы этот страшный опыт никогда не повторился, чтобы человечество стало единой семьей.

Конечно, тираж книги «ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои» должен быть увеличен. Эта информация должна достигнуть всех: от учеников школ до политиков, которые в свою очередь должны оказывать посильную помощь, заботиться о жертвах сталинского режима. На нас самих лежит ответственность - никто ничего не решит и не должен решать за нас.

Ковалева М.

1-й курс

Годы ГУЛАГа - это, пожалуй, самые страшные страницы в истории России. Мне кажется, что для людей, прошедших ГУЛАГ, те годы казались страшной вечностью. Живя в постоянном страхе за себя, за свою семью, за детей, они не знали, что творится там, за колючей проволокой ГУЛАГа. Ужасно жить, опасаясь того, что однажды ночью кто-то постучится в дверь, и дети больше никогда не увидят отца.

Так случилось и в нашей семье. Но все тот же страх заставлял на протяжении многих десятилетий хранить эту тайну. «Погиб на фронте» - говорила мне бабушка, пытаясь этим сухим ответом отговорить себя от расспросов о ее отце. Это тот случай, когда человек не хочет, чтобы тербели его рану. Да и время тогда было такое, что возможность сказать слово протеста, не говоря уже о каких-то действиях, против существующего строя, была исключена. Режим коммунистической идеологии, строившийся десятилетия на костях миллионов людей, держал народ в «ежовых рукавицах» и с помощью него создавал миф о светлом будущем, при этом, забывая о способах, которыми оно достигалось.

О том, что прадед был арестован в 38-м, я узнал буквально недавно. Бабушка смутно помнит те дни, ей было тогда только 3 г. Но теперь, когда этот «железный занавес» приподнялся, для меня стало еще более интересна судьба моего предка, подробности его дела. К сожалению, пока невозможно добраться до архивов. Для меня совершенно непонятна причина секретности, когда прошло уже столько времени.

Неведение всегда порождает любопытство, особенно если это касается истории твоей страны. ГУЛАГ - это факт, растянувшийся на десятки лет.

Поразительно, что о нем ничего практически нет в учебниках. А ведь он, по моему мнению, являлся тем фоном, на котором рисовалась история страны Советов. Кто бы мог подумать, что можно просто-напросто вычеркнуть несколько страниц реальных событий, дабы не сгущать краски в стране, где так весело, вольно и хорошо жить.

...Книга «ГУЛАГ» интересна тем, что ее авторы остановились и затронули те вопросы, которые являются базовыми в этой проблеме, а именно: причины ГУЛАГа, осветили рабский труд заключенных, о «добрых людях», служивших в лагерях. Кроме того, неоспоримое свидетельство о жизни в лагерях предоставлены «очевидцами» тех событий. С другой стороны, оглядываясь на режим нашей сегодняшней жизни, невольно понимаешь, что народ сейчас находится в не менее сложной ситуации: он так же слаб и беспомощен, его обманывают, над ним издеваются, отнимают его права. Народ русский всегда был силен духом. Много он пережил, вытерпел. Долго ли еще его будут мучить? Надолго ли хватит у него терпения?

Курдюков Евгений

1-й курс

Россию нужно восстанавливать снизу — повышать правосознание людей. Гражданин должен знать закон и уметь защищать свои права. Для этого была создана Российская Секция Международного Общества Прав Человека. Молодые люди Вам жить в будущей России. Приходите к нам, будем вместе помогать простым людям защищать их права.

РАЗДЕЛ VIII

**ОТКЛИКИ НА ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ:
КАК ЧИТАТЕЛИ ПОМОГАЮТ РАСПРОСТРАНЯТЬ
КНИГУ О ГУЛАГЕ**

Национальная библиотека Республики Коми благодарит за книги «ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои».

Пять экземпляров останутся в фондах Национальной библиотеки Республики Коми, остальные — преданы в библиотеки города и республики.

Директор Национальной библиотеки РК

О.А. Хохлова.

Все книги «ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои»; во-первых, были с большим интересом прочитаны членами нашей секции и нашли большое понимание, во-вторых, сразу же были переданы руководителям правоохранительных органов республики: прокурору, председателю Верховного Суда, министрам юстиции и МВД Республики Мордовия и в места лишения свободы для всеобщего изучения их сотрудниками.

Отмечено, что книга вызвала большой интерес среди работников правоохранительных органов и студентов, проходивших производственную практику в них. Особенно большое значение она имеет для воспитания молодого поколения правоохранительных органов, не искушенного во всех перипетиях 20 века в России.

С уважением, В.М. Гурьянов

МОПЧ

Мордовский филиал

г. Саранск.

Уважаемый Владимир Михайлович!

Искренне благодарим Вас за высланные Вами издания МОПЧ книги «ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои».

Эти книги «ушли»:

- в областную администрацию;
- в учреждения УГ-42/1, УГ-42/12, УГ-42/14, областную больницу УИН УВД, ИЗ-24/1, руководителям общественных объединений, и только два экземпляра остались в моей, вернее — правозащитной библиотеке.

С уважением, Г.К. Дудина.

Архангельский Областной Правозащитный Центр.

Рад был получить эту драгоценную книгу! ...книги нужны. Нет проблем в распространении: по библиотекам, по читальным залам, по школам, ВТУЗ, по общественным организациям.... По прочтению есть вопрос: — почему «герои», а не Жертвы?! Оформление оригинально, в рисунке несет трагические судьбы людей, попавших в мясорубку репрессий, устроенные преступной группой бандитов... Лагерная система стала «воплощением создавшего его государства». 73 г. просуществовала система лагерь-государство. Осужденные выходили из «малой» зоны в «большую». Откуда появился ГУЛАГ?! ... «порожденное большевизмом социально-экономическое явление, корни которого кроются в вековом бесправии народа, произволе и деспотизме властей, в правовых традициях Российского государства, чьи законы всегда защищали и охраняли интересы империи и никогда не гарантировали прав и свобод человека.»...

У моего отца, расстрелянного в 1937 г., тоже был стукач, которого отец уволил за пьянство, а потом снова взял на работу и который, видимо, решил отомстить отцу. Следовательно, проводивший допросы отца, впоследствии был уволен из органов НКВД за недозволенные методы допросов. В материалах 9 пленума, обкома партии зафиксировано, что «при участии Попова М.И. 110 невинных человек брошены в лагеря, 15 безвинно расстреляны, 5 без вины замучены на допросах.» («Северный рабочий» от 4.02.90 г.) Но не все были сломлены пытками деспота-изверга Попова М.И. Мой отец не подписал протокол, который был предложен следователем Поповым.

Герман Мезенцев

МОПЧ, Рабочая группа г. Северодвинска.

и

« Уважаемый г. В.М. Новицкий!

Библиотека музея им. Андрея Сахарова просит выделить 10 (десять) экземпляров книги «ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои».

Книга нам необходима, так как и в музее и в библиотеке есть раздел «Тоталитарное прошлое». В этом разделе собраны материалы по истории сталинских репрессий, метрологии, исследования по ГУЛАГу. В библиотеке и музее мы принимаем школьные экскурсии, в библиотеке они готовят рефераты по истории и граждановедению. В новом учебном году мы планируем организовать факультативный цикл лекций для школьников по проблемам тоталитаризма.

С уважением,

Заведующая библиотекой музея Инна Андреевна Щекотова.

Музей и общественный центр имени Андрея Сахарова

Москва, Земляной Вал, 57, стр. 6.

Я, Зоя Георгиевна Макарова, Елизавета Петровна Редька прочитали книгу «ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои», передав ее каждый по своей цепочке, для ознакомления. По поручению членов МОПЧ я хочу поблагодарить всех, кто принял участие в таком благородном деле, как появление этой книги «на свет». Пожалуй, редко в какой семье не было родственников, которые не прошли ГУЛАГ. ...Книга еще раз напомнит истину тем, кто требует к власти Сталина, т. е. его копию. Такие есть. Они среди нас.

г. Ставрополь

Уважаемый г-н Новицкий!

Книги «ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои» библиотекой получены в целостности и сохранности, за что мы искренне благодарны. Часть книг тут же была передана в районные библиотеки области (получение книг совпало по времени с проведением семинара).

Книги, оставшиеся в нашей библиотеке, конечно же, найдут своего читателя.

С уважением и благодарностью,

Зам. Директора Е.В. Алешко

Государственная Областная Научная Библиотека им. .В.Г. Белинского

г. Калуга

Управление библиотек и информации выражает глубокую признательность за бесплатную рассылку в региональные российские библиотеки 1800 экземпляров книги «ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. (Россия – по дорогам фанатизма и мученичества)», изданной в 1998 г. Международным обществом прав человека.

Благодаря этому дару, книгу увидят и прочтут читатели многих десятков библиотек различных регионов России. Считаем это издание очень нужным с точки зрения осмысления уроков отечественной истории. Надеемся на продолжение сотрудничества.

В.И. Кузьмин

Министерство культуры Российской Федерации

Управление библиотек и информации

Москва, Китайгородский проезд, д. 7.

...считаю, что несмотря на то, что нам, людям старшего поколения, изложенные в книге факты известны на личном опыте, молодому поколению книга весьма и весьма полезна и, конечно, тираж книги очень мал.

И.И. Подерский
г. Ставрополь

«...Страшная по содержанию книга “ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои” обращена не только в прошлое, но и в будущее. Да, нынешнее и будущее поколения наших людей должны помнить и знать о том, что насилие над человеком, ущемление его прав еще не изжиты в нашем обществе. Примеров тому достаточно в сегодняшней действительности».

В. Федоров, «Правда о ГУЛАГе»
25 августа 1998 г.
газета «Новости Пскова»

«...Надо все время напоминать о прошлом. Оно было, оказалось возможным, и эта возможность остается. Лишь знание способно предотвратить ее».

«...Это первая научная книга о ГУЛАГе в нашей стране ...исследование кандидата исторических наук Галины Ивановой «Как и почему стал возможен ГУЛАГ», где рассматриваются такие вопросы, как лагерная экономика, кадры ГУЛАГа, «ГУЛАГ ушел, зона осталась», и раскрывается механизм репрессивной системы 20-50-х годов, его влияние на современность».

Международная Еврейская Газета
№ 31 (231), 1998 г.

Россию нужно восстанавливать снизу — повышать правосознание людей. Гражданин должен знать закон и уметь защищать свои права. Для этого была создана Российская Секция Международного Общества Прав Человека. Молодые люди Вам жить в будущей России. Приходите к нам, будем вместе помогать простым людям защищать их права.

РАЗДЕЛ VIII

МОПЧ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБЩЕСТВО ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
Internationale Gesellschaft fuer Menschenrechte
International Society for Human Rights
Societe Internationale pour les Droits de l'Homme
Sociedad International para los Derechos Humanos

**КРАТКАЯ СПРАВКА
О ЦЕЛЯХ И ПРИНЦИПАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОПЧ**

Международное Общество Прав Человека (МОПЧ) создано в 1972 в ФРГ и является независимой, неправительственной организацией, стоящей на принципах принятой ООН в 1948 г. Всеобщей Декларации Прав Человека. МОПЧ предаёт гласности факты нарушения прав человека в странах, не имеющих надежного механизма общественного и демократического контроля за соблюдением основных прав и свобод, помогает гражданам, борющимся за свои права без применения насилия, оказывает посильную гуманитарную поддержку нуждающимся.

В 1981 г. МОПЧ становится международной Организацией. С начала 80-х годов МОПЧ имеет консультативный статус в Совете Европы (Страсбург), и с начала 90-х - ассоциированный статус при отделе общественной информации ООН.

В настоящее время МОПЧ ведет работу в более чем 90 странах мира, в 30 из них имеются национальные секции Общества. В 1993 г. учреждены Российская, Украинская, в 1996 г. Белорусская, и в 1998 г. Узбекская секции Международного Общества Прав Человека, члены Общества работают и в других республиках СНГ. Постоянно действующие офисы МОПЧ есть в Киеве и Москве. Международный Секретариат Общества находится во

Франкфурте-на-Майне. Наиболее важные вопросы деятельности МОПЧ решает Международный Совет, в который входят представители национальных секций. МОПЧ работает на пожертвования частных лиц, фирм, церковных общин. Около 200 тысяч человек в разных странах поддерживают МОПЧ и участвуют в его работе. Особое внимание МОПЧ уделяет информационной деятельности. Издаются сборники документов, материалы ООН и Совета Европы по правам человека, информационные материалы о конкретных фактах нарушения прав и свобод. Выходят на немецком языке газета «За права человека» и журнал «Права человека». На русском языке изданы сборники международных документов по правам человека, брошюры о положении в армии, в пенитенциарных учреждениях, «Введение в демократию», «Белая книга России», «ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои» и др., где содержится анализ соблюдения прав человека и рекомендации по положительному изменению ситуации.

МОПЧ проводит в СНГ проекты, направленные на укрепление демократии и обеспечение прав человека. Среди них: «Развитие гражданского общества в СНГ», «Права человека в вооруженных силах» и другие.

Права человека в СССР, позднее в СНГ, интересуют МОПЧ с первых лет его существования (1972). Общество поддерживает и активно участвует во всех положительных изменениях правовой обстановки в странах СНГ. МОПЧ не является оппозицией тому или иному правительству в той или иной стране. Мы определяем свое отношение к действиям правительств в каждом конкретном случае: критикуем либо высказываем одобрение. Общество, как организация, не участвует в выборах, не выдвигает своих кандидатов и не входит в блоки с другими организациями или партиями. Члены МОПЧ могут участвовать в выборах и выдвигать свои кандидатуры, но не в качестве членов Общества, а как частные лица. Граждане СНГ обращаются в МОПЧ с самыми разными просьбами. Однако, основное направление нашей деятельности - защита прав и свобод, закрепленных в Международном Билле о Правах Человека, в Хельсинском и Венском соглашениях и Парижской Хартии. В настоящее время Общество в СНГ уделяет особое внимание проблемам социальной и правовой незащищенности бывших политзаключенных и престарелых, военнослужащих срочной службы, детей, национальных меньшинств, гуманизации мест заключения. Членами МОПЧ могут быть лица, достигшие 16-летнего возраста и не состоящие в экстремистских политических партиях или организациях.

Международный Секретариат МОПЧ:
IGFM, Borsigallee 16, D-60388 Frankfurt/M.
Российская Секция МОПЧ
101485 Москва, Селезневская 11-А, корп.2, ком.909
Тел/факс: (095) 972 2740
Почтовый адрес: Россия, 109240 Москва, а/я 16, В.М. Новицкому

ИНН 7709170608 Секция МОПЧ в России
Центральный филиал МАКБ «Возрождение»
Р/с 40703810600200141427
К/с 30101810700000000442
БИК 044652442

Россию нужно восстанавливать снизу — повышать правосознание людей. Гражданин должен знать закон и уметь защищать свои права. Для этого была создана Российская Секция Международного Общества Прав Человека. Молодые люди Вам жить в будущей России. Приходите к нам, будем вместе помогать простым людям защищать их права.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
I. КАК И ПОЧЕМУ СТАЛ ВОЗМОЖЕН ГУЛАГ	
Г.М. Иванова	11
1. Сомнительных запереть в концентрационный лагерь	—
2. Принудительный труд	40
3. В лагере тоже есть место подвигу	57
4. Кадры ГУЛАГа	80
5. ГУЛАГ ушел, зона осталась	107
6. ГУЛАГ языком документов	116
II. РАСКУЛАЧИВАНИЕ. Т.И. Славко	129
1. Трудовые поселения ГУЛАГа НКВД СССР	—
2. Условия жизни в спецсылке	139
3. Трудовое использование	149
4. Документы	158
III. ГОНЕНИЯ НА ПРАВОСЛАВНУЮ ЦЕРКОВЬ	179
Введение	—
1. Революция и Церковь. В. Русак	181
2. Декрет. Общее. В. Русак	183
3. Осуществление декрета. В. Русак	187
4. Кровавый путь. В. Русак	191
Убийства	—
Аресты	202
«Просто» насилие	222
С высоты птичьего полета	240
Вскрытие мощей	255
Дальше... по кровавому пути	258
По тому же кровавому пути	267
5. Изъятие церковных ценностей. В. Русак	297
6. Собственным голосом В. Русак	305
Реакция Церкви на насилие	—
Крестные ходы	308

7. Смерть в концлагерях Протопресвитер М. Польский	323
60 священномучеников	—
Священник о. Владимир Качковский	325
8. Зверские убийства священников в Гражданскую войну	
Протоиерей Владислав Цыпин.....	329
9. Документы.....	331
IV. НЕЗАБЫТОЕ (Воспоминания жертв репрессий).....	345
V. КАК ЖЕ ЖИТЬ ПОСЛЕ КРОВАВОЙ ВАКХАНАЛИИ ПОД НАЗВАНИЕМ ГУЛАГ?	396
1. Правда, покаяние, примирение А.Н. Артемов.....	—
2. Каково прошлое – таково настоящее и будущее?	
И.В. Добровольский	402
VI. СТАТИСТИКА О РЕАБИЛИТАЦИИ	
Г.Ф. ВЕСНОВСКАЯ.....	408
VII. ЧТО ДУМАЕТ НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ О ГУЛАГе.....	419
VIII. ОТКЛИКИ НА ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ: КАК ЧИТАТЕЛИ ПОМОГАЮТ РАСПРОСТРАНЯТЬ КНИГУ О ГУЛАГе.....	445
·IX. КРАТКАЯ СПРАВКА О ЦЕЛЯХ И ПРИНЦИПАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОПЧ.....	449

КУДА МОЖНО ОБРАТИТЬСЯ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБЩЕСТВО ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Международный Секретариат МОПЧ:

IGFM, Borsigallee 16, D-60388 Frankfurt/M.

Tel.(49)-(69)-420108-0, Fax: (49)-(69)-42010833

Российская Секция МОПЧ

101485 Москва, Селезневская 11-А, корп.2, ком.909

Тел./факс: (095) 972 2740

Почтовый адрес:

Россия, 109240 Москва, а/я 16

В.М. Новицкому

Генеральная Прокуратура РФ

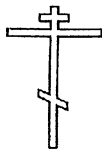
Отдел реабилитации

Начальнику отдела Г.Ф. Весновской

101000 Москва, Большая Дмитровка 15-А

МЕМОРИАЛ

101000 Москва, Макаренко 2/21, стр.2

Вечная память Зинаиде Ивановне Базехес.

Как первая, так и вторая книги «ГУЛАГ: его строители обитатели и герои» изданы на средства русской женщины, Зинаиды Ивановны Базехес, урожденной Златиной.

Зинаида Ивановна родилась в г. Харькове в 1910 г. Во время войны была вывезена на работу в Германию вместе с другими. После окончания войны Зинаида Ивановна вышла замуж за журналиста, австрийского подданного, и проживала в Австрии, Швейцарии, где у нее родилась дочь Зинаида. После смерти мужа Зинаида Ивановна переехала во Франкфурт-на-Майне и была членом православной общины храма Святителя Николая. Мать и дочь жили скромно, хотя дочь, владевшая четырьмя западноевропейскими языками, хорошо зарабатывала. В 1985 г. дочь Зинаида скоропостижно скончалась, и мать осталась одна. Зинаида Ивановна всегда интересовалась событиями в России и до конца жизни оставалась русским человеком. Зинаида Ивановна скончалась после непродолжительной болезни 17 марта 1995 г. и похоронена на православном кладбище в Визбадене. Перед смертью она завещала свои сбережения православной общине и Международному Обществу Прав Человека с наказом издать книгу на русском языке о страданиях русского народа и гонениях на Православную Церковь при коммунистическом режиме. Этот наказ мы и выполнили.

Читатель, если Вы верите в Бога, помолитесь о спасении ее души, рабы Божией Зинаиды и ее дочери, рабы Божией Зинаиды.

ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои

Под редакцией Добровольского И.В.

Ответственный редактор Новицкий В.М.

Художник Зудин А.В.

Сдано в набор 15.9.99. Подписано в печать 12.11.99. Формат 70х100/16
Бумага офсетная №1. Печать офсетная Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 28,5.
Тираж 10000 экз. Заказ № 775

Лицензия ЛР № 062411 от 7.04.098.
Издательско-полиграфическое агентство «Три Л»
105568, Москва, Малый Купавенский пр., д.3
Отпечатано в АООТ "Политех-4"

